

Министерство образования Республики Беларусь
Кафедра социологии и специальных социологических дисциплин
факультета истории и социологии ГрГУ им.Я.Купалы (г. Гродно)

Национальная академия наук Беларуси
Институт социологии НАН Беларуси (г. Минск)

Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) (г. Минск)

**международная научно-практическая конференция
НАРОДЫ, КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ПОГРАНИЧЬЕ**

Гродно 2010

УДК 001(476)(438)(063)
ББК 63.3(4Бел)
НЗ0

Редакционная коллегия:

Бабосов Е.М. (отв. ред.), *Абушенко В.Л.*, *Богущи Т.А.*,
Гапличник Т.И., *Глина В.Н.*, *Котляров И.В.*, *Мысливец Н.Л.*, *Пронько Т.В.*

Рецензенты:

Раков А.А., гл. научный сотрудник ГНУ «Институт экономики
НАН Беларуси», доктор экономических наук, профессор;

Шавель С.А., зав. отделом социологии инноваций
ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
доктор социологических наук, профессор.

НЗ0 **Народы**, культуры и социальные процессы на пограничье :
материалы Междунар. науч.-практ. конф. (22-23 февр., Гродно) /
ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Е.М. Бабосов (отв.ред.) [и др.]. –
Гродно : ГрГУ, 2010. – 417 с.
ISBN 978-985-515-389-5

Содержатся результаты научных исследований в области народонаселения, развития культур и социальных процессов на пограничье. Авторами работ являются ученые, преподаватели вузов, аспиранты и магистранты из Беларуси, Польши, Литвы и Украины. Особое место в сборнике занимают работы, посвященные социокультурным процессам в современном мире. Статьи публикуются в авторской редакции. Адресовано всем интересующимся данными проблемами.

УДК 001(476)(438)(063)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-515-389-5

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2010

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Е.М. Бабосов

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЗДАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МИРОУСТРОЙСТВА НА ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Завершающее свой стремительный бег первое десятилетие XXI века внесло в мировое социально-экономическое и политическое развитие, предопределяемое глобализацией, несколько новых тенденций. Самая примечательная из них состоит в нарастающей нелинейности, многовариантности и непредсказуемости глобальных, региональных и страновых процессов. Эта тенденция резко интенсифицировалась, стала более масштабной и разрушительной под воздействием мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в августе 2008 года и превратившегося к настоящему времени в глобальный системный кризис, охватывающий фактически все стороны жизнедеятельности в большинстве стран мирового сообщества. Скажите, пожалуйста, кто мог два года назад предсказать, что во второй половине 2008 года лопнут ведущие банки ведущей экономики мира – США, что гигантские и могущественные автомобильные корпорации этой страны – Дженерал моторс, Форд, Крайслер окажутся на грани банкротства, что резко возрастут масштабы безработицы в странах Западной Европы, а в Испании, в частности, в тисках безработицы окажется 20% экономически активного населения, практически каждый пятый из стремящихся работать испанцев.

Такие казавшиеся невероятными и невозможными события стали не только возможными, но и неизбежными, повернув в новую плоскость вековую философскую проблему соотношения необходимости, причинности и случайности. Это – в сфере глубинных философско-теоретических экспликаций. А в сфере социально-экономических и политических реалий названная тенденция имеет два чрезвычайно важных, а для развития суверенных государств – судьбоносных проявления.

Первое из них заключается в том, что в ближайшее время, как предсказывают серьезные аналитики во многих странах, в том числе и американские (в частности, Иммануил Валлерстайн и Геральд Селенте) рухнет экономическая и политическая американская мировая гегемония, а США утратят статус сверхдержавы, стремящейся подчинить себе весь мир.

Второе из проявлений названной тенденции, неразрывно связанное с первым, состоит в том, что уходит в прошлое почти 20 лет господствовавшая в геополитике системная модель социально-экономической, политической и социокультурной социодинамики глобализирующегося мира. Это – неолиберальная модель, построенная по принципу вертикального осуществления и столь же вертикального управления глобализационными процессами, держимыми из одного центра, ядром которого являются США.

Основное содержание данной модели сводится к шести пунктам: а) функционирует одномерный мир, центром которого являются США; б) происходит вестернизация (американизация) экономических и социокультурных связей; в) действует единая мировая валюта – доллар и долларовой оборот денег внутри национальной экономики; г) господ-

ствует идеология глобализма, ориентированная на использование ведущей державой мира политических и военно-стратегических рычагов глобализации; д) существует зависимость национальных экономик от мирового финансового капитала; е) происходит увядание государственного суверенитета и национальных культур.

Многообразные варианты практического применения охарактеризованной модели глобальной интеграции хорошо известны. Это и угроза применения Соединенными Штатами и их союзниками экономических санкций против различных государств, включая и Беларусь. Это и варварские бомбардировки бывшей Югославии. Это и военная оккупация Ирака и вооруженное вторжение в Афганистан. Это и организация, дирижирование и поддержка «цветных революций» в Грузии и Украине. Это и инициирование осуществленной режимом Саакашвили военной провокации в отношении Южной Осетии и Абхазии. Это и систематически осуществляемое через Интернет и национальные телевизионные каналы вторжение американизированных вариантов так называемой «электронной культуры» в информационное пространство многих государств.

Одной из последних гримас практического использования охарактеризованной модели глобальной интеграции явился разрабатываемый новый план США по размещению обновленной архитектуры противоракетной обороны (ПРО) в Европе, о чем сообщил недавно директор отдела разработки политики в области ПРО в Пентагоне Пипино Дебиасо. Из сделанного им сообщения вытекает, что Румыния готова разместить у себя системы слежения и ракеты SM-3. Кроме того, Дебиасо заявил: «Мы обсуждаем с турецкими партнерами вопросы ПРО, как и со всеми другими членами НАТО», уклонившись от ответа на вопрос, собираются ли США дислоцировать SM-3 и в Турции. Необходимо также меть в виду, что ранее заявила о готовности разместить у себя мобильные противоракеты SM-3 – Польша. Недавно премьер-министр Болгарии заявил, что его правительство ведет переговоры о размещении американских систем ПРО в Болгарии. К тому как минимум три корабля ВМС США с противоракетами на борту будут осуществлять патрулирование в Средиземном и Северном морях, как бы замыкая тем самым кольцо окружения России и ее союзников (а их-то остался только один – Беларусь) с западного направления.

Естественно, в такой ситуации Россия не может оставаться безучастным свидетелем происходящего. Напомню, что в феврале 2010 г. Президентом Д.А. Медведевым утверждена новая Военная доктрина России, в которой в отличие от доктрины, принятой 10 лет назад, четко и недвусмысленно утверждается, что в настоящее время главную военную угрозу России представляет блок НАТО и его продвижение на Восток, что в соответствии с этим Россия примет меры более сильного характера, чем возникающие угрозы, и усовершенствует мобилизационную военную подготовку. И под таким заявлением имеются убедительные основания. Напомним, в частности, что в ответ на проведенные США вместе с Грузией военно-морские боеучения в восточной части Черного моря, Россия вместе с Венесуэлой провела боевые учения отряда кораблей Военно-морского флота в Карибском бассейне – под боком США. Напомним также, что в России в знаменитом Курчатовском институте недавно изобретено не имеющее аналогов в мире сверхмощное оружие с использованием нанотехнологий, которое знающие специалисты называют «папой» или «мамой всех бомб». В корпорации «Сухой» завершаются работы по созданию и испытанию истребителя пятого поколения Т-50 – принципиально новой боевой машины, обладающей рядом уникальных особенностей – сверхманевренностью, малозаметностью, принципиально новой цифровой системой управления. Кроме того, российский оборонно-промышленный комп-

лекс приступает к разработке нового стратегического ракетноносца. Все это подтолкнуло американскую администрацию к ускоренному завершению и согласованию текста нового договора с Россией об ограничении объемов стратегических наступательных вооружений, который будет подписан в апреле текущего года.

В этом контексте представляются перспективными достигнутые в марте 2010 г. договоренности о создании новой европейской архитектуры безопасности в переговорах в Париже между Президентом России и Францией, к которым, судя по всему, готова присоединиться и Германия. Очень важно, что в этих договоренностях сделан акцент на необходимости промышленной кооперации двух стран, на разработке и осуществлении совместных проектов в энергетике, авиастроении, автомобилестроении, железнодорожном транспорте. Достаточно сказать, что бизнес-связи двух стран принесли России 10 млрд. долларов накопленных инвестиций, вкладываемых, кстати сказать, не в сырьевую экономику, а в перерабатывающие предприятия.

В этом же ключе шло обсуждение проблем экономической интеграции на состоявшемся недавно в Москве экономическом саммите стран СНГ. Там была подчеркнута важность таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, к которому, скорее всего, присоединится и Украина. На этом саммите высказана очень конструктивная идея о необходимости превращения таможенного союза в общее экономическое пространство, не имеющее границ для перемещения между странами идей, финансов, рабочей силы и товаров, а затем – и об экономической интеграции стран СНГ со странами Евросоюза. Таким образом будет осуществляться экономическая интеграция на огромном пространстве от Атлантического до Тихого океана.

Именно такого рода совместные межстрановые договоренности и вытекающие из них конкретные мероприятия в области макроэкономического развития (а их количество и масштабы, несомненно, будут с течением времени возрастать) создают предпосылки и возможности преодоления финансово-экономического кризиса, который стал ускорителем и детонатором неизбежного ухода с мировой геополитической и экономической сцены господствовавшей на протяжении почти двух десятилетий неолиберальной, американизированной в своей сущности, модели глобальной и региональной интеграции.

Подчеркнем в связи с этим, что кризисные процессы в современном мире, начавшиеся в сфере финансов, захватили не только экономику, но все стороны жизнедеятельности большинства народов мира, кризис стал системным. Поэтому в выступлениях Президента России и Председателя КНР в последнее время выдвинута и обоснована концепция радикального трансформирования мировой экономической и политической систем. Речь фактически ведется о создании новой архитектуры мироустройства, которая создавала бы возможности глобальной интеграции, не сопровождающейся разрушительными глобальными кризисами. Следовательно, о том, чтобы не допускать новых волн глобального кризиса. А это предопределяет необходимость разработки принципиально новой теоретической модели глобальной интеграции – синергетической (полицентрической). В этой модели внимание сфокусировано не на вертикальных или центростремительных, а на многообразных горизонтальных связях между странами и континентами – экономических, политических, научных, информационных, социокультурных при акценте на сохранении самобытности различных народов, их национальных культур и суверенных государств. Основные компоненты этой модели состоят в следующем:

а) формируется многополярный мир; б) утверждается синергетическая (полицентрическая) схема экономического и социокультурного развития мирового сообщества;

в) осуществляется создание резервных мировых валют (юань, рубль) и сохранение универсальной роли национальной валюты на внутренних рынках; г) достигается приоритет экономических и социокультурных факторов глобализации над военно-политическими; д) происходит активное взаимодействие национальной и мировой экономик; е) осуществляется развитие национальной экономики в социальном, политическом и культурном контексте суверенной страны, дальнейшее обогащение национальных культур.

Какие аргументы можно привести для обоснования необходимости конструирования новой архитектуры мироустройства и соответствующей ее сущности и содержанию теоретической модели глобальной интеграции?

Первое. Оставаясь на протяжении ближайших нескольких лет самой могущественной в экономическом и военно-политическом отношении уникальной сверхдержавой и глобальным лидером, США неизбежно начинают утрачивать (и чем дальше во времени, тем быстрее), позиции единственного центра мировой макроэкономической и цивилизационно-культурной социодинамики. Неизбежность такого сценария предопределяется тем, что непомерным грузом для успешного социально-экономического развития этой страны становится «черная дыра» постоянно растущего государственного долга, достигшего фантастической цифры в 5 триллионов долларов.

Второе. Неизбежность такого сценария обусловлена и тем, что реальная обесценность доллара гораздо меньше его официального номинала (по подсчетам известного российского экономиста, академика Львова она соответствует 5 российским рублям, но отнюдь не 30, по которым в России ныне покупается доллар), а за пределами США «зеленых» находится в обращении как минимум в 5 раз больше, чем внутри страны. В обмен на эти нарисованные цифры США пока еще получают реальные ценности на триллионы долларов: сырье, энергию, произведения искусства из разных стран. В результате, имея 5% населения планеты, США потребляют 40% мировых ресурсов. Даже школьник усомнится, что столь огромная диспропорция объясняется большой трудоспособностью американцев, около 40% которых в трудоспособном возрасте нигде не работают. Не нужно быть большим пророком, чтобы предсказать радикальной изменение в ближайшей перспективе такой ситуации не в пользу США.

Третье. Неизбежность предлагаемого сценария детерминирована и тем, что страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай, по оценкам очень серьезных аналитиков, в том числе и американских, демонстрируют более высокие темпы экономического развития, чем США, а Китай, ВВП которого ежегодно возрастает на 10–12%, на протяжении второго десятилетия XXI века сравняется в экономическом могуществе с США (разумеется, в объемах ВВП, а не в расчете на душу населения), а может быть и превзойдет их.

Четвертое. Еще один аргумент в пользу предлагаемого варианта конструирования новой модели глобальной интеграции и создания новой архитектуры мироустройства заключается в следующем. Недавние договоренности между президентами России и Франции, президентами Беларуси, Венесуэлы и Бразилии убедительно свидетельствуют о том, что наиболее перспективный путь сохранения и упрочения мировой цивилизации и культуры – это не бряцание оружием, не запугивание друг друга сверхбомбами, новейшими модификациями подводных лодок и сверхманевренных истребителей, а усиление стратегического партнерства России и Беларуси со странами Европы, с Китаем и США, о вовлечении в такое партнерство всех регионов и государств земного шара.

Наконец, следует сказать еще об одной важной, даже судьбоносной тенденции. Отживающая свой век однополярная американизированная модель мироустройства

стремилась подмять под себя государственные суверенитеты, национальные языки и культуры, навязать всем унифицированные стандарты пресловутой масскультуры. Ее основная максима: чем больше разрушено национальных и культурных корней, тем больше общество становится массой эгоистичных и циничных потребителей, у которых утрачиваются личностные качества и нравственные ценности и которые вследствие этого достаточно легко поддаются манипулированию. В условиях глобальной интеграции стабильность и сила общества в решающей степени зависит от пропорции «массы» и «народа». Чем больше общество – масса унифицированных потребителей, тем оно слабее. Чем больше общество – народ, в котором объединены личности на основе общего менталитета, национальной культуры и традиций, тем оно сильнее. Поэтому двумя важнейшими компонентами новой архитектуры глобальной интеграции должны стать: а) активное взаимодействие национальной и мировой экономики, взаимовыгодное для всех участвующих в таком взаимодействии стран; б) неразрывно связанное с этим развитие национальной экономики в социальном, политическом и культурном контексте суверенной страны, дальнейшее развитие национальных культур.

В связи со сказанным следует напомнить интересные высказывания двух влиятельных американских социологов. Широко известный – профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон в своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций», изданной на русском языке в 2003 году, утверждает, что активно навязываемая всему миру американская гегемония «приводит к возрождению незападных культур во всем мире». А Джон Нейсбит в своей не менее известной книге «Мегатренды», изданной на русском языке в том же году, пишет о том, что «глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении». В результате этого «шведы станут более шведскими, китайцы – более китайскими, а французы... – более французами». Соглашаясь с этим утверждением, мы должны добиваться, чтобы белорусы стали в условиях глобальной интеграции «более белорусскими», чтобы в полной мере сохранялось и приумножалось в нашей стране то, что великий песняр белорусского народа Янка Купала называл «беларушчынай». А для этого необходимо сфокусировать внимание на сохранении, воспроизводстве и обогащении национальной культуры, чтобы люди, живущие в Беларуси, не превратились в массу бездуховных потребителей, а сохранили и приумножили в своей жизни базовые ценности белорусского народа, воплощенные в его культуре. В этом будет состоять очень важный вклад Беларуси в создание новой архитектуры мироустройства в условиях глобализации.

И.В. Котляров

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ (социокультурные и политические аспекты)

Начало нынешнего столетия отмечено глобальным финансово-экономическим кризисом, который затронул практически все государства мира. Одной из важнейших задач в нынешних условиях является научный анализ сложившейся ситуации, поиск выхода из сложнейшей ситуации, совершенствование государственного управления.

Для эффективного изучения социально-экономической и политической ситуации в стране, принятия правильных социальных управленческих решений в Институте социологии НАН Беларуси с 1990 года проводится **социологический мониторинг** – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария. Выборочная совокупность опрошенных представителей различных социальных групп и регионов республики репрезентативна, что позволяет считать результаты социологического мониторинга достоверными, отражающими общественное мнение и оценочные суждения жителей Беларуси. Важнейший вывод многолетнего мониторингового социологического исследования – Республика Беларусь как сильное и независимое государство состоялась. Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государству энергично и эффективно развиваться по всем направлениям. Социологические исследования показали, что, несмотря на сложную социальную ситуацию, экономические и финансовые проблемы, колоссальное давление извне, белорусский народ движется вперед.

Социально-политическая и экономическая ситуация в Республике Беларусь на протяжении последних 15 лет характеризуется стабилизацией большинства социально-политических и экономических параметров. Об этом говорит факторный анализ результатов социологического мониторинга. Каждые четыре из пяти опрошенных считают себя в полной безопасности на улицах своего населенного пункта, девять из десяти – в собственном жилище, три четверти – в общественных местах (на стадионах, концертах и т.д.). В то же время самая сложная социально-политическая и экономическая ситуация в Беларуси, по мнению респондентов, была во времена правления С. Шушкевича, М. Гриба, В. Кебича. Например, в 1992 году 95 процентов населения страны считали, что в ближайшем будущем произойдет социальный взрыв. С избранием Президентом страны А. Лукашенко социально-политическая и экономическая ситуация стала постепенно улучшаться [3, с. 61–68].

Для каждого жителя нашей страны особый интерес представляют ответы на вопрос: **«Какие проблемы вызывают у Вас наибольшее беспокойство?»** Как показали результаты мониторинга, самыми острыми проблемами являются **состояние здоровья и цены на продукты и товары первой необходимости** (так ответили чуть менее половины опрошенных). Интересно отметить, что в первый год после объявления независимости нашей страны 95 процентов населения страны были возмущены ростом цен на товары и продукты питания. Качество и доступность медицинского обслуживания, уровень оплаты труда сегодня беспокоят почти каждого второго жителя страны. Следует отметить, что только каждого восьмого волнуют экологические проблемы. Пятнадцать лет назад таких было две трети. Однако целенаправленная работа белорусского государства по устранению последствий чернобыльской катастрофы значительно уменьшила число людей, опасаящихся плохой экологической ситуации.

Для анализа гуманитарных аспектов гражданского общества особый интерес представляют ответы жителей страны на важный вопрос: **«Что помогает бороться и справляться с жизненными проблемами и сложностями?»** Самая огромная надежда у подавляющего числа граждан в сложном положении – на **семью** (1 место). Более половины респондентов считает, что семья помогает во всех жизненных ситуациях, более четверти – в большинстве случаев. Во многом благодаря наличию в обществе благополучных семей крепнет и развивается государство. В то же время, во-первых, следует отметить и то, что чуть менее четырех процентов наших граждан заявили, что семья вообще не помогает ни в каких ситуациях. Во-вторых, авторитет семьи начинает падать. Почему? Оказывается, например, что у некоторых молодых людей вопросы формирования семьи и удовлетворения сексуальных потребностей находят-

ся в разных плоскостях. Многие женщины не хотят рожать или делают аборт, не хотят детей и многие мужчины. Есть семьи, которые не могут позволить себе иметь более одного ребенка. Однако следует отметить, что некоторые семьи не могут позволить себе ребенка, однако покупают дорогие автомобили, мебель и многое другое. Не поэтому ли растет число разводов? Если раньше быть матерью-одиночкой считалось позором, то сейчас это считается нормой. Многие женщины в «бальзаковском» возрасте вообще предпочитают обходиться без мужей. Часто и молодые девушки считают, что лучше не иметь семью. Желание иметь детей у них быстро проходит. Особенно когда вокруг тебя столько соблазнов, зовет красивая жизнь и золотые огни ресторанов, карьерный рост совершенно не хочется терять. Да и зачем обременять себя лишними заботами и обязанностями перед семьей? Или что еще хуже – оставаться дома и воспитывать детей. Ответы на эти вопросы должна дать социологическая наука.

Чуть менее половины респондентов считает, что выжить им в сложнейших ситуациях помогает **вера в Бога** (5 место). Причем более четверти опрошенных убеждены, что помогает во всех ситуациях, шестая часть – в большинстве случаев, одиннадцатая часть – в некоторых ситуациях. Причем такое отношение к Богу характерно как в городе, так и в селе. Это и не удивительно, так как две трети жителей Беларуси считают себя верующими. Причем к православию себя относят более семидесяти процентов, к католицизму – менее десяти процентов, к протестантизму – один процент. В то же время церковь, костел, синагогу и т.д. регулярно посещает только каждый десятый опрошенный, половина – изредка, треть – не посещает никогда. Постоянно возникает вопрос: является ли верующим тот, кто не ходит в храм, не может отличить Новый завет от Ветхого, не знает своего священника?

Только 11 место в рейтинге наиболее эффективных социальных институтов, способствующих решению сложных проблем, занимает **образование**. 14,8 процентов респондентов ответили, что оно помогает во всех случаях, 18,2 – помогает в большинстве, 20,9 – помогает в некоторых случаях. 14,1 процента жителей страны считает, что оно не помогает вообще никогда. Следует выделить некоторые причины подобного положения. Социологические исследования показывают падение качества образования. Массовое высшее образование привело к созданию новых филиалов, представительств, отделений, в которых, как правило, обучаются студенты, уровень подготовки которых значительно ниже среднего. Резко упало качество и профессорско-преподавательского состава. В настоящее время треть профессорско-преподавательского состава не имеют степени доктора или кандидата наук. В государственных вузах таких преподавателей пятая часть. В 1995 году в белорусских вузах было треть докторов и профессором в возрасте 60 лет и старше, сейчас их – четыре пятых. В 2007 году диссертации защитили около 10 процентов аспирантов и соискателей, в прошлом – только 4,5 процента. Более трети диссертантов в будущем вообще не собираются заниматься наукой. Зарплата в вузах, особенно доцентов и старших преподавателей, явно не привлекательна для инициативных и амбициозных молодых людей. Например, средняя заработная плата банковских работников значительно выше, чем профессором. В Кодексе об образовании этот вопрос стыдливо обойден. Социологические исследования выявили и другие проблемы, которые очень волнуют как профессорско-преподавательский состав, так и студентов. Это:

1. Снижение социального статуса педагогических работников.
2. Рост уровня безработицы среди выпускников вузов.
3. Отсутствие четко сформулированных требований к выпускникам вузов.
4. Полное отсутствие воспитательной работы.

В ближайшее время мы проведем исследования, касающиеся качества национального образования, определим рейтинг всех вузов страны, предложим конкретные меры по повышению эффективности их работы.

На **политическую деятельность** как эффективный инструмент решения многочисленных проблем, очень не много граждан Республики Беларусь возлагает особые надежды. Как показали результаты мониторингового исследования, только чуть больше **четырёх** процентов респондентов считает, что участие в политической жизни сможет помочь им справиться с жизненными проблемами, особенно в условиях кризиса.

Ответить на вопрос: **«Почему так негативно многие граждане страны относятся к политической деятельности?»** поможет анализ влияния важнейших политических субъектов – политических партий страны на политические процессы в Республике Беларусь. По данным нашего социологического мониторинга, политическим партиям доверяют 9,6 процента населения страны, не доверяют – 39,4 процента. Если бы в ближайшее время в стране происходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе, как, например, в России, то 22,2 процента избирателей проголосовали бы против всех политических партий страны. Две трети вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего не белорусских политических партий не знают. Популярностью некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала за последние восемнадцать лет почти в **тридцать** раз (с 52,1 процента в марте 1991 года до 1,8 процента сейчас). Не лучше положение в других политических партиях страны. Причин кризисного положения белорусских партий много. Прежде всего, следует назвать три важнейших причины провала белорусской многопартийности. Как показывает политическая реальность, белорусские политические партии практически не претендуют на политическую власть, не принимают участие в принятии важнейших политических решений. Когда в Беларуси обсуждают «большую политику», они стараются дистанцироваться от нее, не принимать практически никакого участия. Ведь за решения когда-то приходится отвечать. Во-вторых, современные белорусские политические партии эффективно не выполняют свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своих избирателей, своего электората. В-третьих, уже многие политические партии выражают интересы не широких народных масс, а партийной бюрократии. Еще Роберт Михельс открыл «железный закон олигархических тенденций» и доказал, что партийная демократия обязательно вырождается в партийную олигархию, что произошло в нашей стране. Особое место в современных политических партиях занимают политические **лидеры**. Они являются их брендом, особенно в общении с людьми и средствами массовой информации. Партийные лидеры должны выражать существующие в обществе интересы, и в этом смысле быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей. Они во многом проецируются на всю политическую партию, в некоторых случаях, полностью отождествляются с ней. Роль партийных лидеров очень важна в настоящее время, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. В-первых, например, политические партии все больше превращаются в институт, ориентированный исключительно на решение электоральных задач. Во-вторых, развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым им правилам – быть компетентным и мобильным, элегантным и эрудированным, выражать социальные ожидания и заказы людей. Это требует полной смены поведенческой парадигмы современных партийных лидеров, формирования их принципиально нового имиджа [2; с. 3].

Представляет интерес отношение жителей страны к **властным структурам**. Оно существенно изменилось за последние пятнадцать лет. В начале девяностых годов прошлого только 1,0 процент населения признавал деятельность Верховного Совета Республики Беларусь эффективной, в то время как малоэффективной – 34,3 процента, неэффективной – 55,0 процентов. Всех жителей страны раздражала невнятная, аморф-

ная, беспринципная позиция главного законодательного и представительного органа страны [1, с. 61–68].

Особенно явно неудовлетворенность деятельностью властных структур всех уровней звучала в ответах на вопрос социологической анкеты: «**Кому в настоящее время, на ваш взгляд, принадлежит власть в Беларуси?**» Каждый третий житель республики утверждал, что власть в стране принадлежит мафии, коррумпированным структурам, которые все решают как в правительстве, так и в парламенте. «В стране все продано», – отмечали многие респонденты. Каждый десятый респондент заявлял, что у власти находятся предприниматели и бизнесмены. «Сегодня в Беларуси рубль правит бал», – отмечено в одной из анкет. Третья часть населения была убеждена, что власти в Беларуси вообще нет, она никому не принадлежит. Люди практически во всех регионах, в городах и селах постоянно отмечали резкое снижение авторитета власти, а кое-где вообще правовой беспредел [1, с. 61–68].

Целенаправленная работа Президента страны, его Администрации, других властных структур по устранению имеющихся недостатков, повышению эффективности работы власти дала положительные результаты. В настоящее время власть в стране уважают. Правда, отношение к властным структурам белорусского государства у людей совершенно разное. Наибольшим авторитетом и доверием пользуются институт Президента. За годы наблюдения рейтинг институт Президента является стабильно высоким. Следует отметить, что высокий уровень доверия наблюдается и у таких социальных институтов, как православная церковь и армия, которые занимают соответственно 2 и 3 места. В числе явных аутсайдеров – независимые профсоюзы, независимые средства массовой информации и политические партии.

Представляет интерес вопрос, касающийся **отношений между Беларусью и Россией**. Как показывают результаты социологических исследований, ровно половина опрошенных респондентов считают, что Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров. Почти 40 процентов жителей страны убеждена, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств. И лишь чуть больше четырех процентов ответили, что Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве ее субъекта. В самом начале мониторинговых исследований подавляющее большинство респондентов была за теснейший союз Беларуси с Россией и другими членами бывшего Советского Союза. Однако жизнь показала, что с каждым опросом увеличивается число жителей Беларуси, которые считают, что только при помощи собственных сил можно решить сложные экономические и социальные проблемы, имеющиеся в белорусском обществе. Надо надеяться только на себя, на свои силы, свои руки и головы, а не ждать помощи с Востока или Запада. Говоря об отношениях с Западом, следует отметить, что 5,7 процента населения страны поддерживает вступление Беларуси в НАТО, 18,7 процента – в Евросоюз. Мониторинговые социологические исследования дают много интересной информации для властных структур страны. Властные структуры должны использовать мнение народа для принятия правильных и эффективных управленческих решений.

Список литературы

1. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – 286 с.; Т. 2. – 284 с.
2. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с.; Т. 2. – 240 с.
3. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2008. – 320 с.

Н.Н. Беспаятных

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

«ПОГРАНИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Понятие пограничья как научная категория сформировалось в рамках «пограничных исследований» (англ. «border studies»), имеющих многолетний стаж и серьезную институционализацию преимущественно в приграничных университетских центрах США и стран Западной Европы. Сам термин «пограничные исследования» правомерно квалифицировать как обобщенное наименование исследовательского направления, представленного обширным корпусом публикаций теоретического и прикладного характера, общей основой которых является изучение возможных зависимостей территориального пограничья от фактора государственной границы. В России в качестве эквивалента «пограничных исследований» принят термин «лимнология» (англ. «limnology» от лат. «limes» – граница). Хотя отечественными исследователями [1, с. 53–61] предприняты шаги в направлении концептуализации «пограничных исследований», это направление и, прежде всего, его методологический компонент, нуждается в дальнейшей аналитической рефлексии.

Методология, понятийный аппарат и тематика «пограничных исследований» складывались в контексте эволюции предметной области и исследовательских задач этого направления. Начало «пограничным исследованиям» было положено работой Ф.Дж. Тёрнера «Значение фронта в американской истории» (1920 г.). Возникнув в рамках политической географии, «пограничные исследования» приобрели со временем междисциплинарный характер, включив в свой арсенал инструментарий и подходы иных социальных и гуманитарных наук, главным образом, социологии и антропологии. На современном этапе развития «пограничных исследований» их методология в значительной мере определяется постмодернистской парадигмой. Различные определения предмета «пограничных исследований» проблематизируют саму возможность рассмотрения этого направления как целостного и единого. По Р. Альваресу, предметом «пограничных исследований» являются «пограничные регионы, предопределяемые политическими демаркационными линиями, которыми обычно являются границы между национальными государствами» [2, р. 147]. По В.И. Колосову, теоретическая лимнология – наука о границах, изучающая приграничные территории, пограничные институты, функции и процессы [11]. При всех модификациях предметного содержания рассматриваемой дисциплины ее ключевыми понятиями являются понятия границы, пограничья, пограничного пространства, пограничной зоны, пограничного региона и пограничного ландшафта. «Пограничные исследования» оперируют различными дефинициями границы, в которых доминирует географический и политологический подходы и которые восходят к теории границ О. Ратцеля и К. Хаусгофера. По Дж. Прескотту, граница – это линия, определяющая территорию государства» и «пределы его суверенитета» [16, р. 80]. По Х. Доннану и Т. Уилсону, «межгосударственные границы суть места, которые означают физический предел государственной власти и являются пространственным выражением политической организации государства и его территории» [6, с. 69]. В «пограничных исследованиях» понятие пограничья анализируется в территориальном и социокультурном аспектах. В территориальном аспекте это понятие многозначно и либо входит в определение границы, либо рассмат-

ривается как территория, односторонне примыкающая к границе, либо обозначает разделяемое границами пространство. В последнем случае пограничье определяется как «переходная область, в сфере которой лежат границы» (Дж. Прескотт) [15, p. 13–14] и метафорически характеризуется как ее «крылья» [15, p. 12]. В территориальном аспекте существенные характеристики пограничья определяются через его приграничную пространственную локализацию, при этом остается открытым вопрос о «внутренних» пределах пограничья, т.е. глубине его «проникновения» вглубь территории государства. Теоретические проблемы анализа пограничья усугубляются терминологическими. В англоязычной литературе, которой в основном представлены «пограничные исследования», фигурируют термины «border», «boundary» и «frontier», выражающие аспекты понятий «граница» и «пограничье», но отсутствует консенсус относительно их значения и употребления. Начатая несколько десятилетий назад Л. Кристофом [12] терминологическая дискуссия об их соотношении продолжается по настоящее время (Д. Хоцевар [7] и др.).

В социокультурном аспекте понятие пограничья характеризуется Р. Росальдо не только как «аналитически пустая переходная область, но как место креативной культурной деятельности, требующей исследования» [17, p. 208]. Пограничья, полагает Г. Ансалдуа, обладают не только физическим, но также психологическим, сексуальным, классовым и расовым аспектами, которые обнаруживают себя в условиях государственной границы таким образом, что «жизненные силы двух миров соединяются и образуют третий мир – мир пограничной культуры» [4, p. 3]. Социокультурный аспект пограничья конкретизируется в понятиях пограничного ландшафта, пограничного пространства и пограничного региона. Р. Хардшорн ввел в «пограничные исследования» понятие пограничного ландшафта, посредством которого «анализируется диалектическая связь между физическими границами и средами человеческого обитания, которые формируют границы и сами формируются границами» [6, s. 71]. Л. Кристоф рассматривал их диалектику следующим образом: если границы ориентированы внутрь, замыкают территориально-государственное пространство и выполняют сепарирующую функцию, то пограничья ориентированы вовне, обладают тенденцией к открытости и функционально являются интегрирующими ареалами [12, p. 127–129].

Понятие пограничного пространства предложено Х. ван Хоутумом и, как следует из контекста его исследований [5; с. 8], является специфическим сегментом одновременно территориального и социального пространств, обусловленного присутствием границы и связанного с «философией и практикой установления границ и выявления неадекватности, определения территориальных идентичностей» [8, p. 674]. Однако следует признать справедливым мнение теоретиков «пограничных исследований» Д. Рамли и Дж. Миная о том, что «дефиниция пограничного пространства, противостоящего границам как предмету анализа, остается по большей части неясной» [18, p. 2]. Понятие пограничного региона в большей степени служит для анализа взаимоотношений центра и периферии, центробежных и центростремительных сил, а также и процессов маргинализации пограничьи (М. Андерсон [3, p. 1–2], Х. Доннан, Т. Уилсон [6, s. 73]). Теоретический анализ специфики пограничных регионов закреплен в понятиях «парадокс пограничья» и «асимметрия пограничья».

«Парадокс пограничья» ориентирует исследователя на выявление общих, присущих лишь пограничным регионам черт, предопределяемых их приграничной локализацией и не характерных для других мест. Прежде всего, «граница формирует свой собственный, особенный регион, превращая элемент разграничения в носитель региональной специфики» (Дж. Минай) [13, p. 15]. Разъединяя страны, граница соединяет приграничные регионы, придавая им неповторимый облик. В «пограничных исследованиях» такие регионы характеризуются как «социокультурные системы», «живые ре-

алии», обладающие «внутренней когерентностью и единством» (Х. Доннан и Т. Уилсон) [6, с. 79], как «контактные зоны», «интерфейсы», «лиминальные зоны с присутствием им семиотикой» (Р. Шилдс) [20, р. 223]. Х. Доннан и Т. Уилсон отмечают, что на пограничье может произойти то, что происходит везде, но не везде возможно то, что «может произойти только у границ» [6, с. 79]. С «парадоксом пограничья» связано понятие «асимметрии пограничья» (А. Пааси [14], Р. Страссольдо [21]), которая выражается в неодинаковом экономическом и культурном уровнях регионов по обе стороны границы, обуславливающих то, что Р. Страссольдо называет «двузначностью жизни на границе» [21, р. 152]). Однако в целом соотношение понятий, посредством которых анализируется пограничье, остается проблематичным.

В рамках анализируемого направления осуществляются исследования пограничной идентичности, представляющие для диссертации ключевой интерес. Пионером таких исследований был П. Салинс, изучивший в историческом аспекте идентификационные процессы у каталонцев по обе стороны франко-испанской границы в районе Чердании [19]. В последующих теоретических и эмпирических работах, при всей значимости полученных их авторами результатов, мы не встречаем четкого разграничения понятий «пограничная идентичность» и «идентичности пограничья». Хотя положение о том, что «процессы самоидентификации, конструирования границ и порядков взаимосвязаны» [9, р. 7] разделяется сегодня большинством авторов, механизмы таких взаимосвязей остаются в «пограничных исследованиях» теоретически не вполне проясненными. Отсутствует концептуализация самого понятия пограничной идентичности, а результаты ее исследований в различных ареалах ограничиваются такими характеристиками, как «неопределенная», «неоднозначная», «изменяемая», «амбивалентная», «бинарная» (Р. Страссольдо) [21], «плюралистическая», включающая этнические, государственные, «супранациональные», «комбинированные», «иерархические», «смешанные», «реликтовые» («советская» в ситуации российско-украинского пограничья) варианты (В. Колосов) [10]. Эти характеристики представляют несомненный интерес, тем не менее, они во многом дескриптивны, и не связаны с общей теорией пограничья, которая, как мы убедились, в «пограничных исследованиях» отсутствует.

Реализуемые в различных методологических парадигмах, «пограничные исследования», тем не менее, стремятся к тому, чтобы в перспективе интегрироваться в интердисциплинарную область знания о границах и пограничьях. Накопленный этим направлением теоретический потенциал и опыт исследования конкретных пограничных ареалов содержит все необходимые предпосылки к их использованию в изучении белорусских пограничий.

Список литературы

1. Бреский, О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / О. Бреский, О. Бреская. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 336 с.
2. Alvarez, R. Border Studies / R. Alvarez // *Encyclopedia of Cultural Anthropology* / D. Levinson, M. Ember. – Vol. 1. – New York, London: Henry Holt & Co., 1996. – P. 147–149.
3. Anderson, M. The Political Problems of Frontier Regions / M. Anderson // *West European Politics*. – 1982. – Т. 5. – № 4. – P. 1–17.
4. Anzaldúa, G. Borderlands / La Frontera // *The New Mestiza* / G. Anzaldúa. – San Francisco: Aunt Lute Books, 1987. – 190 p.
5. *Bordering Space* / Henk van Houtum, Oliver Kramsch and Wolfgang Zierhofer (eds.). – Aldershot: Ashgate, 2005. – 251 p.
6. Donnan, H. Granice tożsamości, narodu, państwa; przekład Małgorzata Głowacka-Grajper / H. Donnan, T. Wilson. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – 235 s.

7. Hocevar, D. Studying International Borders in Geography and Anthropology: Paradigmatic and Conceptual Relations / D. Hocevar // *Geografski Zbornik*. – Ljubljana, 2000. – Vol. 40. – P. 81–98.
8. Houtum, Henk van. The Geopolitics of Borders and Boundaries / Henk van Houtum // *Geopolitics*. – 2005. – № 10. – P. 672–679.
9. Identities, Borders, Orders: Rethinking International Relations Theory / M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid (eds.). – Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001. – 349 p.
10. Kolossov, V. Ethnic and political identities and territorialities in the post-Soviet space / V. Kolossov // *GeoJournal*. – 1999. – Vol. 48. – № 2. – P. 71 – 81.
11. Kolossov, V. Theoretical Limology: Postmodern Analytical Approaches / V. Kolossov // *Diogenes*. – 2006. – Vol. 53. – № 2. – P. 11–22.
12. Kristof, L.D. The nature of frontiers and boundaries / L.D. Kristof // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1959. – № 49 (3). – P. 269–282.
13. Minghi, J.V. From Conflict to Harmony in Border Landscapes / J.V. Minghi // *The Geography of Border Landscapes* / D. Rumley, J.V. Minghi (eds.). – London: Routledge, 1991. – P. 15–30.
14. Paasi, A. Regional Transformation in the European Context: Notes on Regions, Boundaries and Identity / A. Paasi // *Space and Polity*. – 2002. – № 6 (2). – P. 197–201.
15. Prescott, J.R.V. Boundaries and Frontiers / J.R.V. Prescott. – Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1978. – 210 p.
16. Prescott, J.R.V. Political Frontiers and Boundaries / J.R.V. Prescott. – London: Allen & Unwin, 1987. – 315 p.
17. Rosaldo, R. Ideology, Place and People Without Culture / R. Rosaldo // *Cultural Anthropology*. – 1988. – № 3. – P. 77–87.
18. Rumley, D. Introduction: The Border Landscape Concept / D. Rumley, J.V. Minghi // *The Geography of Border Landscapes* / D. Rumley, J.V. Minghi (eds.). – London: Routledge, 1991. – P.1–14.
19. Sahlins, P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees / P. Sahlins. – Berkley: University of California Press, 1989. – 351 p.
20. Shields, R. Boundary-Thinking in Theories of the Present. The Virtuality of Reflexive Modernization / R. Shields // *European Journal of Social Theory*. – 2006. – Vol. 9. – № 2. – P. 223–237.
21. Strassoldo, R. Boundaries in Sociological Theory: A Reassessment / R. Strassoldo // *Cooperation and Conflict in Border Areas* / R. Strassoldo, G. Delli Zotti (eds.). – Milano: Franco Angeli Editore, 1982. – P. 245–271.

Р. Камунтавічус

Універсітэт Вітаўта Вялікага, Коўна (Літва)

ПАМЕЖЖЫ ЕЎРОПЫ: ЖМУДЗЬ ВАЧЫМА ЗАХОДНЕЕЎРАПЕЙСКІХ ПАДАРОЖНІКАЎ XVI – XVII стст.

Можна сцвярджаць, што Польскае каралеўства і Вялікае княства Літоўскае знаходзіліся на мяжы Заходняга свету. За імі былі Масква і Турцыя – чужыя для еўрапейскай культуры краіны. Мясцовыя жыхары Княства і Кароны вельмі добра гэта разумелі. Сведчаннем такога разумення з’яўляліся ідэалогія сарматызму, канцэпцыя «przedmuga» і іншыя факты святабачання і менталітэту. Разумелі гэта і самі еўрапейцы, для якіх кантынент скончваўся на ўсходняй мяжы Рэчы Паспалітай.

Нягледзячы на тое, што ўся краіна знаходзілася на памежжы, некаторыя яе часткі былі бліжэй Еўропы, а некаторыя – далей. Адныя рэгіёны з’яўляліся больш цывіліза-

ванымі, хрысціянскімі, «еўрапейскімі», другія – болей адсталыя, паганскія і «нееўрапейскія». Менавіта гэтыя «нееўрапейскія» рэгіёны (без аднясення да геаграфіі) з’яўляюцца прадметам нашага аналізу ў дадзеным артыкуле.

Артыкул напісаны на аналізе апублікаваных тэкстаў еўрапейскіх падарожнікаў XVI–XVII стст.¹. Большасць гэтых аўтараў – французы, італьянцы, англічане і немцы – прадстаўнікі тых нацый, якіх асабліва цікавіў рэгіён Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Англічан і немцаў цікавілі эканамічныя (гандаль) і рэлігійныя (кантакты з пратэстантамі) пытанні. Але насамрэч у аснове гэтай зацікаўленнасці знаходзілася палітыка: італьянцы і немцы бачылі ў Рэчы Паспалітай моцнага саюзніка ў войнах супраць туркаў, а Францыя – у канфлікце з немцамі. Імкнучыся да асягнення гэтай мэты, яны высылалі свае пасольствы ў Літву і Польшчу, што ў сваю чаргу ініцыявала апісанні самой краіны, яе палітыкі і культуры.

У параўнанні з Польшчай, Вялікае княства Літоўскае было менш хрысціянскай, больш дзікай, лясной, балотнай, сельскай, кажучы іншымі словамі – меней цывілізаванай краінай. Жылі тут людзі грубыя і паўдзікія. Часам, калі мова ішла пра літоўскіх магнатаў, рабіліся выключэнні. Так, некаторыя французы ў канцы XVII ст. апісвалі іх як болей рафініраваных і болей падобных сваімі манерамі на французаў, чым польскія магнаты². Але гэта было больш выключэнне, чым правіла. Звычайна ліцвіны паўставалі як паўдзікія людзі. Прыкладам чаго можа быць наступнае апісанне войска ВКЛ, якое паводзіць сябе страшна. Калі яно ідзе на дапамогу палякам ваеваць з туркамі, дык ад яго польскія землі пакутуюць больш, чым ад варожых маскалёў ці тых самых туркаў. Пра гэта пісалі многія аўтары. Сярод іх ліку асабліва вылучаецца Ф.П. Далерак, шляхціц караля Яна Сабескага, мемуары якога пра польска-літоўскую дзяржаву мелі каласальны поспех у канцы XVII і ў XVIII стст.³. Ён жа нягледзячы на абагульненні вобраз Літвы, калі напісаў, што ў ВКЛ няма чаго болей рабіць, як толькі п’ястваваць, паляваць і дэбашчыць⁴.

Аднак у вачах іншаземцаў і само Вялікае княства Літоўскае не было адналітай дзяржавай. І тут былі свае цывілізаваныя і дзікія рэгіёны. Сярод больш-менш еўрапейскіх частак неабходна вылучыць Вільню. Сталіца амаль заўсёды бачылася падарожнікам як цывілізаваны, еўрапейскі горад. Асабліва гэта падкрэслівалася з сярэдзіны XVII ст., калі ў горадзе было пабудавана шмат барочных храмаў і палацаў, што дазволіла еўрапейцам ідэнтыфікаваць агульныя культурныя рысы. Два французы з захапленнем апісвалі гэты горад, называючы яго адным з самых прыгажэйшых у той частцы Еўропы – Ф.П. Далерак⁵ і Ф. Дупонт⁶.

¹ Гістарыяграфія аналізу тэкстаў замежных падарожнікаў аб Рэчы Паспалітай даволі вялікая. На працягу XIX – XX стст. было апублікавана мноства тэкстаў падарожнікаў, напісана артыкулаў і манаграфій. Найноўшая – праца Т. Чыжэўскай-Генцэль «Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców» [2]. Але канкрэтна пра ВКЛ і, асабліва, пра Жмудзь напісана вельмі мала. Мы будзем абапірацца ў артыкуле на тыя дакументы і тую гістарыяграфію, якую выкарыстоўвалі пры напісанні сваёй доктарскай (кандыдацкай) дысертацыі «Стэрэатып Літвы ў французкай і італьянскай літаратуры XVI і XVII стст.», абароненай у Коўне ў універсітэце Вітаўта Вялікага ў 2002 г. З ёй можна азнаёміцца на сайце www.rustis.info (тэкст на літоўскай мове, разумею – на англійскай).

² «...ils [Lithuaniens et Polonais – R.K.] n’ayent presque plus que les memes manieres d’agir. Neanmoins dans le tems que j’a (sic!) demeuré en Lituanie, j’y ay remarqué que les Lituanois approchent plus que les Polonois, de toutes les façons de faire de France, & de l’enjouement des François, quoy qu’ils en soient plus éloignés.» [7, 114].

³ «Le pays... souffre plus d’une route de troupes Polonoises, que d’une irruption d’ennemis, f l’incendie prés, l’esclavage, & le viol: sur tout, celui qui tombe en partage f l’armée Lithuanoise, puis f craindre que les Tartares.» [4, 16].

⁴ «Le séjour est des plus tristes: les gens y sont peu sociables: on n’y connait que les plaisirs du vin & de la sombre débauche: il faut précisément chasser ou boire pour trouver de l’occupation: D’ailleurs, le pais n’est pas agreable; il est fort couvert montéux, deparé, rude à la vûe, avec des sables, des marais, des pierres, des ha-meaux mal construits, des habitans d’un air sauvage.» [5, 352-368].

⁵ «Les Villes [de la Lituanie- R. K.] cependant y sont belles & bien bâties: *Wilna* la Capitale; qui est presque au centre de la Province, est une des plus grandes & des plus magnifiques de tout le Nord; ornée de belles Eglises, de Palais de brique fort apparens; avec de riches Bourgeois, de gros Marchands, des Ouvriers & des Artisans de toutes les façons. Enfin *Wilna* est une Capitale bien marquée, tant par ces distinctions, que par le Siege du Tribunal, qui y attire les Plaideurs & la Noblesse. Les autres Villes sont d’un ordre beaucoup inferieur, mais cependant, toutes assez bonnes.» [5, 362].

⁶ «*Vilna* est regardé comme la seconde capitale de la Pologne, elle n’est ni moins grande, ni moins belle que Cracovie, qui est la première. Il est certain, que cette ville peut- être comparées au nombres de plus belles; elle est très bien bâtie et bien percée, les rues sont larges, il y a un très grand nombre d’hôtels des seigneurs de Lithuanie, et beaucoup d’églises des plus magnifiques, et surtout celle des Jésuites a peu de pareilles.» [6, 230].

Другой такой часткай з'яўлялася сучасная Заходняя Беларусь альбо гістарычная Чорная Русь. Менавіта там канцэнтравалася найбольш магнацкіх сядзібаў (дас-таткова ўгадаць Нясвіж, Мір ці Ружаны), дзе пабывала шмат заходнееўрапейскіх дыпламатаў. З іншага боку, праз гэты рэгіён ішлі галоўныя дарогі з Еўропы ў Маскву, Лівонію і, што найважней, з Варшавы і Кракава – галоўных цэнтраў Рэчы Паспалітай – у сталіцу Літвы Вільню. Да таго ж, гэта была самая ажыўленая частка ВКЛ не толькі ў транспартным, але і ў культурным і палітычным сэнсах. Менавіта таму ў гэтым рэгіёне, у Нясвіжы, у канцы XVI ст. быў пабудаваны другі ў свеце барочны храм (пасля II Gesù ў Рыме), а ў Гродна ў канцы XVII ст. амаль быў перанесены палітычны цэнтр Вялікага княства.

Іншыя часткі Вялікага княства Літоўскага для заходнееўрапейскіх падарожнікаў былі меней цывілізаванымі. Канечне, сваімі гарадамі, людзмі і ландшафтам яны былі падобныя на Чорную Русь. Аднак тут было менш руху, менш магнацкіх сядзібаў, менш культуры. Гэтыя абшары былі рэдка заселеныя, а гарады маленькія і без абарончых сценаў. А калі яшчэ дадаць, што большасць дамоў у іх было збудаваных з дрэва, дык можна сказаць, што для еўрапейцаў гарадоў у гэтых частках Вялікага княства амаль не было. Тое, што мясцовыя называлі гарадамі, для падарожнікаў былі бедныя, хаатычна забудаваныя, брудныя вёскі. А паколькі жыхары былі нецывілізаваныя, дык падарожнікаў яны не цікавілі. Самую вялікую ўвагу яны прысвячалі апісанню лясоў, жывёлаў, птушак і казурак. Ужо ў той час для іх гэта была экзотыка. Можна знайсці мноства апісанняў аленей, баброў, пчол, зуброў і розных птушак. Яны суправаджаліся пераказам самых дзіўных гісторый пра тое, як трэба будаваць у вёсках ловы для мядведзяў, як рамень са скуры аленя лечыць галаўны боль, як страшна выглядае зубр, калі з яго вачэй ляцяць маланкі, як знікаюць людзі ў збудаваных пчоламі грандыёзных сховішчах мёду і г.д.

Калі ж усё-такі апісваліся людзі, дык акцэнт рабіўся на шматнацыянальнасці грамадства. Падкрэслівалася, што тут шмат яўрэяў, якія жывуць інакш чым іншыя жыхары, згодна сваім незразумелым правілам. Вылучалася татарская меншасць, якая была мусульманскай і «харчавалася коньмі». У гарадах жыло многа немцаў, якія кантралявалі вытворчасць. Нярэдка падкрэслівалася бяспраўнасць прыгонных, чый статус ужо ў XVI ст. параўноўвалі са статусам рабоў. Як кантраст – здзіўленню і зайздрасці не было межаў – апісваліся свабоды шляхты. У Заходняй Еўропе на працягу XVI–XVII стст. цэнтральная ўлада пастаянна мацнела, у той час як у польска-літоўскай дзяржаве адбываўся адваротны працэс. Тут павялічвалася свабода, правы і матэрыяльная аўтаномнасць кожнага грамадзяніна. Праўда, апошнімі лічыліся толькі шляхцічы. Аднак з іншага боку, такой колькасці грамадзян, якія мелі такія вялікія правы (па розных падліках ад 5 да 10 % насельніцтва) не было ні ў адной з еўрапейскіх краін да XIX ст.

Асобна апісваліся дарогі і корчмы ВКЛ. Па усёй краіне яны былі падобныя. Дарогі знаходзіліся ў страшным стане. Англійскі падарожнік канца XVIII ст. з жахам пісаў пра іх як пра звычайныя сцежкі ў лесе без слядоў чалавечай працы. Акрамя таго, на іх было поўна паваленых дрэваў, карэння, якія самі падарожныя павінны былі ссоўваць. Масты былі такія, што трэба было дзякаваць Богу, калі іх пераяжджалі цэлымі⁷. Відавочна, што ў XVI–XVII стст. сітуацыя з дарогамі не была лепшай. Літоўскія корчмы таксама прыводзілі ў жах. Яны параўноўваліся з самымі дрэннымі корчмамі Еўропы. У канцы XVII ст. француз Г. дэ Тэндэ (яго мемуары вытрымалі больш дзесяці выданняў у Францыі, Германіі і Нідэр-

⁷ "The roads in this country are quite neglected, being scarcely superior to by-paths winding through the thick forest without the least degree of artificial direction: they are frequently so narrow as scarcely to admit a carriage; and are continually so obstructed by stumps and roots of trees, and in many parts so exceedingly sandy, that eight small horses could scarcely drag us along. ... The bridges across the rivulets were so weakly constructed and so old, that they seemed ready to crack with the weight of the carriage, and we thought ourselves fortunate in getting over them without an accident." [3, 201-202].

ландах) тыпова пісаў, што яны такія брудныя, перапоўнены рознымі паразітамі і так смярдзяць, што большасць падарожных выбірае спаць у стайні на сене разам з коньмі⁸.

Самым адсталым рэгіёнам ВКЛ амаль заўсёды называлася Жмудзь. Зрэшты, цяжка было б уявіць сабе які іншы рэгіён, які б так падыходзіў на гэты «тытул». Папершае, амаль усе падарожнікі добра ведалі, што гэта была тая частка Еўропы, якая апошняй прыняла хрысціянства (пачатак XV ст.). Аднак яшчэ ў XVI ст. пісалі, што яе жыхары практыкавалі сваю старую паганскую веру – трымалі ў хатах вужоў і маліліся па сваіх святых мясцінах у лясах і ля рэк. Па-другое, у гэты край заяжджала вельмі мала падарожнікаў. Тут не было ні вялікіх рэчак, ні вялікіх дарог, якія б спалучалі важныя палітычныя ці эканамічныя цэнтры. Пасля бітвы пад Грунвальдам у 1410 г. амаль да канца XVIII ст. тут нават войнаў не было, за кароткім выняткам сярэдзіны XVII ст. Карацей кажучы, нават з палітычна-ваеннага гледзішча тут не адбывалася нічога цікавага. А калі яшчэ дадаць, што тут не было гарадоў, якія хоць бы здалёк нагадвалі гарады Чорнай Русі (самыя вялікія гарады – Кейданы і Коўна – знаходзіліся на мяжы Літвы і Жмудзі), як і не было палацаў магнатаў з іх латыфундыямі, дык з культурнага і эканамічнага гледзішча гэта быў вельмі слаба развіты рэгіён. Знайсці яшчэ адзін такі падобны рэгіён у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе было цяжка.

Адно з самых рэпрэзентатыўных апісанняў Жмудзі XVI–XVIII стст., поўнае тыповых стэрэатыпаў, было зроблена ананімным англічанінам у 1598 г.⁹ Не ведаю, ці быў ён сам угэтым рэгіёне, але з тэксту яго Рэляцыі можна зрабіць выснову, аўтар добра арыентаваўся ў палітычным, сацыяльным і эканамічным жыцці ВКЛ, шмат часу правёў у атачэнні Радзівілаў.

Ён пісаў пра Жмудзь, што гэта вельмі багаты ўраджаямі і лясамі рэгіён. Але жывуць тут дзікія, неамбітныя, не прагнучыя багацця і «не пакутуючыя ад іншых хва-роб розуму» людзі. Яны не маюць ні адукацыі, ні якіх небудзь «інтэлектуальных практыкаванняў», а адзіная іх мэта – працаваць каб пражыць. Карацей кажучы, тут няма ўвогулі нічога такога, што заходнеўрапеец XVI–XVII стст. мог бы назваць культурай – ні вытворчасці матэрыяльных даброт, ні гандлю, ні жыццёвай жарсці і, безумоўна, абсалютна ні якой інтэлектуальнай дзейнасці.

Далей ён піша, што жмудзіны маюць вялікія целы, што яны высокія і моцныя. Прычына гэтага – цяжкае жыццё, якое пачынаецца з нараджэння. Цікава, што такія апісанні жыхароў рэгіёну паўтараліся не толькі ў XVI–XVIII стст. Мяне вельмі здзівіла, калі я знайшоў апісанне вяселля ў Жмудзі, зробленае адным французкім інтэлектуалам у 1890 годзе, г.зн. у той час, калі гуманітарныя навукі былі на даволі высокім узроўні. Гэты аўтар, Ф. Моранс, пісаў у часопісе, прысвечаным падарожжам *Journal de voyages*¹⁰, што «нярэдка там можна сустрэць чалавека ростам 2 метры 12 сантыметраў». Здаецца, што Еўропа

⁸ "Il n'y a point d'hostelleries en Pologne, où l'on puisse loger commodement, & où l'on donne des lits. On ne trouve le plus souvent dans ce pays que des lieux bastis de bois que l'on appelle Karczma, où l'on est obligé de loger avec les bestes, c'est à dire, avec les chevaux, les vaches, & les cochons qui sont dans une longue écurie, faite de planches, mal jointes, & couverte de paille. Il est vray qu'au bout de cette écurie, il y a une chambre avec un poisle. Mais on n'y peut loger en esté, f cause des mouches, des puces, des punaises, & de la mauvaise odeur du lieu. Car quelque chaud qu'il fasse, on n'ouvre jamais la fenestre. Ainsi les étrangers aiment bien mieux coucher dans l'écurie en esté, que dans cette chambre, où le Gospodarz, c'est à dire celui qui tient le cabaret, loge avec ses enfans & tout son ménage, & où fort souvent il garde un tonneau de choux aigres, dont l'odeur est fort desagregable aux étrangers. Car pour ceux du pays, comme ils y sont accoûtumés, ils n'en ressentent aucune incommodité." [7, 283].

⁹ "The Duchy of Samogitia lyeth beyond the Niemen between Prussia and Lithuania and Livonia, very fruitful and riche. The Champayne yealding grayne, and the woodland the best honey, waxe, and store of game. But of the people may be said Mira feritas, foeda paupertas, they resting in their barbarousnes and not desiring wealth, or troubling themselves with ambition, covetousness, or other cankers of mans mynde. Of body very large, tall, and stronge as growing from their cradle in hardnes, and unacquainted with delights, studies, and exercises of the intellectuall facultie, so only passing their life in sustaining it, and labouring for it, Caetera securi." [13, 38].

¹⁰ Часопіс выдаваўся ў Парыжы. Нумар з гэтым апісаннем вяселля ў Жмудзі датаваны 13 красавіка 1890 г.

амаль да XX ст. чэрпала свае веды пра Жмудзь са сярэднявечных крыніцаў. Аўтэнтыкі і арыгінальных заўваг тут не было, бо мала хто набіраўся рашучасці паехаць у гэты рэгіён.

Але ў Жмудзі ні толькі рост і целабудова людзей былі дзіўныя. Падарожнікі амаль ўнісон сцвярджалі, што дзяўчаты па ўсім ВКЛ былі вельмі свабодных паводзін. Вось адно з такіх апісанняў у польскім перакладзе XIX ст.: «Dziewczyna, w dziesiątym roku życia, pewno już nie ma dziewictwa: kupcy, hodlujący po Litwie, w ciągu swojego pobytu, snadno niemi posługiwać się mogą; ale gdyby który z nich poważył się wprowadzić z sobą dziewczynę za granice prowincyi, naraziby niewątpliwie i życie i mienie» [12, 13]. Дарэчы, і польскі гісторык З. Куховіч шмат пісаў пра гэтую «асабліваць» літоўскіх дзяўчат і жанчын¹¹. Цікава, што не толькі далёкія заходнееўрапейцы, але і бліжэйшыя суседзі – палякі – таксама пісалі шмат сатыр і анекдотаў пра празмерна вольныя паводзіны літоўскіх жанчын.

Можна дадаць да гэтага, што пачынаючы з XV ст. і па стагоддзе XVIII, у Еўропе бязконца перапісвалася гісторыя аб *matrimoniae adiutores* (памочніках шлюбу). Мова тут ідзе пра тое, што замужнія ліцвінкі быццам бы легальна мелі каханкаў (тое, што жанатыя мужчыны паўсюль маюць каханак – гэта было для еўрапейцаў зразумела, але каб замужнія жанчыны – такое магло адбывацца толькі ў паўпаганскай Літве). Першым, хто напісаў гэтую гісторыю, быў будучы Рымскі Папа А.С. Пікаламіні ў XV ст. адкуль паходзілі яго звесткі – не вядома. Аднак аўтарытэт Святога Айца ў хрысціянскім свеце быў настолькі вялікі, што некалькі сотняў гадоў гэтую яго гісторыю перапісвалі незадумваючыся і неправараючы.

Такі вобраз ліцвінак прымяняўся і ў дачыненні жмудзінак. Аднак справа тут была не такой проста. Пачынаючы з XVI ст. з’явіўся «канкурыруючы» стэрэатып жмудзкіх дзяўчат. Заўважым, што ні водны з падарожнікаў не прымяніў яго ў дачыненні да ліцвінак, нават калі яны былі з літоўскамоўных частак ВКЛ, г. зн. культурніцкі блізкія жмудзінкам. Сутнасць гэтага стэрэатыпа была ў тым, што жмудзкія дзяўчаты былі вельмі маральныя. Яны заўсёды насілі з сабой званочкі прывязаныя да поясу, каб бацькі заўсёды ведалі, дзе яны знаходзяцца. Увечар і ноччу – ліхтар. Аднак гэтага было мала. Таму яны яшчэ мелі і кінжал – адганяць празмерна нахабных хлопцаў. Першым пра гэта напісаў Ян Ласіцкі [10]. Не вядома, ці ён сам быў у Жмудзі, але, здаецца, меў добрыя крыніцы пра культуру гэтага рэгіёна. Яго кніга “Аб жмудзкіх багах” была выдадзена ў Базэлі ў 1615 г. і сталася на наступныя некалькі стагоддзяў важнейшай крыніцай па культуры Жмудзі для Заходняй Еўропы. Як бы там ні было, але падаецца, што Жмудзь была адзіным рэгіёнам Рэчы Паспалітай, дзяўчыны якога апісваліся такім пазітыўным чынам. У гэтым нам таксама бачыцца самабытнасць дадзенага краю.

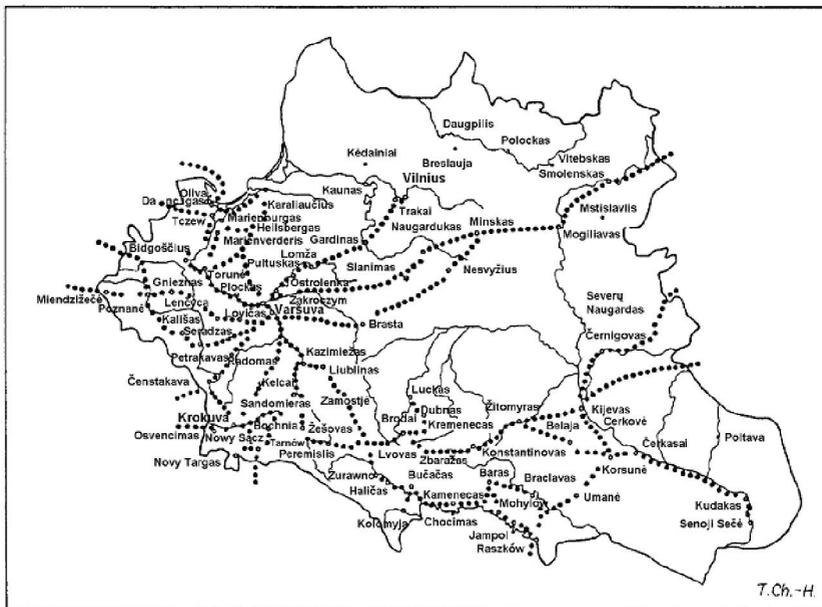
І, урэшце, нельга не ўспомніць пра мядзведзей. Літва, са свайё Беларэжскай пушчай, балотамі і невялікай шчыльнасцю насельніцтва, была для заходнееўрапейцаў краінай мядзведзей. Многія падарожнікі не толькі апісвалі мядзведзей, розныя гісторыі пра іх і пра іхспатканні з людзьмі, але і падкрэслівалі, што ў Смаргоні (цяперашняя Заходняя Беларусь) існуе адзіная ў Еўропе мядзвезжая акадэмія. Што да Жмудзі, дык тут гэтая тэма набыла яшчэ больш радыкальнае гучанне. У сярэдзіне XVII ст. спачатку ў газетах, а потым і ў апісаннях Літвы, якія выдаваліся ў Заходняй Еўропе, з’явілася гісторыя пра дзіця, якога выгадавалі мядзведзі. Мова ішла пра тое, што польскі кароль, паляючы ў ваколіцах Коўна, на памежжы Літвы і Жмудзі, знайшоў дзіця, якое паводзіла сябе як мядзведзь. Больш таго, ён не толькі сябраваў з гэтымі жывёламі, але і не ўмеў ні размаўляць, ні паводзіць сябе як чалавек¹². На працягу наступных

¹¹ Глядзі адну з многіх яго кніг, прысвечаных звычаям літоўскіх дзяўчат і жанчын: Z. Kuchowicz. Anegdady, facecje i sensacje obyczajowe XVII i I-szej poł. XVIII wieku [9].

¹² Аб адносінах людзей і мядзведзей у Рэчы Паспалітай глядзі цудоўную манасграфію: R. Kiernowski. Niedkowiedzie i ludzie w dawnych i nowszych czasach: fakty i mity [8].

десяцігоддзяў у заходнеўрапейскай літаратуры месца і час знаходжання дзіцяці змяняліся, але ніколі не выходзілі за этнаграфічныя межы літоўцаў. У той жа час, друкавалася шмат сведчанняў выдавочцаў, якія самі альбо іх знаёмыя добра гэтае дзіця бачылі.

Абагульняючы вобраз Жмудзі ў заходнеўрапейскай літаратуры XVI–XVII стст., неабходна сцвердзіць, што на яго вельмі моцна паўплывала прапаганда крыжаносцаў, якая з’яўлялася вельмі інтэнсіўна ў XIV ст. Яна ўкараніла ў свядомасці еўрапейцаў, што гэта паганскі, адсталы і дзікі рэгіён. На працягу наступных трох-чатырох стагоддзяў гэты стэрэатып дзікага рэгіёна Еўропы было вельмі цяжка «перакрычаць». З іншага боку, нямаючы ні важных эканамічных, ні культурных, ні палітычных цэнтраў, Жмудзь была сказана на культурны кансерватызм і ўсеагульную стагнацыю. Таму такі негатыўны вобраз (з перспектывы хрысціянскай Еўропы) меў рэальную аснову ў фактах культурнага, палітычнага і эканамічнага жыцця.

Малюнак 1 – Ваколіцы Коўна, мяжа Літвы і Жмудзі [11, 342].

Дарогі ВКЛ, якія найчасцей выбіралі італьянцы і французы, і гарады, якія яны апісвалі (XVI—XVII ст.).

- Падарожжы па землях ВКЛ. Пераважная большыня італьянцаў і французаў, якія прыязджалі ў ВКЛ, запынялася на тэрыторыях, што пазначаны на карце. Адценне колеру паказвае інтэнсіўнасць руху. На карце таксама відаць найважнейшыя дарогі.
- Апісанні гарадоў ВКЛ. Памер шрыфту ў назвах гарадоў ВКЛ паказвае частату і падрабязнасць апісанняў, якія змяшчалі ў сваіх працах аўтары з Італіі і Францыі.

Паводле вынікаў даследаванняў Р. Камунтавічуса і картаў: „Rzeczpospolita w dobie wzrostu wpływów magnaterii (1586—1648)“, *Atlas historyczny Polski*, Warszawa, 1989, 24—25; „Белоруссия в середине XVI века. Структура феодальной земельной собственности“, *Белорусская Советская Социалистическая Республика*, Минск, 1978, 88—89.

Малюнак 2 – Ваколіцы Коўна, мяжа Літвы і Жмудзі [11, 342].

Малюнок 3 – Мядзведзіца ўскормлівае чалавечэе дзіця.

Спіс літаратуры

1. Камунтавичюс, Р. Падарожжы па Літве XVI-XVII ст.: досвед італьянцаў і французаў. Беларускі гістарычны агляд / Р. Камунтавичюс. – Менск, 2003. – Т. 10, з. 1(18).
2. Chynczewska-Hennel, T. Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemcyw / T. Chynczewska-Hennel. – Warszawa, 1994.
3. Coxe, W. Travels into Poland / W. Coxe. – New York, 1971.
4. Dalairac, F.P. Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du regne de Jean III du nom, t.1 / F.P. Dalairac. – Amsterdam, 1699.
5. Dalairac, F.P. Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du regne de Jean III du nom, t.2 / F.P. Dalairac. – Amsterdam, 1699.
6. Dupont, Ph. Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des actions de Jean Sobieski III du nom roi de Pologne par Philippe Dupont attaché à ce prince en qualité d'ingnieur en chef de l'artillerie / Ph. Dupont. – Varsovie, 1885.
7. G. De Tende (Pseud. Sieur de Hauteville). Relation historique de la Pologne contenant le pouvoir de ses rois, leur élection et leur couronnement, les privileges de la noblesse, la religion, la justice, les moeurs et les inclinations des Polonois avec plusieurs actions remarquables / G. De Tende. – Paris, 1687.
8. Kiersnowski, R. Niedkowiedzie i ludzie w dawnych i nowszych czasach: fakty i mity / R. Kiersnowski. – Warszawa, 1990.
9. Kuchowicz, Z. Anegdoty, faceacje i sensacje obyczajowe XVII i I-szej po. XVIII wieku / Z. Kuchowicz. – Łódź, 1962.
10. Lasickis, J. Apie žemaičių dievus / J. Lasickis. – Vilnius, 1969.
11. O'Connor, B. The History of Poland in several letters to persons of quality..., t. 1 / B. O'Connor. – London, 1698.
12. Obraz Polski pod koniec XVII. Wieku: Ze zbioru podróży, ogłoszonych w Hadze 1705 r. / ed. by X. Godebski. – Lwów, 1869.
13. Relation of the State of Polonia and the United Provinces of that Crown anno 1598. – Roma, 1965.

Яўген Мірановіч

Універсітэт г. Беластока (Польшча)

ГРАМАДСКІ І САЦЫЯЛЬНЫ ФАКТАРЫ Ў ПРАЦЭСЕ ФАРМІРАВАННЯ ТОЕСНАСЦІ ПРАВАСЛАЎНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАСТОЧЧЫНЫ

Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны ў межах польскай дзяржавы аказалася каля 160 тысяч жыхароў праваслаўнага веравызнання, якія пражывалі на тэрыторыі ўсходняй часткі Беластоцкага ваяводства і размаўлялі на розных мясцовых дыялектах беларускай мовы¹³. У асноўнай масе гэта было сялянскае насельніцтва. На Беластоцчыне пражывала тады таксама прыблізна 200 тысяч беларускамоўных каталікаў, аднак фактар прыналежнасці да «польскай веры» быў вырашальным у працэсе фарміравання іх тоеснасці ва ўмовах польскай дзяржавы. Моўны, ці этнаграфічны аспект сярод каталікаў паўплываў толькі на нацыянальную самасвядомасць нешматлікіх асобаў¹⁴.

¹³ Mironowicz, E. Zmiany struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruski w XX wieku / E. Mironowicz, R. Radzik, S. Tokć. – Białystok, 2005. – S. 105–112.

¹⁴ Kalinowska, J. Nie jestem Białorusinką / J. Kalinowska // Sustreczy. – 1984. – № 1.

Праваслаўных жыхароў Белароччыны не злучала ніякая ідэалогія, ні нацыянальная, ні палітычная. Шмат хто, праўда, называў сябе беларусам, аднак такая самаідэнтыфікацыя не азначала гатоўнасці рашуча абараняць свае нацыянальныя каштоўнасці – мову, культуру, ці, прынамсі, імкненні да выхавання сваіх дзяцей на свядомых членаў уласнай нацыянальнай супольнасці, што з’яўлялася нормай у суседзяў палякаў.

Для большасці праваслаўных асноўным паказчыкам іх адметнасці ад польскага акружэння з’яўлялася іх веравызнанне, якое называлася «рускай верай». У беларускамоўнай вёсцы, дзе побач пражывалі праваслаўныя і каталікі, першыя акрэсліваліся як «рускія», другія – як «польскія»¹⁵.

Адразу ж пасля вайны пачалася міграцыя праваслаўнага насельніцтва з вёсак ў гарады і разам з гэтым наступала змена грамадскага і найчасцей культурна-моўнага акружэння. Першыя выхадцы нярэдка становіліся міліцыянтамі, партыйнымі дзеячамі, нават высокімі дзяржаўнымі чыноўнікамі. Пазней, разам з калектывізацыяй, калі міграцыя з вёскі стала яшчэ больш масавай, многія праваслаўныя сяляне ўліваліся ў горады ў шэрагі рабочага класу.

Беларуская мова ў Беларочку, куды трапляла большасць вясковай праваслаўнай моладзі, паказвала іх сялянскае паходжанне, а дрэннае валоданне польскай мовай стварала шмат клапатлівых сытуацый. Сяляне нават у вачах гарадской бядоты ўспрымаліся ледзь не як горшы гатунак людзей, а акрэсленне «хамы» ў адносінах да мігрантаў з вёскі выкарыстоўвалася не толькі прадстаўнікамі люмпен-пралетарыяцкага, але часта таксама і інтэлігенцкага асяроддзя. Каб не вылучацца сваёй адметнасцю, не пракаваць агрэсіі да сваёй асобы на месцы працы, ці ў школе, праваслаўныя беларусы, якім прышлося жыць у новым грамадскім акружэнні, імкнуліся перш за ўсё авалодаць польскай мовай¹⁶. Вяскоўцы, дзеці якіх ужо нараджаліся ў горадзе, дома паміж сабою найчасцей размаўлялі на беларускай мове, але да дзяцей прынцыпова звярталіся на польскай¹⁷. Бацькі шчыра жадалі сваім дзецям, каб яны пазбеглі тых прыкнёнаў, якіх самыя дасведчаныя ў першыя гады гарадскога жыцця.

Карыстанне польскай мовай не абазначала яшчэ польскай нацыянальнай свядомасці. Мова была найперш паказчыкам грамадскага статусу. Бацькі, дзяды, сябры ў вёсцы карысталіся вясковай мовай, гэта значыць беларускай гаворкай. Гараджане ў першыя пакаленні ў кантактах з аднавяскоўцамі дэманстравалі па падкрэслівалі, што яны належаць ужо зусім да іншага цывілізацыйнага і грамадскага асяроддзя. Мова горада – польская – была толькі адным з доказаў іх адметнасці. Апроч таго звычайна былі лепш апранутымі, часам прыязджалі сваімі мотацыкламі (напрыклад, савецкім «Іжам»), распявалі пра кінаэтэтры, ванну з цёплай вадой і, самае гадоўнае, пра вольны час, якога ў вёсцы ніколі не бывала і працу, якая ніколі не была такой цяжкай, як на бацькоўскім полетку¹⁸.

Тыя, што пакінулі вёску, не глядзячы на цяжкасці з прыстасаваннем да жыцця ў новым грамадскім акружэнні, амаль ніколі не наважваліся вяртацца. З перспектывы горада найлепш бачылася абсурднасць і безвыніковасць вясковай працы і арганізацыі штотдзённага жыцця, дзе не было месца для адпачынку, гігіены, а нават нармальнага харчавання. У горадзе гэта было лёгка даступным для звычайнага гультая. Таму імкненнем да ўцёкаў з вёскі спадарожнічала ўспрыманне альтэрнатыўных для вясковых формаў паводзін, якое таксама ўключала адрачэнне ад культурнай спадчыны сваіх продкаў¹⁹.

¹⁵ Такі падзел існаваў ужо на пачатку XX стагоддзя: Krzysztofik, W. Jasionówka wieś powiatu sokólskiego / W. Krzysztofik. – Poznań, 1935. – S. 194–195.

¹⁶ Барскі, А. Аб чужым і ўласным / А. Барскі // Нива. – 16.01.1956. – № 38.

¹⁷ Sadowski, A. Białoruska mniejszość narodowa w ałymstoku // Białystok w świetle badań społecznych / A. Sadowski, E. Tarnowska. – Białystok, 1987. – S. 191.

¹⁸ Pietruczuk, B. Ściernisko / B. Pietruczuk. – Białystok, 1983. – S. 204.

¹⁹ Яновіч, С. Каб мова не раздзяляла / С. Яновіч // Беларускі каляндар. – 1964. – С. 61.

Абзначала гэта культурна-моўную асіміляцыю ў польскім гарадскім асяроддзі, што стала пачаткам нацыянальнай асіміляцыі. Працэс гэты трывае на Беласточчыне ўжо больш за 60 гадоў, а яго завяршэнне здаецца яшчэ не так блізкае. Сацыяльны і грамадскі поспех праваслаўнага насельніцтва выклікаў перш за ўсё ўдзячнасць уладам Народнай Польшчы, палітыка якіх адкрыла такія магчымасці для сялян. Камуністы былі першай ўладай, якая дала месца ў сваіх шэрагах таксама праваслаўным беларусам. Такая палітыка рашуча разыходзілася з практыкай уладаў даваеннай Польшчы. Камуністычны ўрад ад адданных яму праваслаўных таварышаў жадаў няшмат, а найперш таго, каб навонкі не паказвалі свае культурнай, моўнай і рэлігійнай адметнасці²⁰. З пункту гледжання гэтага ўрада найважнейшым было адабрэнне з боку польскай большасці, паколькі ён трымаўся толькі дзякуючы савецкай падтрымцы. Таму камуністычныя ўлады прагнулі, каб палякі бачылі ў іх не прадстаўнікоў савецкіх інтарэсаў, а як сілу, што адстойвае польскія нацыянальныя каштоўнасці. Таму праваслаўныя беларусы ў структурах гэтай улады маглі працаваць толькі пры ўмове, што будучы добра выконваць ролю палякаў. Некаторыя партыйныя дзеячы, функцыянеры службы бяспекі, ураднікі змянялі нават імёны і прозвішчы, якія выдавалі іх праваслаўнае паходжанне. Федзька, напрыклад, ставаўся Франкам, Коля – Казікам, Васіль – Вацлавам, Ніна – Янінай. Найбольш інтэнсіўна гэты працэс праходзіў у 1970-х гадах. Афіцыйна не было такіх патрабаванняў, аднак кожны, хто быў у структурах улады, разумеў, што рабіць кар’еру будзе прасцей Франкам, чым Федзькам, хаця часта на поспех гэтай кар’еры ўплываў Вацэк, які раней быў Васькам.

Такая маскіроўка станюча ўспрымалася палякамі, не выклікала таксама адмоўных рэакцый з боку сваякоў, суседзяў, калегаў. Усім аднавяскоўцам было зразумела, што калі наш Васька, ці Федзька стаў сакратаром партыі, дырэктарам, ці афіцэрам, тады ён не абы хто, ён ведае, што робіць, ён прадстаўнік дзяржаўнай улады. Каб палепшыць свой грамадскі статус трэба было ісці іх следам, а перш за ўсё пакінуўшы вёску пачаць гаварыць на мове ўлады. Кар’ера патрабавала прысваення не толькі ідэалогіі ўлады, але таксама культурна-моўнай формы яе выяўлення. Функцыянеры праваслаўнага паходжання не мелі ніякіх эмацыянальных сувязяў з польскай мовай, ці культурай, успрымалі яе чыста інструментальна, памяталі аднак, што змена іх грамадскага статусу наступіла толькі тады, калі пачалі гаварыць на польскай мове і падоць сябе як палякі²¹.

Кожны, хто займаў кіраўнічую пасаду, жадаў мець вакол сябе людзей давераных і ментальна падобных на сябе. Таму кіраўнікі розных устаноў праваслаўнага паходжання стараліся браць на працу такіх жа самых выхадцаў з праваслаўных вёсак, пазбягаючы тых, хто паходзіў з каталіцкага асяроддзя. У Ваяводзкім камітэце Польскай аб’яднанай рабочай партыі амаль 60% кадраў паходзіла з беларускага асяроддзя. Не было, аднак, такіх выпадку, каб хтосьці там прызнаў сябе беларусам.

Характэрнай для эпохі вялікіх грамадскіх пераўтварэнняў была і сама тэрміналогія, якой называлі сябе праваслаўныя перасяленцы з вёскі ў горад. Словы «наш», «свой» змяшчалі ўсё – нацыянальнасць, веравызнанне, светапогляд. Раней «нашыя» гэта былі ўсе жыхары вёскі, якія гаварылі «па свому», ці «па руску», сёння гэта ўсе тыя, хто быў ахрышчаны ў царкве і не змяніў веравызнання²². Мова чалавека не мае ніякага значэння пры вызначэнні «свой» ён, ці «не свой». Пасля 1989 г. пэўнае значэнне сталі мець палітычныя сімпатыі. Праваслаўны, які дэклаваў прыхільнасць да

²⁰ Mironowicz, E. *Polityka narodowościowa PRL* / E. Mironowicz. – Białystok, 2000. – S. 48-51.

²¹ Pawluczuk, W. *Procesy dezintegracyjne w prawosławnych społecznościach wiejskich* / W. Pawluczuk // *Więś Współczesna*. – 1967. – № 3(121).

²² Андрюк, Н. *Госці ў доме* / Н. Андрюк // *Беларускі календар*. – 1971. – С. 188.

партыі правай арыентацыі, ці тады яшчэ «Салідарнасці», не лічыўся ўжо зусім «нашым». Свой гэта той, хто галасаваў за посткамуністычную партыю Саюз левых дэмакратаў (назва партыі мянялася).

Беларускі нацыянальны рух, які нараджаўся ў падполлі ў час ваеннага становішча, пасля 1989 г. успрымаўся таксама, як не зусім «наш». Перш за ўсё гэта рух прэзентаваў сябе як антыкамуністычная апазіцыя і дамагаўся адкрытага існавання беларускага жыцця ў публічнай прасторы – беларускай мовы ў сродках масавай інфармацыі, беларускіх культурных устаноў, школаў з беларускай мовай навучання, прадстаўнікоў у самакіраванні, якія б выступалі як беларусы і ад імя беларусаў²³. Гэта была прапанова вярнуць усё тое, ад чаго ўцякалі ўсе «нашыя» з вёскі ў горад. Палітычныя змены ў Польшчы пазбавілі значэння і ўплываў толькі частку людзей былога партыйнага апарата. Большасць засталася на ўладных месцах і яшчэ больш рашуча праяўляла адданасць польскай нацыянальнай міфалогіі і культуры.

Слабы беларускі нацыянальны рух для палякаў быў чымсьці нечаканым і падазроным. Таму дзяржаўны апарат ад самага пачатку намагаўся яго маргіналізаваць. З другога боку падтрымліваліся ўсякія формы актыўнасці, якія папулярызавалі грамадска-культурную катэгорыю «праваслаўных палякаў», найбольш мадэрнізаваную форму тутэйшасці. Частка былога партыйнага апарату ператварылася ў царкоўных дзеячаў. Брацтвы праваслаўнай моладзі сталі ў асноўным прапагандыстамі польскай культуры, часам таксама ўкраінскай і расійскай.

Царква, якая сваёй адметнасцю стрымлівала асіміляцыйныя працэсы сярод вернікаў, у апошнія гады, асабліва ў Беластоку, стала актыўным удзельнікам працэсу, які ўмоўна можна было б акрэсліць рухам праваслаўных палякаў. Увядзенне польскай мовы ў набажэнства праваслаўных епіскапы і святары тлумачаць асіміляцый свайх вернікаў. Рускамоўныя гімны часам змяняюць украінскі спевам, але ніколі беларускім, хаця абсалютная большасць удзельнікаў набажэнстваў, у тым ліку і самыя святары, гэта беларусы па паходжанню. На вельмі далікатную крытыку з боку беларускіх дзеячаў прадстаўнікі царкоўнага апарата адказвалі, што патрабаванне беларускай мовы з'яўляецца праявай нацыяналізму, а ў царкве найважнейшае ёсць Слова Божае. З гэтага адказу можна здагадацца, што беларускае слова, на думку такіх святароў, не дастойнае дыялогу з Усевышнім. Архімандрыту Супрасльскага манастыра Гаўрыілу, які адзіны звяртаўся да вернікаў на беларускай мове, царкоўныя ўлады прапанавалі 3 гады таму пасаду епіскапа на поўдні Польшчы, у Бяшчадах, сярод украінскага насельніцтва, што можна было зразумець як ганаровую спасылку.

Паводле дадзеных сацыялагічных даследаванняў, амаль 76 працэнтаў г. зв. «нашых людзей» горада Беластока на шырокае пытанне «Хто ты», найбольш ахвотна адказалі б толькі адным словам – «праваслаўны»²⁴. Калі ж «нашыя» былі вымушаныя дакладна акрэсліць сваю нацыянальнасць, дык у абсалютнай большасці адказвалі – «паляк». Гэтая форма адказу вельмі характэрная у кантактах з людзьмі з кругу «не нашых». Сярод «свайх», г.зн. праваслаўных ніхто не спяшае дэклараваць сваёй нацыянальнасці.

Найлепш гэта відаць падчас вяселляў і ўсялякіх святаў і ўрачыстацяў, дзе пераважна збіраюцца выхадцы з праваслаўнага асяроддзя. «Нашы людзі», на штодзень польскамоўныя, калі ладзяць вяселле сваім дзецям, шукаюць музыкантаў, якія спяваюць толькі беларускія, ці расійскія песні. На такі гурт чакаецца часам пару месяцаў, а ўсё дзеля таго, каб госці на некалькі гадзін апынуліся ў свеце, які гарманічна сплуп-

²³ Mironowicz, E. Białorusini w wyborach parlamentarnych i samorządowych w Polsce w latach 1989-1994 / E. Mironowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne T. 4. – Białystok, 1995. – S. 121–131.

²⁴ Sadowski, A. Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok, 1995. – S. 76.

чаецца з іх натурай. Беларуская музыка гарантуе забаву да белага дня. Пасля першай чаркі людзі скідаюць свае маскі, бываюць так спантаняны і шчырыя, як іх вясковыя продкі. Наступнага дня, калі мінае боль галавы, ўсё вяртаецца да нормы.

«Нашыя», якія акрэсваюць сябе праваслаўнымі палякамі, рашуча аднак адрозніваюцца ад палякаў-каталікоў. Для першых польскасць гэта высокастандартны прадукт, які дае пачуццё бяспекі, аблягчае штодзённае жыццё, для другіх – гэта святасць, містычная катэгорыя. «Нашым» польская нацыянальная міфалогія можа і зразумелая, аднак не выклікае асаблівых эмацыйных адчуванняў. Прозвішчы Кароля Войтылы, Юзэфа Пілсудскага, Рамана Дмоўскага для большасці абьякавыя, для пэўнай часткі маюць нават хутчэй адмоўныя канатацыі. «Нашым», г. зн. праваслаўным палякам, польская культура не зусім свая, беларуская, а перш за ўсё руская, не зусім чужая²⁵. Праваслаўныя палякі абураюцца, калі ў польскіх сродках масавай інфармацыі адмоўна гавораць пра Расію, што адабраецца, альбо прымаецца зусім абьякава палякамі-каталікамі.

Галоўным фактарам, які размывае супольнасць праваслаўных палякаў, з’яўляюцца змешаныя шлюбы. Звычайна яны прыводзяць да пераходу аднаго з сужонцаў у каталіцтва, адкуль вяртання да «сваіх» амаль не бывае.

У апошнія гады назіраецца рашучая змена палітычнай арыентацыі асноўнай масы «нашых». Разам з маргіналізацыяй посткамуністычнага Саюза левых дэмакратаў, праваслаўныя масава разам са сваімі епіскапамі пайшлі за постсалідарніцкай Грамадзянскай платформай, партыяй правай арыентацыі. Так як раней ПАРП, а пасля СЛД, так цяпер Платформа адкрывае сцежку для кар’еры людзей з праваслаўнага асяроддзя. Віцэ-прэзідэнт Беластока, віцэ-старшыня гарадской рады і шмат іншых высокіх чыноўнікаў атрымалі месцы ў структурах улады дзякуючы партыйнай рэкамендацыі. Кожная партыя, якая адкрывае дарогу да поспеху, ўспрымаецца «нашымі», як свая. Здольнасць да прыстасавання да кожных умоваў – гэта ёсць таямніца вечнасці адукаваных тутэйшых. Канчатковая асіміляцыя патрабуе яшчэ прынамсі аднаго ці двух пакаленняў. Праваслаўныя трэцяга пакалення, народжаныя ў Беластоку, найчасцей ужо не называюць сябе праваслаўнымі палякамі, а проста палякамі. У адрозненні ад сваіх бацькоў і дзядоў гавораць тое, што адчуваюць.

И.Ф. Кононов

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Луганск (Украина)*

ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА УКРАИНЫ: ПРАКТИКИ ВЛАСТИ И ЖИЗНЕННЫЙ МИР

Распад СССР, превращение его бывших республик в независимые государства стали причинами актуализации проблемы границ. С одной стороны, атрибутом независимого государства является государственная граница. Следовательно, государственное строительство предполагает и укрепление границ. С другой стороны, границы новых государств оказываются разнородными. Часть их являются бывшими госу-

²⁵ Mironowicz, E. Świadomość narodowa ludności prawosławnej Białostocczyzny / E. Mironowicz // Język a tożsamość na pograniczu kultur / red. E. Mułkova, A. Engelking. – Białystok, 2000. – S. 51–55.

дарственными границами Советского Союза, а часть – фактически административными границами между бывшими советскими республиками. Первые относятся к старым границам, имеющим долгую историю и традицию, вторые – только формируются. Их формирование наталкивается на большие сложности. Приобретению ими классической формы мешает связанность экономик, этническая чересполосица, повседневные традиции и т.д. Возникают противоречия между разными типами границ. Так, государственная граница может угнетать экономические связи, вмешиваться в процессы на этнических и региональных границах.

Нашей целью является рассмотрение взаимодействия разных типов границ на Востоке Украины. Напряжение между разными типами границ будет рассматриваться через конфликт практик государственной власти и повседневных практик населения приграничных населенных пунктов.

После распада СССР именно границы Украины с бывшими советскими республиками стали наиболее проблемными. В первую очередь это касается границы с Российской Федерацией. Не только сама граница относится к новым, но и приграничная зона здесь не имеет соответствующих традиций жизни. Сейчас излишне зарегулированный пограничный режим сдерживает экономическое сотрудничество Украины и России, угнетает развитие приграничных территорий.

В настоящий момент через границу с РФ в Украину попадает большинство нелегальных мигрантов, которые стремятся через Украину переправиться в Западную Европу [1, с. 157]. Пространство миграционных потоков пронизывает границу Украины и существует как бы над приграничной территорией. Среди местных проблем оно не занимает приоритетной позиции. Но оно является причиной внешнего давления на Украину. В связи со вступлением в действие с 1 января 2010 г. соглашения о реадмиссии между Украиной и ЕС украинские эксперты отмечают: «Фактически, ЕС подталкивает Украину к лучшему обустройству своих северо-восточных границ, которые пока являются значительно прозрачнее, чем западные» [2, с. 28]. В данном случае речь идет о далеких защитных рубежах Европы.

Восточная граница Украины привлекает к себе внимание западных авторов и по геополитическим причинам. Давлением старых стереотипов обуславливается неадекватную оценку местных реалий. Так, существует стереотип, что приграничную зону должны заселять защитники территории, жестко противопоставляющие своё и чужое. Его можно найти у К. Хаусхофера, когда он призывает к «психологической ориентации всего народного духа на всесторонний характер проблемы обороны и защиты его жизненной формы» [3, с. 452]. Не встретив на Востоке Украины подобного воинственного духа, некоторые западные авторы ведут речь даже о необходимости изменения этнического состава восточной границы нашей страны. Это порой выглядит как откровенное вмешательство во внутренние дела Украины. Так, М. Кёрри советует выселить из этого ареала этнических русских, даже организовав для них льготный режим переселения в США. «Если изменить экономику и демографию в этих регионах, непрестанное притяжение к России ослабит, в то время как демографическая реальность тех, кто склоняется в сторону Запада, увеличится» [4, с. 3]. За подобными рассуждениями, которые смешны в теоретическом плане, открывается ужасная перспектива, сродни боснийской времен гражданской войны.

Границы в последнее время все больше демонстрируют привлекательность для теоретических исследований социологов. Во-первых, сейчас стало совершенно очевидно, что предшествующая теория границ базировалась на организмической метафоре. В свое время именно она была фоновым знанием для К. Хаусхофера, который уподобил границу кожному покрову организма: «...Я смог дать, исходя из опыта, только определение (дефиницию) понятия границы как «периферического органа» – по

добного коже, – жизненной формы, закрытой на ключ, «обозначенной на всем протяжении» и испытывающей напряжение, но живущей собственной полнокровной жизнью, защитного покрова, состоящего из жизненных форм, наполненных единой жизненной волей» [3, с. 247]. Имена эта скрытая метафора порождает социал-дарвинистские аллюзии. Она же чаще всего до нашего времени довлеет над сознанием практических политиков. Разрушению данной метафоры способствовало открытие разных типов границ. В англоязычной традиции различают как типы границ Border, Boundary и Frontier [5, с. 43–62]. Но этот интеллектуальный инструментариум оказывается в современных условиях недостаточным. И здесь мы подходим ко второму фактору, актуализирующему границу как теоретическую проблему. Таковой является глобализация. У. Бек пишет: «...Глобализация осуществляется вместе с подчеркиванием важности и усилением границ, с усилением пограничного контроля. Правда, эти новые границы функционируют не так, как прежние. Они напоминают швейцарский сыр, так как в них систематически встраиваются дыры и ненадежные места, ведь в то же время они должны обеспечивать поток информации, капитала и людей (туристов)» [6, с. 131].

Применительно к восточной границе Украины я предпочитаю конкретизировать понятийный набор, связанный с триадой границ. Первый термин (Border) применим к границам, продуцируемым политическими властными практиками, второй (Boundary) – к границам примордиального характера. Третий термин (Frontier) выделен на ином логическом основании. Так называют подвижные границы между пространствами народов/культур, которые находятся в неравном положении. Более сильная сторона колонизует территорию более слабой стороны, перемещая своё влияние на освоенную таким образом территорию. Фронтир завоеватель/колонизатор рассматривает как подвижную границу между цивилизацией и варварством. Таким образом, данный термин является наиболее идеологически нагруженным [7, с. 51].

Изучение восточной границы Украины показывает опасность использования неадекватной терминологии. Поэтому в дальнейшем мы будем определять типы границ по типу взаимодействующих общностей. Здесь возникло взаимоналожение нескольких типов границ. С одной стороны, государственная граница является государственным институтом и органом центра, который таким образом определяет пределы своей политической власти. С другой стороны, здесь проходит этническая граница между основными массивами украинского и русского этносов. Эти границы имеют разное пространственное выражение. Первая тяготеет к условной линии на земной поверхности, а вторая реально существует как широкая контактная зона глубиной в несколько сот километров. Кроме того, здесь же существуют региональные границы [8]. Государственная граница примерно пополам разрешила широкую этническую контактную зону. Это можно сказать и о региональной границе. Часть городских агломераций Донбасса оказались разделенными государственной границей. Это далеко не полный перечень несовпадений в прохождении границ. Но и этого достаточно, чтобы с уверенностью прогнозировать проблематизацию повседневности жителей пограничья.

Социологическое учение о границе должно развиваться как теория среднего уровня. Следовательно, теоретические выкладки здесь должны подкрепляться эмпирическим материалом. Эмпирические влечения теории проявляются через формулировки обоснованных гипотез. В данном случае основой выдвижения гипотезы стало сомнение в правомочности распространения на украинско-российскую государственную границу общей метафизики пограничности. Сошлюсь на Эрхарда Штёрлингга, который выразил её следующим образом: «Если смотреть на границу, то так или иначе известно, что за ней находится другой мир. Иными словами, границы создают различие между «здесь» и «там», которое считается существенным. Различие одновременно привлекает и отпугивает. С одной стороны, оно помогает создавать коллективную

идентичность, но, с другой стороны, оно угрожает этой идентичности» [9]. У нас есть все основания сформулировать гипотезу, что восточная граница Украины воспринимается населением приграничных территорий, как граница между своими. В силу этого здесь становятся неизбежными конфликты между практиками государственной власти и повседневными практиками населения.

Для изучения взаимодействия практик власти и жизненного мира в приграничной территории Луганской области кафедрой философии и социологии нашего университета в октябре 2009 г. проведена серия из пяти фокусированных групповых интервью (ФГИ). Два из них прошли в г. Луганске и по одному в поселке Белолуцк (райцентр на севере области), в селе Пархоменко (Краснодонский район) и в г. Червонопартизанск (юг области). Тем самым мы стремились отразить основные особенности нашей приграничной зоны, которая отличается по поселенческим и этническим параметрам. ФГИ в Луганске должны были показать, насколько приграничный статус повлиял на самоидентификацию жителей нашего региона. Модератором во всех ФГИ выступал автор этих строк. Данные, полученные во время проведения ФГИ, нами далее подаются в виде секвенций из высказываний наших респондентов. Они приводятся на языке оригинала и выделяются курсивом. В квадратных скобках будут даваться перевод с украинского языка. После высказываний даются инициалы и данные о респонденте.

В силу вынужденной ограниченности объема текста тезисно сформулируем основные результаты.

Первое. Эмпирические данные подтверждают, что восточная граница Украины может быть определена как «граница между своими». Этническая и культурная реальность по ту сторону границы не отличается от соответствующей реальности по эту сторону. Интересно, что реальность пограничья по-разному воспринимают на севере и на юге нашей области. Жители севера области считают, что политическая граница рассекла Слободскую Украину, а жители юга – Донбасс. *«Що таке Слобожанщина? Ніхто до пуття не знає, де вона кінчається. Аж десь під Курськом закінчується. І оце тепер розрізали по живому»*. (В. О. М., пос. Белолуцк, 21.10.2009 г.) [*«Что такое Слобожанщина? Никто толком не знает, где она заканчивается. Аж где-то под Курском заканчивается. И вот теперь разрезали по живому»*]. *«Аж туди, до Білгорода і Вороніжкa всі розмовляють українською мовою»* (Б. В. Л., директор школи, пос. Белолуцк, 21.10.2009 г.) [*«Аж туда, до Белгорода и Воронежа все разговаривают на украинском языке»*]. Народное единство по обе стороны границы отражается через концепт славянства. *«Я против границы категорически. І если відчуваю там опасність, ми люди, простіє люди. У нас нет границ. Вообще нет! Каждый меня поддержит. Мы как одной расы. Мы – славяне. Мне больше нечего сказать»*. (К. О. И., участковая медсестра, с. Пархоменко, 22.10.2009 г.).

Второе. Жители области с её пограничным статусом сталкиваются только при пересечении границы или при контакте с пограничниками и с нарушителями границы. *«Не відчуваю, що наша область – пограничний регион»*. (Б. О. А., Луганск, 19.10.2009 г.). *«Не відчуваю. Это город как город. Если брать по городам Украины, что там, что здесь. Например, что Киев, что Черкассы, что Луганск. Особо ничем не отличаются. Население такое же точно, менталитет тот же самый. Границу с Россией я лично никак не відчуваю»*. (М. Д. З., Луганск, 19.10.2009 г.). Граница проявляет себя как любое бюрократическое учреждение. *«Взагалі кордон нам тут жити не заважає. Тільки хотілось би, щоб цей кордон був трошечки прозоріший, щоб можна було більше спілкуватися із родичами з Росії, щоб було більше можливості з ними спілкувати. Тому що виникають деякі проблеми. <...> І з цим перетином кордону. Завжди затримки на кордонах. Великі черги, щоб перетнути кордон»*. (В. Л. В., техработник в школе, пос. Белолуцк, 21.10.2009 г.) [*«Вообще граница нам здесь жить не мешает. Только хотелось*

бы, чтобы эта граница была немножко прозрачнее, чтобы можно было больше общаться с родственниками из России, чтобы было больше возможностей с ними общаться. Потому что возникают некоторые проблемы. <...> И с этим пересечением границы. Всегда задержки на границе. Большие очереди, чтобы пересечь границу». Государственная граница, будучи бюрократическим учреждением, проблематизировала повседневность людей. «На той стороне грибов много, там леса. Всегда дружно переправлялись и проводили время. Интересно было. А сейчас, чтобы переправиться надо документ на лодку, зарегистрированное плавсредство. И паспорт оригинал с собой брать. И все равно, если тебя встретят пограничники другой страны... Мы никто! И мы просто так не переправляем. Хотя Донец река небольшая, узкая, но туда дорога нам закрыта». (Г. В. В., зав. библиотекой, С. Пархоменко, 22.10.2009 г.).

Третье. Нелегальные экономические практики, прежде всего контрабанда, связываются с разницей цен по разным сторонам границы. Они делятся на два типа – народные и власть имущих. Первые не осуждаются. «Только неделю назад я приехал из России. Пересекал границу. Я поддерживаю мнение, что пока экономика не выровняется, пока цены не будут одинаковыми, не будет этих переходов и так далее. Потому как на границе в Изварино, там пешеходная дорожечка, бабушки с дедушками туда проходят, а вечером идут с мешочками. Вы сами понимаете, что для обеспечения жизнедеятельности им приходится этим заниматься. Не потому, что им там... А просто им хочется кушать». (Ф. О. П., Луганск, 19.10.2009 г.). Вторые рассматриваются как криминальные практики. «Именно по нашей улице проезжали эти бензовозы с соляркой, с бензином, со спиртом. Они проезжали с охраной. У меня подруга живет недалеко, возле нее всегда стояла машина. В машине находились люди вооруженные. Эти вот составы, они полностью сопровождалась. И мы даже думали, что это бандитские формирования». (Ш. В. А., медсестра, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.). «Все всем понятно, что тут это все взаимосвязано с нашими властными структурами». (М. Л. В., педагог-организатор, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.).

Четвертое. Жители приграничья указывают на угнетающее влияние современного состояния украинско-российской границы на экономическую активность. На юге Луганской области она разрезала некоторые шахтерские агломерации. Одна из них образована украинскими городами Свердловск и Червонопартизанск и российским городом Гуково. Раньше здесь существовала маятниковая трудовая миграция. «Сейчас есть эти связи, шахтеры также продолжают работать. Те же жители Свердловска, Червонопартизанска. Они продолжают работать на шахтах города Гуково. С шахтными автобусами там [на границе. – И.К.], конечно, немного лояльнее поступают, потому что знают, что рабочее время, что люди на работу едут. Но, тем не менее, проверки есть в этих автобусах, поскольку люди приносиваются в шахтерские автобусы залезать. Но, опять же, после того, как водителей за это немножко наказывают, тогда уже все. Они уже даже не останавливаются на остановках, шахтерские автобусы Гуково – Свердловск» (М. Л. В., педагог-организатор, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.). Однако, в целом граница угнетает экономические связи. «Раньше, когда не было таких сложностей на границе, у нас экономический вопрос здесь развивался лучше. Я раньше работала в торговле. Туда люди ехали свободно, многие ездили за товарами. И сало подешевле, и мясо подешевле, и рыба там. Мы могли спокойно поехать купить, приехать. Также вот из России к нам часто ездили за продуктами. И оборот был хороший. У нас сейчас нет возможности туда свободно заехать. Чтоб туда заехать карту миграционную нужно заполнить. Это автобусом. Если едешь машиной – вообще проблема. На украинских таможах как таковых нет проблем, проверили, свободно заехали и все, один раз остановиться. Там же [на территории России. – И.К.], стоит именно таможня, за таможей сразу проехал – стоит пограничная зона. Здесь открыл машину – все проверили, заглянули во все, два-

цать метров проехал – то же самое. Усложнили этот процесс, очень тяжело. И оттуда ничего нельзя привезти, ничего. Моя знакомая ездила недавно. Взяла ту рыбину. Её оказалось легче выбросить. Или куда-то прятать, неизвестно куда. В этом вопросе, экономическом, мы конечно страдаем» (Р. Т. М., машинист конвейера на шахте, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.).

Пятое. Наши респонденты воспринимают границу в динамике. Участники ФГИ отменили позитивные изменения последних лет на границе, которые уменьшили влияние криминальных практик на их повседневную жизнь. *«Сейчас гораздо легче с этим, а тогда, когда немножко слабее у нас была граница, у нас организация такая была – база называется. Ранее она была базой государственной. А потом её выкупили. Когда у нас были проблемы с бензином, а на границе была большая-большая дырка, бензовозы, автомобили, которые перевозили сольярку, – это движение было постоянно. У меня во дворе стоял запах. Я выходила во двор, у меня был грудной ребенок, такое впечатление, что у меня прямо во дворе стоит ёмкость открытая с сольяркой. Да, после того, конечно, когда сюда приезжали, прилетали [высокие государственные чиновники. – И.К.], все это закрыли, все эти бензовозы выгнали. Сейчас этого нет. Во-первых, была опасность постоянная, что тебя сшибет этот бензовоз. Неоднократно я слышала о перестрелках. Да, наша молодежь тогда была там, те, кто были с правами. Они работали там. Они мотались в эти зоны. Я просто общалась. У меня знакомый работал на бензовозе, именно на вот этих, как он говорит, бандюков. Да он уезжал, это было под страхом, приедет он или нет. Их обстреливали пограничники. Все было, было много всякого. Они и переворачивались на этих бензовозах. Сейчас я не скажу, чтобы наша граница была на крепком замке. База эта также существует. Не знаю, официально ли это, неофициально, но большие шестнадцатитонники перевозят грузы. Я не знаю, какие товары перевозят, но это бывает нерегулярно, по два-три раза в неделю. Прямо плотно ездят эти машины. В общем, дали добро, и они пролетают. Все. Сейчас я скажу, что немножко лучше замок на нашей границе, крепче держится в отношении контрабанды».* (М. Л. В., педагог-организатор, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.). Этот нарратив заслуживает на особый разбор. Он организован через противопоставление «мы – они». «Мы» – это простые граждане, жители приграничных населенных пунктов. «Мы» – пассивная, страдательная сторона. «Они» – «бандюки», связанные с властью. Их криминальные практики осуществляются как бы перпендикулярно повседневному миру простых граждан. Они действуют над этим повседневным миром, лишь походя его затрагивая. Но в криминальные практики вовлекается местная молодежь, которая иначе не может заработать на жизнь. Эти молодые люди попадают в особый мир опасности, где им приходится противостоять силе государства. Нарратив организован так, что не возникает уверенности в длительности улучшений, о которых говорит респондент. Все ведь зависит от непонятных процессов в таинственной среде, которую образуют «Они».

Шестое. Жители Луганской области демонстрируют амбивалентное отношение к границе. С одной стороны, она – помеха для нормальной жизни. *«Граница не нужна вообще. Она никогда нигде не нужна. Поездка в Ростов стала очень проблемной, так что граница, я считаю, вообще не нужна. Жили раньше мирно, дружно. У нас, получается, отношения с Америкой лучше, чем с Россией. Это благодаря нашему правительству».* (К. Е. М., медсестра, с. Пархоменко, 22.10.2009 г.). Но, с другой стороны, она открывает и новые возможности для заработка. *«Когда только появилась там таможня, это у нас, скажем так, еще один рынок появился. К поездкам дальнего следования местное население носило фрукты продавало. Потому что люди едут с Севера. Вареная кукуруза, пиво, денежный обмен. Здесь залазят, вылезают где-то в пределах России. Они обменивают деньги: доллары, гривны, евро».* (М.Л.В., педагог-организатор, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.).

Седьмое. Пограничные службы не могут мобилизовать местное население приграничных населенных пунктов для борьбы с контрабандой и нелегалами. В пригранич-

ной зоне для жителей не характерна идентичность, которая вырабатывается через противопоставление жителям с противоположной стороны границы. Значимого Другого для выражения своей идентичности они находят внутри Украины. Таким значимым Другим в большинстве случаев выступает население Западной Украины. «*Ну, чтобы мы вот от россиян отличались, от Ростовской области, мне кажется, нет. Одинаковые мы. Что там, что тут. Ну, может быть жизненные условия немного отличаются. Конечно, может быть у них там лучше. Ну, кто его знает. А с западом [Украины]. – И.К.]? Ну, они нас всю жизнь здесь считали не украинцами. Так они и продолжают» (Б. Л. В., пенсионерка, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.). Иногда наши респонденты актуализируют позитивные региональные автостереотипы, распространяя их на жителей по обе стороны границы. Одновременно с этим, актуализируются негативные гетеростереотипы, ориентированные на Западную Украину. «*За Луганск и за Ростов я сказать не могу, но я могу сказать за город Червонопартизанск и за город Гуково. Чем мы сходны? Город Гуково – шахтерский городок. И мы – шахтерский городок. У нас люди привыкли работать, они привыкли зарабатывать свои деньги и отнюдь не самым легким трудом. Трудяги тут живут. А пообщаться с Западной Украиной? Они ленятся работать» (М.Л.В., педагог-организатор, г. Червонопартизанск, 23.10.2009 г.). Интересно, что такой тип идентификации фиксируется не только на юге области, где население преимущественно русскоязычное. Он распространен и на севере области, где для большинства характерна выпуклая украинская этническая идентичность. Одна из респонденток определяет людей по разные стороны границы через категорию родства и тут же противопоставляет их жителям Западной Украины. «*Нас розділили. Ми тут родичі між собою, жителі прикордонних посёлков. Ми усі родичі. <...> Ми теж українці, любимо Україну. Але чогось вони [жители Западной Украины. – И.К.] хочуть доказати, що вони люблять її дужче, ніж ми» (В. Л. В., технічний працівник в школі, смт. Білолуцьк, 21.10.2009 р.). [Нас разделили. Мы здесь родственники между собой, жители приграничных посёлков. Мы все родственники. <...> Мы тоже украинцы, любим Украину. Но почему они [жители Западной Украины – И.К.] хотят доказать, что они любят её больше, нежели мы].***

Выводы. Эмпирический материал подтверждает, что государственная граница Украины на востоке страны накладывается на этническую и региональную границы. Для гармонизации властных практик и мира повседневности жителей восточного пограничья Украины необходимо менять режим границы. Она должна более надежно блокировать криминальные практики, но способствовать развитию приграничных территорий. Здесь необходима зона приграничного сотрудничества с соответствующим правовым режимом.

Список литературы

1. Шульга, Н.А. Великое переселение: репатрианты, беженцы, трудовые мигранты / Н.А. Шульга. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 700 с.
2. Завгородня, І. Чужі / І. Завгородня // Український тиждень. – 2010. – № 1–2. – С. 26–29.
3. Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 227–598.
4. Кёрри, М. США должны спасти Киев от Москвы / М. Кёрри // День. – 19 августа 2009. – С. 3.
5. Бреский, О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / О. Бреский, О. Бреская. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 336 с.
6. Бек, У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.

7. Атоян, А.И. Социомаргиналистика / А.И. Атоян. – Луганск: Редакционно-издательский отдел ЛИВД МВД Украины, 1999. – 456 с.

8. Кононов, И. Ф. Проблема границ и ее значение для социологии / И.К. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. – Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2004. – С. 45–49.

9. Штёлтинг, Э. Социальное значение границ / Э. Штёлтинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.indepsocres.spb.ru/stoelt_r.htm.

Г.Н. Соколова

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЫНКИ ТРУДА РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ

Рынок труда – наиболее сложный элемент рыночной экономики. Здесь не только переплетаются интересы работника и работодателя, но и как в зеркале отражаются все социально-экономические явления, происходящие в обществе. От того, насколько успешно функционирует экономика, в какой фазе экономического цикла она находится, каково поведение основных субъектов рынка (работника и работодателя), зависит спрос на рабочую силу и ее предложение, а соответственно – уровень и структура занятости, незанятости и безработицы.

Региональные рынки труда – это рынки труда в областях Республики Беларусь. Основное их различие – не между собой, а между региональными (областными) рынками и рынком труда г. Минска. В результате того, что управление в течение десятилетий было приспособлено к требованиям командно-административной системы, ее организационно-правовому и экономическому механизму, регионы (области) Республики Беларусь социально выглядят как бы «на одно лицо», а экономически сохраняют отраслевую окраску и находятся в экономической и политической зависимости от центральных органов власти [1, с. 160].

Между тем, переход к рыночной экономике в корне изменяет положение регионов в политической, социальной и экономической системе государства. Происходят две важные трансформации: во-первых, демократизация системы способствует развитию самостоятельности регионов; во-вторых, рыночные отношения вызывают к жизни высокую социальную активность регионального населения. Все вместе взятое, в том числе природные ресурсы, производственная и социальная инфраструктура, дают толчок территориальным системам к саморазвитию. Сегодня можно наблюдать процессы регионального развития как в экономике, так и в социальной сфере, происходящие в различных территориальных системах государства [2, с. 205].

Согласно концепции, заявленной в «Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг.», конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, обеспечение его материальных и духовных потребностей. В Республике Беларусь переход к устойчивому развитию требует структурной перестройки экономики, сбалансированного решения социально-экономических задач по следующим направлениям: сохранение жизненно важных отраслей, удовлетворяющих потребности населения; ориентация на использование собственного технического потенциала и ме-

стных ресурсов; ускоренное развитие конкурентоспособных производств; развитие экономически оправданных интеграционных связей с Россией и другими странами СНГ и дальнего зарубежья; создание мотивационного механизма реализации мер по структурной перестройке экономики на основе гибкого сочетания рыночных методов и инструментов государственного регулирования [3, с. 10–12].

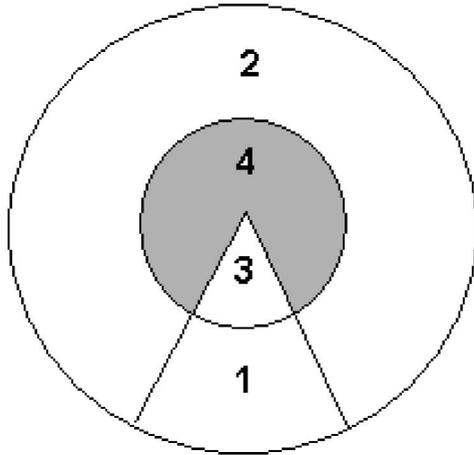
Вместе с тем, структурная перестройка экономики не задает социальные изменения, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты. Как они будут использованы – предмет политического выбора, определяемый основными направлениями социальной политики государства. Они включают в себя: создание условий и возможностей гражданам зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей; обеспечение рациональной занятости населения; обеспечение роста денежных доходов населения; улучшение социального обеспечения нетрудоспособных граждан; повышение степени защиты социально уязвимых групп населения. Особое внимание уделяется государственному регулированию оплаты труда, которое недостаточно учитывает требования перехода к социально ориентированной рыночной экономике. Именно заработная плата должна стать, по мнению экономистов, одним из ведущих факторов повышения эффективности производства и основой роста уровня жизни населения [4, с. 6–7].

Выбор в пользу социально ориентированной экономики порождает ряд проблем, главные из которых: проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей в обществе, предполагают потерю эффективности производства; проблема «оборотной стороны» экономических преобразований в виде возможных негативных социальных последствий; проблема учета экономических интересов различных слоев населения и их готовности участвовать в проведении экономических реформ; проблема приведения в равновесие структур спроса и предложения рабочей силы на рынке труда Республики Беларусь.

Концепция анализа рынка труда

Согласно концепции анализа рынка труда, в плане соотношения структур спроса и предложения рабочей силы [5, с. 45–85], совокупный рынок труда представляет собой механизм согласования интересов нанимателей и наемных работников, при посредничестве государства. Главными элементами этого механизма являются: совокупный спрос как синоним общей потребности экономики в наемной рабочей силе и совокупное предложение, охватывающее всю наемную рабочую силу из числа экономически активного населения. Спрос на рабочую силу отражает природу и структуру занятости и определяется числом и структурой рабочих мест, существующих в экономике и требующих заполнения. Предложение отражает состояние незанятости и безработицы в экономике и охватывает все категории населения, претендующего на работу по найму. Совокупный рынок труда играет важную роль в процессе воспроизводства ВВП и создании благоприятного климата в обществе. Текущий рынок труда рассматривается как часть совокупного рынка, оставшаяся за пределами удовлетворенного спроса на труд, и определяется числом вакансий и числом лиц, занятых поиском работы. Данный подход позволяет рассмотреть состояние рынка труда на макро- и микроуровне и выделить механизмы регулирования занятости и безработицы на каждом из этих уровней. В рамках текущего рынка труда, предмет исследования – эффективность взаимодействия государственной службы занятости, в качестве главного инструмента рыночной инфраструктуры, как с соискателями работы, так и с работодателями в лице предприятий и организаций.

Текущий рынок труда можно представить как многосекторную структуру, образуемую двумя взаимосвязанными частями: открытым и скрытым рынками труда (рис. 1).

Сектор 1 – официальная часть открытого рынка труда
 Сектор 2 – неофициальная часть открытого рынка труда
 Сектор 3 – официальная часть скрытого рынка труда
 Сектор 4 – неофициальная часть скрытого рынка труда

Рисунок 1 – Текущий рынок труда

Открытый рынок труда – это все экономически активное население, фактически ищущее работу и нуждающееся в профессиональной подготовке, и вакантные места во всех секторах экономики.

Официальная часть открытого рынка труда включает в себя свободную рабочую силу и вакансии, зарегистрированные в государственной службе занятости населения.

Неофициальная часть открытого рынка труда охватывает неучтенные вакансии и ту часть предложения рабочей силы, которая не зарегистрирована в государственной службе занятости населения.

Скрытый рынок труда включает лиц, которые формально числятся занятыми, но в силу отсутствия объемов работы, рынков сбыта продукции и других причин могут быть высвобождены без ущерба для производства.

Официальная часть скрытого рынка труда регистрируется органами статистики. Она охватывает лиц, находящихся в отпусках по инициативе нанимателя, а также вынужденных по этим же причинам работать неполное рабочее время. Сюда относится также излишняя численность в связи с учтенными целодневными и внутрисменными потерями.

Неофициальная часть скрытого рынка труда – это излишняя численность работников в связи с неучтенными целодневными и внутрисменными потерями рабочего времени, а также из-за низкой фактической интенсивности и производительности труда.

Необходимость подобного разделения текущего рынка труда обусловлена тем, что каждая из выделенных его частей характеризуется своими специфическими явлениями и процессами.

Для углубления содержательной характеристики рынка труда, дополним основную концепцию анализа концепцией сегментации рынка труда [6, с. 90–115], которая исходит из анализа различий между двумя сегментами в экономике, – первичным и вторичным – с разной заработной платой и характеристиками занятости (рис. 2). Первичный сегмент рынка труда обладает высоким статусом работ, высокой заработной платой, хорошими предложениями со стороны работодателей в плане режимов рабочего времени и условий труда.

Вторичный сегмент рынка труда характеризуется наличием безработицы, а также низкоквалифицированными работами, не требующими длительного обучения. Каждый из сегментов подразделяется в свою очередь на внутренний рынок труда (предприятие, организация, где уровни занятости и заработной платы определяются набором административных правил и процедур), и внешний рынок труда, где решения о ценообразовании, размещении и профессиональном обучении контролируются экономическими показателями. Эти два вида рынка труда связываются движением рабочей силы между ними через определенные входы и выходы, при этом работы на внутреннем рынке защищены от непосредственных влияний конкурентных сил внешнего рынка.

Работы в первичном внутреннем сегменте являются типичными для работников, стабильно занятых на предприятии (организации); требуют долговременного обучения специальностям, нужным предприятию; обладают гарантиями и хорошими перспективами продвижения, высоким уровнем автономии и высокими материальными поощрениями. Для первичного внешнего сегмента типичны востребованные специальности и профессии, прием на работу по набору профессиональных качеств специалистов.

Вторичный внешний сегмент рынка труда производит работы низкой квалификации, с малой автономией и низкой ответственностью, малыми и нестабильными заработками, неудовлетворительными условиями труда, включая сезонные работы. Вторичный внутренний сегмент предлагает работы в основном низкого класса (статуса), с низкими гарантиями и малыми перспективами продвижения. Движение между первичным внутренним и вторичным внешним сегментами является скорее исключением из правил. Варьирует в определенных количествах и направлениях движение между смежными сегментами (первичным внутренним и первичным внешним, а также вторичным внутренним и вторичным внешним рынками труда), определяемое изменениями в спросе и предложении рабочей силы на рынке труда.

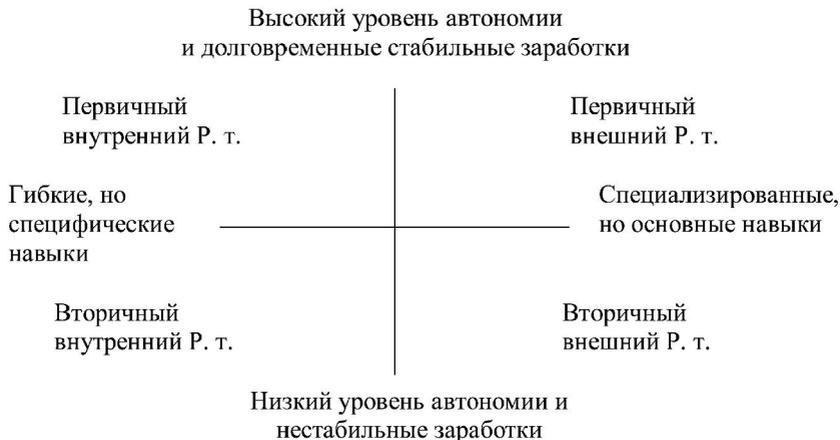

Рисунок 2 – Взаимодействие первичного и вторичного рынков труда

Главная характеристика официальной части открытого рынка труда состоит в возможности его достоверной количественной оценки посредством сбора обширной статистической информации [7, с. 9–38; 8, с. 67–83]. В развитии официальной части белорусского рынка труда можно выделить три этапа:

Первый этап (1991–1996 гг.) – характеризуется переходом от административно-командного к экономическому механизму рынка использования трудовых ресурсов и ста-

новлением спросоограниченного рынка труда. Характерными тенденциями этого периода являлись возникновение и рост уровня безработицы, увеличение масштабов высвобождения избыточной рабочей силы, рост обращений в службу занятости (т.е. предложения труда) и общее нарастание напряженности на рынке труда. Вместе с тем, на этом этапе начали выполняться важные функции рынка труда: перелив и размещение рабочей силы по критерию эффективности (что выражалось в освобождении предприятий от избыточной занятости); стремление к повышению конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда, поскольку в условиях рыночных отношений наиболее уязвимыми становятся лица с ограниченной конкурентоспособностью. Об этом свидетельствует динамика структуры безработицы, в которой расширяется доля молодежи, лиц со средним и общим базовым образованием, выпускников, женщин (стабильно более 2/3). Отметим, что все страны с переходной экономикой ощутили сходные тенденции. Нуждается в комментарии факт роста безработицы на этом этапе, воспринимаемый как отрицательное явление. Представляется, что данный показатель начал означать реальное состояние рынка труда и реальный объем работы государственной службы занятости.

Второй этап (1997–2000 гг.) – характеризуется усилением государственного регулирования рынка труда, где приоритет отдавался экстенсивным факторам экономического роста и контролю над количественными параметрами. Официально контролируемым все больше становится вторичный рынок труда, связанный с неквалифицированной рабочей силой, а первичный рынок труда перемещается за пределы видимости государственной службы занятости. Основным источником пополнения числа безработных становятся уволившиеся по собственному желанию и так называемые прочие, доля которых достигает 1/2 всех безработных. Объяснений данному обстоятельству несколько. Во-первых, в условиях наращивания ВВП за счет экстенсивного использования рабочей силы снижается реальная заработная плата, что несомненно инициирует увольнения (до 90% уволившись определяют это как основную причину увольнений). Во-вторых, за этой причиной может стоять завуалированное высвобождение «по согласению сторон», когда работника пассивно вынуждают к уходу с предприятия. Обратим внимание на то, что сведения о вакансиях содержат информацию в основном о рабочих местах с низкой заработной платой и являются непривлекательными для потенциальных работников, что затрудняет их заполнение. Достигнутый на этом этапе уровень регистрируемой безработицы – 2,0% в республике и 1,5% в г. Минске можно, по мнению экономистов, принять за естественный, минимальный уровень, который не может быть далее снижен без необратимых изменений в системе использования труда (т.е., возвращения к всеобщей занятости). Таким образом, на этом этапе формируется разделение открытого рынка труда на официальную и неофициальную части, а также – увеличение объемов скрытого рынка труда.

Третий этап (2001–2008 гг.). Рассмотрение ситуации на рынке труда в данный период свидетельствует о том, что картина на официальной части открытого рынка не отражает всех проблем в области занятости и безработицы. Уровень регистрируемой безработицы снижается в 2008 г. до 0,8% от экономически активного населения республики. Изменяется структура безработных по возрасту: доля безработных 16–19 лет уменьшается почти вдвое (от 22,0 до 8,0%), а доля лиц 50 лет и старше увеличивается вдвое (от 7,6 до 16,5%). Что касается изменений в структуре по уровню образования, то доля лиц с высшим образованием в республике осталась почти без изменений (на уровне 10,3%), доля лиц с общим средним и базовым образованием уменьшилась в полтора раза (от 77,8 до 51,1%). Более чем вдвое сократились сроки поиска работы и трудоустройства, уменьшилась средняя длительность безработицы. На этом этапе происходит окончательное формирование неофициальной части открытого рынка труда, во многом связанной с самостоятельным трудоустройством временно незанятых работников, помимо государственной службы занятости населения. Такое положение дел вызывает необходимость анализа социальных механизмов формирования регистрируемой безработицы, оценки ее соотношения с нерегистрируемой безработицей, а также оценки контингента незарегистрированных безработных, вовлечение которых в сферу общественного производства могло бы способствовать формированию инновационной экономики в Беларуси.

Характеристика совокупного рынка труда в регионах Республики Беларусь

Основным источником формирования ресурсов труда является трудоспособное население в трудоспособном возрасте, доля которого составила по республике в целом в 2008 г. – 95,2% от наличных трудовых ресурсов, почти не изменяясь по регионам (табл. 1). Тенденции изменения численности данной категории населения во многом связаны с демографическими факторами: вступлением в трудоспособный возраст молодежи и выбытием посттрудоспособного населения, численность которого существенно различается по отдельным годам. Так в 1991–1992 г. наблюдался рост трудоспособного населения, в 1993–1995 гг. – сокращение, в 1996 г. их численность вновь возросла и далее – стабилизировалась на уровне 95%.

Важнейшей составной частью трудовых ресурсов являются работающие лица старших возрастов, доля которых в 2000 г. составляла в республике 4,9%, в 2001 г. – 4,8%, в 2003 г. – 4,3%, в 2005 г. – 4,3%, в 2008 г. – 4,8%. Стабильный удельный вес данной категории населения свидетельствует о наличии спроса, с одной стороны, на специалистов высокой квалификации, опыт которых имеет непреходящее значение для обучения более молодых кадров, а с другой стороны, – на вакансии рутинного труда, на которые молодежь идет неохотно. Стабильность этой части трудовых ресурсов обуславливается относительно благоприятным состоянием экономики и проводимой государством социально ориентированной политикой в отношении социально уязвимых групп населения [9, с. 106].

Таблица 1 – Характеристика совокупного рынка труда в регионах Республики Беларусь, 2008 г. (%)

Трудовые ресурсы	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Минск	Республика Беларусь
Всего, % тыс. чел.	100 885,5	100 804,3	100 923,8	100 686,0	100 876,1	100 717,5	100 1358,4	100 6251,6
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте	94,5	95,3	94,7	93,3	94,0	94,4	92,9	95,2
Работающие в нетрудоспособном возрасте	5,5	4,7	5,3	6,7	6,0	5,6	7,1	4,8
Занятое население	70,8	70,4	71,0	73,1	75,5	70,5	79,2	73,5
Незанятое население	29,2	29,6	29,0	26,9	24,5	29,5	20,8	26,5
Учитываемое статистикой	13,7	14,2	14,7	14,2	10,6	14,6	18,4	14,5
- учащиеся и студенты	8,0	9,0	9,0	9,0	5,7	9,2	14,6	9,5
- женщины в отпусках по уходу за ребенком	3,9	3,1	3,8	3,4	3,4	3,3	3,1	3,4
- лица, получающие пособие по инвалидности	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,2	0,5
- зарегистрированные безработные	1,0	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,4	0,8
- лица, содержащиеся в местах лишения свободы и следственных изоляторах	0,2	0,5	0,2	0,2	0,2	0,7	0,1	0,3
Не учитываемое статистикой, % тыс. чел.	15,5 137,2	15,4 123,8	14,3 132,1	12,7 87,1	13,9 121,8	14,9 106,9	2,4 32,6	12,0 741,5
- незарегистрированные безработные, тыс.чел.	47,2	53,8	52,1	37,1	61,8	46,9	2,6	301,5
- трудовые мигранты, тыс. чел.	70,0	50,0	60,0	30,0	40,0	40,0	10,0	300,0
- лица, ведущие домохозяйство, тыс. чел.	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	70,0
- прочие, тыс. чел.	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	70,0

Анализ распределения занятого населения по отраслям экономики, по республике в целом, свидетельствует о положительных изменениях в отраслевой структуре занятости в ходе процессов перераспределения рабочей силы по отраслям общественного производ-

ства. Прежде всего, это касается соотношения численности работающих в производственной и непроизводственной сферах в сторону увеличения последней. Так, если в 2000 г. их соотношение составляло 49,4 и 50,6%, то в 2008 г. – 45,4 и 54,6%. Позитивной тенденцией можно считать сокращение уровня занятости в промышленности, где доля работающих снизилась с 27,6% в 2000 г. до 26,6% в 2008 г. [9, с. 111]. В то же время, многие наблюдаемые тенденции в этой отрасли имели регрессивный характер. Наибольшее сокращение работников произошло в обрабатывающих отраслях промышленности при росте их численности в добывающих. Так, численность работников значительно уменьшилась в машиностроении и металлообработке, легкой промышленности, в то же время она возросла в электроэнергетике, нефтедобывающей и лесозаготовительной промышленности.

С переходом к рыночным отношениям новым явлением стало формирование занятости в негосударственном секторе экономики. В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь, хозяйственная деятельность осуществляется с использованием как государственной, так и негосударственной форм собственности. Структурные изменения занятости по формам собственности органически связаны с проведением разгосударствления и приватизации предприятий, развитием предпринимательства и самостоятельной занятости граждан. Медленные темпы их осуществления обусловили низкие темпы формирования занятости в негосударственном секторе. Так, доля работающих на государственных предприятиях снизилась с 57,2% в 2000 г. до 50,0% в 2008 г., по отношению к занятым в экономике [9, с. 110].

В 1991–1995 годы высвобождение занятых из госпредприятий в основном было связано с падением производства и низким уровнем заработной платы. При этом, значительная часть высвобождаемых работников либо пополняла ряды безработных, либо уходила в теневую экономику, что обусловило низкие темпы перераспределения рабочей силы из госпредприятий в негосударственные структуры. В 1995 г. одним из факторов снижения темпов сокращения численности занятых в государственном секторе экономики явилось постепенное налаживание хозяйственной деятельности и стабилизация производства. Преобладание этого сектора экономики наблюдается практически во всех отраслях. В промышленности на государственных предприятиях сосредоточено около 60% работающих в отрасли, в сфере образования занято 93,8%, здравоохранении – 94,3%, жилищно-коммунальном хозяйстве – 82,6%. Таким образом, основной формой занятости в настоящее время остается работа на государственных предприятиях (организациях).

Статистический анализ уровня и структуры реальной занятости населения показывает, что основные группировки, составляющие структуру занятости, – это работники в трудоспособном возрасте (95,2%) и работающие пенсионеры (4,8%). Коэффициент реальной занятости по республике составляет 73,5% (см. табл. 1). Специфика реальной занятости анализируемых группировок отражает то, что до 90% от общего числа занятых являются работниками по найму; периодичность реальной занятости такова, что 95% имеют постоянную работу; полнота реальной занятости такова, что полную занятость (основную работу с полным рабочим днем (неделей) имеют 95%, а неполную – 5% занятого населения. Подобная монозанятость наиболее уязвима в кризисных ситуациях, обладает низким адаптационным потенциалом и невысокой способностью в выживанию в условиях меняющейся макросреды. Возможность регулирования феномена занятости за счет изменения его структурных компонентов – специфики, периодичности и полноты занятости – незначительна.

Анализ уровня и структуры реальной незанятости населения республики (26,5%) показывает, что основные группировки, учитываемые государственной статистикой (14,5%), – это учащиеся и студенты (9,5% от трудовых ресурсов), женщины в отпусках по уходу за ребенком до достижения трехлетнего возраста (3,4%), лица, получающие пособие по инвалидности (0,5%), зарегистрированные безработные (0,8%), лица, содержащиеся в местах лишения свободы и следственных изоляторах (2,4%). Остальные 12,0% (незарегистрированные безработные, трудовые мигранты, лица, ведущие домохозяйство и прочие) представляют собой незанятое население, не учитываемое государственной статистикой (см. табл. 1).

Сравнительный анализ реальной незанятости в разных регионах республики показывает, что доля лиц, не учитываемых статистикой, составляет в Брестской области –

15,5%, Витебской – 15,4%, Гомельской – 14,3%, Гродненской – 12,7%, Минской – 13,9%, Могилевской – 14,9%, г. Минске – 2,4% от трудовых ресурсов каждого из регионов. По республике в целом, доля лиц, не учитываемых статистикой, составляет 12,0% от трудовых ресурсов Республики Беларусь. Для служб государственной статистики эти лица не выступают работниками, а их трудовая деятельность нигде и никак не фиксируется. Они составляют неофициальную часть открытого рынка труда регионов. Среди них определенная часть выезжает на работу в страны ближнего зарубежья без оформления трудовых отношений (по разным оценкам, до 300 тыс. человек).

Характеристика текущего рынка труда в регионах Республики Беларусь. Анализ регистрируемой безработицы.

Характеристика официальной части открытого рынка труда в регионах представлена в таблице 2. В рамках официальной части открытого рынка, региональные рынки труда схожи между собой (кроме рынка труда г. Минска). Не наблюдается больших различий по таким характеристикам, как пол, возраст, уровень образования. Данное сходство во многом обусловлено тем, что региональные рынки труда на 60% состоят из рынков труда малых городов (к крупным городам в республике относится не более 20%). Малые города и городские поселения, с численностью населения не более 20 тыс. человек, составляют до 80% всех поселений. К моногородам, по критерию занятости – не менее 25% трудовых ресурсов города на одном предприятии, можно отнести 21% малых городов Беларуси.

Таблица 2 – Характеристика официальной части открытого рынка труда в регионах Республики Беларусь, 2008 г.

В среднем за год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Минск	Республика Беларусь
Уровень официальной безработицы, коэффициент	1,0	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,4	0,8
Численность зарегистрированных безработных, тыс. чел.	6,6	6,0	6,9	4,8	5,1	3,9	3,8	37,1
Число свободных рабочих мест и вакансий, тыс.	5,8	4,8	6,4	4,6	7,2	4,2	17,6	50,6
Нагрузка безработных в расчете на одну вакансию, тыс. чел.	1,1	1,3	1,1	1,0	0,7	0,9	0,2	0,7
Структура безработных по полу, %								
Мужчины	31,1	35,4	29,7	26,0	32,6	30,4	35,6	31,1
Женщины	68,9	64,6	70,3	74,0	67,4	69,6	64,4	68,9
Структура безработных по возрасту, %								
16–19 лет	7,0	6,5	7,7	7,2	9,7	7,3	11,6	8,0
20–29 лет	33,0	27,6	34,8	29,9	32,9	32,7	34,6	32,2
30–49 лет	44,1	45,4	41,8	47,0	43,8	42,0	37,9	43,3
50 лет и старше	15,9	20,5	15,7	15,9	13,6	18,0	15,9	16,5
Структура безработных по уровню образования, %								
Высшее	9,1	8,4	8,6	10,1	6,4	9,0	24,7	10,3
Среднее специальное	40,9	35,4	40,0	37,7	38,4	45,0	32,8	38,6
Общее среднее	42,4	35,2	39,8	44,2	44,1	36,9	32,5	39,6
Общее базовое	7,6	21,0	11,6	8,0	11,1	9,1	10,0	11,5
Средняя продолжительность безработицы, месяцев	5,2	5,3	4,3	5,5	3,7	3,2	2,9	4,4
Удельный вес безработных, получающих пособие по безработице, %	58,0	56,4	56,3	63,6	50,5	67,4	36,6	55,7

Источники: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 (Стат. сб.). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009. – С. 132, 135, 137, 139.

В качестве дополнительных критериев монополизации рынка труда, по мнению российских специалистов [10, с. 14–15], могут выступать: занятость на одном или двух предприятиях одной отрасли не менее 25% общей численности занятых в экономике города; выпуск одним или двумя предприятиями не менее 50% общего объема промышленной продукции города; формирование одним или двумя предприятиями города не менее 30% городского бюджета; наличие значительной географической удаленности населенного пункта от альтернативных рынков труда других городов.

По данным критериям, к моноструктурным населенным пунктам, имеющим одно-два градообразующих предприятия, можно отнести около 40% малых городов и городских поселений Беларуси. Градообразующее предприятие играет определяющую роль на рынке труда малого города: оно обеспечивает занятостью подавляющую часть трудовых ресурсов города; диктует перечень профессий и специальностей; формирует городской бюджет и содержит социальную инфраструктуру города. Ухудшение производственно-хозяйственной деятельности градообразующего предприятия на рынке труда малого города ведет к возникновению критической ситуации для всего городского населения. Состояние текущего рынка труда моногорода определяется динамикой, как минимум, трех его секторов: открытого рынка труда (официальной и неофициальной его частей); скрытого рынка труда (официальной и неофициальной его частей), внутреннего рынка труда градообразующего предприятия [11, с. 96–98].

В целом, можно отметить, что официальная часть открытого рынка в регионах представлена, в основном, вторичным рынком труда, с преобладанием молодежной и женской безработицы (труд низкой квалификации). Для внутреннего вторичного рынка труда характерны: высокий удельный вес вакансий физического труда средней и низкой квалификации (до 80% от всех вакансий); высокая доля рабочих мест и вакансий с низкой заработной платой (свыше 40%); высокая доля массовых рабочих профессий (до 80%). Для внешнего вторичного рынка труда характерны: стабильно высокий удельный вес женщин (2/3); высокий удельный вес лиц с общим средним и общим базовым образованием (1/2); низкий уровень пособия по безработице (10% от среднемесячной заработной платы).

Анализ структуры общей безработицы. Безработица представляет собой отражение несовпадения предложения рабочей силы и спроса на нее, их количественное и качественное несоответствие. По своей природе, это своеобразный синтез экономики, политики, идеологии, традиций и морали данного общества. Безработицу подразделяют на фрикционную, структурную и циклическую. Даже в условиях равновесия спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, часть людей находится в процессе смены работы. Это и есть фрикционная безработица. Структурная безработица связана с несоответствием спроса и предложения труда в профессионально-квалификационном или региональном аспектах. Структурная безработица вызывается научно-техническим прогрессом и неравномерностью экономического развития регионов. Циклическая безработица связана с колебаниями деловой активности и возникает при спаде производства. Если фрикционная и структурная безработица имеют место при равновесной экономике, то циклическая может отражать кризисное состояние экономики.

Из таблицы 3 следует, что в регионах Республики Беларусь показатели суммарной безработицы (в % от экономически активного населения) значительно выше, чем в г. Минске, при более слабом статистическом контроле ее нерегистрируемой части.

Таблица 3 – Уровень регистрируемой, нерегистрируемой и общей безработицы по регионам и республике в целом, 2008 г.

В среднем за год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Минск	Республика Беларусь
Экономически активное населения, тыс. чел.	634,8	573,5	664,2	507,4	667,4	511,4	1079,4	4638,1
Зарегистрированные безработные, тыс. чел.	6,6	6,0	6,9	4,8	5,1	3,9	3,8	37,3
Незарегистрированные безработные, тыс. чел.	47,2	53,8	52,1	37,1	61,8	46,9	2,6	301,5
Уровень регистрируемой безработицы, %	1,0	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,4	0,8
Уровень нерегистрируемой безработицы, %	7,4	9,4	7,8	7,3	9,2	9,2	0,3	6,5
Уровень общей безработицы, %	8,4	10,4	8,8	8,3	10,0	10,0	0,7	7,3

Расчитано по: Трудовые ресурсы и занятость Республики Беларусь в 2008 году (По данным баланса трудовых ресурсов). – Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009. – С. 5–6; Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 (Стат. сб.). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009. – С. 131–132.

Анализ данного феномена показывает, что соотношение учитываемого и не учитываемого статистикой населения во многом зависит от числа учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от производства. Если в столице доля учащихся и студентов составляет 14,6% от трудовых ресурсов, то в областях она колеблется от 5,7% в Минской области до 9,2% в Могилевской области. Это вызывает ослабление статистического контроля незанятого населения. Получается, что вовлечение молодежи в продолжение профессионально-технического и среднего специального образования является пусть не единственным, но важным социальным механизмом уменьшения контингента незарегистрированных безработных и, соответственно, уровня нерегистрируемой безработицы.

Регистрируемая безработица, находясь под управляющим воздействием государственной службы занятости, требует совершенно определенных мер регуляции. Это – включение индивидов в рынок труда через механизм трудоустройства и механизмы профессионального обучения и переобучения, включение социально уязвимых категорий населения в рынок труда через механизмы социальной защиты, развитие гибких форм труда и рабочего времени. Что же касается нерегистрируемой безработицы, то, выходя из-под контроля органов управления, она становится стихийным феноменом, чреватый усилением «теневой экономики» и других нежелательных явлений. Регулирование этого структурного компонента возможно с помощью мотивационно-стимуляционных механизмов, формируемых усилиями службы занятости для вовлечения этой части безработных в сферу своего влияния, а также нормативно-правовых механизмов, способствующих созданию экономических, социальных и правовых условий для развития самозанятости, предпринимательства и малого бизнеса в Республике Беларусь [11].

Анализ занятости, незанятости и безработицы в регионах и республике в целом показывает, что усилиями государственной службы занятости населения аккумулируется информация лишь о динамике официальной части открытого рынка труда. Согласно данной информации, регистрируемая безработица в Брестском регионе составляет 1,0%, Витебском – 1,0%, Гомельском – 1,0%. Гродненском – 1,0%. Минском – 0,8%, Могилевском – 0,8%, г. Минске – 0,4%, по республике в целом – 0,8% от экономически активного населения. Информация об остальной части безработных остается вне пределов видимости государственной службы занятости. Между тем, необходимо оценивать весь открытый (в его официальной и неофициальной части) рынок труда в плане спроса и предложения рабочей силы, с учетом как регистрируемой, так и нерегистрируемой безработицы, сведения о которой получаются только из обследования домашних хозяйств. Слож-

ность проблемной ситуации состоит в том, что нерегистрируемая безработица перемещается в первичный внешний рынок труда, представляет собой феномен самостоятельного трудоустройства (в том числе, с использованием социальных сетей) и осуществляется в обход государственной службы занятости.

Причины такого явления кроются в самой практике регулирования трудовой занятости в Беларуси. Для представителей вторичного рынка труда привлекательно регистрироваться в службе занятости, так как, во-первых, это легализация их бездеятельности, во-вторых, статус безработного обеспечивает ряд социальных льгот (например, в оплате коммунальных услуг). Представителям первичного рынка труда, наоборот, нет стимула регистрироваться в службе занятости, по следующим причинам: малый размер пособия не дает возможности существовать без дополнительного заработка, но в случае его появления пособие не выплачивается; организуемые общественные работы уравнивают квалифицированный и неквалифицированный труд; служба занятости располагает информацией о вакансиях в основном по непрестижным рабочим местам; в период безработицы затруднен самостоятельный поиск работы ввиду необходимости соблюдать определенные обязанности безработного. Это во многом объясняет увеличение в структуре зарегистрированных безработных доли лиц именно с невостребованным высшим образованием.

Итак, безработица в целом является результатом политики трудовой занятости в государственном масштабе, а не работы отдельно взятого государственного ведомства (в данном случае, государственной службы занятости). Практика регулирования занятости сводится к контролю регистрируемой безработицы (официальной части открытого рынка труда), что приводит к расхождению между уровнями регистрируемой и нерегистрируемой безработицы. Административное снижение регистрируемой безработицы (официальной части открытого рынка труда) неизбежно ведет к повышению нерегистрируемой безработицы на неофициальной части открытого рынка труда. Характер регулирования занятости, незанятости и безработицы в Беларуси, затрагивающий только официальную часть открытого рынка труда, способствует сохранению неэффективной занятости и пока что недостаточно согласуется с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь, обозначившей необходимость перехода к новой экономике знаний как основе трансформационных процессов в обществе.

Список литературы

1. Соколова, Г.Н. Региональные проблемы и региональная политика в Республике Беларусь / Г.Н. Соколова // Социология регионального и городского развития: сборник статей / под ред. И.П. Рязанцева. – М., 2006. – С. 160–172.
2. Рязанцев, И.П. Экономическая социология (региональный аспект) / И.П. Рязанцев, М.С. Халиков. – М., 2003.
3. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг. – Минск, 2006.
4. Шимов, В.Н. Устойчивое развитие: проблемы, императивы, механизмы достижения / В.Н. Шимов, А.В. Богданович, С.П. Ткачев // Белорусский экономический журнал. – 2002. – № 1. – С. 4–12.
5. Соколова, Г.Н. Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова. – Минск, 2006.
6. Lloveridge, R. Theories of Labour Market Segmentation / R. Lloveridge, A. Mok. – Brussels, 1989.
7. Соколова, Г.Н. Белорусский рынок труда: тенденции развития и социальные механизмы регулирования / Г.Н. Соколова. – Минск, 2006.

8. Соколова, Г.Н. Рынок труда г. Минска: социологический анализ / Г.Н. Соколова // Социология. – 2008. – № 2. – С. 67–83.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 (Стат. сб.). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.
10. Лексин, В. Городская Россия – проблемное воплощение реформ / В. Лексин, А. Швецов // Российский экономический журнал. – 2002. – № 2. – С. 3–28.
11. Ванкевич, Е.В. Управление региональным рынком труда при переходе к рыночной модели социальной политики в Беларуси / Е.В. Ванкевич, А.П. Морова, И.В. Новикова. – Витебск, 2004.
12. Соколова, Г.Н. Социально-экономические механизмы регулирования нерегистрируемой безработицы / Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк // Белорусский экономический журнал. – 2001. – № 4. – С. 91–99.

Раздел 1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.В. Бусько

Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно

ТЕЛЕСНОЕ И ДУХОВНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Информационное взаимодействие представляет собой универсальное свойство мира. Эволюция предельно сложных открытых систем, какими являются общество и человек, связана не столько с совершенствованием вещественно-энергетического взаимодействия материальных систем, сколько с усложнением процессов их информационного обмена со средой. В длительном развитии общества происходили информационные революции, связанные с переходом от исключительно устной коммуникации к письменной, а относительно недавно – от письменного хранения и передачи информации – к электронным средствам ее накопления, обработки и трансляции. В последние десятилетия компьютерно-электронные технологии информационного взаимодействия в обществе стали основой качественных трансформаций информационной стороны существования социума. Основные тенденции в этих трансформациях реализуются, во-первых, в резком возрастании масштабов единовременного информационного охвата аудитории, достигающего своих мыслимых пределов, а именно, глобальных рамок. Во-вторых, коренным образом изменяются степень и характер воздействия информации на массовую аудиторию. Однако на фоне данных тенденций особое значение приобретает третья: социогуманитарные исследования указывают на изменения в содержательном плане широко распространенной и оказывающей манипулятивное воздействие на человеческую психику информации – прежде всего речь идет о выраженном преобладании информации о телесном над информацией, направленной на духовное совершенствование человека. В рамках настоящей работы попробуем установить, каковы причины и направленность такой тенденции.

Еще П. Сорокин выделял три гиперцикла в культурно-цивилизационной динамике: идеационный, сенсативный и идеалистический. В соответствии с его идеями, западное общество в XV–XX веках стало культурой преимущественно сенсативного типа, ориентирующей человека на практические цели достижения благополучия в реальном мире, признающей истинным знанием то, что так или иначе может помочь преобразовывать реальный мир в интересах человека (т.е. научное знание), в искусстве создающей стилистику реализма и натурализма, а в области этики поддерживающей позиции гедонизма и утилитаризма. Аппликация этих признаков на состояние культуры последних десятилетий показывает, что эти тенденции получили более широкое распространение в пространственном отношении (стали характерными, к примеру, для огромных масштабов постсоветского пространства, отчасти завоевали популярность и на Востоке), что в большой степени опосредуется глобальной информационной сетью, Интернетом. Есть и еще одна причина более глубокого проникновения установок сенсативной культуры в человеческое сознание. Она связана со спецификой подачи информации, ее преобладающими видами. Информация вербальная, как устная, так и письменная, стимулирует активность логико-понятийного мышления. Образы, которые на ранних этапах формирования культуры несли основное содержание мифологической картины мира и были

ее основой, носили субъективно дифференцированный характер, ибо возникали в тесной связи со словом, жестом, движением и даже с появлением рисунка, искусства живописи опосредовались либо схематично, либо символически. По мере формирования цивилизационных способов освоения мира и развития духовно-практического опыта образы как форма обработки информации в индивидуальном сознании дополнялись мощными возможностями дискурсивного, понятийного мышления, представленного письменной традицией, философией и наукой. Однако с изобретением кино, и еще более телевидения и Интернета огромные массивы распространяемой информации приобретают преимущественно визуальный характер. Видимый образ в большей степени, нежели вербальная коммуникация захватывает сознание и имеет более однозначную интерпретацию в силу своей завершенности, готовности, целостности. Если поствербальный образ выстраивается в психике и имеет творческий характер, то отражение наглядных образов имеет характер моментальной репродукции, и по мере перенасыщения ими информационного пространства снижается творческая активность общественного сознания. «Картинка» в большей степени, нежели слово, проникает и в бессознательные структуры психики по той причине, что хранилища «коллективного бессознательного», связанного с архаическими способами обработки информации, содержат архетипы, существующие, в соответствии с концепцией К. Юнга, именно в образных формах. Между предлагаемой «картинкой» и архетипами может возникать подобная резонансной связи, усиливающая активность бессознательных влечений, свойственных человеческому роду, имеющих усредненный универсальный характер и сводящихся в основном к агрессивным и сексуальным интенциям.

Каковы же основные особенности современного информационного пространства, связанные с интерпретацией телесности? Собственно телесность в западноевропейской традиции изначально, со времен античности, занимала более значимое место в мировоззрении, чем на Востоке, о чем зримо свидетельствует искусство. Но если античное представление телесности исполнено эстетизма и героизма, а возрожденческое – титанизма в соединении с эстетическим эротизмом, то современный Запад навязывает массовой культуре эротизм в его наиболее упрощенных низменных формах. Изображение человеческого тела в древней Греции связано с восхищением космической гармонией, присущей всему физическому миру, в том числе и телу человека. Творцы Ренессанса через изобилие телесного все же обращаются к идее явного и скрытого могущества человека, его возможностей, его творческой энергии. В современном информационном пространстве тело человека – всего лишь вещь среди вещей, которая в общем контексте безудержного коммерциализма «стоит денег», может обмениваться на калькулируемые блага жизни, технологично модифицироваться, обновляться, причем смысла большего, нежели возбуждение сексуального интереса иметь по большому счету не может. Понятия естественной красоты, индивидуального обаяния, достоинств внутреннего мира вытесняются гламурными шаблонами, возникновением «икон стиля», стереотипами жестких измерений. Реальный человек в таких условиях переживает неудовлетворенность телесностью, данной ему природой. При определенных материальных возможностях он ищет другую, более привлекательную с позиций видеошаблонов внешнюю оболочку, при отсутствии таких возможностей часто погружается в состояние хронической фрустрации, бессознательно ищет отвлечения и забытья. Однако беспощадные факты свидетельствуют о том, что сохранять личностную целостность и здоровую психику, отказываясь от своего естества удается далеко не всем. Яркий пример глубокой потери своего «Я» – судьба Майкла Джексона, сменившего цвет кожи, черты лица, но задолго до старости, несмотря на популярность, потерявшего способность принимать самостоятельные решения, обходиться без транквилизаторов и врачей. Для обычных людей «неудачное» тело может являть-

ся подспудной причиной чревоугодия, пьянства, прочих излишеств, при помощи которых психика «компенсирует» комплексы неполноценности.

Формирование потребностей в современном информационном пространстве направлено преимущественно на телесные желания, влечения и нужды. Большая часть рекламной продукции предлагает в качестве необходимого прежде всего то, что предназначено для тела – от шампуней до туалетной бумаги. Основной контингент типажей массовой видеопродукции занят поисками телесных радостей, а если речь идет о напряженных коллизиях, то риски и острые переживания сопрягаются с опасностями опять-таки для тела. Демонстративно ласкаемая или терзаемая телесность выступает как постоянная и главная самоценность современного масскульта, не оставляющего времени и места для догадок о существовании разума и души.

Действительно, ценности духовной сферы – религии, философии, морали, высокого искусства оказываются на периферии современного информационного пространства, включая Интернет. Любый пользователь Сети знает, как упорно, независимо от направления поиска, в поле зрения то и дело оказываются окна с доминацией телесного. Российский автор В.Ю. Сухнев приводит следующие статистические данные: порнографическими являются 12 процентов веб-сайтов в мире, 25 процентов запросов приходится на эти сайты, а 35 процентов скачиваний – это видео- и фотосюжеты на «эротические» темы. Некоторые эксперты считают порнографию главным спонсором мировой Сети. Год назад порнография в мировой Сети принесла провайдерам около 100 миллиардов долларов чистой (!) прибыли [1, с. 162.]. Духовно беспомощным выступает телевидение. Характер неявной рекламы носят различные телепрограммы, претендующие на просветительский характер. Под видом критики аморализма часто скрывается смакование поведенческих девиаций. На первый взгляд обыкновенные развлекательные передачи несут мощный потенциал бездуховного образа жизни, сдобренного пошлостью, вульгарностью. Интернет выступает не просто как зеркало современного социума, но и как множитель, ускоритель распространения самых разных, в том числе и отвратительных стремлений и поступков.

В целом, в последние десятилетия сенсативный тип культуры имеет распространяющийся характер. Его распространение обеспечивается спецификой современного информационного пространства, в котором благодаря интенсивному использованию визуальных образов основной доминантой выступает человеческая телесность, выступающая как фактор дальнейшего отчуждения человека от самого себя, в том числе и от атрибутивных для человека духовных потребностей.

Список литературы

1. Сухнев, В. Мировая паутина и мировые пауки / В. Сухнев // Москва. – 2009. – № 7.

Е.А. Данилова

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В каждом обществе сложилась и функционирует та или иная аксиологическая система, детерминируемая особенностями социокультурных, экономических и политических процессов, характерных для своего времени. Основанием данной системы яв-

ляются типичные для этого периода базовые ценности, которые во многом определяют последующее направление развития социума. В связи с этим особенно важно определить ценностные приоритеты современной молодежи, которая вобрала в себя все противоречия сложного периода системных преобразований белорусского общества.

Анализ проблемы основан на данных опроса, проводимого в Республике Беларусь по национальной репрезентативной выборке в рамках проекта «Европейские ценности» (The European Values Study) Центром социологических и политических исследований БГУ (руководитель – Д.Г. Ротман) в 2008 г. (с участием автора). Выборочная совокупность включала все взрослое население страны от 18 лет и старше, из нее была выделена группа молодых людей в возрасте 18–30 лет, которая является объектом данного исследования.

Среди основных сфер жизнедеятельности таких, как работа, дружба, досуг, политика, религия, для молодежи Беларуси наибольшую ценность представляет семья (79%); именно брак как одна из форм семейной жизни, а также длительные отношения являются для молодого поколения необходимым условием для счастья (66%). В то же время, институт семьи и брака сегодня претерпевает значительные изменения: в последние десятилетия увеличилось число неполных семей, появляются альтернативы браку, среди которых наиболее широкое распространение получил так называемый гражданский брак. Однако молодые люди в большинстве своем (71%) не согласны с тем, что брак – это устаревший социальный институт, что свидетельствует о значимости брачных отношений как основы семьи для белорусской молодежи.

Одной из главных функций семьи является социализация ее членов, их воспитания в соответствии с принятыми в обществе нормами. По мнению молодежи, основными качествами, развитие которых у детей обязательно должно поощряться дома, являются, прежде всего, трудолюбие (82%), чувство ответственности (72%), хорошие манеры (71%), терпимость и уважение к другим людям (62%). Примерно треть молодых людей Беларуси в первую очередь хотят видеть своих детей решительными и настойчивыми, независимыми или, наоборот, послушными, а также бережливими и экономными. Самыми непопулярными качествами оказались такие, как воображение (16%), бескорыстие (13%) и религиозность (8%).

Таким образом, молодежь Республики Беларусь отдает предпочтение традиционной форме совместной жизни – семье, сформировавшейся на основе брака. При этом большинство представителей молодого поколения считают наличие детей необходимым условием для того, чтобы и женщина, и мужчина могли реализовать себя.

В жизненном самоопределении молодежи важную роль играет ее включенность в трудовую деятельность, во многом проявляющаяся в мотивации выбора места работы. В ходе социологического исследования респонденты оценивали важность ряда характеристик работы, ранжирование которых показало, что первое место прочно занимает высокая заработная плата (96%). Далее по значимости следует интересная работа (80%) и хороший коллектив (79%). Следует отметить, что к основным ценностям труда молодые люди также относят возможность самореализации, карьерного роста, проявления инициативы; молодежь заинтересована в престижной работе, соответствующей их способностям. Большинство молодых людей считают, что для того чтобы полностью реализовать свои способности, необходимо иметь работу, а те, кто не работают, становятся ленивыми. Итак, данные исследования иллюстрируют значимость экономической сферы жизнедеятельности: именно посредством работы молодые люди могут не только реализовать свои творческие способности, но и улучшить свое материальное положение.

Религия является важной составляющей в жизни современного человека, хотя ее ценность не так высока, как, например, значимость семьи и работы. Большинство (67%)

молодых людей, по их словам, принадлежат к определенной религиозной конфессии, при этом 86% верующей молодежи относят себя к православным, 12% – к католикам. Что касается культового поведения, то менее 15% верующих молодых людей регулярно посещают богослужения, изредка (в основном на религиозные праздники) – примерно треть и 26% – никогда не участвуют и не посещают богослужения.

Оценивая роль религии в жизни белорусского общества, большинство (61%) молодых людей Беларуси полагают, что с помощью религии человек удовлетворяет свои духовные потребности, 43% считают, что религия дает исчерпывающие ответы на нравственные проблемы и потребности человека. При этом треть молодых людей, полагают, что религия дает ответы на вопросы семейной жизни (31%), а также, по мнению 21%, на социальные проблемы, актуальные для нашего общества.

Политика как ценность не занимает ведущие позиции в системе аксиологических приоритетов молодежи, она является значимой в той или иной степени для трети юношей и девушек. Кроме того, большинство молодых людей отказались бы подписать петиции (61%) и участвовать в легальных демонстрациях (56%), а тем более в незаконном захвате зданий и заводов (93%) и в неразрешенных забастовках (81%). Важно отметить, что большинство представителей молодого поколения Беларуси в своих предпочтениях ориентированы на демократические ценности, 62% считают, что общество должно преобразовываться, идти к демократии путем постепенных реформ, избегая революционных, радикальных нововведений. Примерно треть представителей молодого поколения полагают, что у демократии, возможно, есть свои проблемы, но она лучше, чем любая другая форма правления. В целом 44% молодых людей удовлетворены тем, как развивается демократия в Республике Беларусь.

Таким образом, анализ данных социологического исследования показал, что в ценностном сознании молодых белорусов семья и работа занимают лидирующие позиции среди таких важных для человека жизненных приоритетов как дружба, досуг, политика и религия. В аксиологической системе молодежи наблюдаются тенденции к индивидуализации, прагматизму, ориентации на собственные силы. Молодые люди формируют ценностную систему, адекватную современным социокультурным, экономическим, политическим условиям, наиболее эффективную, с их точки зрения, для достижения жизненного успеха.

Л.И. Лукьянова

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Изучение проблемы жизненного и профессионального самоопределения студентов медицинского вуза, их ценностных ориентаций, жизненных планов и установок имеет как теоретическое, так и практическое значение. На основе выявления объективных и субъективных факторов, предопределяющих выбор профессиональной стратегии, появляется возможность разработать стратегию ориентации молодежи на получение медицинской профессии, а также прогнозировать будущее, что, в конечном счёте, должно обеспечить здравоохранение Республики достойным пополнением медицинскими кадрами.

В этой связи нами было проведено социологическое исследование в форме нарративного письменного интервью на заданную тему, в котором приняли участие студенты первого и второго курсов лечебного факультета Гродненского медицинского университета. Выборочная совокупность пилотажного интервьюирования составила 200 респондентов, в том числе 80 первокурсников и 120 второкурсников. При этом мы исходили из того, что профессиональное самоопределение выступает как средство реализации жизненной стратегии личности. Одним из ключевых факторов профессионального и жизненного самоопределения респондентов являются мотивы выбора медицинской профессии. Выбор всегда выступает свидетельством самостоятельности и активной жизненной позиции личности. Доминирующими мотивами выбора профессии врача, согласно качественному анализу данных опроса, выступили две главные группы факторов – профессиональные и социальные. Профессиональные мотивы основаны на интересе к данной профессии, склонности и готовности лечить людей. Социальные мотивы демонстрируют выбор медицинской профессии в качестве средства для достижения социальных и личностных целей.

В числе профессиональных мотивов, обусловивших выбор профессии врача, студенты называют: «мечтал с детства», «люблю помогать людям», «благородная профессия», «люблю общаться с людьми», «медицина для меня не просто работа, а образ жизни». Значителен круг тех, кто выбрал эту профессию потому, что «в семье и среди близких родственников много врачей». При этом несколько респондентов отметили, что, несмотря на то, что продолжение медицинской династии – главная причина поступления в медвуз, родители-врачи отговаривали от данного выбора, мотивируя это тем, что профессия врача, будучи трудоёмкой в обучении, недостаточно оплачиваема в обществе. Не редко мотивом выбора профессии являются «советы родителей», «установка на необходимость наличия в семье врача, чтобы вылечить себя и своих близких». Ещё одной причиной, побудившей к выбору медицинской профессии, являются случившиеся в жизни респондентов встречи с медицинскими ошибками, закончившимися смертью близких людей, а также собственные разочарования от встречи с некомпетентными врачами («болит одно, лечат другое»). Некоторые прямо написали, что настолько насмотрелись «несправедливости и халатности врачей, что всем сердцем желают искоренить это зло и сейчас сделали первый шаг к этому, но он не последний». Не редки суждения респондентов, мотивирующие свой выбор тем, что «химия и биология давались лучше, чем языки и математика».

Что касается побуждений студентов с доминированием социального мотива выбора профессии, то они следующие: «выбрал профессию, где надо работать головой»; «врач – престижная, перспективная профессия»; «нужная профессия, так как болеют и президенты и министры»; «врач всегда найдёт работу по специальности»; «врачами и политиками становятся люди, любящие власть, так как пациентом легко манипулировать», «неоценимая польза, которую врач приносит обществу». Оценивая ответы респондентов, обусловившие выбор профессии врача, оказалось, что и у первокурсников и второкурсников преобладали профессиональные мотивы выбора над социальными, так как на 1, 2, 3 местах оказались суждения (соответственно): «мечтал с детства», «в семье, среди близких родственников много врачей», «люблю помогать людям». Что касается мотивов социального выбора, то в совокупности они также играют немаловажную роль, о чём хотя бы говорят такие диаметрально противоположные оценки деятельности врача: с одной стороны – «думал, что врачи хорошо зарабатывают, но сейчас разочарован», а с другой – «меня мало волнует, что у меня будет небольшая зарплата». Таким образом, студентов, собирающихся работать врачами, статус врача, его социальная незащищённость, маленькая зарплата в большинстве случаев не смущает.

Естественно, выбором мотивов поступления в медицинский вуз профессиональное самоопределение личности только начинается. Выбор профессии не даёт исчерпы-

вающей информации о профессиональных намерениях и профессиональных планах человека, хотя бы по той причине (и на это тоже указывали респонденты), что он может быть немотивированным, случайным. Известно, что студенческие годы – это время интенсивного формирования профессионально-значимых качеств личности врача, в течение которого человек укрепляется в правильности сделанного выбора, или же, наоборот, разочаровывается в однажды сделанном выборе, теряет интерес к будущей профессии. Поэтому в исследовании также ставились задачи выявления связи между мотивами выбора профессии и представлениями студентов о будущей профессии с точки зрения желательных и нежелательных качеств в личности врача. Конечно, студенты первого и второго курсов судят о профессии врача гипотетически, иногда даже с позиций пациентов, которыми они являются на сегодняшний день. Однако при всей разбросанности суждений в представлениях о хорошем враче преобладают духовно-нравственные ориентиры профессиональной деятельности.

Так, хороший врач в представлении респондентов – это, прежде всего, – «человечный, внимательный, вежливый, не безразличный к чужой проблеме человек», «спокойный, культурный», «аккуратный», «не брезгливый», «отзывчивый, добросовестный», «не отправит больного, если у него через 2–3 минуты обеденный перерыв»; «терпеливый», «интеллигентный», «добрый», «порядочный», «благородный», «ответственный», «тактичный».

Здесь вполне подтверждается известное суждение о том, что к профессии врача, как и к целому ряду других профессий, предъявляются максимальные требования. Давно замечено, что от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования. Обычно для него недопустимо использовать свою профессию только как прибыльное занятие, так как врач должен, прежде всего, иметь в виду благо других людей. Будучи самой древней и самой почитаемой профессией на земле, во все времена и у всех народов врачевание ценилось очень высоко. Ещё Гомер писал: «Многих воителей стоит один врач искусный». Естественно для общества, совсем не безразлично, как врач выполняет свои профессиональные обязанности. Оценивая искусство врачевания, респонденты поставили на второе место по важности «компетентность врача», «умение вылечить», «высокую квалификацию», «умение поставить правильный диагноз», «пусть лучше знающий, но угрюмый, чем наоборот», «умеющий объяснить пациенту причины его болезни», «если не обладаешь лучшими качествами профессионала, то уйди и не калечь людей своей бездарностью».

Профессиональная деятельность врача опосредована разносторонним комплексом гуманистических интенций и мотивов, поскольку от эффективности этого труда зависят состояние здоровья, духовный мир и положение человека в обществе. Поэтому в ответах респондентов присутствуют оттенки более глубокого понимания врачебной профессии. Так, многие отметили, что «врач должен быть психологом, философом, чтобы расположить к себе пациента», «использовать слово как лечебный фактор», «уметь логически мыслить, анализировать факты», «человечный, а не технолог, который гоняет пациентов по различным совершенно не нужным исследованиям, скрывая свою некомпетентность»; «стремящийся к самосовершенствованию, участвующий в конференциях, следящий за новинками научной литературы и лечебной практики»; «высокий профессионал в чистой душе», «лечит не только тело, но и душу», «лечит не по шаблону, а создаёт свой индивидуальный план лечения»; «одинаково относится с уважением ко всем, независимо от того, кто стоит перед ним – президент или бомж, богатый или бедный»; «медицина – это мир тайн, а хороший врач хочет и может их разгадать».

Проблему проектирования профессиональной стратегии студентами медицинского вуза (как и студенчества в целом) невозможно понять и объяснить вне контекста

перемен в экономической, социокультурной и духовной сферах современного общества. В наши дни всё сильнее наблюдается ориентация на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам. Наблюдается известное отчуждение «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии. Обсуждая проблему профессионального призвания, следует отметить следующие моменты: 1) несводимость признаков профессионализма к качествам, присущим специалистам; 2) несводимость профессиональной идентичности к технической рациональности, оставляя за скобками рациональность культурную, преодолевающую равнодушие действительного профессионализма; 3) необходимость преодоления существующей интерпретации профессионализма, как некоей суммы свойств, лежащих в стороне от социального статуса профессионала, его социального и интеллектуального капитала.

Поэтому проблему профессионального самоопределения студентов медицинского вуза в современных условиях следует рассматривать в более широком социокультурном контексте. Только в этом случае можно найти пути к её решению.

В.В. Карпинский

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В докладе Национального совета по разведке США (ноябрь 2008 г.) «Глобальные течения – 2025: изменяющийся мир» нарисована впечатляющая картина разгорающегося глобального кризиса (природно-климатические вызовы, ресурсные ограничения, демографические сдвиги, катастрофическое старение населения в развитых странах и т.д.) и сделан беспрецедентный вывод – «век процветания», т.е. XX век остался позади, а XXI век будет непростым и жестоким веком.

Проблематичность современной непростой ситуации заключается и в том, что мировой экономический кризис раскрыл многим глаза на бесперспективность нынешней модели общественного жизнеустройства. Даже на саммите «большой двадцатки» в Лондоне в марте 2009 года прозвучали горькие слова о крахе современного мирового экономического порядка, существующей модели социально-экономического и политического развития.

Финансово-экономический кризис – это лишь вершина айсберга, отражение трагического надлома всей техногенно-потребительской цивилизации, ультралиберального, глобализационного капитализма монетаристского типа.

Сегодня даже на Западе наступает время «переоценки ценностей», крушения иллюзий по поводу эффективности западной модели общества и его экономики – ростовщической и паразитарной, экономики спекуляций и перераспределения.

В январе 2009 года канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Никола Саркози публично заявили, что построенная на Западе социально-экономическая модель аморальна по своей сути и подлежит уничтожению, поскольку не способна решать накопившиеся проблемы.

По сути в этой оценке содержится признание приоритета морально-этических принципов над экономикой и голым рациональным расчетом, несостоятельность доктрины Homo economicus, осуждена модель, которая принижает и примитивизирует основные мотивации человеческого поведения.

Сегодня Запад начинает расставаться с иллюзиями о том, что стихия рынка является главным и единственным регулятором всех отношений в обществе, что коммерциализация всего и вся – единственный путь к эффективности, что главный критерий успешности в любой деятельности – прибыльность, что сущность человека измеряется его покупательской способностью. Тем не менее отход от роковой в данных обстоятельствах приверженности к старым принципам организации социального порядка будет длительным и сложным, т.к. это связано с осознанием невозможности и бесперспективности следования прежним парадигмам, диктующим формы восприятия социальной реальности, с теоретическим переосмыслением всего предшествующего опыта социального развития. Сущность этого переосмысления заключается в тезисе о принципиально разрушительном воздействии института самоорганизующегося рынка на человеческую и природную субстанцию общества.

Однако, «реальная политика» продолжает еще во многом уповать на рациональный экономический расчет, в массе своей отвергая существование регуляторов более высокого порядка, а именно: морально-этического, культурного, правового, политического. Во главу угла по-прежнему поставлен регулятор самого низшего уровня – экономический. Другие надеются решить все проблемы путем банальной замены регулятора, например, экономического на правовую и т.д.

Все попытки замен и подмен исходят из непонимания, что гармонизировать отношения в обществе на основе какого-либо одного регулятора принципиально невозможно. Положительный синергетический эффект может дать только целостная система. Кроме того, попытки игнорировать закон незаменимости социальных норм, когда социальный регулятор более высокого уровня невозможно заменить регулятором более низкого уровня, противоречат всему историческому опыту.

Существует множество названий новой цивилизационной модели: социально-эколого-рыночная модель, моральный капитализм, духовный капитализм, информационно-сетевое общество, транснациональное общество, свобододлюбивый социализм, киберкоммунизм. Даже в США набирает силу движение за переход от «сурового» капитализма к «моральному», «разумному», «гуманному», «социально ответственному обществу».

Очевидно, что перспективы выхода из глобального смуткризиса напрямую связаны с формированием новой идеологической базы (социокультурного кода) призванного обеспечить смену системы ценностей, когда на место сегодняшних приоритетов, основанных на культе денег и потребительства, придут вечные ценности – совесть, человечность, справедливость, долг, ответственность. Мировоззренческо-идеологический кризис, переживаемый современным Западом, невозможно разрешить и на путях формирования «общества знания», которое должно сложиться на выходе из кризиса техногенной цивилизации. Новое общество – это общество знания, но не совести, общество, в котором не находится места социальным регуляторам высокого уровня, что чревато перманентным углублением техно-гуманитарного дисбаланса.

В этой связи в научной и философской литературе широко обсуждаются способы решения проблем, представляющих угрозу для существования человеческой цивилизации, и которые еще рельефнее предстали на фоне финансово-экономического кризиса. Анализ различных подходов в осмыслении проблематичности бытия современного человека свидетельствует – среди мыслителей разной ориентации и ангажированности крепнет убеждение в том, что ядро всей глобальной проблематики составляют культурно-психологические факторы, включающие содержание мировоззрения, характер мышления, доминирующую систему ценностей и норм.

Более того, анализ исторического опыта, в котором обнаруживается множество кризисов и катастроф (в том числе глобального характера), спровоцированных человеческой деятельностью, позволяет выявить некоторые закономерности обострения и преодоления антропогенных кризисов.

На исходной стадии формирования рода Ното было нарушено правило эволюционного баланса, обеспечивающее жизнеспособность животных популяций: сила инстинктивного торможения внутривидовой агрессии у высших позвоночных в норме соразмерна естественной вооруженности вида. Возникший человек, лишенный естественного вооружения, не обладал и прочными инстинктами, тормозящими убийство себе подобных. Сочетание же психологии безоружного существа с тем грозным искусственным оружием, которое он научился изготавливать, обрекало первых людей на самоистребление. Почему же человек выжил? Наиболее фундированная гипотеза связывает выживание человека с тем, что люди сформировали надприродный блокиратор агрессии. С тех пор жизнеспособность человеческих сообществ определялась соотношением инструментальной и регуляторной ипостасей культуры. Была обнаружена системная зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. Полученная зависимость – закон техно-гуманитарного баланса – состоит в том, что чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной системы. Формальный аппарат модели демонстрирует, что внутренняя устойчивость социальной системы снижается, если возросшее технологическое и инструментальное могущество не уравновешивается адекватным совершенствованием ценностей и норм деятельности (ростом человеческой мудрости, духовно-нравственным потенциалом человека).

До сих пор совершенствование социокультурной саморегуляции сопровождалось драматическим устранением социумов, не умевших своевременно восстановить нарушенный баланс. Закон техно-гуманитарного баланса предполагает и реальную возможность гибели планетарной цивилизации под обломками собственного декомпенсированного могущества. Соответственно, ключевой вопрос нынешней эпохи в том, останется ли цивилизация способной совершенствовать механизмы внутреннего и внешнего контроля в соответствии с ускоренно растущими технологическими возможностями, обеспечивая им надежный противовес.

В истории фиксируются редкие случаи восстановления техно-гуманитарного баланса за счет отказа от новых технологий. Например, туземцы Тасмании в изоляции научились использовать луки, а японские самураи на триста лет отказались от использования огнестрельного оружия, сочтя его недостойным истинного бойца. Но такой способ ухода от кризиса носил локальный и временный характер и делал социум беззащитным перед внешними угрозами.

Стратегическую перспективу составляет возвышение гуманитарного интеллекта (социокультурной регуляции) до уровня интеллекта инструментального, а не наоборот. Люди учились жить с новыми технологиями, усваивая опыт техногенных катастроф, совершенствуя культурно-психологические регуляторы поведения и, тем самым, ограничивая угрозы, которые неизбежно несет с собой технологический рост.

Л.И. Подгайская

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ПЛАТФОРМА «ДИАЛОГ ЕВРАЗИЯ»

В XXI веке страны ставят перед собой все более амбициозные цели. А они неизбежно влекут за собой необходимость отвечать на моральные, этические, философские вопросы. В том числе и в контексте выживания человечества. Ведь после изобре-

тения ядерного оружия открылась истина смертности не только человека, но и человечества. А какие изобретения нас еще ждут впереди? Поэтому сегодня важно, чтобы люди различных культур и религий научились строить диалог. С целью восстановления и развития культурных, образовательных, гуманитарных связей между странами и народами евразийского континента в 1998 году по инициативе Турции была создана Международная общественная организация Платформа «Диалог Евразия». В него вошли уже многие страны мира. В 2009 году к Платформе «Диалог Евразия» присоединилась также Беларусь.

В мае 2009 года белорусская делегация представителей научной и творческой интеллигенции посетила штаб-квартиру платформы «Диалог Евразия» в Стамбуле, ознакомилась с деятельностью этой общественной организации. Возглавляла делегацию Жанна Михайловна Грищенко, кандидат социологических наук, доцент, принимавшая участие во многих Международных проектах. Благодаря инициативе Жанны Михайловны, общественная организация «Диалог Евразия» получила свое развитие в Беларуси. Среди представителей белорусской делегации присутствовали также Лилиана Федоровна Анцух, директор издательства «Четыре четверти», которое издает литературу, способствующую диалогу различных культур и религий. Галина Васильевна Бороздина, кандидат психологических наук, доцент. Ее книги по психологии делового общения получили мировое признание. Татьяна Николаевна Дасаева, доктор филологических наук, член Союза писателей Беларуси; Ирина Ивановна Лещинская, кандидат философских наук, доцент; Елена Эдуардовна Васильева, кандидат экономических наук, доцент; Лариса Александровна Соглаева, кандидат философских наук, доцент, Людмила Ивановна Подгайская, кандидат социологических наук, доцент.

4 мая 2009 года мы прилетели в Турцию. Если немного вспомнить историю этой страны, то становится понятно, почему именно в Турции зарождается движение «Диалог Евразия», способствующее осознанию общечеловеческого «мы» и стремлению понять друг друга. Турция расположена на стыке Европы и Азии. С севера ее берега омывает Черное, а с юга – Средиземное море. Ее европейская часть невелика: это маленькая оконечность Балкан. Основная часть страны находится в Азии, преимущественно на полуострове Малая Азия, или Анатолия. Турция – страна, соединяющая в себе следы древних культур и все блага современной цивилизации. В высокогорьях и долинах этой страны некогда зарождалась история: некоторые поселения и города здесь основаны более 9000 лет назад и были одними из первых, если не самыми первыми, на Земле. В Турции сохранилось множество исторических достопримечательностей различных эпох и культур. В XI веке власть над этой территорией захватили сельджуки – мусульмане, пришедшие из Центральной Азии. Именно сельджуки принесли в страну ислам и сформировали турецкий язык. В XV веке здесь возникла Османская империя, которая быстро завоевала окружавшие ее территории. При самом могущественном из правителей Сулеймане 1 Османская империя простиралась от Венгрии до Египта, а ее флот контролировал все Средиземное море. К XVII веку начался упадок империи, хотя она прекратила свое существование только в 1920 году. В результате национально-освободительных войн в 1923 году возникла независимая Турецкая республика. Первым ее руководителем был военачальник Мустафа Кемаль, который выступал за превращение Турции в современное светское государство. Реформы, проводимые Кемалем, заслужили ему имя Ататюрк (отец турков). Мустафа Кемаль Ататюрк отменил мусульманские школы и исламскую судебную систему и предоставил женщинам право голоса. В настоящее время портреты Кемалея можно увидеть на стенах всех общественных зданий, кроме того, они печатаются на всех денежных знаках. Ибо в годы его правления страна претерпела значительные социально-экономические преобразования. Это дало новый толчок развитию ее культуры, науки и искусства. Благодаря этим преобразованиям Турция стала современной и динамично развиваю-

щейся страной, где Восток встречается с Западом. Евразия – регион, события в котором влияют на ход мировой истории. И сейчас, в современных условиях значение и сила этого материка значительно возросли. В мире, где по мере развития глобализации наблюдается тенденция к сужению времени и пространства, трудности, связанные с отсутствием диалога, становятся все более очевидными.

Программа нашей недельной поездки в Стамбул была чрезвычайно насыщенной. В нее входили, в частности, посещение фонда журналистов и писателей, университета и колледжа Фатих, конфедерации промышленников и бизнесменов «БИСАД», встречи с Сопредседателем Платформы «Диалог Евразия», председателем Фонда писателей и журналистов Турции Харуном Токак, брифинг с участием журналистов газеты «Заман» и др. Кроме того, была интересной и культурная программа: посещение христианской церкви Рум, Аясофья, музеев – Топканы, Голубая мечеть, Еребатан, прогулка на теплоходе по проливу Босфор, ужин в турецкой семье и др.

Вопросы, которые предлагает для обсуждения «Диалог Евразия», актуальны для всех стран. «Диалог между народами начинается с диалога между интеллигенцией», – утверждают основатели Платформы. На наш вопрос: «Что может изменить небольшая по численности интеллигенция?», ответили одной турецкой притчей. «Однажды загорелся город. Не сумев потушить пожар, люди стали покидать его. И только одна маленькая ласточка продолжала носить в клювике воду из моря и капать на огонь. «Ласточка, разве ты в силах одна погасить пламя?» – спросили ее удивленные жители. «Может быть, я не затушу пожар, – ответила ласточка, – но буду гасить его, пока хватит сил, чтобы быть уверенной, что сделала все, что могла». И посрамленные жители вернулись, и все-таки поборолли стихию».

У истоков этого движения стоит турецкий ученый-богослов Фетхуллах Гюлен – писатель, поэт и журналист, общественный деятель. Он является автором более пятидесяти книг на 23 языках, призывающих к диалогу и усвоению всего многообразия культур различных цивилизаций. По силе авторитета Гюлена среди турков его можно сравнить, например, с миротворческим авторитетом Льва Толстого в России. В основе мировоззрения Фетхуллага Гюлена лежит объединение ценностей исламской веры и современного научного образования в целях создания лучшего мира, который будет опираться на альтруизм, межрелигиозный и межкультурный диалог. Меня особенно поразило, как бескомпромиссно Гюлен разрушает мировой стереотип, о том, что терроризм связан с мусульманством. «Истинный мусульманин не может быть террористом, а террорист – мусульманином!» – заявляет Гюлен. Жизненный путь Гюлена был очень трудным. Он родился в 1938 году в селе Коруджак на востоке Турции. Уже подростком Гюлен знал наизусть Коран, а 20-летнем возрасте стал имамом в одной из мечетей. Служба в мечети, разъяснение и профессиональное чтение Корана, проведение занятий в религиозных кружках, произнесение проповедей, а затем литературно-публицистическое творчество и общественная деятельность – вот основные вехи его пути. В настоящее время в Турции Гюлен считается лидером общественного мнения. Его усилия привели к появлению движения Гюлена, которое является весьма авторитетным в Турции. Широко известны основанные этим движением «Школы Гюлена», которые мы посетили. Главная цель обучения в этих школах – дать учащимся современное профессиональное образование и сформировать у них посредством обучения на основе примеров из повседневной жизни нравственные ценности. Об общественном влиянии Гюлена у себя на родине свидетельствует уже тот факт, что с середины 70-х годов прошлого столетия среди слушателей его проповедей были первые лица государства. Его авторитет за пределами Турции подтверждается личными встречами с Папой Римским Иоанном Павлом II, лидерами других религиозных конфессий, неоднократным участием в международных общественных конференциях, многочисленными интервью в СМИ Европы и Америки.

В ходе опроса, организованного британским журналом «Prospekt» и американским изданием «Foreign Policy», исламский ученый из Турции Фетхуллах Гюлен занял первую строчку в списке 100 ведущих интеллектуалов мира, живущих на сегодняшний день. В чем же причина такой популярности? На наш взгляд, она обусловлена двумя факторами. Первый фактор – это изложение сложных вопросов исламской теологии на языке, понятном современному человеку. Второй фактор – это представление ислама в контексте современной глобальной цивилизации, обозначение таких аспектов этой религии, которые не противоречат господствующему сегодня в мире светскому мировоззрению и тенденции к межрелигиозному согласию. В центре учения Гюлена – идеи гуманизма. Как основные этические ценности ислама он пропагандирует толерантность и прощение, что особенно близко белорусскому менталитету.

Наша белорусская делегация была преимущественно женской. Поэтому один из важных вопросов, который нас интересовал, это вопрос о положении женщин в Турции. Мы обсуждали его с известной в Турции писательницей Фатимой. Мы были приятно удивлены, когда при ее появлении все турецкие мужчины во главе с Харуном Токаком встали и поклонились. Социальное положение женщины в турецком обществе – весьма противоречивый вопрос, обусловленный, с одной стороны, исламскими традициями, а с другой, – европизацией Турции. Роль прекрасной половины в обществе можно условно разделить на «до» реформ Ататюрка и «после». В результате реформ Кемаля, отделивших ислам от государства, права женщин были приравнены к социальным правам мужчин. В наши дни многие турчанки активно вовлечены в политическую, экономическую и творческую сферу жизни Турции. Фатима рассказала нам, что широкий отклик и резонанс в обществе получил ее рассказ, который она «списала» из жизни своей подруги, о том, как маленький сын написал письмо своей занятой маме, попросив назначить ему встречу. Однако в повседневности жизнь турчанок связана с бесчисленными традиционными правилами поведения, что мы и наблюдали каждый день. Женщина обязана уступать дорогу мужчине, не имеет права обгонять его. Не принято в Турции и уступать женщине место в общественном транспорте. В мечетях, на похоронах женщины могут находиться только позади мужчин. Особенно строго эти правила соблюдаются в провинции, где муж и вовсе избегает разговоров о своей супруге, упоминаний ее имени, т.к. это считается не вполне приличным. Браки чаще всего заключаются по договоренности между родителями невесты и жениха. Добрачные же связи – пятно бесчестия, которое бросает тень на всю семью «грешницы». Истоки этого – опять же из исламской традиции. Согласно данным опроса, проведенного «Международной амнистией», крупная независимой правозащитной организацией, объединяющей свыше 2,2 млн. сторонников более чем в 150 странах мира, в 1995 году среди женщин, проживающих в столице Анкаре, 97% женщин подвергаются насилию со стороны мужей.

Еще одна проблема социального положения турецкой женщины – это ограничение ее права на образование. По данным ЮНИСЕФ (Детского фонда ООН), в Турции 640 тысяч девочек не получают обязательного образования, несмотря на тот факт, что женщины по закону имеют равные права на образование. Может, поэтому нашу белорусскую делегацию, состоящую из восьми женщин, социологов, журналистов и писателей, турецкие мужчины, руководители различных рангов и бизнесмены, встречали с крайним удивлением. Только в 2003 году при поддержке ЮНИСЕФ турецкое правительство начало кампанию, направленную на привлечение всех девочек в школу. Современная Турция – это страна, где растет интерес слабого пола к этой сфере. Это мы наблюдали в университете Фатих, в котором обучается примерно 30% студенток-девушек, энергичных и уверенных в себе. Можно сказать, что европизация Турции берет начало с реформ Ататюрка, который внедрил в турецкое общество принцип разделения религии и других сфер общества. Но и по сей день идет столкновение мнений. Особенно ярко столкновение этих противоречий можно наблюдать в политике запрета на хиджаб. До сих пор в Турции существовал строжайший запрет на то, чтобы женщи-

ны с покрытыми головами входили в высшие учебные заведения и официальные государственные учреждения. Верующие женщины, желающие получить образование, были вынуждены снимать хиджаб. Запрет действует более 80 лет. Сопротивление мусульманского народа Турции запрету на исламский хиджаб начало проявляться в виде неоднократных акций протеста, которые подавлялись со стороны светского режима. И лишь с приходом к власти правительства Реджапа Эрдогана ситуация стала меняться. Эрдоган смотрит на этот вопрос как на вопрос свободы самовыражения. С особой гордостью администрация университета Фатих показала нам, что сейчас большинство девушек-студенток не снимают головной убор – хиджаб.

Заканчивая излагать свои впечатления о поездке в Турцию и деятельности Платформы «Диалог Евразия», хотим подчеркнуть, что работа этой добровольной общественной организации уже дает свои результаты. Самыми значимыми из них, на наш взгляд, является выход журнала «ДА», который стал местом общения писателей, представителей всех слоев общества евразийского региона. Он издается на русском и турецком языках, и уже выходит в Беларуси. И еще важным мне представляется то, что Турция в одностороннем порядке начала проводить работу по изъятию из учебников по истории слов вражды в адрес русского и других народов. Ибо национальный интерес не может идти вразрез с интересом межнациональных отношений. Дети, которые будут обучаться по новым учебникам, наверняка, быстрее смогут построить диалог с другими культурами. Ведь проблема кросскультурной коммуникации наиболее актуальна сегодня именно для народов. Поэтому приятно отметить, что в БГЭУ уже состоялся Международный межвузовский фестиваль кросскультурной коммуникации «Кадуцей» на тему «Турецкая культура: диалог Запада и Востока». Его целью было – научить культурному диалогу, грамотному построению деловых контактов, воспитать терпимость и толерантность в отношении к носителям иных культурных традиций. В фестивале приняли участие белорусские и турецкие студенты 5 вузов нашей страны: Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, Института парламентаризма и предпринимательства, Белорусского государственного медицинского университета. В качестве почетных гостей на фестивале присутствовали представители посольства Турецкой Республики в Республике Беларусь. Фестиваль вызвал огромный интерес студентов. Особенно понравилась студентам интеллектуальная игра «ЛаврУМ» по теме турецкой культуры, красочный «Арт-базар», а также театрализованное представление «Восточные сказки», подготовленное совместно белорусскими и турецкими студентами. Но самое главное, с моей точки зрения, это то, что фестиваль подружил белорусских и турецких студентов, которые будут продолжать гуманистические идеи Платформы «Диалог-Евразия».

Г.М. Кривощёкий

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПРИОРИТЕТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

За последние годы Республика Беларусь осуществила качественный рывок во всех сферах жизнедеятельности общества. Значительным экономическим и социокультурным успехом способствовала научно-разработанная собственная модель социально-экономического развития страны.

По определению академика НАНБ Е.М. Бабосова, «Теоретическая модель социально-экономического развития страны представляет собой совокупность принципов, целей, элементов и требований, предъявляемых к системе народного хозяйства и к социальной сфере общества, к его социальной и институциональной структуре, к эффективности функционирования властно-управленческой организации, к качеству жизни населения». Принципиальные особенности белорусской модели социально-экономического развития включают в себя:

- построение и развитие сильного и эффективного государства;
- обеспечение равноправия всех форм собственности, всех форм хозяйствования;
- приватизация не как цель, а как средство найти заинтересованного инвестора, сформировать эффективно-действующего собственника;
- развертывание широких интеграционных процессов со стороны СНГ;
- проведение сильной социальной политики [1, с. 244, 249, 254, 256].

Несмотря на серьезные негативные последствия глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., конструктивная социальная политика, проводимая в Республике Беларусь, способствует минимизации потерь от кризиса, позволяет обеспечивать социальную безопасность граждан страны, формировать человеческий капитал, адекватный требованиям XXI века.

Одним из важнейших приоритетов государственной социальной политики является качественное развитие всей системы образования. Опыт наиболее развитых стран убедительно доказывает, что образование, подготовка высококвалифицированных трудовых ресурсов является важнейшим фактором прогресса всего общества, обеспечением устойчивого экономического развития.

В последние годы в каждом звене системы образования в стране происходят качественные изменения. В 2008 г. в 4109 учреждениях дошкольного образования воспитывались 365,3 тыс. детей, или 81,2% численности всех детей дошкольного возраста. Беларусь стала одной из первых стран СНГ, где обеспечен 100%-й охват детей пятилетнего возраста подготовкой к школе.

Продолжает развиваться сеть профильных учреждений: дошкольные учреждения (группы), санаторные, с углубленным направлением в работе, интегрированные группы, пункты коррекционно-педагогической помощи [2, с. 23].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь в августе 2008 г. утверждена Программа развития дошкольного образования на 2009–2010 гг.

В стране сделаны важные шаги в совершенствовании деятельности общеобразовательной школы, играющей ведущую роль в системе образования. Осуществлен переход на 9-летний срок получения общего базового образования и 11-летний – общего среднего.

В системе общего среднего образования функционирует 3,7 тысяч учебных заведений различного типа, в которых обучается 1,06 млн. учащихся. За последние годы значительно расширилась сеть учреждений нового типа: к началу 2008/2009 учебного года в Республике Беларусь функционировало 196 гимназий (в 2005/2006 году – 160), 33 лицея, 6 учебно-педагогических комплексов «средняя школа (гимназия)-колледж» [2, с. 23].

Укрепление материально-технической базы общеобразовательных школ, профессиональная подготовка педагогов приносит положительные результаты. По результатам участия в международных олимпиадах 2008 г. по математике, физике, химии, биологии, географии, информатике наши школьники были удостоены 3 золотых, 12 серебряных и 9 бронзовых медалей, а на Международной Менделеевской олимпиаде школьников по химии все шесть участников сборной команды Республики Беларусь стали ее победителями, завоевав 2 золотые, 3 серебряные и 1 бронзовую медали [2, с. 23].

Успешно развивается система профессионально-технического образования. Прием по договорам о подготовке кадров рабочих (служащих) с предприятиями и организациями – заказчиками составил в 2008 году 87,5%. Учреждениями профтехобразования было подготовлено 49,5 тысяч рабочих (служащих). Более 96% выпускников получили направление на работу (в 2006 – 81%, 2007 – 84%). В связи с возрастающей потребностью отраслей экономики в кадрах увеличен прием по строительным профессиям, а также машиностроению и металлообработке, начата также подготовка рабочих специалистов для строящейся в Беларуси АЭС. В 2008 г. в учебные заведения профтехобразования с этой целью было принято 1,2 тыс. чел. К 2001 г. их прием предусматривается довести до 2,1 тыс. чел. [2, с. 24].

Подготовку специалистов со средним специальным образованием в республике Беларусь осуществляют 196 государственных учреждений (9 техникумов, 25 училищ, 89 колледжей), в число которых входят 3 высших колледжа, 9 высших учебных заведений и республиканский институт последипломного образования (РИПО); 53 профессионально-технических колледжа, 7 учебных комплексов и школа-гимназия-колледж, подчиненных 14 республиканским организациям государственного управления, а также местным исполнительным органам управления и Белкопсоюзу, 11 частных средних специальных заведений [2, с. 24].

В стране постоянно растет спрос на получение высшего образования. За период с 2000 по 2008 год число студентов, обучающихся в вузах всех форм собственности, возросло в 1,5 раза и составило 420,9 тыс. По результатам зачисления в 2009 году студентами вузов всех форм собственности стали 84 тыс. чел., в 2008 – 85,1, 2007 – 89,8 тыс. чел. [2, с. 25].

Подготовка специалистов с высшим образованием в 2008 году осуществлялась по 361 специальности (в 2007 – по 357). Ежегодно вузы республики всех форм собственности выпускают более 60 тыс. специалистов с высшим образованием. Достаточно эффективно работает система распределения и трудоустройства выпускников. Так, в 2008 году 93% от общего количества обучавшихся за счет средств бюджета получили распределение, 5,6% из них воспользовались правом на самостоятельное трудоустройство [2, с. 26].

К приоритетным направлениям социальной политики в Республике Беларусь относятся проблемы сохранения и укрепления здоровья нации. Сохраняя все лучшее, что было присуще советскому здравоохранению, в стране осуществляется масштабная модернизация медицинской сферы. Качественное обеспечение здравоохранения страны определяется не только выделением значительных материальных и финансовых ресурсов.

В настоящее время в состав Министерства здравоохранения Республик Беларусь входит 18 организаций, 5 учреждений образования, 9 республиканских научно-практических центров, 4 научно исследовательских института.

Постоянно растет научный потенциал здравоохранения. В настоящее время он представлен почти 3 тысячами научных и научно-педагогических работников, из которых 75% трудятся в учреждениях образования. Из них 353 человека имеют ученую степень доктора наук, 1333 – кандидата медицинских наук. Более половины специалистов организаций Минздрава, занимающихся научной деятельностью, имеют ученые степени (58%). Почти 1000 научных и научно-педагогических работников присвоены звания профессора или доцента [3, с. 53].

Одним из важнейших направлений деятельности отрасли является подготовка научных кадров высшей квалификации, которая осуществляется через аспирантуру и докторантуру. Работа аспирантуры в системе здравоохранения наиболее эффективна.

Гармонизация общественных отношений, всестороннее развитие личности во многом определяется состоянием и развитием культуры.

Государство проявляет постоянную заботу об интеллектуальном и культурном развитии общества, укреплении духовного потенциала нации. В соответствии с отраслевой программой «Сохранение и развитие культуры Республики Беларусь на период 2006–2010 гг.» актуальными направлениями культурного развития страны являются обеспечение дальнейшей государственной помощи музеям – хранителям духовной памяти народа, создание условий для поддержки традиционной культуры (фольклора, народных промыслов и ремесел, выпуск качественных кино и видеофильмов, внедрение в библиотеках новых технологий), с помощью которых они превращаются в современные информационно-культурные центры.

В 2008 году повышенное внимание уделялось развитию и укреплению материально-технической базы учреждений культуры, подготовке и переподготовке кадров, пропаганде творческих достижений белорусских мастеров искусства.

В условиях глобализации происходит масштабное расширение международно-культурного сотрудничества. В последние годы все чаще проводятся Дни культуры Республики Беларусь за рубежом. Важное значение имеет культурное сотрудничество Беларуси и России. Ежегодно проводятся различные совместные акции. Учреждены премии Союза Беларуси и России за произведения литературы и искусства.

Высокий международный рейтинг имеют ежегодный Минский международный фестиваль «Лістапад», международный фестиваль анимационных фильмов «Анімафэвка». Популярностью среди кинематографистов СНГ пользуется Национальный фестиваль белорусских фильмов в г. Бресте.

Большое международное значение получили такие культурные проекты как: Международные фестивали «Славянский базар в Витебске» и «Золотой шлягер». Летом 2007 года в «Славянском базаре в Витебске» приняли участие представители 32 стран, всего 4,8 тыс. человек. Действовали 11 фестивальных площадок, проведено 85 культурно-массовых мероприятий, которые посетили более 150 тысяч человек. Свидетельством широкого общественного признания этой культурной акции является растущий рейтинг специального сайта фестиваля, которым интересуются в 148 государствах мира [4, с. 153].

В последние годы в Беларуси успешно сформировалась качественно-новая информационная инфраструктура. На 1 января 2005 года в Республике Беларусь зарегистрировано 1221 периодическое издание, в том числе 784 газеты, 395 журналов, 38 бюллетеней, 2 каталога, 2 альманаха. Более чем две трети всех зарегистрированных изданий являются негосударственными. Пресса издается на шести языках: белорусском, русском, немецком, английском, украинском, польском.

Быстрыми темпами развиваются электронные средства массовой информации. На 1 января 2005 года Министерством информации Республики Беларусь зарегистрировано 200 теле- и радио передач; 149 программ радиовещания, из которых 130 государственной формы собственности, 19 негосударственной формы собственности и 51 программа телевидения, из которых 26 государственной и 25 негосударственной формы собственности. По состоянию на 1 января 2005 года услуги в сфере кабельного телевидения осуществляют 108 субъектов хозяйствования, транслируют телевизионные программы стран ближнего и дальнего зарубежья.

По оценкам специалистов сегодня наиболее востребована политическая и экономическая информация, совокупная доля которых в общем объеме информации за период 2002–2004 гг. возросла более чем в 2 раза. Наибольший удельный вес приходится на материалы по экономической тематике (около 40–45% от общего объема), до 30% занимают новости политики и регионов, до 15% – международные новостные выпуски и информация о взаимоотношениях со странами Балтии. Оставшуюся часть занимают новости спорта, культуры, криминальной хроники, анонсы. Среди крупнейших потребителей информации о Беларуси – США, Россия, Украина, Германия, Бельгия, Польша [5, с. 124–146].

Тенденции мирового развития и ведущие учёные многих развитых стран указывают на необходимость возрастания регулирующей роли государства в жизни человеческого сообщества, разработки социально-экономической стратегии на длительную

перспективу. Во многом это связано с тем, что в условиях глобализации не только ускоряются процессы на планете, увеличиваются научно-технологические и информационные возможности для всего человечества, но и растут барьеры между наиболее развитыми странами и обществами переходного типа и в целом развивающимся миром. Становится очевидным, что без научно разработанной стратегии развития, определения наиболее важных приоритетов и целей, без сильного государства и его вмешательства в ход этих сложных процессов невозможно их регулировать и предотвращать негативные последствия глобализации для населения страны.

Проблема выбора приоритетов в развитии, усиления регулирующей роли государства также связаны с ухудшением экологической среды обитания человека как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах. Для Республики Беларусь это особая проблема. Преодоление последствий чернобыльской катастрофы еще долгие годы будет требовать значительных материальных и финансовых усилий государства и всего общества. И только сильная и конструктивная государственная социальная политика будет способствовать преодолению тяжёлых последствий, связанных с самой большой техногенной катастрофой XX века.

XXI век поставил перед человечеством много новых сложных проблем и вызовов. Все они в полной мере касаются и нашей страны. Достойные ответы на все вопросы, поставленные перед страной сможет дать только сильное государство с эффективной наукоёмкой социально ориентированной экономикой, с высоким уровнем развития, образования, науки, духовной культуры, качественным образованием, постоянно растущим интеллектуальным и нравственным потенциалом населения.

Список литературы

1. Бабосов, Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е.М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 488 с.
2. Андрухова, З.Э. Оценка современного состояния и основные направления развития образования в Республике Беларусь / З.Э. Андрухова // Экономический бюллетень научно-исследовательского института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2009. – № 10. – С. 22–32.
3. Емельянович, И. Чтобы нация была здоровой / И. Емельянович // Наука и инновации. – 2007. – № 12 (58) – С. 53–56.
4. Республика Беларусь. Общество. Политика. Экономика. Люди. – Минск, 2008. – 430 с.
5. Бушуев, А. Все о Беларуси в режиме on line / А. Бушуев // Экономика Беларуси – 2005 – № 3 (4). – С. 124–127.

О.В. Кобяк

Минский НИИ социально-экономических проблем, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ (на примере Минской области)

Анализ экономической культуры [1, с. 169–172] в русле деятельностного подхода [2, с. 118–126] позволяет оценить распространенные хозяйственные практики сельских жителей и описать перспективные направления дальнейшего развития социально-экономических отношений на селе. Изучение феномена экономической культуры как способа хозяйственной деятельности позволяет рассматривать его в качестве ценностно-нормативного регулятора экономического поведения сельских жителей. Эмпи-

рической основой настоящего анализа явился анкетный опрос двухсот сельских жителей Минской области, проведенный в октябре 2009 года с участием инициативных научных сотрудников Института социологии Национальной академии наук Беларуси (Р.А. Смирнова, С.Н. Кройтор, Н.Н. Леонов и др.). Специфика данного исследования заключается в том, что социологический инструментарий был разработан в русле лингвистической методики конструктивного анализа белорусского ученого А.И. Шабловского, при его непосредственном участии. В связи с этим в анкете воплощены сценарные подходы и ономазиологические принципы построения вопросов и вариантов ответов [3, с. 75–117; 4, с. 11–20].

Важным показателем экономической культуры жителей села является степень выраженности их миграционных настроений по линии «село – город». Как показал проведенный опрос, примерно 1/4 часть респондентов в принципе хотели бы жить и работать в городе, в том числе каждый пятый из этой группы предпринимает конкретные действия для переезда. Отсюда можно сделать вывод, что в социально-демографическом контексте так называемые «потенциальные горожане» по прежнему будут определять одновекторный характер миграционных процессов и тем самым обеспечивать дальнейшее увеличение доли городского и, соответственно, сокращение доли сельского населения Беларуси [5, с. 16–17]. Сделанный вывод подтверждается распределением ответов на косвенный вопрос, который задает игровой сценарий: «Представьте себе, что Ваш хороший знакомый хотел бы переехать из города в деревню. Он сомневается и обратился к Вам, как к сельскому жителю, за советом. Что Вы ему посоветуете?». В этой ситуации также 1/4 часть опрошенных занимает весьма категоричную позицию: «Ни в коем случае не переезжать из города, поскольку это заведомо проигрышный вариант».

Несмотря на то, что примерно каждый четвертый сельский житель с той или иной периодичностью испытывает «чемоданное настроение», значительная социально-культурная база у села остается. Во многом это следствие государственной политики, нацеленной на поддержку и развитие сельских регионов. Оценивая результаты данной политики, более половины респондентов ощутили реальные улучшения, произошедшие в последние годы в различных сферах их жизни. Что характерно, более 1/5 части опрошенных отметили расширение спектра возможностей в области хозяйственной деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что работа в целом и труд в подсобном хозяйстве в особенности занимают доминирующие позиции в структуре экономического сознания сельских жителей, являются основой их экономической культуры. По мнению опрошенных, «настоящий сельский житель» это, прежде всего, «человек, который ведет подсобное хозяйство и может жить со своего подворья». Следовательно, собственный дом (усадебу) можно определить как одну из стержневых материальных составляющих сельского уклада жизни. Высокое значение своего хозяйства подтверждается тем обстоятельством, что более 1/3 опрошенных сельчан в случае крупного выигрыша в лотерею вложили бы деньги в благоустройство усадьбы или в развитие индивидуального (семейного) сельскохозяйственного производства. При этом выбор конкретных направлений развития большинство сельских жителей склонны делать, что называется, «своим умом». Лишь каждый пятый будет предпринимать что-либо с оглядкой на соседей.

На примере Минской области следует отметить, что такой традиционный для Беларуси элемент сельской экономической культуры, как толока, утрачивает свое значение. Можно сказать, что социальный компонент культуры смещается из сферы соседских в область родственных и внутрисемейных отношений, а собственно экономический компонент все в большей мере проявляется в регламентируемой государством

хозяйственной системе. Ответы респондентов свидетельствуют, что в ситуации выбора, которую можно обозначить как «На чью просьбу о помощи откликнуться?» явно лидируют начальство (руководство) и родственники. Соответственно и в случае возможных материальных затруднений сельчане наибольшие надежды возлагают на родню. Относительно новым элементом экономической культуры сельских жителей, который получил распространение в последние годы, является практика использования банковских кредитов. Этот элемент занимает в иерархии предпочтений респондентов вторую позицию.

Еще одна важная характеристика экономической культуры сельчан связана с практикой освоения окружающих природных ресурсов. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько для Вас важна возможность буквально «в двух шагах» от Вашего дома пойти за грибами, ягодами, отправиться на рыбалку, охоту и т.д.?» показало, что лишь около 1/5 части опрошенных по разным причинам не используют эту возможность. Остальное большинство представлено двумя большими группами. Представителям первой приятен сам процесс пребывания на природе. А для сельских жителей из второй группы (в общем количестве опрошенных они составляют примерно 1/3 часть) это важный способ сделать запасы или подзаработать.

Полученная в ходе опроса социологическая информация позволяет говорить о значительном презентационном потенциале экономической культуры жителей села. Об этом потенциале можно судить на том основании, что абсолютное большинство респондентов (примерно 5/6) склонны в положительном ключе представлять гостям различные аспекты сельской жизни и лишь 1/6 часть сельчан полагают, что говорить тут особенно не о чем (подтекст – нет ничего хорошего, о чем можно было бы гостю рассказать). Следует отметить, что в так называемой презентационной палитре значительную долю занимают варианты ответов, связанные с процессом и результатами хозяйственной деятельности как на уровне усадьбы, так и в масштабах всего села.

Результаты проведенного исследования позволяют описать базовый профиль деревни будущего. Итак, село – это социально-экономически и технологически организованное пространство, в котором заботами государства создано эффективно работающее сельхозпредприятие (перерабатывающий цех, ферма и т.д.). Это предприятие обеспечивает занятость местных жителей и позволяет им нормально зарабатывать. Поддерживающим, страховочным, стабилизирующим экономическим механизмом на микроуровне выступает личное подсобное хозяйство. Его значимость снижается в период экономических подъемов и возрастает в ситуации экономического кризиса. Наряду с этим в селе будущего создана доступная и качественная система социального обеспечения. Кроме того, немаловажную роль играет сохранение природного фактора. Лес, речка, озеро как природные объекты воспринимаются различными группами респондентов по-разному (для одних – это возможность ненадолго отдохнуть от работы и домашних забот, для других – шанс сделать запасы на зиму для собственного потребления либо добыть что-то на продажу). Но и те и другие воспринимают природные объекты как неперенные атрибуты сельской жизни.

Таким образом, перспективные технологические проекты, которые будут соответствовать выявленному базовому профилю, получат поддержку на уровне экономической культуры как социального механизма, регулирующего развитие хозяйственных связей и отношений. Это, например, должны быть проекты, нацеленные на создание экологически чистых местных производств, разработку технологических новинок, способных облегчить труд в домашнем хозяйстве и на приусадебном участке, а также проекты, способствующие сохранению природного ландшафта. Важно подчеркнуть, что сельские жители в своем большинстве не стремятся к урбанизации их жизненного пространства, весьма четко осознают как плюсы, так и минусы сельской жизни и до-

вольно ясно представляют направления деятельности, которые будут способствовать приближению села актуального к образу села будущего.

Список литературы

1. Соколова, Г.Н. Культура экономическая / Г.Н. Соколова // Экономико-социологический словарь / сост.: Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк; науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск: ФУАинформ, 2002.
2. Кобяк, О.В. Экономический человек: закономерности формирования мышления и механизмы управления поведением / О.В. Кобяк. – Минск: Право и экономика, 2006.
3. Шабловский, А.И. Конструктивное информационное поле: инновационная модель / А.И. Шабловский, Г.П. Коршунов, В.В. Гончаров, Е.С. Суркова. – Минск: Право и экономика, 2005.
4. Шаблоўскі, А.І. Прырода лексічнай катэгорыі / А.І. Шаблоўскі // Беларуская лінгвістыка. – 2005. – Вып. 55.
5. Лихачев, Н.Е. Динамика социально-экономических преобразований в аграрной сфере Республики Беларусь (социологический анализ): автореф. дис. ...доктор. социол. наук: 22.00.03 / Н.Е. Лихачев; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2008.

Н.В. Козловская

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

На рубеже XX–XXI веков российская историческая наука, как и гуманитарное знание в целом, переживает глубокую внутреннюю трансформацию. Данная трансформация вызвана особенностями развития самой исторической науки, ломкой культурной парадигмы, проявлением которой стал пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания, равно как процессами, происходящими в академической жизни – сменой поколений, интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, самого языка истории [1]. Данные проблемы стали предметом обсуждения на состоявшейся в Тюмени в 2000 г. Всероссийской научной конференции «Историческая наука на пороге третьего тысячелетия».

Среди наиболее характерных черт данного процесса обращают внимание усилившиеся тенденции к интеграции истории с другими науками. В фокусе внимания оказывается проблема междисциплинарности. Прогрессирующее обогащение методологического синтеза за счёт возрастающего обращения историков к исследовательским установкам и подходам социальных и естественных дисциплин рассматривается в качестве ведущей тенденции развития исторической науки на современном этапе [2]. Проблемы методологического синтеза в истории находились в центре внимания российских историков на I и II Всероссийских конференциях, состоявшихся в Томске в 2002 и 2003 году соответственно.

В 1991 г. на необходимость методологического синтеза как одного из возможных путей выхода исторической науки из кризиса указывал А.Я. Гуревич: «Разработка методов синтетического подхода к пониманию и изображению общества и его развития, невозможна без полидисциплинарности, требуя от историка резкого расширения кру-

гозора, выхода за привычные рамки относительно узкой специализации» [3, с. 34]. Как неизбежность – историку предстоит менять свои методологические и гносеологические принципы и ориентации.

Нельзя не согласиться с белорусским историком В.Н. Сидорцовым, что в современной исторической литературе термин «междисциплинарность» употребляется, во-первых, для обозначения простого заимствования методов из социологии, демографии, антропологии, лингвистики и т.д., во-вторых, в «интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов, которые можно определить как нечто онтологически самостоятельное, как некоторую существующую реальность, независимую от исследователя» [4, с. 134].

Взаимодействие истории с другими науками, в первую очередь с общественными, явственно прослеживается в двух конфигурациях. Условно их можно обозначить как «стратегию присвоения» со стороны историков и «обращение к прошлому» со стороны представителей других социальных наук [5, с. 11]. И.М. Савельев, доктор исторических наук, и А.В. Полетаев, доктор экономических наук, справедливо указывают, что в последние десятилетия историки «не производят собственно «исторических теорий», и, создавая концептуальные исследования, стали решать проблему теоретического обновления путём обращения к теориям социальных и гуманитарных наук [5, с. 12]. На этом строится «стратегия присвоения»: история, изучающая прошлые, уже не существующие общества может опираться на теоретический аппарат социальных наук, занимающихся современностью. Говоря об «обращении к прошлому» со стороны представителей других социальных наук, речь в первую очередь идёт о «соприкосновении» социальной истории и исторической социологии и возможностях историко-социологического синтеза [5, с. 14–15].

Широкое использование методов социальных наук, в конечном счете, привело к радикальным переменам в предметной области историографии и формировании новых направлений в исторических исследованиях, многократно увеличилось количество тем и сюжетов, интересных и доступных историку. Наряду с такими традиционными направлениями, как политическая и экономическая история, история права, история культуры, на авансцену выдвинулись такие направления, как историческая демография, историческая география, историческая экология, этноистория, историческая антропология, историческая психология, историческая социология и др., в каждом из которых выделялись особые исследовательские поля и сформировались свои внутренние подразделения.

Результатом активного «обращения» историков к методологическим установкам других наук стало активное привлечение идей синергетики и связанной с ней теории хаоса в исторические исследования. Синергетика как научное направление возникла в области физики, химии, и, приобретя соответствующее математическое обеспечение, достаточно быстро вышла за рамки этих наук, оказав мощное влияние на обществоведов.

Отношение историков к новой научной парадигме также колеблется от полного отрицания до полного признания идей и методов синергетики. Значение идей синергетики для исторической науки можно лаконично обозначить словами А.П. Назаретяна, признающего особую продуктивность категорий «устойчивость и неустойчивость», «бифуркация», «аттрактор», которые в свою очередь «способствуют превращению истории из преимущественно описательной (констатирующей) в теоретическую науку...» [6, с. 112]. Убеждённым приверженцем применения идей синергетики в исторических исследованиях выступает С.Г. Гомаюнов. Исследователь считает, что синергетика, сочетая идею эволюционизма с идеей многовариантности исторического процесса, позволяет тем самым преодолеть ограниченность классических подходов в истории [7, с. 102].

Основным аргументом «против» является утверждение о невозможности переноса методов точных наук в область социально-гуманитарного знания. Позицию скептиков в данной дискуссии поддерживает, в частности, польский исследователь Ежи Топольский, автор известных работ по методологии истории. С польским исследователем солидарна К.В. Хвостова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, которая утверждает, что историки-профессионалы, занимающиеся конкретно-историческими исследованиями в своём большинстве не взяли на вооружение методы и приёмы синергетики [8].

В свою очередь сторонники синергетического подхода призывают не рассматривать синергетику как очередную генерализирующую концепцию, призванную всесторонне объяснить исторический процесс, а рассматривать её как «новую познавательную парадигму, новый взгляд на окружающий мир, новый способ постановки и решения задач» [9, с. 155–156].

Вместе с тем, приходится констатировать, что большинство дискуссий относительно возможностей и перспектив применения методов синергетики в исторической науке носит чисто теоретический характер, другими словами, характер научной дискуссии, в ходе которой расставлены определённые акценты относительно адекватного понимания что такое есть синергетика – её предмет исследования, категориальный аппарат, методы и т.д., и намечены возможные пути применения соответствующих принципов при изучении исторического прошлого. Примечательно, что дискуссия по вопросам «синергетики в истории» развернулась, в первую очередь, на страницах журнала «Общественные науки и современность». Адепты синергетического подхода указывают на широкие возможности синергетики в исследовании политической и экономической истории, истории международных отношений, истории культуры, однако следует признать, что о конкретно-исторических исследованиях в данной области говорить пока рано.

Ещё одной заметной тенденцией развития исторической науки в последние десятилетия является математизация и компьютеризация исторического процесса. Количественные методы активно применяются практически во всех областях исторических исследований: исторической демографии, исторической географии, социальной истории, политической истории, историко-культурных и археологических исследованиях и др. Особые успехи достигнуты в источниковедении.

Сторонники широкого применения количественных и компьютерных методов в исторических исследованиях убеждены, что с их помощью можно перейти к более глубокому и точному раскрытию сущности исторических явлений и процессов, поднять уровень исторических исследований.

Применение количественных методов в исследованиях российских учёных связано с именем академика И.Д. Ковальченко – основателя российской школы квантативной истории [10].

Дискуссии и подходы по применению количественных методов в исторических исследованиях, а шире – математизации и компьютеризации исторической науки в целом, нашли своё отражение на страницах сборников, объединённых общим названием «Круг идей», издание которых осуществляется ассоциацией «История и компьютер» (АИК, создана в 1992 г.).

Краеугольным камнем в вопросе применения количественных методов в исторических исследованиях является соотношение количественного и качественного анализа. Так, в частности, авторы коллективного исследования «Источниковедение: Теория. Метод. Источники российской истории» отмечают, что «...математика пришла на помощь в обработке нарративных источников (контент-анализ), что позволило перейти от иллюстративного метода использования ряда источников (например, писем в газеты и государственные и общественные организации) к более научно-обоснованному). В этом

направлении ещё не всё отстоялось. Новые методы отнюдь не исключают классические. Элементарное здравомыслие предупреждает о преждевременности восторга в адрес новейших методов, равно как и неуместности нигилистического отношения к традиционным» [11, с. 516].

Основной формой математизации научного познания на современном этапе развития науки является моделирование изучаемых явлений и процессов. Моделирование базируется на системном подходе, структурном и функциональном анализе. При этом строятся модели различной сложности – от моделей отдельных явлений до моделей обширных процессов объективной действительности.

Скептики утверждают, что математические модели как таковые вряд ли вообще можно применять для изучения общественных процессов. Оптимисты, напротив, убеждены, что моделирование – как методология, методика и метод исследования информации, позволяет историку строить всё более совершенные и разнообразные аналого-модели и перерабатывать всё большее количество знаковой информации, ранее малодоступной для исследователя, например, статистической, значительно расширяет источниковую базу, и тем самым усиливает потенциальные возможности исторического исследования [12, с. 513].

Количественные методы с успехом используются в изучении политических и интеллектуальных элит, тех или иных социальных групп людей. Это стало возможным благодаря просопографии, которая представляет собой яркий пример использования междисциплинарных подходов и сочетает в себе приёмы, наработанные историками-источниковедами, социологами, статистами, математиками и программистами.

Термин «просопография» происходит от двух греческих слов: *προσωπων* – лицо, *γραφω* – пишу. Введен в научный оборот американским исследователем Л. Стоуном. По определению Л. Стоуна, просопография – это исследование общих характеристик группы действующих лиц, где основное внимание сосредоточено на рассмотрении путей осуществления ими политических акций, вариантов их социальной мобильности и реализации карьерных устремлений. Первыми систематическое биографическое изучение общественных групп начали историки античности. В советской историографии первые работы, положившие начало развитию жанра просопографии, относятся к началу 1970-х г. [13, с. 95]. Новый скачок в развитии жанра просопографии произошёл в начале 1990-х годов. Источниковой базой просопографических исследований выступают как архивные материалы, так и опубликованные источники. Сегодня просопографические исследования, ориентированные на анализ биографических данных тех или иных социальных групп, являются составной частью постсоветской историографии.

Российский исследователь Ю.Ю. Юмашева убеждена, что просопографический жанр по своей сути исключительно историчен, поскольку сосредоточен на изучении главного действующего лица истории – человека [13, с. 96].

Просопографический метод исследования положен в основу диссертационного исследования российского историка А.И. Филюшкина. Определив данные метод как «возможность изучения исторического процесса через всестороннее описание карьеры политических и социальных лидеров эпохи», автор поставил одной из своих задач «просопографическое исследование путей и методов осуществления князем А.М. Курбским жизненных стратегий и карьерных устремлений» [14, с. 4]. С точностью до лет и месяцев историку удаётся воссоздать военную карьеру князя, реконструировать полный перечень занимаемых им должностей, проанализировать приёмы и стратегии осуществления карьеры в Московском государстве XVI в.

Сторонники данного направления убеждены, что оно будет одним из самых востребованных направлений изучения исторического прошлого.

Список литературы

1. Репина, Л.П. Социальная история в историографии XX в. / Л.П. Репина. – М., 2001. – 117 с.
2. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Л.П. Репиной, Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 158 с.
3. Гуревич, А.Я. О кризисе современной исторической науки / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–36.
4. Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: учеб. пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я.С. Яцкевич, В.Н. Сидорцов, А.Н. Нечухрин [и др.]; под ред. В.Н. Сидорцова, О.А. Яновского, Я.С. Яцкевич. – Минск, 2002. – 291 с.
5. Савельева, И.М. История в пространстве социальных наук / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Новая и новейшая история. – 2007. – № 6. – С. 3–15.
6. Назаретян, А.П. Вектор исторической эволюции / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 112–126.
7. Гомаюнов, С. От истории синергетики к синергетике истории / С. Гомаюнов // Общественные науки современность. – 1994. – № 2. – С. 99–106.
8. Хвостова, К.В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука / К.В. Хвостова // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 22–33.
9. Сапронов, М.В. Концепции самоорганизации в общественности: моды или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 150–160.
10. Милов, Л.В. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995): труды и концепции / Л.В. Милов // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 85–105.
11. Источниковедение: Теория. Метод. Источники российской истории: уч. пособие / И.Н. Днилевский [и др.]. – М., 1998.
12. Подгаецкий, В.В. Компьютерное моделирование и философия истории как совокупность интерпретаций: «imaginary gardens with real tods in them»? (варианты на тему Марианны Мур) / В.В. Подгаецкий // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер» / под. ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. – М.; Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – С. 507–520.
13. Юмашева, Ю.Ю. Историография просопографии / Ю.Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 95–127.
14. Филюшкин, А.И. А.М. Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному: автореф. дис ... д-ра истор. наук / А.И. Филюшкин. – СПб., 2007. – 32 с.

Т.В. Хузеева

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Одной из наиболее важных в настоящее время является проблема формирования и развития гражданского общества. В белорусском обществе дискуссия о необходимости гражданского общества получила новые импульсы в связи с задачей укреп-

ления национальной государственности в сложнейших международных условиях, необходимости повышения роли граждан в управлении страной.

Современное гражданское общество – это сложный правовой феномен с развитыми экономическими, культурными, политическими и другими отношениями между его основными субъектами, общественными структурами и государством, обществом граждан и организаций высокого правового, социального, экономического и морального статуса, вступивших в развитые правовые отношения друг с другом и государством. Методология теоретико-правового и социологического анализа гражданского общества охватывает все стороны человеческой жизни, среди которых особое место занимают процессы изучения новых властных отношений, свободы и равенства, демократии и частной собственности, важнейших общественных ценностей и идеалов.

Постоянно возникает вопрос: что такое гражданское общество? В основу его определений положены несколько важнейших функциональных, ценностных и методологических подходов понимания гражданского общества. Предлагаем следующее авторское определение: **гражданское общество** – это общество, в котором происходит переход основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать реальные условия для повышения качества жизни и реализации прав и свобод граждан, самоорганизации личности и реализации ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской самостоятельности и правового самосознания [3].

Формируя независимое национальное государство, Республика Беларусь встала на путь модернизации своей общественной системы, внедряет различные политические и социальные инновации, которые, как правило, инициируются национальной политической элитой. В настоящее время в нашей стране существует многопартийная система, взаимоотношения между личностью и властью регулируются законодательством белорусского государства, гражданам гарантированы основополагающие права и индивидуальные свободы. Таким образом, формально в Республике Беларусь существует гражданское общество. Однако оно нуждается в постоянном и целенаправленном совершенствовании.

Гражданское общество имеет **сложную структуру**, включает хозяйственные, экономические, этнические, религиозные и правовые отношения и организации, а также не детерминированные государством отношения между индивидами, политическими партиями, общественными объединениями, группами интересов как первичными субъектами гражданского общества.

Важнейшими структурными элементами гражданского общества, по нашему мнению, являются различные группы и сообщества, объединенные общностью интересов, активно участвующие в общественной жизни страны, выполняющие определенные властные функции и решающие проблемы людей.

Наиболее важными из них являются: **Советы депутатов**, прежде всего, областного и базового уровня, где каждый избранный гражданин страны может представлять и защищать интересы различных социальных групп и слоев, принимать управленческие решения. Прямое участие людей в управлении государством формирует у них определенные личные качества, направленные на решение как государственных, так и региональных проблем, позволяет выполнять управленческие функции. В последнее время деятельность органов местного управления и самоуправления становится все более разносторонней и эффективной, повышается их роль в привлечении к управлению широких народных масс, различных общественных формирований. Однако результаты социологического мониторинга, проводимого в Институте социологии НАН Беларуси, показывают, что представительные органы власти имеют более слабую поддержку, чем другие властные структуры. Так, например, эффективной работу

Национального собрания Республики Беларусь в прошлом году считает только пятая часть населения страны. Человек должен идти за помощью и поддержкой к депутату парламента или местным советам, а не к государственному чиновнику. Когда это произойдет, люди начнут считать советы депутатов полноправным субъектом современного гражданского общества.

Политические партии, служат своеобразным посредником между государством и широкими народными массами. Они призваны выполнять функции объединения интересов различных социальных групп и личностей. Политические партии преобразовывают эти интересы в политические действия, по возможности реализуют их на государственном уровне; обеспечивают связи между различными уровнями и ветвями власти; вырабатывают компромиссные политические решения. В начале 90-х годов прошлого столетия Республика Беларусь перешла к реальной многопартийной системе, которая в настоящее время находится в состоянии жесточайшей бифуркации. Законодательство о политических партиях в стране состоит из Конституции Республики Беларусь, Закона «О политических партиях» и других нормативных актов государства. По данным социологических исследований, проводимых в Институте социологии НАНБ, политическим партиям доверяют 9,6 процента населения страны, не доверяют – 39,4 процента. Если бы в ближайшее время в стране происходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе или «партийным спискам», как, например, в России, то 22,2 процента избирателей проголосовали бы против всех политических партий страны. Две трети вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего о белорусских политических партиях не знают. Популярность некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала с 52,1 процента в марте 1991 года до 1,8 процента сейчас. Не лучше положение в других политических партиях страны [1; 2]. Как утверждает известный ученый Ф. Шмиттер, в мире не существует ни одной «беспартийной демократии», «представительная демократия, контролируемая посредством многопартийных, состязательных выборов, служит ориентиром демократической трансформации поставторитарных обществ в любом культурно-географическом регионе мира» [4, с. 27].

Независимые средства массовой информации. Их прямое назначение состоит в обеспечении информационного обмена между ячейками общества, создании в нем единого информационного пространства. В нашей стране независимым средствам массовой информации доверяет только каждый седьмой житель, что говорит о крайне незначительном вкладе их в становление гражданского общества.

Церковь как общественный институт формирует определенные личностные качества и властные отношения, систему прав и свобод граждан при помощи специфических идеологических методов и принципов. Пользуясь значительным моральным авторитетом, прежде всего, среди верующих, церковь воздействует на многие стороны политического процесса. В Республике Беларусь церковь всегда была на передовых позициях в рейтинге популярности. Так, например, православной церкви доверяет более половины населения страны, католической – пятая часть, протестантской церкви – шестнадцатая часть населения страны.

Семья как институт, обеспечивающий первичное пространство частной жизни, и способна в силу этого стать отправной точкой «роста снизу» гражданского общества. Потенциал семьи очень велик. Это эмпирически подтверждают результаты социологического мониторинга, проводимого под научным руководством профессора И.В. Котлярова. Семья находится на первом месте среди социальных институтов страны, на которые могут надеяться в трудные моменты своей жизни респонденты. Более половины респондентов считает, что семья помогает во всех жизненных ситуациях, более четверти – в большинстве случаев.

Профессиональные союзы призваны отстаивать экономические интересы людей труда. В Беларуси в последние годы профсоюзы стали играть стабилизирующую роль в белорусском обществе. Однако их авторитет не достаточно высок. Официальным профсоюзам доверяет пятая, неофициальным – только десятая часть населения страны. Это говорит, с одной стороны, о существенных недоработках профсоюзных активистов, с другой, о потенциальных возможностях профессиональных союзов в деле защиты прав и свобод граждан.

Именно эти общественные структуры составляют стеновой хребет современного гражданского общества. Их деятельность в Республике Беларусь, как показывают социологические исследования, заслуживает как благодарности, так и многочисленных упреков, но имеет прекрасные перспективы.

Список литературы

1. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – 286 с.; Т. 2. – 284 с.
2. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с.; Т. 2. – 240 с.
3. Хузеева, Т.В. Гражданское общество в правовом измерении / Т.В. Хузеева // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – № 4. – С. 146–166.
4. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16–27.

О.Н. Ображей, В.С. Подвальская

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В условиях современного общества с присущими ему особенностями социально-экономического, научно-технического развития и с учетом существенной модификации ценностных установок проблема самосохранения здоровья населения приобретает первостепенное значение.

На здоровье человека оказывают влияние различные факторы, среди которых следует выделить, прежде всего, образ жизни человека, как «устойчивый, сложившийся в конкретных общественно-экологических условиях способ жизнедеятельности человека»²⁶. Всемирная Организация здравоохранения констатирует, что здоровье каждого индивида на половину зависит от него самого.

В процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности образ жизни современного человека существенно изменился. С одной стороны, возросла роль личного выбора (ценностей, норм, стиля жизни и поведения), с другой – появились новые возможности и сферы реализации личности, с третьей – здоровье стало более востребованным как человеческий и социальный капитал, наличие которого обеспечивает достижение индивидуальных и общественных целей. И проблема состоит в том, насколько хорошо каждый человек осознает необходимость заботы о своем здоровье,

²⁶ Рубцов, А.В. Здоровье как социальная ценность / А.В. Рубцов // Экономика здравоохранения. – 2005. – № 1. – С. 18.

учитывает значимость здоровья при формировании жизненных стратегий, укореняет нормы самосохранительного поведения в практику повседневной жизни.

Современная ситуация в области самосохранения здоровья населения характеризуется рядом неблагоприятных тенденций.

Во-первых, произошедшие за последние годы социально-экономические перемены поставили население перед необходимостью изменить отношение к здоровью, взяв на себя ответственность за собственное здоровье, выражаемое в соответствующих поведенческих практиках. Но в силу инертности психологических механизмов индивидуального и общественного сознания, отсутствия у населения знаний о возможных способах адаптации к новой ситуации, население оказалось неспособным адекватно реагировать на новые реалии изменением поведения в сфере здоровья, что привело к формированию уровня культуры самосохранительного поведения населения намного ниже стандартов развитых стран и росту общей заболеваемости населения.

Процессы усложнения общественной жизни, изменение ее ритма, резкое возрастание социальных взаимодействий привели также к изменению характера заболеваний человека и преобладанию в их числе не инфекционных, а «болезней цивилизации»²⁷, которые обусловлены особенностями образа жизни человека в современном обществе. Так, первое место среди причин смертности (55,4%) и 2-е в структуре общей заболеваемости (12,8%) занимают болезни системы кровообращения. Второе место занимают новообразования (13,3%). На третье место вышла смертность от несчастных случаев, травм и отравлений (11,5%). На протяжении последних десяти лет сохраняется высокий уровень смертности в группах населения трудоспособного возраста, особенно среди мужчин. Смертность от внешних причин (самоубийств, убийств, случайных утоплений, отравлений алкоголем и др.) является главной причиной смерти населения трудоспособного возраста.

В настоящее время обострилась дифференциация ожидаемой продолжительности жизни. Отставание от развитых в экономическом отношении стран в ожидаемой продолжительности жизни у женщин составляет 7–9 лет, у мужчин – 11–13 лет; разница по данному показателю между полами в республике составляет 12 лет, что на 5–7 лет больше, чем в странах-лидерах.

Во-вторых, произошедшие перемены в образе жизни населения обусловили высокую распространенность разрушающих форм поведения – курения, алкоголизма, наркомании. Согласно статистическим и социологическим данным распространенность табакокурения составляет 32,1% населения в возрасте старше 16 лет²⁸. Среди мужчин доля курящих составляет 50,2%, доля женщин – 21,4%. Уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения составляет 12,4 литров в год (предельно критический мировой показатель – 8 литров)²⁹. Большинство регулярно или эпизодически распивают алкогольные напитки различной степени крепости: легкие вина употребляют 78,9% респондентов, пиво – 71,1%, крепкие алкогольные напитки – 68,7%³⁰. Наряду с проблемой распространенности употребления алкогольных напитков в последние годы отмечается рост наркомании: количество больных наркоманией в 2008 году составило 7376 человек³¹.

²⁷ Байер, К. Здоровый образ жизни / К. Байер, Л. Шейнберг. – М., 1997.

²⁸ Данные республиканского социологического исследования «Социологическое исследование по вопросам формирования здорового образа жизни населения республики. Оценка эффективности проведенных профилактических мероприятий», 2009 г.

²⁹ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 г.

³⁰ См. сноску № 28.

³¹ См. сноску № 29.

В-третьих, в условиях социальной реальности в связи с низкими стартовыми возможностями вхождения в рыночные отношения большинства населения страны идет эксплуатация наиболее доступного, а у молодежи нередко и единственного, ресурса – здоровья. Несмотря на то, что в настоящее время ценность здоровья для подавляющего большинства населения является бесспорной – наибольшее число опрошенных (81,9%)³² отмечает здоровье в числе важнейших жизненных ценностей, однако, необходимо отметить, что ценность здоровья носит скорее не фундаментальный, а инструментальный характер. Для многих людей показателями жизненного успеха являются уровень материального благосостояния, карьера, власть, а здоровье является лишь дополнительным источником жизненных ресурсов, средством для достижения более значимых целей. В результате в индивидуальном и массовом сознании стремление к сохранению и укреплению здоровья не входит в число главных жизненных приоритетов.

В-четвертых, созданная система бесплатного и доступного медицинского обслуживания, бывшая огромным достижением социалистического общества, явилась вместе с тем и фактором, негативно влияющим на формирование индивидуальной ответственности каждого человека за здоровье – функция ответственности перекладывалась на систему здравоохранения. В результате иждивенческий подход в отношении здоровья глубоко укоренился в сознании современных людей, что подтверждают результаты исследований, проведенных за период 2002–2008 г. Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья. Для значительной части опрошенных все еще характерно пассивное отношение к своему здоровью, перекладывание ответственности за состояние своего здоровья на внешние факторы, а не на собственные усилия. Так, главными причинами ухудшения состояния своего здоровья респонденты считают экологические условия и материальное положение; далее по мере убывания значимости, – качество медицинской помощи, жилищные условия, условия труда и учебы, условия отдыха, биологическую наследственность. Роль собственного поведения в сохранении и укреплении здоровья признают 24,1% опрошенных. По данным исследований лишь незначительная часть населения (14,1%) уделяет достаточно внимания своему здоровью. Около половины (44%) признают, что недостаточно внимания уделяют своему здоровью³³. Значительная часть населения не соблюдает режима питания, единицы регулярно занимаются физкультурой и спортом, делают утреннюю зарядку.

Лишь незначительная часть населения проявляет способность к эффективной, без потерь для здоровья, самоорганизации повседневной жизни и предпринимает конкретные действия с целью его сохранения: старается оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых, контролировать свое психическое состояние, принимает витамины и биодобавки, посещает баню, сауну, проходит оздоровление в санаториях и на курортах.

Мотивация самосохранения населения остается все еще низкой. В соответствии с результатами исследований доминирующим прожективным мотивом заботы населения о своем здоровье является «ухудшение здоровья, болезнь». В числе других значимых мотивов были названы: «нежелание доставлять хлопоты, быть обузой для близких», «нежелание сталкиваться с медициной и быть в зависимости от нее», «нежелание тратить деньги на лекарства», «стремление хорошо выглядеть, нравиться», «желание повысить (сохранить) работоспособность», «желание родить здорового ребенка».

³² См. сноску № 28.

³³ Данные республиканского социологического исследования «Социологическое исследование по вопросам формирования здорового образа жизни населения республики. Оценка эффективности проведенных профилактических мероприятий», 2009 г.

Анализ структуры прожективных мотивов свидетельствует о том, что в структуре мотивации населения широко представлены как реактивные, так и стратегические мотивы, при этом имеет место лишь незначительное преобладание реактивных мотивов (ухудшение здоровья, болезнь) над стратегическими (нежелание доставлять хлопоты близким, тратить деньги на лекарства и т.п.). Широкая распространенность стратегических мотивов в структуре мотивации населения, способность к стратегическому поведению свидетельствует о стремлении управлять собственной жизнью и может интерпретироваться как весьма обнадеживающий результат.

И.К. Комарова

Гродненский филиал, БИП – Институт правоведения, г. Гродно

СОЦИАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Человечество вступило в очень сложную эпоху своего существования, когда глобализирующийся мир порождает всеобщие проблемы в результате становления единого мирового рынка, свободного движения товаров и капитала, распространения информации, растущую взаимосвязь и взаимозависимость разнородного мирового социального пространства. В этих условиях в области культуры, национальных традиций, коммуникативного взаимодействия и духовной преемственности выдвигание или уход доминантных ценностей, формирующих иерархию жизненных предпочтений социальных субъектов, имеет чрезвычайное значение.

Установление глобальной формы сообщества – мегаобщества – оказывается процессом очень сложным и крайне противоречивым, что проявилось в распаде мировой системы социализма, затрудненным ее вхождением в рыночные отношения. Сегодня речь идет о его специфическом этапе – создании нового американоподобного образца мирового порядка с новой системой отношений с новыми социальными доминантами.

Значительными глобализационными факторами, оказывающими доминирующее влияние на трансформацию базовых ценностей белорусов и их социокультурной идентичности, являются:

- мозаичный характер слуховизуальной культуры;
- превалирование вынужденных связей между людьми в глобальном «метраполисе» (принципиально отличном от «глобальной деревни», в которой царят тесные родственные и устойчивые соседские связи, определяющие духовные установки людей) [1, с. 75];
- массовизация общества;
- технология массовых коммуникаций, открывающая новые возможности для манипуляции общественным сознанием;
- коммерциализация СМИ, приводящая к превращению их не в актора, а в инструмент в руках государства, партий, движений, бизнеса, отдельных людей;
- маркетингизация социального пространства и превращение его в разновидность рынка;
- стандартизация материальной предметно-вещественной сферы образа жизни по западным образцам [3, с. 10].

Изменения аксиологических приоритетов, стихийно сложившихся в Республике Беларусь, связаны, в первую очередь, с общемировыми тенденциями эмансипации, гендерного равенства, распространения индивидуализма и личной свободы во всех сферах жизнедеятельности общества [2, с. 38]. Так, происходит сближение моделей

ролевого поведения мужчины и женщины: оба супруга участвуют в экономическом обеспечении семьи, поровну разделяют ответственность за воспитание детей, совместно ведут домашнее хозяйство. В мотивационной структуре трудовой деятельности преобладает материальный фактор: высокая заработная плата является первостепенным приоритетом. Тем не менее, растет число респондентов, ориентированных на творческую самореализацию, перспективную работу. Процесс перехода белорусского общества от экономики централизованного планирования к рыночной способствовал появлению в ценностном сознании положительного отношения к таким понятиям рыночной экономики как конкуренция и частная собственность. Кроме того, ориентация на патерналистскую опеку государства постепенно превращается в установку на самостоятельность и надежду на собственные силы, тем не менее, треть респондентов поддерживает мнение о том, что государство должно заботиться о своих гражданах [2, с. 39].

Результатом изменений в ценностных предпочтениях являются новые социальные доминанты, появившиеся с проникновением рыночных отношений. Это активное отношение к миру, способность выдвигать новые идеи, умение осваивать различные виды и способы деятельности, стремление к максимальной продуктивности, эффективности, производительности, постоянное движение от стабильности, успеха к изменениям, другим вершинам, умение предугадывать тенденции движения, высокая адаптация к внешним факторам.

Однако вместе с указанными изменениями имеют место и другие тенденции. Резкий скачок в создании вещного богатства, усилия СМИ и рекламы неограниченно развили материальные потребности, что естественно вытекает из самого хода современных цивилизационных процессов. Стали привлекательными утилитарные цели: ориентация на ближайшие интересы, принцип пользы, расчета. Люди, занятые поиском материальных благ, служебной карьерой, утрачивают элементы духовности, искренность, сопереживание стало излишним. Как отмечают исследователи, социальная значимость духовности как фактора индивидуальной саморегуляции имеет тенденцию к резкому падению.

В условиях глобализации рвутся звенья, механизмы, связи между людьми. Родственные, семейные, дружеские отношения приобретают модульный характер, когда каждый участник взаимозаменяем, так как все более теряет свою функциональную и личностную неповторимость, становясь усредненным человеком массы. Экспансия кино, телевидения, интернета повышает роль визуальности, зрительного восприятия социокультурных образцов, способствует подмене последних знаками и символами. Наедине с экраном зрелищного шоу, виртуально общаясь с увиденными событиями жизни героев, современный человек ощущает себя таким же сильным, достигающим успехов жизненного благополучия и т.д. В соприкосновении же с реальностью он становится одним из многих, пытающихся завоевать свое место под солнцем [1, с. 76]. Это ощущение сопричастности и выравнивания с другими в психологическом восприятии способствует самому широкому распространению девиантных форм поведения. Стали возникать стихийные бунтарские настроения всеобщего разрушения, особенно заметные в маргинальных группах, игнорирование правовых норм, законности и порядка. В мироощущении же индивидов растет чувство одиночества, незащищенности, в поведении обнаруживается активный поиск новой ниши (семья, национальные обычаи, близкие по духу социальные группы и т.д.).

Для того чтобы смягчить эти тенденции, особое значение приобретают следующие социальные, духовные и правовые меры:

- признание многомерности человека;
- определение цели и выбор способов их достижения, цены преобразований, радикальных реформ, учет нравственной составляющей человеческой духовности;

- утверждение нравственного образа жизни на достойном для человека материальном базисе;
- превращение человеческих отношений в предмет диалога, активизируя развитие службы по связям с общественностью (публик рилейшнз);
- осуществление регламентации коммуникационных процессов, решение проблемы межкультурной коммуникации;
- укрепление и совершенствование законодательной базы;
- поддержка престижа семьи через СМИ, по правительственным и региональным каналам, деятельности религиозных организаций.

Список литературы

1. Савруцкая, Е.П. Феномен коммуникации в современном мире / Е.П. Савруцкая // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.
2. Титаренко, Л.Г. Тенденции изменения идентичности и базовых ценностей белорусов / Л.Г. Титаренко // Восточноевропейские исследования. – 2005. – № 2.
3. Лукьянова, Л.И. Нормативно-символическое пространство политики в эпоху информационного общества / Л.И. Лукьянова // Белорусская политология: многообразие в единстве – III: материалы международной научно-практической конференции. – Гродно, ГрГУ, 2008.

С.В. Рыбчак

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

В условиях развития трансформирующегося общества важное место отводится процессу социальной адаптации, под которым понимается активное приспособление индивида или группы к определенным материальным условиям, нормам, ценностям социальной среды. Но социальная адаптация протекает по-разному у различных индивидов и групп и точно также может быть неодинаков ее итог. Свойство приспособляться присуще всему живому, и тем более человеку, но зависит от многих объективных и субъективных факторов. Мы попросили респондентов дать собственную оценку своего сегодняшнего отношения к тому, что они живут в условиях трансформации. Наибольшее число респондентов (41,6%) стараются не думать об этом, чтобы не расстраиваться. Это особенно характерно для людей средней и старшей возрастных групп, в меньшей степени для молодежи (28,3%); пол респондентов и место жительства значения не имеют. Далее следуют две почти одинаковые по численности группы тех, у кого иногда это вызывает чувство тревоги и неуверенности – 20,9% (здесь преобладают люди среднего возраста, которые переживают, скорее всего, за будущее своих детей), а также группа тех, кто почти не задумывается и не вспоминает о сложившейся ситуации – 19,5% (среди молодежи 26,4%). Осознание ситуации вызывает ощущение постоянного психологического дискомфорта у 6,8%, а 5,9% утверждают, что на их психологическом самочувствии этот никак не сказывается. Таким образом, на сегодняшний день реакция на ситуацию в обществе остается различной, и уровень тревожности остается достаточно заметным.

Социально-психологическое самочувствие, степень адаптации мы рассмотрели также через различные аспекты поведения. Большинство респондентов достаточно позитивно оценивают свою жизнь. Считают, что у них больших успехов нет, но в основном все нормально 70,3%; все удачно складывается у 5,7%. К неудачникам себя относит почти каждый десятый (9,6%), а 4,1% утверждают, что их жизнь такая, что и жить не хочется (затруднились дать оценку 10,4%). Среди «удачливых» больше молодежи, а среди тех, кому не хочется жить, большинство составляют женщины среднего возраста. Что же представляет собой шкала жизненных ценностей наших респондентов?

Семья, дети и здоровье составляют наиболее приоритетную группу ценностей. Во второй группе – наличие любимого человека, интересной работы, денег и хороших отношений с людьми. Оставшиеся переменные в основном представляют инструментальные ценности, т.е. с помощью чего можно достичь наиболее желаемого. Обращает на себя внимание крайне низкое стремление у лидерству, каким-либо достижениям. Самые низкие позиции занимают такие слагаемые успешности жизни, как «быть первым во всем, что кажется важным», «собственный бизнес», «карьера», «богатство», «реализация своих способностей», т.е. то, что требует приложения немалых усилий и упорства. Не на много выше эти показатели и у молодежи.

Социально-психологическое самочувствие характеризуется также и оценкой своей жизни на перспективу. Каждый пятый респондент (20,5%) смотрит в будущее в надеждой и оптимизмом, 29,1% – спокойно, но без особых надежд, 40,4% испытывают чувство тревоги за будущее, остальные 10% затруднились делать какие-либо предположения. В наибольшей степени – тревога за здоровье детей, за их будущее как полноценных граждан, способность получить хорошее образование, достойно устроиться в жизни, создать нормальную семью.

Многочисленные исследования социологов, психологов свидетельствуют, что трансформация общества оказывает сильное воздействие на сознание людей. Ощущение себя находящимися в опасности, беспокойство за детей, родных, нечеткие представления о будущем – это далеко не полный перечень переживаний, наложивших свой отпечаток на все стороны жизни граждан. Однако социально-психологическая ситуация в обществе не остается постоянной. Специфические особенности осознания ситуации обусловлены, конечно, уникальностью сложившейся обстановки, в которой тесным образом переплелись социальные, природные, предметно-технологические факторы. Высокая неопределенность жизненной ситуации. На первый план выдвигается проблема социальной адаптации, приспособления собственного образа жизни к новым условиям окружающей среды.

Еще одной сложной социальной проблемой является распространение девиантного поведения. Материальные трудности, безработица, особенно среди молодежи, провоцируют асоциальные и противоправные действия. Время, не занятое продуктивной деятельностью, бездумно расходуется на сомнительные и опасные «развлечения», дефицит средств пытаются восполнить социально не одобряемыми способами, а чувства безнадежности и ущемленности толкают к алкоголизму.

Большинство респондентов (74,2%) утверждают, что за последние 2–3 года возросло употребление спиртных напитков. Только половина опрошенных не употребляют спиртное, а примерно четверть делает это достаточно регулярно.

Обращает на себя внимание тот факт, что достаточно высока «представительность» молодежи, которые фактически не отстают от старших.

Стоит обратить внимание, что имеется разница в ответах по половозрастным признакам. Например, женщины больше значения придают низкой культуре, а мужчины – психологическому напряжению. Молодежь же говорит также о низкой культуре и отсутствии других форм проведения досуга. Очевидно, что для молодежи разнообразно-

зие в проведении досуга играет немаловажную роль, способствует закреплению в родных городах, а не поиском «красивой» жизни в крупных городах. С другой стороны, необходимо отметить, что традиции употребления спиртного по поводу и без поддержки являются в семье, родителями и старшими родственниками. Выявлено, что человек тем больше усваивает образцы такого поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем моложе его возраст. В конечном счете с молодежью происходит такое явление, как делинквентный дрейф – ослабление отрицательной реакции на нарушение правовых норм на основе того, что такие нарушения повсеместны, «так все делают». Очевидно, что причинами употребления спиртного достаточно существенной частью респондентов являются причины социального порядка: трудности с трудоустройством, досугом, недостаточно высокий культурный уровень.

Обращает на себя внимание и тот факт, что 40,8% респондентов отмечают рост преступности. Эти субъективные мнения, конечно же, не основываются на статистике, однако, по всей видимости, небеспочвенны.

Современный человек сталкивается с множеством проблем, которые он должен решать как своими собственными силами, так и при помощи окружающих, а также государства. В исследовании мы постарались выяснить влияние трансформирующегося общества на микроуровне, т.е. в наличии личных проблем, которые во многом и обуславливают социально-психологический климат в сообществе.

Сложившаяся в нашем обществе ситуация продолжает оказывать влияние на социально-психологическое самочувствие людей, но все же в качестве причин ряда негативных явления и личных проблем доминируют факторы социального порядка.

Приведенные результаты показывают, что неблагоприятные тенденции в динамике социально-психологических восприятий сохраняются, более того, возникают новые обстоятельства, которые создают неблагоприятный фон оценки жизненных реалий. Продолжает падать рождаемость, сокращается естественный прирост населения, сохраняется высокий уровень заболеваемости. Снижение объемов сельскохозяйственного и промышленного производства приводит к безработице и, как следствие, к невысокому жизненному уровню населения. Сохраняется высокая степень обеспокоенности у людей за свое настоящее и будущее.

Если попытаться охарактеризовать основные проблемы, вызывающие социально-психологическое напряжение, то их можно свести к трем позициям. Во-первых, обеспокоенность состоянием здоровья. Во-вторых, социальная защита населения. В-третьих, трудоустройство, и получение достойной оплаты труда. Налицо опасность появления целого поколения немощных и безынициативных людей, снижающих жизненный потенциал нации.

В.С. Тарасов

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

В минувшем году глобальный финансово-экономический кризис оказал сильное влияние на экономику и социально-экономическую ситуацию в республике. Начавшись в финансовой сфере, он распространился на реальный сектор экономики и социальную сферу. Меры правительства по стабилизации финансовой системы и со-

циально-экономической ситуации (крупные внешние займы, девальвация национальной валюты и др.) позволили лишь несколько смягчить социальные последствия кризиса, но к существенному улучшению социально-экономического положения не привели. В республике замедлились темпы экономического роста, возросла скрытая безработица, усилилась инфляция, сокращаются размеры заработной платы, снижается потребление и уровень жизни населения. Преодоление негативных последствий влияния глобального кризиса на национальную экономику зависит от решения комплекса экономических проблем (развития инфраструктуры и механизмов рынка, малого и среднего бизнеса, признание и гарантия прав собственности, ограничение вмешательства государства в экономику и др.), которые позволяют модернизировать предприятия и повысить их конкурентоспособность на внешнем рынке.

Мониторинговые социологические исследования Института социологии НАН Беларуси (ноябрь 2009 г.) показывают негативную динамику социально-экономической ситуации, снижение материального уровня жизни и обострение социальных проблем. Наиболее противоречивой является оценка населением влияния экономического кризиса на личное положение и на положение семьи. Ответы респондентов разделились практически поровну: 43,5% из них отметили, что почувствовали влияние экономического кризиса, 45% – не почувствовали, 8,5% – о кризисе ничего не знали. Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют о том, что правительству удалось не выпустить из-под контроля развитие социально-экономической ситуации и не допустить резкого падения уровня жизни, с другой стороны, они показывают, что основная масса населения приспособилась к постоянным экономическим трудностям переходного периода: прогрессирующей инфляции, невысоким зарплате, социальным пособиям и пенсиям и др. Подтверждением этого являются ответы респондентов на вопрос: «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?».

Согласно социологическим данным, 23,5% опрошенных отметили, что повышают свой доход всеми возможными способами, 46,4% – стараются жить по средствам, 22,3% – снижают уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении), 6,3% ничего не предпринимают (пытаются отвлечься от проблем). Результаты опроса свидетельствуют также о сокращении доходов и потребления, ухудшении возможностей проведения досуга, отпуска и др. В условиях слабого развития рыночных отношений население республики имеет весьма ограниченные экономические возможности влияния на личное благосостояние и материальное положение своих семей, которые в значительной степени определяются региональными особенностями структуры экономики, рынка труда, экономическими подходами местных администраций, условиями для предпринимательства и др.

За прошедший год с 8,2% до 2,7% уменьшилось количество респондентов, которые оценили социально-экономическое положение как хорошее, с 8,7 до 6,4% – как скорее хорошее. При этом с 52,9% до 47,6% уменьшилось количество опрошенных, которые оценили социально-экономическое положение республики как среднее, с 12,2% до 15,9% увеличилось количество людей, которые назвали его скорее плохим и с 4,9% до 8,3% – плохим, соответственно 13% и 17,5% – затруднились ответить.

Существенное различие выявляется в оценках населением социально-экономической ситуации по сравнению с предыдущим годом. Так, с 5% до 1,5% уменьшилось количество респондентов, которые отметили, что она существенно улучшилась; с 20,6% до 9,8% – немного улучшилась; с 36,3% до 22,9% уменьшилось количество респондентов, которые полагали, что она не изменилась. Количество респондентов, отметивших, что социально-экономическая ситуация немного ухудшилась, увеличилось с 15,6% до 24,9%, соответственно с 4,1% до 11,6% возросло количество людей, которые считали, что она существенно ухудшилась. Таким образом, более чем на треть

увеличилось количество респондентов, которые констатировали ухудшение в минувшем году социально-экономической ситуации, одновременно на 13,4% уменьшилось число людей, которые считали, что ситуация не изменилась.

В прошлом году наблюдался процесс ухудшения материального положения семей, что проявилось в уменьшении их доходов и потребления. Так, за прошедший год с 9% до 5,8% уменьшилось количество опрошенных, которые считали материальное положение своей семьи хорошим, с 8,3% до 6,5% – скорее хорошим, с 60,3% до 57,2% – средним. При этом с 13,3% до 18,5% увеличилось число респондентов, которые назвали его скорее плохим, с 5,7% до 7,5% – плохим, соответственно затруднились ответить 2,7% и 3,9%. Количество респондентов, отметивших существенное улучшение материального положения своей семьи, снизилось с 4,4% до 2,6%, небольшое улучшение – с 22,6% до 11,9%, что оно не изменилось – с 46,9% до 41%. При этом с 15,7% до 28,6% увеличилось количество опрошенных, которые отметили небольшое ухудшение, с 5,5% до 10,3% – существенное ухудшение, 4,6% и 3,5% затруднились ответить.

Особенностью материального положения многих семей в Беларуси является вынужденное ограничение материальных и духовных потребностей в связи с постоянным ростом цен на продовольственные и промышленные товары, лекарства, строительство жилья, медицинские и коммунальные услуги и др., что оказывает негативное влияние на накопление, потребление и социальное самочувствие людей. Так, 20,3% опрошенных отметили, что им не хватает средств на продукты питания, 14,6% – на оплату коммунальных услуг, 33,1% – на оплату лечения и медикаментов, 22,2% – на оплату бытовых услуг (химчистки, парикмахерской, мелкого ремонта и др.), 50% – на приобретение товаров длительного пользования (мебель, бытовая техника и др.). Средствами на строительство дома, квартиры, гаража и др., располагают 3% опрошенных, а 24,4% – отметили, что у них никогда не хватит на это денег. Немногим более 8% опрошенных могут позволить себе отдых и путешествия, 9,7% – имеют средства на оплату образования своих детей. Таким образом, большинство населения республики располагает весьма ограниченными материальными ресурсами, что негативно отражается на образе жизни, культуре, отношении к духовно-нравственным ценностям и социальном поведении.

Об ухудшении социально-экономической ситуации свидетельствует существование в обществе социальной напряженности, которая может проявляться в различных формах: в обострении противоречий между экономическими интересами различных групп населения, недовольстве государственной социально-экономической политикой, распределением материальных ресурсов, уровнем жизни, социальными перспективами и др. В настоящее время немногим более 10% опрошенных считают, что в обществе существует социальная напряженность, 24,9% – полагают, что она скорее есть, 19,7% – скорее нет, 13,3% – что ее в обществе нет, 29% – затруднились ответить.

Социально-экономическое развитие Беларуси в экономически благополучные годы не сопровождалось существенным ростом уровня жизни населения, изменением структуры семейных расходов, увеличением денежных накоплений и потребления, улучшением экономических условий хозяйствования и др. В условиях глобального финансово-экономического кризиса, который оказывает негативное влияние на развитие экономики и социальную сферу республики, государству необходимо внести коррективы в социально-экономическую политику. Приоритетным направлением его деятельности должны стать структурные реформы экономики и методы государственного и хозяйственного управления. Развитие рыночных механизмов хозяйствования должно сопровождаться сокращением государственного присутствия в экономике, переходом к экономическим методам регулирования социально-экономических процессов. Формирование эффективной и отвечающей интересам развития общества современ-

ной модели экономики позволит Беларуси стать социально ориентированным государством, в котором приоритетными направлениями социально-экономической политики являются развитие здравоохранения, образования, науки, культуры и др., обеспечение высокого уровня жизни и социальной защиты населения, забота о нравственном и физическом здоровье людей и др.

Преодоление негативных последствий финансово-экономического кризиса требует от государства модернизации народного хозяйства, перехода предприятий республики на энергосберегающие и наукоемкие технологии, оснащения производства новейшим оборудованием, соответствующим стандартам высокоразвитых стран. Таким образом, развитие экономических механизмов хозяйствования и формирование рыночной модели экономики являются важнейшим условием повышения уровня жизни, роста благосостояния населения и существенного улучшения социально-экономической ситуации в республике.

Н.Н. Мельник

Белорусский государственный университет, г. Минск

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ БАЗИС ОБЪЕДИНЕНИЯ НАЦИИ

Для каждого государства, моно- или полиэтничного, а особенно таких стран как Россия или США, необходим социокультурный базис для объединения граждан страны в единую нацию. Таким связующим звеном, национальной идеей может служить гражданская религия, которая представляет собой идеологию, базирующуюся в том числе и на религиозных принципах.

Согласно Э. Дюркгейму, религия существует в обществе и до тех пор, пока существует общество, поэтому понятно, почему государство обращается к религиозным верованиям как к основе для идентификации и консолидации нации в единое целое. Однако эти религиозные представления крайне общие и всего лишь постулируют существование Бога.

Гражданская религия является идеологической властью, которая призвана формировать определенные предпочтения у граждан страны, а также идентифицировать их в единое целое, единую нацию. Гражданская религия по своей сути – это набор мифов и представлений, которые консолидируют нацию, которые очерчивают ее место среди других. Но гражданская религия – это не просто светская идеология, которая призвана поддерживать стабильность государства. Гражданская религия – это идеология, которая совмещает в себе дух светскости и религиозности, что выражается в синтезе светских начал государства (идей гражданского и правового государства) и религиозных принципов и символов, которые помогают устанавливать не только стабильность в стране, но и ассимиляцию вновь прибывших, идентификацию американской или иной нации. Гражданская религия ни в коем случае не выступает связующим звеном между верующим и Богом, она лишь связующее звено между массами граждан и государством.

Если рассматривать применение феномена гражданской религии в других странах, то многие ученые, такие как В. Лейгода и Е. Мирошникова задаются вопросом о возможности ее применения на просторах России.

Современная идентичность населения России – сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этно-

культурной, религиозной идентичностей [2, с. 69]. Поэтому, когда разрушилась идентичность «советский человек», на смену ей не было привнесено ни одной другой общезначимой. В свою очередь гражданская религия имеет шанс найти новую опору в российской, белорусской идентификации.

Однако сводить все к православию невозможно, ибо даже в Беларуси уживаются множество конфессий.

Достаточно вспомнить дебаты по поводу включения в текст проекта Конституции Европейского Союза положения об особой роли религии, в частности христианства; принятие во Франции так называемого закона о светскости; рассмотрение Верховным судом США дела о конституционности текста клятвы американскому флагу (а именно слов «под Богом»); подготовку в России проектов законов о социальном партнерстве, непрекращающиеся попытки введения в той или иной форме обязательного преподавания религии в государственных школах [3].

Это не проходит, поскольку и Беларусь, и Россия являются многоконфессиональными странами и «возвеличение» одной из религий предвещает рост нетерпимости в обществе. Поэтому стоит задуматься над новым путем развития консолидации религиозных конфессий.

По мнению В. Бачинина, гражданская религия является символом именно светского общества.

Она может родиться только в лоне светского сознания. Более того, именно светское мышление – главное препятствие к тому, чтобы говорить сегодня о сути объединяющей идеи. Это именно та проблема, к аутентичному пониманию которой мы никогда не приблизимся, если будем мыслить только сугубо светскими, т. е. атеистическими-материалистическими категориями. Здесь нужен иной язык – язык не светской идеологии и даже не политической социологии, а политической теологии. Ведь речь в данном случае идет о том, что неизмеримо глубже идеологии. Даже более того: речь идет о том, что вообще не является идеологией. По-настоящему объединяющей силой, т. е. силой, лишённой деструктивных интенций, может быть только религия. Ее механизмы срабатывают на глубинных уровнях не политического, а религиозного сознания [1].

Для многонациональной России начала XXI века ключевое значение приобретает исследование религиозности в контексте проблематики национально-гражданской самоидентификации населения, его отношения к наиболее острому межнациональным проблемам внутрироссийского характера, а также международным и межгосударственным, в связи с анализом идейно-политических предпочтений и межнациональной толерантности. Религия играет важную роль в формировании и развитии этносов, а потому «этноконфессиональная связка «русский – православный» – это не только обращенная в прошлое идентичность, это – реалья сегодняшнего дня» [4, с. 95].

С данным утверждением можно поспорить – поскольку, если ставить вопрос так жестко, Россия окажется на пороге межнациональной розни, что и происходит сейчас при возрождении доминирующей роли православия.

Гражданская религия – в американской мысли, начиная с Р. Белла: принятая обществом и государством система религиозных представлений, верований, символов, ценностей, святынь, нравственных принципов и ритуальных норм, связанных с национальной историей и пониманием нацией своей роли в мире [5].

Особенности гражданской религии:

- 1) религиозным символом или Священным писанием выступают тексты конституций, в частности в США, Декларация независимости;
- 2) государственная символика тесно переплетена с религиозной символикой;
- 3) выполняемые гражданской религией функции, способствуют единству нации и легитимизации правительства, что покоится на религиозных мифах общества;
- 4) вера в абстрактного Бога как символа и спасителя нации;

- 5) обожествление принципов гражданского государства – свободы и демократии;
- 6) взаимовлияние церкви и государства;
- 7) гражданская религия изначально покоится на конфессиональных ценностях и нормах поведения государства;
- 8) современная гражданская религия опирается на множество конфессий, которые представлены в государстве;
- 9) опора на гражданскую религию позволяет политическим лидерам оправдывать вмешательство в жизнь других стран;
- 10) отождествление прозидента страны с символом государства и освящение его личности.

Сравнивая социальный феномен гражданской религии в США и Мексике, Р. Белл и П. Хаммонд пришли к выводу, что существуют различия, которые обусловлены спецификой развития самой страны и отношения граждан к данному явлению. Так, для американцев связь между религией и политикой не препятствует осуществлению светскости государства, в то время как в Мексике существует дистанция между такими сферами общественной жизни как национализм, гражданская религия, политика и религия. Они не едины, а сосуществуют в одном государстве на равных условиях. Другим отличием мексиканской гражданской религии является то, что в основе лежит образование как национальное стремление. Главенствующая роль образования меняет ракурс развития феномена гражданской религии.

Немаловажным отличием американской модели гражданской религии от моделей в других странах является ее опора на протестантизм как главную религиозную систему. В отличие от США, в Мексике таким религиозным базисом выступает Католическая Церковь со своими законами и догмами. Поэтому разные предпосылки создают в каждой стране специфическую модель гражданской религии.

Становление и развитие феномена гражданской религии в США и за ее пределами ставит вопрос о возможности трансляции данного социального феномена в другие государства, особенно в те страны, которые разительно отличаются от Америки по своим религиозным и культурным основаниям, типу самосознания. Перенесение принципов американской модели гражданской религии без изменений в другие страны может привести к жесткому неприятию данного феномена гражданами другой страны и искажению ее роли, как объединяющего символа нации.

Список литературы

1. Бачинин, В. Что нужно России – гражданская религия или христианская идея? // В. Бачинин // Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология [Электронный ресурс]. – 2004. – Том 1. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1332>. – Дата доступа: 08.01.2009.
2. Дробижина, Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (Тенденции и проблемы) / Л.М. Дробижина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 68–77.
3. Мирошникова, Е. Гражданская религия. Возможна ли она в России? / Е. Мирошникова // Религия и право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rinfo.ru/rip/2004/2004%20-%201/02%20-%20miroshnikova.html>. – Дата доступа: 07.01.2009.
4. Мчедлов, М.П. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия / М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 95–101.
5. Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_fil/GRAZHANSKAJA-RELIGIJA-4731.html. – Дата доступа: 06.01.2009.

Раздел 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

И.В. Котляров

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВОМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Современное белорусское общество характеризуется значительным ростом национального сознания, стремлением сохранить и преумножить национальные и духовные сокровища. Всемирный опыт свидетельствует о том, что нация, которая теряет или предает свои духовные ценности, становится совершенно не подготовленной, беззащитной к вызовам времени, открытой для экспансии чужих идей, теряется в лабиринте исторического пути.

Чтобы не потерять национальную самобытность, сохранить современное и будущее, необходимо не только изучать прошлый опыт, но и постоянно использовать его при оценке существующей ситуации, прогнозировать перспективы общественного развития нашего государства в неоднозначных условиях глобального вызова. Все это чрезвычайно актуализирует научную деятельность общественных исследований, усиливает нашу ответственность за будущее государства.

В прошлом году институтами Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси получены научные результаты, которые вносят существенный вклад в совершенствование белорусской модели социально ориентированного устойчивого инновационного развития страны, повышение качества образования, совершенствование кадрового потенциала, сохранение историко-культурного наследия, обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь.

Сложные задачи стоят перед всей белорусской наукой **в 2010 году**. Их не реально решить без тесного сотрудничества научных организаций с государственными структурами, без конкретного, четкого и однозначного национального законодательства. Ведь наука развивается в правовом коридоре, обозначенном, очерченном существующими правовыми актами. Многие сделано в этом направлении, но предстоит сделать еще больше. Например, до сих пор не принят очень важный для белорусской науки Закон «О государственной поддержке и государственных гарантиях инновационной деятельности». Он был дважды принят обеими палатами парламента, но из-за совершенно незначительных недоработок не был подписан Президентом страны. Осталось несколько штрихов, которые парламентарии не могут поставить уже несколько лет. Или другой пример. Совсем недавно был принят в первом чтении Кодекс об образовании. Кажется, значительный шаг вперед. Но самое главное – статьи об оплате работников образования, выплаты из бюджета на образование в Кодекс включены не были. А ведь они есть в существующем законодательстве. До сих пор не закончена доработка законопроекта «О социологических исследованиях», который уже в свое время вносился в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Есть и другие проблемы, о которых постоянно говорят ученые Академии наук Беларуси и преподаватели вузов. Представляет интерес принятая совсем недавно программа совместных действий между Национальной академией наук и Министерством культуры. Программа завершена, хотя ее многие критиковали, но нашлись и идеи, и

люди, и деньги, подготовлены конкретные изменения в национальное законодательство. Примерно такая же долгосрочная программа разработана с Союзом писателей. Убеден, что подобную практику необходимо продолжать.

Особую роль в решении существующих в белорусском обществе проблем должна играть **социология**. Имена белорусских социологов, их научные школы известны во всем мире. Их работы знают, читают и цитируют. Однако у белорусской социологии есть существенный недостаток. Она прекрасно научилась отвечать на вопрос: «какие мы», описывать наши качества, выявлять проблемы и достоинства, но не научилась отвечать на вопросы: «Почему?» и «Что делать дальше, как устранить имеющиеся недостатки?». Классики социологии Макс Вебер и Джорж Мид писали о «понимающей социологии». Однако они глубоко ошибались, когда утверждали, что другая социология быть не может. Социология должна быть объясняющей, опережающей, воздействующей. Ведь очень важно не только описывать процессы и явления, но и объяснять – почему это происходит, какие причины подобных явлений и процессов. И что очень важно – в нарушение всех социологических канонов – предложить конкретные меры по решению существующих проблем. Типичный пример. В настоящее время многие законодательные решения, нормативные акты и правительственные предложения еще в виде проектов широко обсуждаются в белорусском обществе. А почему бы уже на этой стадии специальной созданной экспертной группе Института социологии не заявить о своей позиции с точки зрения экспертной оценки или общественного мнения? Институт социологии НАНБ в настоящее время работает над изучением мнения различных социальных групп, общественных структур по вопросу строительства атомной станции. Будут разработаны конкретные рекомендации, и, надеюсь, будут учтены в дальнейшей работе. Есть и другие широко обсуждаемые белорусским обществом проблемы. Их надо до принятия управленческих решений тщательно изучать. Авторитет академической науки, Института социологии, их роль в разработке государственных решений будет только возрастать.

Непосредственно отсюда вытекает еще один аспект. Сегодня многие утверждают, что Национальная академия наук Беларуси должна заниматься только фундаментальными исследованиями. Гуманитарная наука в целом, социологическая – в частности, не имеют перспективы, не могут эффективно развиваться **без прикладных исследований**. Так было всегда. Вспомним немецкого классика социологии Макса Вебера и его самую известную теоретическую работу «Протестантская этика и дух капитализма». Этот теоретический фундаментальный труд был настольной книгой многих практиков – предпринимателей и бизнесменов. Так есть и теперь. Потребности современного общества ставят перед гуманитарной наукой конкретные задачи, которые необходимо решать. В свою очередь, решение этих проблем помогает развитию теории и поднимает науку на более высокий теоретический уровень. Типичный пример. Институт истории НАН Беларуси постоянно проводит археологические раскопки, которые приносят новое научное знание и существенные доходы институту. Так, только в прошлом году в Институте истории было более ста проектов на сумму почти полтора миллиарда рублей.

Отсюда вытекает еще одна проблема – **расширение поля исследований**. Чем оно больше, тем больше реальных возможностей выйти на новое научное знание и конкретные дела. И это поле необходимо постоянно расширять. Одной из важнейших задач Института социологии НАНБ в данном направлении является развитие политической социологии. Это самая большая отрасль социологического знания, которая в Беларуси находится в настоящее время на пещерном уровне. Ей или не занимались вообще, или занимались не те и не так. Институт социологии уже направил соответствующие документы в Президиум НАН Беларуси и ВАК об открытии специальности «Политическая социология» в аспирантуре и Совете по защите диссертаций. В Институте социологии намерены создать исследовательские структуры по социологии религии, социологии молодежи, социологии образования и здравоохранения, гендерной социологии – без женщин не решается ни один вопрос. Приведу еще один пример. В Институте философии открыт центр стратегических европейских исследований и межкультурного сотрудничества. И, как правило, результаты не заставляют ждать.

Следует обратить внимание еще на один важный момент. Это **корпоративность** научной деятельности. Современная социология уже не представляет себе исследований без широкого использования математического аппарата. Например, в институте социологии НАНБ постоянно используется при исследовании и обработке социологических данных «модель нечеткой классификации». Еще один пример. Социологические исследования показывают, что в стране сегодня около двух третей верующих. Верующим сегодня быть модно, даже престижно. Однако храмы постоянно посещает только каждый десятый житель страны, половина – изредка, треть – не посещает никогда. Так является ли верующим тот, кто не ходит в храмы, не знает своего священника, не может отличить Новый завет от Ветхого? Ответ на этот вопрос одна социология дать не способна. Ей должны помогать экономика и культурология, психология и многие другие науки. Некоторые спрашивают: важно ли это? Важно. Там, где задействованы семь миллионов человек, там даже не политика, там жизнь. Можно привести и другие примеры необходимости совместного решения возникающих проблем. Для более глубокого изучения возможностей академических структур можно организовать республиканский межведомственный семинар, на котором представители различных отраслей научного знания будут докладывать о своих достижениях и возможных их использованиях в других научных отраслях. Институт социологии, например, очень интересуют нанотехнологии и их использование в гуманитарных исследованиях.

В условиях глобального кризиса важен постоянный поиск нового научного знания, принципиально **новых социологических теорий**. Они необходимы для накопления знаний, систематизации фактов и постановки новых вопросов. Необходимо, например, осмысление социального настроения как феномена современной общественной практики, изучение социально-политической динамики глобальных проблем, социологического видения нравственности и нравственной коммуникации, политических субъектов в современном белорусском обществе, социологических парадигм и дифференциации моделей практики деятельности в сферах образования и здравоохранения, культуры и социальной защиты, религии и национальной самосознания. Для Института социологии НАНБ важным, на наш взгляд, является проект «Теоретико-методологические основания формирования стабильного инновационного социального развития белорусского общества в условиях глобальной и региональной интеграции», позволяющий решать многие существующие проблемы.

Глобальный кризис бросил белорусской национальной науке в целом, социологической, в частности, вызов. Уверены, он будет с честью и достоинством принят. Исследования белорусских социологов будут способствовать получению нового знания, выходу нашей страны из кризиса, становлению сильного национального государства и процветающего белорусского общества.

А.И. Смолик

*Белорусский государственный университет
культуры и искусств, г. Минск*

«КУЛЬТУРНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ» КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

Система культурологического знания интенсивно развивается, имеет статус ключевых наук, нацеленных на исследование взаимодействия культуры, личности, общества. В рамках фундаментальной культурологии сформировался ряд направлений, опирающихся на собственную методологию и методику исследования. Среди них сле-

дует выделить этноисторическое направление, у истоков которого стояли Ф. Боас, А. Крёбер, Р. Бенедикт, М. Мид и др. Их заслугой, вкладом в формирование и развитие культурной антропологии являются идеи о комплексном изучении феномена человека в его культурном и социальном многообразии; об уникальности каждой этнической группы, ее культуры; об обусловленности культурного своеобразия как внутренним развитием этноса, так и инокультурным влиянием; о необходимости изучения «чужой» культуры исходя из нее самой, но не в терминах собственной культуры.

Наиболее полно эти положения прослеживаются в трудах Альфреда Крёбера, занимающего позицию «понимающего» исследователя, т.е. изучающего культуру изнутри. Он предложил новое понимание культуры как особого явления, подчиняющегося своим собственным закономерностям, которые не являются общими для всех культур, выдвинул идею циклического развития культуры, которую назвал «конфигурация развития культуры» [3]. В своём труде ученый отмечает, что культурам присуща некоторая внутренняя модель, паттерн, или культурная тема. Паттерны им определяются как структурные образцы культуры, стереотипы поведения, сложившиеся в рамках определенной культуры, как устойчивая конфигурация связей людей друг с другом, с предметной и природной средой [3, с. 409].

Следовательно, исследователям культур пограничья в первую очередь необходимо выявлять не столько своеобразие конкретно-исторической локальной культуры в ракурсе уникальности каких-либо ее черт, сколько в плане неповторимой композиции составляющих ее элементов, паттернов и форм. Культуры пограничья представляют собой систему элементов, сцепленных определенным способом и образующих целостность. Следует иметь в виду, что элементы этой целостности находятся в сложных отношениях и взаимосвязи, взаимодействуют друг с другом, поэтому представляют процесс. В связи с этим важно проследить изменения, происходящие внутри пограничных культур, выявить их детерминанты.

В качестве факторов, определяющих содержание, композицию элементов культуры, продолжительность существования культуры и формы ее динамики, Крёбер называет природно-климатические условия, генетическое происхождение, технологии жизнеобеспечения, общность исторических судеб группы сообществ.

По мнению А. Крёбера, географическая среда оказывается фактором как роста, так и сдерживания культурного развития. Эволюция и биологического вида, и той или иной культуры или стиля происходит в результате реагирования на изменения окружающей их среды, к этому добавляются изменения, вызванные внутренними причинами [3, с. 542]. Так, пограничные культуры Восточного Полесья, литовская, белорусская и польская пограничные культуры Понемонья, существующие в разных природно-климатических условиях, отличаются по типу, образу жизни и технологии хозяйственной деятельности, формам социальной организации и образам картин мира. Пограничная культура Гомельско-Брянско-Черниговского региона во многом обусловлена общностью исторических судеб белорусского, русского и украинского народов. Продолжительное время эти сообщества входили в состав единого государства (ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, СССР). Эти исторические обстоятельства содействовали формированию в ГБЧ-регионе единых черт или высокой степени сходства прежде всего в системе письменности, разговорного языка, конфессионального устройства, форм, государственности, права и т.п. В то же время в восточно-полесском регионе сохранялось своеобразие обыденных этнографических культур белорусов, русских и украинцев.

Культуры пограничья, отмечает А. Крёбер, живя друг с другом в непосредственной близости, конкурируют. Выживают наиболее приспособленные. Решающими факторами превосходства и победы данной культуры могут оказаться более качественная материальная база, совершенная политическая система, численность населения, его

фанатизм, физическая закалка людей и т.д. Анализ культурно-исторического развития восточнославянской культуры показывает, что в конце XVIII столетия наблюдается процесс ассимиляции белорусской и украинской культур российской. Сложившийся ранее гибрид белорусско-польской, украинско-польской культуры оказался менее жизнеспособным, не способным противостоять пограничной русской культуре. Вследствие чего белорусская и украинская культуры в XIX и начале XX веков развивались замедленно. Последствия этой ассимиляции не удалось преодолеть и к настоящему времени. Например русский язык вытеснил из многих сфер белорусский язык.

Помимо А. Кёрбера концепция культурной конфигурации развивалась Рут Бенедикт, Маргарет Мид, представляющими американскую школу этнопсихологии. Этнопсихологический ракурс названной концепции прослеживается в работах «Конфигурация культуры» [6], «Паттерны культуры» [7], «Психологические типы а культурах Юго-Запада США» [2], «Культура и мир детства» [5]. Названные ученые предприняли важную попытку – обосновать взаимосвязь между личностью и культурой на уровне психологической составляющей. Объектом их исследования являлась не столько культура, сколько личность, индивид и его психология. Ими выдвинута новаторская идея о том, что каждая культура имеет свою культурную доминанту. Наличием этой культурной доминанты и обусловлены фундаментальные различия между культурами. Они называют ее стилем или этосом культуры. Стиль, или этос, по их образному выражению, пронизывает культуру, подобно запаху. В то же время этос представляет собой систему ценностных ориентаций, идеалов, придающих культуре индивидуальность. Таким образом, исследователям пограничных культур для выявления их сущности, содержания важно установить культурную доминанту. Так, этос белорусской и украинской культур конца XIX – нач. XX вв. определялся идеей восстановления национальной государственности, возрождения этнической культуры. Эта культурная доминанта определяла уникальность белорусской и украинской культур и различия.

Существенное место в концепции культурной конфигурации занимает идея о том, что личность и ее психология формируют культуру, определяют в конечном счете ее содержание и облик. Исходя из этого тезиса исследователю пограничных культур при выявлении детерминации конкретной этнической культуры следует, на наш взгляд, сосредоточить изучение на проблемах корреляции между культурой и личностью, определении ментально-психологических основ национальных культур. Исходя из изучения базовой (модельной) личности, выявления ее особенностей можно установить характерные черты той или иной культуры. Таким образом, исследовать личность означает исследовать культуру. Следовательно, установить взаимосвязь между культурой, психологией и конфигурацией культуры является важнейшей задачей исследователей пограничных культур. Здесь важно выйти за пределы механического описания поведения личности как продукта культуры. Ее необходимо рассматривать как психологическую целостность, ибо психологическая согласованность личности индивида связана с психологической согласованностью культуры.

Видное место в концепции культурной конфигурации занимает проблема аккультурации. Под ней представители рассматриваемой концепции понимали изменения культуры этноса под воздействием культуры другого, обычно соседнего народа. Учеными было установлено, что в процессе межкультурной коммуникации происходит изменение пограничных культур, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения разных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза. В процессе аккультурации отдельный этнос или его часть (сословие, класс, социальная группа, национальное меньшинство) усваивают культуру и язык другого этноса (обычно демографически доминирующего или с более сильной культурой), но в то же время не утрачивают полностью свою культуру, историческую память и национальное самосознание. Вместе с тем в случае, если влияние другой культуры превышает определенную «кри-

тическую границу», тогда это может представлять угрозу для культуры реципиента, поскольку такое мощное внешнее влияние может привести к обеднению или полному исчезновению ряда национальных традиций, обрядов, обычаев, артефактов и т.д. В случае, если более развитая, «сильная» культура очень активно воздействует на «слабую», менее развитую культуру, имеет место обеднения, деградации последней. При этом нередко и культура донора в результате может в определенном смысле растратить свой внутренний потенциал, обеднить свой общий «культурный фонд».

Исследуя пограничные славянские культуры, ученым необходимо иметь в виду, что в разные исторические эпохи белорусская культура неодинаково реагировала на процессы аккультурации со стороны культур соседних и более далеких народов. В эпоху средневековья, например, преобладало влияние восточной византийской культуры, а во время Ренессанса – западноевропейской культуры. На протяжении XVII – XX столетий очень сильное воздействие на белорусскую культуру оказывали соседние культуры, в первую очередь польская и русская. В процессе колонизации и русификации белорусская культура приобрела новые черты, некоторые иноэтнические инновации, а нередко отказывались от них, оказывая определенное влияние на субъектов соседних культур. Переселившиеся на белорусские земли поляки и русские сами перенимали обычаи и традиции белорусов, сохраняя при этом свои собственные. В конце XIX в. в Беларуси проживало довольно значительное число русских и поляков.

Основоположники концепции культурной конфигурации рассматривали актуализацию не только как групповой феномен, но и на уровне психологии индивида. Она им представлялась как процесс изменений ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок индивида, находящегося продолжительное время в пространстве «чужой» культуры. Так, за пределами Беларуси в конце XX ст. проживало несколько миллионов наших соотечественников, в том числе в России 1052 тыс., на Украине 406, Польше 200, Казахстане 182, Латвии 112, Литве 58 тыс. человек [1, с. 464].

Каждый из них определенное время находился на границе культур, в состоянии периферийности по отношению к обществу в целом, в том числе и к его морали. Такой тип личности обозначается как лиминарная личность (от латинского *limen* – порог), находящаяся на пороге нескольких культурных миров. Данный индивид как бы очутился за границами социальных ролей, социальных статусов, социальной иерархии. Исследование детерминации культурной лиминарности свидетельствует: объективными условиями для ее формирования являются процессы трансформации общественной системы, интенсификации социальных перемещений внутри социума, развитие межкультурных коммуникаций.

Анализ социальной структуры постсоветских восточнославянских государств показывает, что в них велик слой лиминарной личности, вызванной нарастанием миграционных процессов, сменой ценностей, идеалов, потребностей и интересов. При исследовании пограничного состояния личности необходимо иметь в виду, что значительная часть населения Беларуси, России, Украины придерживается ценностных ориентаций, сформированных советской культурой, не разделяет либеральные ценности западных стран, продолжают ориентироваться на нормы, образцы, паттерны социалистической культуры. В то же время молодое, постсоциалистическое поколение выстраивает свою жизненную стратегию в соответствии с принципами, ценностями, идеалами западноевропейской культуры.

Список литературы

1. Беларусь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца / Беларус. Энцикл.; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]; праім. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 464–481.

2. Бенедикт, Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США / Р. Бенедикт // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271–280.
3. Крёбер, А. Конфигурация развития культуры / А. Крёбер // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 465–496.
4. Крёбер, А. Стиль и цивилизации / А. Крёбер // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 225–270.
5. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М., 1988.
6. Benedict, R. Configurations of culture / R. Benedict // American Anthropologist. – 1932. – Vol. 3. – № 1.
7. Benedict, R. Patterns of culture / R. Benedict. – Boston. – P. 134.

О.Ю. Бреская, О.В. Бреский

*Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Брест*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОГРАНИЧЬЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Дискуссия о понятиях «пограничье», «граница», «рубеж», «фронтир», «приграничье», «окраина» ведется в интеллектуальной среде Беларуси, России, Украины, Молдовы всего несколько лет. Но уже за эти несколько лет в рамках формирующегося дискурса теории пограничья, указанные категории используются сегодня исследователями в самом разном контексте и смысле. Такая неоднозначность в употреблении указанных концептов не является только свидетельством различия позиций авторов, нежеланием работать в общей терминологии, но скорее следствием интеллектуальной работы в ситуации, когда новая терминология попадает в дискурсивное пространство и начинает рассматриваться исследователями «с той» или «с другой стороны», получая все более глубокое осмысление, а также – умножение значений смыслов понятий. Однако сложность дискуссии относительно теории пограничья и ее концептуализации в белорусском научном сообществе усугубляется еще и фактом трудности, несовпадения переводов многих понятий с иностранных языков на белорусский и русский, а также неоднозначностью употребления терминов и в западноевропейской и американской аналогичной теориях.

Сам по себе термин «пограничье» ставший русскоязычной калькой английского термина «Borderland», многозначен. Его использование в европейской и американской научной традициях в конце XX – начале XXI века актуально для археологии, истории, социологии, антропологии, политической науки, гуманитарной географии (human geography), религиоведения, философии. В рамках теории пограничья возникают исследования разного рода границ – «frontier studies», «border studies» и «boundary studies». Каждая категория переводится как «граница», но при этом имеет разный смысловой оттенок. Именно по этой причине в англоязычном гуманитарном пространстве существует несколько пограничных теорий, которые, постоянно взаимодействуя друг с другом, постепенно стирают собственные границы, превращаясь в одну сложную организованную область научных исследований.

Прикладная теория, связанная с изучением бодер-границ, зародилась в 50-х гг. XX века в США как область исследований приграничных проблем. С 1976 г. в Америке была основана Ассоциация исследования приграничья (Association of Borderland Studies – ABS),

которая стала лидирующей академической ассоциацией североамериканских исследователей, занимающихся постоянным исследованием приграничных зон. Первоначальный интерес ABS фокусировался на изучении процессов приграничного региона США – Мексика: проблемах миграции, здоровья, образования, положения женщин. Центральной категорией Borderland theory выступает понятие «бодер-границы», которая концептуализируется не только как физическая линия, но и как «демаркационная линия, символизирующая власть включать и исключать субъектов из определенных отношений».

Со временем тематика и регион приграничных исследований значительно расширились. Однако **Borderland** – по-прежнему остается категорией, которая описывает преимущественно процессы приграничных регионов, а Borderland theory, которую на русский язык лучше было бы все же переводить как теория приграничья, пытается осмысливать проблемы, так или иначе привязанные к территориальным и географическим локальностям. Культурные антропологи фокусируют свое внимание на приграничье как месте, где образовались или формируются новые локальные сообщества.

Несмотря на тот факт, что именно физическая граница в теории приграничья выступает осью координат и задается как определяющая все другие типы границ, вектор приграничных исследований постепенно изменяется от однозначного толкования географических и территориальных границ как раз и навсегда закрепленных и устанавливающих условия воспроизводства других границ. Переосмысление понятий «территория» и «бодер-граница» – необходимое следствие эволюции теории приграничья. Так или иначе, существование территориальной, закрепленной, властной границы влечет за собой изучение другой границы, которая не всегда совпадает с «нарисованной линией».

Вторым типом теории пограничья является теория, которая в английском варианте получила название «**Boundary theory**». Ее основным операциональным понятием является «**boundary-граница**», а предмет **Boundary theory** определяется через такие категории как предел, ограничение, грань между не только физическими характеристиками, но и – воображаемыми, ментальными, ценностными. Понятие «**boundary-границы**» прижилось в западных культурологических исследованиях (**cultural studies**), поскольку с его помощью удобно описывать процессы культурной диверсификации. По этой же причине **boundary theory** граничит с теориями мультикультурализма, постколониальными исследованиями, гендерными, где поднимается вопрос культурных, гендерных различий. **Культурная баундари-граница, как пишет Ф. Эрикссон «отсылает нас к присутствию определенного типа культурного различия ... культурные баундари-границы – это характеристика всех типов человеческих обществ, традиционных, так же как и современных. Бодер-граница – это социальный конструкт, политический в своем происхождении» [2, с. 42]. Таким образом, бодер-граница указывает на властный порядок, а boundary-граница указывает на существование социо-культурных различий. Категория баундари-границы (boundary) также достаточно часто используется в западной социологии организаций при описании «организационных границ» фирмы или корпорации.**

Для социальных исследователей, как справедливо подчеркивают Мишель Ламонт (Michele Lamont) и Вираг Мольнар (Virag Molnar) в статье «Изучение баундари-границ в социальных науках», называя категорию баундари-границы «близнецом концепта бодер-граница», а порой определяя бодер-границу как территориальную баундари-границу», возобновление интереса к пограничным состояниям является продолжением классических подходов Дюркгейма, выделившего категории «профанного» и «сакрального»; К. Маркса, разделившего общество на антагонистические классы; М. Вебера, рассматривавшего этические ценности во взаимосвязи с экономическими. Баундари-граница в социологии переходит в границу не только между культурами, историями, но и границами символического характера (П. Бурдьё). В своей статье Ламонт и Мольнар пытаются

развести понятия социальной и символической баундари-границы на основе анализа «boundary-тематики» в социальной теории последних десятилетий XX века.

Еще один вариант пограничья, который активно используется в истории, археологии, этнографии, антропологии основан на анализе границ-фронтиров. Как пишет Брэдли Паркер, профессор Ближневосточной истории и археологии, вопросы изучения границ (frontier) в современной гуманитарной науке приобретают всеобъемлющий характер, но одновременно с этим пограничье как теория ставит ряд сложных и трудно разрешимых вопросов для исследователей: «...не смотря на тот факт, что хотя frontier studies – это фундаментальная область для множества академических направлений (географии, политической науки, истории, антропологии и археологии, например) каждая создает свой собственный дискурс пограничья и только изредка имеются исследования междисциплинарного характера, представляющее интерес для многих областей или исследования сравнительного характера. Хотя, исследование границ – это уникальная кросс-дисциплинарная и межрегиональная возможность, только некоторые исследователи явно применяли такой анализ, предлагая теоретические модели пограничья, которые могут быть использованы вопреки пространственному, временному и дисциплинарному делению. Одна из причин этого – множество проблем, которые влечет за собой такой многофакторный анализ. Разнообразные источники, методологии, цели, и теоретические построения – это только начало сложностей, заключаемых в междисциплинарном характере Пограничья» [1, 3, 4, 5, 6].

Список литературы

1. Parker, Bradley J. Toward an Understanding of Borderland Processes / Bradley J. Parker // *American Antiquity*. – Vol. 71. – Is. 1. – 2006.
2. Erickson, F. Culture in society and in educational practice / F. Erickson, J.A. Banks and C.A.M. Banks [eds.] // *Multicultural education: Issues and perspectives*. – Boston, MA: Allyn and Bacon, 1997. – С. 42.
3. Lunden, Thomas. On the Boundary: About humans on the end of territory / Thomas Lunden. – Stockholm, 2004.
4. Lamont, Michele. The Study of Boundaries in the Social Sciences / Michele Lamont, Virag Molnar // *Annual Review of Sociology*. – № 28. – 2002. – С. 167–195
5. Бобков, И. Вместо предисловия. Редакционная статья / И. Бобков, П. Терешкович // *Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. – 2004. – № 1–2.
6. Бреский, О. От транзитологии к теории пограничья: очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / О. Бреский, О. Бреская. – Вильнюс, ЕГУ. – 2008.

М.А. Можейко

*Белорусский государственный университет
культуры и искусств, г. Минск*

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОГРАНИЧЬЯ

Культурное пространство пограничья может рассматриваться под различным углом зрения, поскольку обладает значительным числом уникальных характеристик. Одной из важнейших особенностей этого культурного пространства является наличие

у него особого креативного потенциала, отличного от креативного потенциала других культурных сред перманентной готовностью к актуализации. Иными словами, актуализация этого потенциала относится, в гегелевской терминологии, к возможностям не абстрактного, но конкретного плана, то есть ее воплощение в действительность не предполагает прохождения системой определенного количества стадий своего развития, а рассматривается как созревшая.

Это связано с тем, что любой пограничный регион, по определению, является полем межкультурных взаимодействий, а культурное пространство пограничья – кросс-культурным пространством. Кросс-культурное пространство, с синергетической точки зрения, выступает как неравновесная культурная среда, которая в своем функционировании существенно отличается от культурного пространства в равновесном его состоянии.

Равновесное культурное пространство может быть рассмотрено (не в широком смысле этого слова, подразумевающем сферу бытия, отмеченную культурной деятельностью человека, в отличие от природного пространства, но в узком или специальном смысле) как ареал распространения ценностно-смысловых установок той или иной культуры и сформированное в результате этого распространения поле аксиологического и семантического проявления содержания той или иной культурной традиции, выражающегося в наличии системы координат, исходя из которой человек, принадлежащий этой традиции, воспринимает явления действительности.

Определенность равновесного культурного пространства задается спецификой характерных для той или иной культуры мировоззренческих универсалий – обобщенных представлений о мире, человеке и месте человека в мире, имплицитно формирующиеся у каждого индивида в процессе социализации. Овладевая характерными для того или иного общества программами деятельности с предметами внешнего мира и поведения с другими людьми, ребенок, не отдавая себе в этом отчета, осваивает и базовые для соответствующего общества представления о мире, человеке и месте человека в мире – универсалии культуры. Именно универсалии культуры задают в своем историческом варьировании культурное пространство как систему координат, в рамках которой человек воспринимает явления действительности, дает им оценку и сводит их в своем сознании воедино, а семантические рамки распространения данных универсалий очерчивают границы культурного пространства, характерного для того или иного социума. Выделяют культурные универсалии объектного ряда (мир, изменение, движение, пространство, время, причина, следствие, часть, целое и т.п.), универсалии субъектного ряда (человек, государство, честь, долг, любовь, счастье и т.п.) и универсалии субъект-объектного ряда (деятельность, познание, истина и т.п.). Набор культурных универсалий достаточно стабилен, а их содержание варьируется в различных традициях, что и приводит к спецификации этнонациональных и историко-временных версий культурного пространства. Данные универсалии как базовые элементы культурного пространства не только играют фундаментальную роль в когнитивных процедурах, но и выступают инструментарием чувственно артикулированных мироощущения, мировосприятия, миропредставления и миропереживания [1]. Важнейшими содержательными компонентами культурного пространства выступают типичные для него дискурсивные практики, аксиологические шкалы и системы символизма (которые, в свою очередь, специфицируются в зависимости от той сферы культуры, в которой они проявляются как религиозные доктрины, философские учения, политические концепции, художественные системы).

Структурная специфика культурного пространства проявляется как в особенностях его внутренней организации, так и особенностях выстраивания этим пространством собственных внешних границ, что, наряду с содержанием культурного пространства, определяет степень его открытости. Внутренняя организация культурного пространства, как правило, предполагает наличие своего рода центра, то есть культурной

инстанции, отвечающей за генерацию и продвижение базовых для данной культуры идей, как, например, ортодоксальное христианство в средневековой Европе, и соответствующей периферии, то есть окружающего центр пояса альтернативных культурных программ, которые в заданной центром системе отсчета интерпретируются как ереси, инакомыслие, построения маргинального характера и т.п. (Разумеется, термины центр и периферия в данном контексте не артикулированы топографически и не несут оценочной нагрузки.) Именно соотношение центра и периферии культурного пространства задает его архитеконику в каждый момент его развития.

Таким образом, в стабильном и равновесном своем состоянии культурное пространство может рассматриваться как аксиологически центрированное совокупностью тех аксиологических иерархий и интерпретационных матриц, которые рассматриваются в данной культурной традиции как нормативные. Подобный центр культурного пространства может обретать статус своего рода ортодоксии: если иметь в виду не конфессиональный, а собственно этимологический смысл понятия «ортодоксия» (греч. *ὀρθός* – прямой, т.е. правильный, *δόξα* – мнение), то под ортодоксией можно понимать феномен канонического воспроизведения в культурном пространстве той или иной ценностно-семантической системы – вне значимых семантических трансформаций ее содержания, однако, при неизбежной редукции последнего с течением времени.

В своем становлении центр культурного пространства проходит следующие этапы: содержательное становление концепции; оформление вокруг концептуального ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, фиксирующих ее предпочтительный по отношению к другим концептуальным системам статус; конституирование соответствующей концептуальной системы в качестве собственно ортодоксии, что предполагает официальное санкционирование ее со стороны внеконцептуальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области. Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки, обретая черты социальной мифологии и в перспективе трансмутируя от концепции к замкнутому и формализованному догматическому кодексу, тяготеющему – при аппликации на массовое сознание – к катехическим жанрам бытия в культуре.

Центрированное культурное пространство обеспечивает стабильность аксиологических шкал и интерпретационных матриц, что позволяет индивидуальному сознанию функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий, не подвергая их ни сомнению, ни целенаправленному осмыслению. Однако нарушение равновесного состояния культурного пространства неизменно разрушает эту идиллию, заключающуюся в том, что человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как он о нем думает.

Культурное пространство может приходиться в неравновесные состояния вследствие дисфункций в работе культурных программ – как в области экономики (что проявляется в снижении технологического уровня социума, – например, переход от лодий к каботажному плаванию в античной Греции, периода упадка или деградация сельскохозяйственных технологий Западной Европы в X-XI вв.), так и в области политики (кризис власти, как правило, осложненный состоянием войны, – например, ситуация в Германии перед возникновением Веймарской республики или в России перед Столыпинской реформой). Источником внутренних флуктуаций в динамике культурного пространства также могут выступать противоречия между его центром и периферией: например, при усилении позиций периферии, сложившийся аксиологический баланс между статусом ортодоксии и альтернативных культурных программ нарушается, – культурное пространство приходит в неравновесное состояние. Однако одним из наиболее мощных факторов формирования неравновесного культурного пространства является взаимодействие

культурных традиций, которое (какими бы причинами цивилизационного порядка оно ни было вызвано) неизбежно приводит к децентрации и плюрализации культурной среды.

Таким образом, культурное пространство пограничья, по определению, является неравновесным: даже ситуации, с цивилизационной точки зрения являющиеся стабилизированными и уравновешенными, с точки зрения синергетики выступают как полицентричные (этнически полицентричные, конфессионально полицентричные и т.п.), а потому – неравновесные.

Это обусловлено тем, что в обрисованном контексте макроструктура культурного пространства, проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее, утрачивают свои приоритетные позиции: ценностные шкалы теряют безусловность, а культурный центр – потенциал мировоззренческого доминирования. Дезорганизация культурного пространства со всей очевидностью обнаруживает себя на уровне мировоззренческих универсалий. Она проявляется в том, что в культурном пространстве оформляется несколько вариантов содержания одной и той же (причем, как правило, достаточно значимой в общей системе приоритетов данной культуры) универсалий: например, различные интерпретации природы в русской культуре XIX в. или трактовки любви в культуре средневековья. В этой ситуации сложившаяся в соответствующей культуре универсальная схема мироинтерпретации (картина мира), принятые в этой культуре идеалы мирообъяснения, сложившиеся в ней ценностные шкалы и т.п. ставятся под сомнение. Это делает невозможным функционирование в сознании повседневности универсалий культуры в прежнем, безрефлексивном режиме. Это означает, что в период неравновесности в культурном пространстве формируются основы различных и независимых друг от друга вариантов нового интерпретационно-семантического центра, каждый из которых представляет собой попытку создания метаязыка по отношению к пришедшим во взаимодействие традициям [2].

Культурное пространство обретает свойства хаотизированной нелинейной среды, что, с точки зрения синергетики, делает его открытым для новых версий конфигурирования и генерирования новых традиций, – неслучайно классики синергетики вспоминают античную формулу о хаосе, чреватом космической организацией [3].

Формирование новой равновесной макроструктуры с центром и периферией в данном случае не выступает в качестве изначально целеположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции. Хаотизированная и нестабильная культурная среда генерирует целый веер возможных путей своей макроорганизации. Однако на нормативно-рефлексивном уровне происходит аксиологическая селекция актуализировавшихся программ, то есть санкционирование и легитимация одних (центрирующихся вокруг будущей ортодоксии) и дискредитация и элиминация других.

Таким образом, свойство креативности может быть зафиксировано как атрибутивный параметр неравновесной культурной среды, а свойство равновесности – как атрибутивный параметр культурного пространства пограничья.

Важным является также то обстоятельство, что креативный потенциал культурного пространства пограничья имеет не только описанную выше содержательно-семантическую размерность, но и размерность аксиологическую. Так, поскольку в сфере повседневности универсалии культуры не осмысливаются рефлексивно, постольку и задаваемое ими культурное пространство воспринимается как данность: реализующие себя в этом пространстве люди не задаются вопросом о его специфике, содержании, природе и границах проявления. Осознание своего, то есть обретенного в результате социализации, культурного пространства возникает для обыденного сознания только в ситуации столкновения индивида с пространством чужим, то есть иным по отношению к освоенному в процессе социализации. При этом чем ниже уровень

развития сознания, тем более оно склонно оценочно позитивно воспринимать «свое» пространство и демонстрировать неприятие по отношению к «чуждому» (классическим примером может служить тотальное древнегреческое восприятие незлилинского культурного пространства в качестве варварского). По мере развития сознания человек подвергает собственное культурное пространство рефлексивному осмыслению, эксплицируя его глубинные мировоззренческие основы. Подобная экспликация, в ходе которой универсалии культуры очищаются от конкретно-ситуативных аспектов своего содержания, приводит к осмыслению глубинного содержания фундаментальных мировоззренческих оснований соответствующего культурного пространства.

В отмеченных рефлексивных процедурах открывается возможность подлинного постижения глубинного значения и иных, непривычных на первый взгляд, реалий другого культурного пространства, возможность понимания их сокровенного смысла – в том значении этого слова, в каком его употреблял Г.Риккерт: понимание как корректное соотнесение культурного феномена или действия с той ценностью, с которой он исходно соотносился автором-субъектом [4]. Подобное понимание возможно лишь при условии наличия (формирования) в сознании понимающего субъекта той ценности, с которой может быть соотнесет постигаемый феномен, – ценность оказывается общей. Это открывает возможность усмотрения универсального смысла общечеловеческих ценностей – сквозь пестроту конкретных этнокультурных версий их проявления. Причем чем более разнообразным и содержательно богатым является культурное пространство, тем большую толерантность способно оно проявить при столкновении с ценностями, кажушимися альтернативными его автохтонным основаниям: культурное пространство, характеризующееся многообразием форм духовной жизни, обладает большей разрешающей способностью и более широким диапазоном приемлемости, нежели пространство монокультурное.

Таким образом, креативный потенциал культурного пространства пограничья проявляется как в содержательном (формирование новых культурных смыслов), так и в аксиологическом (осознание универсальности общечеловеческих ценностей) планах.

Список литературы

1. Lovejoy, A. Key Imaginations / A. Lovejoy // An Axyology & Social Science. An Approach to Interpretation. – N.Y. – L., 1973.
2. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Избр. статьи в 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 129–133.
3. Николис, Г. Познание сложного. / Г. Николис, И. Пригожин. – М., 1990.
4. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Г. Риккерт. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.

В.Н. Ватыль

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Административно-территориальные границы регионов делают их своеобразными ячейками белорусского политического пространства. В пределах каждой такой единицы

разворачивается взаимодействие социальных агентов по поводу завоевания, удержания или передачи региональной власти. Это очевидный факт. Неочевидное же состоит в том, что региональное политическое пространство обусловлено не только географически: политическая жизнь на местах не обнаруживает прямолинейной, жесткой привязки к этой ячейкой административно-территориальной структуре. Региональная страта политической жизни – сфера существования традиций повседневности, незримо, в архетипических формах хранящих опыт предшествующей истории данного сообщества. Архетипами политической жизни мы называем исторически сложившиеся взгляды, навыки, привычки политической деятельности, коллективно-бессознательные по происхождению, но индивидуально-личностные по способу своего эмпирического проявления. Они составляют содержание коллективной памяти жителей региона и исподволь предопределяют установки, ориентации и действия участников текущего политического процесса.

Предшествующая политическая история региона детерминирует его жизнь «здесь и теперь» еще и тем, что оставляет после себя приспособленные к определенному порядку функционирования институты и учреждения, правовые и моральные нормы, которые, наряду с архетипическими образованиями культуры, и структурируют политическое пространство региона.

Таким образом понимаемое региональное политическое пространство (в широком смысле) рассматривается нами как принадлежащее к конкретной политической культуре и истории. Границы его не всегда точно совпадают с административно-территориальными.

Региональная специфика политического пространства в узком понятии (имеется в виду взаимодействие социально-политических агентов по вопросу о власти) тоже обусловлена не одними только административно-территориальными границами как таковыми. Эта специфика, разумеется, определяется наличием института власти на региональном уровне, системой действующих конституционных установлений, но также и тем, что обычно подразумевают, когда произносят слова «престижно – непрестижно». «Престижность» отражает реальный «символический капитал» региона, его геополитическую значимость и пр. Претендующие на региональную власть социальные агенты (кандидаты на выборные должности, социальные группы и т.п.) могут быть как местными, так и неместными, как регионального, так и центрального происхождения. Они способны приводить в действие социально-политические силы и внутри административно-территориальных границ региона, и вне их. Данные обстоятельства позволяют утверждать, что действительное политическое пространство региона отнюдь не всегда совпадает с его административно-территориальной границей. Это, однако, не меняет статуса политического пространства: оно региональное по определению, так как взыскиваемое претендентами и цель всех политизированных движений есть власть, «запертая» внутри административно-территориальной границы. Региональное политическое пространство может охватывать несколько административно-территориальных единиц, если их социально-политические силы втянуты в решение вопросов о власти в одной такой единице.

Таким образом, совокупность социально-политических взаимодействий, происходящих в региональном политическом пространстве, составляет то, что называют региональной политической жизнью. Нелинейный характер соотношения этого пространства с административно-территориальной границей мы определили бы как принцип относительности границ региональной политической жизни.

Региональный политический процесс

Понятие региональной политической жизни включает в себя не только специфическое структурирование социального пространства, но и особенное течение социального времени. В сущности, это своего рода пространственно-временной контину-

ум, в силу чего региональная самоорганизация политической жизни человеческих сообществ обладает собственными темпоральными ритмами. Последние как форма социального времени могут быть более быстрыми или медленными, затормаживаться (застой) или даже «двигаться вспять» (обратимость реформ, преобразований). Носителем регионального времени, своеобразным хронометром, задающим единицы его измерения, выступает региональный политический процесс. Важно отметить, что его содержание составляют состояние и развитие различных структур региональной политической жизни, которые можно свести к главным: а) культурно-историческое пространство и архетипы политической жизни региона; б) повседневная политическая жизнь, событийно разворачивающаяся вокруг вопроса о власти внутри административно-территориальной единицы; в) структурные элементы системы региональной политической деятельности (субъект, объект, средства, условия, результат, среда).

Региональный политический процесс (РПП) мы понимаем как специфическую форму бытия в своем политическом времени какого-либо сообщества, которая определяется исключительными, неповторимыми, локально действующими, но устойчивыми характеристиками его внутренней социокультурной жизни. Динамика РПП в целом обусловлена тремя группами факторов: социокультурной традицией региона; структурой регионального политического пространства; влиянием внутригосударственной и международной политики. В этом понимании РПП целесообразно рассматривать как структурный элемент политической жизни страны, а в некоторых случаях и аспекта – и геополитики.

Именно в ходе РПП происходит «соприкосновение» гражданина с государством, реализуются его гражданские права и обязанности. Реальное политическое самовыражение населения всегда в большей или меньшей степени регионализировано, т.е. так или иначе опосредовано особенностями внутренней жизни региона. Такую же региональную «окрашенность» приобретает и общегосударственная политика в момент ее практического воздействия на гражданина, который рассматривается и как субъект, и как объект политического воздействия в качестве представителя конкретной локальной общности.

Анализ регионального политического процесса, его формы и содержания должен включать в себя следующие параметры:

1. Статус региона в стране, степень и характер его влияния на общенациональную экономику, политику, культуру.
2. Взаимодействие государственных и партийных структур.
3. Степень разделения и сбалансированности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; другие элементы властных отношений и технологий их реализации.
4. Совокупная региональная структура в ее экономическом, этническом, расселенческом, демографическом и других разрезах; степень периферийности региона.
5. Социально-экономическое расслоение и его характер.
6. Специфика социальных связей (с акцентом на традиционные и новые рыночные).
7. Концептуальность сознания социальных субъектов.
8. Наличие (отсутствие) общенациональной идеологии или ее элементов (степень регуляции массового сознания).
9. Взаимодействия внутри правящей элиты; отношения между: формально институционализированными и референтными группами в правящей элите, отраслевыми сегментами правящей элиты (военной, административной, финансово-производственной, аграрной и др.), правящей элитой и контрэлитой – особенностями связей между политическим руководством и аппаратом управления (бюрократией), показываю-

щие, кто на самом деле принимает принципиальные решения; уровень коррумпированности элитарных группировок.

10. Консенсус политических сил, компромисс по поводу ролей и функций элиты и контролиты.

11. Исторические особенности принадлежности данного региона к государству, его историческая целостность и органичность существующих границ.

Соединение в РПП локальных (внутренних) и общественных и /или международных влияний обуславливает его противоречивость, которую кратко можно описать так. Функционирование структур и механизмов РПП в качестве агентов национальной политической системы нацелено на унификацию статуса гражданина в разных измерениях (политико-правовом, социально-экономическом, социокультурном), на распространение единых норм и стандартов жизни. Эти же самые структуры и механизмы РПП в другом своем качестве – представителей воли и интересов населения отдельного региона в межрегиональном политическом пространстве – определяют его своеобразие, индивидуальность. Воплощенные в реальных тенденциях политической жизни обе указанные составляющие РПП могут стать источником социально-политических конфликтов, особенно в тех случаях, когда своеобразие региону придают его этнические характеристики.

Функциональное содержание РПП определяется отношениями в треугольнике «население региона – региональная власть – центральная власть». Эти отношения по своей природе могут быть политическими, административными, самоуправленческими. (Разумеется, в чистом виде ни те, ни другие, ни третьи не существуют, всегда являя собой комбинацию с преобладанием какого-либо типа отношений.) В результате выстраиваются функциональные ряды, каждый из которых выражает интенции одной из вершин «треугольника», обращенные к двум другим. В целом их можно представить так:

- отстаивание интересов и требований населения региона перед центральной властью и другими регионами;
- политическая мобилизация граждан, стимулирование их активности и ответственности, поощрение тенденций к личностному самоопределению;
- трансляция воли центральной власти на регион, реализация ее установлений;
- обеспечение единого государственного правового режима и законности как в отношении обязательств власти перед гражданами, так и по обязательствам граждан друг перед другом и перед властью;
- организация жизни в регионе, воспроизводство и модернизация разнообразных механизмов жизнеобеспечения, поддержание его стабильности и управляемости;
- инкубация политических лидеров для общенационального властного истеблишмента и кадров для органов центральной власти.

В самом общем виде РПП состоит из трех элементов: институциональная система; региональная политическая элита; политическая инфраструктура.

Поскольку в РПП пересекаются функционально разнообразные властные горизонталы и вертикали, его институциональное строение, как правило, достаточно сложно. Именно на региональном уровне механизм общегосударственного управления структурно смыкается с механизмом (или механизмами) общественного самоуправления.

Конкретный состав институтов РПП различается в зависимости от типа и традиций государства, от региональной ментальности и пр., но в любом случае он включает в себя:

- органы, представляющие центральную государственную власть во всем разнообразии ее функций и прерогатив, хотя обычно и не воспроизводящие ее структуру во всем объеме;

- органы местной государственной власти;
- органы местного самоуправления;
- организованные субъекты общественно-политической активности, или акторы (региональные отделения общенациональных партий, политизированных движений и объединений плюс аналогичные формирования регионального масштаба).

Региональная политическая (политико-административная) элита – это корпоративное властное образование, состоящее из лиц и групп, которые способны (актуально или потенциально) воздействовать на РПП. В данную элиту входят, на наш взгляд, не только практикующие политики и администраторы, но и влиятельные представители экономики, культуры, науки, СМИ, способные в нужный момент «конвертировать» свой авторитет в некоторые формы политической активности. Региональная политическая элита является носителем местных управленческих традиций, гарантом преемственности властных отношений, главным поставщиком кадров для региональных органов власти.

В свою очередь, под инфраструктурой РПП нами понимается комплекс условий и предпосылок, не всегда политических по своей природе, но необходимых для нормального протекания этого процесса и обуславливающих его своеобразие. В качестве элементов инфраструктуры РПП можно рассматривать всю общественно-организованную среду региона, формы организации групп внутри политической элиты, региональные СМИ, интеллектуально-гуманитарную сферу и степень ее насыщенности, а также совокупность правовых норм, регламентирующих политическую жизнь в регионе.

Есть еще одно обстоятельство, на которое мы хотели бы обратить внимание. При анализе политических процессов исследователи выделяют понятие базового процесса, задающего доминанту и специфические условия политической жизни и определяющего ее главные события. Он является источником множества других процессов, тоже составляющих содержание политической жизни. Например, в нашей стране до перестройки основным политическим событием был съезд КПСС, а базовым политическим процессом – движение от одного съезда к другому. При современном режиме демократизации в базовом процессе участвует множество акторов, ориентированных на достижение самых разнообразных целей. В такой ситуации, на наш взгляд, можно представить региональный базовый процесс как сложный механизм взаимодействия массового политического сознания и структур власти на местах.

С.В. Донских

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПОГРАНИЧЬЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ

Проблема пограничья является одной из наиболее актуальных для отечественных исследователей в течение последних 20 – 25 лет. С формальной точки зрения в тематизации данного вопроса сложились два основных подхода:

1. «Национально-центрированный подход», когда объектом изучения являются белорусские пограничья, их генезис, особенности функционирования и перспективы развития (Е.М. Бабосов, М.А. Можейко, В.В. Кириенко, У.Д. Розенфельд и Н.Н. Беспаматных) [2, 4, 5]. Этот подход чаще всего связан с изучением белорусско-польско-литовского пограничья или белорусско-русско-украинского пограничья.

2. «Метанациональный подход», когда вся Беларусь рассматривается как Пограничье Восточной или Центрально-Восточной Европы (П. Терешкович, И. Бобков, О. Шпарага) [1, 3]. Генетически этот подход восходит к классической работе И. Абдзираловича (И.В. Кончевского) «Адвечным шляхам», впервые выдвинувшей парадигму рассмотрения Беларуси как пространства борьбы западноевропейской и восточноевропейской культур.

Однако, несмотря на казалось бы очевидные различия в «масштабе исследовательских проектов», они фундированы одной и той же имплицитной парадигмой: пограничье рассматривается не столько как пространство кросс-культурных взаимодействий с Другим, сколько как пространство самопознания и осознания собственной идентичности. Ибо в рамках современного «повседневного национального социокультурного пространства» белорусская идентичность является «неуловимой» для исследователей, мыслящих в традициях хрестоматийного для Центрально-Восточной Европы «гомогенного этнолингвистического национализма» Мирослава Гроха. Образно говоря белорусский подход к изучению пограничья – белорусско-польско-литовского (У.Д. Розенфельд, Н.Н. Беспамятных), белорусско-русско-украинского (В.В. Кириенко) и собственно Беларуси как пограничья (П. Терешкович, И. Бобков) детерминирован не столько стремлением понять другого, сколько желанием «обрести себя».

В конце XX века в мировой науке сложились два ключевых междисциплинарных подхода к теме пограничья: российский (постсоветская) лимнология и «западная» социология пограничья. Для первого научного направления характерно расстановка акцентов на проблемах демаркации, что вполне объяснимо постсоветским контекстом становления и укрепления суверенитетов новых наций. Для «социологии пограничья» ключевой проблемой является специфика межкультурных контактов в условиях пограничья и ее влияние на политические и социально-экономические процессы, а также тип личности «человека пограничья». Для белорусских исследований пограничья характерен скорее второй подход, что свидетельствует о социальном консенсусе относительно государственно-политической формы Республики Беларусь. В этом плане показательно исследование белорусско-польско-литовского пограничья Н.Н. Беспамятных. Ученый отметил, что проблема сохранения на пограничье национальной идентичности «титულიй нации» занимает белорусских и литовских ученых, но не попадает в фокус исследовательского интереса польских коллег, что свидетельствует о различиях в кросс-культурных моделях по разные стороны политических границ белорусско-польско-литовского пограничья и степени «зрелости» конкретных национальных проектов [2, с. 79–126].

Основная теоретическая проблема, обозначившаяся в работах белорусских ученых, есть проблема универсальности и самодостаточности пограничья. Рассматривая «глобальное versus локальное» как парадигму современного социально-гуманитарного знания, они избирают предметом исследования пограничье как модус локального и априори идеализируют локальное как «носителя своеобразного, уникального, единичного и аутентичного». При подобном подходе фактически стирается грань между пограничьем и регионом. Пограничья обнаруживаются «езде и нигде», точнее они конструируются в каждом конкретном случае кросс-культурного взаимодействия. Между тем, если регион как форма бытия локального предшествует глобальному, универсальному либо национальному, то пограничье является производным от социокультурного «макроуровня». Таким образом, современная «парадигма пограничья», как собственно парадигма, оказывается наиболее архаичным «стилем мышления» и восходит к натурфилософии досократиков с их смешением чистых субстанций. Только вместо «первозданных стихий» в «парадигме пограничья» артикулируются идеальные социально-культурные конструкции типа Востока и Запада, Европы и Азии, различных национальных проектов и

конфессиональных традиций. В данном контексте специфика любого пограничья будет априори определяться не с точки зрения его «своеобразного, уникального, единичного и аутентичного», но как определенное соотношение, пропорция глобальных, универсальных социокультурных «первозлементов». Поэтому «уникальность пограничья» детерминируется скорее уникальностью конкретной модели взаимодействия «социокультурных универсалий», различных проектов «модернизации», «цивилизационного выбора», «глобализации» и т.п., но не уникальностью определенного пограничья самого по себе. Отсюда вытекает проблема «комбинации различных факторов» пограничья: языковых, расовых, конфессиональных, стилевых и др. [5, с. 12–21]. В результате становится очевидным, что уникальность пограничья самого по себе есть не более чем рабочая гипотеза. Цивилизации, конфессии и национальные государства – вот три ключевые системы координат, через которые на сегодняшний день мы можем определить и локализовать какое-либо пограничье.

В данном контексте весьма симптоматичной является вторая глава монографии Н.Н. Беспамятных «Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий» «Белорусско-польско-литовское пограничье: вклад сторон в исследование проблемы» параграфы которой имеют подзаголовки: «взгляд с белорусской стороны; взгляд с польской стороны; взгляд с литовской стороны». Научная добросовестность и объективность автора не позволяет ему приписывать «национальным школам» в изучении пограничья изначально отсутствующий в них «универсализм». Оказывается, что «взгляд с белорусской стороны» не выходит за пределы Гродненской области. «Взгляд с польской стороны» ограничен горизонтом Подляшского воеводства, а «взгляд с литовской стороны» – Вильнюсским округом [2, с. 79–155]. Образно говоря, в каждом конкретном случае «исследований пограничья» мы имеем дело с «национально центрированными проектами», не «взглядом с [какой-либо стороны на пограничье как целое]», но «взглядом на [свой сегмент белорусско-польско-литовского этнокультурного пограничья]». По существу, вместо «трех взглядов на одно пограничье» за последнее двадцатилетие белорусские, польские и литовские ученые сконструировали «три пограничья», каждое из которых было локализовано преимущественно на «своей стороне» национальной границы. Но это исследования даже не пограничий, а скорее приграничий. Представляется, что перспективы адекватного изучения белорусско-польско-литовского пограничья заключается: во-первых, в его исследовании как целостного социокультурного пространства по обе стороны существующих границ, во-вторых, с учетом «исторического измерения, ретроспективы и груза традиций», которыми отягощены почти все европейское пограничье. Артикулируя проблему в контексте североамериканских исследований пограничий можно сказать, что будущее не за «border studies», а «studies lands between».

Список литературы

1. Бабкоў, І.М. Беларускае ідэнтычнасць: тэорыі «слабасці» і тэорыі «гераічнага супраціву» / І.М. Бабкоў // Диалог культур и перспективы социокультурной глобализации в современном обществе: сб. науч. ст. / редкол.: В.Ф. Мартынов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2005. – С. 77–83.
2. Беспамятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспамятных; науч. ред. проф. М.А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2007. – 404 с.
3. Бобков, И. Вместо предисловия / И. Бобков, П. Терешкович // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2004. – № 1–2. – С. 6–9.

4. Кириенко, В. В. Менталитет современных белорусов / В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2004. – 224 с.

5. Разенфельд, У. Д. Сацыякультурныя дэтэрмінанты нацыянальнага развіцця (заходні рэгіён Беларусі) / У. Д. Разенфельд, М. Н. Бяспамятных, Г. М. Кабяк, Г. М. Шчалбаніна // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. канф. – Гродна: ГрДУ, 1998. – С. 6–47.

Н. В. Цыбульская

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЕ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На рубеже XX–XXI вв. динамику развития человечества определяют социокультурные трансформации, выдвигающие на передние рубежи социального и культурного развития пограничные территории. Это обусловлено тем, что границы в современном мире перестали рассматриваться как барьеры, и пограничье превращается в контактные зоны, где активно идёт взаимодействие культур и зарождение социокультурных трансформаций. Сегодня пограничность, удалённость от центра уже не связывается с культурной отсталостью, «периферийностью», «провинциальностью», а скорее подразумевает обладание дополнительными возможностями экономического и культурного развития. Роль, которую играют пограничья в современной культуре, обуславливает актуальность исследований социокультурной специфики пограничных территорий.

Пограничье как культурный феномен определяется в первую очередь своим географическим положением на пересечении территориальных ареалов различных культур. Поэтому в феномене пограничья ярко проявляется пересечение проблемных полей географии и гуманитарных дисциплин, изучающих социокультурные и антропологические аспекты бытия.

На рубеже XIX–XX вв. в географической науке сформировались два схожих научных направления – германская антропогеография (основатель – Фридрих Ратцель) и французская человеческая география [1, с. 11]. Представители обоих направлений пытались осуществить синтез географических исследований с антропологическими и социокультурными. Для французской географической школы характерным стал выбор в качестве объектов исследования и регионов, не привязанных к государственными границам, и районов, которые можно охарактеризовать как пограничье. В 1883 г. американский историк Ф. Тернер под впечатлением антропогеографии Ф. Ратцеля выступил со статьей «Значение фронта для американской истории». Антропогеография Ф. Ратцеля и учение о фронтире Ф. Тернера показали, что границы играют значительную роль в человеческой истории, формировании социокультурных общностей и их культурно-антропологических особенностей.

В первой половине XX в. немецкий геополитик К. Хаусхофер предпринял попытку создания целостного учения о границе, понимая, что социокультурное пространство формируется в постоянном взаимодействии с пространством физическим [2, с. 46]. Поэтому для К. Хаусхофера важно культурно-антропологическое значение границы, у него любая общественная граница связана с определённой социокультурной формой, с чувством единства жизненной формы всего народа [3, с. 348]. Границы в концепции немецкого геополитика – это не просто линии на карте или местности, а гораздо более

широкие пространственные целостности, наполненные социальными взаимодействиями: «повсюду, где хотелось бы тщательно провести границу, мы обнаруживаем не линии, а только зоны, пояс самостоятельной жизни, наполненный борьбой» [3, с. 245].

Проблема границ нашла своё место и в этнологических исследованиях. По мнению норвежского антрополога Ф. Барта, этнические группы социально конструируются индивидами, которые стратегически манипулируют своей идентичностью, подчёркивая или убирая её в различных контекстах. Этническая группа конституируется этнической границей, формирующей сложную организацию межэтнических отношений [4].

В конце 40-х гг. XX в. советский этнограф П. Кушнир выступил с развёрнутой теорией этнической границы, где указывал, что этническая граница определяется всей сложной спецификой жизни и быта народа, что, в отличие от государственных или административных границ, этнические границы очень редко разделяют одной сплошной линией этнические массивы и, как правило, представляют собой более или менее широкую приграничную полосу, заселённую переходной в этническом отношении группой [5, с. 12]. Это утверждение в полной мере подтверждается и современными исследованиями. Совместные исследования белорусских и российских этнологов в пограничных районах Российской Федерации и Республики Беларусь свидетельствуют: по обе стороны границы существует особая этнокультурная зона, охватывающая смежную территорию Беларуси и России независимо от административных делений. Так, в ходе многолетнего полевого исследования учёных Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук совместно с белорусскими коллегами из Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси (исследование продолжается) установлено, что не только наблюдается большое сходство в материальной и духовной культуре жителей белорусско-российского пограничья, но соседние российские области многими жителями белорусского пограничья, так же как и белорусские области россиянами практически не воспринимаются как чужое государство. На пограничных территориях даже разговорный язык не является признаком разделения. Многие белорусы и русские, в особенности в сельской местности, разговаривают на смешанном языке [6]. Общий вывод исследователей: белорусско-российское пограничье отличается многомерностью культурных связей, наличием смешанных форм в культуре, высокой степенью толерантности и терпимости.

Концепция Ф. Барта явилась предтечей постмодернистских исследований границ и пограничья, которые ведутся по разным направлениям: в рамках миросистемного анализа, с точки зрения воздействия глобализационных и интеграционных процессов в современном мире [7], исследование границ как нарративных и репрезентативных феноменов [8, с. 7]. С точки зрения миросистемного анализа пограничье рассматривается как новый политический, экономический и культурный феномен, приобретающий особое значение в условиях изменения признаков национального государства, для которых была характерна гипертрофия барьерной функции государственной границы и элиминация локальных культурных особенностей внутри государства [9, с. 5]. В контексте глобализации границы понимаются как символ прошлого, нестабильный или даже исчезающий элемент современного мира, а пограничье как пространства, которые в современном мире переструктурируются и становятся пространством потоков [10, с. 72].

Процессы глобализации тесно связаны с интернационализацией культуры, особенно у представителей трансграничных регионов. Их культура характеризуется повышенной мобильностью и восприимчивостью к инновациям. Её носители чётко осознают свои особые интересы и способны бесконфликтно существовать в нескольких «культурных мирах»

Ещё одним исходным пунктом исследований современных границ стало изучение границ и пограничья как репрезентативных феноменов. В этом направлении основное внимание уделяется возникновению и эволюции территориальных идентичностей [8].

Таким образом, можно констатировать, что в результате длительного изучения проблематика границ и пограничья приобрела значительное разнообразие. Социокультурные трансформации, происходящие в современном мире, выводят данную проблематику на первый план в философских, политологических, социологических и культурологических исследованиях. Точно так же как пограничие утрачивает свою маргинальную природу, так и соответствующие исследовательские практики приобретают всё большее значение.

Список литературы

1. Белорусско-русское пограничье (Этнологическое исследование) / Институт этнологии и антропологии РАН; Р.А. Григорьева (отв. ред.), М.Ю. Мартынова (отв. ред.). – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.
2. Кононов, И.Ф. Проблема границ и её значение для социологии / И.Ф. Кононов // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2004. – С. 45–49.
3. Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классики геополитики, XX век / сост. С. Королёв. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 227–598.
4. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. – М.: Новое изд-во, 2006. – 187 с.
5. Кушнир, П.И. Этническая территория и этнографические границы / П.И. Кушнир // Труды Института этнографии АН СССР. – М., 1951. – С. 3–128.
6. Медведев, А. Сила притяжения / А. Медведев // Союз Беларусь – Россия. – № 435 от 10 декабря 2009 г.
7. Фурс, В. Белорусская «реальность» в системе координат глобализации / В. Фурс // Философско-культурологический журнал «Топос». – № 1 (10). – ЕГУ, 2005. – С. 5–18.
8. Антанович, Н.А. Методологический анализ пограничья в социально-гуманитарных науках / Н.А. Антанович // После империи: исследования восточноевропейского пограничья: сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. – Вильнюс: ENU-international, 2005. – С. 6–17.
9. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
10. Качан, В.М. Проблема границ и пограничья в социокультурных исследованиях конца XIX – XX вв. / В.М. Качан // Вісник СевДТУ. Вип. 86: Філософія: зб. наук. пр. – Севастополь: Вид-во СевНТУ, 2008. – С. 70–73.

J. Ładysz

Uniwersytet Ekonomiczny we Wrocławiu (Polska)

STAN I DYNAMIKA SPÓJNOŚCI TERYTORIALNEJ OBSZARÓW TRANSGRANICZNYCH – ZARYS PROBLEMATYKI

Pojęcie spójności terytorialnej nie zostało dotychczas jednoznacznie zdefiniowane. Dyskusja nad spójnością terytorialną w Europie została zapoczątkowana jeszcze w połowie lat 80-tych ubiegłego wieku, choć zyskała na znaczeniu w drugiej połowie lat 90-tych. Była z jednej

strony wiązana z europejską polityką spójności [5], a z drugiej – z podejściem ukierunkowanym terytorialnie do rozwoju regionalnego w Europie. Z tego względu łączyła w sobie zarówno podstawowe cele polityki spójności wyrażone najpełniej w Traktacie Konstytucyjnym z perspektywą rozwoju przestrzennego, która uzyskała wymiar programowy i instytucjonalny wraz z powołaniem Europejskiej Perspektywy Rozwoju Przestrzennego (ESDP: European Spatial Development Perspective) oraz ustanowieniem europejskiej sieci obserwatoriów planowania przestrzennego (ESPON: European Spatial Planning Observatory Network) [7].

Spójność terytorialna jest obszarem sporu między różnorodnymi, niekiedy sprzecznymi interesami. Dotyczy to zwłaszcza dyskusji na temat przyszłości polityki spójności po roku 2013, gdzie rywalizują poważne interesy polityczne. Jest wykorzystywana jako mechanizm promocyjny dla integracji europejskiej, a zwłaszcza dla polityki spójności. Może być wykorzystana do reformy tej polityki i jej wzmocnienia po roku 2013, ale również może posłużyć, jako sposób osłabienia tej polityki lub jej częściowej renacjonalizacji [3]. Podstawową zasadą przyjętą dla spójności terytorialnej jest «zbalansowany» rozwój (tj. zrównoważony przestrzennie), rozumiany przede wszystkim w kategoriach redukcowania dysproporcji w rozwoju i wyrównywania szans rozwojowych regionów. Przy czym spójność terytorialna nie polega na konwergencji terytorialnej, unifikacji i znoszeniu charakterystycznych cech regionów, ale na ich wykorzystaniu w budowaniu sieci wzajemnych powiązań. Spójność terytorialna wyraża się poprzez minimalizację występowania konfliktów przestrzennych, negatywnych efektów procesów rozwojowych (wynikających między innymi z indywidualnych cech poszczególnych regionów), a także zrównoważenie różnic potencjałów rozwojowych pomiędzy regionami.

W Zielonej Księdze Komisji Europejskiej na temat spójności terytorialnej sporo uwagi poświęcono regionom przygranicznym, współpracy transgranicznej i międzyregionalnej [2]. W wielu pozycjach naukowych regiony (obszary) przygraniczne (transgraniczne) uznaje się za obszary problemowe. Również w najnowszej eksperckiej wersji Koncepcji Przestrzennego Zagospodarowania Kraju obszary przygraniczne zostały uznane za ważny rodzaj obszarów problemowych w Polsce. Przy czym pogranicze polsko-niemieckie oraz Sudety uznano za obszary problemowe o znaczeniu międzyregionalnym [1].

Na pograniczu polsko-niemieckim występują największe dysproporcje w rozwoju części narodowych obszarów wsparcia programów współpracy transgranicznej, w których uczestniczy Polska (współpraca transgraniczna z Białorusią, Ukrainą i Rosją jest wspierana z Programów Sąsiedztwa Unii Europejskiej). Zmniejszanie występujących dysproporcji rozwojowych między regionami przygranicznymi oddzielnymi granicą państwową jest jednym z warunków sprawnego, bezkonfliktowego przebiegu procesów integracji europejskiej. Regiony na poziomie NUTS3, których granice stanowią granicę państwową zostały objęte wsparciem z programów współpracy transgranicznej – największego komponentu Celu trzeciego polityki spójności Unii Europejskiej – «Europejskiej współpracy terytorialnej». O znaczeniu obszarów transgranicznych w polityce spójności Unii Europejskiej świadczy fakt, że na 52 programy współpracy transgranicznej w obecnym okresie programowania przeznaczono 6,44 mld euro, co stanowi prawie dwukrotny wzrost w porównaniu z okresem 2000-2006, kiedy na 53 programy INTERREG IIIA przeznaczono 3,28 mld euro.

Jak wynika z wcześniejszych analiz autora, w celach poszczególnych programów współpracy transgranicznej z reguły jest zapis o «rozwoju zrównoważonym transgranicznego obszaru wsparcia» lub też wprost o «niwelowaniu różnic w poziomie rozwoju społeczno-gospodarczego regionów przygranicznych» [4], [6]. Natomiast z doświadczenia autora jako eksperta regionalnego powołanego do oceny projektów w ramach Programu Współpracy Transgranicznej Polska – Saksonia 2007–2013 wynika, że wspomniane zapisy, jak dotychczas, nie mają przełożenia na kryteria oceny wniosków, a co za tym idzie – na dofinansowywanie działań zmierzających do skutecznego niwelowania różnic w poziomie rozwoju społeczno-gospodarczego między częściami narodowymi transgranicznych obszarów wsparcia.

Kluczowym kryterium oceny wniosków pozostaje tzw. «efekt transgraniczny». Bez uwzględnienia potrzeby wyrównywania dysproporcji rozwojowych między wspomnianymi regionami w systemach zarządzania i wdrażania programów współpracy transgranicznej w Unii Europejskiej, instrumenty polityki spójności na obszarach przygranicznych państw członkowskich Unii Europejskiej mogą przyczynić się do powiększenia dysproporcji rozwojowych między sąsiadującymi regionami przygranicznymi oddzielonymi granicą państwową.

O ile problematyka polsko-niemieckiej współpracy transgranicznej była przedmiotem licznych badań naukowych w Polsce i zagranicą, to problem spójności terytorialnej, dysproporcji rozwojowych i szans rozwojowych między polską i niemiecką częścią pogranicza nie jest już tak szeroko opisany w literaturze przedmiotu, a badań wpływu programów współpracy transgranicznej na zmniejszanie dysproporcji rozwojowych i wyrównywanie szans rozwojowych sąsiadujących polskich i niemieckich regionów przygranicznych praktycznie nie ma.

Dostępne badania ewaluacyjne programów współpracy transgranicznej, zarówno dotyczące pogranicza polsko-niemieckiego, jak i innych transgranicznych obszarów wsparcia w Unii Europejskiej, w ogóle nie podejmują problemu wpływu programów współpracy transgranicznej na zmniejszanie dysproporcji rozwojowych i wyrównywanie szans rozwojowych sąsiadujących regionów przygranicznych.

Już na etapie rozpoczęcia badań można postawić następujące tezy badawcze:

- osiąganie spójności terytorialnej sąsiadujących regionów przygranicznych oddzielonych granicą państwową przy zastosowaniu obowiązujących kryteriów oceny wniosków i kryteriów podziału środków dla części narodowych obszarów wsparcia programów współpracy transgranicznej, ma charakter przypadkowy,

- na niektórych pograniczach programy współpracy transgranicznej Unii Europejskiej w sposób pośredni przyczyniają się wręcz do powiększenia dysproporcji rozwojowych między narodowymi częściami obszaru wsparcia.

Udowodnienie tych tez wiąże się ze spodziewanymi efektami badań w postaci opracowania teoretycznych podstaw i założeń systemu kryteriów oceny wniosków o dofinansowanie z programów współpracy transgranicznej Unii Europejskiej zmierzających do celowych zmian w kierunkach wykorzystania środków z tych programów – ze szczególnym uwzględnieniem poprawy spójności terytorialnej transgranicznych obszarów wsparcia. Możliwe będzie większe zbliżenie w ten sposób celów programów współpracy transgranicznej z ideą polityki spójności Unii Europejskiej. Nastąpi także weryfikacja przyjętych założeń teoretycznych na przykładzie obszaru wsparcia programów operacyjnych współpracy transgranicznej Polska – Niemcy.

Zakładając, że polityka spójności Unii Europejskiej będzie kontynuowana po roku 2013, wyniki proponowanych badań mogą stanowić argument w negocjacjach strony polskiej o środki europejskie przeznaczone m.in. dla transgranicznych obszarów wsparcia. Ważne znaczenie praktyczne będą miały opracowane w tym celu rekomendacje dla sprawnego zarządzania programami współpracy transgranicznej ze szczególnym uwzględnieniem programów na pograniczu polsko-niemieckim, które zostaną przekazane m.in. do Departamentu Współpracy Terytorialnej Ministerstwa Rozwoju Regionalnego. Wyniki badań będą mogły zostać wykorzystane przy ewaluacji programów współpracy transgranicznej Unii Europejskiej. Badania z założenia będą elementem nowego systemu programowania strategicznego, który będzie podstawą do opracowywania programów operacyjnych współpracy transgranicznej w następnym okresie programowania Unii Europejskiej. Przewiduje się zatem udostępnienie wyników badań jednostkom organizacyjnym urzędów marszałkowskich województwa dolnośląskiego, lubuskiego i zachodniopomorskiego odpowiedzialnym za zarządzanie programami współpracy transgranicznej Unii Europejskiej.

Bibliografia

1. Ekspercki projekt Koncepcji Przestrzennego Zagospodarowania Kraju do roku 2033, Ministerstwo Rozwoju Regionalnego, Warszawa, grudzień 2008 r.
2. Green Paper on Territorial Cohesion. Turning territorial diversity into strength, Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Committee of the Regions and the European Economic and Social Committee, COM(2008) 616 final, Brussels, 6.10.2008.
3. Grosse, T.G. Zintegrowane podejście do rozwoju – rola polityki spójności, Departament Koordynacji Polityki Strukturalnej Ministerstwa Rozwoju Regionalnego / T.G. Grosse, A. Galek. – Warszawa, czerwiec 2008.
4. Ładysz, J. Cross-border Co-operation Programme between Lower Silesia and Saxony: impact on the regional disparities [in:] / J. Ładysz; M. Zbránková (ed.) // Aktuální aspekty české a světové ekonomiky. Technická univerzita v Liberci. – Liberec, 2009.
5. Ładysz, J. Polityka strukturalna Polski i Unii Europejskiej / J. Ładysz. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2008.
6. Ładysz, J. Próba oceny założeń programowych współpracy transgranicznej województwa dolnośląskiego z Saksonią na lata 2007–2013 [w:] / J. Ładysz; M. Noga, M. K. Stawicka (red.) // Co decyduje o konkurencyjności polskiej gospodarki?. – Warszawa: Wyd. CeDeWu, 2008.
7. Territorial Agenda of the European Union. Towards a more competitive and sustainable Europe of Diverse Regions. – Leipzig. – 24–25 May. – 2007.

Э.А. Мазько

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна

ДАСЛЕДАВАННЕ ЭТНАКАНФЕСІЙНЫХ ПРАБЛЕМ У ПАМЕЖЖЫ І ВЫКАРЫСТАННЕ ЯГО МАТЭРЫЯЛАЎ У НАВУЧАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ

Даследаванне этнаканфесійных пытанняў на памежжы – адна з найбольш пажважных праблем для даследчыка. Абумоўлена гэта, як правіла, поліэтнічным і поліканфесійным складам насельніцтва такіх рэгіёнаў. Другая спецыфічная рыса памежжа – даволі слабы ўзровень нацыянальнай тоеснасці, яе значная залежнасць ад рэлігійнай прыналежнасці. Усё гэта патрабуе ад даследчыка ўзважанага метадалагічнага падыходу. Адсутнасць яго вельмі часта прыводзіць да скажэння рэальнай сітуацыі.

Існуе два варыянты няўзважанага падыходу. Першы – даследчык не крытычна адносіцца да адказаў сваіх рэспандэнтаў. У гэтым выпадку па-за ўвагай застаецца жаданне рэспандэнта пайсці на сустрач апытваючаму, даць такія адказы, якія б яму падабаліся. З іншага боку нельга забываць, што, адказваючы на пытанні, рэспандэнт імкнецца прадставіць самаго сябе ў больш выгодным, з яго гледзішча, святле. Другі падыход – даследчык ужо мае сваё бачанне сітуацыі. У дадзеным выпадку ён свядома ці несвядома падводзіць рэспандэнта да неабходных яму адказаў. У абодвух гэтых выпадках вынікі, да якіх прыходзіць даследчык будуць скажонымі, і не будуць навуковымі. Нажаль, прыходзіцца канстатаваць, што гэта здараецца не так ужо і рэдка, асабліва пры даследаванні беларуска-польскага памежжа.

Для правядзення даследаў этнаканфесійнай праблематыкі на памежжы намі былі распрацаваны два варыянты апытальніка. Першы варыянт арыентаваны на вернікаў, другі – на святара (гл. Дадаткі).

У аснову абодвух апытальнікаў была пакладзена рэлігійная прыналежнасць рэспандэнта. Абумоўлена гэта тым, што рэлігійная тоеснасць на памежка з'яўляецца ў большай ступені акрэсленай. Звязана гэта не столькі з асабістымі інтымнымі рэлігійнымі перажываннямі, колькі з поліканфесійнасцю даследуемага рэгіёна. Прысутнасць іншых канфесій альбо рэлігій прыводзіць да таго, што рэспандэнты больш выразна акцэнтуюць сваю веру і звязаныя з ёю абрады, рытуалы і т.п., праз пэўную апазіцыю іх да іншай веры, іншых абрадаў, рытуалаў і т.п. Зусім інакш выглядае справа з нацыянальнай тоеснасцю. У пэўнай ступені для яе ўласціва невыразнасць, неакрэсленасць. І, нават калі рэспандэнт ў вызначэнні сваёй нацыянальнай прыналежнасці вызначаны, дык яна не мае для яго актуальнасці. У якасці першаснага элемента не можа быць пакладзены і моўны прынцып. Насельніцтва памежка, як правіла, у пераважнай большасці з'яўляецца двумоўным, а вельмі часта і трохмоўным альбо, радзей, чатырохмоўным. З іншага боку, як паказвае досвед, у сістэме тоеснасці асобы на памежжы нацыянальная свядомасць займае другаснае становішча. Першынства тут адназначна належыць тоеснасці рэлігійнай, якая адыгрывае як бы сістэмаўтваральную ролю. Што да мовы, дык яна ў лепшым выпадку займае трэцяе месца.

Першы варыянт апытальніка (Дадатак 1), як ужо адзначалася, арыентаваны на вернікаў. Ён складаецца з трох блокаў пытанняў: агульныя звесткі (Д.1, пытанні 1-8), рэлігійны блок (Д.1, пытанні 9-42) і нацыянальны блок (Д.1, пытанні 43-49).

Агульны блок. Ён выконвае ролю своеасаблівай пашпартызцыі рэспандэнта. Дзякуючы пытанням, якія ён утрымлівае, мы вызначаем асобу рэспандэнта, яго паловую прыналежнасць, узроставую групу, ступень адукацыі, веравызнанне, нацыянальную прыналежнасць, родную мову, мову (мовы) лакальнай і надлакальнай камунікацыі. Дадзеныя звесткі ў далейшым дазваляць нам навукова апрацаваць атрыманы матэрыял, класіфікаваць яго па палавым, узроставым, нацыянальным, рэлігійным і адукацыйным прыкметам.

Пры адказе на пытанні асабістага блока, рэспандэнты вельмі часта жадаюць захаваць ананімнасць. У дадзеным выпадку даследчык павінен пагадзіцца з жаданнем апытываемага. Іншая праблема, якая даволі часта ўзнікае – акрэсленне сваёй мовы як «простай», «тутэйшай», «свойскай» і да т.п. У дадзеным выпадку неабходна выясніць у рэспандэнта, што ён укладвае ў гэтае азначэнне. Ці гэта мясцовы дыялект (гаворка) беларускай мовы, сама беларуская мова, польская мова (polszczyzna kresowa), «трасянка» і г.д. І апошняе, пытанні асабістага блока не абавязкова задаваць у пачатку размовы. Асабліва гэта датычыцца пытанняў пра ўзрост, адукацыю і нацыянальнасць. Нават, больш таго, пажадана пакінуць іх на канец размовы. У дадзеным выпадку размова пазбегне зафармалізаванасці, набудзе больш шчыры і адкрыты характар. Да таго ж, адказы на пытанні агульнага блока вельмі часта ўсплываюць падчас усёй размовы.

Рэлігійны блок. Ён складаецца з пытанняў, якія датычацца рэлігіі рэспандэнта. Усе пытанні гэтага блоку ўмоўна можна падзяліць на чатыры групы. Да першай адносяцца тыя пытанні, мэта якіх – вызначыць ступень рэлігійнасці рэспандэнта. Як бачна, сярод іх няма пытання, якое прапаноўвала б апытываемаму самаму ацаніць ступень сваёй рэлігійнасці. Зроблена гэта наўмысна бо, як паказвае досвед палявых даследаў, рэспандэнты пры адказе на пастаўленае ў лоб пытанне альбо падаюць непраўдзівую інфармацыю (жаданне падаць сваю высокую ступень рэлігійнасці ці, наадварот, жаданне яе знізіць), альбо неахвотна на яго адказваюць. Усё гэта аб'ясцэнывае адказ і ўплывае на недакладнасць атрыманых вынікаў. Замест яго вернікам прапаноўваецца даць адказ на шэраг пытанняў, якія не патрабуюць ад рэспандэнта ацэнкі ўзроўню сваёй рэлігійнасці, але, тым няменш, раскрываюць яе (Д.1., пытанні 9–16). На першы погляд можа падасца, што пытанне №12 з'яўляецца тут непатрэбным. Аднак, як паказвае досвед, адносіны рэспандэнта да спроб (факту) закрыцця культавага будынка, аповед пра гэтыя па-

дзеі, падаюць вельмі многа інфармацыі пра яго рэлігійнасць. Адзначым тут, што бываюць выпадкі, калі рэспандэнт сам, без пытання даследчыка, ацэньвае ступень сваёй рэлігійнасці. Безумоўна, гэты адказ таксама фіксуецца. Аднак неабходна крытычнае да яго стаўленне, бо здараецца, што ён не адпавядае рэчаіснасці. Вышэй акрэсленыя пытанні дазваляюць праверыць слухнасць такой ацэнкі.

Другая група пытанняў рэлігійнага блоку (Д.1., пытанні 17–30) датычыцца суадносін мовы рэспандэнта і афіцыйнай мовы набажэнства, ступені яе разумення. Яны дазваляюць выясніць моўную сітуацыю ў рэгіёне, ступень разумення вернікамі набажэнства, казанняў. У выніку аналізу адказаў рэспандэнтаў на гэтыя пытанні можна таксама прыйсці да высноваў аб камунікатыўнай ролі беларускай мовы ў рэлігійным жыцці, вызначыць яе сакральны альбо прафанны статус. Немалаважным з’яўляецца таксама акрэсленне стаўлення вернікаў да палітыкі беларусізацыі рэлігійнага жыцця, якую апошнім часам імкнуцца праводзіць дзяржава і каталіцкі касцёл.

Трэцяя група пытанняў (Д.1., пытанні 31-38) датычыцца выяснення міжканфесійных стасункаў у рэгіёне. Як можна заўважыць, тут таксама адсутнічае прамое пытанне пра стаўленне рэспандэнта да прадстаўнікоў іншых рэлігій і канфесій. Прычыны, як і ў пытанні з ацэнкай ступені ўласнай рэлігійнасці, тыя самыя – незаўсёды праўдзівая інфармацыя. Ускосныя пытанні, якія бачым у апытальніку, у большай ступені дазваляюць вызначыць характар міжканфесійных стасункаў.

Асаблівую ўвагу неабходна звярнуць на пытанні № 37 і № 38. Яны датычацца дахрысціянскіх элементаў сакруму. Спецыфіка Беларусі якраз і палягае ў тым, што элементы гэтыя не толькі захаваліся ў фальклоры, але і дашлі да нас у практычным увасабленні. Без разумення гэтага, без дакладнай фіксацыі дахрысціянскіх вераванняў і іх месца ў жыцці рэгіёна, немагчыма скласці якую кольвек дакладную карціну рэлігійнасці і верацярпімасці яго насельніцтва.

Чацвёртая група пытанняў рэлігійнага блоку (Д.1., пытанні 39–42) датычыцца ролі і месца святара не толькі ў рэлігійным, але і грамадскім жыцці рэгіёна. Асаблівая ўвага звяртаецца на яго аўтарытэт. Выясненне ўсяго гэтага таксама дазваляе скласці адэкватную характарыстыку этнаканфесійнага жыцця рэгіёна.

Нацыянальны блок. Ён датычыцца другога аспекту даследавання – аспекту нацыянальнага. Рэспандэнтам прапаноўваецца адказаць на шэраг пытанняў (Д.1, пытанні 43–49), якія датычацца як іх уласнай нацыянальнай тоеснасці (Д.1, пытанні 43–44), так і іх стаўлення да людзей іншай нацыянальнасці (Д.1, пытанні 45–49). Як бачым, тут таксама адсутнічае прамое пытанне аб стасунках да людзей іншых нацыянальнасцей. Прычыны – тыя самыя, як і ў адносінах да самаацэнкі ўласнай рэлігійнасці і адносін да людзей іншых веравызнанняў.

Таксама рэспандэнтам, пры ацэнцы дадатных і ад’емных якасцей сваёй нацыянальнасці, свядома не прапанаваны спіс такіх якасцей, як гэта даволі часта можна сустрэць у іншых, асабліва сацыялагічных, апытальніках. На наш погляд, сам факт зафіксаванасці такіх пытанняў у апытальніку (анкеце) мае ад’емнае значанне. Ён абумоўлівае зададзенасць адказаў, якія не заўсёды адлюстроўваюць ўласную іерархію каштоўнасцей рэспандэнта. Адсутнасць ж спісу запрапанаваных станючых і адмоўных якасцей, дазваляе апытываемаму не толькі акрэсліць гэтыя якасці, але і самаму сфармаваць іх іерархію.

Другі варыянт апытальніка (Дадатак 2) прапануецца для апытання святара. Ён таксама складаецца з трох блокаў: **асабісты блок** (Д.2, пытанні 1–7), **звесткі пра парафію** (Д.2, пытанні 8–19), **беларуская мова ў набажэнстве** (Д.2, пытанні 20–27).

Галоўнае яго адрозненне ад апытальніка прапанаванага вернікам, якім не прапаноўваецца аналіз сітуацыі, але толькі інфармаванне пра яе заключаецца ў тым, што святарам, наадварот, прапанаваны аналіз сітуацыі.

Як і ў выпадку з асбістым блокам з апытальніка для вернікаў, асабасты блок апытальніка для святароў таксама служыць для своеасаблівай пашпартызацыі рэспандэнта. Дзякуючы яму мы вызначаем асобу апытваемага, яго узроставую групу, ступень адукацыі, веравызнанне, нацыянальную прыналежнасць, родную мову, мову (мовы) лакальнай і надлакальнай камунікацыі. Дадзеныя звесткі таксама ў далейшым дазваляць навукова апрацаваць матэрыял, класіфікаваць яго па ўзроставым, нацыянальным, рэлігійным і адукацыйным прыкметам. Адзінае адрозненне заключаецца ў тым, што ў дадзеным выпадку асоба рэспандэнта заўсёды будзе вызначанай.

Другі блок пытанняў прапануе рэспандэнту даць інфармацыю пра ачоліваемую ім парафію (прыход). Так, пытанні 8–11 у асноўным прадугледжваюць адказы, якія даюць статыстычныя звесткі: час працы святара ў парафіі (прыходзе), аб яе межах, аб колькасці вернікаў, аб іх нацыянальнай прыналежнасці. Да гэтай групы можна аднесці і пытанне № 14, якое прапануе святару вызначыць, якія іншыя рэлігійныя суполкі размешчаны на тэрыторыі яго парафіі (прыходу).

Другая група пытанняў гэтага блоку (Д.2., пытанні 8–19) датычыць ацэнкі святаром узроўню рэлігійнасці яго парафіян (прыхажан), міжканфесійных стасункаў. Безумоўна, адказы на гэтыя пытанні будуць мець суб'ектыўны характар. Аднак іх супастаўленне з адказамі вернікаў дазволіць прыйсці да значных вынікаў. Па-першае, гэта дасць магчымасць выясніць больш-менш дакладнае этнаканфесійнае становішча ў рэгіёне. Па-другое, даследчык зможа высветліць ступень абазнанасці святара ў жыцці сваіх прыхажан.

Апошнія два пытанні гэтага блоку (Д.2., пытанні 18–19) маюць на мэце выясненне, як сам святар бачыць сваё месца ў жыцці рэгіёну, свой уплыў на тыя падзеі, якія там адбываюцца.

Трэці блок пытанняў мае на мэце выясненне адносін святара да працэсу беларусізацыі рэлігійнага жыцця.

Агульныя заўвагі. Прапанаваныя намі два варыянты апытальніка, якія можна выкарыстаць пры правядзенні даследавання этнаканфесійных праблем у памежным рэгіёне, былі апрабаваны намі ў палявых доследах на тэрыторыі Сапоцкінскага, Парэцкага мікрарэгіёнаў (Гродзенскі раён) і на Усходнім Палессі (Мазырскі, Хойніцкі, Калінкавіцкі раёны Гомельскай вобласці). Матэрыялы, атрыманыя ў выніку іх, ужо прайшлі першасную апрацоўку і цяпер знаходзяцца ў працэсе далейшага аналітычнага асэнсавання. Разам з тым, той досвед, які мы маем, дазваляе прыйсці да наступных метадычных рэкамендацый:

- Непажадана ўключаць у апытальнікі пытанні, якія патрабуюць ад рэспандэнтаў адназначных адказаў. Як правіла іх пастаноўка ангажуе апытваемага да падачы не зусім дакладных звестак.

- Пажадана, каб само пытанне адбывалася ў форме размовы, дзе б абодва бакі пачуваліся свабодна. Для гэтага можна парэкамендаваць, каб апытваючы ведаў апытальнік напамяць.

- Абавязковым патрабаваннем да апытваючага з'яўляецца ўменне слухаць свайго рэспандэнта, ні ў якім разе не навязваць яму свае погляды.

Сабраныя ў часе даследавання матэрыялы можна плённа выкарыстаць у навучальным працэсе. Асабліва ў выкладанні курсаў «Этнасацыялогіі», «Сацыялогіі палітыкі», «Сацыялогіі культуры» і іншых. Дадзены матэрыял дазволіць праілюстраваць тэарэтычныя выкладкі, пэўныя тэзісы.

Змешчаныя ніжэй у дадатках апытальнікі, безумоўна, не з'яўляюцца дасканалымі. Мы прадугледжваем працяг іх апрабавання на палявых доследах. Відавочна, што яе вынікам стане далейшае ўдасканальванне апытальнікаў.

ДАДАТКІ

Дадатак 1 Апытальнік для вернікаў

Агульныя звесткі:

1. Імя, імя па бацьку, прозвішча.
2. Палавая прыналежнасць
3. Узрост
4. Адукацыя
5. Веравызнанне
6. Нацыянальнасць
7. Родная мова
8. Якой мовай Вы карыстаецеся ў стасунках:
 - з роднымі
 - з сябрамі, са сваімі аднавяскоўцамі
 - з незнаёмамі людзьмі
 - з прадстаўнікамі ўладаў
 - са святаром

Рэлігійны блок:

9. Хто і калі навучыў Вас маліцца.
10. Як часта Вы моліцеся дома
11. Як часта вы наведваеце касцёл (царкву)
12. Ці не рабіла савецкая ўлада спробу закрыць ваш храм
13. Куды Вы вазілі сваіх дзяцей да першай споведзі
14. Дзе Вы збіраецеся для малітвы (Ружанец, Маёвыя і г.д.)
15. Ці ходзяць Вашыя дзеці ў царкву (касцёл)
16. Ці веруючая ў Вашай вёсцы моладзь
17. У якой ступені Вы разумееце мову імшы (літургіі)
18. Як Вы разумееце казанні ў касцёле (царкве)
19. На якой мове адбываецца споведзь
20. На якой мове Вы размаўляеце з Богам
21. Якімі кніжкамі для набажэнства вы карыстаецеся:
 - польскія (лацінка)
 - польскія (кірыліца)
 - беларускія
 - царкоўнаславянскія
 - рускія
22. Ці слухаеце Вы радыёімшу
23. Якую радыёімшу Вы слухаеце: беларускую ці польскую
24. Ці чытаеце Вы рэлігійны друк
25. Калі чытаеце, дык ці толькі той, які адносіцца да вашага веравызнання
26. Які варыянт “Слова жыцця” Вы чытаеце*
27. Як Вы ставіцеся да таго, што ў праваслаўным друку часам змяшчаюцца артыкулы на беларускай мове**

Заўвагі:

* - пытанне для каталікоў

** - пытанне для праваслаўных

28. Ці ўжываецца ў Вашым касьцёле (царкве) беларуская мова
29. Ці наведвалі Вы беларускамоўнае набажэнства ў Гродна (Мінску)
30. Як Вы б аднесліся (адносіцеся) да набажэнства на беларускай мове
31. Ці наведвалі Вы іншавярныя набажэнствы і ці спадабаліся яны Вам
32. Чым Ваша вера адрозніваецца ад другіх.
33. Праваслаўныя (каталікі, пратэстанты) больш ці менш пабожныя чым людзі

Вашай веры

34. Як Вы адносіцеся да шлюбу паміж людзьмі розных вераў
35. Як бы вы паставіліся да змены Вашымі дзецьмі (роднымі, сябрамі) сваёй веры
36. А самі Вы б памянлі веру (дадзенае пытаньне задаецца толькі пры пазытыўным адказе на папярэдняе)

37. Ці ёсць у Вашай вёсцы чараўнікі (варажбіты) і ці Вы звяртаецеся да іх

38. Як адносіцца да іх святар

39. Асоба святара:

- хто ён

- адкуль паходзіць

- на якой мове размаўляе з вернікамі

40. Ці займае святар адметнае становішча ў вашай вёсцы (сельсавеце)

41. Ці адыгрывае святар якую-небудзь ролю ў Вашым жыцці

42. Ці хацелі б, каб Ваш сын (муж, брат) быў святаром, чаму

Нацыянальны блок:

43. Што для Вас нацыянальнасць (прыналежнасць па крыві, культурная тоеснасць, мова, на якой размаўляеце, рэлігійная прыналежнасць)

44. Ці можа быць беларус каталіком, а паляк праваслаўным

45. Ці ўплывае нацыянальнасць на маральныя якасці чалавека, яго прафесію, паводзіны, на яго стаўленьне да іншых людзей

46. Калі б Вы маглі выбіраць нацыянальнасць, якую б Вы выбралі

47. Назавце 10 дабрадзейсных якасцей Вашый нацыянальнасці

48. Назавце 10 заганаў Вашый нацыянальнасці

49. Каго з прадстаўнікоў гэтых нацыянальнасцей Вы хацелі б бачыць у якасці зяця (нявесткі, мужа, жонкі) і чаму:

- беларус

- паляк

- рускі

- літовец

- украінец

Дзякую

Дадатак 2 *Апытальнік для святара*

Асабісты блок:

1. Імя, імя па бацьку, прозвішча.

2. Узрост.

3. Грамадзянства.

4. Адукацыя.

5. Нацыянальнасць.

6. Родная мова.

7. Якой мовай Вы карыстаецеся ў стасунках:

- з сябрамі,

- са сваімі парафіянамі (прыхаджанамі)
- з незнаёмамі людзьмі
- з прадстаўнікамі ўладаў
- са святарамі Вашай царквы
- са святарамі іншых канфесій

Звесткі пра парафію (прыход).

8. Калі Вы ачолілі гэтую парафію (прыход)
9. Колькі вёсак уваходзяць у Вашу парафію (прыход)
10. Колькі вернікаў належыць да Вашай парафіі (прыходу)
11. Які нацыянальны склад вашых парафіян (прыхаджан)
12. Як бы Вы ацанілі рэлігійнасць Вашых парафіян (прыхаджан)
13. Якія ў Вас адносіны з парафіянамі (прыхаджанамі)
14. Ці маюцца на тэрыторыі Вашай парафіі (прыходу) іншыя рэлігійныя суполкі
15. Якія ў Вас стасункі з іх святарамі
16. Ці часта ў Вас бяруць шлюб людзі розных веравызнанняў
17. Якія, на Вашу думку, стасункі паміж Вашымі парафіянамі і каталікамі (праваслаўнымі, пратэстантамі, мусульманамі).
18. Як бы Вы азначылі свой статус у на тэрыторыі сельсавета
19. Што трэба на Вашую думку зрабіць, каб Ваш статус павысіўся*

Беларуская мова ў набажэнстве.

20. На якой мове ў Вашым храме адбываецца імша (літургія)
21. На якой мове гаворацца казанні
22. На якой мове адбываецца споведзь
23. Які варыянт “Слова жыцця” купляюць Вашыя прыхаджане**
24. Ці ўжываецца ў Вашым касцёле (царкве) беларуская мова
25. Ці наведвалі Вы беларускамоўнае набажэнства ў Гродна (Мінску)
26. Як Вы б аднесліся (адносіцеся) да набажэнства на беларускай мове
27. Як бы аднесліся прыхаджане да адпраўлення набажэнства па-беларуску

Дзякую

А.И. Кушнir

Белорусский государственный университет, г. Минск

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЫЯ ПО МАТЕРИАЛАМ «КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ»

Название «каменные могильники» получили погребальные памятники XI–XVII вв. из-за конструктивных особенностей – каменных кладок над погребениями. В комплексе с погребальным обрядом и инвентарем это позволяет выделить их в особый тип археологических древностей. Кроме Белорусского Понеманья они зафиксированы в Брестской, Витебской, Минской областях, Литве и Польше [4, с. 33].

Заўвагі:

* - пытанне задаецца толькі ў тым выпадку, калі рэспандэнт фіксуе сваю ролю ў жыцці лакальнай супольнасці як нязначную

** - пытанне для каталіцкага святара

В настоящее время на этническую принадлежность населения Белорусского Понеманья, оставившего данный тип погребальных памятников, существует вполне устоявшаяся точка зрения, наиболее последовательно отстаиваемая А.В. Квятковской: это – ятвяги [6]. Не столь безапелляционно высказывается В.В. Седов: «По своему происхождению каменные могилы связаны непосредственно с каменными курганами. Однако считать каменные могилы ятвяжскими нельзя. Это были памятники древнерусского населения Черной Руси, населения, сложившегося в результате тесного взаимодействия ятвягов со славянами» [12, с. 417]. Я.Г. Зверуго в третьем томе «Археологіі Беларусі» не стал давать этническую характеристику данному виду памятников [2, с. 106]. Однако нельзя исключить и возможное участие финно-угорских элементов в формировании населения Белорусского Понеманья.

В пользу данной гипотезы могут свидетельствовать следующие факты.

Погребения в каменных могилах осуществлялись по обряду ингумации. Обычно покойника помещали в грунтовую яму в вытянутом положении, на спине. Погребенные ориентированы головой на юг, юго-запад, юго-восток, северо-восток, север, северо-восток, северо-запад, реже – на запад [9, с. 74]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что в настоящее время исследователи указывают на меридиональное расположение костяка, как на элемент, характерный прежде всего для финно-угорского населения [11, с. 172].

По форме каменной кладки над погребением исследователи выделяют следующие типы «каменных могил».

Тип I – надмогильные кладки прямоугольной формы, выполненные из одного – двух слоев камней. Площадь их варьирует от 10 м² до 2 м².

Тип II – кладки овальной формы с использованием одного – двух слоев камней. Площадь их составляет приблизительно 3 м².

Тип III – кладки выполнены в виде бессистемного нагромождения камней. Площадь кладок варьирует от 2,5 до 3,5 м² [4, с. 36–37]. Но использование камня при создании погребальных памятников не является исключительно западно-балтским (ятвяжским) культурным элементом. Это скорее циркумбалтийский элемент [11].

Керамический материал каменных могил позднего периода (XIV–XVII вв.) с территории Беларуси обнаруживает ближайшие аналоги в керамике культурного слоя Лидского замка, Орешка и Новгорода [4, с. 39].

Среди многочисленных женских украшений (а именно среди них исследователи традиционно выделяют этноопределяющие признаки), обнаруженных в каменных могильниках XI–XVII вв., особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на височные кольца. Они представлены широко распространенными полуторооборотными и перстнеобразными типами, а также относительно редко встречающимися кольцами с S-овидным завитком (их обычно связывают с западными славянами или пруссами), трехбусинными и многобусинными (от 6 до 14 бусин) височными украшениями [5, с. 116]. Именно многобусинные височные кольца В.В. Седов считает «самым надежным индикатором древности» [12, с. 37].

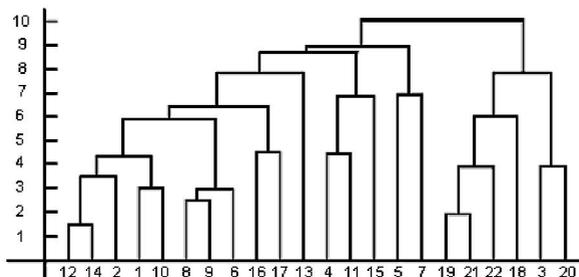
Палеоантропологические материалы по каменным могильникам впервые были введены в научный оборот в конце 80-х годов XX в [9]. Они были представлены краниологической серией из могильника у д. Вензовщина (XI–XIII вв.) и материалами из могильников у дд. Клепачи, Новоселки и Миневщина (XIV–XVII вв.). Более древнее население, оставившее могильник у д. Вензовщина, характеризуется мезокранией со средними абсолютными величинами размеров мозгового отдела черепа и малыми размерами лица, со средней величиной верхнелицевого указателя, низкоорбитностью как по высоте, так и по орбитному указателю. Переносье среднеширокое, довольно высокое, носовые кости сильно выступают. Лицо ортогнатное. В горизонтальной плоскости лицо мощно профилировано как на уровне орбит, так и на уровне скуловых костей. Таким образом, по общей характеристике мужское население вписывается в круг относительно грацильных мезокранных форм I – начала II тыс. н.э. лесной полосы Восточной Евро-

пы [1, с. 254]. Половой диморфизм в группе ярко выражен: женская серия отличается от мужской не только меньшими размерами, но и большим черепным указателем, более низким лицом и орбитами по соответствующим указателям, более широким носом и малым углом его выступления, незначительной уплощенностью в нижней части лица.

Краниологические мужские серии из д. Клепачи конца XIV–XVI вв. и д. Миневщина XVI–XVII вв. отличаются от серии из д. Вензовщина комплексом признаков, которые характеризуют эпохальные изменения: нарастание брахикрании у более позднего населения. Серия мужских черепов из д. Новоселки начала XVI–XVII в. очень похожа на серию из д. Вензовщина. Женские серии из этих трех могильников, несмотря на отдаленность по времени, очень близки как по абсолютным размерам мозгового и лицевого отделов черепа, так и по соответствующим указателям [9, с. 75–79].

Чтобы определить место краниологического типа наиболее древней серии из д. Вензовщина среди антропологического состава населения Восточной Европы начала II тысячелетия н.э. было вычислено расстояние П. Махалонобиса (D^2) на основании 13 наиболее показательных линейных величин черепа (продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, верхняя высота лица, высота и ширина носа, высота и ширина орбиты, дакриальная и симотическая высота, дакриальная и симотическая ширина) и 3 угловых (угол выступления костей носа, назомаллярный и зигомаксиллярный углы). Всего для анализа были использованы данные по 22 краниологическим сериям с территории Беларуси, Прибалтики и России [7, с. 286].

На основании данной статистической обработки материалов по этим сериям была построена дендрограмма обобщенных расстояний между мужскими краниологическими сериями X–XIII вв. с территории Восточной Европы (см. рис.).

Обозначение групп: 1 – полочане, 2 – д. Вензовщина, 3 – д. Избище, 4 – д. Мядель, 5 – д. Перевоз, 6 – западные дреговичи, 7 – радимичи, 8 – вятчи, 9 – смоленские кривичи, 10 – г. Новогрудок (курганый могильник), 11 – г. Новогрудок (грунтовый могильник), 12 – новгородские словене, 13 – Брестское Побужье, 14 – чуди, 15 – эсты, 16 – ятвяги, 17 – культура штрихованной керамики, 18 – восточные аукштайты, 19 – западные аукштайты, 20 – жемайты, 21 – латгалы, 22 – земгалы.

Рисунок – Дендрограмма, построенная по матрице расстояний П. Махалонобиса (D^2) между мужскими краниологическими сериями X–XIII вв. с территории Восточной Европы.

Анализ коэффициентов антропологического сходства выявил наибольшую близость (коэф. 1,5) новгородских словен и чуди, которые объединяются в достаточно гомогенный микрокластер. К последнему примыкает и белорусская средневековая серия из д. Вензовщина.

Наибольшее сходство этих групп проявляется в мезокранности и небольших размерах лица, что традиционно связывается с влиянием прибалтийских финно-угров [10, с. 72–85]. Более того, В.В. Седов прямо указывает, что «череп из курганных могильников, определяемых археологически как славяно-водские, занимают промежуточное положение между славянским и водским антропологическим типами» [12, с. 35].

Сходной точки зрения придерживаются и современные исследователи [8, с. 98].

В летописных сообщениях неоднократно встречается упоминание о тесных союзнических отношениях води и полоцких князей. Несомненно, заслуживающими внимания в данном контексте, следует признать замечания, высказанные Н.И. Ермаловичем в отношении контактов, существовавших у полоцких князей с водью в XI в.: «больш верагодна, што з іх (угра-фінаў) і паходзіла маці Усяслава». И далее: «Усяславу за першыя 20 гадоў свайго князьявання, магчыма, удалося падначаліць балцкіх і фінскіх пляменаў, што жылі на захад ад Полацка ў Падзвінні, а таксама ў Панямонні» [3, с. 106, 130].

Таким образом, нам представляется возможным предположить участие в заселении Белорусского Понеманья части славянизированной води, появившейся здесь в середине – конце XI в. Возможно это было связано со стремлением части водского населения избежать преследования со стороны новгородцев, которому они могли подвергнуться как союзники полоцких князей (и прежде всего Всеслава) в борьбе с Новгородом.

Список литературы

1. Алексеева, Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии / Т.И. Алексеева. – М., 1973.
2. Археалогія Беларусі. Т.3. Сярэднявяковы перыяд (IX-XIII стст.). – Мінск, 2000.
3. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь. Полацкі і новагародскі перыяды / М.І. Ермаловіч. – Мінск, 1990.
4. Квятковская, А.В. Каменные могильники Белорусского Понеманья / А.В. Квятковская // КСИА. – 1986. – № 183.
5. Квяткоўская, А.В. Вясковы жаночы касцюм XI–XVII ст. (Па матэрыялах каменных могілнікаў Беларусі. Спраба рэканструкцыі) / А.В. Квяткоўская, Ю.М. Бохан // ГАЗ. – 1994. – № 4.
6. Квятковская, А.В. Ятвяжские могильники Белоруссии (к XI–XVII вв.) / А.В. Квятковская. – Вильнюс, 1998.
7. Кушнир, А.И. Этнические процессы на территории Беларуси на рубеже I–II тысячелетий н.э. в свете краниологических данных / А.И. Кушнир // Актуальные вопросы антропологии: сб. науч. тр. – Выпуск № 4. – Минск, 2009.
8. Сайкина, С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии / С.Л. Сайкина. – СПб., 2000.
9. Салівон, І.І. Краніялогія насельніцтва Беларускага Панямоння па матэрыялах каменных могілнікаў / І.І. Салівон, А.В.Квяткоўская, А.І. Кушнір // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1989. – №3.
10. Седов, В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода / В.В. Седов // КСИЭ. – 1952. – Вып. XV.
11. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М., 1982.
12. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987.

А.І. Пыско

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, г. Мінск

МЯСЦОВАЕ ДЗЯРЖАЎНАЕ КІРАВАННЕ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

Мясцовыя органы ўлады на Беларусі ў старажытны перыяд валодалі даволі шырокімі паўнамоцтвамі ў вырашэнні ўсіх мясцовых спраў і мала залежалі ад цэнтральных органаў. У свай дзейнасці яны кіраваліся агульнадзяржаўнымі нарматыўнымі актамі і

мясцовым звычайным правам або актамі мясцовай адміністрацыі. Вявядствы Полацкае, Віцебскае, Мсціслаўскае, а таксама шмат якія паветы і воласці мелі спецыяльныя граматы, у якіх былі замацаваны іх правы. Акрамя таго, асобныя праўленне было арганізавана ў гарадах і ў прыватных ўладаннях феодалаў. Усё гэта параджае разнастайнасць мясцовых органаў і адрозненне іх паўнамоцтваў нават ў адна тыпу органах, хаця разам з тым усе яны валодалі і некаторымі агульнымі рысамі [1, с. 120].

Вялікае княства Літоўскае на першым этапе свайго існавання мела вельмі складанае тэрытарыяльнае ўладкаванне. Паступова складался тэрыторыя дзяржавы, пачатак якому паклалі ў XIII ст. Трокскае і Віленскае княствы. На тэрыторыі абодвух княстваў вялікі князь адчуваў сябе найперш князем-вотчыннікам. Таму і кіраванне гэтымі землямі складалася паводле вотчыннага тыпу з характэрнымі ўласцівасцямі старажытнага права, якое прызнавала дэмакратычны лад і ўдзел усіх свабодных грамадзян у кіраванні краінай. Цэнтрам кожнай воласці з'яўляецца горад – адсюль і значэнне гарадскога веча. Акрамя ваенна-служылых людзей (знатных і нязнатных), на тэрыторыі гаспадарскай вотчыны жылі шматлікія яго падданыя, г. зн. сяляне, абавязаныя свайму вотчынніку многімі павіннасцямі і падаткамі. Заўважаецца таксама розніца ва ўпарадкаванні і кіраванні гаспадарскіх (вялікакняжацкіх) падданых. Вядома, усе яны не ўдзельнічалі ў палітычным жыцці дзяржавы. Тая іх частка, якая раней была далучана да княства, не карысталася ўжо ніякімі правамі мясцовага самакіравання. Геаграфічна гэта гаспадарскія двары, і сёлы ў заходніх частках дзяржавы, г. зн. на тэрыторыі Трокаў, Вільні, Падляшша, Навагрудка, Мінска. Для ўсходніх абласцей, далучаных пазней, вялікакняжацкім урадам быў захаваны прынцып непарушнасці даўніны. Таму гэтыя вобласці захавалі асновы свайго самакіравання [2, с. 72].

Асобныя часткі вялікакняжацкай вотчыны – гаспадарскія двары, якія былі даходнымі крыніцамі дзяржаўнай казны, кіраваліся дзяржаўцамі і староствамі. Насельніцтва несла павіннасці на карысць князя ў выглядзе паншчыны, прадастаўлення падвод, касьбы сена і г. д. З паншчынай перамяжоўваліся аброкі, якія плаціліся натурай – збожжам, мясам, мёдам. Часам натуральныя аброкі пераводзіліся на грошы. Для кіравання гэтымі дварамі выдаваліся асобныя гаспадарскія ўставы, напрыклад, у 1514 і 1528 гадах. Уставы гэтыя мелі за мэта зменшыць прыгнет наместнікаў і дзяржаўцаў, на якіх не аднойчы скардзілася насельніцтва. Уставы гэтыя рэгулявалі павіннасці і падаткі насельніцтва, вызначалі аб'ём правоў дзяржаўцаў і старостваў. Трэба адзначыць, што дваром лічыўся не толькі ўласны гаспадарскі двор, але і прыпісаная да яго воласць. Побач з цяглымі сялянамі пры дварах жыла шматлікая чэлядзь, якая з цягам часу злілася з сялянамі.

Акрамя земляробчага насельніцтва, пры гаспадарскіх дварах жылі шматлікія рамеснікі і рознага роду спецыялісты ў той ці іншай галіне гаспадаркі (баброўнікі, бортнікі, шаўцы, кавалі, слесары, цесляры, бондары, рыбаловы, ткачы, агароднікі, садоўнікі і іншыя). Дзеля зручнасці гаспадарчага кіравання тэрыторыя двароў падзялялася на асобныя фальваркі, з якіх кожны быў цэнтрам гаспадарчага жыцця. У валасцях кіраванне будавалася па-рознаму. Усходнебеларускія тэрыторыі, якія карысталіся аўтаноміяй, утрымлівалі асновы самакіравання, старажытны ўклад жыцця. Кожная воласць уяўляла сабой цікавы куток старажытнабеларускага ладу. Цэнтрам кожнай воласці, як правіла, быў адзін са старажытных гарадоў (Бабруйск, Рагачоў, Магілёў, Гомель, Мазыр і іншыя). Уся воласць збіралася на валасное веча, якое складалася з мужоў воласці, і дзе вырашаліся агульнапалітычныя і гаспадарчыя справы. Воласць выбірала сваіх прадстаўнікоў і выканаўцаў сваіх пастаноў – старцаў, радцаў, прысяжнікаў. Яны выконвалі адміністрацыйныя функцыі. Воласць мела свой суд – капу.

Жыхары валасцей вельмі старанна ахоўвалі свае правы, якія пачалі разбурацца пад націскам мясцовай адміністрацыі (вявядоўцаў, старостваў і іншых). Характар адносінаў да гаспадарскага скарбу, г. зн. да дзяржаўнай казны, насіў архаічны характар: насельніцтва плаціла даніну натурай (збожжам, мёдам і іншымі натуральнымі прадуктамі сва-

ёй працы). Сяляне-даннікі сядзелі на зямлі, якую звычайна самі распрацоўвалі з-пад векавога лесу і таму лічылі сваёй уласнасцю. Сяліліся яны службамі і дварышчамі (асобнымі хутарамі), раскіданымі сярод лясоў і балот. Большая часткай дварышчамі ці служба складалася з аднаго дыма, але часам дварышча разрасталася натуральным шляхам і ператваралася ў паселішча з некалькі дымоў, хоць колькасць іх рэдка пера-вышала 10 і толькі ў нямногіх выпадках дасягала 27 [2, с. 75].

Самых буйных феадалаў летпісы называюць князямі. У колькасных адносінах яны былі нешматлікія (Гарадзельскі прывілей 1414 г. гаворыць аб 47 буйных феадалах). Памеры іх зямельных уладанняў былі надзвычай вялікія. Дастаткова сказаць, што нека-торыя буйныя паны выстаўлялі на вайну больш воінаў, чым цэлыя паветы, і часам у некалькі разоў. Так, трое паноў Кезгайлаў, паводле ваеннага перапісу 1528 г., выстаўлялі ад сваіх маёнткаў 768 коннікаў, у той час як уся зямля Полацкая выставіла толькі 712 воінаў. Вядомы пан Альбрэхт Гаштольд з сынамі выстаўлялі 395 воінаў, у той час як увесь Навагародскі павет ставіў толькі 357 коннікаў. Да таго ж тыпу паноў трэбы далучыць Радзівілаў, Осцікавічаў, Хадкевічаў, Храбтовічаў і многіх іншых. Нават нашчадкі Рурыкавічаў былі ў параўнанні з імі сярэднімі, а часам дробнымі землеўладальнікамі. З князёў толькі Юрый Апелькавіч Слуцкі ставіў 433 кані, а князь Мсціслаўскі – толькі 32 кані. Астатнія князі за невялікім выключэннем ставілі пошты, гэта значыць атрады з некалькі чалавек. Праўда, князь Канстанцін Астрожскі ставіў 426 коннікаў [2, с. 76].

Паводле вопісу 1528 года можна ў нейкай ступені меркаваць і пра колькасць сапраўдных арыстакратычных родаў Вялікага княства Літоўскага. Так, паноў радных налічана 59 чалавек. Да гэтаў жа катэгорыі большай часткай належыць і спіс у 38 чала-век «княгінь і паняў», якія выстаўлялі воінаў са сваіх асобных уладанняў. Спіс князёў, якія не страцілі яшчэ сваіх арыстакратычных прывілеяў, уключае ўсяго 43 чалавекі. Нарэшце, прыводзіцца яшчэ спіс у 139 чалавек сярэдняй (паводле свайго маёмаснага і радавітага становішча) шляхты [2, с. 76].

Улада гэтых феадалаў апіралася не толькі на землеўладанне, але і на асабісты прывілей. Паны атрымлівалі ад вялікага князя рознага роду іміунітэты, гэта значыць падатковыя льготы, якія ўзмацнялі іх матэрыяльнае становішча. Так, яны атрымлі-валі правы на збіранне рознага роду пошлін з тавараў і купцоў, што праязджалі па тэрыторыі панскіх маёнткаў. Права трымання корчмаў і вінакурэння ў старажытны час таксама было прывілеяй асобных буйных землеўладальнікаў. Нарэшце, паны атрым-лівалі ад вялікіх князёў права наладжваць у сваіх маёнтках таргі, кірмашы з правам збору ўскосных падаткаў, будаваць замкі-крэпасці і г.д.

Панскія падданья складаліся з сялян, баяр, мяшчан. У сваіх гарадах паны на-ват давалі прывілеі на магдэбурскае права. Аднак побач з буйнымі феадаламі ў ВКЛ было шмат дробных землеўладальнікаў. Такім чынам, вярхоўная ўлада дзялілася сваімі прэагатывамі з радавітай арыстакратыяй. Выдаваліся і асабістыя прывілеі, згодна з якімі гэтыя феадалы падлягалі суду толькі вялікага князя. Ваенную службу яны адбы-валі са сваёй поштай (асобна ад радавой шляхты), пад уласнай харугвай, (сцягам). Нарэшце, яны карысталіся ганаровым правам быць запрошанымі асобнымі гаспа-дарскімі лістамі-пісьмамі на шляхецкія з'езды-соймы.

Ваяводства як адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў ВКЛ узнікла ў якасці ваенна-адміністрацыйнай акругі. Яно было ўведзена Гарадзельскім прывілеем 1413 г., калі на аснове буйных княстваў былі ўтвораны Віленскае і Троцкае ваяводства. У Вілен-скае ваяводства ўвайшла тэрыторыя паўночна-усходніх літоўскіх зямель Беларусі і боль-шая частка заходніх, цэнтральных і ўсходніх зямель Беларусі. У вайсковых адносінах віленскаму ваяводу падпарадкоўваліся намеснік наваградскі, а таксама фактычна аўта-номнае Слуцкае княства, Клецкае княства (да 1521) і Мсціслаўскае княства (да 1529), якія фармальна ўваходзілі ў Віленскае ваяводства. Троцкае ваяводства ў XV – пачатку XVI ст. уключала цэнтральныя і паўднёвыя часткі Літвы і значную частку заходніх і паў-днёвых зямель Беларусі. У Троцкае ваяводства ўваходзілі Кобрынскае княства і Пінскае княства. На ўсходзе Беларусі Троцкае ваяводства мела невялікія участкі тэрыторыі

па сярод Віленскага ваяводства – 28 сёл Бабруйскай воласці з Мышкавічамі, Парычамі і Шацілкавічамі – так званая «троцкая палова» і горад Бабруйск і 18 сёл – «віленская палова». Троцкаму ваяводу падначальваліся намеснікі берасцейскі (брэсцкі), а таксама бельскі, дарагічынскі, мельніцкі на Падляшшы. Палова тэрыторыі Троцкага ваяводства прыпадала на беларускія землі. Астатняя тэрыторыя Беларусі ў XV ст. у склад ваяводстваў не уваходзіла, захоўваючы статус аўтаномных зямель.

У пачатку XVI ст. у ВКЛ пачалася рэформа, якая дала магчымасць уніфікаваць яго адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел. Форма і структура яго былі набліжаны да адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу Каралеўства Польскага. У 1504 г. Полацкая зямля пераўтворана ў Полацкае ваяводства без паветаў (фармальна лічылася адным паветам). У студзені 1507 г. са складу Віленскага ваяводства вылучана Навагродскае ваяводства, у 1508 г. смаленская зямля пераўтворана ў ваяводства, а ў 1513 г. Бельскі, Дарагічынскі і Мельніцкі паветы, вылучаныя з Троцкага ваяводства, аб'яднаны ў Падляшскае ваяводства. Аднак утварэнне новых ваяводстваў у пачатку XVI ст. па сутнасці не змяніла спосабаў кіравання дзяржавай: прадстаўніком вялікакняжацкай улады і ваеначальнікам феадальнага апалчэння ў ваяводстве заставаўся ваявода, які ажыццяўляў таксама судова-адміністрацыйныя функцыі. У 1565 – 1566 гг. у выніку адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы ўся тэрыторыя дзяржавы была падзелена на 13 ваяводстваў і 30 паветаў [3, с. 240].

Такім чынам, мясцовае кіраванне было дастаткова складаным, аднак на працягу XVI ст. яно прыводзіцца ў пэўную сістэму і ўдасканальваецца.

Спісок літаратуры

1. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск, 2000.
2. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск, 1994.
3. Грыцкевіч, А. П. Ваяводства / А. П. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2 – Мінск, 1994.
4. Русская правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. – М., 1928.
5. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М.К. Любавский. – М., 1892.
6. Русская историческая библиотека: Литовская метрика. Отд.1. Ч. 1. Книга записей.
7. Пичета, В.И. История Литовского государства до Люблинской унии / В.И. Пичета. – Вильно. 1921.

V. Kamuntavičienė

Uniwersytet Witolda Wielkiego, Kowno (Litwa)

ŻYCIE NA POGRANICZU: KATOLICKIE PARAFIE DEKANATU OLWICKIEGO WEDŁUG AKTÓW WIZYTACJI 1668 ROKU

Materiały wizytacji są jednym z najwdzięczniejszych źródeł do badań nad historią parafii oraz poznania sytuacji Kościoła Katolickiego w badanym okresie. Wizytorów interesowała zarówno sytuacja materialna parafii, jak i jakość opieki duszpasterskiej, dlatego materiały wizy-

tacji zawierają opisy budynków kościelnych, wystroju wnętrz, ołtarzy, przyrządów liturgicznych, zainteresowanie wzbudzały również przywileje fundacyjne oraz ich treść, opisywano posiadane ziemie i chłopów, zabudowania gospodarcze, charakteryzowano duchownych oraz wykonywane przez nich usługi, rejestrowano bractwa kościelne, szkoły i szpitale. Takie dane pozwalają na odtworzenie barwnego obrazu życia społecznego w drugiej połowie XVII w.

W omawianym okresie Dekanat Olwicki Diecezji Wileńskiej składał się z trzynastu parafii: Olwita (Alvitas lub Paširvintys), Grażyski (Gražiškiai), Wiżajny (Vižainis), Łankieliszki (Lankeliškiai), Pojewoń (Pajevonys), Bartniki (Bartininkai), Wisztyniec (Vištytis), Przerośl (Prieraslis), Filipów (Pilypavas), Bakałarzewo (Bakalariava), Raczki (Račkos), Janówka (Janauka), Wiłkowyszki (Vilkaviškis).³⁴ Obecnie siedem parafii dawnego Dekanatu Olwickiego znajduje się na terytorium Republiki Litewskiej (Olwita, Wyłkowyszki, Łankieliszki, Pojewoń, Bartniki, Grażyski, Wisztyniec), pozostałe sześć – Rzeczypospolitej Polskiej (Wiżajny, Przerośl, Filipów, Bakałarzewo, Raczki, Janówka). W omawianym okresie należały do Diecezji Wileńskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego. Dekanat rozciągał się na terenie porosłym lasami. Na północy graniczył z Diecezją Żmudzką. Na wschodzie od Dekanatu Simno oddziaływały go przeszkody naturalne: rzeki Szeszupa i Czarna Hańcza oraz jezioro Wigry. Dlatego rozciągał się z północy na południe. Na zachodzie graniczył z luterańskim Księstwem Pruskim, z kolei na południu – z Królestwem Polskim oraz Dekanatem Augustowskim Diecezji Wileńskiej. Na południu wąskim pasem stykał się z Dekanatem Grodzieńskim Diecezji Wileńskiej.

Na terytorium Dekanatu Olwickiego znajdowały się duże domeny władcy, króla Polski i wielkiego księcia litewskiego, dlatego był on tu oficjalnym fundatorem i kolatorem większości kościołów. Jednak w rzeczywistości o świątynie dbali zazwyczaj lokalni dzierżawcy ziem królewskich – szlachta (w tym najszynniejszy ród Paców). Finansowali budowę kościołów, przydzielali ziemie i inne dobra na utrzymanie proboszcza. Decyzje tych dzierżawców przywilejami zatwierdzał władca.

W grudniu 1668 r. na zlecenie biskupa wileńskiego Aleksandra Sapiehy Dekanat Olwicki wizytował kanonik, dziekan żmudzki, prepozyt kowieński Benedykt Żuchorski.³⁵ Podczas wizytacji sporządzono decreta reformationis do protokołów wizytacyjnych, w których wizytator wskazał, co proboszczowie powinni byli naprawić w parafiach w celu zapewnienia bardziej pomyślnego ich funkcjonowania. Decretum reformationis do protokołów wizytacyjnych parafii Łankieliszki sporządzono 1 grudnia, Grażyski – 4 grudnia, Pojewoń – 5 grudnia, Bartniki (określone jako filia Olwity) – 7 grudnia, Wiżajny i Przerośl – 12 grudnia, Wisztyniec – 14 grudnia, Raczki – 16 grudnia, Bakałarzewo i Janówka – 17 grudnia, Wiłkowyszki i centrum dekanatu Olwita – 20 grudnia. Poza tymi materiałami wizytacji, w badaniach wykorzystane zostały prace historyków litewskich i polskich³⁶, pomocne w stworzeniu ogólnego obrazu parafii katolickich w danym regionie.

³⁴ Acta synodi diaecesis Vilnensis praesidente Illustrissimo ac Reverendissimo Domino D. Alexandro in Maciejo Sapieha Dei et Apostolicae Sedis Gratiae Episcopi Vilnensi. – Vilnae, 1669.

³⁵ Wizytacja Dekanatu Kowieńskiego, Simno i Olwickiego. L. 1668 – 1669 / Dział Rękopisów Biblioteki Litewskiej Akademii Nauk, f. 318 – 8550.

³⁶ Kurczewski, J. Stan kościołów parafjalnych w diecezji wileńskiej po najściu nieprzyjacielskim 1655 – 1661 r. Litwa i Ruś. Miesięcznik poświęcony kulturze, dziejom, krajoznawstwu i ludoznawstwu / pod red. Jana Obsta. Wilno, 1912; [Augustaitis P.] Kun. A.P. Seinų Diecezijos bažnyčių Monografija / Vadovas. Seinai, 1911 – 1912, t. VIII – XIII, nr. 32, 34 – 50; Akiras-Biržys [P.] Lietuvos miestai ir miesteliai. I tomas. Alytaus apskritys. Dzūkų kraštas. – Kaunas, 1931; Totoraitis, J. Sūduvos Suvalkijos istorija. 1 dalis. Marijampolė, 2003 (pierwsze wydanie Kaunas, 1938); Ochmański, J. Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972; Kviklys, B. Lietuvos bažnyčios. 2. Vilkaviškio vyskupija. Chicago, 1982; Misius, K. Šinkūnas, R. Lietuvos katalikų bažnyčios. Žinynas. Vilnius, 1993; Lietuvos sakralinės dailės katalogas. I tomas. Vilkaviškio vyskupija. II knyga: Vilkaviškio dekanatas. – Vilnius, 1997; Paknys, M. Mecenatystės reiškinys XVII a. LDK. Bažnytinės architektūros užsakymai. Vilnius, 2003; Jučas, M. Lietuvos parapijos XV – XVIII a. Vilnius, 2007.

W Dekanacie Olwickim wznoszono typowe, charakterystyczne dla WXL, drewniane kościoły średniej wielkości, najczęściej na planie krzyża, zazwyczaj oszalowane z zewnątrz, z dachem pokrytym gontem. Niektóre biedniejsze kościoły miały słomiane strzechy (Bartniki). Na dachu często wznoszono 1–2 wieżyczki (w Filipowie kościół miał 2 wieżyczki) i krzyże. Absolutnie wszystkie kościoły w owym czasie miały trzy ołtarze. Cechą charakterystyczną był chór organowy umieszczony nad babińcem. Obok kościoła zazwyczaj wznoszono dzwonnice z 1–3 dzwonami. Wśród świątyń wyróżniał się kościół parafialny w Raczkach, jedyny murowany zbudowany z tak zwanego muru «pruskiego»: przestrzenie między belkami podporowymi wypełniono warstwami muru.³⁷ Był to niewątpliwie wpływ sąsiednich Prus.

W 1668 r. stan większości omawianych kościołów był dobry lub zadowalający, wizytator głównie nakazał wykonanie drobnych prac remontowych. Tak na przykład w Grażyszkach nakazał naprawę oszalowania, okien, chóru, podłogi oraz zbudowanie dzwonnicy. W Wiżajnach – remont dachu, chóru oraz zrujnowanej dzwonnicy. W Przerosli zażądał naprawienia dachu, okien i podłogi, podkreślił też, że kościół wysoką jakością organów. Naprawy dachu i dzwonnicy wymagał kościół w Filipowie. W Janówce kościół był elegancki, bogato zdobiony, miał wiele obrazów i wspaniałe ołtarze (w pojęciu człowieka XVII w.), jednak ze względu na zaniedbania bardzo podupał. Cały kościół, poczynając od dachu, należało wyremontować w Bakalarzewie. Można zatem wnioskować, że świątynie w Dekanacie Olwickim nie doznały większych zniszczeń podczas wojen I. 1654 – 1667 z Rosją i Szwecją (w odróżnieniu od kościołów Dekanatu Kowieńskiego; wg danych wizytacji z l. 1668–1669, w Dekanacie Kowieńskim przez wrogów zostało spalonych lub doznało znacznych zniszczeń około połowa kościołów, w ich miejscach stały tymczasowe budowle, określane jako szopa alias casa, w których zazwyczaj urządzano jeden skromny ołtarz³⁸). W Dekanacie Olwickim nie wzniesiono ani jednej świątyni murowanej (za wyjątkiem wspomnianego kościoła w Raczkach), zaś najbogaciej zdobione były kościoły w Olwicie, Przerosli i Janówce. W 1674 r. wizytator Diecezji Wileńskiej kościół w Janówce nazwał najpiękniejszą z drewnianych świątyń w całym Wielkim Księstwie Litewskim.³⁹ Dekanat Olwicki nie był bogaty w sensie materialnym, parafie otrzymały nieduże fundacje, z czego środków wystarczało jedynie na zbudowanie drewnianych kościołów. Z drugiej strony, na lesistym terenie nie brakowało jakościowego drewna na budowę, nie pojawiała się więc potrzeba wznoszenia murowanych świątyń.

Trudno jest ustalić wiek kościołów Dekanatu Olwickiego, jednak większość z nich została wzniesiona pod koniec XVI – w pierwszej połowie XVII w., gdy po Reformacji odnowiono przywileje fundacyjne dla byłych kościołów czy też ufundowano nowe świątynie. Kościół w Raczkach, według danych wizytacji z 1668 r., został wzniesiony «niedawno», trudno jednak stwierdzić, co w pojęciu człowieka XVII w. znaczyło to określenie. Jedną z najmłodszych mogła być świątynia w Bartnikach, gdyż została ufundowana jako ostatnia w dekanacie, 22 listopada 1663 r. staraniem Jakuba Zitowicza. Kościoły często pozostawały niekonsekrowane (w Olwicie, Wiłkowyszkach, Grażyszkach, Raczkach i in.). Być może wojny przeszkodziły w dokonaniu uroczystego ich wyświęcenia. Materiały wizytacji w Przerosli zawierają informacje, że dany kościół został wyświęcony przez biskupa wileńskiego Eustachego Wołłowicza w 1618 r. W ołtarzu głównym danej świątyni znajdował się cudowny obraz Najświętszej Maryi Panny. Drugi cudowny obraz Najświętszej Maryi Panny Loretańskiej znajdował się w centrum dekanatu – edawno – w kościele w Olwicie. Wiara w cuda była niezwykle istotna dla

³⁷ Pruski mur kościoła najlepiej został scharakteryzowany w późniejszych materiałach wizytacji w parafii Raczki, zob. Wizytacja Dekanatu Olwickiego. 1700 r. / Litewskie Państwowe Archiwum Historyczne. – F. 694. – Op. 1, t. 3972, k. 75.

³⁸ Zob. szerzej o sytuacji Dekanatu Kowieńskiego: Kamuntavičienė, V. Kauno dekanato parapijų padėtis XVII a. antrojoje pusėje / V. Kamuntavičienė. – Soter. Kaunas, 2009. – Nr. 30 (58). – P. 127–140.

³⁹ Kurczewski, J. Streszczenie wizytacji Diecezji Wileńskiej przez Mikołaja Słupskiego w l. 1674 – 1676 / J. Kurczewski. – Dział Rękopisów Biblioteki Litewskiej Akademii Nauk, f. 318 – 26479, k. 72-73.

człowieka XVII w. Dlatego wizytacje zawierają świadectwa uzdrowień z różnych chorób po wizycie w świątyniach z cudownymi obrazami, gdzie na pamiątkę łaski bożej pozostawiano wota wykonane ze złota lub innych materiałów.

Praktycznie wszyscy duchowni w drugiej połowie XVII w., którzy pracowali w parafiach, nadawali się do pełnienia funkcji, byli wykształceni, mieli odpowiednie święcenia. Niektórzy zarządzali dwiema parafiami (Andrzej Koszubski był duszpasterzem w Raczkach i Janówce, Aleksander Wroblewicz – dawno – w Przerośli i Bakalarzewie, Adam Pukien Sterkiewicz – dawno – w Olwicie i Wiłkowyszkach). Naruszali w ten sposób przepisy Soboru Trydenckiego, zgodnie z którymi duchownemu zezwalało się na posiadanie tylko jednego beneficjum. Podobna sytuacja zaistniała w związku z brakiem duchownych oraz zubożeniem parafii (w niektórych proboszczom brakowało nawet środków na utrzymanie, dlatego nikt nie chciał tam pełnić posługi, przychodziło nadzór nad kościołem powierzać duchownemu z sąsiedniej parafii). Kwestią niezwykle istotną było, by duchowni znali język ludności lokalnej, głosili prawdy wiary, uczyli pobożnego i cnotliwego życia w języku ojczystym mieszkańców, w formie dla nich dostępnej. W niektórych przywilejach fundacyjnych kościołów zachowały się wpisy o pełnieniu posługi duszpasterskiej w języku ojczystym (w Olwicie). W dekanacie pracowali księża pochodzenia litewskiego (w Grażyszkach Jan Jerzy Trizewski, w Pojewoniu wikary Augustyn Jakub Pirski), żmudzkiego (w Łankieliskach Szymon Monkiewicz) i polskiego (w Wisztyńcu Jan Lechowicz, w Raczkach i Janówce Andrzej Koszubski) (narodowość nie wszystkich księży została wskazana).

Podczas wizytacji proboszczowie otrzymali surowe wskazówki dotyczące pełnienia posługi duszpasterskiej. Wizytator nakazał im odprawianie wszystkich nakazanych przez fundatorów Mszy św., nieudzielanie sakramentów w miejscach publicznych, nieodprawianie Mszy św. w dobrach prywatnych, niewysłuchiwanie spowiedzi osób z innych parafii, udzielanie sakramentu małżeństwa dopiero po ogłoszeniu trzeciej zapowiedzi, itp. Wiernym zakazano ignorowania swojego kościoła parafialnego i chodzenia do sąsiednich. W przypadku nieobecności w niedzielę w kościele bez przyczyny groziła kara. Tak na przykład w Wiżajnach mieszkańcom, którzy w niedzielę lub święto nie byli obecni na Mszy św., groziła kara w wysokości 6 groszy litewskich, którą należało przekazać na szpital (o jego działalności w Wiżajnach w 1668 r. nie wspomina się, nakaz miał więc charakter teoretyczny). Wizytator często nakazywał zbieranie się w kościołach w niedziele i święta rano i wieczorem na śpiewy. Wspomniano śpiewy różańcowe i Kurst (Godzinki o Najświętszej Maryi Pannie), szczególną uwagę poświęcono modlitwom ku czci Najświętszej Maryi Panny. W kościołach odbywały się wspaniałe uroczystości doroczne, odpusty, większość parafii uzyskała odpusty papieskie. Na terenie dekanatu działało niewiele bractw kościelnych. Wizytator wymienił jedynie Bractwo św. Anny w Olwicie, które przy kościele miało swoją murowaną kaplicę św. Anny. Nie wiadomo, czy nie istniały w innych parafiach, czy po prostu nie zostały odnotowane.

W 1668 r. w dekanacie nadal był odczuwalny wpływ Reformacji. Proboszcz z Przerośli Aleksander Wroblewicz był «schizmatykiem», który nawrócił się na katolicyzm dopiero w 1644 r., na księdza katolickiego wyswięcono go w 1652 r. Jedynie nieco wcześniej katolicyzm umocnił się w Wiżajnach. Należy podkreślić, że kalwinista, starosta Wiżajn, Janusz Radziwiłł w 1659 r. z okazji swego ślubu nadał przywilej kościołowi katolickiemu w tej miejscowości.

W celu głoszenia prawd wiary oraz kształcenia społeczeństwa przy kościołach zakładano szkółki parafialne. W niektórych parafiach przywileje fundacyjne lub inne zostały przeznaczane na utrzymanie szkoły i jej rektora (w Olwicie, Janówce, Przerośli, Filipowie, Wisztyńcu). W przypadkach, gdy fundator nie dbał o środki na utrzymanie szkoły, o to powinien być zatroszczyć się proboszcz lub mieszkańcy parafii. Wizytator bardzo dużo uwagi poświęcił szkołom parafialnym, niestety, w 1668 r. działały one jedynie w Olwicie i Filipowie. Wizytator zachęcił do założenia szkół w Janówce, Przerośli (brak szkoły proboszcz motywował brakiem środków w związku ze zniszczeniami wojennymi w parafii), w Wisztyńcu,

Wiłkowyszkach, Łankieliszkach (tu brak szkoły nieco kompensował kantor, który uczył śpiewu), w Wizajnach, Raczkach i Grażyszkach, tj. w decretum reformationis do protokołów wizytacyjnych praktycznie każdej parafii znalazł się punkt poświęcony szkole parafialnej. O tym nie wspomina się jedynie w przypadku Bartnik, Pojewonia i Bakalarzewa.

Przy zakładaniu szkół opierano się na przepisach Soboru Trydenckiego w sprawie nauczania, przeniesionych do listu apostolskiego przez arcybiskupa metropolitę gnieźnieńskiego Bernarda Maciejewskiego De scholaribus. Rektor szkoły, bakalarz, powinien był uczyć młodzież czytania, pisania, doktryny chrześcijańskiej, modlitw Ojcze Nasz, Anioł Pański, symboli Apostołów, Dekalogu i przykazań kościelnych. W taki sposób miał zostać osiągnięty podstawowy cel – szerzenie wiary katolickiej. Kościół rozumiał, że istnienie szkoły w parafii było bardzo ważną częścią kształcenia społeczeństwa i rozwijania duszpasterstwa. Wizytator poświęcił temu wiele uwagi, przypominając proboszczom o konieczności zakładania przy kościołach szkół, jednak w praktyce w 1668 r. w dalszym ciągu było to trudne do realizacji.

Działalność charytatywna również była ważną częścią działalności parafii. Na zaspokojenie potrzeb biednych zgodnie z nakazem Soboru Trydenckiego przy kościołach zakładano szpitale. W materiałach wizytacji z 1668 r. opisano szpitale w Olwicie, Przerośli, Janówce i Bakalarzewie. Najbogatszy był szpital w Przerośli, posiadający fundację chorążego grodzieńskiego Deodata Tołoczko o wartości 3000 złotych. Fundator kościoła w Janówce Stanisław Rudomina Dusiatki wydzielił środki na utrzymanie 12 biednych w szpitalu. Niestety, w 1668 r. szpital miał dziurawy dach, brakowało środków na jego normalne funkcjonowanie. W takiej sytuacji, biedni utrzymywali się zazwyczaj z jałmużny przy kościołach oraz żebractwa po domach. Wizytator żądał zwrócenia uwagi na to, by do szpitali nie trafiali młodzi i zdrowi, lecz starzy i niepełnosprawni. Mężczyźni i kobiety należało umieszczać w różnych pokojach, dbać o ich moralność oraz nie obciążać zbyt ciężką pracą. Zazwyczaj do ich obowiązków należało dzwonienie w dzwony oraz wykonywanie innych drobnych prac w kościele, zaś głównym zajęciem była modlitwa, zwłaszcza odmawianie Różańca, rozpowszechnione w drugiej połowie XVII w.

W opisie wizytacji w 1668 r. dekanatu położonego na pograniczu między Księstwem Pruskim i Księstwem Polskim nie odnotowano większych konfliktów religijnych, narodowościowych czy społecznych. W drugiej połowie XVII w. Kościół katolicki wywalczył dominującą pozycję w WXL i panował nad wszystkimi konfliktami, stwarzając niesprzyjające warunki do bycia innowiercem i zmuszając w ten sposób do przejścia na katolicyzm. Uwagi doczekają się jednak potrzeby językowe mieszkańców. Starano się, by mianowany proboszcz znał język większości mieszkańców, niezależnie od tego, jaki był, litewski czy polski. Badanie wykazało, że w dekanacie w owym okresie większość stanowili mieszkańcy litewskojęzyczni.

A.B. Худяков

ГУБОПуК МВД Беларуси, г. Минск

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

В контексте сегодняшнего дня, когда государства Балтии находятся в поисках дальнейшего пути развития, выявления своей идентичности, проблематика развития институтов гражданского общества приобретает актуальное значение. Историческая перспектива при изучении их генезиса позволяет лучше осмыслить процессы, проис-

ходящие в постсоветских странах. Несмотря на важность темы, политические партии Балтии как институт гражданского общества так и не стали предметом специального исследования.

В настоящее время странами Балтии называют Латвию, Литву и Эстонию, государства, которые образовались в результате распада СССР. О балтийских народах как народах, имеющих общую историю, можно говорить только в контексте XIX века. По языку и культуре литовцы и латыши принадлежат к одной, а эстонцы к другой языковой семье. Однако на протяжении длительного времени последние два народа имели схожую историческую судьбу. Их предки, завоеванные немцами, оказались под сильным воздействием немецкой культуры и лютеранской церкви. Это способствовало формированию высокого уровня грамотности, развитию самоуправления, созданию общественных объединений различного толка.

Иная ситуация сложилась в Литве, где коренной этнос не получил доступ к участию в гражданском управлении в связи с жесткими барьерами развития социальных сетей. Однако литовцами удалось создать свою государственность. Серьезное влияние на общество до 40-х годов XX века оказывала католическая церковь.

В XVIII–XIX веках формирование основ гражданского общества в странах Балтии проходило на фоне конфликта с репрессирующим обществом. Литовцам приходилось одновременно противостоять российским властям, пытавшимся ослабить влияние национальной культуры и католической церкви, а также польской шляхте, сводившей любое решение внутренних социальных конфликтов к политическому противостоянию. В этих непростых условиях роль по формированию общества взяла на себя католическая церковь.

Латыши и эстонцы противостояли мощным структурам гражданского самоуправления балтийских немцев, от которых приобрели опыт легального и организационного противодействия центральным властям при строительстве своего общества внутри чуждого. Ведение в середине XIX века **российскими властями** института волостного земства привело к утрате балтийскими немцами административных рычагов воздействия на коренное население, что способствовало расширению возможностей последних в организации и артикуляции индивидуальных и групповых интересов.

К концу XIX века в Прибалтике просматривается появление двух типов гражданского общества. Первый основан на разделении самоуправления и государственной силы, как было в Эстонии и Латвии. В данном случае «этнический гражданин» противопоставлялся представителю «статусного общества». Такого типа гражданское общество стало предпосылкой формирования относительно демократического политического лидерства и управления. Другой тип гражданского общества исходил из абстрактной коллективности и ментальности. Его основой стали структуры, деятельность которых связана с идеологией и управлением. В таком случае гражданское общество рассматривается как сфера действия идеологии, а его задачей является гегемония над интересами социальных групп, которые еще не развили институты, представляющие их интересы. Гражданское общество именно такого типа развивалось в Литве.

Во второй половине XIX века развитие капиталистической экономики положило начало формированию такого института гражданского общества, как политические партии. **Процесс организационного оформления быстрее всех завершили** организации социал-демократического толка, что связано с широким распространением в регионе идей марксизма. Первая русская революция ускорила процесс партийного строительства. Так, к 1907 году в странах Балтии легально действовало 25 политических партий, преимущественно социалистического, консервативного и либерального толка. Значительная часть из них были немногочисленны, организационно немощны, идейно размыты. Несмотря на различия в социальной базе и программах, все партии

объединяла идея национального возрождения (в Литве – на базе христианских ценностей). До октябрьской революции ни одна из политических партий не прошла испытания властью и не имела опыта конструктивной государственной деятельности.

С обретением независимости в государствах Балтии происходит замена старой административной системы управления институтами парламентской республики с активным развитием институтов гражданского общества.

В апреле 1920 года в Литве по итогам первых всеобщих выборов в законодательном органе большинство мест получили представители партий, представлявшие интересы землевладельцев и крестьян, а также христианские демократы («крикдемы»). Несмотря на то, что «крикдемам» ни разу не удавалось получить парламентского большинства, они пользовались большим влиянием в обществе. В 1926 году на выборах в Сейм они значительно уступили партиям левого толка. На **волне борьбы с коммунизмом** «крикдемы» совместно с прошедшими в парламенте **националистами** совершили **государственный переворот и распустили Сейм**. С 1927 до 1936 год правительство националистов руководило страной без парламента. В 1936 году в Литве на фоне запрета деятельности значительной части политических партий прошли выборы в Сейм. **В не прямых выборах, при запрете оппозиции на участие в них**, с абсолютным перевесом голосов победили националисты. Их лидер А. Сметона единолично руководил страной с 1927 по 1940 года.

В апреле 1919 года в Эстонии прошли первые всеобщие выборы в высший законодательный орган, в которых приняли участие 10 политических партий и объединений. Большинство мест в Рийгикогу получили представители социал-демократов, аграрии и христианские демократы. С 1920 по 1932 год на выборах преимущественно побеждали аграрии и социалисты. Однако, не они, не представители других многочисленных политических партий не смогли получить абсолютного большинства в парламенте. Почти все правительства формировались на коалиционной основе и сильно зависели от политических интриг. Отсутствие уравновешивающего органа в лице главы государства привело к внутривнутриполитическому кризису и установлению диктатуры К. Пятса. В 1934 году он распустил Рийгикогу и запретил деятельность политических партий. В 1938 году, в соответствии с новым Основным законом, в стране вводится пост президента (им стал К. Пятс), а также проводятся выборы в новый двухпалатный парламент.

В мае 1920 года в Латвии в выборах в Учредительное собрание приняли представители 16 политических партий. Наибольшее количество мест получили представители социал-демократов и партии, представлявшие интересы земледельцев и крестьян. В 1922 году в Латвии принимается самое либеральное в странах Балтии избирательное законодательство, в соответствии с которым любые пять граждан могли сформировать партию. Это привело к тому, что с 1922 по 1934 год около 40 партий принимали участие в выборах, из которых от 22 до 28 имели в Сейме своих представителей. Наибольшими симпатиями избирателей пользовались представители социал-демократов и аграриев. Высокая популярность левых среди населения позволяла им стабильно получать около трети мест в парламенте. Однако они ни разу не приняли участие в формировании правительства, так как отказывались сотрудничать с немарксистами. Склонность к компромиссам позволила аграриям, главным парламентским оппонентам левых, активно участвовать в формировании коалиционных правительств и выборах президента. Неспособность партий получить в Сейме абсолютное большинство негативно отражалось на деятельности правительства: Так, с 1918 по 1932 год в стране сменилось 16 правительств. Данная неустойчивость в 1934 году привела к государственному перевороту, который при поддержке военных осуществил лидер аграриев премьер-министр К. Улманис.

В конце 20-х годов в странах Балтии, как и других европейских странах, появляются и активно действуют движения фашистского и коммунистического толка. Временами им удавалось некоторого влияния на общество, как это было в Эстонии, но в целом их политический вес остался незначительным.

Таким образом, основным политическим достижением государств Балтии в первой трети XX века стала постепенная и последовательная демократизация политического строя. Ключевым моментом становятся преобразования 1917–1920-х годов, проходившие не без влияния революционных событий в Восточной и Центральной Европе. В результате этого в государствах Балтии окрепли демократические традиции, расширилось народовластие, укрепилась политическая культура среди основной массы населения. Важнейшей чертой в формировании гражданского общества и демократической политической системы являлась самоорганизация общества, составной частью которого становится формирование многопартийности. В то же время наличие в каждой стране большого количества политических партий еще не давало основания с политологической точки зрения говорить о существовании в стране полноценной многопартийной системы.

А.А. Савков

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ИСТОРИЯ «ЛИТВЫ», «БЕЛОРУССИИ» И «ЗАПАДНОЙ РУСИ» В СОСТАВЕ ВКЛ В КОНЦЕПЦИИ Н.А. РОЖКОВА

В начале XX в. история ВКЛ, явившегося цивилизационным пограничьем между Западом и Востоком, державой трёх народов, вызывала заметный интерес в российской исторической науке. Список историков не ограничивался именами крупнейших специалистов (М.К. Любавского, А.Е. Преснякова). Были авторы, стремившиеся не к подробному, но объективно-научному изучению проблемы. Одним из них был выдающийся социолог и историк Николай Александрович Рожков (1868–1927), автор уникальной исторической концепции, построенной на синтезе идей формационного, мультилинейного и циклического развития.

Специализируясь на русской истории, Н.А. Рожков, однако, полагал, что настоящему историку в исследовании нужно выйти за пределы одной страны. В сравнительном анализе исторических путей разных народов он видел ключ к поиску главного предмета исследования – закона исторического развития, («социальной динамики»), закона последовательности протекания одинаковых периодов в истории всех народов и культур, опровергающего теорию однолинейного всемирно-исторического процесса. Рожков выделял периоды, характерные для развития культур древневосточных, античных и новых [1, с.250]. Сравнительный анализ сводился и к обобщению, и к индивидуализации, к попыткам создания многовариантной схемы развития. В её рамках нашла место и история одной из крупнейших держав средневековой Европы.

Изначальной спецификой истории ВКЛ Рожков счёл то, что на момент его создания (сер. XIII в.) оно объединило в себе едва перешедшие из варварства в период т.н. «феодальной революции» земли Литвы и пережившие «революцию» ранее земли Руси. Следуя старой историографической традиции, историк был против самой постановки вопроса о принадлежности местного славянского населения великороссам

или белорусам, придерживаясь теории «трёх племён» единого русского племени. Но он писал, что продолжительная северно-западная колонизация и заселение местных земель послужили основой для этнического смешения с литовцами, результатом которого стало постепенное формирование белорусского племени. Территория ВКЛ условно разделялась на Литву и Белоруссию, включая «чисто-белорусские области – Подляшье, Чёрная Русь и Полесье», колонизированные самими литовцами. Отдельно стояла Западная Русь (Полоцкая, Витебская и Смоленская земли), связанная с двумя остальными территориями. Рожков подчёркивал первоначально захватнический путь формирования Княжества, но сторонился его негативных оценок, видя в ВКЛ исторически обусловленного конкурента Москвы в деле хозяйственного и политического единения русских земель [2, с. 59]. Игнорировались легенды, вымыслы «проникшие из русских летописных компиляций» ввиду признания мирного характера дипломатии при Гедимине, Ольгерде. Предпосылки больших успехов ВКЛ в деле единения он видел в экстенсивной колонизации: ещё до XIII в. заселение Западной Руси шло ускоренными темпами сравнительно с Северо-Востоком, несмотря на худшие природные условия (опровергая теорию колонизации в версии С.М. Соловьёва).

Так начался переломный, «критический» период феодальной революции (первый этап феодализации), период органического объединения, доводимый до смерти последнего из «феодальных вождей» – Витовта (1430 г.). Ход и характер объединительной работы первых князей обуславливались экономическим фактором – наметившимся стремлением Литвы и белорусских земель к переходу на земледельческую основу: «Так как те же хозяйственные явления были свойственны и Западной Руси, то постепенно стало подготавливаться и в XIV воплотилось в действительность их политическое объединение» [4, с. 276]. Господство переходило к сельскому хозяйству во всех трёх основных регионах примерно одинаковыми темпами, несмотря на гипотезу учёного о том, что по мере приближения к востоку всё более сохранялось значение добывающей промышленности. Рост земледелия (особенно крупного) явилось основой выделения аристократии и разложения класса свободных – появления после 1387 г. панов и бояр-шляхты. При всём сходстве с северо-восточной Русью в данный период даже в Западной Руси, а ещё более выражено в Белоруссии и Литве, историком наблюдалась большая классово-сословная определённость [2, с. 57]. В случае ВКЛ отмечалось влияние перехода от добывающей промышленности к землепользованию на эволюцию преемственности княжеской власти от родовой формы (захват власти) к семейной (праву передавать власть начиная с Гедимина любому из сыновей на выбор). Сравнение путей развития Руси Московской и Литовской говорило о господстве в их обеих земледелия и натурально-хозяйственных отношений, кои «разъединяли людей», вели к торжеству удельной системы. Но более раннее появление зародышей денежного хозяйства создало непрочность и неразвитость удельной системы и вотчинного принципа, усиливало центральную власть князя. Это позволило видеть в ВКЛ не федерацию литовских и русских земель, а их «не личную, но реальную унию» [4, с. 285].

Противоречивы взгляды Рожкова на развитие духовной культуры. Опровергался взгляд на культуру как на продукт гения, «национального духа», закон её развития ставился в зависимость от эволюции хозяйства. Попытки избежать вульгарного материализма выразились в теории «буфера», психических типов, которые слагаются под воздействием хозяйственных явлений, устройства общества и государственного строя. Подчёркивая отсутствие в виду доминирования добывающего хозяйства сложившихся психических типов, Рожков минимализировал культурные достижения первых трёх периодов развития всех народов – первобытного общества, общества дикарей и варварства. Их пережиткам признавались характеры Миндовга, Войшелка, «полулюдей-полузверей, руководимых инстинктами, борьбой за существование, постоянной сме-

ной взглядов и религий [4, с. 285]. Эффект «разъединения», связанный с ростом земледелия, чувства собственности, страха социальных опасностей, заложил основу доминирования эгоистических типов – Ягайло и Витовта, у которых честолюбие уживалось с лицемерием, тщеславием (хотя столь резкая характеристика обосновывалась лишь ссылками на православные «Жития»). Психологическая аморфность бытовала среди низов, в идеологии коих царил двоеверие («наслоение» новых религий на старые народные верования). В виду этого ни одна из сторон духовной культуры «не могла дать ничего оригинального» [4, с. 288].

Начавшийся с XV в. «органический» период полноценного феодализма в оценке Рожкова охватил по-сути всю оставшуюся историю ВКЛ, условно разделившись на этап расцвета и этап падения (с сер. XVI в.). Последний, по схеме учёного, теоретически должен был стать прелюдией к очередному крупному критическому периоду – «дворянской революции», окончательному торжеству едино возможного критерия прогресса – торгово-денежных отношений. На первом этапе белорусско-литовский тип феодализма в его оценке был прогрессивнее и куда ближе к классическому (Франция, Англия) нежели русский: «Многочисленность застав и таможен на небольшом пространстве доказывает, что денежное хозяйство в Литве и западной Руси слагалось по западно-европейскому типу, ...где преобладал местный рынок» [2, с. 29]. И всё же ВКЛ в отличие от восточного соседа «так и застыло на полпути». Определяющей в данном случае оказалась теория «здоровых» и «больных» обществ. Отдельные народы и культуры, пережив на своём пути временные «болезни» (смутные времена), сумели совершить переход от одного периода к другому. Остальные – ввиду «принадлежности болезни к числу конституционных расстройств» канули в лету или были поглощены соседями. Это народы древнего Востока, которые «погибли, не успев выйти из стадии первоначального развития товарного хозяйства». Это и поздние Афины и Новгород, итальянские города-государства, а также и ВКЛ [3, с. 86].

Определяющим критерием оставалось экономическое развитие, особенно развитие денежного хозяйства, успехи которого Рожков отмечал первоначально и в «Литве» [5, с. 101–103]. Оно содействовало более быстрому росту сельского хозяйства, обрабатываемой промышленности. Господство земледелия с развитием денежного хозяйства выдвигало на первый план отдельную личность, разбивало обширные крестьянские родственные союзы на более мелкие хозяйственные единицы, что, по мнению Рожкова, нашло отражение в частности в волочной уставе, делении больших семей на сябринные союзы [2, с. 19]. Рост торгового экспорта сельхозпродукции стимулировал здесь и формирование внутреннего рынка. С развитием рынка шёл рост городов, получавших магдебургское право, расширение прав мещан. Отдельное внимание уделялось укреплению (со времён Витовта) положения особой в хозяйственном плане группы населения ВКЛ – евреев, чьё «экономическое и юридическое положение определилось точнее и установилось прочнее» [2, с. 55]. Экономическое развитие, сначала быстрое, застыло, не дало надлежащего размаха. Денежное хозяйство с преобладанием земледелия так и не вышло из первой стадии своего развития в связи с гипертрофированной земледельческой монополией крупной знати [6, с. 117].

Несмотря на уничтожение «удельной старины», вотчинный принцип, согласно исследователю, так и не был искоренён. Начавшаяся же после смерти Витовта гражданская война и последовавшие после неё избрания князей передали решающую роль в деле замещения великокняжеского престола в руки аристократии, Рады. Рожков поддержал гипотезу М.К. Любаского относительно возникновения сейма ВКЛ как вызванного не внешней угрозой и постоянными войнами, но социальными реалиями – постепенным увеличением удельного веса литовско-русской знати, интересы коей мог соблюсти лишь единое высшее учреждение. Первоначально возникало впечатление по-

беды рядовой шляхты, дворянства, официально преобладавшего в судебно-административной системе XVI–XVIII вв. и подавившего аристократию – картины падения феодализма и победы начавшей в XVI в. (как и в России при Иване Грозном) «дворянской революции» [6, с. 127]. Но Рожков отмечал отклонение от буквы закона взаимношошений знати и дворянства, которое, подкармливаясь у магнатории, всецело подчинялось ей. Сближение с Коронай, где «даже глота из шляхты имела права неприкосновенности» катализировало пагубный процесс. Несмотря на усилия Сигизмунда I, С. Батория, по созданию самодержавной монархии, ВКЛ, а позже Речь Посполитая (республика аристократической олигархии) застыли в положении упадочного феодализма.

Закрепление своих тезисов Рожков искал в культурно-психологическом облике державы. Расцвет феодальной эпохи свывался с торжеством эгоизма. В среде феодалов – активный эгоизм, построенный на чувстве самосохранения и приобретательства. Хотя пример князя Константина Ивановича Острожского как яркого эгоиста неудачен. Лестнее характеристика его сына, князя Константина Константиновича, представителя характерного для заката феодализма эгоистического индивидуализма: «Рост индивидуализма в высших слоях с XVI в. вполне понятен: предприимчивость, личная энергия, жажда перемен в сочетании с властью шляхты» [6, с. 131]. Среди низов – пассивный эгоизм (страх, желание попасть под протекторат к аристократии). В религии – двоеверие, отягощённое конфронтациями католицизма и православия. Рожков стремился поддерживать научное беспристрастие в отношении обеих конфессий. Признавая духовную экспансию католицизма, он отмечал её позитивную унификационную роль: «Если высшая католическая иерархия напоминала князей и панов, то простые священники отражали в своём положении рядовую шляхту» [6, с. 134]. В эгоизме обвинялся и католический, и православный клир. Более мягкие слова высказывались в адрес униатов, особенно И. Кунцевича и И. Потя. Их фигуры свывались с закономерным появлением этического типа характеров. В распространении этических и индивидуалистических натур он видел предпосылки новой эпохи. Толчок дала и Реформация: в демократических протестантских движениях, охвативших знатные роды (Радзивилов, Сапег), также выразилась попытка дворянской революции в ВКЛ. Её провал был предопределён тем, что увлечение кальвинизмом среди знати явилось «поверхностным налётом» [6, с. 134]. Религиозная свобода протестантизма выходила за пределы сословных групп, а социально-политический строй ВКЛ отличался сословностью. Протестантизм прививался лишь в той мере, в какой он соответствовал мировоззрению немногочисленных этиков (С. Будный, В. Тяпинский и др.) [6, с. 135].

Эволюция эгоистических мотивов в обществе сопровождалась проявлением и эстетического элемента. Он проявился не только в конкретных представителях верхов (Сигизмунд II Август), но и во всём развитии искусства XVI–XVIII вв. В архитектуре на смену утилитаризму и потребительству (византийский, романский стиль) пришло влияние «возвышенной готики» и итальянского Ренессанса, а после – барокко. В живописи – заимствование западных приёмов, элементов техники и сюжетов. В литературе – рост интересов к рыцарским романам и сентиментализму, популяризация научных знаний наряду с религиозными (начиная с «одного из самых замечательных деятелей западнорусского просвещения» Ф. Скорины) [6, с. 153]. Но и в искусстве виделась половинчатость и незаочченность: «Круг замкнулся и в области духовной, так и материальной культуры: к половине XVII в. Речь Посполитая целиком очкоченела в состоянии пошатнувшегося, но не исчезнувшего в своих основах феодализма» [6, с. 160]. Примечательно предположение о попытке ВКЛ позднее разрешить внутренние вопросы путём хозяйственного объединения всей восточно-европейской равнины через подчинение России в начале XVII в.. Неудача лишила его статуса гегемона в восточной Европе, а его окраины начали тяготеть к Москве.

Проведённое Н.А. Рожковым исследование истории ВКЛ было нераздельно связано с его разработкой теории исторического процесса и схемы развития народов и культур. Не будучи специалистом по проблеме Литовско-Русской державы, он предпринял попытку её пересмотра с истинно научной токи зрения. Однако стремился сблизить реальную историю ВКЛ со своей «идеальной моделью» развития, приводя к схематизму. Интерпретация явлений, событий нередко клалась в прокрустово ложе его методологии. Выводы, сделанные относительно закономерного характера генезиса и кризиса местного феодализма подтягиваются под оригинальную периодизацию, в любом отходе от которой (как в случае ВКЛ) им виделась не специфика, а скорее патология (теория «нездоровых обществ»). Несмотря на изначальное стремление к изучению специфики развития трёх выделенных регионов Княжества, автор, по-сути, унифицировал их, сводя различия к незначительным статистическим данным. Тем не менее, отображение истории ВКЛ и входивших в него народов в рамках концепции Рожкова – уникальная попытка освещения средневековой белорусской истории в региональном и глобальном контексте.

Список литературы

1. Рожков, Н.А. История древнего Востока и общие законы развития культуры / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1913. – № 9. – С. 248–254.
2. Рожков, Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. В 2 ч. / Н.А. Рожков. – СПб.: Книгоиздательство И.И. Шамова, 1905. – Ч. 2. Вып. 2. – 176 с.
3. Рожков, Н.А. Основные законы развития общественных явлений (Краткий курс социологии) / Н.А. Рожков. – М.: Скоропеч. А.А. Левинсон, 1907. – 88 с.
4. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). В 12 т. / Н.А. Рожков. – Пг.: Книга, 1919. – Т.1. – 450 с.
5. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). В 12 т. / Н.А. Рожков. – 3-е изд. – Л.-М.: Книга, 1930. – Т. 2. – 370 с.
6. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). В 12 т. / Н.А. Рожков. – Пг.-М.: Книга, 1923. – Т. 3. – 288 с.

В.П. Гарматны

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск

СЕЛЬСКАЯ ГАСПАДАРКА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 гг.

У выніку падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскай мірнай дамовы заходнебеларускія землі плошчаю звыш 112 тысячы км² з 4,6 мільёнамі чалавек (паводле дадзеных перапісу 9 снежня 1931 г.) насельніцтва апынуліся ў складзе Другой Рэчы Паспалітай. Тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад чатырох ваяводстваў: Палескага, Наваградскага, Віленскага і Беларускага. Плошча Палескага ваяводства складала 36 825 км² з насельніцтвам 1 131 939 чалавек (на 1931 г.). Гэта было самае вялікае па плошчы ваяводства ў складзе Другой Рэчы Паспалітай – у розныя гады яно складала 1/10–1/9 яе тэрыторыі – і адначасова самае адстае ў сацыяльна-эканамічным плане.

Палескае ваяводства ў асноўным супадала з тэрыторыяй сучаснай Брэсцкай вобласці і падзялялася на 10 павеятаў: Брэст-Бужскі, Драгічынскі, Камень-Кашырскі, Коб-

рынскі, Косаўскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Сарненскі (з 1929 г. у складзе Валынскага ваяводства), Столінскі. У ваяводстве налічвалася 12 гарадоў, 79 вясковых гмін.

У 1921 г. 82,0% усяго працаздольнага насельніцтва Палескага ваяводства было занята ў сферы сельскай гаспадаркі (у цэнтральнай Польшчы – 63,8%), на 1931 г. – 81,3% на Палессі і 61% у Польшчы. Глеба пераважна бедная, пясчаная – ураджай жыта складаў прыкладна 480-800 кг з га, у Польшчы – 1136 кг. з га. 40% тэрыторыі Палескага ваяводства было забягнута [4, с. 110–111]. Аграрныя адносіны характары-заваліся захаваннем значнай колькасці феадальна-прыгонніцкіх перажыткаў, панаван-нем буйнога памешчыцкага землеўладання, безземеллем і малаземеллем сялян, яго масавым збыдненнем.

У 1922 г. каля 4500 памешчыцкіх гаспадарак Палескага ваяводства (0,9% усіх гаспадарак) валодала амаль 4,7 млн. гектараў (58% прыватнаўласніцкай зямлі), вяду-чае месца ў памешчыцкім землеўладанні займалі буйныя латыфундыі плошчай ад 2 да 10 і больш тысяч гектараў зямлі. На тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921 г. на-лічвалася 857 маёнткаў плошчай больш за 50 га кожны – агульнай плошчай 146 985 га. Каля 500 палескіх магнатаў мелі больш як па 1000 га кожны. Такой канцэнтрацыі зямельнай уласнасці не было ні ў адной з тагачасных краін Еўропы. Асобныя польскія зямельныя магнаты (Радзівіл, Патоцкі, Сапега, Тышкевіч, Мяйштовіч, Рачкевіч і інш.) валодалі ў Палескім ваяводстве дзесяткамі тысяч гектараў зямлі. У цэлым у руках памешчыкаў, якія складалі меней 1% усіх землеўладальнікаў, знаходзілася звыш 50% зямель. На іншым баку знаходзілася каля 480 тысяч сялянскіх гаспадарак (больш 99% сельскагаспадарчага насельніцтва ваяводства), якія валодалі толькі 3,3 млн га (42%) ворнай зямлі, прычым 8250 сялян-палешукоў мела ў сярэднім па 0,5 га, а каля 20% сялян былі зусім безземельнымі.

Эканамічнае становішча сялян-палешукоў у 1921–1939 гг. не было аднолька-вым. Тагачаснае сялянства Палескага ваяводства па маёмасным становішчы можна падзяліць на чатыры найбольш буйныя групы:

1) найбольш заможныя сяляне, якія валодалі больш 7 гектараў зямлі і трыма-юць па 2–3 кані, 2 і больш каровы. Яны кожны год наймалі парабкаў і сезонных рабо-чых, якім плацяць за дзень работы па 2–2S злотых з гаспадарскімі харчамі;

2) другая частка сялян – тыя, хто меў «трацяк» (1/3 валокі, 7 гектар): яны звы-чайна валодаюць па 1 кані, некаторыя трымаюць жарабят;

3) сяляне, якія маюць па 5 гектар: у іх не хапае да вясны свайго хлеба і таму яны наймаюцца на працу да заможных сялян. Частка з іх працавала дзорцамі ў полі і атрымоўвалі плату ад грамадства;

4) зусім бедная частка сялян, якая валодала па 1–2 гектарамі зямлі і навогул безземельныя – яны наймаюцца на працу да больш заможных сялян, а таксама бя-руць бульбу на адпрацоўку.

Табліца 1 – Дробныя распадаркі Палескага ваяводства (1921–1939 гг.)

7	менш 2 га	2–7 га	5–20 га	20–100 га
141,3 99,5%	20,4 14,4%	47,3 33,3%	66,1 46,5%	7,5 5,3%

Табліца 2 – Удзельная вага сельскагаспадарчых зямель па Палескаму ваяводству (1920–1930-я гг.) [2, с. 39]

пашня	луга	пастбішча	лясы	сады і агароды	багна
22,8%	19,5 %	10,4%	25,8%	0,9%	20,6%

У 1927 г. у Палескім ваяводстве колькасць сялян, ў якіх не было каня, складала 34,7% гаспадарак, аднаго каня мелі 50,9%. Не мелі кароў 15% гаспадароў, а 18,6% палешукоў трымалі карову, але пры гэтым не мелі каня.

Табліца 3 – Агульная колькасць сельскагаспадарчай жывёлы на 100 га зямлі ў Палескім ваяводстве [1, с. 138–139]

коней	буйной рагатай жывёлы	свіней	авечак	разам
9,0	23,0	12,6	12,9	21,5

Большасць сялян Палескага ваяводства не мелі магчымасці ўзяць неабходныя крэдыты на льготных умовах для паспяховага вядзення сваёй сельскай гаспадаркі. Дзяржаўны банк за крэдыты на куплю зямлі браў не менш 12% гадавых. Акрамя таго, памешчыкі валодалі правам выбару пакупніка і таму патрабавалі за зямлю высокую плату і нярэдка ў доларах.

Дзяржава аказвала фінансавую і іншую дапамогу найбольш бедным сялянскім гаспадаркам. Так, у 1921 г. сялянам Жабінкаўскай гміны Кобрынскага павета ўладамі выдадзена 3436 пудоў бульбы і вызначана фінансавая дапамога ў 564 009 марак, Сяжновіцкай на восеньскую сябу – 4324 пуды жыта і г.д. Праводзіўся таксама збор добрачынных ахвяраванняў на карысць сям’яў афіцэраў, салдатаў, якія загінулі пад час вайны, сіратам і г. д.

У 1932 г. у сувязі з неўраджаем жыта склалася цяжкае становішча з хлебам у Лунінецкім павеце – ужо зімою скончыліся сялянскія запасы хлеба. Мясцовыя ўлады 17 лютага 1932 г. склалі спісы найбольш пацярпелых сялян па 20 вёсках павету. Лунінецкі павятовы стараста В. Чахоўскі неаднойчы звяртаўся з просьбай аб дастаўцы ў павет неабходнай колькасці збожжа бясплатна. Дапамога была аказана, але праз год зноў склалася такая ж сітуацыя. 30 снежня 1932 г. новы павятовы стараста паведамляў у Брэст, што атрыманы крэдыт яшчэ на 150 тон жыта, з якога выдзелена: гаспадаркам Лунінецкай гміны – 30 тон, Лахвенскай – 20, Чуचाўіцкай – 40 тон і г. д.

У 1938 г. камітэт «Зімовая дапамога» («Zimova pomos») перадаў беспрацоўным Столінскага павета 11 860 кг жыта, 91 184 кг бульбы, 300 м³ дроў; для арганізацыі харчавання 1 040 дзяцей з маламаёмных сямей выдзялялася 600 кг цукру, 825 кг кавы, 6 тон бульбы. Добрачыннае таварыства «Caritas», якое дзейнічала пад асабістым патранатам князя К. Радзівіла, выдзеліла больш 3000 злотых дзецям мясцовых беднякоў на абутак і адзенне.

З мэтай павышэння якасці апрацоўкі зямлі і вядзення сельскай гаспадаркі польскія ўлады праводзілі сельскагаспадарчыя выставы-продажы і конкурсы сярод мясцовых сялян. Так, 30 верасня 1928 г. па ініцыятыве Палескага акруговага таварыства сельскай гаспадаркі (ПАТСГ) ў вёсцы Парэчча Пінскага павета прайшла дэманстрацыя жывёлагадоўлі, на якую з Парэцкай гміны дастаўлена 76 галоў буйной рагатай жывёлы і 47 коней. Дэманстрацыя была адкрыта ў прысутнасці павятовага старасты В. Балдона і віцэ-прэзідэнта ПАТСГ у вёсцы Парэчча А.Я. Сянкевіча. Судзейская камісія ў складзе інспектара самакіравання В. Арды, ветэрынарнага ўрача Я. Чэрэйскага, і А. Пінскага выдала 6 пахвальных граматаў, 4 плуга і 11 грашовых ўзнагарод.

Тадэвуш Арда з вёскі Дастоева атрымаў пахвальную грамату за развядзенне нізкарослай жывёлы; Ян Сенкевіч з Кажэнева – за бугая чырвона-польскай пароды; Вітольд Арда з Навошчыц – адзін пахвальны ліст за кабылу напалову арабскай пароды, другі – за жарабца; Юзаф Цырман з Дастоева і Мікалай Раманюк – пахвальныя лісты. Плугі атрымалі Адам Мельнік, Сяргей Бутыч, Юзаф Цырман, Раман Кандрацюк. Узнагароды па 15 злотых атрымалі Ян Таранюк, Якуб Чугай, Шыман Барпанек,

Мікалай Рамнюк, Даніла Саўчук. Узнагароды па 10 злотых атрымалі Ян Кандрацюк, Максім Антонік, Юзаф Каленскі, Антон Кандрацюк. Асноўнаю мэтаю правядзення дэманстрацыі абвяшчалася «заахвочванне далейшага развіцця рацыянальнай жывёлагадоўлі ў Парэцкай гміне Пінскага павета» [З, с. 173–174].

У 1930 г. на праведзеным конкурсе на лепшую сельскагаспадарчую прадукцыю сярод сялян Брэсцкага, Пінскага, Лунінецкага паветаў, першае месца па вырошчванню парасят заняла Ганна Макоўская з Ляхвы.

Такім чынам, трэба адзначыць, што сельская гаспадарка Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. характарызувалася захаваннем значнай колькасці паўфеадальных і прыгонніцкіх перажыткаў, панаваннем буйной памешчыцкай гаспадаркі. З мэтаю ўздыму эканомікі краю польскімі ўладамі ў міжваенны перыяд праведзены шэраг аграрных пераўтварэнняў, якія станючым чынам адбіліся на развіцці сельскай гаспадаркі краю.

Спісок літаратуры

1. Гольдштейн, И.И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии / И.И. Гольдштейн. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 296 с.

2. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.

3. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пінскага раёна / рэдкалегія Г.К. Кісялёў [і інш.]. – Мінск: БелТА, 2003. – 621 с.

4. Tomczonek, Z. Wios Poleska 1918–1939 / Z. Tomczonek // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. У 2 ч. Ч. 2. – Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998. – С. 110–115.

I. Matus

Uniwersitet w Białymstoku (Polska)

SPRAWA DEKLARACJI DUCHOWNYCH UNICKICH O GOTOWNOŚCI PRZEJŚCIA NA PRAWOSŁAWIE NA KONFESYJNOETNICZNYM POGRANICZU W LATACH 1836–1839 W OBWODZIE BIAŁOSTOCKIM

Przykładem wpływu specyfiki pogranicza konfesyjnoetnicznego może posłużyć sytuacja wyznaniowa w Obwodzie Białostockim w latach 30. XIX wieku. Obszar ten zamieszkiwali katolicy i grekounicki⁴⁰, którzy podlegali pod jurysdykcję Greko-Unickiej Diecezji Litewskiej z siedzibą Konsystorza w Żyrowicach. Zasięgiem administracyjnym Obwód Białostocki obejmował dwa grekounickie dekanaty – białostocki z cerkiewiami usytuowanymi w powiecie sokólskim i białostockim oraz dekanat bielski, który tworzyły parafie powiatu drohiczyńskiego i bielskiego.

Na początku lat 30. XIX wieku wyznanie rzymskokatolickie i grekounickie dzieliła już niewielka i płynna granica. Elastyczność ta dotyczyła wyłącznie unitów. Na pograniczu etnicznym zdarzało się, zwłaszcza w miastach i miasteczkach, że grekokatolicy przechodzili na rzymskokatolicyzm (głośna sprawa sześciu urzędników władz Obwodu Białostockiego z 1837 roku⁴¹), za sprawą postrzegania tego wyznania, jako religii chłopskiej. Ale zjawisko to

⁴⁰ Stosuję zamiennie grekounicki (unicki) i grekokatolicy, trafniejsze jest określenie grekokatolicy

⁴¹ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА) в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23182.

dotyczyło także mieszkańców wsi. W tym przypadku było to następstwem daleko posuniętej latynizacji i polonizacji, która charakteryzowała ówczesną Cerkiew unicką.

Sprowadzenie religii unickiej do rangi religii chłopskiej powodowało, że jednocześnie trwał samorzutny proces polonizacji. W XVIII wieku śpiewano, modlono się i głoszono kazania po polsku. Język polski stał się w Kościele unickim językiem urzędowym⁴². Wizytacje cerkwi obu dekanatów pokazują, że na początku XIX wieku posługiwano się powszechnie ewangelizarami w języku polskim⁴³.

Latynizacji, a przede wszystkim polonizacji Cerkwi greckokatolickiej sprzyjało pogranicze etniczne. W języku polskim komunikowali się duchowni unicycy pomiędzy sobą i z wiernymi. Na początku XIX wieku język polski, przy liberalnej polityce Aleksandra I, był językiem wykładowym wszystkich szkół, w tym także duchownych.

Nie bez znaczenia pozostawał fakt, że parochowie unicycy byli absolwentami bazylińskich szkół duchownych, bądź katolickich seminariów⁴⁴. W tych ostatnich nauki teologiczne pobierali obok przyszłych księży.

Zdarzało się, że seminarzyści i przedstawiciele służby cerkiewnej wstępowali w związki małżeńskie z katoliczkami. W tym też wyznaniu wychowywano córki. Przykładowo w dekanacie bielskim w drugiej połowie lat 30. XIX wieku sytuacja taka dotyczyła duchownych i służby cerkiewnej unickich parafii w Narwi, Mielniku⁴⁵. W obrządku łacińskim udzielano także ślubów.

Proces latynizacji nasilił się po soborze zamojskim w 1720 roku. Wprowadzane systematycznie i wielopłaszczyznowo przemiany objęły wszystkie dziedziny życia kościelnego: liturgię, obrzędy, instytucje i struktury organizacyjne, architekturę.

Na soborze zamojskim była rozstrzygnięta jedna z najważniejszych kwestii z punktu widzenia zbliżenia Cerkwi unickiej z Kościołem rzymskokatolickim. Dokonało się to w wyniku zamiany niektórych, dotychczasowych dogmatów i obrzędów greckounickich na rzymskokatolickie. Dotyczyło to między innymi dogmatów o pochodzeniu Ducha Świętego, o czyszczu. Zakazano przizaszczenia dzieci. Zezwolono na odprawianie liturgii zarówno na praśnym jak i kwaśnym chlebie⁴⁶. Zmiany dotyczyły także spowiedzi, chrztu, eucharystii. Do nabożeństw wprowadzono ciche, czytane msze i różaniec, kult świętych katolickich⁴⁷. Zmieniły się stroje duchownych unickich na wzór, fasonu i kroju łacińskiego. Obowiązywało ich również golenie bród i strzyżenie na krótko włosów. Skasowano post Piotrowy. Postanowiono także wydać dla unitów nowe książki do nabożeństw, zgodnie z tymi dogmatycznymi zmianami, jakie wprowadził sobór⁴⁸. Eliminowano nabożeństwa ku czci ruskich prawosławnych świętych⁴⁹, a przyjmowano katolickie święta np. Boże Ciało.

Wnętrza cerkwi unickich, upodobniono do kościołów. Zlikwidowano ikonostasy, carskie wrota, prestoni i żertwienniki, w miejsce których wprowadzono ołtarze główne i boczne, pojawiły się konfesjonały, ambyony, monstrancje, ławki, organy, figury i obrazy świętych rzymskokatolickich. Dodano nowe przedmioty kultu.

Etat proboszcza, nie mówiąc już o wyższych stanowiskach w hierarchii cerkiewnej, otrzymywali wychowankowie katolickich seminariów, całkowicie podporządkowanych Kościołowi rzymskokatolickiemu⁵⁰.

⁴² Maroszek, R. Dziedzictwo unii kościelnej w krajobrazie kulturowym Podlasia 1596 – 1996 / R. Maroszek. – Białystok, 1996. – S. 15.

⁴³ Księga wizyty diekańskiej dekanatu podlaskiego w roku 1773 miesiąca Novembra dnia 17 sporządzonej przeze mnie księdza Benedykta Gutterskiego dziekana podlaskiego, plebana golnieńskiego w roku 1773 miesiąca Novembra dnia 17 iuxta vetu kalendarza sporządzona, opracował Józef Maroszek, Waldemar F. Wilczewski. – Białystok 1996. – S. 23–156

⁴⁴ Мірановіч, Антон. Праваслаўная Беларусь / Антон Мірановіч. – Беласток, 2009. – С. 134.

⁴⁵ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797– Оп. 7, – Д. 23190, л. 29.

⁴⁶ Прот. Константин Зноско, Исторический очерк церковной унии. – С. 184; Киприанович, Григорий. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Очерк его жизни и деятельности по воссоединению западных православных униатов с православною церковию в 1839 г. – Григорий Киприанович. Вильно, 1894. – С. 169–170.

⁴⁷ Мірановіч, Антон. Праваслаўная Беларусь / Антон Мірановіч. – Беласток, 2009. – С. 128–129.

⁴⁸ Прот. Константин Зноско, Исторический очерк церковной унии... – С. 185.

⁴⁹ Киприанович, Григорий. Высокопреосвященный Иосиф Семашко... – С. 170.

⁵⁰ Мірановіч, Антон. Праваслаўная Беларусь / Антон Мірановіч. – Беласток, 2009. – С. 128–129.

Duchowni unicy, zwłaszcza białe duchowieństwo, nigdy nie było traktowane na równi z księżmi katolickimi.

Przy tak daleko posuniętym procesie latynizacji i polonizacji Cerkiew grekokatolicka znalazła się w trudnej sytuacji. Jej dalsze funkcjonowanie było niemożliwe. Stała przed alternatywą być wchłoniętą całkowicie przez Kościół rzymskokatolicki albo połączyć się z rosyjską Cerkwią prawosławną. Rozumiało to i duchowieństwo i wierni⁵¹.

W 1827 roku Józef Siemaszko opracował memoriał, w którym opisał sytuację cerkwi unickiej, dzieje unii i proponowane zmiany. W 1828 roku dokument ten otrzymał oficjalną akceptację⁵².

W latach 30. XIX wieku rozpoczął się proces szybkich przemian w Cerkwi unickiej, mających przede wszystkim na celu jej odlatynizowanie. Nasilił się on kiedy Siemaszko został biskupem litewskim. W okresie tym dokonywano zmian we wnętrzach cerkwi unickich, w nabożeństwach, w księgach. Dogmatykę oczyszczano z elementów łacińskich.

W połowie 1838 roku wnętrza i wyposażenie świątyń unickich było już praktycznie przygotowane do odprawiania prawosławnych nabożeństw.

Biskup Józef Siemaszko planując połączenie Cerkwi unickiej z prawosławną rozumiał uwarunkowania historyczne i specyfikę tego obszaru, dzieje unii i jak była ona wprowadzana. W swoich działaniach starał się unikać przemocy. Zdawał także sprawę jak ważne jest pozyskanie samych duchownych. 1 grudnia 1838 roku Siemaszko pisał «(...) naród będzie prawosławny tak szybko jak szybko będą prawosławni jego pasterze⁵³».

Zamysłem Siemaszki było jak najszybsze obsadzenie unickich parafii w Diecezji Litewskiej prawomyślnymi duchownymi, czyli akceptującymi dokonane i prowadzone zmiany, a przede wszystkim aprobującymi przyłączenie się do prawosławnej Cerkwi rosyjskiej. Nieprawomyślni duchowni mieli być odsunięci od parafii. Takie kryteria prawomyślności wobec duchownych unickich zastosowały wówczas władze cerkiewne.

Potwierdzeniem zgody na przyłączenie się do Cerkwi prawosławnej były składane przez duchowieństwo unickie, pisemne deklaracje.

Siemaszko starał się w pierwszej kolejności pozyskać wyższe duchowieństwo unickie. Pod koniec 1834 roku zebrał on w Diecezji Litewskiej już 114 takich deklaracji⁵⁴. Trzej kanonicy były kapituły brzeskiej, wtedy już protojereje: Antoni Tupalski, Michał Bobrowski i Antoni Sosnowski zajęli odmienne w tej kwestii stanowiska.

Kanonik Antoni Sosnowski, związany z Obwodem Białostockim, był także oficjał Greckounickiego Konsystorza Wileńskiego, nie tylko nie poparł reform i nie wyraził zgody na przyłączenie się do Cerkwi prawosławnej, ale jako inicjator stanął na czele opozycji duchownych w dekanacie bielskim⁵⁵. Sosnowski należał do starszego pokolenia, mocno spolonizowanych duchownych unickich, którzy otrzymali wykształcenie w kulturze polskiej⁵⁶.

Dziekani z polecenia władz, równolegle oceniali prawomyślność podległych im duchownych (informując ich o tym) i zbierali oświadczenia o ich gotowości przyłączenia się do Cerkwi prawosławnej. Takie pisemne deklaracje duchowieństwo unickie składało już od paru lat, ale dopiero na przełomie wiosny i lata 1838 roku władze zaczęły je egzekwować.

20 maja 1838 roku Siemaszko polecił biskupowi Antoniemu, wyegzekwowanie od dziekanów oświadczeń od podległych im duchownych⁵⁷.

Konsystorza 31 maja 1838 roku wydał zarządzenie, w oparciu o pismo Siemaszki z 20 maja, w którym zażądano od dziekanów zaświadczeń o prawomyślności i umiejętność

⁵¹ Мірановіч, Антон. Праваслаўная Беларусь / Антон Мірановіч. – Беласток, 2009. – С. 130.

⁵² Орловский, Е. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX с. (1794–1900). – Гродно, 1903. – С. 54-55.

⁵³ Киприанович, Григорий. Высокопреосвященный Иосиф Семашко.... – С. 53.

⁵⁴ Орловский, Е. Судьбы православия... – С. 90.

⁵⁵ Там же. – С. 104.

⁵⁶ Мірановіч, Антон. Праваслаўная Беларусь / Антон Мірановіч. – Беласток, 2009. – С. 134-135.

⁵⁷ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академіею Наук по завещанию автора, Т. III. – Санкт-Петербург. – С. 367-368.

ciach podległych im duchownych. Nieprawomyślnych duchownych nakazano wzywać do Żyrowic w celu ich przeegzaminowania⁵⁸. Tym, którym dziekani wystawiali negatywne opinie i nie przynosiła rezultatów edukacja przy soborze w Żyrowicach, groziła czasowa degradacja na niższe stanowiska bądź przeniesienie i poddanie pod nadzór bardziej wykształconych i prawomyślnych duchownych⁵⁹.

20 czerwca 1838 roku Siemaszko wystosował pismo ponagląjące do biskupa Antoniego, aby zażądał od dziekanów 16 dekanatów zaświadczeń o prawomyślności podległych im duchownych, prosząc jednocześnie o pisemne wyjaśnienie powodów nieprawomyślności duchownych, jeśli tacy będą⁶⁰.

Biskup Siemaszko przypominał, że do 14 lipca 1838 roku nie otrzymał jeszcze z 8 dekanatów zaświadczeń o prawomyślności duchownych, w tym także z bielskiego i z białostockiego. Prosił biskupa Antoniego o niezwłoczne załatwienie sprawy⁶¹.

Dziekan białostocki Markiewicz zebrany 21 czerwca 1838 roku w Puchłach, przy okazji rozdzielania Świętego Mirra, 14 podległym duchownym ogłosił ukaz Konsystorza. Księża przekazaną informację potwierdzili pisemnie, o czym poinformował Markiewicz biskupa Antoniego – 22 lipca, a Konsystorz raportem z 27 lipca. Za nieprawomyślnych w swoim dekanacie Markiewicz uznał dwóch duchownych. Byli to, zawieszony już w czynnościach paroch cerkwi w Nowym Dworze – Bartłomiej Zubelewicz i wikary cerkwi w Supraślu – Kazimierz Turowski (nabludatieleм cerkwi w Supraślu był wtedy Wasilij Myszkowski). W wyjaśnieniach Markiewicz pisał, że są to duchowni niedoświadczeni, nie radzą sobie i ze zwyczajnym uporem nie wypełniają rozporządzeń władz⁶².

Adam Kostycewicz – dziekan bielski, także przy okazji rozdzielania Świętego Mirra, zebrany w cerkwi w Czarnej 14 czerwca 1838 roku duchownym, ogłosił rozporządzenie Konsystorza z 31 maja oraz to dotyczące składania deklaracji⁶³.

W dekanacie bielskim sytuacja kształtowała się odmienna. Większość duchownych nie zadeklarowała jeszcze pisemnie gotowości na przyłączenie się do prawosławia. Doszło do jawnego sprzeciwu przeciw rozporządzeniom władz cerkiewnym. Na czele opozycji stał Antoni Sosnowski z Kleszczel.

Deklarowanie zgody na przyłączenie się do Cerkwi prawosławnej w Obwodzie Białostockim kształtowało się następująco. W dekanacie białostockim w 1838 roku oświadczenia takie złożyło łącznie 20 duchownych unickich. Byli to: dziekan i proboszcz cerkwi w Rybołach – Lew Markiewicz, wicedziekan – duchowny z Dojlid – Onufry Gogolewski, wikary z Puchłów – Piotr Maliszewski, wikary z Suraża – Bazyli Myszkowski, proboszcz z Siderki – Jan Sawicz, proboszcz z Kuźnicy – Józef Kojalowicz, proboszcz w Jaczna – Ignacy Łopuszyński, proboszcz z Puchłów – Ilia Krupicki, proboszcz z Fast – Wincenty Gogolewski, wikary z Choroszczy – Jan Kuczeski, proboszcz z Topilca – Mateusz Bazylewski, proboszcz z Jurowlan – Antoni Kaczanowski, proboszcz z Potoki – Antoni Hiereminowicz, proboszcz z Ostrowia – Józef Wolkowicz, proboszcz z Samogródu – Grzegorz Krasowski, proboszcz z Nowej Woli – Jan Knyszynski, proboszcz z Gródka – Józef Skalski, wikary z Ryboł – Jan Kurianowicz, duchowny z Nowego Dworu – Bartłomiej Zubelewicz, duchowny z Supraśla – Kazimierz Turowski⁶⁴.

⁵⁸ Litewskie Państwowe Archiwum Historyczne (dalej: LPAH) w Wilnie. – Ф. 605. – Оп. 1. – Д. 3449. Postanowienia Konsystorza z 31.05. 38, l. 3-3ob.

⁵⁹ LPAH. – Ф. 605. – Оп. 1. – Raporty dziekanów, opinie o zdolnościach i prawomyślności duchownych 3449 Pismo Siemaszki do Konsystorza z 20.05. 1838 l. 1.

⁶⁰ Записки Иосифа, митрополита Литовскаго. – Т. III. – С. 380-381.

⁶¹ Там же. – С. 384.

⁶² LPAH w Wilnie. – Ф. 605. – Оп. 1. – Wilno. – Ф. 605. – Оп. 1. – d. 3449, l. 31-32.

⁶³ LPAH w Wilnie. – Ф. 605. – Оп. 1. – 3449 Raport Kostycewicza z 23.06.1838 l. 57-59.

⁶⁴ РГИА в Санкт Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 348, l. 1.

Wszyscy ci duchowni złożyli podpisy w 1838 roku, zdecydowana większość w maju. Nie ma pewności tylko co do trzech duchownych, przy oświadczeniach, których brakuje daty. W przypadku dwóch pierwszych osób na liście – dziekana Lwa Markiewicza i wicedziekana Onufrego Gogolewskiego, ze względu na pełnione funkcje, mogła to być data wcześniejsza. Możliwy jest nawet rok 1837. Daty brakuje również przy ostatnim oświadczeniu pod numerem 20 – Kazimierza Turowskiego, duchownego z Supraśla. Kolejność jak i sytuacja w tej parafii sugerują, że była to data późniejsza, jednak 1838 rok⁶⁵.

Jako jeden z pierwszych oświadczenie złożył, nauczony doświadczeniem, duchowny z Puchłów – Piotr Maleszewski – 13 stycznia 1838 roku. Spośród parochów aż 13 podpisało oświadczenia w maju. Byli to: Ignacy Łopuszyński 31 – maja, Ilia Krupicki – 31 maja, Jan Kuczewski – 19 maja, Mateusz Bazylewski – 19 maja, Antoni Kaczanowski – 28 maja, Antoni Hieresimowicz – 26 maja, Józef Wolkiewicz – 27 maja, Grzegorz Krasowski – 27 maja, Jan Knyszyński – 26 maja, Józef Skalski – 27 maja, Jan Kurianowicz – 15 maja, Wincenty Gogolewski – 19 maja, Bazyl Myszkowski – 24 maja. W czerwcu 1838 roku deklaracje złożyli kolejni duchowni: Jan Sawicz – 2 czerwca, Józef Kojalowicz – 3 czerwca i Bartłomiej Zubelewicz – 23 października⁶⁶.

Oświadczenia były prawie identycznej treści. Podpisujący je duchowni deklarowali gotowość, a w jednym przypadku życzenie, przyłączenia się do grekorozyjskiej Cerkwi. W dwóch oświadczeniach informowali, że w pozostałych sprawach zdają się na rozsądek swoich władz. Wszyscy duchowni dekanatu białostockiego prosili o pozwolenie golenia bród i noszenia stroju unickiego duchownego, podobnego do stroju księży rzymskokatolickich. Ale tylko jeden z nich – Kazimierz Turowski, podał powód, tłumacząc to przyzwyczajeniem się wiernych do takiego wyglądu parocha. Władze duchowne nie sprzeciwiały się temu. Część duchownych prosiła dodatkowo o pozostawienie ich w dotychczasowych parafiach. Wszystkie oświadczenia były pisane w języku rosyjskim. Charakter pisma wskazuje na to, że duchowni pisali je osobiście bądź składali cyrylicą tylko podpisy, za wyjątkiem Kazimierza Turowskiego z Supraśla, który podpisał się łacinką w języku polskim⁶⁷.

Odmienne kształtowała się sytuacja w dekanacie bielskim. Latem 1838 roku większa część duchownych unickich odmówiła złożenia żądanych oświadczeń, tłumacząc to przysięgą składaną na wierność papieżowi. Z tym, że tu już wcześniej część duchownych złożyła takie deklaracje.

Pisemne oświadczenia, do początku sierpnia 1838 roku, złożyli następujący duchowni. Jako pierwszy zadeklarował się dziekan Adam Kostecewicz – 31 stycznia 1836 roku, proboszcz cerkwi w Narwi – Franc⁶⁸ Łopuszyński – 29 lipca 1837, proboszcz cerkwi w Andryjankach – Dymitr Charsiewicz – 29 listopada 1837, proboszcz cerkwi w Czarnej – Szymon Warpechowski – 8 grudnia 1837, proboszcz cerkwi w Narojkach – Andrzej Noskowicz – 6 grudnia 1837, nabludatiel cerkwi w Żurobicach – Sylwester Żebrowski – 30 listopada 1837, proboszcz cerkwi w Drohiczyźnie – Jakub Tymiński – 5 grudnia 1837, proboszcz cerkwi w Ciechanowcu – Władysław Czapkowski – 24 marzec 1838, proboszcz cerkwi w Siemiatyczach – Jan Pilecki⁶⁹ – 24 marca 1838, proboszcz cerkwi w Łosince – Benedykt Tielakowski – 14 czerwca 1838, proboszcz cerkwi w Maleszach – Józef Gapanowicz – 24 marca 1838, proboszcz cerkwi w Wólce – Kyrył Charkiewicz – 14 czerwca 1838, proboszcz cerkwi w Dubiczach – Antoni Kraskowski – 18 czerwca 1838, proboszcz cerkwi w Orli – Aleksiej Makowielski – 17 lipca 1838, proboszcz cerkwi katedralnej w Bielsku – Stefan Białawski – 19 czerwca 1838, proboszcz cerkwi w Kośnej – Fadij Tarasiewicz – 7 sierpnia 1838, wikary cerkwi w Kośnej – Dionizy Lewicki – 30 lipca 1838 roku, proboszcz cerkwi w Grodzisku – Stefan Budziłowicz – 2 lipca 1838⁷⁰.

⁶⁵ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 348, л. 20.

⁶⁶ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 348, л. 1-2.

⁶⁷ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 348.

⁶⁸ Православне імя – Атаназы.

⁶⁹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 4.

⁷⁰ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 3.

Władze diecezjalne nakazały dziekanom, aby zobowiązali duchownych do zachowania tajemnicy i nie informowali o tym, ani parafian, ani siebie nawzajem. To polecenie było respektowane za wyjątkiem powiatu bielskiego. Tutaj Kostycewicz zebrawszy duchownych ogłosił im rozporządzenie jednocześnie. Sprzeciwiło się 24 duchownych, odmówili złożenia oświadczeń tłumacząc się przysięgą składaną papieżowi podczas święceń kapłańskich⁷¹. Z powiatu bielskiego byli to: wikary cerkwi w Pasynkach – Bartłomiej Zarzełowicz, proboszcz z Klejnik – Jan Bańkowski, wikary z Klejnik – Wasilij Siewiernowicz, proboszcz z Nowego Berezowa – Antoni Pańkowski, wikary z Nowego Berezowa – Joachim Iwanowski, proboszcz z Czyż – Faust Goworski, wikary teje cerkwi – Filip Szeszko, proboszcz z Kornina – Szymon Koźmiński, wikary teje cerkwi – Lew Koźmiński, proboszcz ze Szczyt – Michał Bańkowski, proboszcz cerkwi Zmartwychwstania Pańskiego w Bielsku – Józef Ławrynowicz, wikary z Rajsa – Stanisław Ostaszewski, proboszcz z Hryniewicz – Mikołaj Demianowicz, wikary teje cerkwi – Jan Imszanik, proboszcz z Kleszczel – starszy protojrej Antoni Sosnowski, wikary teje cerkwi – Piotr Sołosciukiewicz, drugi wikary cerkwi w Kleszczelach – Jan Demianowicz, proboszcz z Bociek – Bazyl Wisikierski, proboszcz z Brańska – Fiodor Michniewicz⁷². Natomiast z powiatu drohiczyńskiego oświadczeń nie złożyli: proboszcz z Mielnika – Florian Zienkowicz i proboszcz z Żerczyc – Andrzej Żebrowski⁷³.

Wszyscy duchowni mieszkali w zwartym obszarze. Największy sprzeciw okazali: Antoni Pańkowski, Faust Goworski, Szymon Koźmiński, Lew Koźmiński, Bazyl Wisikierski. To przy ich nazwiskach biskup Antoni postawił krzyżyk, a przy Antonim Sosnowskim nakreślił aż dwa⁷⁴. Ten ostatni działał poprzez innych duchownych.

15 duchownych unickich dekanatu bielskiego wystosowało pismo do cara, skarżąc się na władze duchowne, które żądają takich oświadczeń⁷⁵ i prosząc o obronę ich wiary od prześladowań. Do cara duchowni wysyłali także indywidualne pisma⁷⁶.

Ostatecznie do końca 1838 roku oświadczenia podpisało 38 duchownych. Najbardziej oporni w listopadzie i grudniu 1838 roku, a Antoni Sosnowski dopiero w marcu 1839 roku po zastosowaniu restrykcji.

Z drugiej strony część duchownych w dekanacie bielskim zaczęła deklarować gotowość przyłączenie się do prawosławia już w 1837 roku, a dziekan Adam Kostycewicz nawet 31 stycznia 1836 roku, wicedziekan Franc Łopuszynski – 29 lipca 1837 roku. Sylwester Żebrowski z Żurobic – 30 listopada 1837, Jakub Tymiński z Drohiczyzna – 5 grudnia 1837 roku, Andrzej Noskowicz z Narojek – 6 grudnia 1837, Siemion Warpechowski z Czarnej – 8 grudnia 1837 roku, Dymitr Charkiewicz Andryjanki – 29 listopada 1837 roku⁷⁷.

W pierwszej połowie 1838 roku oświadczenia podpisali: Józef Gapanowicz – wikary z Malesz 24 marca, Szymon Sidorski – diakon z soboru w Bielsku – 19 czerwca, Jan Pilecki z Siemiatycz – 24 marca 1838 roku, Władysław Czapkowski z Ciechanowca – 24 marca, Benedykt Tielakowski z Łosinki – 14 czerwca, Antoni Kraskowski z Dubicz – 18 czerwca, Cyryl Charkiewicz z Wólki – 14 czerwca, Stefan Bielawski z Bielska – 19 czerwca⁷⁸.

Latem 1838 roku oświadczenia złożyli: Stefan Budziłowicz z Grodziska – 2 lipca, Aleksiej Makowielski z Orli – 17 lipca, Fadiej Tarasiewicz z Kośnej – 7 sierpnia, Dionizy Lewicki z Kośnej – 30 lipca, Michał Bańkowski ze Szczyt – 19 sierpnia⁷⁹.

⁷¹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 73 об.

⁷² РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 3–3 об.

⁷³ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 4.

⁷⁴ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 3–3 об.

⁷⁵ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7. – Д. 23416, л. 14–15.

⁷⁶ Киприанович, Гигорий, Высокопреосвященный Иосиф Семашко.... – С. 51.

⁷⁷ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824 – Оп. 2. – Д. 349.

⁷⁸ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824 – Оп. 2. – Д. 349.

⁷⁹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824 – Оп. 2. – Д. 349.

Pomiędzy datami od lipca do listopada 1838 roku jest kilka oświadczeń bez daty. Podpisali je duchowni: Bartłomiej Zarzełowicz, wikary z Pasynek, Andrzej Żebrowski, proboszcz z Żerczyc, Florian Zienkiewicz z Mielnika, Józef Ławrynowicz, proboszcz cerkwi Zmartwychwstania Pańskiego w Bielsku, Filip Szeszo, wikary z Czyż, Stanisław Ostaszewski, duchowny z Rajska. Wszyscy oni odmówili wydania oświadczenia na początku lata 1838 roku⁸⁰.

Jako ostatni w dekanacie bielskim zgodę na przyłączenie się do prawosławia deklarowali, w listopadzie i grudniu 1838 roku duchowni: Mikołaj Gizewski z cerkwi Narodzenia Najświętszej Marii Panny w Bielsku – 23 listopada, Antoni Pańkowski z Nowego Berezowa – 26 listopada, Cyprian Żebrowski ponadetatowy duchowny – 23 listopada, Bazyli Wisikirski z Bociek – 5 grudnia, Faust Gaworski z Czyż – 30 listopada, Lew Koźmiński z Kornina – 30 grudnia, Jan Imszanik z Hryniewicz – 1 grudnia, Fiodor Michniewicz z Brańska – 17 grudnia, Jan Bańkowski, proboszcz z Klejnik – 17 grudnia, Piotr Sołociukiewicz wikary z Kleszczel – 19 grudnia, Jan Demianowicz wikary z Kleszczel – 19 grudnia, Bazyli Siewiernowicz wikary z Klejnik – 19 grudnia⁸¹.

W stosunku do Pańkowskiego, Gaworskiego, Lwa Koźmińskiego, Imszanika i Wisikońskiego władze cerkiewne zastosowały kary, jakim poddawano duchowieństwo – przeniesienie służbowe. Duchowni długo opierali się decyzjom władz. Z Obwodu Białostockiego wyjechali dopiero w maju 1839 roku.

Obok zgody na przyłączenie się do Cerkwi prawosławnej, zapewnienie respektowania rozporządzeń władz duchownych, znalazło się w oświadczeniach proboszcza cerkwi w Orli – Aleksiej Makowelskiego⁸², wikarnego cerkwi w Pasynkach – Bartłomieja Zarzełowicza⁸³, proboszcza cerkwi w Szczytach Michała Bańkowskiego⁸⁴, proboszcza cerkwi w Żerczycach Andrzeja Żebrowskiego⁸⁵, duchownego cerkwi w Mielniku – Floriana Zienkiewicza⁸⁶, duchownego cerkwi Narodzenia Najświętszej Marii Panny w Bielsku – Mikołaja Gizewskiego⁸⁷, Józefa Ławrynowicza proboszcza cerkwi Zmartwychwstania Pańskiego w Bielsku⁸⁸, duchownego cerkwi w Czyżach Filipa Szeszo⁸⁹, duchownego cerkwi w Rajsku Stanisława Ostaszewskiego⁹⁰.

Duchowni Dymitr Charsiewicz, Sylwester Żebrowski, Jakub Tymiński, Andrzej Noskowicz, Szymon Warpiechowski, Jan Pilecki, Władysław Czapkowski, Józef Gapanowicz, Benedykt Tielakowski, Antoni Krassowski, Cyryl Charsiewicz i Stefan Bielawski w oświadczeniach zobowiązywali się dodatkowo i z własnej inicjatywy do nakłaniania do prawosławia swoich parafian⁹¹.

Duchowni dekanatu bielskiego podobnie jak i białostockiego prosili o pozwolenie golenia bród i noszenia dotychczasowych strojów, sprzeciwiali się noszeniu riasy. Pięciu parochów: Benedykt Tielakowski z Łosinki, Aleksiej Makowelski z Orli, Fadiej Tarasiewicz z Kośnej, Dionizy Lewicki – wikary z Kośnej i Michał Bańkowski ze Szczyt, dodało życzenie o pozostawienie ich w dotychczasowych parafiach⁹².

W dekanacie bielskim większość duchownych pisała osobiście oświadczenia, a pozostali pod nimi tylko składali podpisy. 37 osób podpisało się po rosyjsku. Wikary cerkwi klejnickiej napisał facirńskimi literami «X. Bazylij Sewiernowicz»⁹³.

⁸⁰ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349.

⁸¹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349.

⁸² РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 17.

⁸³ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 20.

⁸⁴ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 21.

⁸⁵ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 22.

⁸⁶ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 23.

⁸⁷ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 24.

⁸⁸ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 25.

⁸⁹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 26.

⁹⁰ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 27.

⁹¹ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349.

⁹² РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 11, 17, 18, 19, 21.

⁹³ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349. I. 38.

Do 1 grudnia 1838 roku w Diecezji Litewskiej oświadczenia złożyło łącznie 775 duchownych, sprzeciwiało się wciąż 160, w tym dziesięciu z dekanatu bielskiego. Byli to: Bazyl Wiśnikowski, proboszcz z Bociek, który złożył deklarację 5 grudnia, Faust Gaworski, z Czyż – 30 listopada, Lew Koźmiński z Kornina – 30 grudnia, Jan Imszanik, duchowny z Hryniewicz – 1 grudnia, Fiodor Michniewicz, proboszcz cerkwi w Brańsku – 17 grudnia, Jan Bańkowski, proboszcz cerkwi w Klejnikach – 17 grudnia, Piotr Sołociukiewicz, wikary cerkwi w Kleszczelach – 19 grudnia, Jan Demianowicz, wikary cerkwi w Kleszczelach – 19 grudnia, Bazyl Siewiernowicz, wikary cerkwi w Klejnikach – 19 grudnia⁹⁴.

Do końca grudnia 1838 roku w Obwodzie Białostockim oświadczenia złożyli już wszyscy duchowni, za wyjątkiem Antoniego Sosnowskiego. Biskup Siemaszko poprzez Protasowa prosił o pozostawienie ich w dotychczasowych parafiach⁹⁵.

W raporcie z 3 stycznia 1839 roku biskup Antonii pisał, że w Obwodzie Białostockim wszyscy parafianie uspokoili się. Spośród duchowieństwa deklaracji o gotowości przyłączenia się do Cerkwi prawosławnej nie złożyli już tylko Antoni Sosnowski i dwóch starszków, którzy nie pełnili funkcji proboszczów i nie byli w stanie wywrzeć wpływu na innych, tym bardziej, że ich synowie złożyli oświadczenia⁹⁶. Antoni Sosnowski uczynił to dopiero w marcu 1839 roku⁹⁷. Zastosowane wobec kilku duchownych restrykcje ostatecznie miały charakter przeniesień służbowych.

Pogranicze konfesyjnoetniczne, które zasięgiem obejmowało Obwód Białostocki, w widoczny sposób oddziaływało na zachodzące tu przemiany wyznaniowe. Z jednej strony nasilony był tu proces polonizacji i łatinizacji Cerkwi unickiej, a z drugiej strony nie bez znaczenia pozostawały także kontakty grekokatolików z wiernymi i księżmi Kościoła rzymskokatolickiego.

⁹⁴ РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 824. – Оп. 2. – Д. 349.

⁹⁵ Киприанович, Григорий. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Очерк его жизни и деятельности по воссоединению западнорусских униатов с православною церковию в 1839 г. – Григорий Киприанович. Вильно, 1894. – С. 51.

⁹⁶ РГИА в Санкт Петербурге. – Ф. 797. – Оп. 7, – Д. 23416, л. 70.

⁹⁷ Киприанович, Григорий. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Очерк его жизни и деятельности по воссоединению западнорусских униатов с православною церковию в 1839 г. – Григорий Киприанович. Вильно, 1894. – С. 52.

Раздел 3. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

А.И. Зеленков

Белорусский государственный университет, г. Минск

ИДЕЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОТУРИЗМА

Идея устойчивого развития находит широкое признание и заслуженную популярность в Республике Беларусь как независимом и суверенном государстве. Разделяя основные рекомендации и принципы принятой в 1992 году в Рио-де-Жанейро программы стратегических мер по стабилизации социально-экономического развития с учетом целей сохранения окружающей среды для будущих поколений, Беларусь считает необходимым осуществить переход к устойчивому развитию, обеспечивающему органичное соединение задач социально-экономического и экологического плана [2, с. 3].

Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) Республики Беларусь была разработана в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь № 197 от 20 марта 1996 года в целях обеспечения эффективного участия страны в европейском и мировом хозяйственно-экономическом процессе, исходя из рекомендаций и принципов, изложенных в документах конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92), а также решений Комиссии ООН по устойчивому развитию.

НСУР была подготовлена Научно-исследовательским экономическим институтом Минэкономики РБ с участием ведущих ученых и специалистов НАН РБ, Минприроды, Бел-НИЦ «Экология» и других организаций на основе предложений, представленных министерствами и другими республиканскими органами управления, облисполкомами и Минским горисполкомом. Она была одобрена Национальной Комиссией по устойчивому развитию 31 января 1997 г. и Президиумом Совета Министров РБ 25 марта 1997 г.

В качестве базовых компонентов в содержании модели устойчивого развития Республики Беларусь выделены три фундаментальных блока:

- новая цивилизационная стратегия, парадигма общественного прогресса и новые принципы взаимодействия природы, хозяйства и человека;
- тип создаваемого государства и общества;
- перспективная модель экономики [2, с. 5].

Одним из приоритетов устойчивого развития Беларуси является потенциально возможное использование конкурентных преимуществ, связанных с природно-экологическими условиями развития туристической индустрии. В связи с этим экологический туризм все более осязаемо превращается в наиболее динамично развивающуюся отрасль рекреационной экономики.

Весьма симптоматичны в этом контексте тенденции развития туристической индустрии в Беларуси, которые наглядно обозначились в последние годы. Сегодня правительство Беларуси рассматривает туризм как одну из приоритетных и перспективных отраслей развития национальной экономики. Дальнейшее развитие туристической индустрии в Беларуси предполагает активное и творческое использование опыта других стран в этой сфере деятельности. Особенно ценным этот опыт становится

тогда, когда он наработан в условиях, во многом схожих с белорусской ситуацией. И здесь, конечно, необходимо в первую очередь самым внимательным образом изучать практику организации туристической индустрии в современной Польше, которая, по мнению многих экспертов, в последние годы стала одним из региональных лидеров туристического сектора [1, с. 105].

Большое значение в данной связи Беларусь придает сотрудничеству с дружественной Польшей, поскольку ряд бесценных природно-экологических комплексов и памятников культуры, которыми по праву могут гордиться оба государства, расположены в приграничных районах наших стран.

Уже более 10 лет совместными усилиями белорусских и польских исследователей разрабатываются актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания в рамках сотрудничества между Белорусским государственным университетом (Минск) и Гуманитарной Академией им. Александра Гейштора (Пултуск).

В это сотрудничество вовлечены не только ученые и профессора двух высших учебных заведений Польши и Беларуси, но также свой посильный вклад в развитие наших академических контактов вносят студенты и аспиранты. В июне-июле 2004 г. кафедрой философии и методологии науки БГУ в рамках международного научного сотрудничества была организована польско-белорусская летняя школа по социально-экологической и историко-культурологической проблематике, которая проходила на базе Белорусского государственного университета и Гуманитарной Академии имени А. Гейштора.

В рамках работы летней школы студенты и аспиранты Белорусского государственного университета провели серию встреч и научных семинаров с польскими студентами Гуманитарной Академии им. Александра Гейштора. Маршрут летней школы между Минском и Пултуском пролегал вдоль замечательных мест, культурных и природно-экологических достопримечательностей Беларуси и Польши.

Они изучили многие культурно-исторические памятники, расположенные на территории наших стран, посетили Национальные парки и другие природоохранные объекты, глубже познакомились с культурными традициями дружественных славянских народов, спецификой социально-экологических проблем, совместно решаемых соседними государствами.

Результатом данного международного сотрудничества явилась вышедшая в 2004 г. книга «Человек – Экология – Культура в польско-белорусском диалоге». Она была подготовлена по материалам польско-белорусской летней школы по социально-экологической и историко-культурологической проблематике (БГУ – WSH июль 2004 г.). В своих исследованиях они акцентировали внимание на общности исторических традиций, которые выкристаллизовывались веками в ходе драматических коллизий, происходивших на пространствах Восточной Европы. Это совместное культурно-историческое наследие народов Польши, Беларуси, России и сегодня весьма востребовано, поскольку помогает существенно углубить понимание социальных и экологических проблем, с которыми сталкиваются наши народы на рубеже XX – XXI столетий.

Результатом нового совместного белорусско-польского проекта явилась книга «Августовский канал и современный экотуризм». Авторский коллектив новой монографии – это ученые и специалисты из ведущих университетов и научно-исследовательских центров Польши и Беларуси – Белорусского государственного университета, Национальной Академии Наук Республики Беларусь, Государственного государственного технологического университета, Гродненского государственного аграрного университета, а также Гуманитарной Академии имени Александра Гейштора, Варшавского Университета и других научно-образовательных центров Польши.

Эта книга продолжает традицию предшествующих белорусско-польских научных исследований. Она посвящена концептуально-теоретическому осмыслению современной социально-экологической проблематики, приобретающей жизненно важное значение для мира в целом, и региона Центральной и Восточной Европы, в частности. Обсуждаемая в книге социально-экологическая проблематика связана с ана-

лизом современного состояния и перспектив развития экотуризма в белорусско-польском межгосударственном и кросс-культурном диалоге. Проблемы развития экотуризма в его настоящем и будущем анализируются в определенном этнокультурном и региональном контексте – в зоне Августовского канала, где соединяются культурные традиции и экосистемы Польши и Беларуси.

На примере конкретного социально-экологического проекта убедительно показано, что идеология экотуристической деятельности должна определяться не только соображениями экономической эффективности и рекреационной привлекательностью туристических услуг. Она с необходимостью должна включать в себя также требования сохранности биологического разнообразия в экосистемах туристических зон; организации эффективной заповедной деятельности; экологически оптимального поведения людей там, где их влияние может оказаться разрушительным для окружающей природы.

В настоящее время инженерно-техническая реконструкция Августовского канала почти завершена, и постепенно становится реальностью его социально-культурное возрождение. Сегодня именно туризм, в том числе экологический, – наиболее привлекательная и перспективная область использования Августовского канала как для Польши, так и для Беларуси. В современных условиях идея продолжения строительства в зоне Августовского канала, с подключением в его орбиту потенциальных возможностей Днепро-Бугского, Огинского и Виндавского каналов, обретает достаточно реальные очертания. А это означает, что открываются захватывающие перспективы создания общей европейской системы каналов, которые могут соединить бассейны Балтийского и Черного морей в единую социально-экологическую и туристическую зону. Обоснованная в данной книге программа комплексного исследования экотуризма, с учетом развития туристических и социально-коммуникационных возможностей искусственных водных артерий и каналов на территории Восточной Европы, является весьма перспективной и открывает перед нами перспективы дальнейшего сотрудничества, призванного продолжить и углубить традиции белорусско-польского диалога в сфере науки и культуры.

Список литературы

1. Кропинова, Е.Г. Опыт управления туристической отраслью в Польше / Е.Г. Кропинова, И.И. Жуковский // Вестник Калининградского университета. Серия «Регионоведение». – 2004. – № 6. – С. 105.

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь. – Минск, 1997. – С. 3.

Д.В. Карев

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ИНФОРМАЦИОННО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА В СУБРЕГИОНЕ (проблемы изучения и использования)

Для понимания социальной сущности феномена регионального развития следует обратиться к его содержанию, во многом определяемому предшествующей исто-

рической традицией. Это положение особенно актуально для выявления специфики крупных макрорегионов Беларуси, где роль и влияние предшествующего социально-политического и социо-культурного контекста были определяющими. К последним с полным основанием относится и западно-белорусский регион. К сожалению, многие ракурсы его специфики, определяемые историей, до сегодняшнего дня не стали предметом детального краеведческого и историко-экономического анализа, а самое главное, крайне слабо, зачастую на декларативном уровне, включаются в модель развития региона и практику региональной экономической политики в сфере туризма. Момент трудно объяснимый, тем более что сами регионалисты не раз справедливо отмечали, что управленческий аспект формирования теории экономического региона, требуя максимального учета особенностей современного развития, не отвергает опыта прошлых этапов, предполагает сохранение обособнанной преемственности [1].

Проблема европейской интеграции сегодня неразрывно связана со все возрастающими процессами регионализации. Одной из целей современного регионализма в Европе является этническое пробуждение, возвращение к корням, строительство «маленьких отчизн», но не для замыкания в своей региональной «скорлупе», а для более успешной продажи своей «эксклюзивности» в рамках системы мирового разделения труда и преодоления государственных границ через реанимацию органичных ландшафтно- и цивилизационно близких евروهгионов [2]. Значительная роль в этих процессах может принадлежать историко-культурному туризму.

Изучая особенности социально-экономического развития Западной Беларуси с конца XVIII и до XX в., исследователи неоднократно отмечали, что в этом регионе в силу особенностей исторического развития быстрее, чем на востоке Беларуси, формировались товарно-денежные отношения и рынок, закладывались основы перехода к более прогрессивной буржуазной системе общественных отношений как в аграрном, так и в промышленном секторах экономики (реформы А. Тизенгауза в Гродно, инвентарная реформа гр. П. Д. Киселева в западных губерниях; особый режим проведения реформы 1861 г. в Западной Беларуси и др.). Эта специфика региона была закреплена в ходе социально-экономического развития Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой в межвоенный период, где в целом в отличие от территорий, входящих в БССР, сохранились традиции развития экономической системы рыночного типа [2].

Поздняя, и не столь катастрофичная, как на Востоке, советизация и «коллективизация» крестьянства региона (в конце 40-х – нач. 50-х гг. XX в.) позволила сохранить экономическую психологию и менталитет хозяина у значительной части населения края. Коренная институциональная перестройка экономической инфраструктуры региона и образа жизни населения (в направлении урбанизации и индустриализации) произошла только в 60-х – 90-х гг. XX в., что породило немало проблем после распада Советского Союза и поиски своего нового места под «экономическим солнцем» в системе новых геополитических и геоэкономических реалий. При всех сложностях переходного периода западная часть Беларуси (в особенности, Гродненская область), как отмечают исследователи, тяготеет к западной модели экономических и социальных отношений. Восточная часть также объективно и закономерно ориентируется на Россию [3].

Начало XXI века, обозначив для жителей западно-белорусского региона новые вызовы, вместе с тем предоставляет и новые перспективы для позитивной реализации своего будущего в пространстве единой «Европы регионов». Факторы, имеющие позитивное влияние на развитие и углубление дружественных отношений между Беларусью, Польшей и Литвой (особенно значимые в сфере западно-белорусского пограничья), это:

1. Преобладание положительного заряда в этнических и культурных стереотипах восприятия литовцами, белорусами и поляками друг друга, во многом объясняемого предшествующей исторической традицией.

2. Расположение в центре Восточной Европы превращает Беларусь, Литву и Польшу в узел взаимовыгодных панъевропейских транспортных и энерго-сырьевых коммуникаций. Совместная заинтересованность этих государств в роли «моста» меж-

ду Западной Европой и Россией создает предпосылки для расширения прочного экономического и культурного сотрудничества.

3. Заинтересованность как Запада, так и России в экономической и политической стабильности в зонах еврорегионов «Неман» и «Буг» (Беларуси, Польши и Литвы, Украины) в силу указанной выше причины.

4. Смена поколений в Беларуси, Литве, Польше и Украине, появление поколения, гораздо более ориентированного на современную модель массовой европейской культуры.

5. Переориентация внешней торговли Беларуси со стран СНГ на страны дальнего зарубежья и активное использование ею балтийских портов.

6. Отсутствие влиятельных экстремистских сил как в сфере политики, так и среди национальных меньшинств в Западной Беларуси, Литве и Польше.

7. Ориентация молодого и среднего поколений белорусов на более высокие стандарты «качества жизни» в Западной и Центральной Европе [3; с. 4].

Реальное развитие институтов и механизмов социо-культурного и экономического сотрудничества народов еврорегионов «Неман» и «Буг» способно как снизить «риски» неверных управленческих решений, так и реализовать позитивные возможности, превратив их в реалии близкого будущего. Первыми обязательными шагами на этом пути должны стать – инвентаризация накопленного исторического опыта в сфере межрегиональных отношений народов пограничья и включение его через созданный информационно-ресурсный потенциал в практику реального созидания «мостов» культурного взаимодействия (прежде всего, это целесообразно сделать через расширение масштабов историко-культурного туризма). Разумеется, без предварительной солидной работы по созданию механизма реализации этого направления сами «мосты» не будут иметь прочных опор. Поэтому к задачам первоочередного порядка в этом направлении можно отнести:

- создание временных творческих коллективов (ВТК) ученых, работающих на решение проблем еврорегионов «Неман» и «Буг»;

- формирование при рабочих органах управления еврорегионов «Неман» и «Буг» информационно-аналитических центров, координирующих работу ВТК и концентрирующих информацию о еврорегионах в системные базы данных;

- учреждение единого печатного органа «Культуры и народы» еврорегионов «Неман» и «Буг», способного эффективно транслировать идеи его организаторов и проводников среди населения субрегионов;

- создание международной летней школы еврорегионов «Неман» и «Буг» с активным участием в ее работе представителей наиболее заинтересованных в реализации проекта государств (Беларусь, Литва, Польша, Россия, Швеция, Германия, Дания, Украина). Школа по своим функциям должна стать «инкубатором кадров» будущих экспертов этих еврорегионов, популяризаторов идей проекта в государствах-участниках.

Поскольку именно Польша и Литва на сегодняшний день являются основными и чрезвычайно важными партнерами Республики Беларусь на западном направлении как в плане важности социально-экономических, политических и культурных взаимосвязей и интересов народов-соседей, так и глубины сложившихся исторических традиций взаимного сосуществования, значение польского и литовского факторов с момента вступления Польши и Литвы в ЕС не только не уменьшается, а, наоборот, значительно возрастает. В то же время в Республике Беларусь отсутствует основательная традиция системного и комплексного изучения ближайших западных соседей, что ослабляет возможности не только исследовательских, но и управленческих структур нашего государства в прогнозировании модели геоэкономического и геополитического поведения государств-соседей в ближайшей и среднесрочной исторической перспективе. Наличие такой информации и структур, занимающихся ее накоплением и анализом, особенно актуально в условиях приграничного региона, расположенного не только на стыке внешних границ государства, но и на стыке цивилизационного пограничья, которыми являются субрегионы «Неман» и «Буг». В этих условиях для стран-партнеров (Беларуси, Литвы и Польши) чрезвычайно важно выработать научно обоснован-

ную, сбалансированную, корректную политику в сфере как национально-культурных, так и социально-экономических отношений, а затем проводить ее в интересах обоих народов, снижая возможные весьма реальные риски, вызванные сегодняшними геополитическими (вступлением Польши и Литвы в ЕС и НАТО) и социально-экономическими трансформационными изменениями, которые болезненно идут как в польском, литовском, так и в белорусском обществах [3; 5].

Информация об особенностях развития западно-белорусского региона нарабатывалась поколениями исследователей XIX – XX вв. поможет более пристально и конкретно выделить перспективные точки «развития будущего» во взаимоотношениях народов белорусско-польско-литовского пограничья.

Изучение особенностей Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой являлось одним из наиболее важных направлений исторической науки и экономической мысли Беларуси на протяжении 20 – 90-х гг. XX в. На разработку проблем социально-экономического, политического и культурного развития западно-белорусского региона значительный отпечаток накладывали изменения в общественно-политической ситуации в стране, внимание к этим проблемам советских и партийных органов, стремившихся направить их разработку в русло решаемых ими управленческих и идеологических задач. В 20-е – 30-е гг. XX в. в БССР были созданы специальные научно-исследовательские учреждения, которые изучали и анализировали ситуацию в западной части Беларуси (с 1926 г. – Комиссия по изучению Западной Белорусии; с 1931 г. – Западный сектор Института истории партии при ЦК КП(б)Б. Эти учреждения проделали значительную работу по изучению и освещению в печати вопросов истории революционного и национально-освободительного движения в Западной Беларуси, исследованию особенности социально-политической и экономической специфики региона. Аналогичная исследовательская работа проводилась и на территории самой Западной Беларуси Виленским белорусским историко-этнографическим музеем им. И. Луцкевича, Белорусским научным товариществом при Виленском университете и Белорусским институтом хозяйства и культуры. Эта же проблематика продолжала разрабатываться в историко-экономической мысли Беларуси послевоенного периода (50-е – 90-е годы XX в.: работы Т.Ю. Глинской, А.Н. Мацко, В.А. Полуяна, В.Ф. Ладысева, П.И. Бригадина, В.Н. Михнюка и др.). Нельзя не отметить, что работы, посвященные социально-экономическим вопросам развития западно-белорусского региона, занимают в общем массиве исторической информации, посвященной Западной Беларуси, сравнительно небольшое место. К тому же большая часть историков, рассматривавших эти проблемы, как правило, не владела навыками профессионального экономического анализа. В работах белорусских экономистов второй пол. XX – нач. XXI вв. историко-экономические ракурсы развития региона не получили достойного освещения. Экономический анализ ситуации в регионе, как правило, начинался с «чистого листа», так, как будто предшествующая традиция в развитии региона не оказывала никакого влияния на его нынешнее состояние (это в равной мере относится и к работам, связанных с исследованием проблемы туристического бизнеса). Вывод, который вытекает из этой ситуации, очевиден – необходимо при создании сегодняшней модели регионального развития синтезно совместить оба этих подхода (историко-генетический и методы экономического анализа). Их совмещение позволит выработать более адекватную и корректную модель сегодняшней ситуации в западно-белорусском регионе и наметить пути решения его проблем с помощью наиболее эффективных управленческих решений как в сфере региональной политики в целом, так и в области историко-культурного туризма в частности.

Решение обозначенной проблемы особенно важно при создании информационной модели потенциала внутреннего туризма региона, когда возникает вопрос определения наиболее привлекательных туристских территорий, которые в дальнейшем могут принести поставщику туристских услуг наибольшую прибыль. Только по результатам анализа

потенциальной емкости и привлекательности туристического рынка возможно реалистическое прогнозирование основных параметров и направлений туризма в субрегионе [6].

Список литературы

1. Региональная экономика: Проблемы и перспективы: материалы международной межвузовской научной конференции. – Гродно: ГрГУ, 1998.
2. Карев, Д.В. Историческая традиция и формирование этнокультурных связей народов еврорегиона «Неман» (X – XX вв.) / Д.В. Карев // Еврорегион «Неман»: вопросы развития: сборник информационных материалов. – Гродно, 1999. – С. 37 – 41.
3. Карев, Д.В. Проблемы эффективности еврорегиона «Неман» в контексте расширения Европейского Союза / Д.В. Карев // Расширение Европейского Союза и Беларусь: в поиске новой политики. – Минск: Белфакс, 2003. – С. 24 – 26.
4. Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця Заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. 23–24 красавіка 1998 г. – Брэст: БрДУ, 1998.
5. Этнасацыяльныя і культурныя працэсы у Заходнім рэгіёне Беларусі гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 5–6 снежня 1997 г. – Гродна: ГрДУ, 1998.
6. Шамов, О. В. Организационно-экономические аспекты развития регионального туризма Гродненской области / О.В. Шамов // Региональная экономическая политика. Ч. 2. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 105–110.

С.И. Рапецкая

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Фундаментом экономики является производство, которое непрерывно возобновляется для удовлетворения возникающих и растущих потребностей людей. При этом любой процесс создания благ или оказания услуг предполагает использование ресурсов – трудовых, материальных, природных и финансовых. Динамизм экономических отношений определяется постоянным повторением фаз воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления экономических благ. В этой связи постоянно возникают предпосылки и необходимость воспроизводства рабочей силы как фактора производства, которое связано с подготовкой рабочей силы, ее распределением и перераспределением, возмещением потребленной рабочей силы.

В отношении по поводу производства рабочей силы люди вступают при восстановлении затраченных ими в труде физических и духовных сил, а также в процессе становления способности к труду. Эта совокупность производственных отношений включает в себя отношения по поводу потребления материальных благ и всевозможных услуг, а также отношения непосредственного производства, связанные с совершенствованием рабочей силы. Отношения по поводу распределения рабочей силы связаны с включением индивидуальной рабочей силы в состав совокупной, адекватной структуре оживляемых ею средств производства. Это отношения по поводу регионального, профессионального и отраслевого движения рабочей силы. Они выступают в виде баланса трудовых ресурсов, межотраслевого дифференцированного регулирования заработной платы, организованного набора рабочей силы, государственно-

го субсидирования добровольного переселения трудящихся в другие районы. Отношения распределения включают в себя не только первичные распределительные, но и перераспределительные отношения по поводу рабочей силы. Отношения обмена деятельностью, заключенные в производстве, представляют собой обмен способностей к труду в процессе ее реализации и формирования, т.е. отношения обмена рабочей силой касаются ее производства и использования. Рынок рабочей силы предполагает и ее обмен на продукт. Отношения по поводу использования рабочей силы осуществляются в непосредственном производстве и охватывают отношения, связанные с реализацией способностей к труду. Данные производственные отношения проявляются в занятости трудоспособного населения общественно полезным трудом, формах его организации, эффективности и рациональности использования рабочей силы в регионах и отраслях, а также на отдельных предприятиях. Типичные черты современного производства кроются в кооперации и специализации труда в отраслевом, территориальном и профессионально-квалификационном разрезе. Это является предпосылкой существования внутри целостности относительно самостоятельных ингредиентов в виде частичной совокупной рабочей силы как специализированного, количественно и качественно определенного звена совокупной рабочей силы общества. В отраслевом масштабе – это частичная совокупная рабочая сила отраслей и сфер народного хозяйства, делящаяся на дробные единицы, вплоть до совокупной рабочей силы отдельного предприятия, хозяйства. В профессионально-квалификационном аспекте – это частичная совокупная рабочая сила профессиональных и квалификационных групп. В территориальном масштабе – это частичная совокупная рабочая сила территориально-административных или географических единиц. Специфика процесса воспроизводства рабочей силы в пограничном регионе определяется особенностями современной структуры производства и инфраструктуры региона. Для анализа процесса воспроизводства рабочей силы выбраны Берестовицкий и Свислочский районы Гродненской области, граничащие с Польшей, сопоставимые по численности населения и не имеющие в своем составе областного центра. Основные показатели производства населения и рабочей силы представлены в таблице.

Таблица – Показатели производства, распределения и использования рабочей силы в Берестовицком и Свислочском районах

Показатели	Районы	Годы			
		2000	2001	2005	2008
Численность населения (на начало года, тыс. чел.)	Берестовицкий	21,4	21,2	20,0	18,9
	Свислочский	25,6	25,2	22,7	21,1
Естественный прирост населения (всего человек)	Берестовицкий	-154	-139	-182	-159
	Свислочский	-215	-345	-371	-269
Естественный прирост населения (на 1000 чел. населения)	Берестовицкий	-7,3	-6,6	-9,2	-8,5
	Свислочский	-8,4	-13,8	-16,6	-12,9
Среднесписочная численность работников (чел.)	Берестовицкий	7861	8051	7163	7070
	Свислочский	8681	8498	7213	7142
Численность промышленно- производственного персонала (чел.)	Берестовицкий	665	-	778	495
	Свислочский	695	-	497	364
Численность безработных (на конец года, человек)	Берестовицкий	96	95	75	73
	Свислочский	159	190	95	96
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников (тыс. руб.)	Берестовицкий	51,5	103,3	399,8	716,1
	Свислочский	36,7	80,3	348,7	616,3
Отношение номинальной начисленной заработной платы работников к среднеобластному уровню (в процентах)	Берестовицкий	97,8	94,2	93,9	90,3
	Свислочский	69,7	73,2	79,0	77,7

Направления изменений в формировании и использовании трудовых ресурсов, в структуре занятости исследуемых районов отражают следующие общие тенденции воспроизводства рабочей силы в экономике Беларуси. Во-первых, снижение численности населения, трудовых ресурсов, занятых. Данная тенденция предопределялась изменениями объемов ВВП и демографическими процессами. Во-вторых, отток населения из сельской местности в городскую. Причиной такого движения населения принято считать различия в уровне и качестве жизни городского и сельского населения. Проявляется данная тенденция увеличением доли городского населения и сокращением доли сельского населения. В 1999 г. доля городского населения в Берестовицком районе составляла 34,74%, в 2005 г. – 37,50%, в Свислочском – соответственно 35,38% и 38,77%. В 2008 г. в Берестовицком районе произошли достаточно резкие изменения структуры населения и доля городского населения резко сократилась до 31,22%. Можно предположить, что данные изменения явились результатом государственной поддержки сельского хозяйства, развития агрогородков и повышения качества жизни на селе. В-третьих, происходит перераспределение занятых между материальным производством и нематериальной сферой, что проявляется в сокращении количества и доли в общей численности работников промышленно-производственного персонала в период 2000 – 2008 гг. Так, в 2000 г. доля промышленного персонала в Берестовицком районе составляла 8,5%, в Свислочском – 8,01%, в 2008 г. соответственно 7,0% и 5,1%. Рост численности занятых в таких сферах, как снабжение и сбыт, общая коммерческая деятельность, общественное питание, информационно-вычислительное обслуживание связан с функционированием и развитием рыночных структур и обеспечивает перестройку структуры производства в регионе. В-четвертых, изменяется структура производства по формам собственности. Если до 2005 г. происходил рост доли частной собственности в промышленном производстве, то к 2008 г. произошло увеличение удельного веса государственной собственности (республиканской и коммунальной), а доля частной собственности в структуре промышленного производства уменьшилась в Берестовицком районе до 85,5%, в Свислочском – 64,9%. Такая тенденция связана со структурой инвестиций в основной капитал и приоритетами государственной экономической политики.

Таким образом, воспроизводство рабочей силы в пограничных регионах отражает общие тенденции данного процесса в белорусской экономике, но сами регионы неоднородны, и в них складываются различные условия производства, использования рабочей силы. Но именно воспроизводство рабочей силы в конечном счете позволяет распространять наиболее оптимальные и эффективные приемы производства в разных отраслях, использовать достижения научно-технического прогресса, преодолевать имеющиеся различия регионов и ограниченность ресурсов, что должно способствовать развитию совокупной рабочей силы и экономики страны.

Список литературы

1. Статистический ежегодник Гродненской области, 2009: стат. сб. / Главное статистическое управление Гродненской обл. – Гродно, 2009. – 433 с.
2. Статистический ежегодник Гродненской области, 2002: стат. сб. / Гродненское областное управление статистики. – Гродно, 2002. – 396 с.
3. Статистический ежегодник Гродненской области, 2003: стат. сб. / Гродненское областное управление статистики. – Гродно, 2003. – 400 с.
4. Статистический ежегодник Гродненской области, 2006: стат. сб. / Гродненское областное управление статистики. – Гродно, 2006. – 408 с.
5. Статистический ежегодник Гродненской области, 2008: стат. сб. / Гродненское областное управление статистики. – Гродно, 2008. – 407 с.

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В БЕЛАРУСИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Социальное неравенство, существующее в обществе, отражает особенности концепции социально-экономического развития этого общества. Социальное неравенство населения можно представить в виде его социальной структуры, определяемой экономической дифференциацией на основе ресурсного критерия (денежных доходов). Структура доходов населения Беларуси по данным Государственной статистики за 2008 г. представлена следующими статьями: оплата труда (56,1%), трансферты населению (20,1%), доходы от собственности (2,6%), прочие доходы (21,2%). Однако в региональном разрезе наблюдаются некоторые различия в объемах названных статей. Так, доля заработной платы в доходах населения в Гомельской области составляет 64,2%, что на 5–8% выше, чем в других регионах (см. табл. 1) [1].

Таблица 1 – Структура денежных доходов населения Беларуси в 2008 г.

Структура денежных доходов	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
1. Оплата труда	55,5	55,7	64,2	53,1	59,8	57,0
2. Трансферты населению	22,5	23,1	25,4	21,1	22,0	22,8
3. Доходы от собственности	1,7	1,7	1,8	1,7	1,4	1,5
4. Прочие доходы	20,3	19,5	8,6	24,1	16,8	18,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вторая статья доходов населения – это объем социальных трансфертов, которые включают пенсии, пособия и стипендии. Социальные трансферты занимают значительное место в доходах населения, при этом их объем за 10 лет практически не изменился, а их доля в 2008 г. в разных регионах составила от 21,1% (в Гродненской области) до 25,4% (в Гомельской области).

Это связано с сохранением в государственной социальной политике, наряду с переходом на принцип субсидиарности, социального патернализма. Так, пенсии являются вторым по значимости источником доходов населения. В настоящее время программами пенсионного обеспечения органов социальной защиты охвачено более 2,4 млн. человек, из них – 79,3% получают трудовые пенсии по возрасту, 11,7% – пенсии по инвалидности, 5,7% – пенсии по случаю потери кормильца и 2,1% получают социальные пенсии [2, с. 56]. В августе 2009 г. средний размер пенсии, назначенной органами по труду, занятости и социальной защите, составил 392,6 тыс. рублей (114% от величины среднедушевого минимального потребительского бюджета семьи пенсионеров). Средний размер пенсии по возрасту составил 409,7 тыс. рублей, по инвалидности – 363,3 тыс. рублей, по случаю потери кормильца – 247,2 тыс. рублей, социальной пенсии – 185,7 тыс. рублей [3, с. 8].

Другие статьи – доходы от собственности и прочие доходы в 2008 г. в сумме составили 23,8%. Доходы от собственности – это проценты по депозитам, дивиденды

и проч., которые можно отнести к ресурсам высокодоходных слоев населения. Их доля по всем регионам практически одинакова – от 1,4% в Минской области до 1,8 в Гомельской области. «Прочие доходы» включают денежные поступления от предпринимательской деятельности, от продажи сельскохозяйственной продукции и доходов от иной деятельности, приносящей доход. В региональном разрезе наблюдаются значительные различия в объемах прочих доходов – от 8,6% в Гомельской области до 24,1% в Гродненской области. Таким образом, дифференциация регионов Беларуси по объемам получаемых доходов проявляется по статьям «Оплата труда» и «Прочие доходы»: чем выше доля оплаты труда в общей структуре доходов, тем ниже доля доходов от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход (и определяемой экономической активностью населения). И наоборот. Это может быть связано, как с более высоким уровнем заработной платы и социальными трансфертами в конкретном регионе и как следствие – отсутствием необходимости поиска дополнительных источников дохода, низкой экономической активностью населения.

Стандартная методика процентной группировки данных по квинтильным группам населения позволяет выделить 20% населения, имеющих самые низкие доходы, 20% – имеющие самые высокие доходы и три группы по 20% со средним, а также ниже и выше среднего дохода. Доля доходов в каждой группе в общем доходе всего населения показывает, насколько равномерно (или неравномерно) распределяются доходы. В белорусском обществе в нижней группе (с наименьшими ресурсами) доля доходов в 2008 г. составила 9,2%, во второй – 13,9%, в третьей – 17,6%, в четвертой – 22,6%, в высшей (с наибольшими ресурсами) – 36,7% [4; 1920], а соотношение ресурсов 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения составляет всего 5,9 раз. Такая структура квинтильных групп (по материалам выборочных обследований домашних хозяйств за 1995–2008 гг.) практически не претерпевала изменений на протяжении более чем 10 последних лет. Это связано с относительной устойчивостью структуры доходов населения (доля заработной платы и социальных трансфертов в общем объеме доходов населения Беларуси с 2000 по 2008 гг. практически не изменилась) и положительной и равномерной динамикой их повышения.

Проанализируем, как влияет региональная специфика на социальную структуру белорусского общества, определяемую по материальному критерию (величины получаемых доходов) в сравнении с бюджетом прожиточного минимума (БПМ) и минимальным потребительским бюджетом (МПБ) (табл. 2). Роль такого расчетного показателя, как величина прожиточного минимума состоит в том, что с ним относятся многие другие – уровень доходов, заработной платы, пенсии, социального пособия и т.д. Этот показатель представляет собой некий эталон для измерения уровня жизни и дифференциации наиболее и наименее обеспеченных групп населения.

Таблица 2 – Социальная структура белорусского общества по критериям БПМ и МПБ

Структура денежных доходов	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
1. Оплата труда	55,5	55,7	64,2	53,1	59,8	57,0
2. Трансферты населению	22,5	23,1	25,4	21,1	22,0	22,8
3. Доходы от собственности	1,7	1,7	1,8	1,7	1,4	1,5
4. Прочие доходы	20,3	19,5	8,6	24,1	16,8	18,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Рассчитано: [1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что доля нижнего слоя за 6 лет (2002–2008) снизилась более чем в 5 раз, базового слоя – более чем в 2 раза. Соответственно вырос удельный вес среднего слоя (с 21,6% в 2002 г до 53,2% в 2008 г.), верхнего слоя (с 5,0% до 17,3% соответственно) и «элиты» (с 1,3% до 6,1%). В региональном разрезе наименьшая доля нижнего слоя в гродненском регионе, наибольшая – в брестском и витебском регионах. Величина базового слоя находится примерно на одинаковом уровне во всех областях, кроме Минской (где доля этой страты ниже на 4–6%, чем в других). Средний слой по всем областям колеблется в пределах от 52,0% в Могилевской области до 55,9% в Гродненской области. В целом, по данной страте, наблюдается примерное соответствие регионов среднереспубликанскому уровню. Также присутствуют небольшие расхождения по верхнему слою (от 0,4% до 3,6%), а наименьшие значения в Брестской и Витебской областях. Значение «элиты» невелико по всем регионам, доля данного слоя является незначительной – от 2,3% в Гомельской области до 6,2% в Минской области.

Таким образом, анализ социального неравенства по доходам (на основе статистических данных) не выявил значительной региональной дифференциации. Наибольшую долю во всех областях (более 50%) составляет средний слой (доходы от 1 до 2 МПБ), наименьшую – страта с доходами свыше 3МПБ. В целом, в республике наблюдается равномерное повышение денежных доходов населения за счет роста заработной платы и величины социальных трансфертов, которые остаются основными источниками доходов белорусского населения, значительно опережая доходы от собственности, от предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Регионы Республики Беларусь (Стат. сб). – Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.
2. Об изменении уровня жизни населения Республики Беларусь // Статистика Беларуси. – № 2. – 2009.
3. Доходы и расходы населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/aug/13.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2009.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь (Стат. сб.). – Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.

С.Т. Кавецкий

*Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Брест*

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ «ЧЕЛНОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ» В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Социально-экономические изменения, проходящие в Беларуси в конце XX – в начале XXI века, влияют на характеристику социальной структуры. Социальная структура – совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной

системы, отражающих ее существенные характеристики во всех сферах общественной жизни (экономической, социально-политической, духовной), как на макро, так и на микро-уровне. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное размывание грандиозных групп населения, становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, вхождения в властные структуры, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося социализма наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры, когда она распадается как бы на несколько относительно независимых друг от друга измерений. То есть социальная структура современного белорусского общества представлена остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными формами и отношениями. Эти особенности характерны и для регионов.

Проведенные в феврале 2005 года в г. Бресте конкретно-социологические исследования под руководством автора (выборка 300 респондентов, пол, возраст, социальный статус, образование), показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к следующим социальным группам:

1) богатым – 1,4%; 2) состоятельным – 5%; 3) среднеобеспеченным – 25,9%; 4) малообеспеченным – 37,1%; 5) бедным – 24,2%; 6) живу ниже черты бедности – 6,4%.

Критерии дохода брестчан следующие: а) богатые – более 3 тысяч долларов в месяц на душу, б) состоятельные – от 3 тысяч до 250 долларов в месяц, в) среднеобеспеченные – от 250 до 150 долларов в месяц «чистыми без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей», г) малообеспеченные и бедные (150–70 долларов) без выплат на человека, д) ниже черты бедности 60 долларов и менее.

Важным для конкретизации социальной структуры общества является определение социального статуса. Понятие социального статуса характеризует место личности в социальной структуре общества, и может выражаться в различных качествах и количественных показателях – авторитет, престиж, привилегии, уровень доходов, зарплата, премия, награда, звание, слава и т. п.

Академик Е.М. Бабосов выделяет следующий субординационный ряд:

«1) на вершине стратификационной пирамиды находится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, частных крупных фирм и др.), высшие должностные лица в ранге министра и выше. Это фактически новая буржуазия и высшая государственная бюрократия;

2) высший средний слой – средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, крупные ученые, владельцы частных больниц, стоматологических кабинетов и др.;

3) средний слой – профессура, врачи и юристы, имеющие частную практику, руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, старшие офицеры и др.;

4) низший средний слой – учителя, линейные (рядовые) инженеры, работники учреждений культуры, младшие офицеры, квалифицированные работники и т. п.;

5) низший слой – малоквалифицированные рабочие, крестьяне, служащие, сержантский состав вооруженных сил и правоохранительных органов и др.;

6) паразитические слои – мафиозные группы, рэкетеры, грабители, вымогатели, участники бандитских формирований, колдуны, гадалки, проститутки и т. п.;

7) маргинальные слои – опустившиеся на социальное дно из различных социальных групп нищие, бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы, беспризорные подростки и т. п.» [1, с.192–193].

Анализ стратификационно-статусного состояния общества показывает, что среди множества статусов предприниматели занимают верхние строчки субординационного ряда. Предпринимательский сектор стал интенсивно развиваться в начале 1990-х годов. Это способствовало насыщению внутреннего рынка изделиями и услугами, увеличению экспортного потенциала страны, повышению занятости населения. Становление предпринимательства в стране проходило в непростых условиях. К особенностям постсоветского менталитета значительной части белорусских граждан относится недоверие к частной собственности, стремление к социальной справедливости через призму не эффекта достигнутого результата, а уравнилельных тенденций. С другой стороны катаклизмы и преобразования переходного периода привели к тому, что предпринимательство стало развиваться, различными путями шел процесс накопления стартового капитала.

Одним из примеров является «челночное движение» граждан бывшего СССР, начавшееся в конце 80-х – начале 90-х годов. Русское слово «челнок» с тех пор распространилось по всему миру и появилось во всех языках – от турецкого и китайского до западнославянских.

«Челноки» составили массовую основу нового предпринимательского класса России, Украины и Беларуси других постсоветских стран. В Беларуси по данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора, «экономическим туризмом» занималось в 1997 году 72,5% респондентов, а в 2005 году – 45,2%, из числа выезжавших за границу. «Зарубежным бизнесом» занимались семьями или компаниями друзей, случайными группами и в одиночку. Китай, Турция и Польша – три страны, куда российские «челноки» проложили самые оживленные маршруты. Для Беларуси наиболее популярными, «экономически выгодными», были поездки челноков в Польшу, Россию, Турцию, Германию, Украину и другие страны.

В период 90-х годов белорусские «челноки» ввозили в страну товара около 1 млрд. долларов в год. По оценкам общественной организации «Туризм и предпринимательство», примерно 60% «челноков»-россиян распорядились в своих закупках суммами в 1,5–5 тыс. долл. Экономические кризисы, периодически сотрясающие страны СНГ, больно бьют не только по рядовым покупателям, но и по мелким продавцам. Кому-то из них в это время приходится сокращать закупки, кому-то и вовсе свертывать торговлю, пополняя ряды наемных работников. Выживали сильнейшие, лучше всего постигшие нелегкое искусство челночного бизнеса. У таких в распоряжении находятся суммы в сотни тысяч долларов. У крупных дельцов давно отработан механизм доставки товара и его «растаможки» с наименьшими потерями для собственного кошелька.

«Челночный» бизнес поставлял в страну дешевый импорт не случайно. Покупательный потенциал в 90-е годы был очень скромным. По карману среднему классу оказались не дорогие магазины и даже не супермаркеты, а оптовые и дешевые рынки. Это значит, что в магазинах цена предложения (та сумма, которую желает получить за товар продавец) значительно превышает цену спроса (сумму, которую покупатель готов заплатить за товар), а на рынках разрыв между ценой спроса и ценой предложения минимален. Известно, что цены на оптовых, вещевых и смешанных рынках (такое их официальное название) на 20–50% ниже, чем в магазинах. На рынках покупалось порядка 70% одежды и 60% обуви и трикотажа.

Тем не менее, основную социальную и экономическую задачу – дать работу безработным, одеть и накормить средний и низший классы общества, ликвидировать

пустые прилавки магазинов и длинные очереди за дефицитом – «челноки» с успехом выполнили. В 1990-е годы XX века «челноки» сделали то, чего не смогла совершить вся советская промышленность за 70 лет, – насытили рынок товарами. В тоже время по данным национального социологического опроса (1997 г., выборка 1030 респондентов, руководитель доцент С.Т. Кавецкий) интервьюируемые, отвечая на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам при пересечении границы вольно или невольно нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?,» ответили: «нарушали» 52,5%, дали отрицательный ответ – 47,5%. Больше всего нарушителей из Гродненской и Брестской областей.

Социологическое исследование, проведенное в феврале 2005 года в г. Бресте, дало возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу и провести сравнительный анализ. «Если в 1997 году в течение 3 последних лет за границей было 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 году – 34,4%. Для тех, кто бывал, вопрос конкретизировался: «Если бывали, то с какой целью?» 1) по работе – (1997 – 7,5%, 2005 – 19,4%), 2) туризм (1997 – 17,5%, 2005 – 34,4%), 3) бизнес во всех проявлениях (1997 – 72,5%, 2005 – 45,2%), 4) с другими целями (1997 – 7,5%, 2005 – 2%). Еще один дополнительный вопрос предлагался для тех, кто бывал за границей: «Если Вы бывали, приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?» – нарушали в 1997 – 75%, 2005 – 57%. Таким образом, структура поездок практически не изменилась, зато произошли процентные трансформации целей зарубежных поездок, а именно, увеличилось на 11,9% количество пересечений по работе, то есть расширились деловые связи, научные контакты, культурное и спортивное сотрудничество и т.д. Туристические поездки и путешествия увеличились на 16,9%. Уменьшилось количество таможенных нарушений на 18% при пересечении границы по утверждениям респондентов, при этом данное нарушение в процентном отношении весьма велико (57%). Это, в первую очередь, связано с тем, что «экономический туризм» хотя и снизился на 27,3%, однако существует, поскольку г. Брест и область имеют границы с Польшей и Украиной, во-вторых, экономический фактор по-прежнему довлеет над брестчанами, в-третьих, за восемь лет, прошедших с момента национально-социологического исследования, неоднократно менялись правовые, визовые, таможенные правила, часто противоречащие друг другу» [2, с. 67–68].

На данном социологическом срезе можно видеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, с другой стороны, можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний, и не только таможенных. Это пример классической аномии – неприятие закона.

Таким образом, формирование социальной структуры современного белорусского общества отражает социально-экономические реалии развития белорусского государства. Формирование среднего класса – фундамента гражданского общества идет с приливами и отливами и отражает тенденции развития трансформационного белорусского общества.

Список литературы

1. Бабосов, Е.М. Общая социология / Е.М. Бабосов. – Минск: «ТетраСистемс», 2002.– 640 с.
2. Кавецкий, С.Т. Брестский социологический барометр / С.Т. Кавецкий. – Минск: Из-во Академия, 2005.– 88 с.

В.В. Пыльский

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

РЕЙДЕРСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рейдерство является комплексной проблемой, изучением которой занимаются специалисты в области теории и практики права, политологии и социологии. Тем не менее, существует дефицит исследований регионального аспекта указанной проблемы. Между тем, рейдерство как общественно-опасное явление (причиняющее имущественный вред конкретным собственникам, повышающее социальную напряженность, понижающее инвестиционную привлекательность, политический имидж и моральный облик государства и общества) имеет региональную природу, т.е. способно перемещаться в пространстве и при сохранении своих общих атрибутов может приобретать специфические качества в конкретной административно-территориальной единице.

«В Республике Беларусь случаи рейдерских захватов носят единичный характер, в отличие, например, от Российской Федерации и Украины, где данное негативное явление довольно распространено. В нашей стране официально зарегистрированы три рейдерские попытки завладеть активами предприятий (ЗАО «Фабрика головных уборов «Людмила», ОАО «Борисовжилстрой», ИП «Инко-Фуд») [1, с. 56].

По мнению специалистов в области теории и практики корпоративных отношений, сдерживающими факторами от массового появления и развития рейдерства в Беларуси являются: «не закончившаяся приватизация государственной собственности, неразвитость рынка ценных бумаг, наличие в акционерных обществах значительной доли государства» [2, с. 32]; «сосредоточенность крупных промышленных предприятий в руках государства, наличие жесткой вертикали власти и сложный бизнес-климат [3, с. 35], «сильная исполнительная власть и сильная харизматическая личность ее руководителя» [3, с. 37], «действующее законодательство» [4, с. 23].

Активизация рейдерства в Беларуси может быть вызвана следующими обстоятельствами: принятие Программы развития рынка ценных бумаг Республики Беларусь на 2008–2010 гг., отмена права «золотой акции», снижение ставки налога на доходы от операций с акциями и облигациями, поэтапная отмена моратория на продажу акций открытых акционерных обществ, созданных в процессе разгосударствления и приватизации, низкая правовая культура акционеров, невыплаченные дивиденды [2, с. 32], «проводящаяся политика, направленная на формирование инвестиционной привлекательности Республики Беларусь, активизация приватизационных процессов, либерализация экономики» [1, с. 56].

«Беларусь – это край нераспределенных активов, предупреждают эксперты по проблемам криминальных поглощений, намекая на возможность экспорта рейдерских технологий в нашу страну» [3, с. 37]. В этой связи особую актуальность приобретает изучение сущности и механизмов рейдерства как социально-экономического и политического феномена и способов противодействия ему на опыте России и Украины.

«Российский рынок слияний и поглощений по итогам 2006 г. оценивался в 42,3 млрд долл., из них 12,5% активов было вовлечено в текущие корпоративные конфликты с целью враждебного поглощения» [5, с. 68]. «Общий итог рынка M&A (слияния и поглощения компании) Украины в 2006 г. – 110 сделок на сумму 4,9 млрд долл. США. Процентное отношение рынка M&A к ВВП получается даже выше, чем в России (5,5% против 4,5%) [6, с. 78].

Аналитическая группа M&A-Intelligence журнала «Слияния и поглощения» называет следующие основные тенденции конфликтного сегмента M&A, характерные для 2006 г.: рост общего количества корпоративных конфликтов, процесс снижения средней стоимости активов, вовлеченных в эти конфликты; происходит стремительное размежевание рейдерских команд; профессиональных гринмейлеров активно начали нанимать участники внутренних корпоративных конфликтов, располагающие значимой инсайдерской информацией о своих противниках – бывших партнерах и компании-цели; происходит активное перемещение рейдеров из Москвы и Санкт-Петербурга в регионы; усиленные роли административного ресурса; регулярно увеличивается стоимость коррупционных услуг; активнее заработали медиаторские технологии примирения конфликтующих сторон; особенно велик конфликтный сегмент в 2006 г. был в таких отраслях, как ТЭК, машиностроение, телекоммуникации, химическая отрасль, деревоперерабатывающая промышленность, а также пищевая промышленность и строительство» [7, с. 71–72].

В настоящее время в «эпицентре» рейд-конфликтов в России и Украине находится средний бизнес [8, с. 31, 32], а наибольший интерес представляют следующие сферы и объекты: земельные участки, алкогольная отрасль, интеллектуальная собственность, область жилищно-коммунального хозяйства [9, с. 136], «финансы, розничная торговля и общественное питание, сфера услуг, строительство, сельское хозяйство, мясопереработка, приборостроение и производство оборудования в машиностроении» [8, с. 31].

«Волна рейдерства в самом деле начала перемещаться в регионы, потому что в центре собственность уже поделена и надежно защищена» [9, с. 135]. «Эксперты ожидают, что большинство столичных рейдеров обрабатывают региональную специфику» [10, с. 27]. «Обнаруживают себя признаки формирования диверсифицированных механизмов проникновения в регионы крупных столичных игроков на агрессивном рынке M&A» [11, с. 25].

«Причина возникновения волн – это интерес к определенным рынкам. Все зависит от ситуации в отраслях: рейдерство перекидывается туда, где сформировалась устойчивая структура» [9, с. 135]. «Рейдеры идут в города-миллионники за недвижимостью, в сельскохозяйственные регионы – за землей, в промышленные центры – за рентабельным бизнесом» [10, с. 31].

«Следует отметить, что сильная региональная власть является серьезным препятствием на пути рейдеров. Они никогда не «сунутся» в те области, где местные администрации жестко реагируют на попытку сменить собственников предприятий, особенно бюджетобразующих» [7, с. 74].

Таким образом, рейдерство на постсоветском пространстве наибольшее развитие получило в России и Украине, однако наметились тенденции перемещения этого явления и в Беларусь. Рейдеры обладают огромными интеллектуальными, информационными, финансовыми и административными ресурсами, их интересует не только крупный, но и средний бизнес, они способны осуществлять захваты собственности в разных отраслях экономики, они учитывают специфику каждого конкретного региона. В этой связи, необходимо используя российский и украинский опыт и учитывая специфические особенности белорусского государства, осуществление следующих мероприятий, направленных на предотвращение развития рейдерства и минимизации его вредных последствий в стране: проведение социологических исследований на предмет осведомленности, оценки масштабов и отношения общества (государственные управляющие, сотрудники правоохранительных, судебных и иных государственных органов и организаций, деловое сообщество, простые граждане) к этой проблеме; формирование негативного отношения в обществе и бизнес-среде к рейдерству; «использование методов социального прогнозирования» [9, с. 129]; повышение уровня юридической грамотности населения; проведение специальной подготовки работников правоохранительных

органов в сфере противодействия рейдерству; усиление борьбы с коррупцией; совершенствование законодательства (особенно корпоративного); создание государственных и общественных антирейдерских организаций (например, комиссии и рабочие группы по мониторингу и противодействию недружественным поглощениям, региональные антикризисные штабы под эгидой региональных администраций, центры «коллективной обороны» региональных ассоциаций предприятий и их руководителей).

Список литературы

1. Асанова, В. Об установлении ответственности за рейдерство / В. Асанова, Н. Швед // Юстыцыя Беларусі – 2009. – № 8. – С. 56–58.
2. Телеш, Е. И снова о рейдерстве / Е. Телеш // Директор – 2008. – № 4. – С. 32–33.
3. Тростенец, Е. Захват сзади. Как распознать в акционере рейдера? / Е. Тростенец // Финансовый директор. – 2009. – № 6. – С. 35–37.
4. Беляева, Т.А. Грозят ли белорусским предприятиям рейдерские захваты? / Т.А. Беляева // Промышленно-торговое право. – 2008. – № 4. – С. 23.
5. Тормозова, Т. Рейдерство в России и за рубежом: сравнительный анализ / Т. Тормозова, А. Логинов // Рынок ценных бумаг. – 2007. – № 12. – С. 67–70.
6. Кириенко, А. Осторожно! Начинается охота на средний бизнес / А. Кириенко // Финансовый директор. – 2007. – № 7. – С. 75–80.
7. Смирнов, А. Корпоративные конфликты и рейдерство в России / А. Смирнов // Рынок ценных бумаг. – 2007. – № 12. – С. 71–75.
8. Смольский, А. «Пираты Карибского моря». Рейдерские захваты в России, Украине и Беларуси / А. Смольский // Финансовый директор. – 2009. – № 6. – С. 30–34.
9. Филимонова, В. Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России / В. Филимонова // Общество и экономика. – 2008. – № 5. – С. 101–139.
10. Фаенсон, М.И. Рейдерство (недружественный захват предприятий): практика современной России / М.И. Фаенсон, А.А. Пиманова. – М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2007. – 120 с.
11. Осипенко, О.В. Российский Гринмейл. Стратегия корпоративной обороны / О.В. Осипенко. – М.: ЮРКНИГА, 2006. – 448 с.

В.В. Печерский

Минский институт управления, г. Минск

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СУБЪЕКТАМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ПОГРАНИЧЬЕ

В соответствии со ст. 62 Конституции Республики Беларусь каждый гражданин Республики Беларусь имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод. Это право включает в свое содержание право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами.

Иностранные граждане, равно как и лица без гражданства, пересекая территорию Республики Беларусь, также пользуются данным правом. Вместе с тем при его осуществлении у данной категории субъектов возникают естественные препятствия,

не позволяющие в полной мере реализовать свой правовой потенциал (языковой барьер у доверителя и у его адвоката, отсутствие знаний о порядке и условиях оказания юридической помощи и т.д.). По делам, вытекающим из административных правонарушений, предоставление адвоката по назначению в органе, ведущем административный процесс, в законодательстве Республики Беларусь не предусмотрено.

Возможно выделение следующих основных видов юридических споров, возникающих при пересечении государственной границы, а также при нахождении на территории соседнего иностранного государства. Прежде всего, это вопросы, появляющиеся при пересечении государственной границы, таможенном оформлении имущества. Спорные ситуации происходят при въезде на территорию государства без оформления необходимых въездных документов или с истекающим сроком их действия, регистрации в органах гражданства и миграции. В качестве примера можно рассмотреть безвизовый въезд граждан Украины на лечение в Литовскую Республику. У себя в Украине они приобретают путевки на лечение в санатории г. Друскининкай (Литовская Республика), и им при этом никто не объясняет необходимость получения визы. При въезде на территорию Литвы через пограничный переход Республики Беларусь данные граждане задерживаются и депортируются обратно в Беларусь.

Наиболее часто спорные ситуации происходят в области таможенных правоотношений, в частности, касающихся имущественного декларирования (декларирование временного ввоза транспортного средства, национальной и иностранной валюты и т.д.). При этом необходимо учитывать, что последствия выявленных нарушений таможенного законодательства становятся предметом рассмотрения уполномоченными органами и должностными лицами в рамках административного законодательства, где, как мы указывали ранее, адвокат по назначению не предусмотрен.

В процессе пребывания на территории иностранного государства самым распространенными нарушениями являются административные транспортные правонарушения, к каковым могут быть отнесены нарушения Правил дорожного движения, перевозки грузов и т.д.

В юридической практике нередкими становятся нарушения и уголовного законодательства, причем не только в отношении иностранных граждан, когда они становятся потерпевшими по делу, но и когда нарушителями в статусе подозреваемых и обвиняемых являются граждане иностранных государств.

Дополнительными моментами, препятствующими самостоятельному разрешению спорных юридических ситуаций, является незнание норм материального (гражданского, таможенного, административного и т.д.) права, норм процессуального права (уголовно-процессуального, административно-процессуального, гражданского процессуального и проч.), отсутствие достаточного уровня владения национальным языком государства пребывания, а также специальной лексикой, которой в том числе не обладают специалисты в области иностранного языка (например, переводчики).

Безусловно, иностранные граждане и лица без гражданства обращаются за юридической помощью к представителям адвокатского сообщества. Вместе с тем нередки случаи, когда иностранцы, не получая необходимых разъяснений от представителей уполномоченных организаций, своевременно не обращаются за профессиональной юридической помощью. Это приводит к существенным нарушениям их прав и охраняемых интересов. Например, во время движения по нейтральной территории между государствами иностранец согласился подвезти незнакомого гражданина. Последний сумел убедить владельца транспортного средства переоформить на него автомобиль и пообещал передать денежные средства после доставки в приграничный город. Иностранец был введен в заблуждение относительно порядка оформления транспортного средства, и при пересечении таможенной границы передал доку-

менты на автомобиль незнакомцу. При таможенном оформлении мошенник оформил автомобиль на себя, а после приезда в приграничный город, используя обман, сумел скрыться от иностранца, не рассчитавшись за приобретенный автомобиль. Иностранец обратился в правоохранительные органы с сообщением о совершенном в его отношении противоправном деянии. При этом заявление о совершенном преступлении от иностранца было составлено на русском языке, он был допрошен без переводчика, и ему не были разъяснены права потерпевшего по уголовному делу, в том числе право на получение юридической помощи. Впоследствии данные нарушения поставили под угрозу не только возможность реализации процессуального статуса иностранца-потерпевшего, но и возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности и возмещения причиненного ущерба.

Качественным выходом, позволяющим в полной мере реализовать принадлежащее право на квалифицированную юридическую помощь, является заключение договора страхования расходов на юридическую помощь. В Республике Беларусь давно реализуется обязательное и добровольное страхование ответственности владельцев автотранспортных средств, добровольное страхование расходов на медицинскую помощь, в которую, кстати, включается возможность обращения за юридической помощью к адвокату, другие виды добровольного и обязательного страхования. С необходимостью требуется завершение системного доступа при реализации положений данных видов страхования. Это следует из незавершенности действующего механизма возмещения причиненного вреда: в процессе определения виновной в причинении ущерба стороны требуется участие в административной процедуре в органах государственной автомобильной инспекции. После окончания административного процесса необходимо собирание юридических документов, назначение и проведение товароведческой экспертизы транспортного средства, и только после окончания процедур появляется возможность получения материальных средств по возмещению ущерба. В процессе реализации права на возмещение причиненного материального вреда возникает много вопросов юридического характера, которые требуют своего разрешения только с участием профессионального юриста-адвоката.

В настоящее время в рамках разработки концепции по изменению института адвокатуры Республики Беларусь разрабатывается концепция страхования расходов на юридическую помощь. Ее целью является создание дополнительных возможностей реализации права на получение квалифицированной юридической помощи. Физическое или юридическое лицо, в том числе иностранцы и лица без гражданства, находясь на территории государства, могут застраховать имущественные интересы связанные с расходами в связи с обращением к адвокату за получением юридической помощи по различным категориям юридических споров. После наступления страхового случая данные лица могут обратиться за юридической помощью к адвокату, а оплату расходов в пределах страховой суммы возьмет на себя страховая компания.

Можно выделить несколько разновидностей программ страхования расходов на юридическую помощь. Это может быть страхование расходов по делам, связанным с административной ответственностью по транспортным, таможенным, иным административным правонарушениям; по делам, связанным с налоговыми правонарушениями; по делам связанным с защитой прав потребителей; по делам, вытекающим из трудовых споров; из земельных, жилищных споров и т.д.

Разрабатывая концепцию страхования расходов на юридическую помощь необходимо действовать достаточно осмотрительно, через экспериментальную реализацию одной-двух программ, с учетом существующего зарубежного опыта разработать эффективный механизм добровольного и обязательного страхования расходов на юридическую помощь.

В качестве пилотного проекта предлагается разработка программы страхования расходов на юридическую помощь по делам, вытекающим из административных транспортных правонарушений. Договор подобного страхования расходов на юридическую помощь предполагается заключать с владельцем транспортного средства, используемого в дорожном движении на территории Республики Беларусь – резидентом Республики Беларусь или нерезидентом Республики Беларусь, временно находящимся на территории Республики Беларусь. Заключение подобного договора целесообразно производить одновременно с договором обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, хотя не исключается возможность самостоятельного заключения договора страхования расходов на юридическую помощь.

Объектом страхования расходов на оказание юридической помощи предполагается обозначить не противоречащие законодательству Республики Беларусь имущественные интересы страхователя (застрахованного лица), связанные с расходами в связи с обращением к адвокату за получением юридической помощи, виды которой включены в страховую юридическую программу. При этом имущественные интересы не являются единственно главным объектом, поскольку страхование преследует еще одну цель – обеспечение правоохраняемых интересов застрахованного лица при наступлении страхового случая, к которым относится и доступ к законному и справедливому правосудию.

По договору страхования к застрахованным лицам могут быть отнесены:

- водитель, в отношении которого проводится административный процесс для решения вопроса о привлечении его к административной ответственности (в том числе по факту ДТП, участником которого он является);

- водитель, признанный в установленном порядке лицом, подозреваемым (обвиняемым) в совершении административного правонарушения, а также потерпевшим;

В программу страхования предполагается включить следующие виды юридической помощи: первоначальная консультация для определения вида спорного правоотношения, его участников, наличия доказательств по делу и необходимость их собирания и фиксации; участие в процессуальных действиях; составление ходатайств, жалоб и других юридических документов; ознакомление с материалами административного дела; участие в судебном заседании и в заседаниях кассационной инстанции.

Для реализации предлагаемой концепции страхования требуется заключение многосторонних соглашений между адвокатскими коллегиями пограничных стран. Это позволит выработать единый механизм информационного обеспечения физических и юридических лиц, въезжающих на территорию иностранного государства, об адвокатских образованиях, в которых можно получить квалифицированную юридическую помощь. При этом в данных соглашениях для субъектов иностранных государств должны быть определены адвокатские образования, специализирующиеся по различным видам юридической помощи.

О.Н. Рындова

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В условиях глобализации мировой экономики постоянно растет необходимость в качественном логистическом обслуживании международных грузопотоков. Многие

страны стремятся задействовать собственную логистическую систему, предлагая логистический сервис другим государствам.

Логистика – вид деятельности, связанный с передвижением товаров, услуг и информации между экономическими субъектами. Можно говорить о том, что логистика – это интегрированная система управления материальными, а также связанными с ними информационными и финансовыми потоками, направленная на достижение получения максимума прибыли с минимальными общими издержками. Общемировая практика такова, что при внедрении логистики необходимо учитывать наличие ее составляющих: груз (нужный товар), качество (необходимого качества), количество (в необходимом количестве), время (должен быть доставлен в нужное время), место (в нужное место), затраты (с минимальными затратами).

За рубежом логистика давно стала практическим инструментом бизнеса. Логистические системы обеспечивают примерно 20–30% валового национального продукта ведущих промышленно развитых стран. Европейский оборот рынка логистических услуг в 2007 году составил 600 млрд. EUR, в России объем транспортных услуг – 33,2 млрд. USD, в РФ – 2 млрд. USD. В среднем, рентабельность логистических центров в Европе составляет 25%. Отметим что, особую актуальность проблема формирования логистической системы приобретает для Республики Беларусь, поскольку страна обладает уникальным геополитическим положением; граничит с Россией, Польшей, Литвой, Латвией, Украиной. Через ее территорию пролегают самые кратчайшие пути, соединяющие Западную Европу со странами СНГ, а также Южную и Центральную Европу с Россией и скандинавскими странами. К тому же в мире с каждым годом усиливается конкуренция за транзитные грузы. При этом ключевую роль в ней играют скорость доставки грузов, минимизация транспортных издержек и качество логистических услуг. Чтобы реализовать в практике свои географические преимущества, Беларуси необходима современная логистическая система. По некоторым оценкам, из-за ее отсутствия РБ ежегодно теряет около 2 млрд. USD. В республике предпринимаются только первые шаги по ее формированию. Так, в августе 2008 года была принята Программа развития логистической системы страны на период до 2015 года. Сегодня она рассматривается правительством в качестве одного из приоритетов антикризисных мер.

Программа предусматривает строительство транспортно-логистических центров (ТЛЦ), позволяющих обрабатывать и обслуживать грузы. Специалисты отмечают, что к терминальной обработке тяготеют около 15% из общего объема транспортируемых по железной дороге грузов и около 30% грузов, перевозимых через Беларусь автомобильным транспортом. Под ТЛЦ предполагается выделить 18 участков: по 2 участка в Брестской и Могилевской областях, 5 участков – в Витебской области, по 3 участка – в Гомельской, Гродненской и Минской областях.

Региональные транспортно-логистические центры общего пользования предлагается разместить в областных городах, где уже есть развитые транспортные узлы, промышленные и торговые объекты, а также востребован спрос на перемещение грузов. Располагаться транспортно-логистические центры могут и в свободных экономических зонах. Сейчас ведутся переговоры по изменению в некоторых случаях границ СЭЗ, поскольку не все они имеют необходимые площадки для строительства. Согласно Программе развития логистической системы в РБ до 2015 года суммарный грузооборот транспортно-логистических центров к 2015 году может составить 25–30 млн. тонн в год.

В зависимости от отраслевой направленности в стране будут формироваться транспортно-логистические, оптово-логистические (торговые) и многофункциональные центры. Транспортно-логистические центры предназначены, в первую очередь, для обработки транзитного грузопотока, а также разработки, организации и реализации

рациональных схем товародвижения на территории РБ и других государств на основе организации единого технологического и информационного процесса.

Основной функцией оптово-логистических (торговых) центров является поставка оптовых партий потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения отечественного и импортного производства непосредственно потребителям или организациям розничной торговли.

В годы роста мировой экономики транзитные потоки через Беларусь увеличились примерно на 30% в год. Сейчас становится очевидно, что из-за отсутствия современных логистических центров РБ ослабляет свои позиции как транзитное государство. Кроме этого, она теряет в больших объемах добавленную стоимость, которая в них формируется.

С другой стороны, имея современную логистическую систему, Беларусь могла бы увеличить объем транзитных грузопотоков, так как ее наличие позволяет не только возить грузы, но и обрабатывать их в транспортно-логистических центрах. Грузы, доработанные на терминалах, уже не подпадают под действие ограничений и доставляются в страну назначения по двусторонним соглашениям. Реализуя проекты по формированию логистической системы, Республика Беларусь получает также и другие очевидные выгоды: новые рабочие места, усиление позиций на мировом рынке логистических услуг, приток иностранных инвестиций, дополнительные финансовые поступления в государственный бюджет.

Список литературы

1. Альбеков, А.У. Логистика в коммерции / А.У. Альбеков, В.П. Федько, О.А. Митько. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 512 с.
2. Бауэрсокс, Д.Дж. Логистика: интегрированная цепь поставок / Д.Дж. Бауэрсокс, Д.Дж. Клосс; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: 310 «Олимп-Бизнес», 2008. – 640 с.
3. Гаджинский, А.М. Логистика / А.М. Гаджинский. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 122 с.
4. Уотерс, Д. Логистика. Управление цепью поставок / Д. Уотерс; пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 503 с.
5. Корпоративная логистика: 300 ответов на вопросы профессионалов / под общ. и науч. ред. проф. В.И. Сергеева. – М.: ИНФА-М, 2005. – 976 с.

Н.В. Хомич

Белорусский государственный университет, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ГРОДНЕНЩИНЕ

Религиозный туризм представлен паломничеством и экскурсионно-познавательными турами. Оба вида предполагают посещение сакральных мест, однако главное отличие состоит в том, что акт паломничества подразумевает культовое действие, которое совершается в святом месте. Из-за многообразия религиозных течений в мире существуют различные взгляды на факторы придания месту статуса святого, а соответственно и на мотивы паломничества. Например, в христианстве – это связь места с Христом, апостолами, Пресвятой Богородицей. Во-вторых, отличительной чертой также является – мифизация святых мест. В иудаизме совсем другая ситуация. Главным фактором сакрализации места является история, следовательно, он также выступает, как и мотив поклонения. Таким образом, святое место для иудея представля-

ется не только как место, обладающее духовной ценностью, но и как место хранящее историю еврейского народа.

В данной работе сделана попытка проанализировать географические факторы и условия на территории Гродненской области для организации паломнических маршрутов для иудеев и выделить основные паломнические центры региона.

История еврейского народа на Гродненщине насчитывает не одно столетие. Первые упоминания о евреях на территории области относятся к XIV веку. Расселение по территории области происходило в два этапа. Первый этап охватывает период с 1388 года по 1569 год. Второй датируется 1569–1795 годами. К концу 1795 года евреи были неотъемлемой частью населения Гродненской области. Как отмечает О. Соболевская, выселить евреев в конце XVIII века с территории Беларуси и Украины означает полностью дезинтегрировать экономику страны.

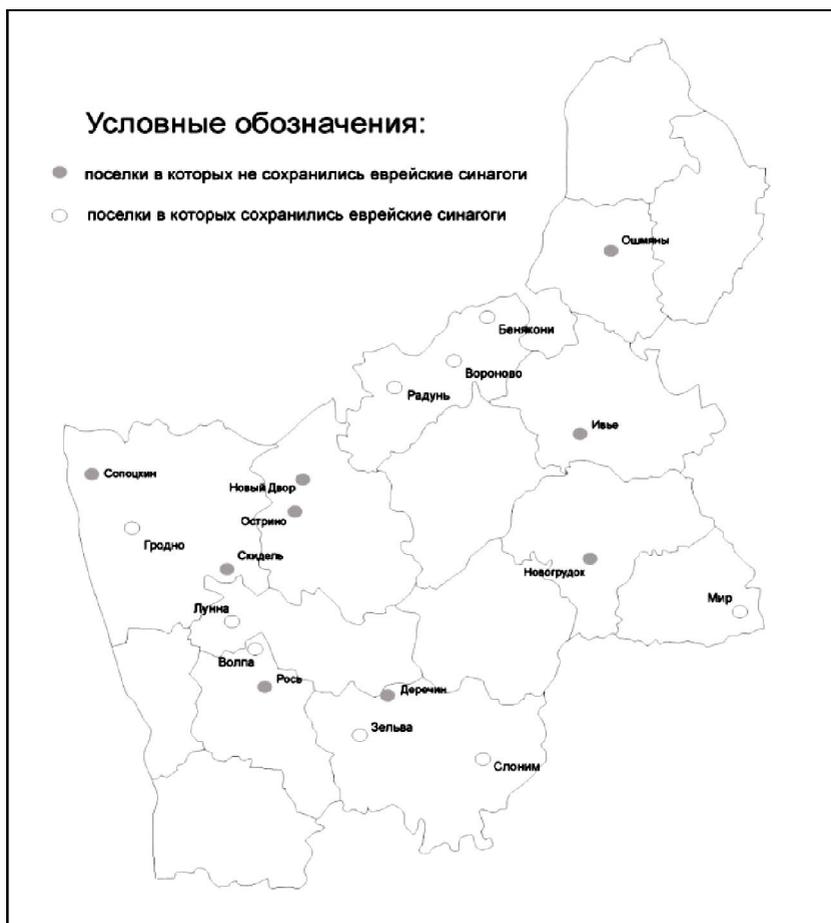

Рисунок 1 – Картосхема еврейских синагог на территории Гродненской области

События в годы Великой Отечественной войны трагически отразились в жизни еврейского народа на территории Гродненщины. Во время холокоста здесь погибло около 130 тыс. человек. Места гибели евреев независимо от числа погибших хранят память о тех событиях, поэтому они являются сакральными для иудея.

Иудеи на протяжении долгого времени составляли большую часть населения данного региона. Развитие, облик, функционирование данных городов прочно переплетались с деятельностью евреев, тем самым происходил процесс формирования определенной городской культуры. Здесь строились различные сооружения, которые отражали специфичность еврейской культуры. Их можно представить двумя группами. В первом случае, места – центры общественной жизни, во втором случае, – центры религиозной жизни. К социально-бытовым сооружениям относятся жилые дома, лавки, мастерские, т.е. здания которые формировали еврейский квартал. Духовные сооружения представлены синагогами, молитвенные дома, учебные заведения и кладбища. Синагоги являются ярким воплощением материальной культуры еврейского населения, это не только священное место, а место существования иудея.

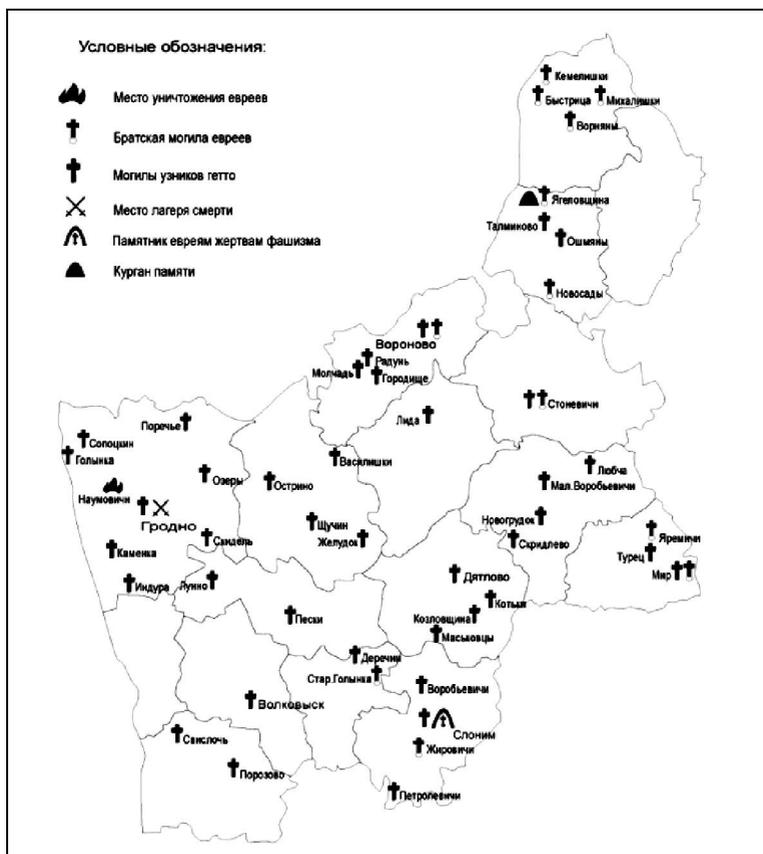

Рисунок 2 – Памятники геноцида евреев Гродненщины

Таким образом, все выше названные сооружения не только отражают специфичность еврейской культуры, но также они формируют у иудея пространство памяти.

Нами выделено четыре паломнических зоны в пределах Гродненской области, с центрами в Гродно, Слониме, Мире и Радунь. Эти населенные пункты являлись главными центрами культурной жизни еврейской общины на Гродненщине. В основу выделения зон положены следующие факторы: территориальный и исторический (временной). Первый позволил определить географическое положение зоны, выделить основные центры. Под временным фактором подразумевается период появления или упоминания евреев в населенных пунктах на территории области.

Рисунок 3 – Паломнические зоны в пределах Гродненской области

Гродненская паломническая зона включает в себя территорию трех административных районов: Гродненский, Щучинский и Мостовский. Именно с этой зоной связаны первые упоминания о евреях. Центром зоны является город Гродно. Именно гродненским евреям в 1388 году князь Витовт пожаловал грамоту, где устанавливались границы расселения евреев в Гродно, а также освобождение синагоги и кладбища от налогов. Позже между улицами Замковая (Жидовская), Большой Троицкой, Виленской, Советской сформировался еврейский квартал. До 1495 года Гродно был единственным городом с оседлым еврейским населением. В период с 1503 по 1569 год впервые упоминаются населенные пункты Острино, Желудок, Мосты как места, где евреи имели аренду мыт и откуп. На территории этой зоны сохранилось несколько зданий бывших синагог. В частности, в городе Гродно главная Хоральная синагога, в

населенном пункте Лунна. В большинстве здания синагог были разрушены в годы войны. Имеются свидетельства о существовании их в населенных пунктах Скидель, Острино, Новый Двор, Сопоцкин. В городе Гродно сохранилось занеманское еврейское кладбище. Здесь похоронен раввин Александр Зискинд. Во время холокоста в Гродно был создан один из крупнейших концентрационных лагерей. Недалеко от поселка Наумовичи погибло свыше 37 тыс. евреев. В целом на территории Гродненской паломнической зоны существовало около 13 концентрационных лагерей. Они находились в таких населенных пунктах как Сопоцкин, Каменка, Индура, Скидель, Лунна, Пески, Щучин, Желудок и др. Около всех названных населенных пунктов находятся могилы узников гетто.

Слонимская паломническая зона находится на юго-западе Гродненской области. Она состоит из территорий Берестовицкого, Волковысского, Свислочского, Зельвенского и Слонимского районов. Появление евреев в населенных пунктах этой зоны связывают с периодом с 1569 по 1795 года. В середине XVI века в Слониме возникла еврейская община, к концу XIX века она становится одной из крупнейших в Беларуси. В 1897 году из 16000 жителей города 11,5 тыс. человек были евреями. В 80-е годы XIX века здесь насчитывалась двадцать одна синагога, а перед Первой мировой войной имелась и талмуд-тора, несколько десятков хедер и четыре еврейских училища. Этот факт позволяет выделить город Слоним как центр развития еврейской культуры. Кроме Слонима синагоги существовали в Зельве, Деречине, Волпе, Росси и других населенных пунктах. Во время войны крупнейшие гетто находились в Слониме, Волковыске и Деречине. В поселках Жировичи и Старая Голынка сохранились братские могилы евреев. В Слониме установлен единственный на территории области памятник жертвам фашизма.

Мирская паломническая зона занимает юго-восточную часть Гродненщины. Это территория Дятловского, Новогрудского и Кореличского районов. Центром является населенный пункт Мир. В поселках Дворец и Турец первые сведения о евреях относятся к периоду до 1569 года. Основными центрами развития еврейской культуры являются Мир и Новогрудок. Во-первых, здесь находились одни из крупнейших еврейских общин в области. Во-вторых, эти города относятся к главным центрам религиозной жизни евреев на Гродненщине. Здесь существовали и сегодня сохранились помимо синагог здания бывших иешив. Мирская иешива была основана в 1815 г. и просуществовала вплоть до присоединения Западной Беларуси к Восточной. Ученики Новогрудской иешивы проводили много времени в постах, а затем вели странствующий образ жизни, приезжали в самые глухие и отдаленные общины и проповедовали основы иудаизма. В-третьих, в Мире размещался один из кагалов ВКЛ. Здание, в котором размещался кагал, сохранилось. Таким образом, Новогрудок и Мир являлись крупными центрами развития культурной жизни. В то же время эти города больше всего подверглись холокосту во время войны. В Новогрудке было создано два гетто. Крупнейшие концентрационные лагеря были в Дятлове и Мире. В поселках Яремичи и Мире сохранились братские могилы евреев. В ряде других городов могилы узников гетто. Например, Любча, Катыки, Козловщина и др.

Радунская паломническая зона находится на северо-востоке области. Она включает в себя территорию Вороновского, Ивьевского, Лидского, Ошмянского, Островецкого, Сморгоньского районов. Время появления евреев связано с периодом 1569–1795 года. Главным центром развития еврейской культуры здесь являлся поселок Радунь, который находится в Вороновском районе. Здесь некогда жил и работал известный еврейский талмудист Исраэля Меира, или более известное его имя Хафец Хаим. Хафец Хаим написал более десятков трудов, вошедших в сокровищницу еврейского закона: «Махане Исраэль» («Стан Исраэля») – для еврейских солдат царской армии; «Гедер Олам» («Ограда мира») – о значении чистоты и скромности для женщин; «Хо-

мат Га-Дат» («Стена Веры») – для домохозяев, с трудом выбирающих время для занятий Торой; «Нидхей ИсГ» («Изгнанники Израэля») – для иммигрантов, скитающихся по всему миру склоне лет, в ожидании прихода Избавителя и другие. Дом, в котором жил великий еврейский философ и проповедник, не сохранился. Несколько лет назад он был разобран и вывезен в США. Хофец Хаимом в 1869 году основан в Радуні иешиву. Могила праведника находится на местном еврейском кладбище. В городе Сморгонь родился Мойше Кульбак, один из крупнейших идишистских поэтов XX века. Память о холокосте здесь хранят места гибели евреев (Городище, Лида, Ошмяны и др.), братские могилы (Стоневичи, Новосады, Кемелишки, Быстрица и др.). В поселке Ягеловщина установлен курган памяти.

Таким образом, на территории Гродненской области основными узлами паломничества являются населенные пункты – Гродно, Слоним, Радунь, Мир. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, развитие, облик, функционирование данных городов прочно переплетались как с общественной, так и религиозной деятельностью евреев. Во-вторых, это главные еврейские культурные центры на Гродненщине. В-третьих, во время войны здесь существовали крупнейшие концентрационные лагеря и гетто данного региона. Следовательно, именно в этих населенных пунктах хранится история жизни еврейского народа на территории Гродненской области.

Список литературы

1. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Белоруссии / М. Ботвинник. – Минск: Беларуская навука, 2000. – 326 с.: табл. – С. 239.
2. Евреи Гродно. Очерки истории и культуры. – Гродно: Белорусский государственный музей истории религии, общественное объединение «Гродненский еврейский общинный дом Менора», 2000.
3. Локотко, А И. Архитектура Европейских синагог / А.И. Локотко.
4. Соболевская, О.А. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О.А. Соболевская, В.В. Гончаров. – Донецк: Норд-Пресс, 2005. – 375 с.

М.В. Цюхай

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ В ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ БЕЛАРУСИ КАК ИНДИКАТОР УРОВНЯ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ИТР (на примере г. Гродно)

В условиях экономического кризиса начала 1990-х годов проектный отечественный комплекс, как и в целом строительный, не только выстоял, но и сумел в целом сохранить свою структуру. Деятельность проектных организаций формирует стартовые условия для последующих этапов строительства, гарантирует непрерывное и успешное возведение объектов, во многом определяет инновационные процессы в строительной отрасли. При этом пополнением кадров с инженерно-технической подготовкой, их закреплением в проектных организациях необходимо заниматься постоянно. А эти процессы связаны с необходимостью разработки комплекса мероприятий по адап-

тации своих сотрудников к условиям данной организации, что невозможно сделать без социологического исследования представлений самих работников. Мера успешности процесса трудовой адаптации определяется в авторском исследовании состоянием адаптивovanности, которое эмпирически интерпретируется рядом составляющих компонентов: профессиональной и социально-психологической адаптацией, удовлетворённостью трудом, потенциальной текучестью кадров, исследованием восприятия оплаты труда и восприятия системы социальных гарантий работниками проектных организаций. Цель данной статьи состоит в представлении взаимосвязи потенциальной текучести кадров и уровня трудовой адаптации инженерно-технических работников в проектных организациях г. Гродно.

Автор опирается на результаты собственного социологического исследования, проведённого в 2008–2009 гг. Опрошено 204 инженерно-технических работника, занятых в семи проектных организациях г. Гродно: из них 55,4% ИТР представляют ОУПП «Институт Гродногражданпроект», 15,2% работают в ДП «Гродносельстройпроект», 9,3% работников – в УП «Гродножилпроект», по 5,9% ИТР работают в проектном управлении ОАО «Гродножилстрой» и ООО «Тектон», 5,4% – в ОАО «Институт Гродногипрострой» и 2,9% ИТР заняты в ЗАО «Инвестлюкс». В выборке 43,6% мужчин и 56,4% женщины. 62,2% выборки составляет молодёжь в возрасте до 30 лет и 37,8% – это ИТР других возрастных групп (от 31 до 65 лет). Менее года работают в данной проектной организации 13,7% ИТР, 36,3% работают на протяжении 1–2 лет, в течение 3–5 лет работают 42,2% респондентов, у незначительной части опрошенных (7,8%) трудовой стаж на предприятии составляет более 5 лет.

Что же представляет собой текучесть кадров? Немецкий социолог Р. Штольберг отмечает, что с точки зрения предприятия текучесть – это не только уход работников, а расходы в связи с текучестью определяются не только ушедшими, но также вновь принятыми работниками. Поэтому в строгом смысле слова лучше всего определить текучесть как совокупность форм смены рабочего места. Она включает: приток и отток (с предприятия и на предприятие), а также смену рабочего места внутри предприятия [1, с. 175]. «Высокая текучесть кадров, – продолжает Р. Штольберг, – противоречит заинтересованности предприятия в формировании и деятельности стабильного производственного коллектива, для которого характерны отличное знание условий на предприятии, обладание необходимыми для предприятия специальными умениями, преданность предприятию, высокий производственный потенциал, а также другие положительные качества. Она также оказывает отрицательное воздействие на остающиеся кадры, может вызвать ухудшение климата в коллективе прежде всего тем, что создаёт у работников представление, что они лишены каких-то преимуществ другого предприятия (например, высокой зарплаты). Это приводит к неудовольствию и к снижению производительности труда, к незаинтересованности в повышении квалификации, в результатах работы предприятия» [1, с. 176].

В своём исследовании мы затрагиваем вопрос не реальной, а потенциальной текучести кадров, то есть готовности работника сменить рабочее место, уволиться с данного предприятия, организации [3] и рассматриваем этот показатель как меру адаптированности инженерно-технических работников проектных организаций. Мы полагаем, что чем выше желание работника не покидать проектную организацию и его готовность прийти на работу в данную организацию (если бы решение принималось сейчас), тем выше включённость работника в организацию, тем он более адаптирован.

Итак, в какой степени инженерно-технические работники опасаются остаться без работы? Лишь 9,8% уверены, что им в принципе не грозит потеря рабочего места. Большинство же респондентов – 64,7% – ответили, что всё может быть, но они без труда смогут найти себе работу по специальности. Примерно равное количество ИТР – 11,3%

и 11,8% соответственно – считают, что всё может быть, но в случае потери работы придётся переквалифицироваться либо обеспокоены, так как скорее всего не смогут найти себе другое место работы. Не дали ответ 2,4% респондентов. Таким образом, видим, что в целом среди работников данной сферы преобладающим является мнение о том, что они даже в случае своего ухода смогут без труда найти работу по специальности.

Большинство ИТР, занятых в проектных организациях, 59,3%, твёрдо желают остаться на прежнем месте работы. Хотя каждый третий работник (33,3%) останется, только если реализует свои планы. Думают об уходе, но пока не предпринимают никаких мер 6,9% респондентов. Только один человек (0,5%) твёрдо решил перейти и подыскивает себе другую работу. Отметим, что всё-таки большинство ИТР нацелены на долгосрочные перспективы своей работы на предприятии и не собираются покидать проектную организацию в ближайшее время.

Когда разрабатывалась анкета, автор предполагал, что на следующий вопрос «Если Вы хотите перейти на другую работу, то на какую?» давать ответ смогут лишь те, кто выбрал 2, 3 и 4 вариант ответа в предыдущем вопросе. А тогда, согласно распределению ответов на предшествующий вопрос, на следующий за ним должны были бы ответить только 83 человека. Оказалось, что дали ответ 87 человек, то есть кто-то и из тех работников, кто твёрдо желал остаться на прежнем месте работы. Судя по всему, и среди некоторой части этой группы респондентов внутренне присутствует желание сменить место работы, хотя внешне это не озвучивается. Так, на любую работу с более высокой зарплатой желают уйти 28,7% респондентов, на аналогичную работу на другом предприятии – 26,4%, на конструкторскую (проектную) работу – 24,1%, по 4,6% ИТР хотели бы перейти на научно-исследовательскую работу либо на аналогичную работу в другой отдел. Лишь один работник (1,2%) желает перейти на преподавательскую работу, свои варианты предложили 10,4% респондентов.

Среди других вариантов ответа доминирует вариант «открыть своё дело» – его назвали 33,4% ИТР, далее следует «уход на более творческую работу» (22,2%). По 11,1% указали на свой возможный уход на линию (стройку) либо в частное унитарное предприятие, занимающееся проектными работами. Ещё по 11,1% отметили возможное «совмещение проектной и строительной деятельности», а также указали на тот факт, что «не могут ответить, поскольку есть свои планы на этот счёт».

При этом на вопрос «Пришли бы Вы снова на это место работы?» (если бы решение принималось в настоящее время) подавляющее большинство ИТР, а это 89,2%, ответили «да». Лишь 6,9% ответили, что они не пришли бы на работу в данную организацию, 3,9% не ответили на данный вопрос.

Среди возможных путей снижения текучести кадров, в том числе и потенциальной, отметим следующие направления работы организации, которые, по мнению самих работников проектных организаций, в особенности важны для поддержки сотрудников на предприятии (а это важный фактор снижения нежелательной текучести кадров). Итак, повышение зарплаты отметили в 66,7% случаев, помощь в предоставлении жилья – 61,8%, предоставление возможностей повышения квалификации – 37,7%, должностное продвижение сотрудников – 33,3%, улучшение условий труда – 25%, другие мероприятия – 2%. Сумма превышает 100%, так как респонденты могли давать более одного варианта ответа. Среди других мероприятий были названы следующие: «коллективные мероприятия отдыха», «организация поездок за границу с целью перенятия опыта; организация семинаров», «система поощрений», «устная благодарность за то, что работаешь».

В целом, подтвердилась наша гипотеза о том, что среди ИТР распространено желание не увольняться из проектных организаций, и высока их готовность прийти на работу в данную организацию (если бы решение принималось в настоящее время). Можно

констатировать достаточно высокую степень адаптированности работников и их включённости в организацию. В заключении отметим, что любая организация должна прилагать максимум усилий, чтобы укрепить у работников чувство привязанности к предприятию.

Список литературы

1. Штольберг, Р. Социология труда / Р. Штольберг. – М., 1982. – 248 с.
2. Самарцева, О.К. Текучесть кадров / О.К. Самарцева // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – С. 323 – 325.
3. Темницкий, А.Л. Текучесть потенциальная / А.Л. Темницкий // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – С. 325 – 326.

Д.А. Бурминский

*Гомельский инженерный институт МЧС
Республики Беларусь, г. Гомель*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ПОЖАРОБЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА НА АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ОПАСНОСТИ

Как известно, лучшим способом борьбы с опасной ситуацией является предупреждение такой ситуации. В настоящее время назрела жизненная необходимость развития культуры личной безопасности, и в частности культуры пожаробезопасного поведения населения [1].

Остановившаяся на приоритетных направлениях деятельности Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, которые были обозначены в решении расширенной коллегии, в работе которой приняли участие руководящий состав отраслевых, территориальных подсистем ГСЧС и ГО и их звеньев во главе с Премьер-министром – начальником Гражданской обороны Республики Беларусь С.С. Сидорским, приоритетное направление «Совершенствование системы формирования в обществе культуры безопасной жизнедеятельности» выделено, как основное направление в снижении количества пожаров и гибели людей на них [2].

На сегодняшний день Гомельская область представляет собой один из крупнейших регионов в Республике Беларусь площадью 40,363 тыс. км², на которой располагается 21 район и 4 района в городе Гомеле, 18 городов, 17 поселков городского типа, 260 сельских советов, 2469 сельских населенных пунктов. Население области на 1 января 2009 года составляет 1464,5 тысячи человек, из них 72,2 % проживают в городах, а 27,8 % – в сельской местности. Из общей численности населения Гомельской области 57,6% находятся в трудоспособном возрасте, 20,4% – моложе трудоспособного и 22% – старше трудоспособного возраста. В городах доля трудоспособного населения составляет 62,7%, моложе трудоспособного возраста – 20,5%, старше – 16,8%. В сельской местности доля трудоспособного населения составляет 46,5%, моложе трудоспособного возраста – 20,1%, старше – 33,4%.

Кроме того, в области сосредоточено большое количество объектов, имеющих оборонное и культурно-историческое значение для всей страны.

На территории Гомельской области расположено более трехсот крупных и средних промышленных предприятий, доля которых в объеме промышленного производства Беларуси составляет 24,1%.

Географическое расположение Гомельской области предопределило ее превращение в крупный транспортный узел [5].

Анализ статистических данных гибели людей в чрезвычайных ситуациях свидетельствует, что антропогенный фактор (показатель степени опасности, угрозы и риска чрезвычайных ситуаций, связанный с человеческим сознанием и человеческой деятельностью) во многом влияет на возникновение чрезвычайных ситуаций, как в производственной, так и социально-бытовой сферах деятельности [2] [3].

А теперь проанализируем причины столь высокой реализации пожарной опасности. Как известно, пожары возникают из-за множества разнообразных причин, вызванных действием трех факторов: природного, социального и техногенного. Однако необходимо отметить, что техногенный фактор реализации пожарной опасности, как правило, непосредственно связан с социальным фактором, так как люди проектируют, создают и эксплуатируют те или иные технические системы и устройства, которые при определенных условиях могут стать причиной возникновения пожара. Поэтому во многих случаях правильнее говорить о «социально-техногенном или техногенно-социальном факторе реализации пожарной опасности». Анализ показал, что больше половины всех пожаров, а именно 72,6% произошли по причинам, обусловленными действием социального фактора, 26,1% пожаров произошли вследствие техногенно-социального фактора и лишь 1,3% пожаров обусловлены действием природного фактора.

Что касается гибели людей на пожарах, то здесь необходимо учитывать условия гибели людей, так в Гомельской области 71%, т.е. больше половины всех погибших находились в состоянии алкогольного опьянения, при котором человек неадекватно воспринимает и оценивает реальность. Поэтому логично предположить, что избавление от алкогольной зависимости уменьшило бы значение основных пожарных рисков на территории области, как минимум, в 2 раза.

На основании приведенного выше анализа статистических данных можно сказать, что влияние людей, т.е. «человеческого» фактора на реализацию пожарной опасности, на обстановку с пожарами в Гомельской области является решающей. Причина этого кроется в морально-нравственном несовершенстве общества, позволяющего небрежно, легкомысленно и безграмотно относиться к источникам воспламенения, горючим веществам и материалам.

И хотя из анализа статистических данных просматривается тенденция к снижению числа пожаров и чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также уменьшение численности погибших и пострадавших, но, несмотря на общее улучшение картины, необходимо продолжать и совершенствовать деятельность в формировании культуры пожаробезопасности населения.

Также следует вести речь о такой норме поведения, которая бы регулировала перевод потенциально опасного в безопасное. Это и будет преобразование нормы безопасности в культуру безопасности. В данном случае культура безопасности – это совокупность форм повседневного поведения человека, в которых находят внешнее выражение моральные и эстетические нормы этого поведения, обеспечивающего безопасность [4].

Возможность движения человека к культуре безопасности обеспечивается общественным процессом, направленным на создание условий для формирования потребности у людей в безопасном образе жизни и для разворачивания деятельности по реализации этой потребности. Для решения этой проблемы предлагаем этапы и задачи программы по формированию культуры безопасности (таблица).

Таблица – Этапы и задачи программы по формированию культуры безопасности

Этапы	Задачи
1. Научное и организационное обеспечение формирования культуры безопасности	1.1. Формулировка основных понятий и терминов, определение их содержания.
	1.2. Разработка идеологии и методологических основ формирования культуры безопасности.
	1.3. Создание организационных структур для разработки и апробации идеологических и методологических основ формирования культуры безопасности.
2. Формирование потребности в культуре безопасности.	2.1. Актуализация и пропаганда идеологии культуры безопасности.
	2.2. Формирование социальной ситуации, акцентирующей внимание на идее безопасного образа жизни как наиболее перспективной и престижной форме организации жизнедеятельности.
3. Разработка и реализация государственной программы по формированию культуры безопасности.	3.1. Реформирование содержания и методов работы органов власти с населением.
	3.2. Создание правовых основ формирования культуры безопасности.
	3.3. Внедрение в сознание людей идей и норм культуры безопасности.

Цель настоящей научной работы состояла в обосновании значимости обучения населения к действиям в ЧС, а именно к действиям в случае пожара, а также значимости формирования в обществе культуры безопасной жизнедеятельности [2] [3].

В соответствии с целью пред научной работой ставились следующие задачи, которые были выполнены в полном объёме:

- проведён анализ социально-экономической характеристики Гомельской области;
- проведён анализ динамики пожаров и гибели людей на них;
- проведён анализ причин пожаров и гибели людей на них;
- проведён расчет и анализ значений основных пожарных рисков в наиболее крупных районах Гомельской области;
- на основе анализа причин пожаров, гибели людей и значений пожарных рисков предложены мероприятия по совершенствованию системы формирования в обществе культуры безопасной жизнедеятельности и построена модель подготовки (обучения) населения Гомельской области мерам пожарной безопасности.

После проведения анализа и проработки нормативной документации по направлению организации обучения мерам пожарной безопасности можно сделать заключение о целесообразности продолжения уже ведущегося обучения и его совершенствования в направлении использования подходов к обучению работающих и населения культуре безопасности жизнедеятельности, исходя из повышения качества обучения, путём внедрения новых форм и методов работы в данном направлении. Также необходимо активизировать работу в области пропаганды безопасной жизнедеятельности, акцентировав внимание:

- на участии руководящих работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям в сельских сходах;
- проведении совместных рейдов с представителями местных органов власти, труда и социальной защиты, образования, органов внутренних дел, СМИ и иных заинтересованных лиц по изучению вопросов обеспечения безопасных условий проживания граждан, в особенности многодетных семей, престарелых одиноко проживающих и инвалидов;

- организации информационной работы в непосредственном контакте с населением и т.п., при этом исключив из указанной деятельности формализм.

Решение всего комплекса предложенных в работе задач позволит создать современную модель подготовки (обучения) населения мерам пожарной безопасности и сформировать новую культуру в области личной и общественной безопасности, а тем самым приведёт к снижению численности погибших и числа чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Брушлинский, Н.Н. Человечество и пожары / Н.Н. Брушлинский, С.В. Соколов, П. Вагнер. – М.: АГПС МЧС России, 2007.

2. Бурминский, Д.А. Значение подготовки населения в области гражданской обороны и к действиям в ЧС в снижении риска гибели людей и возникновении ЧС / Д.А. Бурминский, С.А. Волков // Запобігги, врятовати, допомогти: матеріали XIII науково-технічної конференції курсантів та студентів УЦЗ України. – Харків: УЦЗ України, 2009. – С. 490–492.

3. Бурминский, Д.А. Значение подготовки населения к действиям в ЧС в снижении риска гибели людей и возникновении ЧС / Д.А. Бурминский, С.А. Волков // Чрезвычайные ситуации: теория и практика: сб. материалов международной науч.-практ. конференции. – Гомель: ГИИ, 2009. – 244–246.

4. Амелъчугов, С.П. Формирование культуры безопасности как государственная проблема / С.П. Амелъчугов, С.В. Амелъчугова, Ю.А. Андреев, А.А. Снетков, М.В. Гришко // Пожарная безопасность многофункциональных и высотных зданий и сооружений: материалы XIX науч.-практ. конф. – Ч. 2. – М.: ВНИИПО, 2005. – 419 с.

5. www.belstat.by.

Н.В. Юргель

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (на примере «БелКард»)

В период системных преобразований происходит трансформация государственного социалистического предприятия в фирму, самостоятельно принимающую решения. Выйдя из централизованной системы и получив самостоятельность, бывшее советское предприятие столкнулось с издержками межфирменных отношений, управление которыми в командной экономике в основном находилось в руках «центра».

По мере увеличения размеров фирмы растут издержки оппортунистического поведения в отношениях «поручитель–исполнитель». По этой причине исследование функционирования деятельности фирмы поднимает проблему оппортунистического поведения. Оппортунизм представляет собой способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, не ограниченными соображениями морали и противоречащего интересам других агентов. В экономической литературе выделяют следующие формы оппортунистического поведения, которые представлены в таблице.

Таблица – Формы оппортунистического поведения

Оппортунизм работников	Оппортунизм менеджеров по отношению к работникам
предконтрактный	
<p>Неблагоприятный отбор означает завышение нанимаемыми работниками реальных способностей, навыков, знаний. Изменение планов – нанимаемый работник предполагает заключить контракт на ограниченный срок, так как хочет работать под руководством данного менеджера лишь временно, но скрывает свои планы от работодателя. Шпионаж – нанимаемый сотрудник устраивается на работу с целью получить внутрифирменную информацию.</p>	<p>Испытательный срок – работодатель нанимает работника на испытательный срок с преднамеренным последующим его увольнением. Конкуренция между фирмами – фирма принимает работника, не нуждаясь в нем, чтобы он «не достался» компании-конкуренту.</p>
послеконтрактный:	
<p>Отлынивание обозначает выполнение работы с меньшей отдачей, чем следует по договору. К отлыниванию относятся также периодические отлучки с рабочего места, посторонние дела и пр. Небрежность заключается в сознательно допускаемой халатности, небрежном отношении к оборудованию и т.п. при мнимом исполнении всех норм и правил. Использование служебного положения заключается в применении материалов и оборудования для «внеконтрактного» использования.</p>	<p>Занижение оценки работника – оценка деятельности работника не соответствует реальной. Большой объем работ – выполняемый объем не соответствует декларируемому уровню оплаты труда. Личные симпатии – распределение работ, премий и других вознаграждений на основе личных симпатий.</p>

Источник: [1].

В целом, проявление любых форм внутрифирменного оппортунизма существенно снижает эффективность функционирования фирмы. Наиболее эффективной системой снижения издержек оппортунистического поведения наемного работника является формирование организационной культуры, т.е. системы формальных и неформальных норм и правил, регламентирующих поведение работников внутри организации, в соответствии с которой оппортунистическое поведение неприемлемо. Как отмечает А. Олейник, «организационная культура основывается на совокупности норм, правил и традиций, регулирующих взаимодействия членов организации, являющейся отражением их коллективных знаний и опыта» [2, с. 53].

Предприятия в командно-административной системе имели свою организационную культуру, так как она присутствует в каждой организации и может либо способствовать, либо затруднять достижение поставленных целей. Советская власть внимательно относилась к организационной культуре на предприятиях, так, имели место рабочие вечера и праздники, демонстрации и субботники, фирменная одежда и символика. Эти мероприятия связывали людей узами организационного духа и привязывали к своему месту работы. Основными признаками прежней организационной культуры были: однородность культуры, господствующей во всех организациях; однообразие культуры в данном учреждении; уверенность сотрудников в том, что кто-то обеспечит им все необходимое для выполнения работы, создаст нужные условия, возьмет на себя ответственность; фетишизм производства; отсутствие умения работать в группах и лидеров, способных поднять за собой людей.

Усложнение управленческих задач, связанных с новым этапом развития экономики, приводит к необходимости изменения организационной культуры и её структуры. Ошибка, которую часто допускают предприятия, – это желание провести стратегические преобразования без реформирования организационной культуры. Для предприятий в трансформационной экономике характерно отсутствие целенаправленного управле-

ния процессом создания внутрифирменной культуры, а также сохраняется тенденция к крайней централизации управления. Это объясняется рядом особенностей: мощные привилегии, которые получили директора предприятий; социальная уязвимость рабочих; низкий уровень правовой и экономической культуры населения, что является прямым следствием существования командно-административной системы [3, с. 182].

Вместе с тем, в настоящее время отмечается тенденция мирового менеджмента к усилению корпоративного вектора в управленческом взаимодействии, поскольку эффективность коллективного труда зависит от уровня развития культуры организации. По мнению специалистов, такие преуспевающие компании, как «IBM», «Apple Computers», «Hewlett-Packard», «Jonson&Jonson», «Procter&Gamble», «Макдональдс» и многие другие обязаны своим процветанием высокой и сильной организационной культуре. Организационная культура приносит фирме совершенно конкретный материальный результат.

Вопрос организационной культуры среди белорусских предприятий стоит особенно актуально, так как большинство технологий организационной культуры применяемых на белорусских предприятиях заимствованы из опыта западных компаний и практически не адаптированы. Практика хозяйствования отечественных предприятий наглядно демонстрирует, что для большинства из них процесс формирования организационной культуры находится пока лишь на стадии становления.

Исследование, проведенное автором на одном из ведущих предприятий Гродненской области – открытом акционерном обществе «Белкард», показало, что в отличие от большинства предприятий, где были приняты управленческие решения о выводе из состава предприятий различных объектов социального назначения, в ОАО «Белкард» имеются: комбинат питания, медицинское объединение с санаторием-профилакторием, три дошкольных учреждения, физкультурно-оздоровительный комплекс, общежитие, кафе. Задача администрации поддерживать организационную культуру таким образом, чтобы она являлась материальной силой, воздействующей на экономическую эффективность и социальный процесс отчуждения труда. Этому могут способствовать:

1) наличие взаимосвязи между производительностью труда и вознаграждением участников. В коллективном договоре можно отразить закономерность роста зарплаты в связи с ростом производительности труда. Работники должны видеть эти взаимосвязи подтвержденными документально и верить, что их не обманут;

2) аналогично, можно предложить внедрение премий за снижение издержек, что приведет к «реанимированию» института рационализаторства;

3) забота о работниках со стороны руководства должна также проявляться в обеспечении нормальных условий труда. Необходимо гарантировать работникам не только обязательный минимум в соблюдении техники безопасности, но и постоянно улучшать условия труда, которые могли бы стимулировать к росту производительности труда. Для реализации этих задач необходимо создать специальный фонд накопления;

4) необходимо периодически переобучать работников и давать им возможность карьерного роста, а также предоставлять определенные льготы (которые должны быть закреплены документально);

5) часть средств, находящихся в распоряжении предприятия, необходимо расходовать на социальные нужды: путевки в санаторий, бесплатное лечение, летний отдых детей, совместное празднование государственных праздников и т.д.;

6) не менее важным является и психологический аспект взаимоотношений работников. Обязательным условием нормального функционирования предприятия является хороший морально-психологический климат в коллективе. Не менее важны для работников доброжелательные отношения с руководством.

Список литературы

1. Попов, Е. Оценка внутрифирменного оппортунизма работников и менеджеров / Е. Попов, В. Симонова // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 4. – С. 108–117.
2. Олейник, А.Н. Институциональная экономика: учеб. пособие / А.Н. Олейник. – М.: ИНФРА–М., 2000. – 416 с.
3. Федорова, Н.Н. Организационная структура управления предприятием: учеб. пособие / Н.Н. Федорова. – М.: Велби, 2003. – 256 с.

Е.В. Концеал

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

СЕГМЕНТАЦИЯ РЫНКА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Для максимально эффективного функционирования субъект хозяйствования должен правильно определить свой сегмент рынка существующих и потенциальных потребителей, выбрать соответствующие инструменты воздействия на него, а также стратегию своего развития в зависимости от спроса. В основе данных направлений лежит сегментация рынка, представляющая собой деление рынка (потребителей) на группы в соответствии с определенными критериями.

Целью представленного исследования является определение целевого сегмента медицинского центра «Лодэ» в г. Гродно и разработка стратегических направлений, которые позволят максимально удовлетворить спрос потребителей. Для проведения исследования была разработана анкета, вопросы которой позволяют составить социальный портрет потребителя медицинских услуг частной системы здравоохранения, а также определить его мнение по некоторым направлениям.

При проведении выборочного наблюдения использован случайный бесповторный способ отбора респондентов. Фактический объем выборки составил 206 человек. Сегментировать выбранную совокупность можно несколькими методами. Наиболее часто используемыми являются кластеризация, автоматическая интеракционная детекция и факторный анализ. В представленном исследовании использован метод кластерного анализа. Выбранный метод позволяет производить сегментирование одновременно по нескольким признакам, что повышает его качество за счет синергетического эффекта и снижает степень субъективности выводов по результатам исследования.

В качестве признаков сегментирования были использованы семь характеристик респондентов: пол, возраст, семейное положение, размер семьи, образование, социальный статус, уровень доходов.

Первые четыре признака относятся к группе демографических, признак «образование» – к группе национально-культурных, последние – к социально-экономическим. Остальные признаки, относящиеся к группам географических, поведенческих, психологических и психографических, было решено использовать в качестве дополнительных дескриптивных характеристик выделенных сегментов при выявлении их сходств и различий.

В результате иерархического кластерного анализа, проведенного с использованием программы SPSS, были выделены два кластера. Группы характеризуются статистической и практической значимостью и поэтому могут быть интерпретированы как рыночные сегменты. В первый вошли 23 респондента мужского пола (95,7% составляют

мужчины) со средним возрастом 38 лет. Из них 95,7% неженаты, 82,6% указали на то, что живут обособленно и без детей (размер их семьи – один человек), 65,2% имеют высшее (незаконченное высшее) образование, 73,9% работают, большинство в частном секторе экономики, уровень дохода респондентов значительно выше среднего по выборке. Выделенный сегмент условно можно назвать «Богатые холостяки».

Второй сегмент представлен в основном женщинами (80,3%) со средним возрастом 34 года, в большинстве своем (71,6%) замужними, имеющими 1-3 детей, с разным уровнем образования, работающими (из них 66,7% в государственном секторе экономики), имеющими уровень дохода несколько ниже среднего по выборке. Данный сегмент условно назван «Настоящие женщины».

Далее представлена характеристика выделенных сегментов по дополнительным признакам.

Географические признаки. В рамках данной группы признаков анкета, при помощи которой собиралась информация о потребителях медицинских услуг, содержала вопрос о месте постоянного проживания. Ответы респондентов обоих сегментов рынка распределились схожим образом. Так, 87–88% отвечающих проживают в городских населенных пунктах, остальные в сельской местности. Следует отметить также то, что около 70% всех респондентов проживают в г. Гродно.

Психологические признаки. Такой мотив покупки медицинских услуг за собственный счет как «вопросы престижа» не получил большой популярности ни в одном сегменте. Тем не менее, из «Богатых холостяков» его выбрали 10,4%, сегмент «Настоящих женщин» – всего 3,2%. Такая разбежка дополнительно подчеркивает корректность полученной классификации исследуемого рынка.

Желание и готовность нести ответственность самостоятельно за состояние своего здоровья отметило доминирующее большинство (73,9%) «Богатых холостяков», остальные потребители данного сегмента (26,1%) возлагают данную ношу и на себя и на государство в равной степени. Надежды на одно лишь государство нет ни у одного респондента из первого сегмента. Группа «Настоящих женщин» оказалась менее уверена в своих силах: 50,8% надеются на себя, 46,4% предпочитают совместить силы государства со своими возможностями, а 2,7% считают, что функции, связанные с заботой об их здоровье, должны полностью выполняться государством.

Состояние своего здоровья более оптимистично оценивает сегмент «Богатых холостяков», среди которых 65,2% относят себя к категории «здоровых людей», 34,8% имеют заболевание. Из «Настоящих женщин» лишь 49,2% считают себя «абсолютно» или «практически» здоровыми, 50,2% отметили, что имеют заболевания и 0,5% – имеют инвалидность.

Поведенческие признаки. Дополнением двум последним описанным характеристикам может служить частота обращений респондентов за медицинским обслуживанием. В среднем каждый потребитель первого сегмента посещает частный медицинский центр 1,5 раза в год и 1,7 раза в целом обращается за медицинской помощью в организации здравоохранения с любой формой собственности. Представители сегмента «Настоящие женщины» делают это 1,6 и 2,6 раза соответственно.

Статус пользователя позволяет определить ответ на вопрос «Являетесь ли Вы постоянным пациентом данной медицинской организации?». Среди «Богатых холостяков» постоянных потребителей МЦ «Лодэ» не выявлено, большинство представителей сегмента (52,2%) являются потребителями-новичками, соответственно 47,8% – регулярные потребители, т.к. обращаются в медицинский центр «по некоторым вопросам». Во втором сегменте ответы респондентов распределились несколько иначе: 4,4% – постоянные потребители медицинских услуг Лодэ, 53,6% – регулярные потребители, и 42,1% являются потребителями новичками. Так, можно сделать вывод, что сегмент «Настоящих женщин» не только более крупный по размеру, но и представлен более опытными потребителями услуг медицинского центра.

Побуждает обращаться за медицинским обслуживанием в частную систему здравоохранения представителей сегмента «Богатые холостяки» в основном возможность экономии времени (отметили 41,7%), а также возможность выбора специалистов (отметили 18,8%), квалификация врачей и отношение персонала к больным (по 10,4%). Рейтинг стимулов обращаться за медицинским обслуживанием на платной основе у потребителей второй группы несколько отличается. На первом месте с меньшей популярностью (отметили 33,2%) – возможность экономии времени, на втором – отношение персонала к больным (отметили 18,18%), на третьем – квалификация врачей и наличие необходимого оборудования (по 14,6%), возможность выбора специалистов оценили 13,3% респондентов.

Обобщая портреты потребителей медицинских услуг частной системы здравоохранения двух сегментов можно сделать следующие выводы.

Наиболее привлекательным для частного медицинского центра является сегмент, условно названный в представленном исследовании «Настоящие женщины». Менее оптимистично оценивая состояние своего здоровья, чем представители сегмента «Богатые холостяки», они чаще обращаются за помощью к медицинским специалистам в целом и в частую систему здравоохранения в частности. Его представители в качестве желаемых услуг отметили все из 18 предложенных в анкете, а также дополнили своими в открытом вопросе. Наибольшей популярностью пользовался ответ об услугах гинеколога (отметили 30,6%), стоматолога (21,3%), УЗИ (17,9%). Рекламно-информационное воздействие потребители данного сегмента ощущают в настоящее время через представителей самих медицинских организаций (отметили 15,7% респондентов) и газеты (14,7%), однако основной поток информации получают от знакомых (45,8%). Продвигать медицинские услуги следует через газеты, их отметили в качестве желаемого источника информирования 30,3% респондентов, через телевидение (отметили 26,2%), а также консультации специалистов организаций здравоохранения (14,8%).

Менее привлекательным по объему сегментом, но представленный более приверженными потребителями, является сегмент условно названный «Богатые холостяки». Можно предположить, что данный сегмент недостаточно освоен, но является стратегически привлекательным и при реализации определенных маркетинговых усилий его объем увеличится. В качестве приоритетных специальностей для представителей данного сегмента являются услуги стоматолога (их отметили 36,4%), массажиста (15,2%), невропатолога (12,1%), сексопатолога (9,1%), уролога и УЗИ (по 8,7%). Информацию о медицинских услугах респонденты в настоящее время получают в основном от знакомых (70,4%), но пожелания высказали о телевидении (44,4%) и газетах (22,2%), на что и рекомендуется обратить внимание при разработке политики продвижения в частной системе здравоохранения.

Е.Б. Палховская

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Одним из основных показателей социального развития является стратегия экономического поведения, демонстрируемая населением. Главное содержание экономического поведения – построение индивидуальных и групповых стратегий, направ-

ленных на максимизацию выгоды, прежде всего на улучшение материального благополучия индивидов. Уровень материального положения – один из главных факторов, предопределяющих социально-экономические условия жизни населения. Под влиянием данного фактора формируются представления людей об успешности преобразований в обществе, их ожидания в отношении личных перспектив.

По данным социологических мониторингов, ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, за период с 2002 по 2008 г. не менее 9/10 занятого белорусского населения в качестве основного источника денежных доходов указывали «заработную плату по основному месту работы». Доля заработной платы в совокупности денежных доходов семей, по данным статистики, почти не изменялась за последние пять лет и в 2008 г. составила 2/3 в структуре денежных доходов населения [2]. В данном исследовании мы сосредоточимся на анализе заработной платы как мотиватора стратегий экономического поведения индивидов.

В контексте государственной социальной политики заработная плата должна мотивировать экономическое поведение индивида, как перебор экономических альтернатив с целью рационального выбора, через реализацию воспроизводственной, стимулирующей, регулирующей и социальной функций [4, с. 84–89].

Однако реализация важнейших функций заработной платы значительно затруднена. Так, воспроизводственная функция заработной платы реализуется недостаточно в силу несоответствия низкого уровня оплаты труда основного массива работников и высокой стоимости жизни, поэтому главной ценностной ориентацией работающих членов семей становится стремление удерживать в состоянии баланса доходную и расходную части семейного бюджета, с целью сохранить (а если возможно – улучшить) материальное благосостояние семьи. Реализация стимулирующей функции заработной платы мало зависит от индивидуальных и коллективных результатов труда на предприятиях, в отраслях и областях республики. Заработная плата должна стимулировать перелив рабочей силы из производственных в непроизводственные сферы экономики, из традиционных в инновационные сферы хозяйственной деятельности, из столицы, куда направлены основные миграционные потоки, в регионы страны, особенно в сельскую местность, где наблюдается устойчивый дефицит трудовых ресурсов. Однако этого не происходит, поскольку зарплата в Минске выше, чем в областях республики (таблица 1); зарплата в производственных отраслях выше, чем в непроизводственных (кроме зарплат в сельском хозяйстве, которая самая низкая по республике и составляет 683 тыс. руб.), зарплата работников многих отраслей непроизводственной сферы таких как здравоохранение, образование, культура, искусство, намного ниже средней по народному хозяйству республики [1, с. 11, 32].

Таблица 1 – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата по областям

Области	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата тыс. руб., январь 2009	Изменение реальной заработной платы в % (январь 2009 к январю 2008)	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата в январе 2009 в % к среднереспубликанскому уровню
Республика Беларусь	989,8	99,7	100
Брестская	874,8	100,9	89,3
Витебская	884,0	100,9	87,5
Гомельская	933,8	100,2	94,3
Гродненская	906,2	100,4	91,3
г. Минск	1314,9	99,8	134,2
Минская	950,5	98,9	95,7
Могилевская	869,0	97,4	87,6

Регулирующая функция заработной платы реализуется недостаточно, так как применяемый в ней норматив минимальной заработной платы покрывает только 67,6% минимального потребительского бюджета и не гарантирует наемным работникам минимально допустимый уровень потребления. Регулирование социальной функции, нацеленное на обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда, происходит не только за счет повышения ВВП, но и за счет перераспределения денежных доходов между высоко и низкооплачиваемыми слоями населения, что способствует уравнительному характеру оплаты труда и снижает трудовую мотивацию. Актуализируется проблема не только улучшения реализации названных функций заработной платы, но и проблема их согласования друг с другом для нормального функционирования заработной платы как мотиватора стратегий экономического поведения индивидов.

Используя данные республиканского социологического исследования занятого населения «Оценка населением изменений в сфере занятости в условиях становления инновационной экономики»⁹⁸, были проанализированы особенности экономического поведения, характерные для занятого населения республики. Пассивность/активность экономического поведения занятого населения можно «замерить» вопросом «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?» (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?»

Область	Повышаю свой доход всеми возможными способами	Стараюсь жить по средствам	Снижаю уровень своих запросов и потребностей
Брестская	21,5	54,6	21,5
Витебская	25,6	51,2	18,6
Гомельская	17,4	56,8	20,3
Гродненская	23,7	51,8	20,0
Минск	16,1	55,8	24,1
Минская	16,3	58,3	21,9
Могилевская	11,8	64,9	17,6
В среднем по республике	18,8	56,2	25,0

Данные, приведенные в таблице, показывают, что действовать активно, с инициативой сегодня готовы менее 1/5 белорусов. Необходимо отметить, что жители областей гораздо чаще, чем жители Минска и Минской области демонстрируют активное экономическое поведение, характеризующееся формулой «стараюсь повышать свой доход всеми возможными способами». Кроме этого, занятое население областей республики по сравнению с жителями г. Минска намного более вовлечены во вторичную занятость для повышения своего материального благосостояния, прошли обучение, переобучение и повышение квалификации за последние 2 года, готовы к поиску нового рабочего места в ситуации неудовлетворенности прежним, открыты для территориальной и профессиональной мобильности. Безусловно, некоторая пассивность в экономическом поведении жителей Минска связана с более высокой заработной платой. Жители Минска демонстрируют более высокую удовлетворенность заработной платой, чем жители областей, а следовательно, необходимость быть вовлеченным во вторичную занятость

⁹⁸ В социологическом исследовании, проведенном в октябре-ноябре 2007г. отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси, выборочная совокупность составила 1485 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, составила $\pm 3\%$. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т.е. население республики.

или желание переменить место работы в связи с неудовлетворенностью прежним не является столь актуальной для минчан по сравнению с региональным населением.

Однако активное экономическое поведение присуще лишь 1/5 населения республики (по данным республиканского мониторинга в 2002 г. каждый второй готов был действовать активно, с инициативой). Если группы, успешно адаптирующиеся в складывающихся социально-экономических условиях, нуждаются в первую очередь в том, чтобы государство создавало условия для реализации их активности, то группы, испытывающие существенные сложности с адаптацией к жизни в условиях рыночных отношений, нуждаются в сильной социальной политике, направленной на их адаптацию к жизни в новых социально-экономических и социально-политических условиях.

Поэтому, важным направлением упрочения экономической безопасности Беларуси должна стать выработка государственной политики, направленной на обеспечение реальной социально-экономической самодостаточности населения, превращение населения в действенный субъект общественной жизни. Эта политика должна предусматривать комплекс мероприятий, нацеленных на увеличение денежных доходов, оптимизацию денежных расходов, уменьшение доли населения с денежными доходами ниже бюджета прожиточного минимума, создание условий для развития малого и среднего бизнеса, поддержку тех социальных слоев и групп, которые готовы и способны мобилизовать имеющиеся у них ресурсы, чтобы выработать продуктивные модели экономического поведения и обеспечить стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Список литературы

1. Денежные доходы и расходы населения Республики Беларусь (Стат. сб.). – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. – 57 с. (11, 32)
2. Заработная плата // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальная статистика. Оперативные данные [Электронный ресурс]. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/dec/pril/8.pdf> – Дата доступа: 03.02.2010 г.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2009: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский и [др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2009. – 599 с. (153)
4. Трансформационные процессы в Беларуси и России / Г.Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск: Белорусская наука, 2009. – 184 с.

О.В. Ипатова

Брестский государственный технический университет, г. Брест

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Регионы Европы издавна сотрудничали и торговали между собой, являясь составляющими частями национальных рынков своих государств. Со снятием в Евросоюзе внутренних экономических границ это сотрудничество выплеснулось на просторы «единого внутреннего рынка» ЕС, стало трансграничным. К различным формам трансграничного сотрудничества стали привлекаться не только частные фирмы, но и региональные (местные) администрации. До снятия таможенных барьеров приграничные ре-

гионы в силу своей географии оказывались периферией для своих столиц. В итоге, оставая в своем развитии, именно они в новых условиях надеются на решение своих проблем через объединение добрососедских усилий. Все большее распространение, например, приобретают межрегиональные соглашения о поощрении занятости, особенно там, где с безработицей не могут справиться центральные власти.

Не случайно, что этот, прежде не востребуемый, потенциал трансграничного межрегионального сотрудничества ныне реализует себя по экспоненте. Именно здесь располагаются ныне зоны и полюса роста западноевропейской экономики, вплоть до формирования поверх границ национальных государств самостоятельных, территориально-производственных комплексов, которые уже получили свое обиходное определение «еврорегионы».

Трансграничное межрегиональное сотрудничество отнюдь не замыкается рамками ЕС, а в последнее время все шире выходит за его пределы. Вызревают и проблемы (транспорт, энергетика, миграция рабочей силы и т.д.), требующие для своего решения расширенного территориального подхода. Наконец, все соседние государства имеют с ЕС либо ассоциативные (остатки ЕАСТ, объединенные с ЕС в Европейское экономическое пространство), либо преференциальные торговые соглашения (СНГ, Средиземноморье), создающие благоприятные условия для такого сотрудничества, а часть этих сопредельных государств целенаправленно готовит себя к присоединению к ЕС. На этих внешних направлениях начинается формирование своих узлов сотрудничества, хотя пока организационно более аморфных, чем внутри ЕС.

Быстрый рост межрегионального сотрудничества через внутренние и внешние границы ЕС не проходит мимо внимания руководства Евросоюза. Учитывая его важность для формирования «единого внутреннего рынка» и проведения внешнеэкономической политики ЕС за его пределами, к этой сфере были подключены структурные фонды Сообществ, тем более что многие приграничные регионы в силу указанных выше причин являются их бенефициарами. Однако главную стимулирующую и организующую роль в этой области играют «Инициативные программы» ЕС, а именно:

Интеррег – Инициатива «Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития» состоит в продвижении межнационального и межрегионального сотрудничества и сбалансированного развития территории ЕС. Ядром Инициативы являются действия на границах и в пограничных областях (цель «А»). С расширением большее внимание уделяется внешним границам ЕС. Специальное внимание должно уделено ультрапериферийным, замкнутым областям и сотрудничеству между городами.

Интеррег I – поощрение межрегионального трансграничного сотрудничества внутри ЕС. **Интеррег II** – поощрение межрегионального сотрудничества через границы ЕС. В течение прошлого программного периода (1994–1999) Интеррег II продолжил и расширил функции Интеррег I внутри трех сфер: международное сотрудничество на региональном и национальном уровнях (цель «А», 2 600 млн экю), завершение межнациональных энергетических сетей (цель «В» – интеграция внутри ЕС, 550 млн экю) и объединенные действия по предотвращению наводнений и засухи и развитию пространственного планирования крупных групп географических областей ЕС и ЦВЕ (цель «С» – развитие отстающих регионов ЕС, 413 млн экю) [1]. В последующем были разработаны Интеррег IIIВ и **Интеррег IVС**.

ФАРЕ – основная программа технической помощи ЕС для стран ЦВЕ и Балтии в 1990–1995 гг. Первоначально программа ФАРЕ была нацелена на оказание помощи исключительно Польше и Венгрии. Затем, однако, она распространилась на Чехословакию, Болгарию, Румынию и Югославию, а с 1992 г. – на Албанию и государства

Балтии. Страны СНГ не подлежат включению в программу ФАРЕ. Для них ЕС создал параллельный фонд. Из нее частично финансировался, например, проект развития инфраструктуры, экологии и туризма между Саксонией и прилегающими регионами Польши и Чехии (216 млн экю) [2, р. 164]. Общая помощь со стороны ЕС и его стран-членов 12 странам Центральной Европы составляет 33,8 миллиард экю в период с 1990 по 1994 года – 45% общей помощи, которую получили эти страны. Около 5,3 млрд экю было передано для стран ЦВЕ на период 1990–1995 годов [3, с. 1.]. В целом в 1995–1999 гг. страны-кандидаты из ЦВЕ ежегодно получали 1,3 млрд, а в 2000–2006 гг. – 1,5 млрд евро [4].

ТАСИС – программа ЕС, которая была предназначена для содействия развитию рыночной экономики и демократии в странах СНГ и Монголии путем безвозмездного предоставления ноу-хау. ТАСИС включала в себя Программу по трансграничному сотрудничеству, которая по состоянию на 20.11.2002 г. включала 11 проектов для Беларуси стоимостью 3 446 тыс. евро [5].

Европейский инструмент добрососедства и партнерства (ЕИДП) – программа политики добрососедства, проводимой ЕС, заключающаяся в оказании технической помощи в 2007–2013 г. и пришедшая на смену ТАСИС. Странами-партнерами ЕИДП являются 17 соседней ЕС, среди которых Беларусь, Украина и Россия. В результате на 2007–2013 гг. предусмотрено увеличение объемов финансовой помощи странам-партнерам на 32%, т.е. до 12 млрд. евро [4]. Согласно принятому Регламенту, в ЕИДП, как и в Программе ТАСИС, предусматривается 5 типов программ: национальные, региональные, межрегиональные, тематические и программы трансграничного сотрудничества. Сейчас ЕС реализуются 3 программы трансграничного сотрудничества в рамках ЕИДП – «Регион Балтийского моря», «Латвия – Литва – Беларусь», «Польша – Беларусь – Украина», которые являются продолжением одноименных программ добрососедства, продолжают и расширяют транснациональное сотрудничество стран-участниц, начатое в 2004–2006 гг. Общий бюджет программ в 2004–2006 гг. составлял более 50,4 млн евро [6].

Программа трансграничного сотрудничества **«Регион Балтийского моря»** одобрена Европейской Комиссией 21 декабря 2007 г. Соглашение о финансировании подписано Беларусью 31 декабря 2008 г. Общий бюджет Программы составляет 236, 6 млн. евро, в том числе: из средств Европейского фонда регионального развития – 208 млн. евро; из средств ЕИДП – 22,6 млн евро для проектов с участием Беларуси; из средств Норвегии – 6 млн евро [7]. Действие программы распространяется на Данию, Финляндию, северо-восток Германии, Эстонию, Литву, Латвию, Польшу, Швецию, Норвегию, Беларусь, северо-запад России. Цель программы ЕИДП **«Латвия – Литва – Беларусь»** – сближение уровня социально-экономического развития различных частей трансграничного региона за счет сокращения региональных различий, обеспечения экономического и социального благосостояния и культурной идентичности его жителей. В рамках одноименной программы в 2004–2006 гг. было реализовано 14 проектов с белорусскими партнерами. Общий бюджет программ **«Латвия – Литва – Беларусь»** и **«Польша – Беларусь – Украина»** составляет соответственно 41,7 млн евро и 186, 2 млн евро [8, с. 9]. В рамках одноименной программы **«Польша – Беларусь – Украина»** в 2004–2006 гг. было реализовано 7 проектов с белорусскими партнерами.

После расширения ЕС Беларусь стала непосредственным соседом ЕС, и это сделало более тесными контакты в рамках программ приграничного сотрудничества и программ политики добрососедства. Объемы финансовой и технической помощи, пре-

доставленной ЕС в рамках различных программ трансграничного сотрудничества, свидетельствуют о том, что ЕС является крупнейшим многосторонним донором технической помощи, в частности, и для Республики Беларусь. Очевидно, что перспективность и важность расширения экономического сотрудничества приграничных регионов Беларуси и ЕС не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Петрожицкая, Л.Ф. Международный опыт межрегионального сотрудничества в контексте регионального взаимодействия России со странами СНГ / Л.Ф. Петрожицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=181&bulsectionid=20602>. – Дата доступа: 20.01.2010.
2. ЕС. 7th Annual Report on the Structural Funds. – Brussels, 1996.
3. ЕС и страны Центральной и Восточной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.webknow.ru/otnoshenija_00185_5.html – 6 с.
4. Стрелков, А. Евросоюз: Drand Nach Osten / А. Стрелков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nashavlast.ru/article_description/105/1016.html / 20.01.2010.
5. Техническое содействие Европейского Союза развитию белорусского законодательства с привлечением компьютерных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ncpi.gov.by/conf/report/r_27.htm / 20.01.2010.
6. Панич, А. Проекты ТАСИС в Беларуси / А. Панич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/sn/2006/42/sn64203.html> / 20.01.2010.
7. Программа трансграничного сотрудничества «Регион Балтийского моря» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cu4eu.net/ru/instruments/enpi/cbc/baltic/20.01.2010>.
8. Программа трансграничного сотрудничества «Латвия – Литва – Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cu4eu.net/ru/instruments/enpi/cbc/lb/20.01.2010>.
9. Программа трансграничного сотрудничества «Польша – Беларусь – Украина» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cu4eu.net/ru/instruments/enpi/cbc/pbu/20.01.2010>.

Н.Н. Сечко

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ

Процессы социально-экономических преобразований в Республике Беларусь сопровождаются усилением неравномерности регионального развития, поэтому «Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений» ориентирована на обеспечение комплексного развития внутриреспубликанских регионов, приоритетное развитие малых и средних городских поселений. В этой связи особое внимание должно быть уделено развитию региональных рынков труда и комплексному использованию их трудовых ресурсов, повышению эффективности занятости в целях повышения уровня и качества жизни населения регионов.

Региональный рынок труда принято рассматривать как сложившуюся относительно самостоятельную систему взаимодействия между спросом и предложением рабочей силы, выделенную определенным образом из системы национального рынка труда, не противоречащую его нормативно-правовому полю, но имеющую ряд особен-

ностей, обусловленных ее местом в системе национальной экономики, географическим положением, демографическими тенденциями, производственно-хозяйственным комплексом и т.д. Сложившееся административно-территориальное деление республики на шесть областей не изменялось с 1961 года. В каждой из них формировался свой территориально-хозяйственный комплекс, ориентированный на местные природные и трудовые ресурсы. Однако региональные рынки труда по своей структуре не в полной мере совпадают с принятым в республике административно-территориальным делением. Регионализация в Беларуси не сводима к областному делению, поскольку внутри каждой из областей можно выделить промышленные и сельскохозяйственные районы, развивающиеся и стагнирующие.

Эффективность занятости разделяется в рамках социологического подхода на экономическую и социальную составляющие. Экономическая эффективность занятости – работа на эффективных рабочих местах – означает удовлетворение предложения рабочей силы рабочими местами, занятость на которых предполагает целесообразную деятельность и обеспечивает работникам доход, позволяющий эффективно воспроизводить их человеческий капитал, обеспечивать достойный уровень жизни населения. Для ее изучения оценивают экономические показатели деятельности предприятий (организаций), средний уровень заработной платы и уровень жизни в регионе.

Социальная эффективность занятости означает результативность занятости с точки зрения улучшения условий для развития человека, расширения возможности удовлетворения социальных потребностей человека. Для ее изучения анализируется уровень и структура безработицы в регионе, степень удовлетворенности основных социально-экономических потребностей населения. Взаимосвязь экономической и социальной эффективности занятости свидетельствует об оптимальном использовании социальных ресурсов региона.

Анализ уровня и структуры занятости в Беларуси показывает, что численность экономически активного населения на начало 2009 г. составляла 4638,1 тыс. чел., из них занятые – 4594,4 тыс. чел (99,1%), уровень экономической активности населения составлял 76,7%, уровень зарегистрированной безработицы – 0,8% [1, с. 7–8]. Анализ уровня занятости в региональном разрезе представлен в таблице 1. В целом, современная ситуация на региональных рынках труда характеризуется сокращением уровня занятости населения, согласно демографическим прогнозам, тенденции формирования трудовых ресурсов с 2008 года будут предопределяться сокращением численности населения в трудоспособном возрасте. Наибольшее сокращение трудовых ресурсов прогнозируется в городских поселениях Витебской (1,6%), Могилевской (1,3%) и Брестской (1,5%) областей [2, с. 175]. Начиная с 2001 г. в сельской местности произошло существенное снижение числа работающих (на 22,4% за 2001–2003 гг.) в связи с реформированием агропромышленного комплекса. Высвобождение рабочей силы в городах отчасти сдерживалось за счет государственных дотаций предприятиям базовых отраслей, что позволило им избежать значительного сокращения персонала путем перевода работников в режим неполной занятости. Проблема сельского рынка труда во многом определяется отсутствием альтернативных возможностей трудоустройства из-за низкого уровня развития производственной и социальной инфраструктуры, узкого спектра перерабатывающих производств. Высвобождение работников из сельскохозяйственного производства отчасти компенсировалось расширением их занятости в личном подсобном хозяйстве, возмещавшем потерю заработка.

Таблица 1 – Динамика занятости населения в регионах Беларуси

Показатели	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Республика Беларусь									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	5672,6	5872,4	5966,1	6009,7	6073,3	6060,8	6066,1	6053,3	6038,4
и них заняты в экономике, в %	77,1	75,5	73,4	72,2	71,0	71,7	72,5	73,9	76,1
Брестская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	815,6	850,2	862,5	866,5	868,4	869,0	868,8	867,0	867,2
и них заняты в экономике, в %	74,9	74,2	71,4	69,6	68,5	68,9	69,4	70,4	72,3
Витебская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	778,3	784,6	790,5	794,0	793,9	793,4	790,6	785,5	780,9
и них заняты в экономике, в %	75,6	72,8	70,4	68,2	68,3	68,4	69,4	70,6	72,5
Гомельская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	849,7	885,1	898,8	903,4	907,5	910,9	909,9	906,0	904,0
и них заняты в экономике, в %	75,9	74,6	72,2	70,7	69,7	69,6	70,3	71,0	72,5
Гродненская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	653,2	663,6	670,1	672,3	672,3	671,7	670,7	668,5	668,7
и них заняты в экономике, в %	76,4	76,6	73,6	73,0	71,2	71,2	71,6	72,8	75,0
г. Минск									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	1044,0	1116,1	1152,6	1171,2	1193,4	1208,4	1218,3	1223,0	1222,7
и них заняты в экономике, в %	75,9	79,8	80,3	81,0	80,6	81,7	82,5	85,1	87,9
Минская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	853,7	872,8	884,1	891,6	890,0	895,3	897,3	897,4	893,6
и них заняты в экономике, в %	75,7	74,4	71,5	69,7	69,6	69,7	70,8	72,0	74,0
Могилевская область									
Численность населения в трудоспос. возрасте, тыс. чел.	678,1	700,0	707,5	710,7	711,8	712,1	710,5	705,9	701,3
и них заняты в экономике, в %	75,6	75,4	71,5	69,2	67,9	67,7	68,5	69,7	72,2

Региональные рынки труда характеризуются значительной дифференциацией по уровню регистрируемой безработицы (табл. 2). Уровень безработицы на официальном рынке труда удерживается в социально допустимых пределах – на 1 октября 2009 г. 0,9% к численности экономически активного населения. По состоянию на 1.10.2009 из 118 рай-

онов и 12 городов областного подчинения в 76 регионах уровень безработицы составлял 1% и ниже, в 46 регионах – от 1,1% до 1,5%; в восьми – от 1,6% до 2,0% [2; с. 175].

Таблица 2 – Динамика регистрируемой безработицы в регионах Беларуси, в % к экономически активному населению

Регионы	Годы								
	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Республика Беларусь	2,9	2,1	3,0	3,1	1,9	1,5	1,2	1,0	0,8
Брестская область	3,0	1,7	3,1	3,8	2,1	1,8	1,5	1,2	1,0
Витебская область	3,0	2,6	4,1	4,0	2,3	2,0	1,5	1,3	1,1
Гомельская область	3,3	2,6	3,3	3,5	2,2	1,7	1,3	1,2	1,0
Гродненская область	3,1	2,2	2,9	3,1	1,9	1,6	1,4	1,3	1,0
г. Минск	1,6	1,5	1,8	1,6	1,0	0,8	0,5	0,4	0,4
Минская область	3,9	1,9	2,7	2,9	1,9	1,5	1,1	0,9	0,8
Могилевская область	3,4	2,6	3,6	3,6	2,2	1,8	1,5	1,1	0,8

Наиболее благоприятная конъюнктура на рынке рабочей силы сложилась в Минске, в областях ситуация с занятостью и безработицей стоит гораздо острее. К типичным социальным проблемам безработицы в регионах уже на протяжении десятилетия стоит отнести структурный и территориальный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, низкий уровень оплаты труда в сельской местности, что затрудняет заполнение ряда вакансий; проблемы женской и молодежной безработицы. С 2009 г. в Беларуси стало сказываться влияние мирового кризиса. Это обусловило определенные перебои в работе предприятий и обеспечении занятости работников, и в определенной мере усугубило ситуацию с занятостью на региональных рынках труда. В 2009 г. численность работников в Беларуси, работавших неполное рабочее время, по сравнению с 2008 г. увеличилась в 1,7 раза. В региональном разрезе распределение предприятий, на которых отмечены потери рабочего времени, следующее: Брестская область – 44 предприятия, Витебская – 25, Гомельская – 43, Гродненская – 40, Минская – 34, Могилевская – 54. Доля работников, работающих в режиме неполного рабочего времени, в общей списочной численности работников данных предприятий по областям колеблется от 14,4% в Минской области до 44,4% в Могилевской. Аналогично показатель численности работников, находящихся в вынужденных отпусках по инициативе нанимателя, варьируется от 1,9% в Гродненской области до 17,9% в Гомельской.

Следствием различий в эффективности функционирования рынков труда и занятости населения в регионах Беларуси является разница в уровне жизни. Согласно статданным, в Беларуси прослеживается позитивная тенденция снижения численности малообеспеченного населения с 7,7% в 2007 г. до 6,1% на начало 2009 г. Среди регионов наибольшее снижение удельного веса малообеспеченных произошло в Гомельской (с 12,7% в 2007 г. до 6,7% в 2008 г.) и Могилевской (с 9,9% до 6,6%) областях. Наиболее низкий уровень малообеспеченности населения наблюдается в г. Минске – 0,8%. Однако в целом население регионов, особенно малых городов и сельской местности, в большей мере социально уязвимо и подвержено риску малообеспеченности.

Поэтому политика занятости населения в Беларуси должна быть направлена на нивелирование существующих региональных различий посредством совершенствования структуры рабочих, разработки адресных региональных программ по повышению эффективности занятости населения, а соответственно, уровня и качества жизни в регионах.

Список литературы

1. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.
2. Регионы Республики Беларусь, 2008: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2008.

А.В. Байдачная

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВЕНЧУРНЫЕ ФОНДЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (социокультурные аспекты)

Современный этап развития мировой экономической системы можно охарактеризовать как инновационно-ориентированный. Инновационный процесс пронизывает все сферы общественной жизни, формирует качественные и количественные изменения в системе общественного производства, создаёт предпосылки для определения местоположения национальной экономики в мировом хозяйстве. Беларусь входит в новое тысячелетие с надеждой построить обновленное государство с развитой конкурентоспособной экономикой. Для этого предполагается использовать рыночные механизмы, обеспечивающие быстрое обновление, внедрение и широкое распространение передовых технологий, увеличение выпуска конкурентоспособной на мировом рынке продукции. Предстоит создать при поддержке государства эффективно функционирующую инновационную систему страны.

Инновации позволяют создать преимущества в наиболее конкурентных отраслях экономики. Их эффективное использование является для страны самым действенным инструментом реализации важнейших задач социально-экономического развития: обеспечения национальной безопасности, защиты окружающей среды, повышения уровня и качества жизни населения.

Развитие науки играет ключевую роль в этом процессе. Ведь без прорывных научных разработок невозможно создание новых технологий, налаживание процесса их внедрения и адаптации к рыночным условиям. Но содержание обширной научной школы, исследовательских институтов, лабораторий и других элементов научной деятельности очень затратное. Мировой опыт последних десятилетий показывает, что такие расходы не всегда под силу нести только государству. Достаточное материальное обеспечение научных институтов и лабораторий для постоянного обновления материально-технической базы, оплата труда ученых, финансирование исследований и разработок, все это требует немалых материальных затрат. Кроме того современные рыночные отношения указывают на необходимость повышения результативности научных исследований. Появление и развитие в Республике Беларусь венчурных фондов будет направлено и на решение этих проблем, ведь именно они в мировой практике являются одними из основных двигателей инновационных процессов. Для того чтобы инновационная экономика была достаточно масштабной, нужно чтобы доля инновационных продуктов на рынке составляла примерно 15% ВВП. Имеются в виду продукты, которые белорусские компании разработали, изготовили, поставили на рынок и увидели спрос на них. Это возможно лишь при наличии значительных инвестиций в научные разработки, часть этих инвестиций может прийти со стороны венчурных фондов [1, с. 2].

Для такого значительного количества инновационных продуктов необходимо как минимум такое же количество инновационных разработок и исследований. Ни для кого не секрет, что в данный момент престижность работы ученого крайне мала. Из-за низкой заработной платы, плохого обеспечения приборами, расходными материалами, наука не является престижным занятием, молодежь не может реализовать свой потенциал в научной сфере и не хочет работать в ней. Самые же активные и способные из молодых,ходящих в науку, повысив квалификацию, стремятся уйти в другую сферу деятельности или уехать за рубеж. Потому что там они, во-первых, могут в большей степени реализовать себя и, во-вторых, обеспечить более высокое материальное положение.

Венчурный капитализм имеет дело с ситуацией, где совмещается, во-первых, наличие нерешенной проблемы или неосвоенного сегмента рынка, а во-вторых, наличие команды единомышленников способных создать этот продукт или решить эту проблему [2]. Такое понятие венчурной деятельности отвечает основной проблематике комерсализации исследований, совмеща научный потенциал с финансовыми возможностями. Заманчивые идеи коммерческого использования новых научных разработок и специализированные фирмы для их реализации нередко возникают на базе крупных исследовательских учреждений и университетов при самом непосредственном участии ведущих ученых. Вокруг таких центров обычно наблюдается повышенная концентрация венчурного капитала. Не случайно венчурный капитал сыграл такую заметную роль в формировании известных научных парков США: Кремниевой Долины в районе Стенфордского университета и Шоссе № 128 в районе Гарвардского университета и Массачусетского технологического института [3].

Еще одним социокультурным фактором успешного функционирования венчурных фондов в стране должна стать социально-информационная готовность общества к инновациям и элементам инновационных инфраструктур (венчурным фондам, технопаркам, бизнес-инкубаторам). Массовый поток инноваций ориентированных на рынок должен опираться на подготовленную научную, образовательную и социально-культурную базу. Инновационный процесс невозможен без определенного взаимодействия подразделений и организаций, обучения и переподготовки специалистов, планирования, разработки систем мотивации, преодоления нежелательных последствий. В него обязательно входят организационно-экономические и социокультурные условия нововведения [4].

Стратегия развития инновационной деятельности предполагает формирование кадрового обеспечения инновационной деятельности и, прежде всего, подготовку специалистов по управлению инновационной деятельностью, в т. ч. работников региональных органов исполнительной власти, отвечающих за организацию и развитие инновационной деятельности, разработку модели региональных инновационно-образовательных центров [5]. Кроме того, для финансирования исследований и разработок необходимы отлаженные процедуры оценки проектов, их комерсализации и вывода на рынок, а это не может быть осуществлено без опытных специалистов управления проектами. Многие исследователи говорят о сопротивлении инновациям [5, с. 6]. Что становится причиной таких сопротивлений? В первую очередь сами люди, их привычки, статус, ценности и представления. Еще одна причина это традиционный уклад общества, его сложившиеся экономические и политические системы, устоявшиеся модели межличностных отношений. Таким образом, в основе сопротивления инновациям стоят базовые социокультурные отношения. Общество необходимо подготавливать в внедрению инноваций. А для этого необходимо готовить специалистов в области внедрения инноваций и ведения венчурной деятельности. Пока такой курс читается только на одном факультете в Республике Беларусь [7], а этого явно недостаточно.

Кроме того для привлечения венчурных инвестиций важен инновационный климат – сформированная определенным образом обстановка, позволяющая человеку

чувствовать себя свободным, мотивированным, готовым к творческой работе. Выделяют следующие организационные отношения, позволяющие в полном объеме использовать творческий потенциал трудового коллектива:

- поддержка инновационной деятельности руководством;
- содействие экспериментаторству на всех уровнях;
- высокий уровень коммуникаций и их постоянное совершенствование;
- использование комплексных мотивационных систем;
- применение соучаствующего стиля управления, что предупреждает сопротивление персонала технологическим и организационным нововведениям;
- непрерывное пополнение сотрудниками своих знаний [8].

Венчурный капитал на территории Республики Беларусь пока только зарождается, создаются институциональные предпосылки для его функционирования. Венчурный капитал потенциально является одним из основных источников финансирования для коммерциализации научно-технических разработок. Финансовый кризис с одной стороны, ослабил финансовую систему Беларуси, но, с другой стороны, создал предпосылки для переориентации финансовых ресурсов на реальный сектор экономики. По мнению участников инновационного бизнеса, уже есть сигналы того, что белорусский торговый, банковский, страховой капитал, капитал пенсионных фондов будет становиться серьезным источником инвестиций в инновационные проекты малых фирм. Разумеется, для успешного развития венчурного капитала в Беларуси требуется комплекс мер государственной политики для развития инновационной среды.

Список литературы

1. Катляроў, І. Як стымуляваць інавацыйную дзейнасць / І. Катляроў // Палымя. – 2005. – № 7. – С.124–134; Катляров, И.В. Правовая регуляция инновационной деятельности в Республике Беларусь / И.В. Катляров // Юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 9–14.
2. Аммосов, Ю.П. Венчурный капитализм: от истоков до современности / Ю.П. Аммосов. – СПб.: Феникс, 2005. – 327 с. ; Климович, Л. «Новая» экономика как тенденция развития мирового хозяйства / Л. Климович // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 1.
3. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / Е.Г. Ясин [и др.]. – М.: Новое изд-во, 2004. – 268 с.
4. Фролов, СС. Социология организаций. Основные причины сопротивления инновациям / С.С. Фролов // Электронная библиотека: Полка Букиниста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/frolov_sociology/ch47_i.html. – Дата доступа: 15.01.2010.
5. Ивченко, В.Н. Социокультурные аспекты развития инновационной деятельности / В.Н. Ивченко // Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом: материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2008. – 316 с.
6. Орлов, А.И. Менеджмент: учебник / А.И. Орлов. – М.: Издательство «Иzumруд», 2003.
7. Малашенкова, О.Ф. Венчурная деятельность: курс лекций / О.Ф. Малашенкова. – Минск: БГУ, 2009. – 108 с.
8. Управление финансами в инновационных процессах / А.А. Харин [и др.]. – М.: Высшая школа, 2003. – 295 с.

Раздел 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ

Т.Н. Боярчук

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

Современная мысль исследователей социогуманитарных знаний сосредоточена на изучении проблем, которые связаны с осмыслением сосуществования людей в рамках поликультурного мира. Регион Пограничья, представляя собой пространство межкультурного взаимодействия, является уникальным примером для изучения данной проблемы. Этносоциальная теория определяет пограничный регион как территорию, на которой сосуществует определенное количество этнокультурных групп, где тем самым формируется и определенный тип межэтнических отношений.

Исходя из данного представления в Европе можно выделить несколько пограничных регионов, к числу которых относится и Восточно-Европейское Пограничье, в рамках которого также можно определить Пограничье Западного региона Беларуси, а именно одну из его составляющих областей – Гродненщина. Этот регион, представляя собой область взаимодействия различных этносов и конфессий, на протяжении столетий сформировался как полиэтнический и поликонфессиональный, что в значительной мере и определяет его своеобразие. Так, согласно результатам переписи населения РБ 1999 года в Гродненской области белорусы составляют 62,3%; поляки – 24,8%; русские – 10,1%; украинцы – 1,8%; татары – 0,2%; литовцы – 0,2%; евреи – 0,1% [1, с. 129], а о поликонфессиональной ситуации свидетельствуют статистические данные Отдела по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома: 184 православных общин, 1 древнеправославная, 170 католических и 2 греко-католических, 8 мусульманских, 3 общины иудеев, 82 протестантских, 1 община Сознания Кришны [4].

На протяжении столетий в данном регионе сложилось устойчивое взаимодействие культур различных этногрупп (белорусов, поляков, литовцев, украинцев, русских, татар, евреев и т.д.), вследствие чего происходят их контакты как на этническом, так и на конфессиональном уровнях, поэтому проблемы межэтнического, межкультурного, межконфессионального взаимопонимания нуждаются в научном осмыслении. Анализ этнонациональных и конфессиональных особенностей развития межкультурной коммуникации субъектов, составляющих единое социокультурное пространство Пограничья, актуализирует потребность формирования и функционирования в рамках мирного конструктивного диалога.

Необходимость изучения характера этноконфессионального взаимодействия в Западном регионе Беларуси обуславливается поиском пути реализации бесконфликтного сосуществования этногрупп региона Пограничья. В связи с этим вызывает интерес выяснение того, как эти локальные культуры, взаимодействуя между собой, фор-

мируют отношения между собой. Своеобразие Гродненского региона, который населяют многочисленные этносы и конфессии, определяет специфика их взаимоотношений, которая может быть определена как культура толерантности. При этом надо отметить, что межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в данном регионе имеет вековые традиции, которые и сформировали соответствующие формы и механизмы, обеспечивающие, с одной стороны, толерантный характер взаимоотношений, а с другой – сохранение специфики социокультурного облика каждой из этногрупп региона.

Определив своеобразие Западного региона Беларуси, попытаемся показать специфику взаимоотношений этногрупп региона, который мы определяем как культура толерантности. Для этого нам необходимо переосмыслить сам феномен толерантности как тип отношений, так и особый тип культуры.

Культура толерантности проявляется в обеспечении устойчивой гармонии между различными социальными группами, а также в готовности к сотрудничеству между людьми, различающимися по своим убеждениям, языку, обычаям и верованиям, что подразумевает повышение эффективности межэтнического, межконфессионального, а также и межличностного диалога. Особую роль при этом играет толерантность мышления, образа жизни и поведения самих людей.

Одной из важнейших характеристик межэтнических и конфессиональных отношений в условиях Пограничья является этническая толерантность, под которой в этнопсихологии понимается «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» [2, с. 228].

Западный регион Беларуси с древнейших времен характеризуется полиэтничным составом населения, где белорусы, поляки, литовцы, украинцы, русские, татары и др. находились в активном взаимодействии. Многовековой опыт их адаптации в формирующемся пространстве поликультурного мира – уникальный объект познания в теоретическом, эмпирическом и прикладном аспекте для рассмотрения поставленной проблемы, что дает возможность определения сущностных характеристик феномена этноконфессиональной толерантности, обеспечивающей конструктивное развитие региона Пограничья.

Межэтнические отношения в Западном регионе Беларуси характеризуются определенной стабильностью и отсутствием межнациональных конфликтов, что объясняется, прежде всего, вековыми традициями совместного проживания белорусских, польских, литовских, русских и других этногрупп. Формирование Западного региона Беларуси своими корнями уходит во времена ВКЛ и Речи Посполитой, и на сегодняшний день здесь проживают представители множества этногрупп. Частота межэтнических контактов в данном регионе, естественно, очень высока, поэтому важно отметить особенности их межэтнического взаимодействия и факторы, влияющие на их позитивный характер.

Основным фактором, который дает возможность мирному сосуществованию этногрупп региона Пограничья является, по нашему мнению, природная человеческая порядочность в широком смысле этого слова, что подразумевает доброжелательность, неприязнательность, взаимопомощь, отзывчивость, гостеприимство. Все эти общечеловеческие нормы и ценности поведения формировались в данном регионе как «неписанные» законы в виде традиционных обычаев, которые соблюдались и сохраняются до настоящего времени между представителями различных этногрупп и конфессий Пограничья.

При этом необходимо отметить, что этнокультурная мозаичность, как во всем мире, так и в регионе Пограничья может служить и внутренней предпосылкой неприяз-

тия инаковости. В таких сообществах различия между людьми могут провоцировать недоверие и отторжение, что является основным оправданием для нетерпимости и дискриминации. В связи с этим возникает необходимость найти путь преобразования этих разноликих групп людей в сообщество, основой которого должны быть общечеловеческие ценности, которые мы видим в идее конструирования межэтнической и конфессиональной толерантности. Пограничье, рассматриваемое нами как пространство, где различные этнические и религиозные группы, проживающие на одной и той же территории и поддерживающие открытые отношения, взаимно признают образ жизни и ценности друг друга. В данном случае это процесс активного принятия и поддержания межэтнических отношений, в рамках которых осуществляется понимание.

Поэтому построение общекультурного пространства в регионе межэтнического Пограничья – это процесс формирования способов и форм толерантного сознания, мышления и поведения всех составляющих этногрупп. В связи с этим перед исследователями стоит задача анализа требований, условий, принципов и механизмов построения общекультурного сообщества посредством вхождения в толерантный мир, усвоения его ценностей, норм и правил.

Специфика существования человека связана с тем, что его формирование и дальнейший процесс функционирования возможны только в процессе совместного проживания, в итоге которого происходит процесс социализации. Особенностью этноконфессионального уклада жизни людей в условиях Пограничья является необходимость их взаимного сосуществования, которое реализуется в различных сферах повседневного взаимодействия: семейной, религиозной, этнонациональной, политической, экономической, правовой, художественной и др. Разнообразие этих сфер тесно связано и с конкретными условиями развития и существования человека в каждой из этногрупп региона, что характеризуется особенностями социокультурного уклада и способов жизнедеятельности. «В силу социокультурных и индивидуальных особенностей, вследствие своеобразия условий жизни люди по-разному воспринимают друг друга, так как у них разные ценности, жизненные установки и системы верований, что может провоцировать напряженность и конфликтность при взаимодействии. Но по логике своего социального развития люди стремятся к целостности и взаимопониманию своего существования в процессе коммуникации» [3, с. 146]. И тут особую важность приобретает определение и поиск того феномена, который объединяет людей в рамках единого социокультурного пространства. Основой для конструктивного взаимодействия может выступать идея толерантности как необходимое условие бесконфликтного сосуществования, поэтому решение проблемы толерантности необходимо искать в конкретных видах социализации людей, в их специфике, вырастающей из этнонациональных и конфессиональных традициях.

Анализ исторически сложившейся этнокультурной ситуации в Западной Беларуси позволяет утверждать, что развитие культуры этноконфессиональной толерантности возможно лишь при условии сохранения культурного плюрализма, предусматривающего сосуществование в рамках одного региона различных культурных традиций, но при этом ни одна из них не должна являться безусловно доминирующей.

Взаимодействие этнокультур региона Пограничья предполагает толерантное общение их представителей, являющихся носителями как соответствующих систем ценностей, идей, так и методов их передачи и усвоения. Бесконечное этнокультурное многообразие региона Пограничья является как следствием исторического развития, так и особенностью его социокультурного облика людей. Бесконфликтность сосуществования этнических и конфессиональных групп является определенным достижением региона, что, несомненно, должно сохраняться и передаваться как эстафета поколений, способствуя укоренению принципов толерантности.

В этом контексте очень важным является само восприятие идеи мирного сосуществования и формирования толерантного сознания. Необходимы введение элементов культуры мира в философско-социальные и образовательные программы (прежде всего, в таких областях, как: философия, социология, педагогика, культурология, политология, история, религиоведение и др.), а также расширение кругозора и мировосприятия как отдельной личности, так и сообщества в целом, развитие интереса к различным культурам региона, изучение культурного наследия, и, как следствие, повышение терпимости к инакомыслящим, инакововеряющим, формирование культуры общения, диалога и взаимопонимания, т.е. формирование и развитие культуры этноконфессиональной толерантности.

Таким образом, мы предлагаем рассмотреть феномен Пограничья в рамках конкретного локального региона, которым является Гродненщина. Аргументация данного тезиса состоит в том, что этот регион мы рассматриваем в этноконфессиональном аспекте, где проживают и взаимодействуют представители различных этносов и конфессий, каждый из которых в той или иной степени сохраняют свою самобытность на протяжении многовековой истории. В этом регионе сложились устойчивые формы сосуществования этносов и взаимодействия их культур, также как и взаимных отношений их представителей. В результате чего образовался своеобразный тип локальной культуры, который основывается на культуре взаимной толерантности и исключает этнические и конфессиональные конфликты.

В последнее время в современном мире проблеме толерантности уделяется много внимания – проводятся конференции, издаются монографии, научные публикации, специальные программы, так или иначе затрагивающие феномен толерантности в современной жизни. Формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия имеет для современного полинационального, полиэтничного, полирелигиозного мира особую актуальность. Как для полиэтничного мирового сообщества, так и для региона Пограничья чрезвычайно важна оптимизация межэтнического общения, в связи, с чем существует насущная необходимость конструирования этноконфессиональной толерантности в ситуации поликультурного мира.

Список литературы

1. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: Население Гродненской области: статистический сборник. – Гродно, 2000. – 208 с.
2. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
3. Толерантность / под общ. ред. М.П. Мчедлова. – М.: Республика, 2004. – 416 с.
4. Режим доступа: <http://www.region.grodno.by>. – Дата доступа 29.01.10.

А.А. Бородич

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ УНИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Хотя история белорусского общества насчитывает много столетий, но становление собственно белорусской суверенной республики началось только в конце прошло-

го века. Большой научный и практический интерес представляет теоретическое воспроизведение белорусской модели развития в экстремальных условиях цивилизационной трансформации, становления нового общества, которое пока условно называется «посттехногенным», с выделением в нем информационной составляющей, выступающей как его структурообразующее начало. Важнейшим детерминационным фактором развития общества выступают ценности, представляющие своеобразный социальный код жизнедеятельности. Система фундаментальных ценностей определяет облик той или иной культуры и формирует генотип социального организма.

Острота проблемы в том, что восточнославянскими народами в силу особых исторических обстоятельств утеряны многие традиционные ценности, что существенно разбалансировало социокультурный механизм их самоорганизации, функционирование и развитие. Между тем, сохранение равновесия между техническим уровнем общества и характером внутрисоциальных связей, с одной стороны, и системой ценностей, регулирующих действия людей, с другой, является непременным условием развития социальных систем. А.П. Назаретян обоснованно утверждает, что «до сих пор люди, наращивая мощь производственных и боевых орудий и проходя через горнила антропогенных кризисов, в конечном счете умели адаптировать ценности и нормы деятельности к возрастающему инструментальному могуществу» [1, с. 83].

В этой связи чрезвычайно актуализируется задача разработки белорусской модели общественного развития, которая бы учитывала системный кризис техногенной цивилизации, современную геополитическую ситуацию, исторический опыт общества и кросскультурные взаимоотношения восточнославянских народов. В качестве парадигмальной основы белорусской модели развития общества целесообразно принять синергетическое видение современной социальной динамики (кооперативное взаимодействие подсистем общества, единство традиций и новаций, национальных и универсальных ценностей). Такой подход позволяет избежать односторонней ориентации как на идею «вестернизации», так и на принцип «национально-культурного фундаментализма».

Теоретическое решение рассматриваемой проблемы направлено на постижение принципиально возможных путей развития белорусского общества и выбор оптимального на нынешнем этапе истории его варианта. Существенной стороной разрабатываемой модели является осмысление духовных традиций белорусского общества, менталитета народа.

Вопрос национально-культурной идентификации белорусского общества приобрел на современном этапе его развития исключительно высокую значимость. Процесс образования на основе Советского Союза группы самостоятельных государств сопровождался большими социальными потрясениями – разрушением прежде единого экономического пространства, падением уровня материального производства, снижением объемов потребления населением различных благ, появлением безработицы, обострением демографических проблем. Всё это расшатывало внутрисоциальные связи и становилось помехой в решении актуальных вопросов экономики, научно-технического развития, социальной защиты населения. Положение усугубляется развернувшейся глобализацией. Оправданное беспокойство вызывает то, что одной из ведущих тенденций глобализации является унификация разных сторон жизнедеятельности народов и государств. Между тем формирование индивидуальных особенностей личности, освоение ею социальных норм и принципов происходит в рамках национально-культурных общностей.

Национально-культурная идентичность означает признание сообществом исторически выработанных основополагающих ценностей, придающих ему специфический облик. Размывание ценностей культуры подрывает возможности общества в осво-

ении природы, жизнеобеспечении людей и преодолении кризисных явлений. Это особенно опасно в критические моменты истории, когда происходит девальвация старых жизненных принципов и социальных норм из-за радикально изменившихся обстоятельств, или когда национальные элиты не могут выдвигать новые идеалы, наметить продуктивные цели и найти конструктивные средства, адекватные сложившейся ситуации, или же когда внешнее вмешательство разрушает образ жизни народа.

Место национальных ценностей в аксиосфере современного общества определяется тем, что оно вступило в полосу крупномасштабных социальных перемен. Корни этого следует искать в той аксиологической мутации, которую претерпела новoeвропейская культура и результатом которой стала высокая оценка человеческой индивидуальности, гражданского общества, правовой регуляции жизни, научно обоснованных знаний и эффективных действий по обустройству жизненной среды. Возникшие ценности придали самой культуре проективный характер, устремив общество по пути постоянного самообновления. Именно им обязан Запад своими успехами в развитии естественознания, технического творчества, в создании демократических институтов и повышении качества жизни. К нашему времени ценности техногенной цивилизации стали доминирующими, они давно вышли за ареал своего зарождения, активно внедряясь в жизнь народов разных континентов. Между тем, национальные ценности изначально выполняли функцию сохранения идентичности человеческих сообществ. Достигалось это через стабилизацию и даже консервацию сложившихся форм жизнедеятельности.

Со временем, однако, произошел разрыв между техническим могуществом индустриального общества и ценностями, регулирующими внутрисоциальные отношения и взаимодействие людей с природой. Уже ясно, что инструментальное отношение к миру и возведение комфорта в ранг высшей ценности не выдержали испытания временем. Небывало истребительные войны и революции XX века, резко обострившие сырьевая, энергетическая и экологическая проблемы, ускоренный вне всякого контроля рост народонаселения стали тревожными знаками нарастания деструктивных процессов в современном обществе. Но и противоположная ориентация на сверхстабильность социума то ли в форме сохранения незыблительными национальных традиций, то ли в виде жесткого государственного контроля за всеми сторонами жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и национальных общностей, их возможности выбора и самостоятельного принятия решений, также оказалась несостоятельной. Она обрекает народы на нищету и экономическую отсталость. А при особо драматическом развертывании событий происходит даже распад социальных систем.

Несложно увидеть противоречие между потенциальными ценностями техногенной цивилизации и актуальными ценностями национальных общностей. Абсолютизация первых привела к идее общественного прогресса и однолинейного развития общества, которая наиболее полное воплощение нашла в работах Гегеля и Маркса. При этом для всех народов допускается только одна-единственная магистральная линия развития с заранее известными вехами, обозначающими отдельные этапы движения.

Как реакция на европоцентрическую модель социальной эволюции с безусловным доминированием потенциальных ценностей, что обрекает народы на одну для всех историческую судьбу, появляются культурно-цивилизационные концепции. Их сторонники отказываются от однолинейной трактовки исторического процесса, признавая многообразие его путей.

Исследование места и роли ценностей в развитии общества вообще и белорусского общества в особенности получило новый импульс в нашей республике на рубеже XX – XXI веков, когда рельефно обозначились глобализационные тенденции в эволюции мирового сообщества, а Беларусь приступила к автономному государственному строительству. Целенаправленная разработка системы ценностей, которая может

служить духовной основой деятельности социальных институтов по устойчивому развитию общества, является задачей прежде всего профессионально подготовленных специалистов. «Многие наши беды происходили из-за того, – справедливо отмечает Т.И. Адуло, – что разработкой идеологии белорусского государства в 90-е годы прошлого века занимались не социальные философы, правоведаы, а драматурги, поэты, композиторы, для которых характерно не рациональное, а образное воспроизведение действительности» [2, с. 284]. Ученый отмечает, что «в настоящее время всё смешалось в шкале ценностей и оценок» [3, с. 59]. Он убежден, что коренная причина девальвации ценностей объясняется господством технологического детерминизма, порождающего особый тип человека. Речь идёт о предельно рационализированном индивиде, ориентированном на узкую сферу деятельности, обладающем ограниченным кругозором, обедненной эмоциональностью и отличающемся стандартизированным поведением. Но стратегия деятельности, базирующаяся на принципах технологического детерминизма, неадекватна глобальным вызовам нового тысячелетия.

Реформируя белорусское общество, осваивая опыт других народов и занимаясь инновационной деятельностью, мы достигаем успеха, если программы развития основных сфер общества станем разрабатывать на основе собственного исторического опыта и национального менталитета. Забвение своего прошлого, слепое копирование инокультурных принципов, прожектерское новаторство и силовое решение социальных проблем чреваты разрушением культуры и жизненного мира народа. Высказанная О. Шпенглером в книге «Закат Европы» мысль об увядании духовной культуры, которая создаётся творческим гением народа, под напором инструментального разума, заменяющего конечные цели средствами решения сиюминутных задач, во многом оказалась пророческой. Разве не подтверждает ее драма минувшего века с небывало жестокими войнами, геноцидом, расовой дискриминацией, огрублением потребностей и интересов? Достаточно сказать, что в огне последней мировой войны, развязанной германским фашизмом, погиб каждый третий житель Беларуси: а ведь война уносит жизни лучших носителей культуры.

Ценностная регуляция жизнедеятельности людей, имеющих биосоциальную природу, осуществляется как в материальной, так и в духовной сферах, решая при этом разные, но равно необходимые задачи. Материальные ценности оптимизируют процесс освоения и обустройства предметно-вещественной среды, поддерживая физическое существование человека, а духовные ценности направляют процесс производства знаний, идеалов, принципов и норм, что, во-первых, расширяет сознание личности и обогащает спектр ее индивидуальных качеств через формирование мировоззренческих представлений, жизненных установок, нравственных убеждений и эстетических вкусов, во-вторых, создает интеллектуальную базу деятельности в профессиональной и общественной областях.

Национальная форма социокультурных ценностей определяет уникальный характер жизнедеятельности народа. Но ценности отнюдь не существуют в отрыве от экономики, политики, науки, образования, религии, художественного творчества и других сфер деятельности. Многие аксиологические подсистемы общества обычно пересекаются, совпадая между собой какими-то сегментами. Так, национальные ценности пронизывают конфессиональные и цивилизационные отношения. Это является одним из условий диалога и даже полилога культур. Через православие Беларусь восприняла лучшие достижения византийской и русской культур. Становлению и развитию ценностей восточнославянских обществ весьма способствовали тесные межличностные контакты выдающихся их представителей. Симеон Полоцкий, например, внес существенный вклад в развитие как белорусской, так и русской духовной культуры. О тесных кросскультурных отношениях свидетельствуют также сходные космические мо-

тивы в творчестве белорусских и русских мыслителей. Рассуждения Янки Купалы о родстве человека с природой, рождение и телесное существование которого включает его в космический круговорот, близки идее Николая Фёдорова об онтологическом равенстве человека и мира. Созвучны также их размышления об активной эволюции природы на основе гуманистически выверенных действий. Я. Купала отмечал, что люди умеют леса превращать в поля, осушать или увлажнять землю, умеют строить и создавать инструменты, преобразуя природу по человеческим меркам [4, с. 8].

Сохранение оправдавших себя традиций означает, что в обществе имеются общезначимые смыслы и признанные ориентиры. Это служит основой его духовного единства. Такие смыслы и неразрывно связанные с ними ценности образуют фундаментальные основания культуры. Поэтому важнейшие функции традиций состоят, во-первых, в прояснении смысла и социальной значимости феноменов культуры, и, во-вторых, в ценностной ориентации на их воспроизводство. Таким образом, традиции выполняют роль своеобразных социальных эстафет, проносящих сквозь время жизненно важные общественные явления – представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о социальной значимости разных форм хозяйственной деятельности, способов коммуникации и управления социальными процессами.

Однако абсолютизация актуальных ценностей, как это свойственно фундаментализму, неоправданна. И эмпирическая история, и современная наука, и новейшая философия доказывают губительность такого подхода. Хорошо известна трагическая судьба многих народов, что стойко держались традиционного образа жизни, а затем навсегда исчезли. Показательна судьба скифов – отважных воинов, умелых скотоводов, людей, знакомых и с трудом земледельца, – освоивших причерноморские степи и господствовавших там во второй половине I тысячелетия до н.э. и в первые века н.э. Они растворились среди пришельцев – сарматов, аланов, готов и были полностью ими ассимилированы.

Вполне понятно, что стремление к сверхстабильности на базе локальных ценностей определенного типа, исключающее возможность трансформации общества, чревато саморазрушением данного социума. Сказанное справедливо не только для отдельных национальностей, но и для многонациональных государственных образований. Крах социалистического проекта служит одним из подтверждений призрачности надежд на продолжительное устойчивое существование закрытого общества в условиях глобального социального транзита.

Нельзя не согласиться с А.А. Богдановым, который так писал об адапционных возможностях социальных общностей, складывающихся на основе осевшего в традициях опыта: «Высшая степень соответствия данной среде означает несоответствие всякой иной среде, такими же разрушительными должны являться всякие последующие изменения в подобной обстановке, если они пойдут ускоренными темпами» [5, с. 157]. Вот почему так важно ценностно-смысловое многообразие жизни, одним из источников которого являются национальные культуры. Освоение культурного потенциала разных национальностей позволяет достаточно гибко реагировать на быстрое изменение социальных и природных обстоятельств. Некоторый избыток ценностных систем существенно повышает жизнестойкость человеческих сообществ.

Сложившаяся ситуация социального транзита предъявляет жесткие требования к движению народов в историческом времени: постепенно наращивать элементы нового на основе базовых национальных ценностей. Примечательно, что новое для данной общности не обязательно является таковым вообще. Метод социальных эстафет позволяет использовать достижения других народов в качестве инструментов для решения своих национальных проблем. Такими новациями могут быть некоторые демократические институты, методы организации индивидуальных и коллективных дей-

ствий, технические изобретения и технологические операции. Показателен пример Японии и некоторых других стран, сумевших ассимилировать технико-технологические и экономические достижения индустриального мира, не поступившись национальной идентичностью.

Итак, происходящий ныне процесс культурной унификации, безусловно, содержит опасность размывания национальной идентичности. Но он не фатален. Ему противостоит противоположный процесс диверсификации культуры, который является необходимым условием расширения функциональных возможностей общества и сохранения социума в потоке изменений антропосоциоприродной системы.

Список литературы

1. Назаретян, А.П. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации / А.П. Назаретян // Вопросы философии. – 2002. – № 1.
2. Адуло, И.Т. Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ / Т.И. Адуло, О.А. Павловская. – Минск: Бел. наука, 2006.
3. Адуло, И.Т. Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия / Т.И. Адуло. – Минск : ИСПИ, 2003.
4. Купала, Я. Сбор твораў: у 7 т. / Я. Купала. – Минск, 1975. – Т. 6.
5. Богданов, А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В. 2 кн. Кн. 1 / А.А. Богданов. – М., 1989.

И.Н. Харитонов

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Последние десятилетия белорусское общество претерпевает целый ряд качественных трансформаций общественной, культурной, социальной, экономической жизни.

Данные процессы трансформации могут объясняться воздействием глобализационных процессов и собственно состоянием транзитивности, связанным с распадом СССР. Различая собственно постсоветские процессы, связанные с «посттравматическим шоком» (П. Штомпка), и процессы глобализации стран, не имеющих проблемы адаптации после крушения социалистического общества, мы задались целью проанализировать, в какой степени процессы глобализации, не связанные с постсоветской адаптацией, проявляются в белорусском обществе, какие реально эффекты наблюдаются, какое влияние они оказывают.

Глобализация развитых и развивающихся стран, изначально базирующихся на капиталистических экономиках, имеет свой ряд специфик и характеристик. Прежде всего, они касаются сферы экономики, международных отношений, научно-технического развития, социальной структуры, миграционных процессов (У. Бек, И. Уоллестайн).

Страны постсоциалистического блока включаются в эти процессы с непростыми для себя условиями. Все эти особенности оказывают воздействие на социальную и культурную среды, выступающие одним из базисов идентичности. Рассмотрим проявление «общемировой» глобализации в ряде сфер и жизни белорусского общества.

Экономика.

Как отмечает целый ряд исследователей, в Беларуси наблюдается медленная, но неуклонная интеграция в существующую международную глобальную экономику (М. Ковалев, Г. Соколова, М. Чепиков др.).

В. Сломский также отмечает, что стремление привлечь потоки капиталов и инвестиций побуждает страны к смене устаревших общественных отношений [2, с. 51]. Беларусь активно борется за инвестиции, стараясь создавать привлекательные условия и имидж страны.

Международные отношения.

Отмечается, что для стран глобального мира характерно создание международных организаций и блоков [2, с. 53], участие в них. Беларусь активно участвует в интеграционных процессах и международных договорных отношениях. Значительно упростились возможности миграции, что связано с заключением международных договоров. Целый ряд развитых стран проводит активную миграционную политику.

Сфера социальной коммуникации.

Современное общество, по М. Кастельсу, может быть названо информационным [1]. Для него характерно развитие средств массовой коммуникации и передачи информации. С этим связаны такие явления как распространение интернета, спутникового телевидения, международных СМИ. Беларусь, в целом, показывает высокую степень мировой информационной трансформации и интеграции, и, наравне со всеми, является получателем мировых трендов информации.

Культурная сфера.

Единые рынок и информационное пространство обеспечивают распространение элементов культур развитых и других стран. Белорусское общество показывает достаточно высокую степень реагирования на глобальные культурные инновации и тренды (в частности, «западной» культуры).

Изменения в данных областях сопровождаются и эффектами для белорусской национальной идентичности, которые связаны со следующими моментами:

1. Влияние доступности эмиграционной и туристической мобильности на постоянную (временную) миграцию и восприятие национальной принадлежности.

Усилившаяся прозрачность границ и увеличение возможностей миграции перераспределили и усилили миграционные потоки Беларуси на страны Запада и Третьего мира.

Возможность выезжать в другие страны и наблюдать их жизнь оказывает определенное влияние на отношение к своей национальной принадлежности и восприятие других наций, которое с одной стороны может быть более критичным, а с другой, более оптимистичным. Таким образом, оказывается влияние на содержание «Мы» и «Они»-образов своей и других наций, что важно для содержательной стороны национальной идентичности.

2. Проницаемость «границ» для культурной и политической информации из других стран, деятельность других организаций.

В связи с тем, что для национальной идентичности важен гражданско-политический компонент, проникновение политической информации, распространение либеральных ценностей способно также дать более прагматичное отношение к своей национальной принадлежности или усилить значимость наднациональных идентичностей. Расширение контактов с другими европейскими странами также даёт белорусам возможность обнаружить в себе некоторые европейские черты, то есть, несколько актуализировать европейскую идентичность.

3. Общественная реакция и отношение к проникающим «западным» культурным, экономическим и социальным новшествам и ценностям.

Миграция, изменение структуры порождает некоторую социальную напряженность, а активное внедрение элементов других культур и «третья волна» демократизации (С. Хантингтон), экспансия либеральных ценностей приводят к сильным изменениям социальной и культурной сред белорусского общества. М. Кастельс выделял по типу общественной реакции на вызовы глобализации «общества сопротивления» и «общества, нацеленные на будущее» [1].

На наш взгляд, Беларусь показывает высокую степень противостояния «американизации» и «вестернизации», что, несомненно, указывает на актуальность глобализационных вызовов для неё. Это видно и по высокой поддержке политических сил, отстаивающих текущий аутентичный характер белорусского общества и его специфику. Хотя в межнациональных отношениях по-прежнему лидирует российское направление, тенденции включения в общемировые межнациональные процессы увеличило роль и стран Европы, Азии, США.

Наиболее оптимальной стратегией в условиях мировой глобализации является избирательное принятие-непринятие. Белорусское общество, судя по спектру международных отношений и развитию социальной жизни, скорее следует в рамках этой оптимальной стратегии как с сохранением особенностей своей идентичности, так и приобретением новых.

Список литературы

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ВШЭ. – 2000. – 608 с.
2. Сломский, В. Глобализационные тенденции XXI века / В. Сломский // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации: сб. статей. – Минск: А.Н. Вараксин. – 2006. – С. 50–58.
3. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 349 с.

П.В. Бубнов

Минские Духовные Академия и Семинария, д. Жировичи

ЦЕРКОВЬ БЕЗ ГРАНИЦ: ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «ПРАВОСЛАВНОГО ВАТИКАНА» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1943–1948)

С 1917 по 1939 гг. советская власть целенаправленно уничтожала Православную Российскую Церковь, полностью исключая даже возможность какого-либо сотрудничества или диалога с Церковью. Создание при помощи ОГПУ в 1922 г. т.н. «обновленческого» движения было даже не тактической уступкой этой линии, а лишь проработанной реализацией древнего принципа «разделяй и властвуй», и уже в 30-е гг., осуществляя массовые репрессии, власть практически не делала различия между обновленческим и патриаршим духовенством. Попытки советской власти использовать в своих интересах Патриарха Тихона, а также его преемников, особенно митрополита Сергия (Страгородского), своей целью имели, в первую очередь, дискредитацию Церкви и этих иерархов в самой Церкви (что, отчасти удалось), и не были направлены на нормализацию отношений между советской властью и Патриаршей Церковью, к чему

стремились церковные иерархи. К сентябрю 1939 г. Православная Церковь в СССР была почти уничтожена: 4 епископа на свободе, около 400 действующих храмов и несколько сот священников. Ни одного монастыря, ни одного учебного заведения Церкви не имела. Все изменило начало Второй мировой войны.

Активная советская экспансия на запад в 1939–1940 гг. привела к тому, что в юрисдикцию Русской Церкви – вошли около 3000 приходов Польской, Румынской, Константинопольской Православных Церквей. На новоприсоединенных территориях проживало около 3,5 миллионов православных. Военно-политические планы дальнейшего движения на запад скорректировали и религиозную политику на новых территориях: массового уничтожения Церкви здесь не было, церковная жизнь продолжалась почти без изменений.

Еще дальше советская власть пошла после июня 1941 г. Теперь Православная Церковь уже рассматривалась в качестве союзника – пока не было ясно – временного или постоянного. Патриотические воззвания иерархов Церкви, публичная материальная помощь Церкви фронту и тылу, просоветская деятельность духовенства на оккупированных территориях – все это не просто было позволено Церкви, но широко освещалось в советской прессе и выставлялось напоказ союзникам.

Новый этап отношений Церкви и государства наступил 4 сентября 1943 г., когда Сталин принял в Кремле трех митрополитов – Сергия, Алексия и Николая и объявил о том, что теперь Церковь может активно возрождаться – правда, под строгим контролем государства в виде Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров. По сути эта встреча стала началом неписаного и не слишком афишируемого «принудительного» сотрудничества Церкви с государством в интересах государства.

Одной из главных целей, которую государство ставило перед этим сотрудничеством, было содействие распространению советского влияния в мире через церковные связи и решение самых разных внешнеполитических задач. Так прагматические задачи атеистического государства вывели Церковь из гетто и дали ей немислимые прежде возможности.

Очевидно, советское руководство было заворожено политическими возможностями Ватикана – Церкви-государства, которое в понтификат Пия XII (1939–1958) сумело в непростых реалиях европейской политики и отстаивать свои права и значительно влиять на другие государства. Видя реальную действенность «церковной дипломатии» советская власть приняла решение о масштабном использовании своей, «подконтрольной» Православной Церкви, для которой уже были сделаны определенные идеологические уступки в ходе войны. 5 июня 1943 г. Сталин подписал совершенно секретное постановление Государственного комитета обороны № 3522СС «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации были косвенно отнесены к категории интересов советской внешней разведки. Именно в это время и родился термин «Православный Ватикан». Это удивительное словосочетание не было официальным названием этого проекта, оно нигде не оглашалось, но активно использовалось во внутренней работе Совета по делам РПЦ и образованного в 1946 г. Отдела внешних церковных сношений. Именно Ватикан истинный стал первой и последней «мишенью» «Православного Ватикана». Это понятие предполагало объединение вокруг Русской Православной Церкви всех остальных Поместных Православных Церквей, которых на тот момент было 13, для объединенного выступления по всем вопросам жизни общества – в первую очередь по тем из них, которые интересовали советское правительство.

Как же складывались взаимоотношения с каждой из Поместных Православных Церквей?

Первые четыре по диптиху мирового Православия – Восточные Патриархаты: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский. Именно они стали главным объектом внимания советской внешней политики.

Константинопольские Патриархи Вениамин (1936–1946) и Максим (1946–1948) в целом сочувственно относились к Русской Церкви. По ходатайству Патриарха Сергия (Страгородского) Константинопольский Патриарх Вениамин признал в 1945 г. автокефалию Болгарской Церкви, чем прекратилась начавшаяся в 1878 г. т.н. «болгарская схизма». В 1943 г. сама Русская Церковь признала автокефалию Грузинской Церкви и это деяние так же было одобрено Константинопольским патриархом Вениамином.

Первым зримым воплощением проекта создания «Православного Ватикана» стал представительный Поместный собор, открывшийся 31 января 1945 г. в московском храме Воскресения в Сокольниках. В его работе приняли участие Александрийский Патриарх Христофор, Антиохийский Патриарх Александр III, Грузинский Католикос-Патриарх Калистрат, представитель Вселенской Патриархии – митрополит Фиатирский Герман, Иерусалимской – архиепископ Севастийский Афинагор, делегация Румынской церкви во главе с епископом Аржемским Иосифом, делегация Сербской Церкви во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом. Примечательно, что главной причиной созыва Поместного Собора было избрание нового Патриарха. Святейший Патриарх Сергей скончался в апреле 1944 г. и лишь в конце января следующего – 1945 г. открылся Собор для замещения вакантного патриаршего престола, между тем, как сам Патриарх Сергей был избран через 4 дня, после того, как на это было получено «разрешение» советской власти. Длительная подготовка Собора 1945 г. как раз и объяснялась приглашением большого количества иностранных гостей. Общее число гостей Собора составило 204 [10, с. 327].

Главным внешнеполитическим результатом первого успешного «мероприятия» по созданию «Православного Ватикана» стало обращение его участников «К народам всего мира», принятом 7 февраля, решительно отвергалось предложение папы о «мягком мире». В обращении, в частности говорилось: «Представители Православных Автокефальных Церквей, присутствовавшие на созванном в Москве Собрании Русской Православной Церкви для избрания Патриарха Московского и всея Руси... возвышают свой голос против усилий тех – **особенно Ватикана**, – кто, пытаясь в своих выступлениях оградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершенные ею преступления и взывая к милосердию в отношении гитлеровцев, заливших кровью невинных жертв всю Европу, хочет тем самым, по нашему мнению, оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение и его носителей» [11, с. 17].

Причины негативного отношения к Ватикану

Несмотря на то, что фашистская Германия подвергала гонениям католических священнослужителей в Германии и Польше, Ватикан по прежнему рассматривал Германию как самый надежный «бастион» против коммунизма. Кроме идеи сохранения Германии как фактора Европейской политики, Ватикан обсуждал возможность создания конфедерации Придунайских стран, которая должна была стать санитарным кордоном против большевизма. Приоритеты во внешней политике Ватикана оставались прежними: негативное отношение к СССР, как оплоту коммунизма. При этом папа Пий XII всеми силами пытался склонить союзников к мягким условиям мира для Германии [7, с. 250].

Установившиеся связи были закреплены визитом Патриарха Алексия Первого в мае-июне 1945 г. в Святую землю и встречами с Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским патриархами. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов предлагал Сталину «усилить влияние на восточные патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире,

с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов» [9, с. 288]. Согласие было получено, и в ноябре-декабре 1946 г. Митрополит Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане, Египте, оказывая восточным патриархам крупную материальную помощь, и везде получал заверения местных иерархов, что «возглавляемые ими патриархаты и церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах» [8, с. 164].

Подводя итоги работы Совета по делам РПЦ за 1943–1946 гг., Карпов писал Сталину, что его роль, функции и объем работы значительно вышли за рамки, предусмотренные положением о Совете, так как после окончания войны основное внимание уделялось внешнеполитической деятельности, предусматривавшей расширение сфер влияния Русской Церкви. «...Осуществляя мероприятия по воссоединению Русской Православной Церкви за границей с Московской Патриархией и развивая связи с православными церквями славянских государств, Совет ставил основной целью использование Русской церкви в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом» [9, с. 293].

Следующим «мероприятием» в осуществлении проекта «Православного Ватикана» был задуман Вселенский Собор Православной Церкви.

В марте 1945 г. Совет по делам РПЦ в качестве одной из мер борьбы с Ватиканом предложил организовать и провести в Москве Всемирную конференцию всех христианских (некатолических) церквей мира. Однако начало холодной войны, ознаменованной речью Черчилля в 1946 г., исключило из участников предполагаемой конференции англикан и других протестантов, и тогда возникла идея Вселенского Собора Православных Церквей.

Высшее руководство страны довело до сведения Святейшего Патриарха Алексия Первого эту идею. Патриарх, очевидно, понимал всю нереальность проведения такого Собора и поэтому пытался найти контраргументы, способные охладить глобальные геополитические планы советского руководства.

13 марта 1947 г. митрополит Николай (Ярушевич) представил Патриарху свои соображения по этому вопросу. По содержанию его докладной записки видно, что она являлась ответом на вопрос-предложение о созыве Вселенского Собора. Митрополит трезво смотрит на вещи и высказывается против скорого созыва Собора ввиду различных обстоятельств и выдвигает идею созыва предсоборного совещания [7, с. 15].

Патриарх направил это предложение в Совет по делам Русской Православной Церкви, откуда оно было направлено в Совет Министров. Предложение прошло все властные инстанции и 29 мая 1946 г. Совет Министров СССР постановлением № 1132-465/сс разрешил проведение в Москве «Вселенского предсоборного совещания с участием глав всех Автокефальных Православных Церквей мира для обсуждения вопросов о выработке общей линии по борьбе с Ватиканом, об отношении к так называемому экуменическому движению, о созыве Вселенского Собора и некоторых других» [8, с. 164].

Другим важным направлением деятельности «блока Православных Церквей» было участие в экуменическом движении.

В начале 1946 г. Святейший Патриарх Алексий I направляет председателю Совета по делам РПЦ Г.Г.Карпову доклад об экуменическом движении [7, с.26–35], составленный, очевидно, протоиереем Григорием Разумовским. В нем, в частности, выражалась возможность участия Русской Церкви и других Поместных Церквей в формировавшемся тогда Всемирном Совете Церквей [7, с. 37].

И действительно, начинается достаточно активная переписка лидеров экуменизма с патриархом Алексием и митрополитом Николаем. В апреле архиепископ Кентерберийский Джозфрей направляет письмо митрополиту Николаю, где выражает свое желание видеть Русскую Православную Церковь в составе ВСЦ [7, с. 36]. О том же

говорят письма В.Хуфта и Богнера [7, с. 36]. Один из будущих сопрезидентов ВСЦ, епископ Чичестерский Джордж Белл, в письме в Патриархию от 21 апреля 1945 г. пишет: «Если Русская Православная Церковь и Церкви, находящиеся под ее влияние не будут участвовать в ВСЦ – это будет трагедией. Если же Русская Церковь собирается участвовать – ей будет предоставлена ведущая роль» [5]. Однако не все так думали в формирующемся Всемирном Совете Церквей. Зарубежные корреспонденты патриарха Алексия Первого отмечали, что политика этой организации в отношении Русской Православной Церкви крайне непоследовательна, что является свидетельством борьбы разных полюсов влияния – европейских христиан – сочувствующих России и американских протестантов, находящихся под сильным влиянием антисоветской американской внешней политики [2; 7, с. 208–210].

Экуменическое движение пристально изучают и в Совете по делам Русской Православной Церкви. 1 сентября 1946 г. сотрудник отдела Шварев представляет Карпову свое видение вопроса, настаивая на политическом характере экуменического движения и политических целях участия в нем Русской Церкви в качестве лидера [7, с. 235]. Уже в мае 1947 г. в ОВЦС поступила информация, что Антиохийский патриарх положительно относится к вступлению в ВСЦ, как и архиепископ Кипра» [3].

В рабочем документе Всемирного Совета Церквей, регламентирующем распределение мест на Ассамблее, говорится, что в этом списке отсутствуют Русская и Грузинская Церкви – мандаты их делегатов будут утверждены после решения вопроса об их членстве во Всемирном Совете Церквей [4].

Тем временем, в экуменическом движении начались разногласия, о чем докладывал правительству Г.Г. Карпов: «Наиболее дальновидные деятели этого движения подняли голос против стремления американцев провести Ассамблею в Амстердаме под флагом антикоммунизма. Оппозиция против американцев особенно заметна среди скандинавов, швейцарцев, французов и голландцев. В частных разговорах многие из них высказывают мысль о необходимости создания центра внутри Экуменического Совета, противостоящего американскому влиянию. Такой центр, по мнению многих, может быть создан только при участии Русской Православной Церкви. В частности, секретарь Всемирного Совета Церквей голландец Виссерт Хуфт заявил, что только с помощью Русской Церкви можно избавиться от опасности «американизации христианства» [8, с. 173].

Митрополит Николай сообщает 28 мая В. Хуфту о получении информации в письме от 12 апреля, и уточняет сообщение о докладе протоиерея Георгия Флоровского и участии митрополита Владимира (русская архиепископия в Европе) в составе делегации Константинопольской Патриархии. В ответном письме от 18 июля 1948 г. Хуфт подтверждает утверждения предыдущего письма и высылает дополнительную информацию, надеясь на скорое и положительное решение вопроса (к такой надежде его подвигала описанная оживленная корреспонденция). Однако, как свидетельствуют документы, решение о невступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей было принято еще в феврале 1948 г. Приближался момент, когда об этом решении узнает весь мир.

Один из документов той эпохи, хранящийся в архиве Отдела Внешних церковных связей, показывает, что уже в 1946 г. важнейшим вопросом для обсуждения на Всеправославном (как оно задумывалось) Совещании становится отношение к экуменическому движению. Однако уже тогда было получено письменно подтверждение участия в Амстердамской Ассамблее Константинопольской, Иерусалимской и Элладской церквей и устное подтверждение Александрийской, Антиохийской и Кипрской церквей [1]. Эти соглашения предопределили последующее несогласие в отношении к экуменическому движению между Восточными Церквями и Русской Церковью с дру-

гими славянскими церквями. Вместе с тем, с конца 1946 г. митрополит Николай (Ярушевич) вел переписку с первым генеральным секретарем Всемирного Совета Церквей Виссертом Хуфтом об условиях вступления Русской Православной Церкви в Совет [1]. Последний понимал, что усилившееся влияние американцев не принесет ничего хорошего и экуменическому движению. Он заявил, что только с помощью Русской Церкви можно избавиться от опасности «американизации христианства». Подобной позиции придерживались и некоторые представители англиканской церкви, например архиепископ Йоркский Гарбетт, осудивший антикоммунистические настроения у организаторов Всемирного Совета Церквей.

Вопрос об отношении к экуменизму, став основной темой предстоявшего Совещания, стал и причиной неучастия в Совещании ни глав, ни представителей Восточных Церквей.

Совещание глав и представителей прошло в Москве 8–19 июля 1948 г. и было приурочено к празднованию 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Совещанию предшествовала кропотливая подготовка, осуществлявшаяся Патриархией и Советом по делам РПЦ. В торжествах приняли участие главы Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, представители Вселенской, Александрийской, Антиохийской, Элладской, Албанской, Польской Церквей. Богословским итогом работы Совещания, которое проходило в московском храме Воскресения в Сокольниках, стал вышедший в следующем, 1949 году двухтомник «Деяния Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей» (М., 1949). Среди вопросов, которые обсуждались на Совещании, были отношение к экуменическому движению (осенью 1948 г. состоялась I Ассамблея Всемирного Совета Церквей, приглашение на участие в которой получили все Православные Церкви), отношение к Ватикану, вопрос о действительности англиканской иерархии, календарный вопрос.

Итогом почти пятилетней работы и значительных затрат человеческих и материальных ресурсов стало Московское Совещание глав и представителей

Таким образом, Русская Православная Церковь в описываемый период принимала активное участие во внешнеполитической деятельности СССР. Активные контакты осуществлялись с Поместным Православными Церквями, с инославными конфессиями и с экуменическим движением. Контакты с Римо-Католической церковью были невозможны ввиду враждебных отношений между Ватиканом и советским правительством. Такая враждебность обуславливалась во-первых, антикоммунистической политикой понтифика папы Пия XII, с другой – в прочном отождествлении с советским внешнеполитическим сознанием Ватикана с «пособниками фашизма».

Одна из первоочередных целей привлечения Русской Православной Церкви к советской внешнеполитической деятельности – создание благоприятного впечатления о религиозной ситуации в СССР перед союзниками была выполнена. Широкомасштабная кампания по распространению влияния Русской Церкви на Православные Церкви и протестантские конфессии во всем мире не была осуществлена. В сформировавшемся Всемирном Совете Церквей инициатива также была захвачена церковными кругами, не находившимися под влиянием Русской Церкви, поэтому было принято решение не вступать в Всемирный Совет Церквей в качестве Церкви-члена, и признать к тому же и другие Православные Поместные Церкви.

Список литературы

1. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 88.
2. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 180.
3. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 110.

4. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 71.
5. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 88.
6. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 646.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6991. Совет по делам Русской Православной Церкви. – Оп. 2. – Д.35. Совещание глав и представителей Автокефальных Православных Церквей 1948 г.
8. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. РАН, Институт российской истории / О.Ю. Васильева. – М.: ИРИРАН, 2001. – 214 с.
9. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье – Общество любителей церковной истории, 2000. – 400 с.
10. Цыпин, В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917 – 1997 / В. Цыпин // История Русской Церкви. Юбилейное издание к 850-летию Москвы. – Книга девятая. – М., Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с., илл.
11. К народам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – № 2. – С. 17; Известия. – 10 февраля 1945 г. – № 34.

В.В. Кириенко

*Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого, г. Гомель*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

Вместе с природно-географическими условиями одним из существенных факторов формирования белорусского этноса и его менталитета явился процесс непрекращающегося межэтнического взаимодействия. Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север – Юг» и «Запад – Восток» предопределило ее срединный геополитический статус – флуктуации (fluctuation – от лат. колебание) между культурно-цивилизационными Севером и Югом, Востоком и Западом. В Беларуси, расположенной в географическом центре Европы, встретились, переплелись и разграничились два основных типа культуры, два типа цивилизации: западная (европейская) и восточная (евразийская). «Стыковка» Запада и Востока редко носила мирный, дружелюбный характер, западные и восточные чужестранцы в Беларуси не всегда были зваными и желанными.

Расположение Беларуси в центре Европы обусловило то, что варяги, французы, шведы, немцы, татары – кто бы и куда бы ни двигался с европейского севера на юг или юга на север, с запада на восток или с востока – на запад, – все оставляли свои следы в материальной и духовной культуре, в генокаде белорусов. Воздействие собственно восточных и западных культур на белорусскую культуру было, как правило, военно-агрессивным, но сравнительно непродолжительным и малоэффективным. Это обуславливалось одной из важнейших черт белорусского менталитета – сильным внутренним защитным иммунитетом против его насильственного «окультуривания». Основные ментальные характеристики белорусов сформировались в процессе их взаи-

моделятельности с этносами, с которыми они делили свою территорию, и с этносами-соседями. На северо-западных границах формирование белорусского этноса, его менталитета и культуры происходило в тесной взаимосвязи с балтскими этносами. Имеющие близкородственные индоевропейские этногенетические корни, белорусы, литовцы и латыши внешне были похожи друг на друга. Культурная и генетическая близость балтских и славянских этносов позволила немецкому этнографу А. Филиппсону определить, что «к славянам в более широком смысле слова принадлежат протестанты – латыши в Курляндии и Южной Лифляндии (1,4 млн) и католики-литовцы (1,2 млн) на нижнем Немане» [1, с. 642].

Длительное время находясь в составе одних и тех же государственных образований – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а затем и Речи Посполитой, белорусский и литовский этносы формировались не только в похожих природно-географических, но и в сходных государственно-политических и экономико-хозяйственных условиях. Так же как и у белорусов, основным занятием литовцев была сельскохозяйственная деятельность. Так же как и белорусы, литовцы «кроме земледельства, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледельческих занятий, являются чернорабочими при рубке леса, в речном сплаве, землекопами на железнодорожных постройках и, наконец, работниками на фабриках и заводах, составляя ремесленность, особенно развившуюся в городах и местечках области, мелкую торговлю в руках евреев» [2, с. 225]. Все важнейшие сельскохозяйственные работы непременно сопровождались соответствующими обрядами. Особенным, сакральным смыслом и у белорусов, и у литовцев был наполнен конец сельскохозяйственного года. «Из всех сельских занятий жатва – самое уважаемое и любимое. На жатву все спешат охотно, а по ее окончании... крестьяне совершают дожинки, почти одинаково, как у литовцев, так и белорусов. ...После угощения, в котором, конечно, водка играет главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, песни и пляски продолжают до глубокой ночи» [2, с. 25].

Мировоззрение литовцев, сформированное под влиянием схожей с белорусской девственной природы, в очень сильной степени было природно-языческим. В реальной духовной жизни у литовцев «прежние идолы, прежние праздники применялись к христианским, получали новое название, и этим довольствовались. Народ, напр., чтит вербу, в которую, по преданию, обратилась богиня плодородия, окружал ее и поклонялся ей. Духовенство повесило икону на вербе, и народ продолжал молиться перед нею. Духовенство радовалось, что молятся перед иконой; народ радовался, что не запрещают молиться перед вербой» [2, с. 33].

Другим балтским этносом, во взаимодействии с которым происходило становление белорусского этноса, были его северные соседи – латыши. Культура, быт и тип хозяйственной деятельности белорусских латышей в значительной степени совпадали с культурой, бытом и типом хозяйственной деятельности белорусов. Большинство витебских латышей были католиками и протестантами. В том числе и по этой причине взаимовлияние белорусского и латышского этносов было сдержанным, толерантным. И тем не менее оно имело место. «Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком; витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями» [3, с. 209].

В мировоззрении латышей, так же как и их соседей – литовцев и белорусов, христианские начала удивительным образом переплетались с древнеязыческими. Весь уклад их жизни был подчинен установлению гармонии с природой. Основным занятием латышей и литовцев, так же как и белорусов, был сельскохозяйственный труд. Поэтому «обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, ко-

торые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша – рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую роль играет «Лайма» – богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Она плетет судьбу человека и в особенности определяет брак женщин» [3, с. 211].

Существенное влияние на формирование белорусского этноса оказал близкий по культуре и языку польский этнос. Поляки раньше восточных славян получили достаточно устойчивые западноевропейские культурные «прививки». Западноевропейские архитектура и градостроительство, музыка, живопись, передовая агротехника в земледелии, рационализированные товарно-денежные взаимоотношения – все это польский этнос усвоил раньше восточнославянских этносов. Интенсивному процессу проникновения польской культуры и языка в культуру и язык белорусского этноса способствовали такие политические события, как заключение союза между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и Польским Королевством (Кревская уния 1385 г.) и последующее объединение этих государств в единое мощное федеративное государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.).

После создания Речи Посполитой для освоения и закрепления новых территорий польское правительство систематически переселяло на земли Литвы и Беларуси своих подданных. Реальная картина взаимодействия поляков и белорусов на территории Беларуси была такова, что «поляки, землевладельцы и вообще дворяне, бывшие чиновники, учителя, артисты и другие лица, преимущественно из привилегированных сословий, живут по деревням и в городах... В городах, как губернских, так и уездных, а равно в местечках, мещанское христианское сословие принадлежит также к полякам, как усвоившие польский язык и большею частью признавшие себя поляками» [2, с. 284].

Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую часть населения которых составляли евреи, поляки и полонизированные белорусы. «Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания, – общий народный характер города чисто польский... В западных губерниях мерилom национальности могут служить евреи. В Витебске, в Могилеве, где русский язык господствующий, – евреи по-польски почти совсем не говорят; в Минске же, так же как в Вильно, Гродно и Ковно, все евреи очень хорошо говорят по-польски» [2, с. 361].

Активными проводниками польской культуры в Беларуси было шляхетское сословие, в своем большинстве состоявшее из воспринявших польскую культуру белорусов. Как правило, они проживали обособленно, в шляхетских околицах и застенках. Основную массу белорусских шляхтичей в XIX столетии составляли так называемые панцирные бояре. Система панцирного боярства, по сути дела, была аналогом российского казачества. За службу в пехотных, так называемых панцирных, войсках им раздавались небольшие участки земли, преимущественно на восточных окраинах Речи Посполитой. Таким образом, на восточных окраинах Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были образованы целые поселения, в которых «шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями» [3, с. 202]. Культура, быт, манеры поведения шляхтичей отличались от культуры и быта коренного белорусского населения и представляли собой смешение белорусских и польских культур и языков. «Бышую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка» [3, с. 201].

В исторической ретроспективе можно по-разному оценивать последствия как русификации, так и вестернизации для духовной и материальной культуры современ-

ной Беларуси. Можно сколько угодно долго рассуждать о том, что было бы, если бы... Случилось то, что случилось: белорусы живут в совершенно конкретной социоисторической заданности: последствия влияния соседних культур, даже если они и не всегда были мирными, необратимы, они давно «вплелись» в структуру этнического, а затем национального самосознания белорусского народа, стали неотъемлемой частью белорусской культуры, белорусского менталитета. Находясь в постоянном взаимодействии с Востоком и Западом, белорусский этнос вырабатывал свои специфические восточно-западные, присущие только ему, ментальные характеристики. Поэтому все попытки отнести белорусский этнос только к Востоку или только к Западу обречены на трагическое разочарование. Беларусь не только сохранила свою целостность и самобытность, находясь под влиянием двух миров – Европы и Евразии, но и сами эти миры смогли пережить страшные времена средневековых межэтнических, межконфессиональных и межнациональных катаклизмов в том числе и благодаря неагрессивной активности, толерантности белорусов. Белорусский этнос выполнил свою важнейшую миссию мягкого размежевания и вместе с тем непрекращающихся интеграционных процессов между европейскими Востоком и Западом, Севером и Югом.

Список литературы

1. Филиппсон, А. Европа. Сочинения проф. А. Филиппсона / А. Филиппсон; перевод со 2-го перераб. нем. изд. С приложением статьи «Россия в народно-хозяйственном отношении» / В.П. Воронцова. – Санкт-Петербург: Книгоиздат. товарищество «Просвещение», 1896. – 720 с.
2. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье. – Минск: БелЭн, 1993. – 550 с.: ил. (репринт. воспр. изд. 1882 г.).
3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: в 19 т. Т. 9. Верхнее Поднъпровье и Бѣлоруссія / под общ. ред. П.П. Семенова. – Санкт-Петербург: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – 620 с.
4. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Монография / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.: ил. 2 карты.

А.И. Ганчар

Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА И «ПОЛЬСКОСТИ» В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Узкий национализм не соответствует духу римско-католической церкви. Она основана Христом для всех народов; в ней есть место для всех и неограниченное поле для развития духовных сил каждого народа. К сожалению, в Беларуси, этот принцип оказался нарушенным. Наиболее показательна в этом смысле ситуация, сложившаяся здесь во второй половине XIX века, когда римско-католическая церковь и польская нация оказались по одну сторону баррикад в противостоянии царизму. Римско-католическая церковь стала наиболее сильным бастионом в борьбе за независимость Польши, в котором могли соединиться все деятели, независимо от своего социального положения и политических убеждений. Особенностью же позиции римско-католического духовен-

ства было то, что, борясь за независимость Польши, оно в большинстве случаев игнорировало либо не поддерживало проявления белорусского национального движения [1, с. 143]. Подавление всех проявлений польской культуры, запрещение преподавания на польском языке, недопущение издания польских книг и газет, удаление всех поляков с государственной службы, наконец, «располячивание» римско-католической церкви – всё это были меры, которые ослабляли польское влияние. «Но убившие культурные польские центры в Северо-Западном крае, правительство, несмотря на все усилия, не могло создать там очагов русской цивилизации» [2, с. 119].

Отождествление католицизма и «польскости» укоренилось в сознании российского общества благодаря во многом тогдашней публицистике, муссировавшей данную проблему всякий раз, когда вставал вопрос о судьбах белорусских земель. Определенную роль в этом сыграли и представители западно-русисзма, в частности, И. Шолкович – ревностный апологет православия. «Могущество католицизма так громадно в здешних местах, – писал он в одной из своих работ, – что оно даёт себя почувствовать каждому русскому, едва переступившему границу Белоруссии. Это великая сила, связывающая во едино всех наших католиков. Католицизм до такой степени проник в польский народ, что стал главнейшим элементом его национальности, несокрушимой нравственной силой... Чувство польской национальности нашло себе основу в церкви, с которой его отождествили. Во времена Польши такого отождествления не было; католическая церковь господствовала в польском королевстве, но национальность польская не совпадала с нею. Под русским скипетром также не вдруг совершилось это совпадение. В прошлом столетии и в начале нынешнего превращение католицизма в польскую национальность не успело ещё совершиться. Римская церковь оставалась тем, чем она является в других странах, и соединение её с польской национальностью не выставлялось ещё как принцип. Но с течением времени принцип этот ясно выразился, и римская церковь Западного края превратилась всецело в польский патриотизм. Латинский священник стал видеть в себе более польского политического агента нежели служителя своей церкви. Отсюда возникло фантастическое учение мессианизма, отсюда эти революционные обедни, отсюда этот образ Польши, пострадавшей за грехи человечества и долженствующий воскреснуть» [3, с. 224].

В газете «Новое время» в статье под недвусмысленным названием: «Что мешает Белоруссии сделаться Русскою?» утверждалось следующее: «Мы предлагаем любопытствовать, что творится в каждом костёле... Ксендзы говорят проповедь по-польски. Исповедь уже разумеется тоже на польском языке. В результате посещающие говорят по-польски... И всё это не где-нибудь среди польского населения – нет. Это в самом центре Белоруссии – в Витебской и Могилёвской губернии» [4, с. 4].

Сборники документов того периода также были призваны отстаивать «официально-правильное» мнение. Авторы одного из сборников открыто заявляют в начале книги: «Мы не боимся того утверждения, что помещённые нами в этом выпуске сборника документы все одного рода, что они подобраны с предвзятой мыслью: такой укор для нас равняется только похвале. Собранные нами документы утверждают в той исторической истине, в которой нам убедить всякого хотелось, что западная России едва не ополчилась и не латинилась под гнётом всевозможных варварств и насилий враждебной нам пропаганды. Пусть те, которые захотят уличить нас в односторонности, представят документы, из которых было бы видно, что ксендзо-шляхетство не притесняло ни русской народности, ни православия, а, напротив, давало им то значение и те права, которыми они должны были пользоваться, как священные достояния хозяев страны, что ксендзошляхетство нисколько не пропагандировало в пользу латинства и полонизма» [5, с. 4]. Далее автор клеймил польских королей, утверждая, что только при угрозе жизни они издавали привелеи, облегчавшие положение православных, но и это они на практике не

соблюдали. Документы же, собранные в сборнике, подавались не в оригинале, а был «напечатаны в переводе, или с объяснением не для всех понятных слов и оборотов и пригодными примечаниями». Документы относились к 1569–1785 гг. и, в основном содержали материал о «гонениях, претерпеваемых православными жителями подвластных Польше областей от униатов и римско-католиков» [5, с. 283]. Характерен был и эпиграф сборника:

Покажи мне веру Твою от дел Твоих...

Вера без дела мертва есть [5, с. 5].

Многие из разочаровавшихся в Европе поляков тянулись к римско-католической церкви как к силе, на которую надеялись. Перед их воспламененным взором в образе Папы сливался глава костёла с оплотом политических мечтаний [6]. В 1865 г. общество польских ксендзов-эмигрантов в изданном в Париже манифесте открыто высказалось, что римско-католическая вера представляет самое удобное средство для восстания, и что в Польше иначе нельзя возбудить народ, как посредством религии [7, с. 153]. Вот как один из польских авторов З. Наградский описывает положение дел в те времена. «Между ксендзом и святым не делали тогда никакой разницы. Ксендз – это такой святой, который живёт ещё в костёле, а святой – это такой ксендз, который здесь умер и живёт у Бога на небе» [8, с. 60].

Тесная связь римско-католической церкви с польским национальным движением и позиция польских патриотов в вопросе национальной принадлежности римско-католиков на белорусских землях породила неприятие любого отступления духовенства от декларированных принципов. Характерным примером этого является отношение местного римско-католического духовенства и патриотов-католиков к Виленскому прелату Петру Жилинскому. П. Жилинский, администратор Виленской римско-католической епархии, имел смелость заявить в 1870 г., что он «по своим догматическим убеждениям – сущий католик, а в политическом отношении – я ревностный русский патриот и готов всем пожертвовать за Отечество и Государя». Характерно, что некоторая часть римско-католического духовенства упрекнула П. Жилинского в предательстве «ойчизны» [6, с. 433–434].

Вероятно, причину соединения католицизма и польского национально-освободительного движения следует искать в реалиях социально-политической жизни Российской империи, а также в судьбах Речи Посполитой. Принявшая католицизм шляхта – носитель и генератор национальной идеологии в период модернизации общества, видела в нем одно из звеньев, связывающих в единое целое народ, разделенный в конце XVIII между тремя государствами-агрессорами. В Российском государстве, где православная церковь рассматривалась как государственный институт, а православные – как единственные полноправные граждане, католицизм оказался в оппозиции. Таким образом, оппозиционное польское национально-освободительное движение нашло союзника, разделившего с ним стремление к освобождению от государственного давления.

Анализ причин и следствий использования религиозной идеологии в польском национально-освободительном движении показывает, что избежать экстремизма в данном случае можно, если позиция властей будет толерантной к представителям любого вероисповедания. Можно ли сегодня вести речь о национальной церкви? Пытаясь найти ответ на этот непростой вопрос, мы должны исходить из того, что в кругу измерений человека особое, доминантное место занимают три признака – язык, этническая и конфессиональная принадлежность – но эти признаки почти никогда не совпадают. Таким образом, поликонфессиональность Беларуси не дает никаких оснований ставить вопрос о национальной церкви.

Список литературы

1. Гарошка, Л. Пад знакам «Рускае і Польскае веры» / Л. Гарошка // Спадчына. – 2000. – № 1.
2. Студницкий, Вл. Польша в политическом отношении: от разделов до наших дней / Вл. Студницкий. – СПб., 1915.
3. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России: Выпуск 1-й / сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885.
4. Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 22.
5. Сборник документов, уясняющих отношение латино-польской пропаганды к русской вере и народности (из исторических материалов, помещённых в «Вестнике Западной России» и из других печатных источников). Выпуск I. – Вильно: Тип. Виленского губернского правления, 1866.
6. Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник – 1895.
7. Русско-польские отношения. – Вильна, 1897. – 178 с.
8. Nagrodzki, Z. Rola duhowieństwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863 – 1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935.

В.Е. Гурский, И.И. Янушевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ НА РАЗВИТИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ (1917–1941)

Развитие конфессиональной ситуации на территории Беларуси практически всегда было связано с месторасположением границ соседних государств. Православие, как генетически первая религия для белорусов в составе древнерусского государства, во время ВКЛ было существенно потеснено католицизмом, а затем и протестантизмом. Антиправославной была политика Речи Посполитой, а после вхождения в состав России ситуация начала двигаться в обратном направлении. По сути, до образования независимой Республики Беларусь, реализовывающей взвешенную государственную конфессиональную политику, основанную на принципах отделения церкви от государства, обеспечения свободы совести, равноправия всех религий перед законом, религиозные организации находились в полной зависимости от правящих режимов, а государственные и административные границы определяли культовую принадлежность населения.

Был в истории государственно-церковных отношений и особый период с 1917 до 1941 гг., когда в одной части Беларуси религии была объявлена беспощадная война, а в другой вместо духовного служения религиозным организациям были вменены сугубо политические, охранительные функции. Новое атеистически настроенное политическое руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. В силу того, что бороться одновременно со всеми религиозными организациями большевики не имели возможности, главным их политическим противником стала Русская православная церковь.

Не имея ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же раз-

рушения ее административно-управленческой структуры. Под предлогом организации помощи голодающим Поволжья в 1921 г. в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов. Усиление позиций нэпа способствовало сведению религиозной деятельности в 1925–1926 гг. к минимуму, что привело к усилению влияния религиозных организаций, и в условиях сложной внешнеполитической ситуации с начала 1927 г. в БССР церковный вопрос вновь поднимается чрезвычайно остро. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия храмов. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храмов. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [1, с. 173]. Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [2, с. 300]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего к сожалению по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [1, с. 179].

Сложным был для православных период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой. Варшава нуждалась в независимой от Москвы Православной церкви. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. Со середины 1930-х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с властями. По инициативе сендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендации 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств [3, с. 12–38].

Резкая антиправославная политика большевиков способствовала временному облегчению деятельности Римско-католической церкви (РКЦ). В 1917 г. была произведена реорганизация епархиальной структуры Могилевского архидиоцеза. В 1917 г. была возобновлена деятельность Минского диоцеза [4, с. 28]. 1 октября 1918 г. в Минске была открыта Католическая духовная семинария. После подписания Рижского мирного договора в границах бывшей Минского диоцеза осталось 7 деканатов, 55 парафий, около 160 тыс. верующих и 14 священников [5, с. 31]. Весной-летом 1922 г. взаимоотношения Советской власти с Римско-католической церковью значительно обострились. Митрополит могилевский Я. Цепляк и настоятеля костела св. Екатерины в Петрограде К. Буткевич были приговорены к высшей мере наказания. Смертный приговор Цепляку был заменен на высылку из пределов СССР. К. Буткевич 31 марта был расстрелян.

В целом репрессии против католических священнослужителей были значительно менее жестокими, чем гонения на православное духовенство. Однако к концу 1920-х гг. и деятельность Костела на территории СССР была практически полностью загнана в подполье. В БССР на начало 1929 г. действовало 111 католических храмов [6, с. 45], а к концу 1930-х гг. деятельность римско-католических организаций была свернута.

Перед Костелом польским правительством ставилась четкая и однозначная задача ополячивания и окатоличивания населения. На эти цели выделялись значи-

тельные финансовые средства. Быстрыми темпами увеличивалось количество католических костелов. К примеру, если в 1915 г. в Пинской диоцезии насчитывалось 55 храмов, то в 1935 г. 130 [1, с. 200]. Костел всячески стремился ограничить любую деятельность православных и белорусских организаций. РКЦ выполняла роль идеологического надсмотрщика. Развитин Польские ксендзы негативно относились ко всему белорусскому. Белорусское католическое движение всячески притеснялось. Ксендзы-белорусы переводились в польские парафии, им не давали возможности нормально работать, некоторых подвергала арестам. Еще одним фактором религиозной жизни было возобновление деятельности католиков восточного обряда. Ватикан предполагал через униатство привлечь некоторую часть православных на свою сторону, хотя и практически безрезультатно, несмотря на значительные средства и силы вложенные в кампанию [7, с. 73].

Массовые закрытия большевиками церквей и костелов, аресты, высылки, преследования священнослужителей и антиправославные атаки польских консервативных кругов вызывали отток верующих в протестантские общины. Последние смогли найти более оптимальные чем традиционные конфессии формы работы с верующими и государственными органами власти. Немаловажную роль при этом в условиях глубокого экономического кризиса играла и финансовая помощь из-за границы. Властями поддерживалось распространение протестантских течений как реального противовеса православию. Принятие идеологии «новой веры» означало отказ от своей национальной принадлежности.

Таким образом, правительства обоих государств нарушали положения мирного Рижского договора в сфере реализации этноконфессиональной политики. Властями проводилось жесткое регулирование религиозной жизни в соответствии со своими политическими приоритетами без учета мнения и желания самого белорусского народа. После воссоединения белорусских земель на западную часть была распространена советская модель взаимоотношений с церковными организациями.

Список литературы

1. Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. / У.І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998.
2. Прот’ко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Прот’ко. – Минск: Тесей, 2006.
3. Кандрусевіч, Т. Каталіцкая царква ў кантэксце рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі / Т. Кандрусевіч // Беларуская думка. – 2009. – № 5.
4. Міхалік, Л. Лёсы каталіцкага духавенства ў першай палове XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі / Л. Міхалік // Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гг. – Непакалянаў: 2000.
5. Лебедев, А.Д. Политика Советской власти в отношении Римско-католической церкви в БССР (1917–1929 гг.) / А.Д. Лебедев // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки / Республиканский институт высшей школы; под ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск, 2009.
6. Дубянецкі, Э.С. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX стагоддзя: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Э.С. Дубянецкі – Мінск, 1995.
7. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990.

А.Д. Карева

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

**БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
(белорусская диаспора и проблемы белорусской культуры
в Великобритании во второй половине XX века)**

Великобритания является для белорусской диаспоры в XX веке относительно новым местом поселения. Переезд белорусов в Великобританию наиболее активизировался в послевоенные годы. В большинстве своем это была политическая эмиграция, критически относившаяся к советскому коммунистическому режиму. Эта группа эмигрантов была представлена членами белорусских политических организаций, учреждений и военных формирований, созданных на захваченной немцами территории. Характерной особенностью послевоенной белорусской эмиграции является и то, что изменился социальный статус белорусов за границей – увеличилось количество интеллигенции, оказавшей большое влияние на социально-политические, культурные процессы в регионах их проживания. В отличие от предыдущей волны эмиграции, значительная часть которой ассимилировалась, послевоенная эмиграция заявила о белорусах как самостоятельной этнической общности зарубежья, создала свои национальные общества, общественно-культурные организации, научные центры и средства информации. Большинство из них появились в конце 1940-х – 1950-х гг., период, в течение которого активно шел процесс становления и структурного оформления белорусской диаспоры [1].

Важное значение в жизни белорусской диаспоры играла ее первая организация – Объединение Белорусов в Великобритании (ОБВБ), начавшее свою работу в 1947 г. ОБВБ объединило в своих рядах наибольшее количество соотечественников и имело широкий спектр деятельности, оказавшей влияние на жизнь белорусского сообщества в Великобритании. Отделения ОБВБ находились в Манчестере, Бирмингеме, Бредфорде, Кембридже с центром в Лондоне [2]. В целях ознакомления британцев с особенностями белорусской истории и культуры отделениям ОБВБ проводился ряд мероприятий – празднования годовщин Дня независимости и Слуцкого восстания, которые проходили довольно разнообразно – белорусские песни, танцы, лекции, творческие вечера. ОБВБ занималась издательской деятельностью – среди наиболее значимых были журнал «На шляху», «Беларус на чужыне». Одним из направлений деятельности ОБВБ была организация белорусскоязычного образования – открытие субботних школ, проведение лекций и докладов, призванных путем распространения знаний о белорусской истории и культуры повысить уровень национального самосознания. Более долговременным явлением стала школа Св. Кирилла Туровского, открытая в 1961 г. в Лондоне при Белорусской католической миссии, в которой учились белорусские мальчики из разных стран Европы независимо от их вероисповедания [3].

С помощью ОБВБ, пожертвований обычных прихожан и при финансовой поддержке Ватикана в Лондоне был основан Белорусский дом, названный Марианским, в котором действовала Белорусская церковь Св. Петра и Павла греко-католической конфессии (основана в 1947 г. отцом А. Надсоном). В 1971 г. при Марианском доме создана библиотека имени Ф. Скорины, которая затем стала библиотекой-музеем, важным

культурно-просветительским центром белорусов Великобритании. Большой вклад в его создание внесли о. Я. Германович, о. Л. Горошко, о. Ч. Сипович, о. А. Надсон (нынешний руководитель библиотеки). Библиотека и музей объединяют белорусов-эмигрантов и английских белорусистов; с ним тесно сотрудничает Англо-белорусское товарищество. В библиотеке на сегодняшний момент хранится огромное количество книг, рукописей, ценных архивных материалов, артефактов белорусской культуры. Белорусская библиотека-музей со временем стала одним из основных европейских научно-культурных центров, в котором проводились и проводятся лекции по белорусской литературе и истории, научные конференции, встречи с культурными представителями из Беларуси. Лондонский центр стал выполнять роль полноправного представителя белорусской науки и культуры за рубежом [4].

В результате контактов, которые удалось установить ОБББ между белорусами и британцами послевоенного периода, явилось создание отдельной организации – Англо-белорусского товарищества (АБТ). Оно было основано 16 марта 1954 г. с целью повышения интереса к Беларуси в британском обществе. Среди британцев, которые первоначально вошли в данную организацию, преобладали представители политических кругов, для которых членство в Англо-белорусском товариществе было своего рода продолжением их политической деятельности, а интерес к белорусам как представителям «подневольного народа» СССР рассматривался как возможность проведения антисоветской политики. В состав руководства АБТ входили такие люди как барон Дэвид Ормсби-Гор, аристократка Френсис Уорд, леди Фиппс, вице-президент Консервативной партии Кетрин Макмиллан, личности скорее символические для организации, давшие ей свои связи и имя. Должность реального руководителя Англо-белорусского товарищества на протяжении долгого времени занимал Оберон Герберт, инициатор и реализатор многих совместных белорусско-британских проектов. Первым мероприятием общества совместного с ОБББ стало празднование в 1954 г. Дня Независимости БНР. На первых этапах своей деятельности Англо-белорусское товарищество опубликовало брошюру о Беларуси (1954 г.), организовало в Вестминстерском Холле 2 концерта, на которых исполнялись белорусские песни, танцы (1954 г., 1956 г) [5]. С 1960-х гг. расширилась деятельность АБТ, что было связано с приходом в организацию заинтересованных в белорусистике ученых и литераторов: Г. Пикарды, А. Макмиллина, Дж. Дингли, В. Рич, с помощью которых деятельность АБТ была переведена в русло научно-культурной. С 1965 г. Товарищество стало издавать ежегодник – «The Journal of Byelorussian Studies», распространяемый среди университетов, библиотек, частных лиц в Великобритании, США, СССР и других странах. В нем публиковались статьи о дореволюционной Беларуси, статьи, посвященные теме культурного наследия Беларуси, помещались рецензии на изданные в нашей стране книги, библиография последних изданий. Свои исследования в ежегоднике помещали не только белорусские эмигранты, но и исследователи Великобритании и других западноевропейских стран. Своеобразным продолжением этого издания явилась публикуемая в 90-е гг. серия «Непериодических ученых записок белорусских исследований» (Occasional Papers in Belarusian Studies). Составителями и редакторами «Записок» являлись профессор Лондонского университета, знаток русской и белорусской литературы А. Макмиллин и преподаватель истории этого же университета Дж. Дингли. В этом издании содержались статьи и рецензии по проблемам белорусского языкознания и литературы, в которых рассматривались проблемы общественного, культурного и научного характера различных периодов истории Беларуси. Спонсорами издания выступали АБТ и Белорусская библиотека-музей им. Ф.Скорины [6].

Организация англоязычных лекций по истории и культуре Беларуси стали вторым значимым проектом АБТ в области популяризации знаний о белоруссах в британском обще-

стве. В 1966 г. во Французском институте в Лондоне был организован ежегодный курс из 6 лекций по белорусской культуре, истории, искусству. Данное мероприятие стало регулярной формой деятельности Англо-белорусского товарищества вплоть до середины 1990-х гг. Последующие лекции проводились в Королевской Шотландской Корпорации, Британской Академии, Лондонском университете, библиотеке-музее имени Франциска Скорины [7]. Регулярно читали лекции о. А. Надсон, о. Ч. Сипович, А. Макмиллин, Г. Пикарда, Дж. Дингли, П. Майо, Ш. Акинер, Г. Лиминг, Л. Хьюз. Тематика докладов со временем стала очень широкой: история Беларуси разных периодов, литература, язык, искусство, география, даже кулинария. В начале 1990-х гг. стали чаще читаться лекции, посвященные событиям в Беларуси, обсуждались перспективы национального развития Беларуси. С 1990-х гг. изменился состав выступающих – появилось больше слушателей и лекторов из Беларуси. Организованные АБТ курсы были важным явлением в истории белорусской эмиграции, они являлись своеобразной рекламой британского белорусоведения, отражали реальный уровень заинтересованности зарубежных ученых в исследовании белорусской проблематики.

Таким образом, выпуск периодических изданий и организация лекций создали АБТ образ серьезной просветительской организации и содействовали развитию белорусоведения в Великобритании и других странах Западной Европы.

С 1990-х гг. в деятельности АБТ произошли некоторые изменения. Британские друзья Товарищества стали чаще бывать в Беларуси, устанавливать контакты с белорусскими организациями, например с МАБ (Международная ассоциация белорусистов). По приглашению Товарищества в Лондон приезжали белорусские ученые и литераторы. Произошли изменения в формах и тематике мероприятий АБТ: стало больше проводиться творческих встреч и вечеров памяти, просмотров белорусских кинофильмов, чем научных семинаров. Молодые друзья организации, приехавшие в Британию на учебу, инициировали новые проекты. При участии Каролины Мацкевич стали регулярно проводиться празднования Купалья и Колядок. Еще одной формой работы Товарищества стало создание его Интернет-сайта, на котором можно найти разнообразную информацию об организации, мероприятиях, статьи ее друзей. Важным направлением работы осталась издательская деятельность. С 1997 г. начал выпускаться журнал «Белорусская хроника». Инициатором, автором и редактором издания был Гай Пикарда. «Белорусская хроника» явилась своего рода продолжением «The Journal of Belarusian Studies», в котором была одноименная рубрика. Журнал давал всесторонний обзор культурных, исторических, политических, спортивных, кулинарных, дипломатических и религиозных вопросов, связанных с Беларусью и ее культурой [8].

Таким образом, в период 40-х – 80-х гг. XX в. был заложен фундамент не только культурно-просветительской работы белорусской диаспоры в Великобритании по ознакомлению английской общественности с культурой белорусов. Произошло становление ведущих национальных и общественно-культурных организаций и центров, трансляторов белорусской культуры на Британских островах, достаточно активно издавалась периодическая литература, что позволяет сделать вывод об институциональной оформленности белорусской диаспоры к 80-ым гг. XX в., ее значительной роли в сохранении белорусской национальной идентичности в Великобритании. Она же выступила одним из главных «провоцирующих факторов», который вызвал интерес к Беларуси и ее культуре в эти годы в среде академической и университетской элиты славистов Англии.

Список литературы

1. Карева, А. Белорусская диаспора и становление традиций белорусоведения в Великобритании в 40-е – сер. 80-х гг. XX в. (историографические, источниковедческие,

историко-культурологические аспекты проблемы) / А. Карева // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 1. – № 2 (80). – 2009. – С. 62–73.

2. Найдзюк, Я. Беларусь учора і сёння / Я. Найдзюк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 372.

3. Ляднева, А. Беларуская школа на эміграцыі // Беларусіка = Albaruthenica / рэд. У. Конан [і інш.] // Кн. 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2. – С. 103–110.

4. Ляднева, А.С. Скарынаўка / А.С. Ляднева // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 2. – С. 55–57.

5. The Belarusian Diaspora in the United Kingdom // <http://belarusians.co.uk>.

6. Аксамітаў, А. У Англіі думаюць пра Беларусь / А. Аксамітаў // Літаратура і мастацтва. – 1996. – 19 крас. – С. 13; Запруднік, Я. Развіццё беларусазнаўчых доследаў на Захадзе (пачынаючы з 1945 г.) / Я. Запруднік // Кантакты і дыялогі. – 1999. – № 11–12. – С. 3–9.

7. The Belarusian Diaspora in the United Kingdom // <http://belarusians.co.uk>.

8. Кастарс, Р. Пра дзейнасць Англа-беларускага таварыства / Р. Кастарс // Кантакты і дыялогі. – 2000. – № 11–12. – С. 61–62.

С.М. Токць

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна

ЭТНАКАНФЕСІЙНАЕ ПАМЕЖЖА Ў СВЯТЛЕ МІКРАГІСТАРЫЧНАГА АНАЛІЗУ (метадычныя пытанні вывучэння Берштаўскай пушчы)

Перспектыўным накірункам у даследаванні праблематыкі пагранічча, на нашу думку, з'яўляецца мікрагістарычны падыход. Як адзначыў адзін з заснавальнікаў гэтага падыходу італьянскі гісторык Дж.Леві, «Мікрагісторыя як практыка, па-сутнасці, палягае на змяншэнні маштабу назірання, на мікраскапічным аналізе і інтэнсіўным вывучэнні дакументальнага матэрыялу» [1]. Прычым, падкрэслівае Дж.Леві, у мікрагістарычным даследаванні змяншэнне маштабу з'яўляецца аналітычнай працэдурай, незалежнай ад параметраў аб'екту даследавання. Выкарыстоўваючы гэты падыход гісторыкі спадзяюцца з яго дапамогай адкрыць новыя, раней невядомыя факты, якія проста не заўважныя на макраўзроўні. Прыхільнікі мікрагісторыі вельмі часта прыводзяць параўнанне з выкарыстаннем мікраскопу ў біялогіі.

Даследчыкі мікрагісторыі шмат ідэй, і асабліва ў галіне тэорыі, запазычылі ў сацыяльных антрапологаў, для якіх вывучэнне лакальных супольнасцяў з'яўляецца хіба асноўным даследчым падыходам. У выніку ўплываў з боку антрапологаў паўстала гістарычная антрапалогія. Прадстаўнікі гэтага новага накірунку актыўна выкарыстоўваюць мікрагістарычны падыход і ахвотна цытуюць аднаго з класікаў сучаснай антрапалогіі Кліффарда Гірца, які слушна, на нашу думку, сцвердзіў, што антрапалагі (можна дадаць – і гісторыкі. – С.Т.) даследуюць не вёскі, а ў вёсках. Ён меў на ўвазе тое, што даследчыкі не проста апісваюць лакальныя супольнасці, а выяўляюць складаныя сістэмы сацыяльных адносінаў на мікраўзроўні: «Место исследования не есть предмет исследования. Антропологи исследуют не деревни (племена, города, поселения...) – они исследуют в деревнях. Можно изучать разные вещи в разных местах, и отдельные явления – например, воздействие колониального господства на существующие эти-

ческие нормы – лучше всего изучать в локальных условиях. Но это не превращает место в сам объект изучения. В отдаленных уголках Марокко и Индонезии я бился над теми же проблемами, над которыми другие ученые-обществоведы бились в столичных регионах, – например, как так получается, что наиболее настоятельные призывы к гуманности у людей всегда выражаются с акцентом групповой гордости, – и мои выводы были примерно такими же, что и у этих ученых» [2].

Натуральна, што ў сацыялогіі даследаванне сацыяльных адносін і працэсаў на мікраўзроўні таксама мае вельмі багатыя традыцыі, пачынаючы са знакамітай Чыкагскай школы гарадской сацыялогіі, заснаванай ў 1920-ыя гады Робертам Паркам. У сацыялогіі да мікрагістарычнага падыходу набліжаны метады case study, арыентаваны на даследаванне пэўнага канкрэтнага выпадку [3]. У сацыялогіі вёскі ўжо даўно шырока выкарыстоўваецца манаграфічны падыход, калі аб'ектам даследавання становіцца асобная вёска ці іншая лакальная тэрытарыяльная супольнасць, якая мае тыпалагічныя рысы, характэрныя для мноства падобных вёсак у пэўнай краіне ці рэгіёне. Паглыбленае і ўсебаковае вывучэнне такой вёскі, як сацыяльнай супольнасці, дазваляе выявіць важныя дэталі, незаўважныя на макраўзроўні. Галоўнай метадалагічнай праблемай ў такім выпадку становіцца абгрунтаванне тыповасці абранай вёскі для даследавання грамадства ці рэгіёну.

Праблематыка памежжа на працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў з'яўляецца адным з найбольш папулярных даследніцкіх накірункаў у беларускай гістарыяграфіі і ў сацыяльных навук. Гэта абсалютна апраўдана з увагі на памежнае, ці, як часта гаворыцца, сумежнае становішча нашай краіны ў геапалітычным і культурна-цывілізацыйным вымярэнні. Выдадзена ў апошнія гады беларускімі аўтарамі нямала цікавых манаграфічных прац і навуковых зборнікаў, зроблена нямала тэарэтычных направак. Але амаль адсутнічаюць даследаванні на мікраўзроўні, што справядліва, на нашу думку, як для айчыннай сацыялогіі і антрапалогіі, так і для гістарыяграфіі. А без правядзення такіх даследаванняў далейшыя навуковыя прагрэсы у вывучэнні праблематыкі памежжа ўяўляецца нам даволі праблематычным.

У дадзеным артыкуле нам хацелася кратка ахарактызаваць уласнае мікрагістарычнае даследаванне памежнага мікрарэгіёну, якое праводзіцца на працягу некалькіх гадоў і можна ўжо весці гаворку пра пэўныя вынікі, датычныя менавіта праблематыкі этна-канфесійнага памежжа. Аб'ектам дадзенага даследавання з'яўляецца мікрарэгіён «Берштаўская пушча», размешчаны на паўночны ўсход ад Гродна. Яго цэнтрам з'яўляецца вёска Бершты, якая знаходзіцца на адлегласці каля 50 км ад абласнога цэнтры і на сённяшні дзень адміністрацыйна адносіцца да Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці. Як лакальная сацыяльная і адміністрацыйна-тэрытарыяльная супольнасць гэты рэгіён пачаў фармавацца яшчэ ў XV ст., калі набыў прававы статус вялікакняскай пушчы, прызначанай для палявання Вялікага князя Літоўскага і яго свету. Мясцовыя жыхары атрымалі сацыяльны статус сялян-асочнікаў – ахоўнікаў пушчы, а таксама асобныя прывілеі. Гэты статус яны захоўвалі на працягу стагоддзяў, а ў часы Расійскай імперыі былі далучаны да катэгорыі дзяржаўных ці так званых «казённых» сялян. Спецыфічнае прыроднае асяроддзе сфармала і характэрны для жыхароў дадзенага мікрарэгіёну лад жыцця, непарыўна звязаны навакольнай пушчай і выкарыстаннем яе рэсурсаў.

Ужо даступныя нам гістарычныя крыніцы XVI ст. пераконваюць, што тэрыторыя Берштаўскай пушчы з'яўлялася прасторай актыўных этна-канфесійных кантактаў. Пра гэта даволі ярка сведчаць імёны і прозвішчы мясцовых жыхароў, а таксама мясцовыя тапонімы. Гэта пацвярджаюць і крыніцы XIX – пачатку XX ст., калі Гарадзеншчына ўвайшла ў склад Расійскай імперыі, і калі з'явілася афіцыйная дэмаграфічная статыстыка. Такім чынам, на працягу найменш як паўтысячагоддзя абшар Берштаўскай пуш-

чы ўяўляў сабой рэгіён этнічнага і канфесійнага памежжа. Якім чынам фактар памежжа ўплываў на жыццё мясцовых людзей, як выглядалі міжканфесійныя і міжэтнічныя стасункі ў гэтым мікрарэгіёне? Адказ на гэтыя пытанні мы паспрабавалі знайсці з дапамогай мікрагістарычнага даследавання азначанага мікрарэгіёну на аснове аналізу гістарычных архіўных крыніц. Матэрыялы XIX ст. дазваляюць дакладна акрэсліць канфесійную прыналежнасць жыхароў пушчанскага краю. Жыхары галоўнай вёскі мікрарэгіёна – Берштаў, былі ў большасці праваслаўнымі, а да 1839 г. – уніятамі ці грэка-католікамі. На захад ад Берштаў знаходзілася меншая па колькасці жыхароў вёска Новая Руда, жыхары якой належалі да рыма-каталіцкай канфесіі. На поўнач ад Берштаў размяшчаліся каталіцкія вёскі – Кабялі і Шумы, насельнікі якіх размаўлялі пераважна на літоўскіх гаворках і былі ў большасці каталікамі. Адною з галоўных задачаў даследавання нам бачылася выяўленне ступені ўплываў этна-канфесійнага фактару на адносіны паміж жыхарамі дадзенага рэгіёну. Атрыманыя вынікі дазваляюць сцвярджаць, што ў XIX ст. гэтыя ўплывы былі ў цэлым нязначныя і амаль незаўважныя ў святле дакументальных крыніц.

Напрыклад, намі былі прааналізаваныя метрычныя кнігі Глыбоцкай праваслаўнай царквы, да якой належалі жыхары Берштаў і ваколічных вёсак, якія спавядалі праваслаўе. За перыяд 1843–1877 гг. у гэтых кнігах зафіксаваны нараджэнні 271 дзіцяці ад змешаных шлюбаў паміж каталікамі і праваслаўнымі, што складала 7% ад усіх нараджаных у прыходзе дзяцей. У вёсцы Бершты за 1846–1877 гг. нарадзілася 98 дзяцей ад змешаных шлюбаў (9,5% ад іх агульнай колькасці). Такім чынам, канфесійныя адрозненні не стваралі істотнага бар'еру ў адносінах паміж сялянамі, і ў тым ліку ў такой важнай сферы сацыяльнага жыцця – як заключэнне шлюбаў. Больш істотным бар'ерам тут выступалі хутчэй матэрыяльныя адрозненні. Звычайнай з'явай былі шлюбы паміж беларускамоўнымі жыхарамі Берштаў і літоўскамоўнымі жыхарамі вёскі Кабялі. Можна вылучыць гіпотэзу, што на тэрыторыі памежжа актыўна адбываліся працэсы моўнай асіміляцыі, прычым у розных кірунках. Напрыклад, у канцы XVIII ст. выхадцамі з Берштаў Аверкамі і Ількевічамі на поўнач ад вёскі было заснаванае ўрочышча Мустэйка. Паступова гэтае ўрочышча разраслося і стала вёскай. У міжваенны перыяд XX ст. (1920–1930-я гады) тут актыўна развіваўся літоўскі нацыянальны рух. Галоўным чыннікам, які даў перавагу літоўскаму этнічнаму элементу, на нашу думку, стала блізкасць да каталіцкага касцёла ў вёсцы Кабялі і, адпаведна, больш актыўныя кантакты з літоўскамоўным насельніцтвам. Таксама вельмі актыўна развіваўся літоўскі нацыянальны рух ў вёсцы Шумы, на паўночны ўсход ад Берштаў. Між тым, прозвішчы жыхароў гэтай вёскі – Сяргейчыкі, Язэпчыкі, Саковічы, Малевічы – выразна сведчаць пра іх беларускае паходжанне. Такія прозвішчы былі пашыраны і ў суседніх беларускіх вёсках – Берштах, Зубраве, Матылях, Танявічах.

Цікава, што ў XIX ст. дзяржаўныя чыноўнікі зусім не звярталі ўвагі на этнічную прыналежнасць жыхароў пушчанскіх вёсак. Нават у часе паўстання 1863 г., калі жыхары вёсак Шумы і Зубрава былі выселеныя з родных хатаў за дапамогу паўстанцам, у дакументах пра гэта высяленне няма ніякіх узгадак пра іх этнічную прыналежнасць. Толькі ў часе пералісу насельніцтва 1897 г. з'яўляюцца дадзеныя пра родную мову мясцовых жыхароў. Але гэтыя дадзеныя захаваліся толькі адносна некаторых вёсак. На іх падставе можам меркаваць, што большасць жыхароў мікрарэгіёну размаўляла на мясцовай беларускай гаворцы.

У 1909 г. у сувязі з выбарамі ў Дзяржаўну Думу і падрыхтоўкай да ўвядзення земскіх устаноў у беларускіх і літоўскіх губернях мясцовая дзяржаўная адміністрацыя паспрабавала дакладна высветліць этнічную структуру насельніцтва. У Берштаўскай воласці на той час налічвалася 1007 сялянскіх гаспадарак у 50 вясковых грамадах [4]. Паводле дадзеных земскага начальніка, сярод гэтых гаспадарак 742 належалі

праваслаўным сялянам, 188 беларусам-каталікам і 77 літоўцам-каталіком. У азначаных дакументах прыводзіліся таксама звесткі пра кошт сялянскіх гаспадарак, на падставе ацэнак дзяржаўных чыноўнікаў (табліца). З гэтага можна меркаваць, што літоўскія вёскі выглядалі найбольш заможымі. Прычынай можна лічыць тое, што з гэтых вёсак многія сяляне выязджалі на заробкі ў Амерыку, адкуль вярталіся са значнымі па мясцовых мерках капіталамі, якія ўкладвалі ў гаспадарку. Зрэшты, у беларускіх вёсках на пачатку XX ст. працэсы міграцыі за акеан таксама дынамічна развіваліся.

Табліца – Этнаканфэсійныя групы насельніцтва Берштаўскай воласьці паводле колькасці гаспадарак і маёмаснага стану за 1909 г.

Група насельніцтва	Колькасць		Плошча надзельнай зямлі, дзес.	Кошт усёй зямлі, руб.	Сярэдні кошт гаспадаркі, руб.
	жыхароў	асобных гаспадарак			
Беларусы-праваслаўныя	6 179	742	14 094	193 232	260,0
Беларусы-каталікі	1 750	188	3 707	55 328	294,0
Летувісы-каталікі	415,0	77	1 831	29 536	383,5
Разам	8 344	1 007	19 632	278 096	276,2

Крыніца: НГАБ у Горадні, ф.17, воп. 1, спр. 3406.

Падзеі Першай сусветнай вайны аказалі вялізны ўплыў на жыццё сялян Берштаўскай пушчы. Паводле пазнейшых дадзеных ужо польскай адміністрацыі, у 1915 г. каля 60% мясцовага насельніцтва, найперш праваслаўных беларусаў, было вывезена расійскімі ўладамі ў глыб імперыі. На долю гэтых людзей выпала шмат цяжкіх выпрабаванняў. Але пасля заканчэння вайны большасць вярнулася ў родныя вёскі. У 1921 г. польскімі ўладамі быў праведзены ўсеагульны перапіс насельніцтва. У Берштаўскай гміне налічвалася 6119 жыхароў. Паводле нацыянальнай прыналежнасці большасць складалі беларусы – 4121, палякаў налічвалася 1418, літоўцаў – 472, яўрэяў – 58, расіян – 50 (расіянамі запісаліся беларускомоўныя жыхары невялікай вёскі Бабіна). Паводле канфэсійнай прыналежнасці склад насельніцтва гміны выглядаў наступным чынам: праваслаўныя – 4244, каталікі – 1767, іўдзеі – 108 [5]. У самай вялікай пушчанскай вёсцы Бершты налічвалася 565 мужчын і 555 жанчын, што складала 76,6% ад лічбы жыхароў 1909 г. Такім чынам, страты за час вайны склалі амаль чвэрць ад даваеннай колькасці жыхароў.

Пасля вайны жыхары Берштаўскай пушчы апынуліся ўжо ў новай польскай дзяржаве. Яшчэ адным вельмі важным фактарам стала тое, што зусім блізка прайшла літоўска-польская дзяржаўная мяжа. Адносіны паміж Польшчай і Літвой у той час склаліся скрайне варожыя. Тагачасны літоўскі ўрад лічыў, што польская дзяржава захапіла этнічныя літоўскія тэрыторыі і разлічваў на дапамогу мясцовых жыхароў у выпадку ваеннага канфлікту з Польшчай. Падзеі вайны і бежанства на ўсход выклікалі вельмі значныя змены ў самасвядомасці насельніцтва пушчанскіх вёсак. Як сведчаць архіўныя крыніцы, да пачатку вайны сяляне гэтага рэгіёну не мелі развітай нацыянальнай свядомасці. А пасля вайны працэсы развіцця нацыянальнай свядомасці набываюць імкліваю дынаміку, у пушчанскія вёскі прыходзіць нацыяналізм, як неад’емная частка мадэрнізацыі традыцыйнага аграрнага грамадства.

У Берштах і іншых пушчанскіх вёсках у той час паўстаюць грамадскія арганізацыі, мясцовыя жыхары пачалі патрабаваць ад уладаў адкрыцця школы на роднай мове. У вёсцы Матылі такая беларуская школа была створаная настаўнікам Аляксандрам

Сінілам. Адукаваныя вяскоўцы пачалі выпісваць беларускія газеты, прывозіць з Вільні падручнікі на беларускай мове. Жыхары ж літоўскіх вёсак марылі пра далучэнне да новаўтворанай літоўскай дзяржавы са сталіцай у Коўне, падтрымлівалі праз мяжу сувязі з літоўскімі дзяржаўнымі ўладамі і спецсужбамі.

У такіх умовах у 1921–1922 г. на абшарах пушчы ўзнікае партызанскі рух супраць польскай улады. Паводле дадзеных паліцыі, з вёсак Берштаўскай гміны ў партызаны пайшлі звыш 200 чалавек, пераважна моладзь. Паліцэйская справаздача па Берштаўскаму пастарунку за II-і квартал 1922 г. утрымлівае такія радкі: «Беларуска-літоўскае насельніцтва тут раённа, загітаванае праз літоўскіх агентаў вялікай колькасцю ўвесь час раскідваемых пераважна на беларускай мове адозваў, вельмі варожа ставіцца да дзяржавы. Паводле канфідэнцыйнай інфармацыі, гэтае насельніцтва рыхтуецца да ўзброенага паўстання – што пацвярджаецца тым, што моладзь у значнай колькасці збягае да Мерачы (мястэчка на тэрыторыі сучаснай Літвы. – С.Т.), дзе ўступае да беларускіх фармаванняў, прычым некаторыя, атрымаўшы зброю і запісаўшыся ў вайсковыя арганізацыі, вяртаюцца са зброяй у руках дадому. Адносна гэтага можна дапускаць, што маладыя людзі, якія яшчэ засталіся на месцы – належаць да вайсковых арганізацый і ўсе без вынятку маюць зброю. Было ўстаноўлена, што з Мерачы часта высылаюць добра ўзброеныя беларускія банды з мэтай раскідвання агітацыйнай літаратуры і выканання замахаў» [6]. Партызанскі рух паступова быў падаўлены ваеннай сілай. Паводле дадзеных паліцыі, як найменш 47 найбольш актыўных удзельнікаў партызанкі з ліку мясцовай моладзі перайшлі польска-літоўскую мяжу, а затым многія перабраліся ў БССР.

Палітычныя сімпатыі насельніцтва памежнага рэгіёна выявілася пад час выбараў у парламент польскай дзяржавы ў 1922 г. У вёсках Берштаўскай гміны за Блок нацыянальных меншасцяў, які падтрымлівалі беларускія і літоўскія дзеячы, аддалі свае галасы амаль 80% ад ліку тых, хто прыйшоў на выбарчыя ўчасткі. Толькі большасць жыхароў беларускамоўных каталіцкіх вёсак Новая Руда і Глушнева галасавала за польскія палітычныя групы кіравання.

Варожыя настроі мясцовага насельніцтва ў стасунку да польскай дзяржавы захаваліся і пасля разгрому партызанскага руху. У 1924 г. паліцыя правяла тайнае даследаванне настройоў жыхароў пушчанскіх вёсак, вынікі якога былі падсумаваныя ў спецыяльным дакладзе: «З праведзенага ў такі спосаб вываду ўдалося ўстанавіць, што агульны настрой беларускай люднасці і ліцвінаў ёсць варожа да Польскай Дзяржавы, а насельніцтва тых вёсак лёгка паддаецца варожай агітацыі і імкнецца да незалежнасці» [7]. Камендант памежнай паліцыі Слушаноўскі, які аб'ехаў гэтыя мясцовасці ў жніўні 1924 г., таксама занатаваў у сваёй справаздачы: «У часе аблавы... даведаўся ад асобаў, якія заслугоўваюць даверу, што ў некаторых вёсках ёсць палітычна падазроныя людзі, якія падтрымліваюць вельмі цесны кантакт з Беларускамі арганізацыямі ў Саўдэпні (СССР. – С.Т.), а таксама з Ковенскай Літвой і праводзяць сярод тутэйшага насельніцтва антыдзяржаўную агітацыю, імкнучца пераканаць яе, што ўжо хутка скончыцца кіраванне Польшчы і надыдуць лепшыя часы, калі ўжо самыя будуць кіраваць сабой» [8]. У справаздачы за студзень 1925 г. камендант паліцэйскага пастарунка у Берштах Ал. Сламчынскі паведамляў свайму начальству: «Аднак можна заўважыць, што большая частка беларускай і літоўскай люднасці ў тутэйшай гміне варожа ставіцца да Польскай Дзяржавы. Беларуская і літоўская люднасць усвядомлена праз асобаў, якія маюць сярод яе давер, ці таксама праз беларускія газеты аб іх правах і т.п. і з'яўляецца перакананай, што быццам павінна стаць найлепш пасля здабыцця незалежнасці Беларусі» [9].

Беларускамоўныя сяляне каталіцкага вызнання, якія жылі на абшарах пушчы, у большасці лічылі сябе палякамі і лаяльна ставіліся да польскай дзяржавы, хаця на выбарах звычайна выказвалі сімпатыі да леварадыкальных палітычных партый. Такім чынам, надыход сучаснай эпохі ў жыцці жыхароў Берштаўскай пушчы быў звязаны з іх нацыянальным самаўсведамленнем і арыентацыяй на розныя дзяржавы. Разам з тым, рост нацыянальнай самасвядомасці і канфлікты з дзяржавай не прывялі да канфліктаў на нацыянальнай глебе паміж мясцовымі жыхарамі, якія дэманстравалі ў гэтых умовах сапраўды высокую ступень талерантнасці. Напрыклад, беларусы праводзілі сваю агітацыю у каталіцкай вёсцы Новая Руда, і гэта не выклікала ніякіх канфліктаў паміж сялянамі. Даносы ў паліцыю з'яўляліся вялікай рэдкасцю і асуджаліся мясцовай супольнасцю. Тут можна весці гаворку, што, нягледзячы на прыняццё рознай нацыянальнай самасвядомасці, сярод жыхароў пушчы захоўвалася моцная лакальная тоеснасць, сфармаваная многімі стагоддзямі сумеснага жыцця. Дзяржава традыцыйна разглядалася пушчанскімі сялянамі як грозная знешняя сіла, якая імкнецца іх эксплуатаваць. Таму салідарнасць у розных формах супрацьстаяння з дзяржавай і яе прадстаўнікамі ў выглядзе розных чыноўнікаў і паліцыі ўспрымалася як дадзенасць. Такія мадэлі сацыяльных паводзінаў захаваліся на працягу наступных дзесяцігоддзяў, яскрава выявіліся ў часе і пасля Другой сусветнай вайны і нават ператрывалі да XXI ст. Пацверджанне гэтаму мы атрымалі ў матэрыялах, сабраных з дапамогай метадаў так званай «вуснай гісторыі». Наступным крокам у нашым даследаванні супольнасці Берштаўскай пушчы павінна стаць сацыялагічнае даследаванне сучасных вясковых супольнасцяў азначанага мікрарэгіёну. Важным новым фактарам з'яўляецца тое, што гістарычны абшар пушчы цяпер падзелены дзяржаўнай мяжой паміж Беларуссю і Літвой, якая адначасова з'яўляецца таксама і мяжой Еўразвязу. Як новая рэальнасць паўплывала на лакальную тоеснасць і лад жыцця пушчанскіх жыхароў, што захавалася з традыцыйных мадэляў паводзін, а што прынесена новага ў выніку кардынальных гаспадарчых, сацыяльных і культурных зменаў? Супастаўленне дадзеных сацыялагічнага даследавання з гістарычным матэрыялам дазволіць, на нашу думку, зрабіць вельмі цікавыя і важныя высновы адносна развіцця сацыяльных працэсаў у памежных мікрарэгіёнах на працягу вялікіх часовых адрэзкаў.

Спіс літаратуры

1. Леві, Дж. Пра мікрагісторыю / Дж. Леві // Будучыня гісторыі: зборнік артыкулаў па сучаснай гістарыяграфіі / склад. Г. Сагановіч; пер. з англ. Л. Баршчэўскі, І. Ганецкая, М. Раманоўскі; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск: Медысонт, 2008. – С. 204–222.
2. Добренёв, В.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т.2: Эмпирическая и прикладная социология / В.И. Добренёв, А.И. Кравченко. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – С. 117–118.
3. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц.; пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 29.
4. Нацыянальны гістарычны архіў у Гродне. – Ф. 17. – Воп. 1. Адз. зах. 3406. [Ведамасці пра склад насельніцтва Гарадзенскай губэрні паводле нацыянальнай прыналежнасці і веравызнання і ацэнка нерухомай маёмасці. 1909 г.].
5. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej, opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dn. Września 1921 r. i innych źródeł urzędowych. T. V. Województwo Białostockie. – Warszawa, 1924. – S. 30.
6. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 17. – Воп. 1. – Адз. зах. 3. Арк. 35.
7. ДАГВ. – Ф. 17. – Воп. 1. – Адз. зах. 41. Арк. 613.
8. ДАГВ. – Ф. 38. – Воп. 1. – Адз. зах. 13. Арк. 74.
9. ДАГВ. – Ф. 38. – Воп. 1. – Адз. зах. 17. Арк. 182.

МЯСТЭЧКІ БЕЛАРУСІ ЯК ФЕНОМЕН ЭТНАКАНФЕСІЙНАГА І КУЛЬТУРНАГА ПАМЕЖЖА (на прыкладзе Капыля)

Сярод унікальных адметнасцяў Беларусі асаблівае месца належала мястэчкам. Спецыфіка гэтых паселішчаў вызначалася іх станам «на памежжы». Як паселішчы пераходнага тыпу паміж вёскай і горадам, паміж гарадской і вясковай «цывілізацыямі», яны арганічна паядналі ў сабе ўклад вясковага і гарадскога жыцця, побыт селяніна і гараджаніна.

Акрамя таго феномен мястэчак ва многім тлумачыцца поліэтнічнасцю, поліканфесійнасцю іх насельніцтва, што абумоўлівала шматнацыянальны характар местачковай культуры. На нацыянальную разнастайнасць культурнага ландшафту мястэчак ужо звярталі ўвагу даследчыкі. Захар Шыбека падкрэсліваў суіснаванне тут, як мінімум, двух культурных асяродкаў – габрэйскага і беларускага. У многіх мястэчках меліся польскія, татарскія і нямецкія асяродкі [1].

Найбольш рэльефнымі і вызначальнымі на шматэтнічным культурным ландшафце мястэчак выступалі іўдзейская і хрысціянская традыцыі. Найбольш выразнай была і мяжа паміж імі. У пісьмовых крыніцах звесткі пра местачковых габрэяў сустракаюцца з канца XVI ст. Спачатку іх колькасць была нязначнай і абмяжоўвалася адной ці некалькімі асобамі, звычайна арэндатарамі корчмаў. Шматлікія разбуральныя войны, што пачаліся ў сярэдзіне XVII ст., прывялі наш край да дэмаграфічнай і гаспадарчай катастрофы. Беларускае мяшчанства было вынішчана, і ўзнікшы вакуум пачало запаўняць габрэйскае насельніцтва. У XVIII ст. колькасць габрэяў у мястэчках прыкметна ўзрастае, і яны складаюць значную частку местачковага насельніцтва. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай адбывалася канчатковая крышталізацыя соцыя-культурнай мадэлі мястэчка. Гэтыя паселішчы сталі пераважна габрэйскімі па складу насельніцтва ў выніку гвалтоўнага высялення габрэяў з сельскай мясцовасці ў гарадскія паселішчы. Расійскія меры прывялі да канцэнтрацыі габрэяў у гарадах і мястэчках і, як вынік гэтага, да кансервацыі традыцыйнай габрэйскай культуры і ўкладу жыцця. Мястэчка для габрэяў адыграла такую ж ролю ў захаванні традыцыйнай культуры, як вёска для беларусаў. Яно стала для габрэяў уласным «асяроддзем пражывання». Паступова фармавалася ўяўленне аб мястэчку як малой габрэйскай радзіме, «Ізраілі у выгнанні». У «Кароткай габрэйскай энцыклапедыі» мястэчкі («штэт») параўноўваюцца з высіпамі цэласнага габрэйскага свету ў акіяне чужой цывілізацыі [2].

Аднак, знаходзячыся ў пастаянным кантакце з хрысціянскім насельніцтвам, габрэі не маглі не зведаць ўплыву з яго боку. Паміж іўдзейскай і хрысціянскай традыцыямі адбываўся пэўны сінтэз, пэўнае ўзаемапрапранікненне і ўзаемаўзбагачэнне. І менавіта мястэчка было месцам сустрэчы і перакрывавання гэтых двух разнародных традыцый.

Паспрабуем зрабіць аналіз характару і формаў суіснавання розных этнаканфесійных групаў насельніцтва мястэчак Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. з дапамогай своеасаблівага калейдаскопа сюжэтаў жыцця мястэчка Капыль Случкага ўезду Мінскай губерні. Гэта дапамагаюць зрабіць некаторыя архіўныя дакументы, матэрыялы тагачаснага перыядычнага друку, а таксама мемуары, на якія Капылю асабліва пашчасціла: успаміны паэта, публіцыста, літаратуразнаўца, педагога Абрама Паперны і заснавальніка новай габрэйскай літаратуры на мове ідыш Мендэле Мойхер-Сфорым, у якіх асвятляецца жыццё мястэчка Капыль 40-х гадоў XIX ст.

Поліэтнічнасць і поліканфесійнасць насельніцтва Капыля ілюструюць наступныя звесткі. У 1669 г. места Капыль (з 1652 г. мела Магдэбургскае права) налічвала 252 дыма, 13 з якіх належала габрэйям (каля 5%) [3]. Рэвізія Капыля 1750 г. (пасля вялікага пажару) зафіксавала 136 хрысціянскіх і 53 (ці 28%) габрэйскіх двароў [4]. У 1765 г. габрэі валодалі 54 з 234 дымоў (каля 23%) [3]. Інвентары XVII–XVIII стст. узгадваюць 2 царквы, касцёл, кальвінскі збор, значыць сярод хрысціянскага насельніцтва Капыля былі праваслаўныя (магчыма уніяты), каталікі, пратэстанты (кальвіністы). Па звестках інвентару 1818 г. у Капылі было 309 двароў: 134 габрэйскіх (каля 43%), 172 хрысціянскіх і 2 татарскіх. К 1848 г. колькасць татарскіх двароў павялічылася да 7, а габрэйскіх – да 172 [5]. Паводле інвентару 1846 г. у мястэчку існавалі драўляныя праваслаўная царква, рымска-каталіцкі касцёл, кірха евангелічная, 3 габрэйскія малітоўныя школы, 1 з іх была мураваная [6]. У гадавой справаздачы па Мінскай губерні, накіраванай у Цэнтральныя статыстычны камітэт у 1857 г., у м.Капыль значыліся 897 праваслаўных мяшчан (прыхаджане Уваскрасенскай царквы), 28 мяшчан і дваран евангеліцка-рэформісцкай веры (пазначаныя як палякі), 526 мяшчан-іўдзеяў [7]. Гэтыя звесткі няпоўныя, бо ў Капылі жылі яшчэ мусульмане, а таксама каталікі, аб чым сведчаць факты пра існаванне з 1439 г. драўлянага касцёла, які згарэў у 1856 г., а новы парафіяне пабудавалі ў 1859 г. [8]. К 1870 г. у мястэчку налічвалася 2783 жыхароў, з іх 1708 іўдзеяў (61,4%) [9]. У канцы XIX ст. мужчыны Капыля па веравызнанню размяркоўваліся наступным чынам: праваслаўныя – 1511 (59%), каталікі – 73 (каля 2,9%), іўдзеі – 868 (каля 33%), мусульмане – 109 (4,3%) [10].

Такім чынам, капыляне былі прадстаўнікамі пяці канфесійных (праваслаўныя, каталікі, пратэстанты, іўдзеі, мусульмане) і чатырох этнічных (беларусы, габрэі, палякі, татары) групаў насельніцтва. Цікава адзначыць, што А.Паперна, апісваючы цэнтральнае размяшчэнне ў Капылі габрэйскіх пляцоў, адзначыў: «З-за такога прыкметнага месца, што займалі габрэі, а таксама ў выніку іх шматлікасці і рухомасці, уласцівай гандлёваму люду ўвогуле і асабліва габрэйям, Капыль на першы погляд рабіў уражанне чыста габрэйскага горада» [11, с. 6].

Найбольш поўныя звесткі аб саслоўнай структуры Капыля захаваліся на канец 1860-х гг., яны адлюстраваны ў наступнай табліцы.

Табліца – Статыстычныя дадзеныя аб насельніцтве Капыля ў канцы 1860-х гг. [9]

Усіх жых.	дваран і дух-ва	купцоў і мяшчан		асоб сельскага стану		% адносна агульнай колькасці жыхароў		
		хрысц.	іўдзеяў	хрысц.	іўдзеяў	асоб гарадскіх саслоўяў	асоб сельск. стану	іўдзеяў
2783	105	970	1708	-	-	100	-	61,4

Як вынікае з гэтых звестак, у Капылі пражывалі прадстаўнікі дваранства, духавенства, купецтва і мяшчанства. Нетыповым для мястэчак Беларусі выглядае адсутнасць асоб сельскага стану (сялянства). Справа ў тым, што пасля далучэння беларускіх зямель да Расіі Магдэбургскае права тут было ліквідавана. На гарады, якія яго мелі, і на мястэчкі, стаўшыя цэнтрамі ўездаў, пашыраліся прынцыпы расійскага гарадскога самакіравання паводле «Даравальнай граматы гарадам» 1785 г. Жыхары большасці мястэчак гарадскіх правоў не атрымалі і пераводзіліся ў катэгорыю сялян. Такім чынам, жыхары шматлікіх мястэчак, якія раней знаходзіліся на становішчы «местаў», пасля ўключэння беларускіх зямель у склад Расіі страцілі статус мяшчан і ператварыліся ў прыгонных сялян. Гэта выклікала працяглую і ўпартую барацьбу местачкоўцаў-беларусаў за вяртанне ім ранейшых правоў, пад якімі разумелася права асабістай сва-

боды (вызваленне ад прыгоннай залежнасці і вяртанне мяшчанскага статусу) і права на зямлю (пры правядзенні валочнай памеры ў сярэдзіне XVI ст. мястэчкі атрымалі ад дзяржавы пэўную колькасць зямлі, якую мяшчане лічылі сваёй уласнасцю). У большасці выпадкаў гэтая барацьба была безвыніковай. Пашанцавала толькі некаторы мястэчкам, у тым ліку і Капылю. У 1833 г. пасля судовага працэсу, распачатага капылянамі, суд прызнаў іх асабіста вольнымі, вярнуў статус мяшчан, аднак зямля мястэчка заставалася памешчыцкай. Далей працягвалася ўжо доўгая і безвыніковая барацьба капылян-беларусаў за зямлю [12]. Значная колькасць дваранства ў Капылі тлумачыцца прыналежнасцю да яго татарскага насельніцтва.

Істотным фактарам штодзённых міжэтнічных адносінаў у мястэчках было тое, што з-за невялікіх памераў усе месцаковыя жыхары ведалі адзін аднаго, што было немагчымым у горадзе. Адсутнасць ананімнасці вялікага горада садзейнічала таму, што прыватнае жыццё ў мястэчку было на вачах ва ўсіх. Узаемаадносіны паміж прадстаўнікамі розных этнаканфесійных групаў насельніцтва ў мястэчках характарызаваліся досыць высокай ступенню талерантнасці. Іх можна выразіць формулай «іншы свой». Менавіта пачуццё «тутэйшай свойскасці», «тутэйшасці» засцерагала ад канфліктаў. Ва ўмовах такой неталерантнай дзяржавы, якой была Расійская імперыя, мястэчкі дэманстравалі захаванне мясцовых традыцый самакіравання на прынцыпах рэлігійнай талерантнасці і канструктыўнай шматэтнічнасці.

Мемуарная літаратура паказвае добраязычлівыя адносіны паміж габрэямі і негабрэямі ў Капылі. З успамінаў Мендэла: «У мястэчку габрэі і хрысціяне жылі паміж сабой дружна, не хавалі адзін ад аднаго ні радасці, ні гора. Калі які-небудзь габрэі спраўляў вяселле, знаёмыя хрысціяне пасылалі падарункі: хто курэй, хто яйкі, хто каравай хлеба, а хто куліч – кожны па стану свайму. Тое ж самае паўтаралася ў выпадку свята ў каго-небудзь з хрысціян» [13].

У аснове ўзаемадзеяння этнасаў, якія насялялі мястэчкі, ляжалі непазбежныя эканамічныя інтарэсы. Унікальная атмасфера добраязычлівых і доверлівых адносінаў паміж людзьмі была заснаваная на эканамічным супрацоўніцтве прадстаўнікоў розных этнічных групаў месцаковага насельніцтва. Гэта добра ілюструюць успаміны А. Паперны: «Капыль меў каля 3000 душ насельніцтва, якое складалася з трох розных па народнасці і веравызнанню груп: габрэяў, беларусаў і татар. Гэтыя тры групы, аб'яднаныя адной тэрыторыяй і адным начальствам, былі чужымі адна другой па мове, звычаям, вераванням і гістарычным паданням, былі як па знешняму выглядзе, так і па духу прадстаўнікамі трох розных сусветаў, але тым не менш жылі паміж сабою мірна. Збліжалі іх непазбежныя суседскія і эканамічныя інтарэсы. Не было паміж імі зайдзрасці: усе з цяжкасцямі знаходзілі сродкі для існавання, а галоўнае, што не было паміж імі канкурэнцыі, бо кожная з гэтых групаў, як бы па дагавору адмежавала для сябе асобнае поле дзейнасці, такім чынам яны хутэй дапаўнялі адну другую, чым сапернічалі паміж сабой». Габрэі Капыля займаліся гандлем, карчмарствам, возніцтвам, рамяством, настаўніцтвам. Беларусы ў Капылі акрамя земляробства займаліся ткацтвам. Габрэійскія гандляры і беларускія ткачы працавалі ў тандэме: «Мяшчане-беларусы ткалі палатно і тонкія белья пакрывалы, якія выкарыстоўваліся ў той час габрэійскімі жанчынамі як частка галаўнога ўбору. Працавалі яны па заказах мясцовых габрэійскіх гандляроў, якія давалі ім патрэбны сыры матэрыял, плацілі што-тыднёва за выкананую працу і прадавалі гэты тавар на кірмашу ў Зэльве» [11, с. 5–6].

Татары займаліся агародніцтвам і славіліся сваёй гароднінай. Традыцыйным заняткам месцаковых татар былі і некаторыя рамёствы, асабліва апрацоўка скур, а таксама возніцтва. Па назіраннях Паперны, татары-магаметане ў Капылі былі ўсімі паважанымі за працавітасць, цвярозасць і ахайнасць. Яны трымаліся бліжэй да габрэяў, чым да хрысціян, што аўтар паспрабаваў патлумачыць «агульнай азіяцкай крысвай і некаторым падабенствам рэлігійных традыцый» [11, с. 6].

Прафесійная структура насельніцтва мястэчак была уладкаваная так, што прадстаўнікі розных этнасаў не маглі абыйсціся без дзелавых кантактаў паміж сабою. Напрыклад, некаторыя прафесіі (у прыватнасці, лячэбная справа) былі прадстаўленыя выключна габрэямі. Досвед гарадскога жыцця, веданне эканамічных рэалій, дзелавыя і асабістыя сувязі, прадпрымальнасць рабілі габрэяў неабходным звяном у паўнаваартасным функцыянаванні эканомікі мястэчак і ўсяго беларускага краю. Змітрок Бядуля адзначаў: «Суседства гэтых двух нацый (габрэяў і беларусаў – аўт.) стварала такія жыццёвыя ўмовы і эканамічныя сувязі, у якіх адна нацыя без іншай не магла абыйсціся» [14]. Адносіны габрэяў і негабрэяў былі своеасаблівым эканамічным сімбіёзам. Нават у Шабат⁹⁸ габрэі меў патрэбу ў шабес-гое для таго, каб патушыць свечкі і распаліць печ у зімовую суботу. Аднак у сяброўства, культурныя ці сямейныя зносіны такія кантакты пераходзілі рэдка.

Цікавым падаецца наступны факт. Паперна, апісваючы функцыі рабінскага суда ў м. Капыль, адзначаў, што да рабіна «з поўным даверам звярталіся і мясцовыя хрысціяне ў сваіх спрэчках з габрэямі» [11, с. 36]. Такім чынам, аўтарытэт рабіна быў высокі і сярод хрысціянскага насельніцтва мястэчка.

Уклад жыцця Капыля ў пачатку ХХ ст. знайшоў адлюстраванне на старонках «Нашай Нівы». У сакавіку 1909 г. газета змясціла паведамленне з Капыля ад Цішкі Гартнага (Зміцер Жылуновіч), пазней вядомага беларускага пісьменніка, палітычнага і грамадскага дзеяча: «Капыль лічыцца самым вялікім мястэчкам у павеце. Палова жыхароў – габрэі, яны занялі самы цэнтр мястэчка. Невялікая купка габрэяў багатых (усяго шостая частка) займаюць самыя бойкія месцы, маюць прыгожыя каменныя хаты і крамы, пабудаваныя пасля пажару 1905 г. Найбедная частка габрэяў – усе рамеснікі (найбедных у пяць разоў больш, чым багатых); гэта будуць: шаўцы, краўцы, кавалі, бондары; ім цяжка жыць і горш жывецца, чым гандлярам. Хаты іх драўляныя, з маленькімі вокнамі – цякуць і ў зямлю ўраслі. Сталае беспрацоўе павялічвае бядоту і гоіць шмат народа ў Амерыку. Іншая палова жыхароў – гэта мужыкі і мяшчане; яны жывуць у заходнім боку мястэчка і сярод габрэяў. Мяшчане і мужыкі займаюцца сельскай гаспадаркай. Найбедныя ідуць на заробкі ў лес. Жанчыны прадуць і ткаць – сваё або габрэйскае. У мястэчку яшчэ жыве каля сотні татароў; яны жывуць пры самой рацэ. Зямлі зусім не маюць, а займаюцца вырабам шкур» [15].

«Наша Ніва» апісвае факты паўсядзённага жыцця мястэчак Беларусі, якія аб'ядноўвалі габрэяў і негабрэяў. Гэта, напрыклад, сумесныя высілкі па арганізацыі вучэбных і крэдытных устаноў, камандаў пажарнікаў, кааператыўных гандлёвых кропак. Праўда, больш ініцыятыўнымі і актыўнымі ў гэтых сумесных справах былі, як правіла, габрэі.

З Капыля была інфармацыя пра сумесны сход у мяшчанскай управе мяшчан, габрэяў і татароў, дзе абмяркоўвалася справа будаўніцтва гарадскога вучылішча. «Людзі, што клапацяцца аб прасвеце нашага мястэчка, Раман Малевіч (ён сваімі стараннямі выстукаў і першыя капыльскія вучылішчы, двухкласнае і дзясвоаче) і Наха Клейнборт, як мага, угаворвалі цёмных мяшчан на добрую справу... У канцы, аднак, угаварылі, і амаль усе мяшчане згадзіліся падпісацца на будоўлю гарадскога вучылішча па 2 руб. 75 кап. з хаты. Татары і жыды і без угаворвання сагласны! Крыўда, што гэтак туга прабіваецца свет у цёмны народ наш. На гарэлку то шмат болей і лягчэй дабудзе грошы кожны капылянін і не шкадуе...» [16].

Аднак станоўчыя змены ў развіцці асветы і нацыянальнай свядомасці ў мястэчках паступова становіліся ўсё больш відавочнымі. Культурна-асветніцкая праца беларускай інтэлігенцыі, якую каардынавала газета «Наша Ніва» мела водгук і вынік і ў Капылі. Напрыклад, у «Нашай Ніве» у №10 за 1913 г. паведамлялася, што рабочыя-беларусы з Капыля звярнуліся ў Дзяржаўную думу з патрабаваннем прызнаць бела-

⁹⁸ Шабат – «святая субота», згодна Торы абавязковы дзень адпачынку, малітваў і вывучэння Святога пісання, забароненая любая праца.

рускую мову, дазволіць нацыянальныя таварыствы і падтрымаць прашэнне да ўрада аб адкрыцці ў Беларусі ўніверсітэта [17].

Паводле даных аб татарскай абшчыне Капыля, сабраных у 1931 г., у мястэчку было 29 татарскіх сем'яў, 117 чалавек. Старажылы сведчылі аб тым, што татары ў Капылі жывуць гадоў 300, што пасялілі іх тут князь, які меў да іх прыкільнасць. Паколькі гэта былі адныя мужчыны, то яны бралі шлюб з мясцовымі беларускамі. Таму сваю родную мову татары страцілі хутка. У гэтай дэведцы пра капільскіх татар гаварылася, што «татарскай мовы з іх не ведае ніхто, хаця некаторыя могуць чытаць Каран, не разумеючы сэнсу прачытанага. У мячэць маліцца не ходзяць, апошні мула памёр каля 25 гадоў назад. Рэлігія і побыт захаваліся часткова. Малюнкi, што вісяць на сценах, татарскія кнігі захоўваюцца як рэлігійна-гістарычная каштоўнасць... Некаторыя бацькі жадаюць, каб дзеці вучыліся на татарскай мове і пісьменнасці» [18].

Мястэчкі, у якіх жылі татары, прычыніліся да працэсу моўных ўзаемаўплываў паміж беларусамі і татарамі. Добра вядома, што на беларускай і польскай мовах арабскім пісьмом была створаная багатая літаратура беларуска-літоўскіх татар. Згодна з высновай даследчыка Кітабаў В. Несцяровіча, беларускія тэксты, напісаныя арабскім пісьмом, адлюстравалі беларускую лексіку, фразеалогію, сінтаксічныя асаблівасці мовы. У іх больш поўна, чым у кірылічных рукапісах праявіліся фанетычныя асаблівасці беларускай мовы. Безупынным зносіны татар з беларусамі паўплывалі на беларускую мову. Я. Карскі налічыў у беларускай мове каля 2 тыс. слоў цюркскага паходжання [19].

Заканамерным вынікам сумеснага пражывання беларусаў і габрэяў стала ўзаемапранікненне і ўзаемаўзбагачэнне беларускай мовы і ідыш. Словы, як тыя птушкі, пераляталі з-пад аднаго страхі пад другую. Габрэі і беларусы не толькі навучыліся разумець адзін аднаго. Вопыт зносінаў прывёў да ўтварэння новага слоўнікавага запasu, зваротаў і выразаў, прыказак і прымавак, якія адлюстроувалі ўвесь спектр іх узаемаадносін. Нормы і фанетыка беларускай мовы былі выкарыстаныя Лэйзерам Бэн-Егудой з м.Лужкі і Мендэля Мойхер-Сфорымам з м. Капыль для адраджэння іўрыту, каб надаць яго кніжнаму варыянту размоўную версію і ўдыхнуць у яго новае жыццё [20].

Можна меркаваць, што сумеснае пражыванне прадстаўнікоў розных этнасаў на адной сацыя-культурнай і эканамічнай прасторы паўплывала на фарміраванне іх нацыянальнага характару. У габрэяў беларусы вучыліся выжыванню ў самых неспрыяльных жыццёвых і гістарычных умовах. А беларусы перадавалі тутэйшым габрэям частку сваёй слаўтай талерантнасці, якая ў значнай ступені з'яўлялася прадуктам месчачковага жыцця. Тут дарэчы прывесці выказанне вядомага літаратуразнаўцы Вячаслава Рагойшы, які адзначае: «Нацыянальная, сацыяльная, рэлігійная, моўная, палітычная талерантнасць, паўчыцё сужыцця «у адной лодцы», так характэрныя для колішніх і сучасных беларусаў, – усё гэта ў вялікай ступені «напрацоўка» і заслуга мястэчак (...) Для культуролагаў мястэчка цікавае як унікальная форма спакойнага, талерантнага прадудцыравання і сужыцця некалькіх нацыянальных культур, спецыфічная лабараторыя іх інтэнсіўных узаемаасувязей і ўзаемаўзбагачэння, выпрацоўкі на гэтай аснове своеасаблівага феномена – поліэтнічнай, поліканфесійнай, полілінгвістычнай месчачковай культуры» [21].

На вялікі жаль, пазнейшыя гістарычныя падзеі і працэсы знішчылі гэтую унікальную полікультурнасць. Пасля трагічных падзей Першай сусветнай вайны, кастрычніцкай рэвалюцыі і грамадзянскай вайны мястэчкі ўступілі ў апошнюю стадыю свайго развіцця. У 20–30-я гады ХХ ст. мястэчкі і іх жыхары зведалі на сабе ўсе эксперыменты бальшавікоў і павароты іх палітыкі. Згубіўшы свае традыцыйныя сацыяльна-эканамічныя і культурныя функцыі, мястэчка паступова трансфармуецца, спрабуе прыстасавацца да новага жыцця, упісацца ў мадэль якой-небудзь з яго складаючых – калгас або горад. Аднак страціўшы сваю ранейшую адметнасць, унікальнасць, мястэчка так і не стварыла новага феномену. Паводле ўказу Прэзідыума Вярхоўнага Савецка БССР ад 27 верасня 1938 г. «Аб класіфікацыі населеных пунктаў Беларускай ССР»

мястэчкі як адміністрацыйныя адзінкі былі скасаваныя. У Заходняй Беларусі яны праіснавалі да падзей верасня 1939 г.

У міжваенны час істотна змяніўся традыцыйны ўклад жыцця габрэяў мястэчак былой «мяжы аселасці». Гэтыя змены датычылі сферы занятасці, грамадскага, рэлігійнага, сямейнага жыцця. Аднак габрэйскае мястэчка як асяродак традыцыйнага ладу жыцця і як сацыя-культурны феномен канчаткова знікла толькі ў гады Халакосту разам са сваімі жыхарамі. Лёс габрэяў Капыля быў тыповым у сваёй трагічнасці: 23 чэрвеня 1942 г. вязні капыльскага гета (па розных звестках 800, 2500, 3500 чалавек) былі расстраляныя [22].

У пасляваенны перыяд нацыянальная палітыка ўладаў, канчатковай мэтай якой было стварэнне ў СССР адзінай гістарычна-культурнай супольнасці – савецкага народу, прывяла да саветызавання і русіфікацыі, знішчэння нацыянальна-культурнай адметнасці беларусаў ды іншых народаў Беларусі. Былыя мястэчкі канчаткова ператварыліся ў звычайныя паселішчы з незвычайным гістарычным мінулым.

Спіс літаратуры

1. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я г. XIX – пачатак XX ст.) / З.В. Шыбека. – Мінск, 1997. – С. 197.
2. Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 5. – Иерусалим, 1990. – С. 320.
3. Мароз, М. Некаторыя пытанні тапаграфіі Капыля ў XVII – XVIII ст. / М. Мароз // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я.Купалы; рэдкал.: В.В. Даніловіч, І.П. Крэнь, І.В. Соркіна Г.А. Хацкевіч (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 164.
4. Галоўны архіў старажытных актаў у Варшаве (Archiwum Główne akt dawnych – dalej AGAD). – AR. – Dz. XXV. – Sygn. 3838/1, 3837.
5. AGAD. – AR. – Dz. XXV. – Sygn. 1759, 1761.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 142. – Воп. 1. – Адз. зах. 1601. – Арк. 1 адв.
7. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Ф. 1290. – Воп. 4. – Адз. зах. 79. – Арк. 728, 751, 753.
8. Nasze Kościoły. – Т. I. – Cz. 2. – Warszawa, 1912. – S. 14.
9. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (городовое положение 16 июня 1870 г.) – Т. V. – СПб., 1879. – С. 101.
10. НГАБ. – Ф. 242. – Воп. 5. – Адз. зах. 103. – Арк. 268.
11. Паперна, А.И. Из Николаевской эпохи. Воспоминания / А.И. Паперна // Периодический сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. – Т. 2. – СПб., 1910.
12. НГАБ. – Ф. 175. – Воп. 1. – Адз. зах. 163. – Арк. 3–5, 18–21.
13. Менделе Мойхер Сфорим. История одной жизни: воспоминания писателя // Еврейский мир. – 1909, май. – С. 56.
14. Бядуля, Зм. Жыды на Беларусі / Зм. Бядуля // ARCHE. – 2000. – № 3 (8). – С. 24.
15. Наша Ніва. – 1909. – № 11.
16. Наша Ніва. – 1909. – № 16.
17. Снапковская, С.В. Проблемы белорусской национальной школы в педагогической мысли конца XIX – начала XX в. / С.В. Снапковская // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П.Т. Петриков, Д.В. Карев, А.А. Гусак [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1996. – С. 194.
18. НАРБ. – Ф.701 (Нацыянальная Камісія пры ЦВК БССР). – Воп. 1. – Адз. зах. 111. – Арк. 116.

19. Думін, С.У. Беларускія татары: Мінулае і сучаснасць / С.У. Думін, І.Б. Канапацкі. – Мінск, 1993. – С. 174.
20. Смиловицкий, Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья / Л. Смиловицкий. – Иерусалим, 2008. – С. 68 – 71.
21. Рагойша, В. Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа (на прыкладзе Ракава) / В. Рагойша // На шляхах да ўзаемаарумення. Беларусіка. – Кн.15. – Мінск, 2000.
22. Памятнікі генацыда евреев Беларусі. – Мінск, 2000. – С. 42, 56, 67.

Н.Л. Баліч

Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі, г. Мінск

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Понятие «идентификация» как отдельная категория оформилось в рамках осмысления процессов общественного развития. Несмотря на множество теоретических и эмпирических исследований, тема идентификации до сих пор является одной из самых сложных и неоднозначных.

В словарь социально-гуманитарных наук термин «идентификация» был включен во второй половине 70-х гг. XX века. Его широкое распространение и введение в научный обиход нередко связывают с понятием «кризис идентичности, который вначале описывался как сугубо медицинский термин. Однако в конце 60-х годов статья Э. Эриксона «Идентичность» появляется в энциклопедии по социальным наукам [1]. Это свидетельствует о том, что смысл термина уже вышел за рамки чисто медицинского понятия и внедряется в поле интересов социальных наук.

В современной научной литературе проблема идентификации формулируется как проблема двух видов: личностной и социальной идентификации. Первая – это самоопределение индивида в терминах физических, интеллектуальных и нравственных качеств. Вторая характеризуется принадлежностью человека к различным социальным общностям и группам (профессиональным, этническим, религиозным и т. д.). Очевидно, именно поэтому понятие «идентификация» пересекается с такими близкими по своей сущности понятиями, как «подражание», «принадлежность к группе», «референтность группы».

В разработке социологической теории религиозной идентификации важно отметить исследования, посвященные изучению социогруппового аспекта в рамках межгруппового взаимодействия. Большое значение в этой связи имело введение Р. Мертоном в своих работах понятия «референтная группа», по отношению к которой происходит идентификация индивида, так же как идентичность индивида складывается в результате его саморелативации с коллективом, являющимся для него значимым [2, с. 3–105].

Идея о личностной и социальной идентификации глубоко исследовалась в рамках широко известной теории идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, рассматривающих идентичность как когнитивную систему, выполняющую при определенных условиях регуляторную функцию социального поведения человека. [3, р. 7–24]. С позиции когнитивистского подхода можно объяснить поэтапное формирование такого знания о своей групповой принадлежности. Так, на пути к познанию индивидом собственной идентичности выделяются три основных этапа.

Первый этап – социальная категоризация, т. е. упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида.

Второй этап – социальная идентификация – процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию.

Третий этап – социальная идентичность – получение некоторого итога полного социального отождествления индивида.

В отечественных психосоциологических разработках не существует единой концепции идентификации, хотя в интерпретации феномена прослеживается немало общего (Н.Н. Обозов, А.В. Петровский, Н.Н. Авдеева и др.).

В настоящее время развито представление о социальной идентичности как динамической структуре «социальных конструкторов субъекта, которая создается в ходе взаимодействия, социального сравнения, активного построения социальной реальности и оказывает влияние на его ценностно-смысловую сферу и поведение» [4, с. 233]. В этом случае основоопределяющей позицией является принадлежность индивида к конкретной социальной группе (общности). Групповая идентичность индивидов соответственно будет соотноситься с тем, с какой именно группой соотносит себя индивид, а также с тем, какие смысловые и эмоциональные последствия имеют для него в принадлежности к данной общности, которая, согласно Р. Мертону, предполагает разделение окружающих, в том числе и близких людей, на «своих» и «чужих».

В структуре религиозной идентификации, на наш взгляд, присутствуют те же два основных компонента: знания, представления об особенностях собственной группы (социокогнитивный и социорефлексивный); осознанность себя ее членом.

Религиозная идентификация предполагает процесс сознательного отождествления, взаимопереплетения и дополнения жизненных ориентиров и ценностных установок индивида с ценностными установками и жизненными ориентирами конкретной религиозной общины. Идентичность включает всю совокупность факторов (в том числе и подсознательных), опосредующих активность верующего в религиозной общине, направленную на поддержание своего членства в ней. Понимание идентификации верующих здесь исходит из интерпретации человека, соответствующей его концептуализации в доктрине акционализма А. Турэна [5]. Однако в этой плоскости существуют зависимости, предопределяющие идентификационное поведение, в силу чего оно становится предсказуемым. В этой связи целесообразно отметить теорию социального научения А. Бандуры, который пытался осмыслить процесс идентификации через понятие «модели» (или образа) поведения.

Религиозная идентификация, так же как и социальная, обладает следующими функциями:

- обеспечивает ориентировку в социальном мире;
- соотносит индивида с определенной социальной категорией;
- оказывает контролирующее воздействие на личность путем регулирования мотивационных, ценностных и поведенческих реакций индивида;
- прогнозирует поведение других людей.

Между тем, религиозная идентификация имеет отличительные особенности, присущие только ей.

Своеобразие религиозной идентификации, на наш взгляд, заключается еще и в том, что это не только и не столько самоидентификация индивида с определенной общностью конкретных людей, исповедующих ту или иную религию, хотя подобное и не исключается. Чаще всего религиозная идентификация – это самоидентификация личности с идеями, которые положены в основу того или иного вероучения. Жизнь индивида, его мировоззрение приобретают религиозную окраску и соответствующее поведение в зависимости от доктринальных установок религиозной общности на существующую эмпирическую реальность и трансцендентное высшее бытие. Все это способствует формированию своеобразного психологического облика верующего с присущими только ему идентификационными характеристиками.

Ценность социологического изучения идентификации, на наш взгляд, заключается в возможности её рассматривать как социальный феномен, доступный эмпирическому изучению, в исследовании характера влияния различных социальных институтов на самоопределение (самоидентификацию) личности.

В социологическом исследовании религиозности выделяется типология изучения религиозности мировоззренческих групп индивидов, разработанная российскими исследователями в области религиозной психологии. Они предлагают опираться на некоторые методологические и методические принципы. К ним можно отнести:

- наличие единого логического основания для вычисления всех групп типологии (глубоко верующие, верующие, колеблющиеся, индифферентные, пассивные атеисты, активные атеисты). Таким основанием служит степень религиозной веры или соответственно атеистической убежденности;

- реализация логического основания возможна в двух сферах – сфере сознания индивида и сфере его поведения;

- набор субъективных и объективных признаков для отнесения тех или иных индивидов к определенной мировоззренческой группе должен быть специфичным для каждой из этих групп.

Наряду с базовыми диагностическими принципами исследования религиозной идентификации необходимо также учитывать общесоциологические и методологические принципы исследования – историзма, социализации, этнологии и т. д.

Логика определения роли и значимости религии в идентификационном становлении верующих требует изучения социальной природы религии и религиозных общин, интерпретированной на основе различных подходов к ее социологическому изучению.

Список литературы

1. Erikson, E.H. Identity, psychosocial / E.H. Erikson // International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y.: The Macmillan Company & The Free Press. – 1968. – Vol. 7. – P. 61–65.
2. Мертон, К.Р. К теории референтно-группового поведения / К.Р. Мертон; пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / под ред. С.А. Белановского. – М.: Институт молодежи, 1991. – С. 3–105.
3. Tajfel, H. The social identity theory of inter group behavior / H. Tajfel, J. Turner // Psychology of inter group relation. – Chicago, 1979. – P. 7–24.
4. Иванова, Н.Л. Социальная идентичность в условиях трансформации общества / Н.Л. Иванова // Проблема идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия: материалы Междунар. научно-практ. конф., Великий Новгород, 3–6 июля 2002 г. – М., 2003. – С. 232–242.
5. Touraine, A. Production de la societe / A. Touraine. – Paris, 1973. – P. 360.

И.В. Лашук

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ ПОЛЯКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Важную роль в существовании и воспроизводстве польской диаспоры в Беларуси играют различные национально-культурные организации, которые представляют

собой основанные на членстве общественные объединения, созданные на основе совместной деятельности для защиты общих интересов. В связи с этим одной из задач данного исследовательского проекта⁹⁹ являлось изучение активности поляков, проживающих на территории Республики Беларусь, в деятельности национальных общественных объединений.

В целом по выборке следует отметить достаточно низкую включенность в общественную деятельность. Так, большинство (73,8%) опрошенных не принимают никакого участия в работе польских национально-культурных центров (табл. 1). Однако следует здесь отметить, что по результатам исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси в мониторинговом режиме ежегодно по общенациональной выборке, белорусские жители еще меньше и реже участвуют в деятельности различных общественных объединений. С этой точки зрения поляки демонстрируют большую вовлеченность.

Таблица 1 – Участие респондентов в деятельности различных национальных общественных объединений, %

	%
Да, являюсь членом такой организации/объединения	6,3
Не являюсь членом организации/объединения, но принимаю активное участие в ее деятельности	4,1
Принимаю участие в отдельных мероприятиях, которые проводит организация/объединение	11,1
Нет, не принимаю участия	73,8
Другое	2,6
Отказ от ответа	2,2

Среди тех, кто играет какую-либо роль в деятельности национальных общественных организаций, большую часть составляют те, кто фиксирует наличие подобных центров либо по месту проживания, либо в соседнем городе.

По степени участия в деятельности общественных организаций мы выделяем две основные группы:

1) первую условно назовем «вовлеченные». Эта группа объединяет и тех, кто является членом общественной организации, и тех, кто не является ее членом, но принимает активное участие в ее деятельности, а также тех, кто принимает участие в отдельных мероприятиях, которые проводит объединение. Иными словами – это те люди, кто принимает хоть какое-либо участие в деятельности польских национально-культурных центров. Численность этой группы – 22,5%.

2) вторая группа – «невовлеченные» – те, кто не принимает никакого участия в деятельности польских национальных организаций. Данная категория составляет большинство – 77,5%.

Отметим, что при расчетах обозначенных групп были исключены из анализа респонденты, отметившие при ответе на данный вопрос вариант «Другое» и отказавшиеся от ответа.

Данные группы респондентов, помимо активности, обнаружили и еще некоторые статистически значимые различия. Так, «вовлеченные» лучше, по их собственным оценкам владеют польским языком (табл. 2)

⁹⁹ В данной работе представлены результаты исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в рамках проекта «Польская диаспора в Беларуси как социокультурный феномен» под руководством кандидата социологических наук О.А. Шелест. В качестве выборочной совокупности выступали жители Беларуси, относящие себя к польской национальности (787 человек)

Таблица 2 – Оценка респондентами собственных навыков польского языка, %

		Отлично	Хорошо	Средне	Ниже среднего	Совсем не могу	Индекс ¹
Говорить	«Вовлеченные»	22,4	29,7	32,1	10,9	4,8	3,54
	«Невовлеченные»	6,5	27,0	35,3	23,7	7,5	3,01
Читать	«Вовлеченные»	22,0	33,5	22,6	12,2	9,8	3,46
	«Невовлеченные»	6,2	20,7	27,4	29,7	16,0	2,71
Писать	«Вовлеченные»	15,2	24,8	20,0	20,0	19,4	2,95
	«Невовлеченные»	2,8	12,1	18,3	30,6	36,2	2,15

Представленные данные свидетельствуют о том, что и говорить, и писать, и читать на польском языке «вовлеченные» умеют лучше по сравнению с «невовлеченными». При этом «вовлеченным» хотелось бы намного чаще использовать существующие навыки, а также улучшить и усовершенствовать уровень владения польским языком.

Одновременно, «вовлеченные» по сравнению с «невовлеченными» больше интересуются историей Польши (рис. 1)

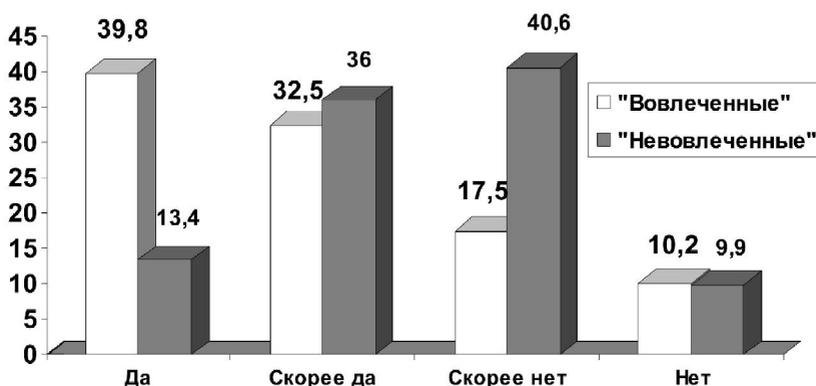

Рисунок – Степень выраженности интереса к истории Польши, %

Большинство активистов (72,3%) в той или иной степени проявляют интерес к польским историческим событиям.

«Вовлеченные» демонстрируют также значительно более высокий уровень информированности относительно исторических событий Польши по сравнению с «невовлеченными». Численность респондентов, достаточно хорошо знающих польскую историю, среди активистов в 4,5 раза превышает тех же у «неактивных» (табл.3).

¹⁰⁰ Представлен индекс оценки навыков польского языка, находящийся в пределах от 1 до 5, где 1 – совсем не могу; 2 – ниже среднего; 3 – средне; 4 – хорошо; 5 – отлично.

Таблица 3 – Оценка респондентами знаний об истории Польши, %

	«Вовлеченные»	«Невовлеченные»
Достаточно хорошо знаю польскую историю	18,2	4,0
Знаю основные даты и события, но не более того	27,3	20,3
Мои знания истории Польши отрывочны и бессистемны	36,4	46,9
Практически ничего не знаю об истории Польши	17,6	28,1
Другое	0,6	0,7

Представленные данные свидетельствуют о том, что группа «активных» действительно является «включенной» в польскую культуру. Следует отметить, что и «вовлеченные» и «невовлеченные» идентифицируют себя с поляками, но у «вовлеченных» польская идентичность выражена несколько сильнее.

Что касается представлений о путях развития Беларуси, то «вовлеченные» в большей степени заинтересованы в укреплении связей Беларуси и Польши (табл. 4).

Таблица 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько бы Вам хотелось, чтобы связи Беларуси и Польши стали более тесными?», %

	«Вовлеченные»	«Невовлеченные»
Очень хотелось бы	75,0	56,1
Хотелось бы	24,4	41,1
Совсем не хотелось бы	0	0,9
Затрудняюсь ответить	0,6	1,9

Среди социально-демографических характеристик статистически значимо выделенные группы отличаются по полу. Так, среди «невовлеченных» представлены больше мужчины (53%) в отличие от «вовлеченных», где большинство – женщины (60,5%).

Итак, в ходе анализа социологических данных, нами зафиксировано наличие двух групп белорусских поляков: «вовлеченные» (22,5%) и «невовлеченные» – 77,5% в деятельность национально-культурных центров и общественных объединений, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Беларусь.

Я.В. Леверовская

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ПОЛЯКОВ БЕЛАРУСИ

В последние десятилетия все большее внимание социологов, представителей других общественных наук привлекает феномен этнического самосознания. Меняется также содержание, вкладываемое в понятие этнического самосознания общественной наукой. Если прежде достаточно долгое время под этническим самосознанием

понималось только осознание членами этноса своей принадлежности к нему, то сегодня практически общепризнанной стала точка зрения, что этническое самосознание, безусловно, включает в себя осознание принадлежности к этносу, но не исчерпывается этим. В русскоязычной социологической литературе эту точку зрения в последнее время наиболее полно выразила В.Ю. Хотинец, которая под этническим самосознанием понимает относительно устойчивую систему осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса. К этим признакам В.Ю. Хотинец относит этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническую территорию, язык, религию, культуру, экономику и ряд других признаков. В результате «этническое самосознание есть целокупная представленность в сознании человека элементов этнической реальности» [1, с. 67].

В исследовании, проведенном социологами Института социологии НАН Беларуси было опрошено около 800 граждан нашей страны, которые сами идентифицируют себя как поляков. Отдельный блок вопросов был посвящен выяснению того, что, по мнению респондентов, в наибольшей степени объединяет их с людьми своей национальности. Респондентам предлагалось по пятибалльной шкале (от «совсем не объединяет» до «объединяет в максимальной степени») оценить такие факторы, как общность языка; психологию, черты характера; общее настоящее и будущее; национальную культуру, традиции, обычаи; внешний вид; общность происхождения и историческое прошлое; общность религии.

В результате обработки данных опроса сложилась следующая иерархия факторов формирования этнического самосознания:

- Общность религии – 4,5
- Национальная культура, традиции, обычаи – 4,2
- Общее настоящее и будущее – 3,7
- Общность происхождения и историческое прошлое – 3,7
- Общность языка – 3,5
- Психология, черты характера – 3,0
- Внешний вид – 2,1

Таким образом, важнейшим фактором этнической самоидентификации и стержнем этнического самосознания поляков Беларуси остается религия. Ее оценка как фактора, выделяющего и интегрирующего поляков Беларуси в особую этническую общность, наиболее близка к максимальной.

Как показывают результаты нашего исследования, среди проживающих в Беларуси поляков очень высока доля верующих. Она составляет 88,3%. Причем следует отметить, что высокая доля верующих (не менее 80 процентов) характерна для всех возрастных групп от возрастной группы 50 лет и старше и до возрастной группы до 18 лет. Учтывая, что 60,1% респондентов посещают храм не реже нескольких раз в месяц, можно согласиться, что Костел сегодня действительно объединяет поляков Беларуси и в определенной степени выделяет их из состава других этносов, проживающих в нашей стране.

Следующим по значимости фактором респонденты считают национальную польскую культуру, традиции и обычаи. Значение этого фактора составило 4,2 балла. Причем следует сразу оговориться, что под национальной польской культурой респонденты понимают именно бытовую культуру, традиции и обычаи, которые существуют в среде поляков Беларуси и передаются от поколения к поколению прежде всего через семью, семейное воспитание. С культурой собственно Польши поляки Беларуси знакомы достаточно плохо. Так, по данным нашего исследования только 7,4% респондентов считают, что они хорошо знают историю Польши. 25 процентов практически

ничего не знают об истории Польши, а у 44,7% знания об истории Польши носят бессистемный и обрывочный характер. Причем доля тех, кто плохо или совсем не знает историю Польши достаточно велика во всех возрастных группах и увеличивается с 66,7% в возрастной группе 50 лет и старше до 76% в возрастной группе до 18 лет. Более того, значительная часть респондентов и не интересуется историей Польши, причем доля таких респондентов увеличивается по мере уменьшения возраста с 36,2% в возрастной группе 50 лет и старше до 52% в возрастной группе до 18 лет.

В то же время сложившиеся в среде поляков Беларуси культурные традиции успешно сохраняются. Конечно, постепенно и они вымываются, однако, по данным нашего исследования, 83,3% респондентов считают, что эти традиции сохраняются в их окружении. Активнее всего этому способствуют религия (так считают 69,3% респондентов), воспитание в семье (61%) и народные праздники (42,3%). В то же время роль других каналов трансляции национальной культуры респондентами оценивается невысоко: образование – 6%, искусство – 5,6%, средства массовой информации – 4,4%, народное творчество – 4,2%.

В свою очередь следует отметить, что польский язык все явственнее теряет роль критерия выделения поляков как особой этнической группы. Хотя респонденты достаточно высоко оценили роль польского языка как фактора этнической самоидентификации поляков Беларуси и элемента этнического самосознания (3,45 балла), в действительности поле применения польского языка постоянно сужается. Так, польский язык считают родным только 17 процентов респондентов. Причем доля так считающих снижается вместе со снижением возраста респондентов. Если в возрастной группе 50 лет и старше польский язык считают родным 27,3% респондентов, то в возрастной группе до 18 лет – только 12%. Еще хуже обстоит ситуация с практическим использованием респондентами польского языка. Конечно, можно сослаться на то, что использование польского языка для делового и дружеского общения в иноязычной, преимущественно русскоязычной среде затруднено. Однако, как показывают результаты нашего исследования, и думать поляки Беларуси предпочитают на других языках. Так, по-польски предпочитают думать 10% респондентов, а по-русски – 62,8%. Еще более показателен анализ по возрастным группам. Если в возрастной группе 50 лет и старше думают по-польски 18,5% респондентов, то в возрастной группе 30–39 лет уже только 6,1%, а возрастной группе 18–29 лет и вовсе 4,4%.

Роль общего прошлого вообще достаточно высоко оценивается респондентами как критерий выделения и самоидентификации поляков Беларуси. Так, респонденты оценили в 3,7 балла значение общности происхождения и исторического прошлого. На вопрос о том, что для наших респондентов ассоциируется со словом Родина 41,7% респондентов ответили, что это конкретное место, край, где ты родился; 39,9% – страна, в которой ты родился, т.е. Беларусь и только для 8,6% респондентов Родина ассоциируется со страной, в которой живут люди твоей национальности, т.е. с Польшей. Эти и другие данные исследования позволяют сделать вывод, что этническое сознание поляков Беларуси носит выраженный «тугэйшый» характер. Не случайно значительная часть респондентов идентифицирует себя одновременно и как поляков (94,5%) и как белорусов (63,2%).

В то же время поляков Беларуси объединяет не только общее прошлое, но и, как считают наши респонденты, общее настоящее и будущее. Этот фактор в ходе опроса получил такую же высокую оценку, как и общее прошлое (3,7 балла). Более 70 процентов респондентов (72,5%) считают важным для себя, чтобы их дети были воспитаны в рамках польской национальной культуры, знали польский язык и традиции (хотя доля так считающих снижается по мере снижения возраста респондентов – 81,5% в возрастной группе 50 лет и старше и 56% в возрастной группе до 18 лет). Почти 60 процен-

тов респондентов (59,5%) ощущают свое единство, общность с другими поляками, проживающими на территории Беларуси. Это является хорошей базой для формирования в Беларуси активной польской диаспоры, способной сыграть значительную роль в укреплении и развитии экономических, социальных и других отношений между нашими странами.

Список литературы

1. Хотинец, В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В.Ю. Хотинец // Социс. – 2009. – № 9.

Л.И. Науменко

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ В СОДЕРЖАНИИ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

При рассмотрении проблемы формирования общепольской идентичности, представляются важными вопросы о том, что составляет её основу, как тесно связана она с этничностью, белорусскостью и др.? Каково её содержательное наполнение? Как звучат ответы на вопросы: «Кто мы?» и «Какие мы, белорусы?». Исследованию этих вопросов посвящена данная работа.

Традиционно в структуре этнической идентичности выделяются когнитивный и эмоционально-ценностный компоненты. Эмоционально-ценностный компонент, объединяя комплекс этнических чувств, переживаний тождественности с этнической общностью, удовлетворенность этнической принадлежностью, её субъективную значимость в целом отражает как отношение к факту этнической принадлежности, так и отношение к этнической общности в целом. В свою очередь, именно когнитивный компонент этнической идентичности в большей мере позволяет характеризовать её содержательное наполнение, объединяя знания и представления об этнической принадлежности и об этнической группе (этническую осведомленность), самоназвание (этнический ярлык-этноним), основные критерии этнической идентификации, а также этнические стереотипы и предрассудки, этнодифференцирующие и этноидентифицирующие признаки, которые лежат в основе этнического отождествления, уподобления.

Основу осознания этнической принадлежности составляет не только этническое самоопределение и самоназвание, но также комплекс знаний и представлений о собственной и чужих этнических группах и отношений между ними. Центральное место среди этих представлений занимают образы своей и других групп, которые со временем обретают форму этнических стереотипов. Именно они определяют отношение к своей группе и важнейшую часть содержательного наполнения этнической идентичности. На уровне группового сознания стереотипы поддерживают межгрупповую дифференциацию, являясь следствием сравнения, оценивания и сопоставления групп между собой.

Этнические стереотипы – это устойчивые, эмоционально насыщенные, обобщенные образы этнической группы. Содержание этнического стереотипа аккумулирует пристрастные представления об этносе, особенностях и чертах характера его представителей, их поведения, сильных и слабых сторонах и мн.др. Будучи тесно связанными с содержанием макросоциальной идентичности, этностереотипы косвенно от-

ражают её модальность, целостность и любые изменения, выступая чутким индикатором её состояния, диагностируя как её ослабление и разрушение, так и указывая на её целостность, непротиворечивость, тем самым отражая её устойчивость.

Для изучения этнических стереотипов белорусов в задачи исследования входило: выявление и анализ их содержания и направленности. Эмпирическую базу нашего исследования составили данные опроса, проведённого силами сети интервьюеров Института социологии НАН Беларуси в 2004г. на общенациональной репрезентативной выборке объёмом 1000 человек, включая 815 белорусов. Ошибка выборки составила 3.16%.

Анализ ответов, полученных по методу этнических стереотипов Катца и Брейли, позволил выявить не только содержательное наполнение образа, но и его актуализированность и гомогенность; модальность, распространённость отдельных качеств в нём. Анализ содержания ответов позволил объединить их в категории, в своей совокупности отражающие то, каким видят белорусы свой народ, что является определяющим в данном самовосприятии, какие качества составляют позитивную и негативную стороны содержательного наполнения образа, насколько он гомогенен или противоречив и др.

В итоге анализа содержания близких по смыслу, повторяющихся ответов выделены следующие категории: 1. Отношение к людям и коммуникативные качества: гостеприимность; отзывчивость; радушие; приветливость; добродушие; душевность; открытость; простота; дружелюбие; доброжелательность и др. (69,4%). По данной категории и ниже процент подсчитывался от числа опрошенных респондентов белорусов (815 человек). 2. Отношение к труду и деловые качества: трудолюбие; работоспособность; лень; хозяйственность; добросовестность; усердность; дисциплинированность; ответственность и др. (48,3%). 3. Отношение к своему и другим народам, своей стране, родине, языку, культуре: миролюбие к другим народам; интернационализм; уважительное отношение к другим нациям; терпимость к другим народностям; патриотизм; безразличные к своему языку; отсутствие любви к родному языку; любовь к Родине; и др. (23,2%). 4. Особенности темперамента, характера, волевые качества: спокойствие; сдержанность; основательность; упорство; упертость; выносливость; выдержка; безволие; терпеливость; слабохарактерность; осторожность; уравновешенность; инертность; консерватизм; закрытость; веселость; оптимизм; угрюмость; мягкость; скромность; безразличность; равнодушие; апатия; пассивность; безысходность; и др. (18,5%). 5. Нравственно-моральные качества: доброта; искренность; честность; порядочность; доверчивость; наивность; справедливость; зависть; и др. (16,0%). 6. Общественно-политическая пассивность (активность), законопослушность, склонность к подчинению, свободолюбие: независимость; свободолюбие; покорность; покладистость; уступчивость; законопослушность; аполитичность; и др. (12,8%). 7. Финансовая состоятельность, отношение к деньгам: щедрость; бескорыстность; жадность; бедность; и др. (6,4%). 8. Особенности внешнего облика, поведения, этнодифференцирующие характеристики: красота; аккуратность; чистоплотность и др. (5,3%). 9. Интеллектуальные качества: умные; толковые; талантливые; выдумщики; неглупые; рассудительность и др. (4,7%). 10. Общие оценочные характеристики: родные; разные; хорошие и др. (3,6 %). 11. Индивидуализм, коллективизм: взаимопомощь; солидарность; стадность; каждый за себя; моя хата с краю и др. (3,4%). 12. Самооценка, отношение к себе: гордость; отсутствие снобизма; собственное достоинство; отсутствие гордости и др. (3,2%). 13. Цивилизованность, развитость, прогрессивность: отсталость; забитость; развитие; желание жить лучше; и др. (0,9 %). 14. Воспитанность, культура, духовность, интеллигентность: культура; вежливость; внимательные; уважительные; образованность; необразованность; посредственные; духовность; бездуховность; добропорядочность; и др. (2,7%). 15. Этнокультурные сравнения: похожие и др. (0,5 %).

Содержание этнического автостереотипа белорусов включает в себя совокупность следующих наиболее распространённых черт, присущих, по мнению опрошенных, большинству «типичных» белорусов. Это трудолюбие, гостеприимность, отзывчивость, дружелюбие, добродушие, доброжелательность, приветливость, доброта, честность, искренность, открытость, доверчивость, наивность, бесхитрость, простота, простодушность, миролюбие, толерантность, терпимость, терпеливость, покорность, покладистость, уступчивость, мягкость, рассудительность, спокойствие, уравновешенность, сдержанность, выносливость, хозяйственность, надёжность, патриотизм, образованность. Такие позитивные черты составили 95,52% упоминаний от общего числа опрошенных.

Но при этом в автостереотип белорусов включены и негативные характеристики такие, как равнодушие, безразличие, пассивность, аполитичность, слабохарактерность, безволие, слабоволие, инертность, безразличие к своему языку, зависть, лень, жадность, бедность и др. Вместе с тем, их число является сравнительно низким, составляя всего 12,01%. Частота позитивных качеств в автостереотипе более чем в семь раз превышает частоту встречаемости негативных характеристик.

Автостереотип белорусов не лишён и амбивалентных качеств. Таких, как трудолюбие – лень, щедрость – жадность, открытость – замкнутость, оптимизм – апатия, весёлость – угрюмость, сила – слабохарактерность, гордость – отсутствие гордости, образованность – необразованность, развитие – отсталые, и др. Вместе с тем, доля амбивалентных черт в ответах самих белорусов совсем невелика. При этом позитивные черты по частоте встречаемости явно преобладают над негативными качествами. Что свидетельствует о низкой противоречивости и высокой определённости стереотипа.

Обращает внимание низкая представленность в автостереотипе белорусов этнодифференцирующих характеристик, и особенно представлений об этнокультурной отличительности. Это хорошо отражает объективно сложившуюся и существующую по настоящее время в республике ситуацию в межэтническом восприятии. Когда внешние отличия либо совсем невыразительны, либо сведены до минимума. Что ведёт к взаимному сравнению преимущественно на основе психологических характеристик.

В автостереотипе белорусов достаточно распространены качества, чаще обращённые во вне, скорее «от себя», над качествами «о себе». Это проявляется в доминировании среди названных качеств тех, которые отражают различное отношение белорусов к другим людям, к другим народам и национальностям. На это указывает наличие в автостереотипе двух таких представительных категорий, как отношение к людям и отношение к другим национальностям. Эти категории выделяются на фоне таких универсальных общечеловеческих черт белорусов, как отношение к труду, особенности характера, темперамента, воли, нравственно-моральных качеств и др., которые также являются достаточно представительными в содержании автостереотипа белорусов. Таким образом автостереотип белорусов позитивен, многокомпонентен, дифференцирован, в целом непротиворечив, согласован.

В итоге анализа содержания этнических автостереотипов белорусов выделены категории, определяющие ведущие основания в восприятии белорусами собственного народа, его наиболее выразительных качеств, «типичных» черт. К наиболее распространённым относятся такие категории, как: отношение к людям, отношение к труду; отношение к другим и собственному народу, а также отношение к своей стране, её истории, культуре, языку; нравственно-моральные качества; особенности характера, темперамента, воли. Среди менее распространённых выделены такие категории, как: интеллектуальные качества; законопослушность и свободолюбие; отношение к собственности, деньгам; цивилизованность, прогрессивность, отсталость; духовность, интеллигентность, внутренняя культура; качества индивидуализма, коллективизма, эгоизма; отношение к религии; этнокультурные отличия и др.

Раздел 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ ПОГРАНИЧЬЯ

В.В. Рабцевич

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Недавнее расширение Евросоюза приблизило к Белоруссии его огромный рынок с высокой покупательной способностью и большим объемом качественной продукции и услуг, способных удовлетворять потребности быстро развивающейся экономики республики и ее населения. Важное значение для Республики Беларусь экономических связей с Европейским Союзом имеет также выход нашей страны на рынок высоких технологий. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество Белоруссии с ЕС и его отдельными странами способствует развитию народного хозяйства республики и его интеграции в мировую экономику, обеспечивая, в частности, возможность освоить применяемые в Европе формы и инструменты хозяйствования.

Немаловажно и значение экономических связей с Республикой Беларусь для стран Европейского Союза. В стране представлен значительный экономический и научно-технический потенциал, сохраненный в постсоветский период и развитый в 2000–2008 гг. Кроме производственной инфраструктуры, в республике развит рынок высококвалифицированной рабочей силы; удобное географическое положение считается еще одним фактором региональных преимуществ.

Приграничные территории Польши и Беларуси имеют много факторов сходства в экономическом плане. Начать с того, что они ровесники по освоению своих территорий. Изначально территория была заселена и освоена достаточно плотно: сложилась система расселения, отражающая сходные характерные особенности природных условий, природных ресурсов, хозяйственной деятельности, социально-демографического и историко-культурного развития. Близки показатели современного хозяйственного развития. На территории обоих приграничных регионов имеются крупные транспортные узлы. Это позволяет усилить экономические связи. Наконец, характер развития научно-технологической сферы общества также имеет заметные черты сходства: та и другая сторона вынуждены преодолевать тенденции примитивизации производства и дезинтеллектуализации труда.

Необходимо отметить геополитическое сходство приграничных территорий Беларуси и Польши. Оба государства, будучи в середине Европы, олицетворяют периферии, с западной стороны – ЕС – Европейского Союза, с восточной стороны – СНГ – Содружества Независимых Государств. При этом обе территории – транзитные пространства, и обе территории – интеграционное пространство высокой частоты контактов.

При невятной до недавнего времени позиции Российской Федерации в отношении Союзного с Белоруссией государства наша республика заметно превращается в пространство международной конкуренции. В ответ на отмененную стратегию «восточного пратнерства», то есть «ближнего зарубежья» ЕС, специальная линия России в отношении Украины, Белоруссии и Молдавии еще только разрабатывается. Это об-

стоятельство и определяет внешнюю среду контактов населения приграничных территорий.

Внутреннее содержание бизнес-контактов населения обеих сторон составляют экономические интересы зарубежных партнеров, а плотность деловых связей определяется состоянием экономической конъюнктуры на прилегающих к границе территориях. Естественно, прогресс в динамике приграничных связей должен иметь экономические корни, в частности, экономическое развитие территорий.

При определении принципиальных направлений экономической политики Республики Беларусь в приграничьи следует иметь в виду две ее составляющих: во-первых, развитие экономики вширь, понимаемое как ее количественный рост, во-вторых, развитие экономики вглубь, в направлении ее модернизации.

Первое направление уже оправдало себя в развитии национальной экономики Республики Беларусь 1995–2005 годов. Это решение злободневных первоочередных проблем жизнедеятельности населения: повышение его материального благосостояния, ликвидация безработицы, меры социального порядка, экономическое наполнение территорий, выравнивание уровня их развития.

Второе направление жидется на результатах первого и сопряжено со снижением нагрузки на природную среду, с расширением масштабов «новой экономики», на ведущие роли в которой претендуют «человеческий капитал» и информационные технологии.

Важной перспективной задачей для Беларуси является наращивание экспорта высокотехнологичной продукции в страны ЕС, что требует повышения ее качества и конкурентоспособности. С этой целью необходимо создание благоприятных общесистемных условий в экономической, институциональной, правовой и других сферах. Решение таких сложных вопросов в достаточно краткий срок не под силу только стихии рынка. С этой точки зрения оправдывается выбор Республики Беларусь между либералистской и дирижистской моделями развития. Задачи такого уровня решаются мерами государственной поддержки прежде всего направлений инновационного развития территорий.

Правительством разработаны в последние годы два важных документа, связанных с развитием территорий страны. Принятая в 2005 году «Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы» охватила около 30% населения [1]. Принятая затем в 2007 году «Государственная Комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы» включила в орбиту воздействия еще около 17% населения страны [2]. То есть почти для половины населения Беларуси, пребывающего за пределами крупных городов, преодолевается неконструктивная ситуация социально-экономической неравенства из-за места проживания.

По данным Министерства экономики с учетом объемов финансирования ранее принятых государственных программ на развитие малых и средних городов в Беларуси в 2007–2010 годах будет направлено 5,55 триллионов белорусских руб., в том числе 2 трлн. будет направлено в рамках «Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений». 37% из этой суммы составят бюджетные средства. Программа предусматривает реализацию 84 инвестиционных проектов в промышленности с общим объемом финансирования 2,7 трлн. и 111 проектов в жилищно-коммунальном хозяйстве с объемом инвестиций в 1 трлн.

По Гродненской области для конкретного анализа содержания программы нами выбраны поселки, включенные в Государственную Комплексную программу, по признаку расстояния от границы до 50 км.: Большая Берестовица, Волковыск, Красносельск, Пограничный, Порозово, Россь, Свислочь, Скидель, Сопоцкин.

Анализ важнейших инвестиционных проектов программы показывает, что только за 2008 г. в перечисленных центрах создаются 279 малых предприятий, 995 новых рабочих мест, на что вкладывается свыше 50 млрд белорусских руб. (ок. 25 млн долл.).

Инвестиционная Программа включала несколько разделов, отражающих направления развития территорий. По разделу «Строительство новых промышленных предприятий, создание новых производств» было предусмотрено в гор. **Волковыск** – производство многослойных мешков, оснащенных клапаном для цемента и других сыпучих материалов стоимостью 800 млн руб. (КУП «Волковыск стройматериалы»), в г.п. **Красносельск** – строительство технологической линии по производству блоков из ячеистого бетона на филиале № 2 «Завод АЦИ» (ОАО «Красносельскстройматериалы»), в г.п. **Пограничный** – строительство цеха по производству и розливу минеральной воды (СПК «Тетеревка»), в гор. **Свислочь** – приобретение холодильного оборудования для камеры по заморозке дикорастущих грибов и ягод (Свислочьское районное потребительское общество); строительство комплекса по переработке углеводородного сырья (филиал № 1 Российско-белорусского совместного предприятия СООО «СП БНК групп инвест»); строительство газонаполнительной станции в пос. Кобыльники Свислочьского района (филиал РУП «Белоруснефть» – Свислочь ГАЗ) РУП «Производственное объединение «Белоруснефть»); в гор. **Скиделе** – создание строительного подразделения, приобретение оборудования и техники для организации производства работ по благоустройству (ОАО «Мебельстройконструкция»); в г.п. **Сопоцкин** – установка линии по изготовлению изделий из ПВХ (РУП «Гродненский райбыткомбинат»).

Чтобы представить масштабы программы, можно привести пример по одному, не самому крупному из малых поселков. Так, перечень инвестиционных проектов и мероприятий, подлежащих реализации, в г.п. Большая Берестовица на 2008 год включает:

- по разделу «Модернизация, реконструкция, техническое перевооружение существующих промышленных предприятий (производств)»: реконструкцию птичника №2 и №9 ОАО «Берестовицкая птицефабрика»; газификацию и приобретение недостающего автотранспорта ЧУП «Кооппром Берестовицкого райпотребобщества»; строительство локальных очистных сооружений, реконструкцию системы микроклимата и строительство склада для гофротары в филиале ОАО «Молочный Мир» Берестовицкий маслосырзавод;

- по разделу «Строительство (реконструкция) объектов сферы услуг (строительство, транспорт и связь, ЖКХ, бытовое обслуживание), торговли и социальной сферы»: строительство музея; открытие сервисного центра клининговых услуг г.п. Б. Берестовица, приобретение транспорта для оказания ритуальных услуг при УКП бытового обслуживания; строительство сооружений очистки сточных вод в РУП жилищно-коммунального хозяйства; приобретение оборудования для магазина «Стройматериалы» ЧУП «Промторг» Берестовицкого райпотребобщества;

- по разделу «Реализация прочих инвестиционных проектов и мероприятий»: строительство жилья (2,297 млрд руб.) и строительство инженерных сетей в поселке.

Всего на 2008 г. предусматривалось по названному поселку финансирование этих работ на сумму 7,818 млрд белорусских руб., в том числе 0,310 – собственные средства, 4,377 – кредиты банков, 3,131 – государственное участие.

Одним из основных понятий региональной экономики является экономическое пространство – территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. Уровень экономического развития территории зависит от степени насыщения ее экономическими связями.

Как видно, главные цели Программы составляют, во-первых, развитие территории; во-вторых, создание конкурентного производственного сектора малых и средних

городов; в-третьих, новые аспекты правового регулирования предпринимательства. Эти направления охватывают всю экономическую базу поселений – городское хозяйство, производственную и социальную инфраструктуру, жилищную сферу, качество жизни.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Беларусь «О государственной программе развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы». 7 июня 2007 г. № 265 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 11 июня 2007 г. № 1/8650.

2. Указ Президента Республики Беларусь «О государственной программе возрождения и развития села на 2007–2010 годы». 26 марта 2005 г. № 150 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 29 марта 2005 г. № 1/6339.

В. Л. Русакова

*Белорусский государственный университет культуры
и искусств, г. Минск*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕСТЕЧКАХ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

Для обоснования теоретической актуальности необходимо посмотреть на местечко (штетл), как пример диаспорального анклава, как феномен спонтанного мультикультурализма, возникшего в ходе исторического пути.

Еврейское местечко, возникшее в Восточной Европе в XVII–XVIII вв., было как бы торговым посредником между городом и деревней и исполняло роль ремесленного центра для окружающих деревень. Большую часть его населения составляла еврейская община. Реальный критерий размера местечка не определен, оно могло иметь меньше 1000 жителей и более 20000 (Klier J. «What exactly was a shtetl?»).

Однако элементы культуры окружающих народов все же проникали в еврейский мир, что особенно заметно в еврейском фольклоре (поговорки и песни полны белорусизмов, полонизмов и т.д.). Примечательно, что жители местечек неевреи, которые, правда, были в меньшинстве, до начала Великой Отечественной войны свободно говорили по-еврейски. При этом совершенно очевидно, что идентификация этих людей была белорусской, польской и т.д. Можно предположить, что феномен «местечкового двуязычия» был, как и во многих других странах, чисто контактоустанавливающей мерой в русле межкультурных коммуникаций.

Заявленную проблему можно исследовать по официальным документам, которые отражали борьбу государства с традиционным укладом жизни; по литературному творчеству выходцев из местечек, а также по воспоминаниям.

В своей работе мы в основном опирались на воспоминания людей. Мы полагаем, что исследование мемуаров (как и в принципе личностных нарративов) – наиболее продуктивный путь поиска ответа на заявленный вопрос. Несмотря на их личный характер и определенную меру субъективности они являются ценным источником сведений по истории и культуре любого исторического периода. В этом вопросе мы руководствуемся точкой зрения М. Вебера, утверждавшего ценность субъективных факторов исследования: «Между историческим интересом к семейной хронике и интересом

к развитию самых важных явлений культуры, в одинаковой степени общих для нации или всего человечества на протяжении целых эпох и вплоть до наших дней, проходит бесконечная градация значений, степени которых по-разному чередуются для каждого из нас». А также установками представителей Школы Анналов, настаивающих на понимании истории не как результата действий выдающихся личностей, а как перманентного процесса повседневных взаимодействий рядовых людей. Представляется особенно существенным, что при анализе воспоминаний мы можем выявить большое количество повторяющихся моментов, которые позволяют нам делать обобщения и конкретные выводы.

Вывод. Направшивается вывод, что как раз там, где существовали компактные еврейские коллективы, ограждавшие ребят от столкновений с внешним миром, у них появлялось ощущение органической связи с этим миром, крепло чувство своей принадлежности к нему. При этом, как мы полагаем, можно говорить о выработке дополнительного типа самоидентификации, возникающего между локасами «улицы» и «дома» (причем различными, для местечка и города: если для города было характерно сочетание «еврейского дома» и «русской улицы», то ситуация в местечке часто была обратной).

Итак, национальная идея в рамках и под влиянием семьи изначально формировалась на позитивно-эмоциональной основе, а не как следствие приобщения и преодоления официальной идеологии. Однако существовали различия в самом процессе формирования национального ощущения, эти различия определялись особенностями среды и социальных условий. Наряду с интернационализмом антисемитизм был одним из стимулов, заставлявших евреев всех возрастов, включая детей, «рваться», как вспоминает Эстер Ломовская, в ассимиляцию. У поколений, выросших на пограничье, самым вероятным и, пожалуй, даже единственно возможным путем формирования национального самосознания было определение того или иного отношения сначала к обществу и уже на этой основе определения себя как еврея. Можно видеть на примере Эстер Ломовской, что это верно даже по отношению к потомственно сионистским семьям, где целенаправленное воспитание национального чувства и сознания у детей не могло идти без какого-либо отношения к реальности. В этих семьях принятие еврейских ценностей строилось на изначально негативном отношении к государственной системе, разрушающей эти ценности.

Список литературы

1. Вебер, М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики. / М. Вебер // Культурология. XX век: антология / сост. Л. А. Мостова. – М.: Юрист, 1995. – С. 557–603.
2. Гинден, М. Детство в Озаричах, или как я был плохим евреем / М. Гинден // Еврейская школа. Петербургский еврейский университет. – 1993. – № 3–4. – С. 464.
3. Дымерская-Цигельман, Л. Об идеологической мотивации различных поколений активистов еврейского движения в СССР в 70-х годах / Л. Дымерская-Цигельман // Вестник еврейского университета в Москве. – 1994. – № 1 (5). – С. 67.
4. Еврейское местечко в революции. Очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. – М.-Л., 1926.
5. Кантор, Я. Национальное строительство среди евреев в СССР / Я. Кантор. – М., 1934.
6. Кульбак М. Зелменяне / М. Кульбак. – М., 1960.
7. Меламуд, Х. Хашеватские рассказы / Х. Меламуд. – Киев, 1984.
8. Скир, А. А. Еврейская духовная культура в Беларуси: Историко-литературный очерк / А.А. Скир. – Минск: Мастацкая літаратура, 1995. – С. 65.

9. Фишман, Д. Религиозные лидеры советского еврейства (1917–1934) / Д. Фишман // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. Сборник статей. – М., 1992
10. Baron, S. The Russian Jew under Tsars and Soviets / S. Baron. – New York, 1987.
11. Distribution of the Jewish Population of the USSR in 1939. – Jerusalem, 1993.
12. Gitelman, Z. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present / Z. Gitelman. – New York, 1988.
13. Gitelman, Z. Jewish Nationality and Soviet Politics / Z. Gitelman. – Princeton, 1972.
14. Kagedan, A. Soviet Zion. The Quest for a Russian Jewish Homeland / A. Kagedan. – Scranton, 1994.
15. Levin, N. The Jews in the Soviet Union since 1917 / N. Levin. – New York, 1990. – V. 1.
16. Pinkus, B. Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority / B. Pinkus. – Cambridge University, 1988.
17. Rothenberg, J. Jewish religion in the Soviet Union / J. Rothenberg // The Jews in Soviet Russia since 1917. – London, 1972.

J. Koralewski

WSNHID, Poznań (Polska)

POLSKO-NIEMIECKA WSPÓŁPRACA TRANSGRANICZNA W LATACH 90-ch XX WIEKU NA PRZYKŁADZIE EUROREGIONU PRO-VIADRINA

Zjednoczenie Niemiec i upadek komunizmu w Polsce spowodowały określone zmiany w podejściu do dwustronnej współpracy polsko-niemieckiej. Po raz pierwszy od dziesiętek lat otworzyły się perspektywy dotyczące wspólnego działania, nie tylko na szczeblu najwyższych władz państwowych. Przez cały okres po zakończeniu II wojny światowej, granica PRL-NRD stanowiła «pustynię» jeśli chodzi o rozwój wzajemnych relacji a także w kwestii wspólnych inicjatyw.

Zjednoczenie Niemiec, jako synonim likwidacji podziału Europy oraz demokratyzacja Polski po 1989 roku przyspieszyły decyzje władz obydwu państw o powołaniu do życia wspólnych projektów dotyczących współpracy transgranicznej. Nowe jakościowo sąsiedztwo wymagało wdrożenia świeżych idei, pomysłów, prób realizacji i przede wszystkim dwustronnego zaangażowania.

Powołanie do życia Euroregionów sprzyjało nie tylko społecznościom lokalnym, ale stanowiło także czynnik pozytywnie kształtujący dwustronne relacje polsko-niemieckie. Otwarcie granic w 1991 roku w Europie i wprowadzenie reżimu bezwizowego dla obywateli Polski znacznie przyspieszyło transgraniczną współpracę w ramach dużych, wspólnych projektów, szczególnie na poziomie lokalnym.

W założeniu twórców idei polsko-niemieckich Euroregionów leżało przede wszystkim wspólne działanie, które w perspektywie stanowiło by element poprawiający jakość życia w strefie przygranicznej, w bardzo szerokim spektrum oczekiwań społecznych. Dotyczyło to m.in. problemów związanych z przekraczaniem granicy, kolektywnych programów z zakresu rozwoju szeroko pojętej kultury, szkoleń zawodowych, itp.

Początkowo bardzo trudno było określić, które z realizowanych projektów należy potraktować priorytetowo, gdyż każda ze stron miała inne oczekiwania. Strona niemiecka przede wszystkim chciała «oswoić» wschodniego sąsiada, nawet można użyć stwierdzenia, iż chodziło o próbę przeprowadzenia swoistej cywilizacyjnej próby modernizacji u najbliższych

sąsiadów. Polacy natomiast chcieli skorzystać z doświadczeń niemieckich i w jakiejś nieokreślonej perspektywie «doszłusować» do poziomu socjalno-społecznego zbliżonego do zachodniego partnera. Porównując poziom życia codziennego Polski z początku lat 90-ch XX wieku z modernizującymi się byłyymi wschodnimi Niemcami możemy stwierdzić, iż rozdzźwięk był ogromny.

Otwartym pozostaje pytanie, w jakim stopniu przekaz, który krył się za poszczególnymi projektami wpływał na zmianę świadomości poszczególnych mieszkańców obydwu regionów przygranicznych? Czy przyspieszenie cywilizacyjne które dokonano się na zachodnich rubieżach RP sprawiło, iż Polacy dołączyli do pełnoprawnych obywateli UE?

Początkowo w dwustronnych kontaktach dominowała nieufność, która z czasem jednak zniknęła. Wynikało to przede wszystkim z istnienia negatywnych stereotypów, nie tylko z okresu PRL, ale przede wszystkim z okresu II wojny światowej. Mimo tego nawet będące w stanie transformacji ustrojowej i przede wszystkim mentalnej, byłe Niemcy wschodnie mogły zaferować Polakom bardzo ciekawe i pozytywne inicjatywy z wielu dziedzin życia społecznego i gospodarczego.

Jednym z głównych zadań powołanych do życia Euroregionów było likwidacja negatywnych stereotypów istniejących wśród społeczności przygranicznej. Lata sąsiedztwa na pograniczu PRL-NRD nie spowodowały wytworzenia wspólnie działającej społeczności, która mogłaby wspólnie kooperować na wielu płaszczyznach. Wina za taki stan rzeczy leżała po obu stronach. Na początku lat 90-ch XX wieku sytuacja sprzyjała rozpoczęciu ponownemu dialogu i wzajemnemu oswajaniu się przy realizacji kolejnych wspólnych przedsięwzięć. W Euroregionie Pro Viadrina jak w soczewce skupiły się wszystkie problemy związane z funkcjonowaniem wspólnych, polsko-niemieckich projektów, dlatego uważam, iż warto zapoznać się z realizowanymi inicjatywami w ramach tej struktury w latach 90-ch XX wieku.

W przygotowywanym artykule chciałbym przede wszystkim odpowiedzieć na kilka zasadniczych pytań:

- czy współpraca polsko-niemiecka w ramach Euroregionu Pro Viadrina w latach 90-ch XX wieku zbliżyła Polaków do UE?

- czy większe znaczenie dla ludności obydwu regionów (PL i RFN) miały projekty o charakterze kulturalnym czy gospodarczo-technicznym?

- czy wśród ludności Euroregionu Pro Viadrina nastąpiła zmiana negatywnych polsko-niemieckich stereotypów?

- czy działania władz lokalnych przełożyły się na poprawę polsko-niemieckich relacji w latach 90-ch XX wieku?

Które z realizowanych projektów w ramach Euroregionu Viadrina spełniły oczekiwania obydwu stron w aspekcie społecznym, politycznym i gospodarczym?

Współpraca transgraniczna na środkowym Nadodrzu rozpoczęła się po wprowadzeniu bezwizowego ruchu pomiędzy Niemcami i Polską w 1991 roku. Inicjatywy podpisania dwustronnej umowy i powołania do życia 21 grudnia 1993 roku «Pro Europa Viadrina». Podmioty podpisujące umowę zadeklarowały podstawowe cele nowej, transgranicznej struktury:

- zapewnienie dobrosąsiedzkich stosunków pomiędzy Polakami i Niemcami,
- utrwalanie regionalnej tożsamości Polaków i Niemców mieszkających w rejonie przygranicznym przez stworzenie wspólnej perspektywy na przyszłość,

- podnoszenie dobrobytu mieszkańców rejonu przygranicznego poprzez stworzenie przyszłego, transgranicznego polsko-niemieckiego regionu gospodarczego,

- promowanie idei jedności europejskiej i porozumienia międzynarodowego,
- ustalania wspólnych przedsięwzięć oraz uzyskania środków potrzebnych do ich realizacji [1].

Najważniejszym zadaniem u źródeł procesu formowania relacji w ramach wspólnych inicjatyw transgranicznych było przede wszystkim odzyskanie wzajemnego zaufania oraz

nawiązanie współpracy na zasadach równości i partnerstwa: «(...) Uwarunkowania historyczne i zróżnicowanie rozwojowe powodują, iż polityka przekraczania granic musi tu być przygotowana bardzo dokładnie i ostrożnie. Szczególnie przy tych częściowo jeszcze mocno «zaryglowanych» granicach, okazuje się konieczna współpraca ponadgraniczna, uwzględniająca wszystkie aspekty współzycia ludzi, gmin i regionów i mająca na celu usunięcie skutków niekorzystnego geograficznego usytuowania terenów przygranicznych oraz wielkich różnic w poziomie dochodów i infrastruktury wzdłuż zewnętrznych granic Unii Europejskiej, w tym na pograniczu niemiecko-polskim(...)» [10].

Obydwa omawiane obszary, tak pogranicze byłej Niemieckiej Republiki Demokratycznej (NRD), oraz PRL stanowiło na początku lat 90-ch XX wieku strefę wzajemnych nieufności i negatywnych stereotypów niż platformę dla wspólnych działań, których proces zwalczania w warunkach pogranicza bywa często długofalowy. Strefę przygraniczną RP i byłej NRD po 1989 roku możemy nazwać obszarem «przygranicznej transformacji lokalnej», której proces przebiegał z różną dynamiką na omawianych obszarach. Powyższe stwierdzenie dotyczy szczególnie projektów związanych z infrastrukturą drogową po obydwu stronach granicy. Zachodnie Niemcy pompowały ogromne środki finansowe we wschodnie rubieże „odzyskanych terytoriów» (od początku lat 90-ch XX remontowano wszystkie drogi dojazdowe do granicy), natomiast strona polska bardziej korzystała z rozwiązań systemowych i doświadczeń zachodniego sąsiada. Kwestie finansowe wspólnych przedsięwzięć rozwiązywano najczęściej przy pomocy instytucji uninijnych w ramach konkretnych projektów, wspomaganych także merytorycznie.

Euroregion Pro Viadrina powstał nie tylko jako «most» pomiędzy lokalnymi społecznościami pogranicza polsko-niemieckiego, ale od początku swojego istnienia stanowił pozytywny przykład dwustronnej współpracy także na niwie akademickiej.

W 1991 roku powstał we Frankfurcie nad Odrą Uniwersytet Europejski Viadrina, który łączył młodych przedstawicieli społeczności polskiej i niemieckiej w ramach dobrze zorganizowanej i dynamicznie rozwijającego się centrum akademickiego. Już po kilku latach nowa uczelnia (wraz z utworzonym w Słubicach Collegium Pollonicum): (...) Stała się wysoko aktywnym i cenionym członkiem kręgu niemieckich i europejskich uczelni wyższych (...) [9].

W latach 90-ch XX wieku wśród studentów polskich uczelni, szczególnie w zachodnich województwach, uniwersytet Viadrina jawił się jako przepustka do lepszego świata, do tak pożądanej «Europy», w szerokim tego słowa znaczeniu. Powołanie wspólnej polsko-niemieckiej placówki dydaktyczno-naukowej właśnie na obszarze omawianego regionu przybliżyło idee integracji europejskiej i tworzyło lepsze perspektywy na przyszłość przede wszystkim dla młodych Polaków. Szczególnie w kwestiach obcocy w ramach UE oraz znajomości języków obcych i pozbycia się kompleksów jako obywateli byłego bloku wschodniego. Absolwenci Viadriny stanowili dużą część nowej, nieskażonej komunizmem «forpoczty akademickiej Polski po 1989 roku», którą w Niemczech, a także w Europie traktowano z należytą.

Motorem rozwoju polsko-niemieckiej współpracy transgranicznej we wszystkich regionach stała się przede wszystkim perspektywa integracji europejskiej. Dla Niemców najważniejszym zadaniem pozostało «ucywilizowanie wschodniego sąsiada», natomiast dla Polski możliwość włączenia się w budowę zjednoczonej Europy i zmiana polityczno-gospodarczego statusu na starym kontynencie przedstawiała bardzo atrakcyjną propozycję. Faktycznie po raz pierwszy od wielu dziesięcioleci na szczeblu lokalnym doszło do nawiązania formalnie równorzędnego dialogu z zastosowaniem tzw. opcji zerowej. Praktycznie wszystkie wspólne działania inicjowano bez negatywnego «bagażu» byłej NRD i PRL i takie podejście przyspieszyło wiele wspólnych inicjatyw.

Od początku istnienia Euroregionów transformacja i integracja przygranicznych społeczności tworzyła się w zasadzie na dwóch płaszczyznach. Oficjalnej, w której podmiotami działającymi były gminy, miasta, organizacje pozarządowe, wspólnoty lokalne. Druga

plaszczyna obejmowała bezpośrednie relacje międzyludzkie, bardzo często związane z przygraniczną wymianą handlową (Niemcy robiący zakupy w Polsce), oraz przeciwdziałaniem nielegalnemu zatrudnieniu Polaków nie tylko w strefie przygranicznej).

Kolejnym segmentem współpracy bardzo ważnym dla obydwu stron stało się zacieśnienie współpracy służb policyjnych na całym zachodnim pograniczu Polski. W tym celu na szczelbu centralnym już na początku lat 90-ch XX wieku podpisano stosowne dwustronne, polsko-niemieckie porozumienia:

- Układ dotyczący współpracy w zakresie zwalczania przestępczości zorganizowanej z 6 listopada 1991 roku (wszedł w życie 14 sierpnia 1992 roku),

- Układ dotyczący następstw dwustronnego przepływu ludności z 7 maja 1993 roku, (wszedł w życie 1 czerwca 1993 roku),

- Umowa Państwowa dotycząca współpracy Policji i Służb Granicznych w strefie przygranicznej z dnia 5 kwietnia 1995 roku [8. S. 1].

Powyższe umowy stały się początkiem wspólnych inicjatyw polsko-niemieckich organów ścigania w zakresie zwalczania przestępczości kryminalnej, ale także i gospodarczej. Paradoksalnie dla strony niemieckiej ścisła i uczciwa współpraca ze stroną polską w kwestiach bezpieczeństwa była chyba bardziej istotna niż prowadzony równoległe dialog przedstawicieli obydwu wspólnot lokalnych. Niektóre grupy społeczne w RFN nawet obecnie traktują Polaków jako «zagrożenie dla lokalnej stabilności gospodarczej» i mimo powszechnego zatrudniania takich osób w strefach przygranicznych istnieje ogromny sprzeciw wśród niemieckich mieszkańców omawianego regionu do takich praktyk.

Z pewnością możemy stwierdzić, iż polsko-niemiecka współpraca transgraniczna w latach 90-ch XX wieku przyniosła wiele korzyści dla obydwu stron. Stała się też bardzo solidną bazą dla późniejszych działań w ramach Euroregionów i z pewnością przyspieszyła proces integracji europejskiej na obszarze Polski w wymiarze lokalnym. Modernizacja poszczególnych dziedzin życia, lepszy i łatwiejszy dostęp do nowinek technicznych po stronie polskiej oraz coraz lepszy poziom obsługi przez lokalną administrację i współpraca gospodarcza przyniosły znakomite efekty. Po prawie 20 latach trudnych przemian możemy stwierdzić, iż wizerunek i stan faktyczny pogranicza polsko-niemieckiego, szczególnie po stronie polskiej przybrał formę nowej jakości. Młode pokolenie urodzone w końcu lat 80-ch XX wieku rzadko zauważa różnicę pomiędzy dwoma krajami, szczególnie w kwestii infrastruktury. Pozostaje mieć nadzieję, że z czasem również znikną wzajemne negatywne stereotypy narodowościowe po obydwu stronach granicy, które niestety w latach 90-ch XX wieku dość często wpływały na wzajemne postrzeganie obydwu społeczności.

Historia i w tym przypadku zatoczyła koło. Spotkała się z rzeczywistością, która zaskoczyła największych sceptyków polskiej, «przygranicznej modernizacji». Dla niektórych obywateli RFN dynamiczny rozwój polskiej strefy nadgranicznej pozostaje faktem, dla innych jest widocznym «mitem». Coraz więcej Niemców pochodzących z niemieckich landów przygranicznych znajduje zatrudnienie w Polsce, wielu przedsiębiorców po zachodniej stronie granicy utrzymuje swoją działalność gospodarczą dzięki kontaktom z Polską. Warto też w tym momencie przedstawić pożyteczną inicjatywę RP i RFN w ramach aktywizacji zawodowej...bezrobotnych Niemców. W powiecie wolsztyńskim (województwo Wielkopolskie), ruszył projekt dzięki któremu młodzi Niemcy po odbyciu praktyk zawodowych w Polsce być może łatwiej uzyskają pracę w Niemczech [9]. Inicjatywa pilotażowa przewiduje, iż niemieccy bezrobotni (pokojuwki, malarze, pracownicy socjalni, informatycy, ekonomiści), po odbyciu 3-miesięcznych praktyk korzystając z polskich doświadczeń odzyskują wiarę we własne siły i znajdują wreszcie pracę w RFN. Tak zorganizowane działania pokazują, iż polski, «cywilizacyjny pościg» za zachodnim sąsiadem przysłużył się dobrej organizacji gospodarczej lokalnych wspólnot na terenach przygranicznych z Niemcami i na stałe podniósł poziom działań administracji lokalnej bez względu na bieżącą sytuację w kraju.

Takie inicjatywy dowodzą, iż polski wkład w rozwój relacji polsko-niemieckich w ramach dwustronnej, równorzędnej wymiany doświadczeń na szczeblu lokalnym stał się faktem.

Bibliografia

1. Euroregion Pro Viadrina, Przeszość, teraźniejszość, przyszłość, 2006–03–13 www.slubice.pl.
2. Morhard, B. Institutionell-politische, grenzüberschreitende Kooperation in der deutsch-polnischen Grenzregion: eine Bilanz und Ausblick der Forderpraxis für Interreg und Phare-CBC (1994–1999 und 2000–2006). – www.bagso.de/01_03_21.html.
3. Euroregiony w nowym podziale terytorialnym Polski, GUS. – Warszawa, 1999.
4. Malendowski, W. Euroregiony – pierwszy krok do integracji europejskiej / W. Malendowski, M. Ratajczak. – Wrocław, 1998.
5. Bertram, H. Double transformation at the eastern border of the EU: the case of the Euroregion pro Europa Viadrina, <http://www.springerlink.com/content/j17n6p3343h42111/>.
6. Warych-Juras, A. Euroregiony jako nowa forma współpracy europejskiej, 1999, s. 178–185, http://www.ap.krakow.pl/ptg/index_pliki/czasopismo/tom_1/euroregiony.pdf.
7. Czynniki i bariery regionalnej współpracy transgranicznej – próba syntezy, 1998 / J. Kitowski (red.) // Rozprawy i monografie Wydziału Ekonomicznego Nr 15. – Rzeszów.
8. Dietrich, H. Deutsch-polnische Polizeikooperation. Flüchtlingpolitik als Schrittmacher / H. Dietrich. – <http://www.cilip.de/ausgabe/59/koop.htm>.
9. Bahr, A., Schroder, H. Sprache, Grenze, Grenzregion, Europa – Universität Viadrina, <http://www.euv-frankfurt-o.de/Artikel/pdf/sprache.grenze.2000.pdf>.
10. Solarz, P. Euroregiony pogranicza niemiecko-francuskiego i niemiecko-polskiego w procesie integracji europejskiej / P. Solarz. – Warszawa, 2009.
11. Dietrich, H. Deutsch-polnische Polizeikooperation. Flüchtlingpolitik als Schrittmacher / H. Dietrich // Bürgerrechte&Polizei/CILIP 1998, HTML-Auszeichnung: Felix Publ. Zuletzt verändert am 17. Mai 1998.
12. Wiedermeier, J. Weisser Spargel, Schwarze Arbeit, 17.04.2008. – <http://www.taz.de/1/berlin/artikel/1/weisser-spargel-schwarze-arbeit/?src=SE&cHash=ed68351dd8>.
13. Kurzawa, E. Młodzi Niemcy praktykują w Wolsztynie // Gazeta Lubuska. – 3.03.2010.
14. Kurzawa, E. W Wolsztynie kształcą bezrobotnych... młodych Niemców / E. Kurzawa // Gazeta Lubuska. – 12.03.2010.
15. Pyrgiel, J. Rola Słubic w kształtowaniu porozumienia między Polakami i Niemcami, (w:), Przegląd Zachodni, 04/2007. / J. Pyrgiel, R. Bodziacki. – Poznań. – S. 109–117.

Э.К. Дорошевич

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПОГРАНИЧЬЯ

В данном сообщении предпринята предварительная попытка объединения двух гуманитарных концепций – диалогической и тезаурусной, причем направленная на проблему пограничья как культурного пространства. Что касается первой, мы рассмотрели ее в работе «Культурная сладчина. Культуралагічна-сацыялагічныя даследванні» (Мінск ВТАА «Сучаснае слова», пад навук. рэд. прафесара Э.К. Дарашэвіча «Дыялог

культур на Беларусі: гісторыя, сучаснасць, перспектывы», с. 134–144). Для Беларусі дыялог культур яўляецца арганічна-определяючым культуру фактарам асабліва ў прастранстве погранічзя. Аднак вызначэнне яго значэння носіць пераважна гісторыка-культурны характар, перавод якога ў сферу практычных прымяненняў патрабуецца ў сутэственнагах дапаўненнях, к сферае котрых атносіцца, по нашаму мненію, так называемы тэзаурусны метод. І вноў сошлемся на недаўно апублікаваную статью ў матэрыялах канферэнцыі: XVI Międzynarodowa konferencja naukowa z cyklu «Droga ku wzajemności» Białystok 25–26 września 2009 г. (Энгельс Дорашевіч «Белоруско-польско-литовский тезаурус: мировоззренческие аспекты»).

Напомянем, что основной мыслью в данном сообщении являлась возможность применения тезаурусного метода в ряде конкретно-практических исследований, в том числе молодежи Пограничья. Практика нашего преподавания курса «Тезаурус культуры» на факультете истории и социологии Гродненского государственного университета им. Я.Купалы еще более убедила меня в необходимости объединения двух выше приведенных методов, например, в конкретно-социологических опросах.

Опрос являлся пилотажным, он содержал следующие графы: фольклор, литература, архитектура, живопись, театр, значимые природные объекты, иногда добавлялись некоторые другие графы. Опрос занимал академический час. Предварительные результаты, на наш взгляд, представляют ценность, ибо отражают молодежный тезаурус Пограничья. Такого же типа пилотажное исследование проведено нами в Белорусском государственном университете культуры и искусств. Результаты отличаются, гродненцы лучше знают пограничье и его культурные ценности, студенты БГУКИ больше апеллируют к общенациональным ценностям. Повторим, все это лишь предварительные исследования, они нуждаются в более широких сопоставлениях в конкретизации «тезаурусных полей», возможно, в привлечении наших соседей (польских и литовских социологов) и создании совместно с ними формализованных и полужормализованных интервью с привлечением возможностей современной информатики. Тезаурусные методики являются весьма «молодыми» и нуждаются в разработках и широких экспериментированиях.

О.Э. Проценко

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПОЛЬСКАЯ КНИГА НА БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XIX в.

На протяжении всего XIX столетия на своем новом западном рубеже правительство Российской империи особое внимание уделяло языковой ситуации. Весьма беспокоило власти польское печатное слово, ведь значительная часть представителей высших сословий, проживавших на порубежье, ориентировалось на польские культурные традиции. Польская литература, польская книга были весьма распространены и в среде однодворцев, и среди городских жителей польского происхождения. Это предопределило ожесточенную борьбу русского правительства с польским печатным словом, борьбу, продолжавшуюся более века и начавшуюся в 1802 г., когда императорским указом было велено «...всех книгопродавцов торгующих иностранными книгами, обязать подписками, чтобы они не продавали книг, законам божьим и гражданским противных к соблазну явному клонящих...» [1, л. 1–14].

Для преследования польской книги годились любые поводы. Так, в предписании министерства внутренних дел гродненскому губернатору в январе 1825 г. сообщалось: «Комитет, Высочайше утвержденный для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете признал нужным усугубить надзор за привозимыми в пределы России книгами на польском и других иностранных языках» [2, л. 1]. Интересно, что во всех документах, где речь идет об «иностранных книгах», особо упоминаются книги именно на польском языке.

Надзор за польской литературой особенно усилился в связи с событиями 1830–31 гг. С этим связано и появление циркуляра шефа жандармов А. Бенкендорфа губернаторам: «...Во время мятежа в Царстве Польском изданы были сочинения, содержащие вредныя противныя монархическим правилам мысли... На случай, если подобныя книги были перевезены и вверенныя управлению Вашему губернии, приказать немедленно отобрать и уничтожить оныя» [3, л. 2].

В том же 1831 г. издается документ под названием «О порядке отправления привозимых в Россию иностранных книг в Цензуру» – предписание в «отношении книг и печатных листов на польском языке или на Польском с Русским». «Книги ...цензурному рассмотрению подлежащие, постановляется в обязанность Таможням, по взысканию пошлин и по приложении к ящикам или кипам таможенных печатей или пломб... отправлять прямо в Цензуру..., в местах же где нет Цензуры, отдавать хозяевам, объявляя их подпискою, не снимая пломб, представить в шестимесячный срок в один из цензурных комитетов... С тех, которые, дав в Таможне подписку, не представят в назначенный срок выданных им книг в Цензуру или хотя и представят, но с испорченными таможенными печатями или пломбами, взыскивать за каждый отдельный том по 25 рублей штрафа..., если же при сем открыто будет намерение скрыть от правительства запрещенныя или вообще вредныя книги, то сверх взыскания упомянутого штрафа виновный предается суду для поступления с ним по законам» [4, л. 10].

Власти строжайше надзирают за тем, какие книги ввозит в страну оппозиционная аристократия. В июле 1842 г. брестская таможня «обязала подпиской» князя Ксаверия Сапегу представить в шестимесячный срок на цензуру перевезенные через границу книги «на разных языках». По прошествии полугода цензурный Комитет посылает запрос гродненскому губернатору: исполнено ли обязательство в установленный срок? Ситуация с Сапегой повторяется ровно через три года, только на этот раз сокращается время для «установленного освидетельствования» – его предписано осуществить в три месяца. Вскоре цензурный комитет с нескрываемым огорчением уведомляет гродненского губернатора, что «книги оказались дозволенными» [5, л. 3].

Царскую администрацию интересовала не только проблема ввоза польской книги, но и ее широкая распространенность в обществе, особенно на порубежных землях. В XIX в. на территории Гродненской губернии находилось немало библиотек – при монастырях и церквях, костелах и учебных заведениях, в домах городской интеллигенции. Довольно крупные библиотеки имелись в магнатских усадьбах [6, с. 80–88]. Так, согласно инвентарному описанию имения Россъ Волковысского уезда за 1836 г. по сохранившейся описи книг, владельцы – Потоцкие – обладали библиотекой из более чем 1200 томов, из которых 378 книг было на польском языке. Это были самые различные издания – труды по истории Польши, собрания законов, статуты, учебная и духовная литература, жизнеописания и словари, книги по искусству, классика (Овидий, Цицерон) и др. [7, л. 59–78].

Конечно, подобных библиотек было немного, но в обществе потребность в польской книге была весьма велика и это серьезно беспокоило власть предержащих. В январе 1846 г. гродненский губернатор получает следующий циркуляр из МВД: «...Запрещаемые Цензурою иностранные сочинения... нередко обращаются в руках читающей публики, и это,

без сомнения, происходит преимущественно от неисполнения со стороны книгопродавцев возлагаемой на них уставом о Цензуре обязанности... Поручается Вашему превосходительству усилить надзор за торговлею иностранными книгами, предписав обязать книгопродавцев подпискою, чтоб они ни под каким видом не продавали книг, кои не были еще рассмотрены Цензурою...» [8, л. 1]. На оперативно спущенные вниз соответствующие предписания столь же оперативно из уездов от земских исправников пришли ответы. Вот один из них: «...Честь имею почтеннейшее донести, что во вверенном мне Сокольском уезде книгопродавцев не находится, но за оборотом иностранных книг по рукам читающей публики имеется всегда бдительное наблюдение» [8, л. 15].

Более других видов торговли книгами чиновников беспокоил легко ускользающий от правительственного контроля «мелочной» торг книгами, так как правительство считало, что «...более значительные книгопродавцы, коих удобно ревизовать, не решаются держать в магазинах и продавать запрещенные книги» [9, л. 6]. Еще опаснее представлялся мелочный торг на ярмарках. Чиновники МВД требовали от губернаторов, чтобы «мелочные продавцы книг, посещавшие ярмарки в городах и местечках, находились под надзором тамошних полицейских начальств, обязанных внушить им о необходимости запастись заблаговременно заготовленными Каталогами...» [2, л. 14].

Запрещение или изъятие тех или иных книг порой труднообъяснимо. Так, изданная «с дозволения цензуры» книга «Церковные песни, исполняемые во время больших праздников, установленных Римско-католическим Костелом» была запрещена под предлогом, что «...пения эти... могут возбуждать и поддерживать вредный дух и ложные понятия в простом народе». Совершенно непонятно, чем руководствовались власти, предписывая принять все меры к изъятию из продажи и запрещению книги «на польском диалекте» под названием «Свадебный подарок для невесты». Трудно сказать, почему на брестской таможе подлежала конфискации изданная по-польски «Жизнь французских полководцев при Наполеоне» [10, л. 1–1об; 1; 1–3], а у крестьян-католиков отбирались изданные на польском языке брошюры религиозного содержания в одной из которых, в частности, содержался поучительный рассказ о том, как двое пьяниц, благодаря посту и молитвам, избавились от чертей, являвшихся им в пьяном угаре [11, лл. 2–5].

Однако, несмотря на усиление надзора за книжной торговлей, продажа «вредных польских книг» продолжалась, в связи с чем властями была учреждена специальная комиссия, обнаружившая пути распространения запрещенной литературы в крае. Вновь подтвердилось, что легче всего ускользает от правительственного контроля мелочный торг книгами. Вследствие этого в августе 1866 г. по распоряжению гродненского губернатора были приняты следующие меры:

- продажа польских книг (кроме молитвенников) запрещалась в мелочных лавках и вразнос;
- торговля книгами вразнос разрешалась только лицам политически благонадежным, имеющим постоянно место жительства и получившим специальное разрешение на торговлю;
- в мелочных лавках и у разносчиков должны были быть опечатаны все польские книги (кроме молитвенников);
- запрещалась продажа польских «учебных и народных» книг [9, л. 6].

Меры, впрочем, оказались не слишком действенными. Вскоре Виленский генерал-губернатор сообщает гродненскому губернатору, что крестьянин Сокольского уезда, д. Смолянска, Мартин Козловский оказался виновным в продаже книг на польском языке, и при том, не одобренных цензурой, на ярмарке в м. Янове [12, л. 3].

Как уже упоминалось, борьба велась и с польской религиозной литературой. В архивных делах упоминается «Распоряжение Министра Внутренних Дел о недопущении в среду польского населения появившихся в последнее время в Западных губерниях

разносчиков книг религиозно-нравственного содержания на польском языке». Местные начальники также проявляют беспокойство относительно духовной литературы. В январе 1885 г. гродненский уездный исправник доносит губернатору: «... В книжных лавках, где продаются польские молитвенники, при продаже таковых не спрашивают о покупателях об их вероисповедании, и поэтому молитвенники эти могут быть куллены и лицами, исповедовавшими Православную религию... В здешнем крае большинство православных крестьян умеют читать по-польски [13, л. 27; 14, л. 36]. В фондах гродненского архива содержится обширная переписка губернских, уездных начальников и по поводу того, что «... находящийся в м. Друскениках граф Павел Олизар раздает печатные объявления о продаже издаваемого им на польском языке молитвенника» [15, л. 1–15].

Объект постоянной озабоченности властей – духовные лица. Так, в ноябре 1833 г. в рапорте на имя губернатора Муравьева сообщается, что в библиотеке гродненского Бернардинского монастыря находятся «предосудительного содержания книги, без дозволения цензуры написанные и, якобы, монахи раздают их для чтения посторонним людям...». В другом случае викарий сокольского костела обвинялся в распространении среди жителей книг на польском языке (изданных в Варшаве с разрешения цензуры) и был оштрафован на 25 рублей как «лицо, оказавшееся виновным в распространении польской грамотности» [16, л. 1–4; 17, л. 7].

Глубокое беспокойство правительства вызывают и публичные библиотеки. В конфиденциальном циркуляре департамента полиции гродненскому губернатору (январь 1884 г.), в частности, указывается, что «разрешение на содержание библиотек и кабинетов для чтения выдаются всем желающим, даже лицам совершенно неизвестным... При таких порядках они оказываются нередко в руках злонамеренных людей опасным орудием преступной пропаганды». Губернатору предписывается проследить, чтобы «содержатели библиотек обязаны были в заведениях своих иметь только те книги, кои значатся в их каталогах, утвержденных Министерством Внутренних Дел приложением Цензурной печати и надлежащую скрепою...» [16, л. 1–4; 1, л. 3–4].

Власти вообще стремятся передать библиотеки в руки «благонадежные». Претенденты сразу же находят. Вот как аргументирует свою просьбу открыть библиотеку одна из соискательниц – некая Иванова Пелагея Петровна, жена губернского секретаря: «...будучи русскою по происхождению и православною могла бы лучше и верней других достигнуть целей правительства и сообщить библиотеке то направление и то влияние, каким она должна пользоваться в Северо-Западном крае для закрепления в нем русской идеи» [17, л. 1].

Неким диссонансом этой общей политической линии выглядит следующий документ, повлекший за собой большую переписку и массу недоразумений. В октябре 1880 г. гродненский губернатор сообщает исправникам и полицмейстерам, что департаментом полиции «разрешена в настоящее время продажа на станциях железных дорог цензурированных изданий на польском языке» [18, л. 227]. В ноябре 1880 г. жандармский полицейский чин из управления железной дороги сообщает губернатору о своем «воспрещении продажи книг и газет на польском языке» на станции Брест, но одновременно просит уведомить его, «последовало ли разрешение г. Министра Внутренних Дел на продажу польских изданий... и может ли быть допущена продажа таковых» [18, л. 249]. Видимо, гродненский губернатор предпринимает консультации по возникшей проблеме, т.к. в архивных материалах имеется «разъяснение» из МВД, датированное декабрем 1880 г.: «...Издание и продажа польских книг, если издания эти не принадлежат к числу запрещенных цензурою... подчиняются действию закона 6 апреля 1865 года и последующих циркуляров Министра Внутренних Дел по настоящему предмету... и зависит от усмотрения начальников губернии [18, л. 276]. Разъяснение это, в общем, только запутывало ситуацию, т.к. перекладывало ответственность на «начальников губернии», которые, разумеется, предпочитали перестраховаться.

То, что политика государства оставалась прежней и о «ослаблении» польскому языку речи не шло, ясно видно из того, что даже появление этикеток на этом языке создавало проблемы. В этом контексте интересно очередное «разъяснение» губернатора из МВД: «По возбужденному управляющим акцизными сборами вопросу о том, может ли быть допущено употребление на табачных изделиях подведомственных ему фабрик этикеток с надписями на польском языке, обозначающими название табаку, мною разъяснено, что ввиду остающихся в силе распоряжений о воспрещении в губерниях Северо-Западного края употребления польского языка во всякого рода объявлениях и на вывесках, выпуск фабриками, находящимися в пределах сего края табачных изделий с польскими надписями на этикетках допущен быть не может [13 л.18]. Документ датирован февралем 1884 г.

Таким образом, на протяжении всего XIX в., а особенно после 1831 г., правительство стремилось нейтрализовать польское влияние на западе Беларуси, проводя открытую русификацию западных губерний. Некоторая либерализация правительственного курса в регионе начнется лишь в начале XX столетия.

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп.1. – Д. 116.
2. Там же. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1073.
3. Там же. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 323.
4. Там же. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 364.
5. Там же. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 578.
6. Коўкель, Л. Прыватныя бібліятэкі Гродзеншчыны (канец XVI ст. – пачатак XX ст.) / К. Коўкель // Шлях у навуку. – Мінск, 1997.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1143. – Оп. 2. – Д. 1.
8. Там же. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 578.
9. Там же. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 646.
10. Там же. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 341; Оп. 20. – Д. 311, 753.
11. Там же. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 381.
12. Там же. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 510.
13. Там же. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 1180.
14. Там же. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 1432.
15. Там же. – Ф. 1. – Оп. 22. – Д. 1129.
16. Там же. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 344.
17. Там же. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 2078.
18. Там же. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 379.

Т.А. Богуш

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ

Национальные диаспоры – явление, присущее всему миру, имеющее столь же давнюю историю, как и само человечество. Однако, в разное время проблемы их исследования, урегулирования и вписывания в социальное пространство принявшей

страны имеют разную историю. К таким периодам относится XX век, названный веком тотальных миграций, осуществляемых на фоне политических, социальных и экономических изменений, что еще более усиливается посредством легкости перемещения по миру. Это приводит к динамической трансформации общества, смене, а часто и искажению культурной среды принимающей страны и, вследствие этого, чрезвычайно актуализирует исследование национальных диаспор и создаваемых ими структур, различных по профессиональным, демографическим, религиозным и другим признакам.

Миграционные потоки современности и их стремительная динамика ставят перед исследователями этой проблемы множественные задачи, направленные на изучение ее структуры, сущности, содержания и возможностей взаимодействия. Сама необходимость обустройства в инокультурной среде дает представление о диаспоре как о сложнейшем, четко структурированном полифункциональном явлении, содержательность и функциональность которого зависят от множества компонентов.

Эти аспекты усиливаются спецификациями диаспоры, так как ее организм представляет собой сложное образование, которое, включаясь в инокультурную среду, должно выполнить ряд функций: предельно безболезненно произвести процесс адаптации своих членов на новом месте, способствовать жизнотворчеству их в разных направлениях, максимально гармонично вписаться в новую среду и, одновременно, сохранить материнскую культуру своей нации со всем блоком составляющих компонентов – традиций, духотворчества, ментальность. В силу этого диаспора должна представлять собой достаточно отлаженный организм с четкой структурой, который бы мог реализовать все эти функции.

Раскрывая сущность национальной диаспоры как социокультурного феномена, отмечается его сложность и неоднозначность. Ученые полагают, что национальная диаспора складывается под давлением обстоятельств. Ее представители, за малым исключением, чувствуют себя в иноэтничном окружении потерянными, лишенными корней. Утратив привычную среду, а вместе с ней многие нормы отношений между людьми, национальные мигранты вынуждены мириться с переменами социального статуса, с неизбежными ограничениями в социальных контактах, выполнении религиозных ритуалов и т.д. Одновременно с этим в феномене диаспоры исторически определен ответ на вопрос о сохранении этнокультурной идентичности народов, исторической судьбы в условиях миграции и национальной государственной формы человеческого существования.

В диаспоре процесс межцивилизационных взаимодействий происходит как нигде интенсивно. Особенно ярко проявляют себя адаптивные возможности, сочетающие в себе устойчивость с одной стороны, и пластичность, с другой. Изучение закономерностей и особенностей формирования национальных диаспор дает возможность не только составить общую картину жизнедеятельности и жизнотворчества инонациональных жителей в чужом этнокультурном окружении, но и лучше понять механизм межкультурных взаимодействий.

В Республике Беларусь проживает более 140 народов и национальностей. Они имеют давнюю историю и культурную самобытность. Однако остановим более пристальное внимание на одной диаспоре – армянской.

Армянский народ – один из самых древнейших народов мира, история которого уходит в глубину веков. Он возник и формировался в результате длительного процесса развития племен, населявших армянское нагорье.

Находясь на стыке двух миров – Запада и Востока, Армения в течение многих веков являлась ареной столкновений интересов великих держав. В древние и средние века армянское государство неоднократно переживало периоды подъема и упадка. Разорение и опустошение страны иноземными захватчиками, жесткое угнетение тру-

договора вынудили сотни тысяч армян покинуть родную землю и рассеяться в поисках убежища по разным странам мира.

Поселение армян в Белоруссии, в давние века, носило эпизодический характер, и было обусловлено, главным образом, потребностями торговли. История происхождения армян, сегодня проживающих в Белоруссии, в основном приходится на XX век.

В Белорусской ССР в 1990 году проживало около 5000 армян. Вторая волна армян-эмигрантов появилась в Белоруссии после трагических событий 1988 года в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане, Спитакского землетрясения и после распада Советского Союза. За эти десять лет численность армян в Беларуси увеличилась вдвое.

В Беларуси в 1999 году по официальным данным переписи населения проживало 10190 армян – 0,1% населения Республики. Половина этого населения обосновалась в Беларуси при Советской власти, когда в СССР не существовало границ, были распространены направления специалистов в другие регионы.

Совершенно естественно можно предположить, что армянские общины в Беларуси не являются неким инородным телом в социально-экономических структурах страны, напротив, их деятельность отличается высокой активностью и идёт во благо государству. За последние десятилетия из среды армянской диаспоры вышло значительное число известных представителей научной и творческой интеллигенции, государственных деятелей и крупных предпринимателей. Председателем армянской диаспоры в Республике Беларусь является Егиазарян Георгий Анушаванович.

Так же необходимо отметить тот факт, что государственность Армении со временем все больше укрепляется. Всё чётче вырисовывается её внутренняя и внешняя политика, основанная на принципах истинного демократизма и уважительного отношения к христианским ценностям. Уже сегодня Армения поддерживает дипломатические отношения со многими странами мира.

Армяне, живущие в Беларуси, с одобрением относятся к тем дружеским, партнерским взаимоотношениям которые сложились между правительствами наших Республик. Белорусский и армянский народы роднит многое. Это и вековые страдания от иноземного порабощающего ига, и непрестанное стремление к свободе и независимости своей страны. Два братских народа, опираясь на возвышенные идеи Христианского вероучения, всегда, даже в тяжелейших условиях стремились и достигали высокого уровня духовной культуры.

Республика Беларусь, в свою очередь, является стабильным экономическим государством, где реально существуют все предпосылки для развития армянской культуры. При Министерстве культуры был создан «Центр национальных культур», где активное участие принимает армянская диаспора.

В 1990 г. в Минске представителями армянской интеллигенции было создано культурно-просветительское общество «Айастан» (Армения). Основной целью данной организации было объединить вокруг себя армян, проживающих в Беларуси, а также дать возможность желающим изучать армянский язык, историю армянского народа, участвовать в культурной жизни общества. Беларусь дает возможность армянской общине поддерживать культурную самобытность.

На протяжении всей более чем 15-летней истории создания в Минске культурно-просветительского общества «Айастан» (Армения) членами исполнительного комитета общества были разработаны тематические мероприятия, которые неизменно всегда находили широкий отклик в сердцах, как армян, проживающих на территории Беларуси, так и наших белорусских друзей.

Например, раз в два года проходит Всебелорусский Фестиваль Национальных культур. Проводятся дни национальных культур, в которых принимают участие веду-

щие представители армянской диаспоры. В 2001 году посольством Республики Армения в Республике Беларусь было организовано выступление Гомельского хора под руководством Е. Соколовой, с исполнением произведений на армянском языке армянского композитора Комитаса. В апреле 1996 года в костеле «Симона и Алены» прозвучало произведение Моцарта «Реквием», посвященное трагическим событиям Чернобыля (1986) и геноциду армян (1915).

В 1991 г. в память о жертвах спитакского землетрясения 1988 года из Армении был привезен и установлен на одно из кладбищ города Минска памятник «Хачкар» (Камень-Крест), где собираются армяне в печальные даты армянского народа.

В 1995 г. в музее истории и культуры Беларуси была организована выставка армянских художников при активном содействии общества «Айастан». В 1999 году в национальном художественном музее Республики Беларусь в г. Минске при содействии армянского посольства была проведена выставка армянского художника Григория Данеляна.

С 1995 г. в Минске действует воскресная армянская школа. Там преподают местные армяне. Проводятся уроки музыки, живописи, репетиции фольклорного ансамбля «Эребуни» в котором танцуют и представители белорусской национальности. Ежемесячно проводятся литературные вечера, посвященные великим деятелям армянской культуры.

Целью проекта является представление армянской культуры во всей полноте и разнообразии жителям Беларуси, знакомство с жизнью армянской диаспоры в Беларуси, укрепление армяно-белорусской дружбы, так как эти страны-партнеры не только в сфере политического и экономического сотрудничества, но еще и близкие по духу, вере и культуре народы.

Армянский народ, будучи по натуре народом-созидателем, с лихвой испытал на себе всеразрушающие деянья необузданной человеческой злобы иноземных пришельцев-разрушителей. Вот почему, видя в христианстве добрые начала, направленность на возвышение в человеке духовной сферы, армяне добровольно устремились к христианству и с воодушевлением осенили себя Крестом.

В 301 году Армения приняла христианство в качестве государственной религии и с тех давних времен шествует она по истории с высоко поднятым Святым Крестом. В 2001 году христианству Армении исполнилось тысяча семьсот лет, и эта юбилейная дата отмечалась повсеместно, в том числе армянами, живущими в Беларуси.

При культурно-просветительском обществе «Айастан» создан штаб, актив которого ведет постоянную работу над открытием в г. Минске Армянской апостольской церкви. Над проектом этого памятника архитектуры работает группа энтузиастов во главе с известным архитектором, доктором архитектуры А.С. Сардаровым.

Армян можно найти в почти каждой стране мира. Всю свою историю армяне по разным причинам эмигрировали со своей родины и создавали колонии во всех частях земного шара. Миграция происходила и между колониями, что продолжается и до сегодняшнего дня.

Испокон веков Армения известна как страна камня. В прошлом ее так и называли – «Айастан-Карастан» (то есть Армения – страна камней). Данное название имеет два значения: прямое и переносное. В первом значении конечно сразу можно отметить что Армения – каменная страна. Красивые горные пейзажи, множество культурных и исторических памятников. Армения – это край, где с удивительной гармонией сочетаются природные контрасты: снежные вершины и знойные солнечные равнины, глубокие ущелья и широкие долины рек, засушливые пустыни и густые горные леса. Но во втором значении Армению называют страной камня не потому, что такова ее природа, а потому, что именно камень символизирует мужество и стойкость армян-

ского народа. Общеизвестно, что на протяжении долгого периода времени Армения подвергались постоянному давлению со стороны иноземных завоевателей. Английская газета «Лондон каретте» одно время зловеще писала: «Вероятно, через несколько лет об армянах будут говорить как об исчезнувшем народе».

Но армянский народ не исчез, он выжил и возродился. И сегодня он может этим гордиться. В течение полувека армянский народ сумел пройти путь, равный столетиям, потому что шел он в тесном союзе с великим русским, белорусским и другими славянскими народами.

Таким образом, в исследовании национальной диаспоры как специфического явления, включенного в инокультурное пространство, выступающего как специфическое, культурно-антропологическое качество социума, фиксируется и формируется весь характер взаимодействий между личностью, природой, обществом.

Проблема мировых национальных диаспор, диаспор и диаспоральных образований, явление давнее, постоянное, которое, однако, не перестает привлекать внимание исследователей, коренных жителей, проживающих совместно с представителями других культур.

А.А. Брусевич

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна

ІНШАЗЕМЦЫ ВАЧАМІ БЕЛАРУСАЎ: ФАЛЬКЛОРНЫЯ ВОБРАЗЫ І ІХ РАМАНТЫЧНАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ

Айчынная, ды і польскае літаратуразнаўства прызнае той факт, што нашыя літаратуры ў перыяд рамантызму фармаваліся арыентуючыся фактычна на адны і тыя ж культурныя і гістарычныя каштоўнасці. Мала таго – адныя і тыя ж пісьменнікі працавалі, нават таго не ўсведамляючы, на карысць адразу некалькіх нацыянальных літаратур. Гэта былі, як правіла, прадстаўнікі так званага «памежжа», чыя рамантычная свядомасць грунтавалася на моцнай, шматграннай фальклорнай аснове ўсяго «туэйшага люду». Найбольш яскравай фігурай гэтага літаратурнага феномену з'яўляецца класік польскай літаратуры, наш зямляк Адам Міцкевіч, чыя творчасць цесна звязана з беларускім фактарам. Фальклор, мова, побыт і звычаі беларускага народа сталі галоўнай крыніцай рамантычнага мастацтва паэта. У сваю чаргу спадчына вялікага рамантыка таксама істотна паўплывала на эстэтычную свядомасць беларусаў, а праз гэта і на фарміраванне беларускай рамантычнай літаратуры. Менавіта за «selskim, anielskim» Міцкевічам рушылі лепшыя прадстаўнікі беларускага рамантызму – Ян Баршчэўскі і Аляксандр Рыпінскі, Уладзіслаў Сыракомля і Віцэнт Дунін-Марцінкевіч, Вінцэзь Каратынскі і Арцём Вярэга-Дарэўскі.

Не дзівіць той факт, што тэматыка і праблематыка мастацкіх тэкстаў Міцкевіча і яго спадкаемцаў пераважна «вясковая»: паэтамі-романтыкамі, як правіла, «сюжэты твораў і вобразныя сродкі браліся з народнага жыцця» [3, с. 492]. А народнае жыццё беларусаў, канешне, працякала пераважна ў вёсцы. Зрэшты, у горад беларускі селянін наведваўся таксама. Галоўным чынам такія візіты былі звязаны з кірмашамі, якія перыядычна ладзіліся ў гарадах і мястэчках і прымяркоўваліся звычайна да значных царкоўных святаў. Менавіта тут пачынаўся новы свет, свет «іншы», поўны таямнічасці, загадкавасці, але часцей за ўсё варожасці. Варта адзначыць, што вобраз горада (кірмаша) у беларускім фальклоры мае пераважна негатыўную афарбоўку. Паколькі гарадс-

кое жыццё па-за рынкам было недаступным для большасці беларускіх сялян, схаваным за шчыльнай заслонай таямнічасці і загадкавасці, народная фантазія малявала яго як хацела. Вельмі часта горад паўстае як гняздо граху, дзе пануе распушта, разбэшчанасць, амаральнасць. Так, напрыклад, у бытавой казцы «Майстар, яго жонка і салдат» [4, с. 210–213] распавядаецца пра распусную жонку аднаго гаражаніна, якая грашыла з папамі. Раззлаваны муж спланаваў хітрае забойства ўсіх жончыных каханкаў, а яшчэ больш хітрая кабета пры дапамозе наўнага салдата пазбавілася ад трупай.

Акрамя непрыстойных жанчын і юрлівых папоў горад ў беларускіх казках і паданнях насыляюць самыя разнашэрсныя жулікі, злодзеі і бандыты. Так, у адным з народных апавяданняў расказваецца пра тое, як беднага вясковага чалавека ашукалі ў горадзе Ваўкавыску – адабралі апошняга вала [4, с. 330]. Цікава, што ў дадзеным апавяданні селяніна абакралі не проста гаражане, а «маскалі». Прыгадаем, што маскалямі беларусы называлі вайскоўцаў і прадстаўнікоў рускай нацыі. З апавядання не вынікае, хто канкрэтна зрабіў крыўду селяніну, але ў любым выпадку мы бачым негатыўнае стаўленне беларусаў і да вайскоўцаў, і да выхадцаў з Расіі – як тыповыя жыхары горада, яны ўвасаблялі несумленнасць. У многіх беларускіх казках менавіта салдаты (маскалі) выступаюць у ролі заўятых злодзеяў. Сюды можна аднесці казку «Хітры злодзей» [4, с. 203–206], у якой салдат стаў рабаўніком, але такім зухватым, што ў фінале цар за яго кемліваць узнагароджвае паловай царства. Заўважым, што народная свядомасць можа не толькі асуджаць амаральныя ўчынкі, але і захапляцца імі, калі тыя зроблены віртуозна, па-майстэрску.

Досвед і вопыт, атрыманы ад судакранання ўласнай, «тутэйшай» культуры з культурай «іншай», чужой, былі ўвасоблены затым у самых розных фальклорных вобразах і выкарыстаны пазней паэтамі-рамантыкамі. Так, напрыклад, у знакамітым рамансе Адама Міцкевіча «Курганок Марылі» сустракаем вобраз маскалей, створаны менавіта па такому прынцыпу: следам за фальклорам вобраз змяшчаецца ў найлепшае кантэкстуальнае поле. Канешне, тут яшчэ мае месца і пэўная рамантычная інтэрпрэтацыя, звязаная з негатыўным, варожым стаўленнем да Расіі (дзяржавы-захопніцы, дзяржавы, якая спрычынілася да раздзелу Рэчы Паспалітай і заняпаду Вялікага княства Літоўскага). Прыгадаем, што рамантызм, калі разглядаць яго не як літаратурны кірунак, а як агульнакультурную плынь, са сваёй філасофіяй і пэўнай сістэмай каштоўнасцяў, узнік на тэрыторыі колішняй Рэчы Паспалітай «перш за ўсё, з вопыту барацьбы з прымусам Расіі» [5, с. 227].

У непрывабным выгледзе паўстаюць у народнай свядомасці і прадстаўнікі нямецкай нацыі. Негатыў гэты звязаны перш за ўсё з частымі набегамі на землі Вялікага княства Літоўскага нямецкіх рыцараў. Крывавыя войны, што вяліся стагоддзямі, назаўсёды замацавалі ў свядомасці жыхароў ВКЛ – палякаў, беларусаў і літоўцаў – адмоўны вобраз немца. Акрамя таго сярод беларускага магнатства лічылася, што нямецкае вядзенне гаспадаркі найбольш дасканалое, таму немцаў вельмі часта запрашалі кіраваць маёнткамі і мануфактурамі, дзе ў цяжкіх умовах даводзілася працаваць простым людзям. Усё гэта яшчэ больш замацавала негатыўныя адносіны да ўсяго нямецкага. Так у беларускім фальклоры вобраз немца вельмі часта звязваецца з вобразам чорта. Цікавыя народныя асацыяцыі чорта з немцам зафіксаваныя, напрыклад, у этнаграфічных запісах Мікалая Нікіфароўскага і Чэслава Пяткевіча: «як Чорт смяляны пабратаўся з панамі ды з немцамі, то па заводу казлом чорным ходзіць толькі ўночы, а ў дзень надзявае панскі храк з хвостом, чырвоны капялюш ды панчохі доўгія, як у жыда <...> Ведама, прыгледзеўся к немцам, як ставілі завод, ды й сам у немца ўкляпаўся [1, с. 87]; «Прымаючы чалавекападобны воблік, нячысіцік носіць адзенне нямецкага крою – цесную куртачку, вузкія панталоны, чаравікі з высокімі абцасамі і абвязкова – капялюш, які можа хаваць воблік нячысіца» [2, с. 14]. Так што зусім не

выпадкова і Адам Міцкевіч «апраанае» нячысціка ў нямецкі строй, калі піша сваю баладу «Пані Твардоўская». Робіць гэта паэт строга паводле схемы народнага светасузірання:

Diablik to był w wódcie na dnie,
Istny Niemec, sztuczka kusa;
Skłonił się gościom układnie,
Zdjął kapelusz i dał susa [6, s. 94].

У якасці адмоўных персанажаў народных казак і апавяданняў выступаюць таксама габрэі, якія здаўна насялялі беларускія гарады і мястэчкі. Габрэі (жыд) становіцца ўвасабленнем як хітрасці, так і празмернай глупоты, але заўсёды ён скавалны, хцівы, імкнецца нажыцца за кошт іншых. Так, у казцы «Рыжы і лысы» [4, с. 239–241] жыд-карчмар падманым шляхам забірае ў хлопца 200 рублёў у якасці платы за міску шчаўя, а ў казцы «Пан, чалавек і жыд» [4, с. 200] хцівы гаспадар карчмы падмаўляе сумленнага чалавека нажыцца на знойдзеным панскім гадзінніку, але ў выніку атрымлівае 50 бізую. Сярод казак, якія высмейваюць глупоту габрэяў, яскравым прыкладам служыць казка «Рабін і цялё» [4, с. 242–244]. У ёй аповед вядзецца пра рабіна, які паверыў, што нарадзіў цялё, прычым цялё павінна было ператварыцца ў месію. Адмоўнае стаўленне да габрэяў адлюстравалася і ў некаторых прыказках. Вось адна з іх: «Пану верна не службы, з жыдам дружбы не вядзі, жонцы праўды не кажы, а дзіця чужое не хавай за радное, бо здрадзяць» [4, с. 242]. Следам за фальклорнай традыцыяй непрывабны вобраз прадстаўніка габрэйскай нацыі сустракаем і ў рамантычнай літаратуры, у прыватнасці ў басні Міцкевіча «Блыха і рабін». Абураны тым, што блыха смочка яго кроў, рабін вырашае пакараць шкоднае насяжкомае. Перад пакараннем гучыць натацыя аб непрыстойных паводзінах блыхі, на што тая адказвае: «А зчут іўе габі!» [6, с. 194].

Падагульняючы вышэй сказанае, можна зрабіць наступныя высновы:

- вобразы іншаземцаў у беларускай народнай творчасці звязаны пераважна з «гарадской», альбо «кірмашовай» тэматыкай;
- у беларускім фальклоры сустракаюцца розныя вобразы іншаземцаў, аднак негатыўнае іх успрыманне яўна дамінуе над пазітыўным;
- прадстаўнікі рамантызму плённа выкарысталі багаты, шматвяковы вопыт простых людзей, сціплых жыхароў так званага «памежжа», стварыўшы цікавыя ўзоры высокай літаратуры.

Спіс літаратуры

1. Міфы бацькаўшчыны / уклад. У.А. Васілевіч. – Мінск: БелЭн, 1994. – 109 с.
2. Никифоровский, Н.Я. Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Издатель Н.А. Паньков, 1995. – 85 с.
3. Рагойша, В.П. Рамантызм / В.П. Рагойша // Энциклапедыя літаратуры і мастаца Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1987. – Т. 4. – С. 491.
4. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края: в 3 т. / П. Шейн. – СПб.: Типогр. Император. Акад. наук, 1893. – Т. 2. – 715 с.
5. Цывіньскі, Б. Рамантычны падмурак культуры XIX ст. Вялікага Княства Літоўскага / Б. Цывіньскі // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 7–11 верас. 1998 г. / пад рэд. Н. Давыдзенка, А. Мальдзіс (гал. рэд.). – Мінск: Бел. кнігазбор, 1998. – С. 225–229.
6. Mickiewicz, A. Dzieła: w XVII t. / A. Mickiewicz. – Warszawa: Czytelnik, 1998. – Т. I. – 718 s.

В.С. Лебецкий

*Белорусская государственная академия музыки, филиалы кафедр
в Гродненском государственном музыкальном колледже, г. Гродно*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГРОДНЕНЩИНЫ XIX ВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

XIX столетие для Гродненщины – это серьезные изменения и преобразования – как в государственности, политике, административной территориальности, так и в музыкально-стилевых новациях. После присоединения к Российской империи новые власти проводят на гродненских землях, как и на всех вновь приобретенных территориях, политику их административной, судебной, хозяйственной, конфессиональной и культурной адаптации к современным реалиям. По существу, она была направлена на укрепление позиций русского самодержавия. Все эти мероприятия оказали непосредственное влияние на развитие культуры, как целостного комплекса, и на музыкальную жизнь в частности. Можно выделить следующие тенденции этого процесса:

Во-первых, изменяется понятие культурного центра и периферии. Если в XVIII веке культурная жизнь сосредотачивалась в основном в имениях магнатов, то в XIX веке ее центр перемещается в город. Связано это было как с кризисом феодальных отношений, когда помещичье хозяйство постепенно приходит в упадок и наблюдается дефицит средств, необходимых, в том числе и для содержания придворных театров, оркестров и т.д., так и с тем, что в новых условиях именно город становится настоящим административным и культурным центром. Здесь находятся органы управления, армейские части. Возникает необходимость организации их культурного досуга, в результате чего открываются театры, организовываются гастролы русских и зарубежных артистов. В парках и на площадях происходят концерты духовых и струнных оркестров, выступления ансамблей народного творчества.

Во-вторых, город становится тем местом, где наиболее часто сталкиваются различные культурные влияния и традиции. Помещичье имение в это время замыкается в своей польскости, делая невозможным проникновение в его среду русского влияния. В то же время именно уездный и, особенно, губернский город – это те площадки, где наиболее остро происходит столкновение шляхетской культуры Беларуси и русской дворянской имперской культуры. По своему существу и уровню они были равнозначны, но имели различный опыт, ориентации и традиции. Именно в городе происходит борьба между ними за первенство, определяется их будущий статус. И если в первой трети XIX века по-прежнему сильны традиции шляхетской культуры, то, начиная со второй трети, наблюдается частичная утрата ею своего прежнего влияния. Благодаря государственной поддержке все более и более укрепляются позиции русской дворянской имперской культуры. Не в малой степени этому способствовало включение территории Беларуси в сферу гастрольной деятельности ведущих российских имперских театральных и музыкальных центров – Санкт-Петербурга и Москвы.

В начале века в Гродно действует несколько театральных трупп. Самые известные – это коллектив Саломеи Дешнер и Яна (Ивана Деметрьевича) Шиманского. В репертуаре – как итальянские и французские комические оперы (Ф. Госсек («Бочар»), А. Саккини («Мнимый дурак по любви»), А. Гретри («Два скупца»), Дж. Паизиелло («Фраскатана»), А. Сальери («Школа ревнивых»), так и произведения польских композиторов – М. Каменский («Деревенский флирт или Зоська»), Ю. Эльснер («Семь раз один»). Труппа выступала как в Гродно, так и в городах губернии – Новогрудке, Свислочи, Слониме, Зельве [1, с. 254–262].

В 30-е годы на Гродненщине действует одновременно несколько антреприз, осуществлявших театральные музыкальные постановки во всех крупных городах губернии. Это труппы Викентия Вержбицкого, Викентия Клокоцкого, антреприза под дирекцией Горской (Гурской), труппы Лесневского, Михаила Томкевича, Александра Марцишевского, Павла Денисовича Маевского (получившего артистическое образование в Варшавской драматической школе). С 1836 года в Гродненской губернии основательно и надолго обосновался Станислав Новаковский – антрепренер и директор театра. Его коллектив побывал практически во всех городах губернии, выступая с представлениями в Гродно, Новогрудке, Свислочи, Лиде, Кобрине, Бресте, Зельве. В 1840 году в Друскининкае выступала антреприза Яна Оконского из Сувалок. Обзор афиш всех выше перечисленных трупп позволяет сделать вывод о том, что основу репертуара, как было сказано выше, составляли музыкально-театральные произведения западноевропейских и польских композиторов. Однако следует отметить и проникновение на сцены водевилей и музыкальных комедий украинских («русско-малорусских») композиторов (водевиль «Дядюшка из Украины»).

Пожалуй, самым ярким явлением музыкально-театральной жизни губернии 40-х годов было выступление труппы драматических артистов Виленского театра под руководством Вильгельма Шмидгоффа. Коллектив привлекал внимание к своим постановкам в течение нескольких лет, познакомив Гродненскую публику со многими шедеврами мирового оперного искусства, одновременно впервые осуществляя постановки новых театральномызыкальных сочинений. Труппой В. Шмидгоффа на сценах Гродненщины были осуществлены следующие премьеры: комическая опера «Антоний и Антося», с музыкой Виктора Кажиньского; оперы Н. Изуара «Золушка»; «Турецкий доктор», опера Станислава Монюшко «Последняя Варшавская лотерея»; опера А. Здеговецкого «Первая любовь», комическая опера «Мина, дочь бургомистра», мелодрама «Чертова мельница», опера «Проказы юности» [2]. Анализируя репертуар этого театрального коллектива, можно сделать вывод о широком разнообразии исполнявшихся музыкальных сочинений, где наряду с известными произведениями Г. Доницетти, В. Беллини, Дж. Россини, Дж. Верди и В. Моцарта встречаются оперы С. Монюшко («Твардовский»), «Идеал или новая Прещица», «Последняя Варшавская лотерея»), Я. Стефани («Краковяки и горцы»), Л. А. Дмуховского («Пан Плакса и пан Веселовский»); В. Кажиньского («Антон и Антося»), А. Здеговецкого («Первая любовь»). Общее количество всех пьес в репертуаре труппы – 238, что подтверждает собственноручная подпись Вильгельма фон Шмидгоффа в конце документа [3, с. 40–49].

Укрепление позиций русской дворянской имперской культуры происходило и путем принудительной политики русификации, что не могло не отразиться на репертуаре театральных трупп. Так, в 1850 году в Зельве и Свислочи выступала театральная труппа Михаила Бетлеевского, исполнявшая как русские, так и украинские музыкально-театральные сочинения.

И все же основным препятствием для развертывания интенсивной гастрольной деятельности на Гродненщине являлось отсутствие хороших коммуникаций, что затрудняло передвижение, однако, ситуация меняется в начале 60-х годов XIX века. Среди причин этих изменений следует назвать экономические, политические, социальные и собственно культурные.

Отмена крепостного права в 1861 году приводит к активному развитию в крае капиталистических отношений. Особое значение имело строительство железных дорог. Так, в 1862 году была построена Петербургско-Варшавская, в 1866 – Рига-Орловская, в 70-е гг. – Московско-Брестская и Либаво-Роменская, в 80-е гг. – Полесская железные дороги. Их строительство связало Беларусь с имперскими центрами и с Западной Европой. Кроме того, они способствовали еще большему увеличению роли города в экономической и культурной жизни края.

К политическим причинам следует отнести восстание 1863–1864 годов. Его разгром привел к окончательной потере польской стороной своих экономических, политических и культурных позиций в Беларуси. Начиная с середины 60-х гг. в крае проводит-

ся активная русификаторская политика, включавшая в себя создание довольно сильной образовательной системы, контроль над печатным словом, почти полное вытеснение из органов управления местных кадров и их замена на собственно российские кадры, усиление позиций Православной церкви и многое другое.

Значительные изменения происходят и в социальной структуре населения Беларуси. Формируются новые социальные группы – буржуазия и пролетариат. И если рабочие не играют значительной роли в культурной жизни общества, то буржуазия становится ее активным участником. Она выступает здесь как в роли потребителя культурных ценностей, так и в роли мецената по их созданию.

В 1862 году благодаря постройке Петербургско-Варшавской железной дороги Гродно связывается с двумя важнейшими культурными центрами Российской империи – Санкт-Петербургом и Варшавой. Он оказывается на пути следования различных гастрольных туров как из столицы империи в Западную Европу, так и с Западной Европы в Петербург. Благодаря социальным изменениям возрастает количество потребителей культурного производства. В городе появляются музыкальные и книжные магазины, магазины по продаже музыкальных инструментов, организовываются народные гуляния и т. д. Это приводит к активизации культурной жизни Гродно в целом.

Одновременно с деятельностью частных антреприз и приезжих артистических музыкальных трупп, театральные постановки в этот период осуществлялись и местными любителями. 27 декабря 1855 года, в целях сбора средств семья военных, в Гродно прошли спектакли любительского театра («Капризница» «La Jeune femme Colere» – Скриба; «Жена или Карты» – Григорьева), вызвавшие положительные отклики прессы [4, с. 2].

Политика государственного контроля над деятельностью профессиональных трупп и их содержанием вынуждает к активизации самодеятельности в различных социальных слоях населения. Так, 9 января 1868 г. Гродненскому губернатору поступает прошение от командира 101 пехотного Пермского полка (расквартированному в Гродно) полковника [Григория] Жеребцова: «С разрешения Начальника Дивизии во вверенном мне полку в помещении музыкантской школы устроен солдатский театр; в котором в Воскресенье 14 Января и затем в последующия Воскресенья до масляницы, а на масляной неделе каждый день, – предполагается давать представления для солдат из народных пьес (выделено авт. – В. Л.), при чем полагалось бы допустить и 10 коп.[еек] на стульях. Для большого удобства, – представления будут начинаться в 2²⁹ часа днем...» [5, с. 1 – 1 об.]. Виленский генерал-губернатор дал свое согласие на устройство солдатского театра, о чем Гродненский губернатор сообщил в своем письме командиру полка: «...с моей стороны не встречается препятствий к допущению народа на устраиваемыя солдатския представления, но с тем условием, чтобы представления эти не совпадали в одни и те же дни, в которыя будут даваемы спектакли в городском театре...». Свое согласие на создание солдатского театра выразил и антрепренер Гродненского театра г-н Каратыгин [5, с. 6 – 6 об.].

В этот же период проходит театральные постановки в Белостоке, в бывшей оранжерее Института благородных девиц, нанятой для этой цели за 100 рублей в год. В сезон 1874 года там прошли концерты трупп Рекершенка, а также были даны 2 спектакля любителями Белостокского Общества (театрального или литературно-музыкального. – В.Л.) [6, с.2 – 2 об.]. В конце столетия в театрах Гродненской губернии выступают труппы Борского, Леонова, Невского, Красовского, Николаева-Станиславского, Василенко, Шумана, Яковлева, Перлова, Борисова, Дворниченко, Максимова, итальянцев Кротти, Карозелли. В Слониме за период с ноября 1889 г. по ноябрь 1890 г. были осуществлены постановки в помещении офицерского собрания 11-го драгунского Харьковского полка. Осенний театальный сезон 1895 г. открылся опереттою Э. Одрана «Маскотта», шедшей в России под названием «Красное солнышко» [7, с. 1]. Вскоре труппа Н. Борисова осуществила постановку «Травиаты» Дж. Верди. Любопытно, что для наполнения зала и привлечения публики, антрепренер распродал самые деше-

вые билеты (по 60 копеек) с правом занимать любые свободные места. В результате зал был наполнен лишь наполовину исключительно гродненскими гимназистами, из чего рецензент газеты «Гродненские губернские ведомости» делает совсем грустный вывод: «...выходит, что с точки зрения труппы, у нас единственно надежными поклонниками музыки Верди являются... гимназисты» [8, с. 1–2]. Так, весенний сезон 1896 года был украшен выступлением Петербургского оперного товарищества (его основу составили артисты бывшего Панаевского общества) под управлением капельмейстера г. Зеленого, давших гастроль в Вильно, Каунасе и Минске. Одновременно, в этот период (с 28 апреля) в зимнем театре состоялась 6 спектаклей нового репертуара «...С.-Петербургских артистов, во главе с артистом Императорских театров, Петипа...» [9, с. 1]. Летом 1897 года в Белостоке «...в [...] летнем театре дебютировала сначала опереточная, а затем оперная труппа под управлением Р.А. Крамеса. Дано было всего около *ста спектаклей*. Как опереточная, так и оперная труппы были составлены удовлетворительно ... исполнение пьес было вполне добросовестное» [10, с. 2].

1898 год в музыкально-театральном отношении стал еще более активным и плодотворным в конце XIX столетия для многих гродненских коллективов, привлекая своим репертуаром и качеством игры внимание публики и критиков. Публика порой терялась перед выбором концерта или театрального представления. Как писал в «Гродненских губернских ведомостях» музыкальный обозреватель Тирпани, «... зал... был полон, что большая редкость в настоящее время, так как *нет дня, в который не было бы какого-либо концерта...*» [11, с. 3]. В городе действовали товарищества артистов под руководством известного Н.А. Борисова и Р.А. Крамеса. О начале года рецензент пишет следующим образом: «...8-го января театр представлял редкое у нас зрелище: он был сверху до низу переполнен собравшейся публикой. Таких спектаклей не много и даже очень не много было у нас за весь сезон» [12, с. 3]. Театральная жизнь сезонов 1899–1900 годов отмечена необыкновенной активностью.

Надо отметить, что театральная жизнь этого периода характеризуется музыкальными постановками не только профессиональных коллективов. В Гродно, во 2-й чайной, находящейся в Занеманском форштадте, «состоялся спектакль, исполненный любителями. Поставлены были ... «Москаль-чарывник», малороссийская оперетта в 1 действ., [И. И.] Котляревского» [13, с. 2]. Литературно-музыкальные вечера различных слоев общества сопровождались, как правило, постановкой легких салонных музыкальных спектаклей.

Апогеем в количественном отношении постановок и выступлением большого количества приезжих коллективов стал 1900 год. В это время в Гродно действует несколько площадок, на которых осуществляются музыкально-театральные представления и концерты:

- зимнее театральное каменное двухэтажное здание, принадлежащее городу;
- летнее деревянное одноэтажное здание в городском саду, принадлежащее Гродненскому христианскому благотворительному обществу;
- Гродненское благотворительное собрание, расположенное в частном здании наследников купца Брегмана;
- Военное собрание всего Гродненского военного гарнизона, помещающееся в здании военного инженерного ведомства [14, с. 11].

Кроме того, в Слониме происходили выступления не только профессиональных коллективов, но и любителей. «9 января 1900 г., в доме общества трезвости, гг. офицерами любителями драматического искусства поставлены будут... «Наталка Полтавка», украинская опера в 2 действ., соч. И. И. Котляревского» [15, с. 2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на рубеже XIX и XX веков в Гродненской губернии возникают новые формы организации культурной жизни различных социальных слоев. Во-первых, происходит формирование культурных вкусов у широких масс, что способствует их присоединению к группе потребителей культурных ценностей. Например, в Гродно, это проявилось в организации для населения специальных

культурных мероприятий, таких, как музыкальные и танцевальные вечера, проводимыми литературно-музыкальными обществами, Обществом попечительства о народной трезвости. Проводились различные гуляния в городском саду, музыкально-театральные представления в небольших городах во время проведения ярмарок и контрактов, продумывался культурный досуг военнослужащих в периоды проведения учений.

Во-вторых, население само активно повышало свой культурный уровень, что отчетливо можно проследить на примере активизации деятельности различных самодеятельных коллективов, в возникновении и организации любительских спектаклей в воинских частях.

Наконец, в культурную жизнь Гродненщины все более активно включались представители различных национальных групп.

Список литературы

1. Музыкальный театр Белоруссии: доокт. период / Г.И. Барышев [и др.]; ред. Г.Г. Кулешова. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 384 с.
2. Лябецкі, У. Манюшка вяртаецца ў Гародню / У. Лябецкі // Краязнаўчая газета. – 2008. – жн. – С. 6.
3. Дело № 243/2. Рапорты полицмейстеров и исправников о поставленных пьесах в театрах городов губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 879.
4. Гродненские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. – 1856. – 6 янв. – С. 2.
5. Дело № 15. Об открытии театра в городе Гродно для младших воинских чинов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1220.
6. Дело № 448. Сведения о состоянии театров за 1875 г. в гор. Гродно и Белостоке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 15. – Д. 753.
7. Театр // Гродненские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1895. – 23 сент. – С. 1.
8. Театр // Гродненские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1895. – 11 окт. – С. 1–2.
9. Хроника // Гродненские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1896. – 2 марта. – С. 1.
10. Дело Рапорты полицейских управлений о количестве поставленных пьес, оперетт и других вещей на сценах театров губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 523.
11. Концерт // Гродненские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1898. – 18 марта. – С. 3.
12. Театр // Гродненские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1898. – 10 янв. – С. 3.
13. Местная известия // Гродненские губернские ведомости. Отдел неофициальный. – 1900. – 4(16) янв. – С. 2.
14. Дело № 480. Переписка с полицмейстерами о состоянии театров губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 745.
15. Местная известия // Гродненские губернские ведомости. Отдел неофициальный. – 1900. – 8(20) янв. – С. 2.

Раздел 6. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОГРАНИЧЬЕ

Л.В. Рычкова

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна

МОЎНЫЯ СТЭРЭАТЫПЫ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ САЦЫЯЛЬНЫХ ПРАЦЭСАЎ НА ПАМЕЖЖЫ

«Слово есть самая реальность, словом высказываемая, – не то чтобы дублет ее, рядом с ней поставленная копия, а именно она, самая реальность в своей подлинности, в своем нумерическом самоотожестве. Словом и через слово познаем мы реальность, и слово есть самая реальность.»

о. Павел Флоренский¹⁰¹

«Язык – это зеркало нашей культуры, лицо современного человека.»

Л.А. Вербицкая¹⁰²

«...the ontological presuppositions of natural language are far less dependent on the nature of reality. They are linked to the nature of **projected** reality and thus to the structure that human beings impose on the world.»

Ray Jackendoff¹⁰³

Пэўная культура (разумеецца ў самым шырокім сэнсе) дэтэрмінуе з'яўленне разнастайных стэрэатыпаў¹⁰⁴, сярод якіх прынята вылучаць сацыяльныя, ментальныя, паводзінскія, этнакультурныя ды іншыя стэрэатыпы. Незалежна ад віду стэрэатыпаў, усе яны замацоўваюцца сродкамі мовы. У сувязі з гэтым мову разглядаюць не толькі як кансалідуруючую грамадства з'яву, але і як сродак ідэалагічнага ўздзеяння і палітычнай улады. Стэрэатыпізацыя камунікатыўных мадэлей спрыяе ідэнтыфікацыі «сваіх» / «чужых» і служыць схаваным сродкам праяўлення дыферэнцыяцыі грамадства на падставе самых розных характарыстык: гендэрных, этнічных, культурных, адукацыйных, рэлігійных, рэгіянальных, прафесійных, фізічных, эканамічных, іншых. Адпаведнасць чакаемым мадэлям моўных паводзін або неадпаведнасць ім па пэўных прыметах можа служыць лакмусавай паперкай прыналежнасці да пэўнага (мікра)соцыуму, падставай для прызнання дастойным / не дастойным павагі і г.д. Элемент «сацыяльнага параўнання» пераважае ў месце стэрэатыпаў моўных зносін, што абумоў-

¹⁰¹ Слова ёсць самая рэальнасць, што выказана словам, – не тое каб дублет яе, побач з ёю пастаўленая копія, а менавіта яна, самая рэальнасць у сваёй тожсамасці, у сваёй нумарычнай саматоеснасці. Словам і праз слова пазнаем мы рэальнасць, і слова ёсць самая рэальнасць (Павел Фларэнскі).

¹⁰² Мова – гэта люстэрка нашай культуры, твар сучаснага чалавека (Л.А. Вярбіцкая).

¹⁰³ ...анталагічныя прэсупазіцыі натуральнай мовы значна менш залежаць ад прыроды рэчаіснасці. Яны звязаны з прыродай праектаванай рэчаіснасці і такім чынам са структурай, якую людзі накладваюць на свет (Рэй Джэкендофф).

¹⁰⁴ Пра моўныя стэрэатыпы і іх ролю ў грамадстве гл. таксама [1,2].

лена рэалізацыяй мовай ідэнтыфікуючай функцыі. Пры такім падыходзе розныя лінгвістычныя варыянты не успрымаюцца соцыумам як раўнапраўныя і супрацьстаўляюцца кадыфікаванай форме мовы як субстандарты стандарту.

Стэрэатыпізацыя ўяўленняў аб рэчаіснасці і сацыяльных каштоўнасцях замацоўваецца як праекцыя ў сістэме моўных значэнняў, а праяўляецца шляхам актуалізацыі пэўнага набору «ацэнкавых прымет» прадмета мовы. Сацыялінгвістычныя стэрэатыпы адлюстроўваюць адносіны да моў і/ці лінгвістычных варыянтаў. Такія, «моўна арыентаваная», стэрэатыпы з'яўляюцца шматвектарнымі і могуць быць кагнітыўнымі (звязаны з паняццямі аб мовах, верай у мовы), афектыўнымі (адлюстроўваюць пачуцці да моў) або звязанымі з моўнымі і/ці камунікатыўнымі паводзінамі. Вядома, што адносіны да моў могуць праяўляцца ў ацэнцы моў (наколькі спрыяльна ставяцца да пэўнай мовы / моў), у выбары моў (якая з моў абіраецца ў якой сітуацыі), у жаданні вывучаць пэўныя мовы і ў прычынах, што матывуюць такога роду жаданні. Сюды ж можна аднесці ацэнку сацыяльных груп, якія ўжываюць пэўную мову або пэўны варыянт мовы; пажаданасць / непажаданасць двух / шматмоўя; адносіны да змен моў або да моўнай палітыкі ўвогуле. Усе пералічаныя вышэй стэрэатыпы маюць галоўным наступствам наяўнасць ці адсутнасць матывацыі да вывучэння пэўнай мовы або да навучання ў гэтай мове, да карыстання адпаведнымі сродкамі інфармацыі, прэферэнцый у выбары твораў навуковай, папулярнай, мастацкай ды інш. літаратуры, што, у сваю чаргу, у значнай ступені затым абумоўлівае рэальную моўную сітуацыю.

Агульнапрынятай у сучасным свеце з'яўляецца выснова, што прэстыж пэўнай мовы – гэта адлюстраванне глыбінных прычын, паказчык сацыяльнага класу і статусу носьбітаў гэтай мовы. Такім чынам, калі нацыянальная дзяржава імкнецца павысіць свой міжнародны статус, яе моўная палітыка павінна быць накіравана на фармаванне такіх сацыяльных стэрэатыпаў, якія будучы працаваць на павышэнне прэстыжу нацыянальнай мовы пры захаванні моўнай разнастайнасці і забеспячэнні правоў этнічных і/ці моўных меншасцей.

У сённяшнім «глабальным» свеце большасць дзяцей жыве ў двухмоўным або нават шматмоўным акружэнні і таму натуральна, што дзеці становяцца білінгвамі або палінгвамі. Такая з'ява разглядаецца выключна як дадатная, хаця не толькі ў дзевятнаццатым, але яшчэ і ў пачатку дваццатага стагоддзя ў большасці заходніх краін такія «неаднамоўныя» сітуацыі разглядаліся выключна як адмоўныя. Дамінантная ў той час ідэалогія нацыяналізму патрабавала, каб нацыянальныя межы супадалі з арэаламі пашыранасці адной мовы. Існанне ў шматмоўным асяроддзі разглядалася як пакаранне, а разнастайнасць моў свету – як боская кара. Выключэнне заўсёды складалі «памежныя» зоны, дзе білінгвізм большасці жыхароў разглядаўся як з'ява натуральная і ствараліся ўмовы для крэалізацыі моў і/ці (у выпадку няроднасных моў) для фармавання моваў-піджынаў. Гэта спрыяла фармаванню метаэтнічных суполак і замацаванню метамоўных стэрэатыпаў, якія адлюстроўваюць сацыяльныя працэсы, уласцівыя памежжу.

У сучасных абставінах моўная разнастайнасць, якая вымяраецца або колькасцю моў, або колькасцю носьбітаў пэўных моў, – шырока прызнаная высокакаштоўная рыса еўрапейскага жыцця, асаблівасць, для захавання якой прымаюцца спецыяльныя захады. Агульнавядома, што большасць дзяржаў Еўропы адрознівае выключная моўная разнастайнасць. Беларусь не з'яўляецца выключэннем у гэтым сэнсе, а, наадварот, падкрэслівае правіла. На працягу стагоддзяў на тэрыторыі сучаснай Беларусі сумесна пражываюць і таму лічацца аўтахтоннымі 8 нацый: беларусы, рускія, палякі, украінцы, татары, літоўцы, цыганы, яўрэі. Пры гэтым на Беларусі назіраюцца ўсе вядомыя тыпы размеркавання носьбітаў моў: 1) транснацыянальнае размеркаванне (у выпадку рускіх, палякаў, украінцаў, літоўцаў); 2) геаграфічна абмежаваныя лакальныя супольнасці (татары і, да некаторай ступені, яўрэі і цыганы); 3) знешнія мігранты.

Гэта абумоўлівае сітуацыю, калі персанальны плюралінгвізм (нават без уліку валодання замежнымі мовамі) складае правіла, а не выключэнне. Гістарычна шматмоўныя і лінгвістычна гетэрагенныя (у выніку транснацыянальнага размеркавання сумежных этнасаў) памежныя зоны даюць найбольш прыкладаў праяўлення з'яў індывідуальнага плюралінгвізму, заснаванага на розных мадэлях свядомага і несвядомага двухмоўя [3]. Тэндэнцыі, што характарызуюць колькасць гаворачых і ступені ўжывання лінгвістычных варыянтаў, з'яўляюцца надзвычай важнымі для даследавання моўных сітуацый полілінгвізма і абгрунтавання моўнай палітыкі. Шыфты ў лінгвістычных варыянтах і паміж імі патрабуюць заснаванага на фактычным матэрыяле апісання, якое не можа абыйсціся без прыцягнення корпусных тэхналогій. Праблемы лабудовы корпусаў, што мадэлююць плюралінгвальны дыскурс, па-ранейшаму застаюцца адкрытымі, таму адзінай крыніцай збору зыходнага моўнага матэрыялу, у тым ліку для даследавання праяўлення і трансфармацыі моўных стэрэатыпаў, што адлюстроўваюць сацыяльныя працэсы на памежжы, па-ранейшаму застаюцца палявыя даследаванні, што патрабуе дакладнай выпрацоўкі метадык збору палявога матэрыялу на падставе ўжывання сучасных лічбавых электронных тэхнічных сродкаў.

Спіс літаратуры

1. Рычкова, Л.В. Роля сацыяльных стэрэатыпаў у захаванні моўнай разнастайнасці ва ўмовах глабалізацыі / Л.В. Рычкова // Міжкультурны дыялог у Беларусі: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё ва ўмовах глабалізацыі (па матэрыялах Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 10–12 снежня 2003 г., Мінск). – Мінск: ЮНЭСКО, 2004. – С. 298–301.

2. Рычкова, Л.В. Трансфармацыя сацыякультурных стереотыпаў рэчэвага абшчэня в условиях креолизации идиомов / Л.В. Рычкова // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 22–23 нояб. 2007 г.: в 2 ч. Ч.1. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 181–184.

3. Щерба, Л.В. К вопросу о двуязычии / Л.В. Щерба / Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 313–318.

А.М. Воінава, А.М. Палуян

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, г. Гомель

НАЙМЕННІ ПОСУДУ Ў ГАВОРКАХ ГОМЕЛЬСКАГА ПАМЕЖЖА

Пры вывучэнні ўсходнеславянскай гісторыі і культуры ў апошні час перавага аддаецца рэгіянальнай тэматыцы. Гомельскае памежжа ўяўляе для даследчыкаў значную цікавасць перш за ўсё таму, што большасць вучоных лічаць Палессе прарадзімай славян, рэгіёнам, які захаваў шмат архаічных рыс ў этнакультурным і лінгвістычным аспектах. Па-другое, на дадзенай тэрыторыі, у сувязі з яе цэнтральным становішчам на стыку трох усходнеславянскіх этнасаў, адлюстраваны міжэтнічныя ўзаемазвязі і ўзаемаўплывы.

Таму вывучэнне дыялектнай лексікі з'яўляецца неабходным і актуальным. «Пытанне аб важнасці вывучэння дыялектнай лексікі, развіцця дыялектнай лексікаграфіі і складання лексічных, рэгіянальных і нацыянальных атласаў для гістарычнага вывучэння асобных славянскіх моў і славянскага моўнага свету ў цэлым, для вырашэння шэрагу праблем праславянскай мовы, славянскай прарадзімы і найстаражытнейшых стасункаў з неславянскім насельніцтвам ні ў кога не выклікае сумнення і не з'яўляецца дыскусійным» [2, с. 5].

Аналіз лексікі, звязанай з намінацыямі посуду, мае важнае значэнне для даследавання гісторыі беларускага народа, вывятлення культурных і моўных зносін паміж народамі.

Аб'ектам нашага даследавання з'явіліся назвы посуду, якія выкарыстоўваюцца ў гаворках Гомельскага памежжа. Прадметна-тэматычная класіфікацыя адзначаных назваў выяўляе іх шматлікасць і разнастайнасць і можа быць прадстаўлена наступным чынам:

1. Посуд для прыгатавання ежы – першых ці другіх страў: каза'н 'чыгун': Боршч у казане варымо. Красноўка Нар.; лакатні'к 'вялікі гаршчок': І нашто варыць у гэтым лакатніку боршч, ты ж ведаеш, што яго няма каму есці. Хвойнае Хойн.; мако'трык 'гаршчок з вушкамі': Поўны макотрык насыпала круп. Маркавічы Гом.; маліро'ўка 'эмаліраваная каструля': Маліроўкі прышлі на змену макатрам. Р-Бурыцкая Лоеўск. махо'тка 'невялікі гаршчок': У махотцы вару малому есці. Церахоўка Добр.; пчэ'ня 'скаварада': А наловіў тые тры нешчасныя рыбіны, дажэ на печэню нэ будэ. Грушаўка Нар.

2. Посуд, у якім падаюць ежу: кага'нка, каўга'нка 'драўляная міска': А што было дзелаць, калі пасуды ні было, то с каганкі так елі, што за вушамі трашчала, а ціпер усе на тарелачы падняці. Р. Бурыцкая Лоеўск.; Даўней у нас елі і з каўганкі. Іванаўка Хойн.; каранё'ўка 'драўляная міска': Налі ў каранёўку баршчу. Барталамееўка Ветк.; ла'тка 'глiнiнная міска': З'еў латку супа. Неглюбка Ветк.; мі'ска, мі'са 'шырокая і глыбокая, круглай формы пасудзіна для яды': Уся калісь пасуда з гліны була, і міска тожа. Маркавічы Гом.; палумі'сак 'неглыбокая міска': Налі, дзетка, баршчу вон у той палумісак, вам і хопіць на дваіх. Хізы Ветк.

3. Посуд, прызначаны для якога-небудзь аднаго прадукту:

а) для збівання ці захоўвання масла: бо'йка 'пасудзіна для збівання масла': Масло ў бойцы раней білі. Бабовічы Гом.; масла'ніца, ма'сляніца 'пасудзіна для захоўвання масла': Адала суседцы маслянiцу, німа куды масла палажыць. Бабовічы Гом.; ма'слянка 1. Маслабойка. Пастаў маслянку ў халодную ваду, смятана застыне, біцца лепш будзе. К.Балсуны Ветк., Піркі Браг.р-н. 2. Пасудзіна для сметанковага масла. У нас маслянкі няма, масла ў банкі дзержым. Церахоўка Добр.;

б) для захоўвання мёду: карабо'к 'посуд для мёду і зняцця пчалінага рою': Бацька прынёс поўны карабок мёду. Антонаў Ельск.; лазо'бка 'тс': Лазобка дліненняя, да нешырокая, ну, а ў каго багата мёду, дык багонкі е. Хізы Ветк.р-н.; мядо'ўніца 'тс': Старыя казалі калісь мядоўніца для мёду спецыяльна была. Піркі Браг.;

в) для захоўвання солі: каўга'нка 'невялікая пасудзіна для солі': Набары солі ў каўганку. Багуцічы Ельск.; сальніца 'тс': Падай мне сальніцу. Бярозкі Гом.; луб'ка 'сальніца з кары ліпы': Насып солі ў лубку. Ручаёўка Лоеўск.; бо'дня 'кубел для захоўвання сала, солі і інш.' Востраў Гом.;

г) посуд для алею: алейнік 'гліняны посуд, у якім трымаюць алей': Трэ было новы алейнік купіць. Ручаёўка Лоеўск.; тыква 'тс': Тыква – пасудзіна для алею. Казярогі Лоеўск.; паставе'ц 'драўляны посуд для алею': У пост налівалі поўны алею паставец. Казярогі Лоеўск.; насо'к 'тс': Насок – ета як гаршчок з вузенькім горлышкам і носікам. Рудня Бурыцкая Лоеўск.

4. Посуд для збірання ягад і грыбоў: кузе'нка 'невялікая пасудзіна з кары для збірання ягад': Кузеньку для ягар рабілі Дзяржынск Лельч.; кашэ'ль 'лазовы кошык': Кашэль бульбы наклапі. Станкі Ветк.; каробка 'чатырохвугольная каробка для ягад, грыбоў, зробленая з драўніны': Вазьмі ў грыбы каробку. Хальч Ветк.; набе'рак, набе'рачак, набі'рач 'пасудзіна для збірання ягад': А мой наберак скоро будзе поўны. Дзяржынск Лельч.

5. Посуд для зерня, насення: асінаўка 'вялікая бочка з асінавай клёпкі': Намаляцілі цэлую асінаўку жыта. Дзяражычы Лоеўск., лубянка 'вялікая бочка, у якую ссыпалі зерне': Прывезлі зерно, высыпалі у чатыры луб'янкi. Дзяражычы Лоеўск.

6. Для ўтрымлівання і спажывання вадкасцей: бары'пачка 'бітончык для малака': На табе барыпачку малака, занясі цётцы Мар'і. Ручаеўка Лоеўск.; сцякля'нка 'шклянны слоік': Улі сабе молока з сцяклянкі. Дзяражычы Лоеўск.; вадзя'нка 'дзежка для вады': Вадзянка па-колісьнему, цепер – дзежачка для вады. Пярэдзелка Лоеўск.; бары'ла 'бочонак, бочачка': Прывезуць бочку піва, шчэ гарэлкі барыла. (3 нар. песні) Чаплін Лоеўск.; бут'аль 'бутля': У нас буталь – дэвяць паўлітраў. Дзяражычы Лоеўск.; жу'раў 'трохлітровы буталь': Цэлы жураў гарэлкі наліў. Ручаеўка Лоеўск.; ко'нік 'чарка': Конік – эта калісь чарка. Дзяражычы Лоеўск.; кручо'к 'гладыш': У кручку малако стаіць. Насовічы Добр.; кры'нка 'гладыш': Налі крынку малака дзеду. Селішча Ветк.; кубі'к 'кубак': Нашто нам тые кубкі купляць, дома хапае. Вуглы Нар; кубка 'кубак': Зачэрапаны мне кубку чаю. Чыстыя Лужы Добр.; ку'фрык 'кубак': На стале вунь куфрык стаіць. Дуброва Лельч.; мане'рка 'высокая банка з носікам': У манерцы налітая газа. Ручаеўка Лоеўск.

Прааналізаваны матэрыял паказвае, што пераважная большасць характарызуемых лексем адносіцца да спрадвечнай лексікі беларускай мовы: сальніца і сольніца, лакатнік, пячэня, каранёўка, кашэль, бойка, маслянца, маслянка, наберак, набірак, наберачак, збан, вадзянка.

Многія з іх маюць празрыстую семантычную структуру. Аналізуючы матываванасць канкрэтна-прадметных намінацый правамерна адрозніваць структурную і семантычную матывацыю. Пад структурнай матывацыяй звычайна маюцца на ўвазе дэрывацыйныя адносіны паміж утваральнай і вытворнай асновамі.

У працэсе аналізу былі выдзелены два асноўныя тыпы структурнай матывацыі намінацый посуду: аддзяслоўныя дэрываты і адыменныя ўтварэнні. У ліку аддзяслоўных дэрыватаў выключную перавагу маюць суфіксальныя ўтварэнні тыпу: бо'йка 'пасудзіна для збівання масла'; пячэ'ня 'скаварада'; наберак, набірак, наберачак 'пасудзіна для збірання ягад'.

У складзе адыменных дэрыватаў найчасцей сустракаюцца назвы, структурна матываваныя найменнем прадмета, асновай назоўніка: мядзя'нка 'алюмінёвая каструля'; алейнік 'гліняны посуд, у якім трымаюць алей'; ма'сляніца 'пасудзіна для захоўвання масла'; сальніца, сольніца 'невялікая пасудзіна для солі'; вадзя'нка 'дзежка для вады'.

Сустракаюцца адыменныя дэрываты, структурна матываваныя назвай якасці – асновай прыметніка: лазо'ўка 'посуд для мёду і зняцця пчалінага рою, зроблены з лазовай кары'; мядо'ўніка 'тс'; маліро'ўка 'эмаліраваная каструля'; сцякля'нка 'шклянны слоік'.

Аналіз семантычнай матывацыі назваў посуду ў гаворках Гомельшчыны паказаў наступныя прадуктыўныя тыпы матывацыі:

а) многія назвы посуду матываваныя матэрыялам, з якога зроблены: мядзя'нка 'алюмінёвая каструля'; лазо'ўка 'посуд для мёду і зняцця пчалінага рою' (звычайна зроблены з лазовай кары); маліро'ўка 'эмаліраваная каструля';

б) прадуктыўным тыпам з'яўляецца матывацыя прадуктам, які захоўваецца ў посудзе: алейнік 'гліняны посуд, у якім трымаюць алей'; сальніца, сольніца 'невялікая пасудзіна для солі'; вадзя'нка 'дзежка для вады'; ма'сляніца 'пасудзіна для захоўвання масла' і г.д.;

в) назвы посуду могуць быць матываваныя формай: жураў, журавель 'высокія бутэлькі для гарэлкі'; наса'тка 'посуд для алею'.

Аднак пэўная колькасць найменняў посуду з'яўляецца запазычанямі з розных моў: нямецкай: бляха 'тонкі ліст жалеза з загнутымі краямі для сушкі яблыкаў, грыбоў і інш.'; бітон 'металічная пасудзіна цыліндрычнай формы з накрыўкай'; конаўка 'драўляны кубак з ручкай і накрыўкай'; кружка 'пасудзіна для вадкасцей'; кубел 'бочка для сала'; кубак 'пасудзіна для піццы'; кухлік, куглік 'гліняны гаршчок'; манерка 'высокая банка з носікам'; польскай: во'рак мяшочак лоя адцісканай сыру'; барыла 'бочачка'; балтыйскіх моў: коуш 'драўляная міска з ручкай'; лацінскай: буталь 'бутля'; кварта 'ку-

бак'; бодня 'кубел для солі, сала'; грэчаскай: кайстра 'кошык'; цюркскіх моў: казан 'чыгун'; каўган 'драўляная выдзёубаная міска'; чыгун 'гаршчок' [1].

Такім чынам, назвы посуду, зафіксаваныя на тэрыторыі Гомельскага памежжа, прадстаўляюць сабой разнастайную ў лексіка-семантычных і генетычных адносінах групу і з'яўляюцца часткай матэрыяльнай культуры беларусаў.

Спіс літаратуры

1. Станкевіч, А.А. Лексіка іншамоўнага паходжання ў гаворках Гомельшчыны / А.А. Станкевіч. – Гомель, 1996.
2. Толстой, Н.И. О важности изучения полесской лексики / Н.И. Толстой // Лексика Полесья. – М., 1968. – С. 5.

В.І. Вярбіцкая

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск

УВАСАБЛЕННЕ ТРАДЫЦЫЙ РУСКАЙ І УКРАЊНСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯКУБА КОЛАСА

У апошні час адбываецца пераасэнсаванне сутнасці міжлінгвістычных кантактаў усходнеславянскіх народаў у перыяд існавання сацыялістычнага рэалізму. Безумоўна, у савецкі перыяд міжлітаратурныя сувязі неслі пэўны адбітак схаластыкі, сацыялізма і дырэктыўнай «дружбы народаў». Але нельга не ўлічваць, што ўзаемаадносіны славянскіх літаратур вядуць пачатак з XIX стагоддзя. Ужо ў класічнай беларускай, рускай і украінскай літаратуры назіраюцца агульныя прынцыпы мастацтва. Так, адметнасцю ўсходнеславянскай літаратуры таго часу было глыбокае філасофскае, прапушчанае праз прызму народнасці ўспрыняцце жыцця. Гэта выразна прасочваецца ў творчасці Пушкіна, Някрасава, Тургенева, Чэхова, Міцкевіча, Багушэвіча, Баршчэўскага, Шаўчэнкі, Кацюбінскага і інш.

Прадстаўнікі ўсходнеславянскай літаратуры XX ст. далей развілі прынцыпы суразмернасці, гарманічнасці, сэнсавай зразумеласці і празрыстасці літаратурнай творчасці. Беларуская літаратура з дапамогай кантактаў з суседнімі літаратурамі сумела стаць нароўні з вырацаванымі традыцыямі сусветнага мастацтва.

У творах генія беларускай літаратуры Якуба Коласа як і ў творчасці шэрагу рускіх і ўкраінскіх паэтаў і пісьменнікаў прасочваецца эпічная шырыня народнага жыцця і моцны струмень лірызму, надзвычай багаты і разнастайны па формах праўлення. Іх творчасць была глыбока патрыятычнай, гуманістычнай па сваёй сутнасці.

Дыскурсіўны аналіз творчасці Я. Коласа сведчыць, што ім з выключнай мастацкай сілай увасоблены маральныя і эстэтычныя ідэалы, характэрныя для твораў А.С. Пушкіна.

Так, раман «Яўгеній Анегін» па словах Дабралюбава, з'яўляецца энцыклапедыяй рускага жыцця XIX ст. «Новая зямля» таксама эпахальная энцыклапедычная паэма, твор народнага жыцця. Супастаўленне тэкстаў рамана «Яўгеній Анегін» і паэмы «Новая зямля» пацвярджае думку, што для Пушкіна і Коласа праблема ўзаемаадносін асобы і народа была надзвычай важнай. За ўсімі з'явамі і працэсамі грамадскага жыцця, на думку паэтаў, стаіць вялікае і мудрае жыццё народа, якое вызначае лёс літаратурных герояў, іх духоўнасць.

Вельмі глыбока адлюстроўвалася ў творчасці А.С. Пушкіна і Я. Коласа тэма прыроды, як неад'емнай часткі народнага жыцця. Малюнк прыроды ў рамане Пушкіна і паэме Коласа сугучны сваёй паэтычнасцю, тонкасцю эстэтычнага яе ўспрыяцця.

Я. Колас успамінаў, што ўжо з дзіцячых гадоў захапляўся творамі Пушкіна, прызнаваўся ў моцным уплыве рускага паэта на станаўленне яго творчай індывідуальнасці. «Відаць тады ўжо, ў гады маленства, прымяраў я да Пушкіна беларускае слова» [3]. У паэтаў зіма ці восень, лета ці вясна – гэта не проста розныя пары года, розныя фарбы, асаблівыя прыметы. Гэта перш за ўсё пэўныя ўстойлівыя абставіны і формы народнага жыцця, якія складваліся на працягу вякоў. Кожная пара года вызначаецца сваім вобразам жыцця і працы, ёй уласцівы свой быт, звычаі, абрады, рытуалы. Прырода зліваецца з жыццём. Дарэчы, Я. Коласам напісана 47 вершаў на рускай мове, якія прысвечаны роднаму краю і прыродзе. Светлы сум і душэўнае хваляванне лірычнага героя выражаюцца ў раннях рускамоўных вершах Коласа, блізкіх па сваёй танальнасці да Пушкіна.

Неабходна адзначыць, што і творчая спадчына Я. Коласа была заўважана рускай літаратуразнаўчай думкай. Ужо ў 30-х гадах мінулага стагоддзя ў Расіі пад рэдакцыяй М. Ісакоўскага на рускай мове выйшаў зборнік «Выбраныя творы». Шмат Коласаўскіх твораў, у тым ліку «Новую зямлю» пераклаў на рускую мову С. Гарадзецкі. Аповесць «Дрыгва» перкладзена на рускую мову А. Рабінінай. Выдадзена ў Расіі і пэма Коласа «Рыбакова хата».

Па свайму палыміянату патрыятызму, па глыбокай эмацыянальнай пранікнёнасці, па сіле мастацкай вобразнасці пейзажныя замалёўкі Я. Коласа і класіка ўкраінскай літаратуры М. Кацюбінскага сведчыць аб блізкасці тэм, праблем, матываў, якія адлюстроўваюцца ў іх творах. У паэме Коласа «Новая зямля», у аповесці «Fata morgana», апавяданні «Цэпавяз» М. Кацюбінскага іх літаратурныя героі імкнуцца знайсці адказы на спрадвечныя, складаныя і нават загадкавыя ў сваёй невыразнасці пытанні. Міхал з паэмы «Новая зямля», Сямён з апавядання «Цэпавяз» настойліва, пакутліва імкнуцца спазнаць, асэнсаваць навакольны свет, зразумець яго супярэчнасць, несправядлівасць, неяк выратаваць яго, наладзіць у ім гармонію, дасягнуць дасканаласці. І Міхаіл, і Сямён, працуюць, дыхаюць з адной заповітнай марай – аб зямлі, аб шчасці і волі над ёй. Герояў яднае ўпартае перакананне нежаданне прыняць трагічную наканаванасць лёсу, абумоўленую супярэчнасцю, крызіснасцю эпохі, палыміянная вера ў магчымасць чалавека быць шчаслівым насуперак усяму.

Колас і Кацюбінскі стварылі вобразы такіх сялян, якія шукаюць духоўнае ўзвышэнне, вызваленне ў сваіх уласных думках, марях. На ўзроўні творчай інтуіцыі пісьменнікі раскрылі найтанчайшыя зрухі іх душэўнага стану, які ўвабраў у сябе боль і спадзяванне, крыўду і праўду свайго часу.

Інтэрактыўны метад прачытання твораў Я. Коласа і Т. Шаўчэнкі дае падставу сцвярджаць аб наяўнасці тоеснай дыялектыкі ідэальнага і рэальнага ў іх творчасці. Яна ў значнай ступені прадвызначана адметнасцю індывідуальна-аўтарскага светабачання паэтаў. У выяўленні ідэальнага Шаўчэнка актыўна карыстаецца сродкамі рамантачнай паэтыкі, мадэрнізуе іх ў накірунку да асыцыятыўнасці малюнкаў, надзяляе ірацыянальнымі характарыстыкамі, пераносіць у метафарычныя сферы быцця. Дзеля гэтага часта выкарыстоўвае форму мройных ідылій, сну, настальгічных успамінаў. У творах Кабзара персаніфікаванае ў канкрэтных прадметных набліжаных да побытовасці, звычайнай паўсядзённасці вобразах Я. Колас працягваў менавіта гэтую шаўчэнкаўскую традыцыю. Выяўленнем ідэальнага ў цеснай сувязі з матэрыяльна-прыродным светам пранізана творчасць Коласа. Устаноўка на пластычнасць, жываліснасць, прадметнасць і канкрэтнасць у адлюстраванні жыццёвых рэалій у коласаўскіх творах спалучаецца з паглыбленай сімволіка-алегарычнай напоўненасцю вобразаў, якія набываюць метафізічную значнасць і філасофскую абагульненасць, трансфармуюць самы шырокі спектр абстрактных ідэй і сэнсаў.

Такім чынам, ідэальнае ў мастацкай сістэме Коласа і Шаўчэнкі ўяўляе адначасова і дадзенасць і зададзенасць, і тое, што ёсць на самой справе, і тое, чаму належыць толькі

спраўдзіцца. Так Я. Колас разглядае зямлю як ідэальную рэальнасць, існуючую, выразна ўсвядомленую штодзённасць, і ў той жа час у Міхала яе няма, яе неабходна набыць, да яе неабходна набліжацца коштам вялізарных духоўных і фізічных намаганняў.

Сувязі Я. Коласа з украінскай літаратурай не абмяжоўваюцца ўплывам на яго творчасць мастацкай сістэмы Т. Шаўчэнка. Шматгадовае сяброўства і творчае супрацоўніцтва звязала беларускага песняра з М. Рыльскім, П. Тычынай, І. Кулікам, А. Панівым, М. Цярэшчанка і іншымі ўкраінскімі літаратарамі. Імі напісаны артыкулы і нарысы, вершы і ўспаміны, у якіх створаны жывы і рэальны вобраз паэта як чалавека і майстра прыгожага пісьменства. Украінскія калегі былі ўдзячны Я. Коласу за пераклад і рэдагаванне беларускага выдання «Кабзар» Т. Шаўчэнка. Дарэчы, Я. Колас перакладаў мастацкія творы не толькі з украінскай, але з рускай і польскай моў. Сведчаннем гэтага можа служыць коласаўскі пераклад паэмы А.С.Пушкіна «Палтава». Аналіз перакладчыцкай дзейнасці Коласа паказвае, што яго пераклады вызначаюцца адметнасцю, высокай культурай, майстэрскай перадачай мастацкага каларыту твораў суседніх славянскіх пісьменнікаў. У сваю чаргу на Украіне у 50–60-я гады XX ст. зроблена шэраг перакладаў твораў Я.Коласа. У 1951 годзе выданы зборнік коласаўскіх твораў на ўкраінскай мове пад рэдакцыяй П. Тычыны. Шэраг грунтоўных навуковых артыкулаў, прысвечаных творчай спадчыне Коласа, апублікаваў вядомы ўкраінскі літаратуразнаўца І. Свянціці.

Актыўны зварот прадстаўнікоў усходнеславянскай літаратуры да творчай спадчыны Я. Коласа тлумачыцца, на наш погляд, тым, што народны паэт успрыняў і развіў традыцыі рускай і ўкраінскай класікі з яе павышаным гуманізмам і захаваннем прапарцыянальнай гармоніі ў паказе рэчаіснасці. Колас, працуючы ў пушкінскім і шаўчэнскаўскім напрамках, нарошчваў суб'ектыўнасць, павышаў экспрэсіўнасць творчасці за кошт унутраных рэзерваў рэалізму. У сваёй творчасці ён здолеў узняцца над нарматыўнасцю і забаронамі класічнага рэалізму.

Спіс літаратуры

1. Колас, Я. Новая зямля / Я. Колас. – Мінск, 2002. – 904 с., 91 л. І л.
2. Колас, Я. Палтава: пераклад / Я. Колас. – Збор твораў у чатырнаццаці тамах. – Мінск, 1976. – Том 10. – С. 433–473.
3. Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск, 1982. – 137 с.
4. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах / А.С. Пушкин. – М., 1984. – 255 с.

А.А. Станкевіч

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, г. Гомель

КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВАЯ ЛЕКSIKA НА ТЭРЫТОРЫИ БЕЛАРУСКА-РУСКАГА ПАМЕЖЖА: СВЯТЫ ЗІМОВАГА ЦЫКЛУ

Традыцыйная народная культура памежжа фарміруецца пад уплывам розных гісторыка-этнаграфічных, сацыяльна-палітычных і канфесійных фактараў ва ўмовах працяглых этнічных кантактаў і складанага ўзаемадзеяння розных нацыянальных груп. Супастаўляльны аналіз матэрыялаў, сабраных у беларускіх прыгранічных рэгіёнах і памежных тэрыторыях усходнеславянскіх этнасаў – даўніх суседзяў беларусаў, якія маюць агульную гістарычную карані і тыпалагічна блізкія па характары культуры, выконвае важную ролю ў вызначэнні асаблівасцей гісторыка-культурных працэсаў.

Духоўная культура па прыродзе сваёй і сутнасці з'яўляецца антрапацэнтрычнай – у цэнтры яе стаіць чалавек. Змест духоўнай культуры вызначае сістэма канцэптаў, якія выражаюць асноўныя, сутнасныя паняцці духоўнай культуры: чалавек, сям'я, праца, прырода, рэлігія. Змест важнейшых канцэптаў духоўнай культуры раскрываецца праз пэўныя апазіцыі і рэалізацыя ў разнастайных формах, напрыклад, апазіцыя чалавек ! сям'я рэалізацыя ў такіх формах, як сямейна-абрадавы фальклор, традыцыі і абрады сямейнага ўкладу жыцця, сямейна-абрадавая лексіка.

Аб'ектам нашага даследавання з'яўляецца лексіка-семантычная група «каляндарна-абрадавыя назвы», прадметам вывучэння – лексіка абрадаў зімовага цыклу земляробчага календара. Крыніцай фактычнага матэрыялу паслужыў дыялекталагічны архіў кафедры беларускай мовы ГДУ імя Ф. Скарыны, складзены па выніках дыялекталагічных практык у Веткаўскім і Добрушскім раёнах Гомельскай вобласці.

Календарна-абрадавая лексіка зімовых свят прадстаўлена шматлікімі тэматычнымі падгрупамі. Найбольш значную ў колькасных адносінах групу складаюць назвы важнейшых хрысціянскіх свят, якія адзначаліся ў гэту пару года і былі прысвечаны разнастайным падзеям рэлігійнага жыцця.

Асноўнымі святамі зімовага цыклу лічыліся Коляды, Стары Новы год, Вадохрышча, Стрэчанне. Іх называлі прыстольнымі (прэстольнымі) празнікамі, прыстольшчынай (г. Ветка; в. Неглюбка, Ветк.).

Важнейшым зімовым святам з'яўляецца, безумоўна, свята нараджэння Хрыста, якое адзначаецца 7 студзеня. У даследуемым рэгіёне надзвычай пашырана руская назва гэтага свята, якая ужываецца ў шматлікіх варыянтах: Рождество, Раждество, Раждзіство, Раждзјство, Ражджаство, Ражжаство, Раджаство, Разаство, Ражаство, Ражэство, Раство, Ражство, Раздво, Разжво: У гэты дзень у гонар Рождества Хрыстова нічога не елі да першай зоркі (г.п. Церахоўка, Добр.); Раждество – гэта 7 январа. У гэты дзень гатовілі розныя блюда. Халадзец гатовяць, в асновном, каўбасы жараць, мяса запекаюць. Ну і мучное, кашнішна. Прыглашаюць гасцей, родственнікаў (г. Ветка); Раждзіство – гэта празнік абронны, святы дзень – радзіўся Хрыстос, наш заступнік. У гэты дзень гуляюць, песні пяюць і банкеты водзяць. Хто дзень празнуе, хто і тры (г. Ветка); Вечарам перад Ражджаством служба ідзе, адпраўляецца канон, пеем псалмы (в. Старое Сяло, Ветк.); Ражэство гулялі калісь у нас нядзелю Наніамалі музыку на тры дні, гарманіста (в. Глыбаўка, Ветк.).

Лексема Каляды і яе варыянты Каляда, Коляды, Калядкі, паўсямесна распаўсюджаныя ў адзначаным рэгіёне, маюць розныя значэнні: 'святкі ад Нараджэння Хрыстова да Вадохрышча': Каляды прызавалі калісь две недели, танцавалі, гулялі (Ст. Сяло, Ветк.); На Каляды усе свадзьбы гуляюць. От добра ў гэты час вяселле ладзіць (г.п. Церахоўка, Добр.); Святкі былі ад Раждества да Хрышчэння. У ета время былі святыя вечары, маладзёж гуляла, спраўлялі ігрішчы, гадалі, калядавалі, пелі шчодры. Нельзя было работаць, стукаць, резаць (г. Ветка), 'зімовае свята, якое адзначалася 7 студзеня', 'свята Нараджэння Хрыстова': Святкавалі Каляды кожны ў сваёй хаце. Усё прыбіралі, мылі. Стол засцілалі святочным абрусам, пад яго клалі сена, ставілі гаршчок з куццёй, каб быў не голы, а багаты, Дзеці залазілі пад стол і кудухталі: «Кудак, кудак, наша курка нясе яйцо з кулак. У суседа вароты трасуцца, а ў нас куры нясуцца». Дзецям сыпалі ў рукі семечкі, зерне, ці цукар (в. Насовічы, Добр.); Каляды прызавалі 7 январа. Перад калядамі мылі палы, у парозе сцялілі сена, таго, што Ісус Хрыстос радзіўся ў яслях і яго хавалі ў сене ад ірадаў. Каляды – бальшэй празнік (г. Ветка); 'абход двароў з велічальна-віншавальнымі песнямі ў ноч з 13 на 14 студзеня, калядаванне': Каляда на сівым коніку прыяжжала (в. Бартапамееўка, Ветк.); Каляды – гэта на стары Новы год сабіраліся, выварочвалі шубу, надзявалі так , хадзілі пад вокнамі, пелі, танцавалі, казу вадзілі (Ст. Сяло, Ветк.); 'калядная песня': Хадзілі, калядавалі, каляду спявалі, перээдзяваліся, ну, іх угащалі, дзеньгі давалі, гасцінцы (в. Хальч, Ветк.).

Дзень каляд у асобных мясцовасцях называўс «засеўкамі»: Маладыя хлопцы насілі па вуліцы бліскучую звязду з лентачкамі, заходзілі ў хаты, сыпалі на мост зерне і гаварылі: «Сею, сею, пасяваю, з Новым годам паздраўляю» (в. Насовічы, Добр.).

Абход двароў з велічальна-віншавальнымі песнямі з 13 на 14 студзеня называўся таксама шчодры, шчодрыкі, шчодрыкі, шчадроўкі, шчадруха, шчадзяр: На шчодры ходзяць шчадроўшчыкі, наражаюцца і казой, і мядзведзем, і цыганамі, пяюць песці, іх адорваюць прысмакамі (в. Хальч, Ветк.); На шчодрыкі пелі песні, пераадзіваліся ў казу, у цыганей, выварочвалі шубу наверх і адзявалі, вымазываліся сажай. Хто ўгашчаў харашо, тым пелі харошую песню, хвалілі хазяеваў, жадалі багатага ўражыя і багацтва. А хто нічога не даваў, таму пелі плахую песню, стыдзілі, нічога не жалалі (г. Ветка). Лексемы шчодры, шчадроўкі мелі таксама значэнне 'песні, якія выконваліся шчадроўнікамі': Шчадроўнікі ходзяць па дварах і пытаюць: «Шчодры нада?» Еслі ім атвечаюць, што нада, то яны заходзяць і пяюць песні. Капі заходзяць у хату, то кідаюць зярно і гавораць: «Хай той, хто тут ходзіць, у таго жыта родзіць!» Патом пяюць песню і каза танцуе. А патом каза падае і гаворюць шчадроўнікі: «Штоб каза устала, дайце хлеба, сала!». Хазяевы даюць пачастункі, і шчадроўнікі ўходзяць у другі двор (г. Ветка). Шчодрыкамі называлі таксама падарункі, якія выносілі гаспадары дома.

Гурт людзей, якія з песнямі на Каляды абыходзілі хаты вёскі, называлі каляднікі, калядоўшчыкі, шчадроўнікі, шчадрухі: А тады калядоўшчыкі паюць ва ўвесь голас, ходзяць па хатам да шчадруоўц (в. Ст. Сяло, Ветк.); Бабуля мая называла етых людзей шчадроўнікі (г. Ветка). Чалавека, які насіў зорку, называлі звязднік, звяздар: Хадзілі па хатах, усе нараджаліся ў чучалы, гралі на гармошке, бубне, барабанілі. Звяздар ці звязднік насіў звязду, якая абазначала шчасце, рабілі казу і хадзілі шчадраваць (г. Ветка).

Важнейшай рытуальнай стравай у гэтыя святы была куцця: Варылі тры куцці. Першая куцця была перад Ражаством, 6 январа, посная, галодная, варылі яе з ячменнай крупы, запраўлялі алеем і сахарам. Ставілі яе на кут, і як садзіліся есць, то хазяйка выходзіла на вуліцу і гаварыла: «Мароз, мароз, хадзі куццю есць!» Эта каб мароз не памарозіў пасевы. Другая куцця – шчадровая, багатая, была 13 январа, варылі яе з пшана, рысу, у каго што было, запраўлялі маслам, яйкамі, пасля хадзілі шчадраваць. Трэцяя куцця была посная, бедная, вадзяная перад Храшчэннем, 18 январа (г.п. Церахоўка, Добр.).

Традыцыйным абрадам калядных свят была варажба, гаданіе, гаданне. Варажылі перад Калядамі, перад Старым Новым годам і перад Вадохрышчам: Гадалі маладыя дзеўкі. Кідалі сапагі там, тухлі якія, буркі, валянкі, чобаты чараз плот. Куды насок глядзіць, туды замуж пойдзеш (в. Хальч, Ветк.); Складалі спічкі – рабілі ў галавах калодзеж. Хто прысніцца, што прыйшоў па воду – нарачоны; На выгане, на перакрэсці дарог гукалі: «Доля, доля – дзе ты» Як дзе сабака загаўкае, ці людзі загавораць, ці што-небудзь стукне – у той бок замуж выйдзеш; Мачылі ў калодзежы фартухі і беглі па вуліцы – у каго замерзне, у таго будзе мужык п'яніца; Вазьму камянік, кіну ў калодзеж. Вада ціха блішчыць – будзе з мілым мне вада добра жыць. А як вада бурчыць – будзе мяне мілы біць (в. Насовічы, Добр.); Гадалі перад Старым Новым годам. Блін спікэш, з гарачім бінам выскакваеш на ўліцу, хто сустрачаіцца – сын ці брат будзе (в. Ст. Сяло, Ветк.); На зеркала гадалі, пад поўнач, ставяць перад зеркалам свечкі і нешта кажуць (в. Вуць, Добр.).

Калядны цыкл свят завяршала Вадохрышча, якое ў дадзеным рэгіёне мае такія варыянтныя назвы Крашчэнне, Крашчэніе, Крышчэнне, Крешчэнье, Крешчэнне, Кршчэніе, Хрышчэнне, Храшчэнне, Хряшчэніе: Крашчэнне атмічалася 19 январа. У еты дзень пасвяцалі ваду, купаліся ў прорубях. Пасвяцоную ваду давалі піць дзецям і бальным. Ёй брызгалі там, дзе стаяў скот і храніўся ўражыя (г. Ветка); У Хрышчэніе хрышчыкі рысавалі на дзвярах, на варотах (в. Хальч, Ветк.); На Крашчэніе ва-

сямнаццага чысла у цэркву ідуць, у тры часы вадасяціе, ваду свецяць – вялікая вада называецца, а патам ужэ назаўтра свецяць, хрышчэнская, святая вада называецца, яе дома хранят (г. Ветка).

Да зімовых свят адносілася таксама Стрэчанне, Стречанне, Стрэценіе, Встрэчанне, Устрэчаньне, Стрэчанне, Грамніцы – праваслаўнае свята, якое адзначаецца 15 лютага, у народзе тлумачыцца як сустрэча зімы з вясною: На Стрэчанне зіма з вясной стрэчаюцца (в. Неглюбка, Ветк.); Стрэчанне – Грамніцы. На Грамніцы палавіна зіміцы; На Встрэчанне нада схадзіць у цэркву і прынесці святых свечачкі. А калі граза ці нешчасце якое ў доме, то нада іх запаліць – яны аберегаюць дом (г. Ветка).

Менш пашырана назва свята Увядзенне, Введзенне 'увядзенне ў храм Прасвятой Багародзіцы, якое адзначаецца 4 снежня': Увядзенне Святой Багародзіцы ў храм –эта значыць Марыя, маць Хрыста. У іх долга не было дзяцей, ані рэшылі: ужо хто ні радзіцца –эта божы дзіцёнак, і ў тры годзіка павялі её в царкавы, к Богу с узелочкам. І ана там васьпітывалась (г. Ветка).

Такім чынам, народныя назвы свят, якія бытуюць у гаворках Веткаўскага і Добрушкага раёнаў, вызначаюцца вялікай варыянтнасцю і разнастайнасцю формы. Яны адлюстроўваюць інтэнсіўныя міжэтнічныя кантакты, актыўнае руска-беларускае ўзаемдзеянне, звязанае з памежным становішчам даследаванага рэгіёна.

В.С. Новак

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, г. Гомель

АСАБЛІВАСЦІ АБРАДАВАГА ФАЛЬКЛОРУ БРАНСКА-ГОМЕЛЬСКА-ЧАРНІГАЎСКАГА ПАМЕЖЖА

Рэгіён Усходняга Палесся ў плане вывучэння традыцыйнай культуры асабліва цікавы, бо знаходзіцца ў цэнтры на стыку трох усходнеславянскіх этнасаў. «...Добрая захаванасць амаль да цяперашняга часу традыцыйных форм і элементаў народнай культуры і мовы, што адзначалася буйнейшымі даследчыкамі-славістамі, даюць падставы лічыць Палессе адным з тых «вузлавых» славянскіх рэгіёнаў, у адносінах да якіх у першую чаргу трэба ставіць задачу камплекснага вывучэння славянскіх старажытнасцей...» [1, с. 8]. На думку М.І. і С.М. Талстых, «арэальнае вывучэнне і картаграфаванне элементаў культуры на некаторай тэрыторыі мае «двойную» скіраванасць: яно, па-першае, устанавівае рэlevantныя для дадзенай тэрыторыі этнакультурныя межы і імкнецца іх інтэрпрэтаваць шляхам суднасенасці з вядомымі для той жа зоны археалагічнымі, гістарычнымі, моўнымі і г.д. межамі, а, па-другое, яно накіравана на сам аб'ект параўнання, г.зн. на вывучаемы фрагмент або элемент культуры, і імкнецца вызначыць яго праформу і высветліць шляхі яго эвалюцыі» [1, с. 15].

Звернемся да асобных аспектаў вывучэння традыцыйнай культуры славян Гомельска-Бранска-Чарнігаўскага рэгіёна, каб пераканацца ў прыярытэтнасці акрэсленых накірункаў даследавання. Напрыклад, структура абраду гукання вясны і наяўнасць у ёй элементаў у традыцыях жыхароў памежжа неаднолькавая. У беларусаў надзвычай развітай з'яўляецца вербальная частка. У вялікай колькасці зафіксаваны на тэрыторыі Гомельшчыны тэксты вяснянак-«закліканняў». Што датычыць рускай фальклорнай традыцыі, то ў абраднасці і паззіі гукання вясны пераважае акцыянальны кампанент, украінскі ж абрад сустрэчы вясны адрозніваецца рэпертуарам «звычайна-абрадавых песень» і прысутнасцю гульняў [2, с. 67–93].

Калі агульныя ўсходнеславянскія паралелі гэтага абраду ў цэлым добра вывучаны даследчыцай Г.А. Барташэвіч, то лакальныя яго формы і мясцовы сюжэтны склад вяснянак, найлепш прадстаўленых у ГБЧ-рэгіёне, даследаваны недастаткова. Этнічная ж традыцыя кожнай з зон Палескага памежжа фарміравалася як сукупнасць мясцовых традыцый, якія ў працэсе развіцця выпрацоўвалі агульныя рысы. У гэтым плане параўнанне рознаэтнічных сістэм лакальных фальклорных з'яў на ўзроўні розных жанраў уяўляецца надзвычай актуальным. Ажыццяўлення гэтай мэты можна дасягнуць у выніку правядзення сумесных экспедыцый на тэрыторыі ГБЧ-рэгіёна.

Даследаванне фальклорна-этнаграфічнай спадчыны на ўзроўні розных жанраў рэгіёна ГБЧ дае магчымасць выявіць тэндэнцыі фарміравання агульнай сістэмы традыцыйнай культуры памежжа, а таксама высветліць вагу кожнай з рэгіянальных зон у гэтым працэсе, ступень прысутнасці ў ёй нацыянальна спецыфічных элементаў. У гэтым плане асаблівай увагі заслугоўваюць украінскія звычкі «Маланка», «Таполя», рускія «падлюбныя песні», звычкі «овсень», траецкі рытуал аплаквання кветак, зімова шлюбная гульня «Жаніцьба Цярэшкі», абрад пахавання стралы, юраўскае валацобніцтва ў беларусаў.

Звернемся да канкрэтных матэрыялаў, напрыклад, абрад гукання вясны ў в. Печанюгі Н.-Северскага р-на Чарнігаўскай вобласці, як і ў жыхароў Гомельшчыны, суправаджаўся выкананнем песень-вяснянак. Калі ў в. Высокае Кармянскага р-на «па вадзе пускалі пльыць дошчачку, на якой клалі хлеб і запальвалі свечку», то ў в. Печанюгі «ў карзіні запалівалі куль саломы і пускалі па рацэ». Адначасова спявалі песні-вяснянкі. Своеасаблівае песеннае «перагукванне» непасрэдна было звязана з вышэй названым «рэчыўна-элементавым кодам»: «А ў той дзень, ужо пад вечар, людзямкі выходзілі да ракі і глядзелі на гэтую хімарадзь. А калі карзіна плыла паўз іх, яны пелі песні. Запеяць тут, а тады карзіна далей плыве, ужо пеяць там, дзесь далёка» (в. Печанюгі). У дадзеным абрадавым кантэксце, можна меркаваць, запаленая саломка, якая сімвалізуе адыход «усяго старога, звязанага з зімой», з'яўляецца элементам бінарнай апазіцыі, супрацьлеглым «адраджэнню прыроды, яе росквіту». Зафіксаваны ў в. Печанюгі і такая з'ява, як «ваджэнне танка». Адзначым, што гэта старажытнейшы жанр, у якім сінкрэтычна паяднаны харэаграфічныя, гульніва-драматычныя і спеўныя элементы.

Сціплыя звесткі, занатаваныя пра ваджэнне карагодаў на Чарнігаўшчыне, не даюць магчымасці больш глыбокага параўнання з абраднасцю і пазіцыяй стралы, шырока прадстаўленай на Гомельшчыне, хоць асобныя дэталі і сведчаць аб цеснай сувязі гэтых з'яў. У мясцовай традыцыі в. Печанюгі менавіта «на Благавешчанне вадзілі танок», удзельнічала ў асноўным моладзь. Асноўныя структурныя элементы «ваджэння танка» – калектыўнае шэсце ўдзельнікаў уздоўж вуліцы «туды-назад» з выкананнем песенных радкоў: «Хто танка ды ня вівадзя, // Той дзянька хай ня віжывя»; «бег дзяўчат адна за адной» ў суправаджэнні адпаведных песенных радкоў «Стары бабі да да цэркві ідуць, // А дзевачкі да танок вядуць, // Парабачкі сабіраюцца // Ды на шапачкі мяняюцца», абход («подбегам») кожнага з двароў з пажаданнямі «даброт усякіх», збор вечарам на «ігрышчы» («гулянкі»).

Цікавасць уяўляе такі па-мясцоваму адметны «аперацыйны» код, як прывязванне «доўгай зялёнай ленты да рукі, каб цягнулася па зямлі». Аграрна-магічную семантыку гэтых абрадавых дзеянняў растлумачылі самі інфарматыры: «Лента цягнецца – будзе трава высокая, скаціна будзе ўсё лета тоўстая, накармленая» (в. Печанюгі).

У вёсцы Хатунічы Гараднянскага р-на Чарнігаўскай вобласці абрад сустрэчы вясны распачыналі дзеці, якія, сабраўшыся гуртам, узяўшы з сабой спецыяльна выпечаных «жаўранкаў», выконвалі песні-вяснянкі на сюжэт «Ой, весна, весна, днём красна», а затым на пагорку вадзілі кругавы карагод і спявалі песню «журавель». Дзяўчаты і хлопцы ў карагодах выконвалі песні «Посіав я горошок на зеленой нивці», «Пры допіні мак...».

Фальклор на тэрыторыі Гомельска-Бранскага памежжа вылучаецца як агульнымі тэндэнцыямі бытавання, так і этнічна адметнымі рысамі. Запісы звестак ад Алены Мікалаеўны Андрыянавай, 1932 г.н., жыхаркі з Навазыбкава Бранскай вобласці, дазваляюць зрабіць вывад аб тым, што ў асноўным жанравы склад народнай песнятворчасці фарміруецца ў межах усходнеславянскай песеннай творчасці.

Даволі «поўна і разнастайна прадстаўлены ў рэгіёне цэнтральныя песенныя жанры, якія складаюць асноўную сэнсавую частку таго або іншага календарнага перыяду. У зімовым цыкле гэта калядкі і шчадроўкі, у вясеннім – заклікі, лірычныя і карагоды, у летнім – жніўныя песні. З сямейна-абрадавых добра захаваліся песні вясельныя, якія з’яўляюцца, дарэчы, сярод усіх традыцыйных абрадавых найбольш жыццяздольнымі па прычыне свайго практычнага выкарыстання амаль да цяперашняга часу» [3, с. 20].

На пытанне, як адзначаліся Каляды, інфарматар адказала, што ў іх мясцовасці (Навазыбкаў) «на Рोजдзество – постная, рождзественская куцця», «на новы год – багатая куцця, на Крашчэнне – галодная, бедная куцця» (Запісана ад Андрыянавай Алены Мікалаеўны, 1932 г.н., г. Навазыбкаў). На трэцюю куццю жыхары Навазыбкава хадзілі на раку, устаўлялі крыж з лёду, свяцілі ваду ў царкве, святар выконваў малебен. Аналагічныя рытуалы зафіксаваны і ў розных локальных традыцыях Гомельшчыны. Адметныя дэталі калядна-навагодніх святкаванняў – гэта той момант, калі «бацюшка до рэкі на голове несет крест, окунает его в воду». Як і ў беларусаў Гомельшчыны, вадзе, узятай з ракі на Вадохрышча, жыхары Навазыбкаўшчыны надавалі магічнае значэнне («вода храніцца всё время, для живых и для мёртвых»). Інфарматар падкрэсліла, што крыжыкі на вокнах, дзвярах і сценах малявалі «по кругу». Гэта рабілі невыпадкова, калі ўлічваць семантыку міфалагемы кола, звязанага з «колам жыцця». Акрэсліванне магічнага кола пры маляванні крыжоў – ахоўнае дзеянне ад нячыстай сілы.

Калі гаварыць пра іншыя святы народнага календара, то таксама можна заўважыць падабенства. Напрыклад, як і на Гомельшчыне, так і на Навазыбкаўшчыне са святам Саракі звязвалі прылёт сарака першых птушак – «скворцов», а на Масленіцу быў вядомы звычай «цягаць калодку». «В Брянской области девушки неженатому парню приносили колодку, но это, очевидно, уже влияние украинцев» [2, с. 90]. Блізкія і рытуалы на вербніцу ў рускіх і беларусаў памежжа: гэта асвячэнне галінак вярбы, захоўванне на працягу года, выган жывёлы ў поле, пасцёбванне пасвечанымі галінкамі вярбы кожнага з сустрэчнага з прыгаворам: «Не я б’ю, а вярба б’е, якая святая. Будзь здароў на весь год». Што датычыць Вялікадня, то агульнае традыцыйнае ў рытуалах гэтага свята жыхароў памежжа – ваджэнне карагодаў, качанне на арэлях, качанне як на магіле («катают яички, как бы мёртвых ведут домой на свята»). Адметны момант – наведванне могілак на Вялікдзень («на Пасху ходят в России на кладбище после того, как принесут в дом освещенную пасху»).

Прыведзеныя звесткі – гэта тая невялікая частка з усяго аб’ёму запісаных у палых экспедыцыях на тэрыторыі памежжа і расшыфраваных фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў рэгіёна ГБЧ, якія датычаць не толькі асобных відаў календарна-абрадавай, сямейна-абрадавай паэзіі, а таксама звестак па міфалогіі.

Спіс літаратуры

1. Толстых, С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья / С.М. Толстых, Н.И. Толстых // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 3–21.
2. Соколова, В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В.К. Соколова. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 288 с.
3. Елатов, В.И. Песни восточнославянской общности / В.И. Елатов; ред. Г.И. Цитович. – Минск: Наука и техника, 1977. – 248 с.

M.O. Lojko

Yanka Kupala State University, Grodno

SOCIALLY ORIENTED PERSPECTIVES ON ESP

In the literature on methodology there are many complaints in the essence of the shortcoming of the English for specific purposes (hereafter ESP) approach to English language teaching: that it teaches learners enough English to survive in certain narrowly defined venues but not enough to thrive in the world at large. Common complaints include the observation that texts used in ESP are too far removed from the real-life contexts that learners aim for, that the traditional cultures of students are not included in ESP courses and that many ESP instructors would not engage in the type of specialized language use [Belcher 2004; Widdowson 1998].

Then both the researchers and ESP practitioners are today forced to respond to critics by offering many ways to approach the teaching of ESP. Among team teaching, content-based, subject-linked area classes, and project and task-based learning genre based approach developed in Swales' works provides a tool for the identification, selection and analysis of texts appropriate to specific social situations [Swales 2000].

The other key element in Swales' definition of genre is the concept of the discourse community. The defining characteristics of a discourse community are social, in so far as «social» means that the members are marked by mutual intercourse, but not social in the sense of members living in the same community in one place. There may be considerable distance between the members of a discourse community ethnically and geographically, and they are unlikely to share an accent and they may but share the first language. A discourse community has a broadly agreed set of common public goals, has mechanisms of intercommunication between its members, own genres, has developed specific vocabulary, and has a number of experienced and novice members.

The concept of discourse community is of great help to the course designers, who can identify speakers and the means of communication within relevant communities, study the texts and structures of discourse and use the findings to construct teaching materials and tasks. A successful ESP course will prepare each student for the variety of social roles he needs and the notion that teaching conversation skills for social events is «general English» which has no place on an ESP course, reflects an outdated view of ESP.

For the ESP teacher, a further valuable insight is the emphasis to international character of many discourse communities. It changes the ultimate objective of the language learner striving for near-native communicative competence to the language needed to become part of the discourse community, even if only as a novice member. This, in its turn, raises the status of non-native speakers, both as communicators and as teachers, and encourages students to comprehend the ways in which specialist fields are international and that cut across political and geographical boundaries. Undergraduate courses at North American universities, particularly in the sciences, are increasingly being taught by international teaching assistants (ITAs). Their communication difficulties in the classroom have been the source of much hand-wringing and complaint, leading to a burgeoning number of studies. In this institutional setting, the commonly assumed distribution of knowledge between native and non-native speakers is reversed because the non-native teaching assistants are in the roles of experts while the native speakers of English are novices in their field of study. Communication strategies use as it was shown should be strongly constrained by the institutional setting in order to achieve mutual comprehension [Williams, Insoe and Tasker 1997].

There are other types of expertise infusion in ESP classroom like stimulation, motivation and immersion approach. One of these is instruction provided more often by dual specialist professionals, such as an attorney and ESP specialist. Sometimes the most significant subject-area resources in an ESP class are the class members themselves. One English for business purposes program in New York City strives for a diverse mix of inexperienced and experienced professional business learners to provide both a more realistic mixed-expertise environment and a more collaboratively informed one. Some ESP programs have moved closer to target contexts by taking their students to various field-related environments. In the New York City business English program referred to above, the classes are located not only in School of Business, but the students visit Wall Street to meet with an executive to discuss international business issues. ESP specialists who utilize such strategies report that the activities' impact on learner motivation and progress is great.

It is well known that medium has an effect on mode, that developments in communications alters communication, that technologies advances lead to different modes of language use, different genres. The rapid development in electronic communications will have radical effects on the way we conduct communicative affairs. In ESP teaching both researchers and language practitioners discover the advantages of new technologies, e.g. video cameras and network computers, and resulting access to virtually real-world settings. Technology facilitates not just recording, collecting, and analyzing of real interaction data but also generation of teaching materials from those actual situations – lawyer/client, businessman/customer interactions. Traditional approach involving solitary instructor interpretation of genres and professional settings through document analysis, surveys, and interviews are viewed as inadequate input.

However, there are implications of wider significance too which should not be disregarded. The cultural conventions of different professional discourse communities will provide for effective in-group communication and ESP classroom teaching should be concerned with that as well.

Literature

1. Belcher, D. Trends in teaching English for specific purposes / D. Belcher // Annual Review of Applied Linguistics. – 2004. – Vol. 21. – P. 165–186.

2. Swales, J. Languages for specific purposes / J. Swales // Annual Review of Applied Linguistics. – 2000. – Vol. 20. – P. 56–76.

3. Widdowson, H. Communication and Community: The Pragmatics of ESP/ H.G. Widdowson // English for Specific Purposes. – 1998. – Vol. 17(2). – P. 3–14.

4. Williams, J. Communication strategies in an interactional context: the mutual achievement of comprehension / J. Williams, R. Insoe, T. Tasker // Communication Strategies: psycholinguistic and sociolinguistic Perspectives / edit. by Gabriele Kasper and Eric Kellerman. – New York: Addison Wesley Longman, 1998. – P. 304–344.

Г.Ч. Мазько

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна

ЛАЦІНСКАЯ МОВА ЯК ЧЫННІК МІЖКУЛЬТУРНАЙ КАМУНІКАЦЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У XVI – XVII СТАГОДДЗЯХ

Латинская мова... Мова антычных філосафаў, прамойцаў і паэтаў, адна з самых старажытных моў. Яна гучала ў рымскім сенаце, у знакамітых тэрах, у старажытных

бібліятэках і на вуліцах антычных гарадоў шмат стагоддзяў таму. Больш за паўтары тысячы гадоў лацінская мова была мовай культуры і літаратуры, навукі і філасофіі, дыпламатыі і рэлігіі для многіх народаў Заходняй і Цэнтральнай Еўропы. Ад Ірландыі да Італіі і ад Польшчы да Іспаніі адукаваныя людзі пісалі навуковыя працы, вялі афіцыйныя справы і асабістыя стасункі на латыні. На лацінскай мове пісалі міжнародныя дамовы, вяліся дыпламатычныя перамовы, навучалі ў школах і універсітэтах, стваралі вершы і хронікі, узносілі малітвы да Бога. На лацінскай мове былі закладзены асновы навуковай тэрміналогіі амаль усіх дысцыплін. Нават пасля таго, як нацыянальныя мовы паступова выціснулі лацінскую мову з навуковай літаратуры, яна яшчэ доўгі час захоўвалася ў якасці асноўнай у асобных галінах ведаў. Менавіта лацінская мова звязвала ў адзінае цэлае і фармавала тое, што зараз мы называем Еўропай. Можна з пэўнасцю сцвярджаць, што ў гэты час яна з'яўлялася магутнейшым чыннікам міжкультурнай камунікацыі ў Еўропе – спалучала ў адзінае мноства нацыянальных культур, народаў, краін.

Не былі выключэннем з гэтага і землі Вялікага княства Літоўскага. Менавіта дзякуючы лацінскай мове гэтая дзяржава, а таксама і культуры яе народаў сталі часткай агульнаеўрапейскай прасторы. Лацінская мова сталася тут чыннікам камунікацыі ў розных сферах жыцця: дыпламатыя, рэлігія, адукацыя, кнігавыдавецтва, літаратурная дзейнасць.

Пранікненню на беларускія землі лацінскай мовы спрыяла пашырэнне хрысціянства заходняга абраду – каталіцызму, мовай богаслужэння якога яна з'яўлялася. Лацінская мова забяспечвала адзінства той супранацыянальнай супольнасці, якую складалі вернікі-католікі. Можна пагадзіцца тут з В.І. Дарашкевічам, што хрышчэнне гістарычнай Літвы было станючым актам, які спалучыў гэтыя землі ў агульны кантэкст з заходняй цывілізацыяй [1, 21].

З канца XVI ст. пад уплывам Польшчы лацінскую мову сталі ўжываць у судовым справаводстве і ў дзяржаўна-адміністрацыйных установах, а таксама ў дыпламатычнай перапісцы з замежнымі краінамі. Так, з пачатку XIV ст. і амаль да сярэдзіны XVI ст. існаваў падзел Вялікакняскай канцылярыі на два аддзелы, сфарміраваныя па моўнаму прызнаку, – «руская канцылярыя» і «лацінская канцылярыя». Кожны з аддзелаў меў свой уласны штат, які складалася адпаведна з «рускіх» і лацінскіх пісараў-сакратараў. Першапачаткова «лацінская канцылярыя» абслугоўвала пераважна знешнія інтарэсы дзяржавы: стасункі з заходнееўрапейскімі дзяржавамі вяліся на лацінскай мове, а з паўднёвымі суседзямі – на лацінскай і грэчаскай адначасова (у два слупкі: адзін на грэчаскай, другі – на лацінскай мове). Але ўжо ў XVI ст. «лацінская канцылярыя» абслугоўвае і ўнутраныя справы, таму што ўнутры ВКЛ існавала і расла група спажывцоў лацінамоўных дакументаў: жыхары Падляшша, каталіцкая царква і яе прадстаўнікі. Некаторыя шляхціцы імкнуліся атрымаваць вялікакняжацкія прывілеі, якія абавязкова былі напісаныя па-лацінску.

З другой паловы XVI ст. лацінская мова становіцца састаўной часткай культурнага жыцця не толькі дзяржаўнай канцылярыі, але і гарадскога насельніцтва. Асаблівае значэнне ў культурным жыцці беларускіх гарадоў у XVI–XVIII стст. надавалася пашырэнню асветы, школьнай справе. У гэты перыяд часу лацінская мова з'яўлялася неад'емнай часткай адукацыйнага працэсу ў гарадах ВКЛ. У першых беларускіх школах навучальныя праграмы былі складзены на ўзор праграм навучальных устаноў Заходняй Еўропы. Яны ўключалі пачаткі граматы і веравучэння, рыторыку, чытанне класічных і хрысціянскіх аўтараў, а таксама некаторыя прадметы з цыклаў «trivium» (граматыка, рыторыка, дыялектыка) і «quadrivium» (геаметрыя, арыфметыка, астраномія, музыка). Асноўным накірункам у навучанні было авалодванне лацінскай мовай, якая займала дамінуючае становішча ў вучэбных праграмах. Чытанне антычных аўтараў як узораў класічнай латыні давала вучням магчымасць далучыцца да антычнай

культуры. Знаёмства ж з хрысціянскімі аўтарамі і тэкстам Вульгаты далучала іх да хрысціянскай лацінскай традыцыі.

Праэстыж адукацыі на беларускіх землях быў даволі высокі. Пра гэта сведчыць той факт, што некаторыя прадстаўнікі шляхты і магнатаў мелі два, а нярэдка і тры дыпломы розных універсітэтаў. Паколькі да другой паловы XVI ст. у ВКЛ не было вышэйшых навучальных устаноў, то за ўніверсітэцкімі ведамі людзі накіроўваліся ў краіны Заходняй Еўропы, дзе выкладанне вялося на лацінскай мове. Навука і адукацыя па сваёй сутнасці з'ява інтэрнацыянальная. Таму наяўнасць побач з нацыянальнай мовай мовы адзінай, якая б служыла мэтам міжнародных стасункаў, з'яўляецца станоўчым фактарам. З гэтай прычыны пазіцыі лацінскай мовы ў сістэме адукацыі ВКЛ аказаліся вельмі ўстойлівымі. Да таго ж, лацінская мова давала магчымасць беларусам не толькі прылучацца да еўрапейскай адукацыйнай прасторы, але і карыстацца адзіным з еўрапейскімі народамі сігніфікатыўным кодам культуры – міфамі, мастацкімі вобразамі, агульнаразумелымі прымаўкамі і прыказкамі. Усё гэта для насельніцтва ВКЛ давала лацінамоўная адукацыя.

Але лацінская мова служыла не толькі выключна для адукацыйных мэтаў. Так, той факт, што яна ўключалася таксама і ў праграмы школ праваслаўных брацтваў і пратэстанцкіх гімназій, сведчыць пра тое, што гэтая мова з'яўлялася сапраўдным чынікам як міжкультурнага, так і міжэтнічнага дыялогу. Тым больш, што вывучэнне лацінскай мовы ў школах не выклікала пярэчання з боку праваслаўных дзеячаў. Сярэдневяковая латынь як мова заходнееўрапейскай навукі выконвала тут адразу тры сацыяльна-культурныя функцыі. Найперш, яе вывучэнне было патрэбна для павышэння аўтарытэту брацкіх школ. Па-другое, яе вывучэнне мела і практычныя мэты – неабходнасць весці палеміку з езуітамі. Па-трэцяе, веданне лацінскай мовы было неабходна для таго, каб атрымаць вышэйшую адукацыю.

Значны ўплыў на культуру і духоўнае жыццё беларускага народа аказвала выдавецкая дзейнасць. «...у межах этнічнай Беларусі ў XVI–XVII стст. дзейнічала прыкладна 30 друкарняў, што выдавалі кніжкі на старабеларускай, царкоўнаславянскай, польскай, лацінскай і іншых мовах» [3, 22]. Друкарні дзейнічалі ў такіх гарадах, як Вільня, Мінск, Гродна, Іўе, Ашмяны, Любча, Магілёў, Слуцк, Полацк, Слонім. Іх дзейнасць сведчыць аб засваенні беларускім грамадствам новых форм культуры. Лацінская кніжная спадчына ўключае не толькі творы мастацкай літаратуры, але і трактаты па рыторыцы, этыцы, філасофіі, рэлігіі, працы па матэматыцы, астраноміі, гісторыі, геаграфіі, музыцы, школьныя падручнікі. Дынаміку выдання кніг на лацінскай мове можна ілюстраваць наступнай табліцай.

гады	Лацінскія выданні	
	У ВКЛ	За мяжой
1561-1570	8	8
1571-1580	44	28
1581-1590	84	22
1591-1600	115	16
1601-1610	69	33
1611-1620	96	14
1621-1630	76	21
1631-1640	112	10
1641-1650	146	40
1651-1660	53	58
1661-1670	63	28
1671-1680	83	15
1681-1690	119	21
1691-1700	88	19

Прыведзеныя дадзеныя пацвярджаюць той факт, што кнігі на лацінскай мове былі неад'емнай складовай часткай беларускай культуры [6]. Па словах літоўскага даследчыка Эдуардаса Гудавічуса, друкаваныя кнігі, якія захлынулі край, азначалі ўжо еўрапейскі ўзровень навучання і пазнання, а таксама сведчылі пра тое, што лацінская сістэма навучання склалася яшчэ ў першай палове XVI ст. [5, 59]. Широкая распаўсюджанасць і папулярнасць лацінамоўнай літаратуры сведчыць пра высокі ўзровень адукаванасці значнай часткі гарадскога насельніцтва, пра яе ўключанасць у міжкультурны еўрапейскі дыялог.

Да выдання кніг на лацінскай мове спрычыніліся многія выкладчыкі школ і калегіумаў. У 1585 годзе ў мястэчку Іўе на Гродзеншчыне была адчынена школа, рэктарам якой быў прызначаны выхадзец з Сілезіі Ян Ліцынін Намыслоўскі, паэт, педагог, паслядоўнік Сымона Буднага, выпускнік Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве. Ян Намыслоўскі лічыцца адным з пачынальнікаў свецкай адукацыі на Беларусі. Ён напісаў падручнік па логіцы «Дапаможнік для авалодання вучэннем Арыстоцеля», які надрукаваў у Лоску (зараз Валожынскі раён) у 1586 годзе на лацінскай мове пад псеўданімам Gracianus Proserp. Гэтае выданне мела практычную мэту: не толькі даць вучням асновы логікі, але і падрыхтаваць іх для правядзення дыспутаў са сваімі ідэалагічнымі праціўнікамі. У 1589 годзе ў Лоскім друкарскім двары выдадзены яго вучэбны дапаможнік «Сентэнцыі, неабходныя ў грамадскім жыцці». Ён уяўляў сабою вершаваны зборнік маральна-этычных выказванняў. У кнізе ўспляўляліся веды і людзі, якія да іх імкнуцца, усхваляўся чалавечы розум як самая высокая каштоўнасць. «Сентэнцыі...» асуджалі марную трату часу і заклікалі да карыснай працы. Кожнае выказванне было пададзена на трох мовах: лацінскай, нямецкай і польскай. Гэта дае падставы лічыць зборнік Намыслоўскага першым дапаможнікам па замежных мовах. «Сентэнцыі...» Намыслоўскага – арыгінальная праца, якая не мела аналагаў у працах тагачасных еўрапейскіх аўтараў, што з'яўляецца сведчаннем высокага ўзроўню беларускай культуры. Да параўнання, вядомыя «Максімы» Ларошфуко з'явіліся ў Францыі ў 1665 годзе, гэта значыць на 76 гадоў пазней.

У навучальных установах Навагрудка і Гродна працаваў вядомы матэматык Іван Макціяновіч. Працяглы час ён узначальваў кафедру геаметрыі ва ўніверсітэце ў Вільні. У 1761 годзе ён выдаў на лацінскай мове падручнік «Praelectiones mathematicae» («Уступны курс лекцый па матэматыцы»). Аўтар падае ў падручніку асноўныя пачаткі арыфметыкі, геаметрыі, трыганаметрыі і алгебры.

Пэўны час рэктарам Слуцкай кальвінісцкай гімназіі быў дзєзч рэфармацыйнага руху ў ВКЛ Рэйнальд Адам. Разам з іншымі выкладчыкамі Адам склаў статут школы «Ordo scholae Slucensis», які быў выдадзены ў Любчы ў 1628 годзе. «Статут уключаў зварот да чалавечай, праграму 4 класаў, метадычныя ўказанні, апісанне пазашкольных заняткаў, правілы паводзін для вучняў і настаўнікаў [...]. Статут Слуцкай школы сведчыў аб пранікненні новых прагрэсіўных, гуманістычных тэндэнцый у рэфармацыйную педагогіку таго часу» [2, 168]. У Любчы каля 1630 года быў выдадзены напісаны Адамам падручнік рыторыкі «Compendium rhetoricum ... in usum Scholae Slucensis» («Кароткі дапаможнік па рыторыцы ... для карыстання ў Слуцкай школе»). Дапаможнік змяшчае тры асноўныя часткі: «Метад, пытанні і каноны», «Азначэнні ўсяго мастацтва красамойства», «Спецыяльная рыторыка».

Тое, што гэтыя і іншыя працы выдаваліся на лацінскай мове, рабіла іх здабыткам не толькі беларускай культуры і навукі, але і шырокага кола еўрапейскіх спажывцоў, спрыяла ўключэнню беларускай культуры ў сумоўе іншых еўрапейскіх культур. Так,

напрыклад, вялікай папулярнасцю карысталася праца віленскага прафесара Зыгмунта Лаўксміна «Praxis oratoria sive praeepta artis rhetoricae». Кніга была выдадзена 14 разоў у розных заходнееўрапейскіх гарадах (Франкфурт-на-Майне, Кёльн, Прага і інш.).

Яшчэ адна ўласцівасць выкарыстання лацінскай мовы – яе універсалізм. Не сакрэт, што ўжо ў канцы XVII ст. іншыя мовы выконвалі функцыю сацыяльнай і, пазней, нацыянальнай стратыфікацыі грамадства. Так, беларуская паступова зводзілася да мовы сацыяльных нізоў, польская ж набывала статус мовы набілітэту. У канцы XVIII ст. гэта ўжо будзе і нацыянальны падзел: беларуская выступіць як мова сялянскага этнасу, а польская – этнасу шляхецкага. У адрозненне ад гэтых моў, лаціна з’яўлялася сацыяльна і нацыянальна нейтральнай. Яна выступала як мова ўсіх – не належыла ніякаму акрэсленаму народу, не фармавала іерархіі сярод тых, хто ёй карытаўся, не стварала ніякіх пануюча-падпарадкавальных сувязей. Гэты яе відавочны эгалітарызм надаваў ёй прывабнасць сярод прадстаўнікоў розных народаў і сацыяльных груп [7, 462].

І яшчэ адзін момант, на які варта звярнуць увагу – гендэрны аспект. Паколькі фармальна адукацыя, якая прадугледжвала абавязковае навучанне лацінскай мове, была ў гэты час даступна толькі адным мужчынам, дык можам таксама сцвярджаць, што была яна мовай мужчынскай. Жанчыны, як правіла, не карысталіся ёй. Напрыклад, лацінскія лісты Барбары Радзівіл пісаў сакратар, хаця на польскай мове яна пісала ўласнаручна [4, 390].

Такім чынам, выкарыстанне лацінскай мовы ў навучанні, шырокая распаўсюджанасць лацінамоўнай літаратуры з’яўляюцца падставай для сцвярджэння, што беларускія землі былі значнымі асяродкамі культуры еўрапейскага ўзроўню. Іх жыхары мелі магчымасць пры пасрэдніцтве лацінскай мовы далучацца да ведаў, асветніцкіх ідэй, маральных і духоўных каштоўнасцяў. Лацінская мова была не проста мовай навукі, адукацыі, дыпламатыі, афіцыйных дакументаў. Для адукаванай часткі насельніцтва яна была своеасаблівай *inter lingua*, якая давала магчымасць стварэння адзінай сістэмы навучання, адзінай акадэмічнай прасторы не толькі ў межах ВКЛ, але і ўсёй Еўропы. Дзякуючы лацінскай мове, на Беларусі распаўсюдзіліся культурныя традыцыі антычнасці. Гэта дапамагала беларускай эліце зынтэгравацца з інтэлектуальнай прасторай Заходняй Еўропы, у якой антычная культура ў розных формах функцыянавала ўжо стагоддзі.

Спіс літаратуры

1. Дорошкевич, В.И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Первая половина XVI в. / В.И. Дорошкевич. – Минск: Наука и техника, 1979. – 208 с.
2. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. Энцыкл. – Мінск: БелЭн., 1995. – 671 с.
3. Саверчанка, І. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І. Саверчанка. – Мінск, 1998. – 319 с.
4. Ališauskas, V. Mowa i pismo / V. Ališauskas // Kultura Wielkiego księstwa Litewskiego: analizy i obrazy. – Kraków, 2006. – S. 371–393.
5. Gudavičius, E. The Road of Book to Lithuania / E. Gudavičius. – Vilnius, 1998. – 140 s.
6. Narbutas, S. Ruch wydawniczy / S. Narbutas // Kultura Wielkiego księstwa Litewskiego: analizy i obrazy. – Kraków, 2006. – S. 619–636.
7. Waquet, F. Łacina – język powszechnej komunikacji? / F. Waquet // Łacina jako język elit. – Warszawa, 2004. – S. 461–474.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ

Любые социальные изменения так или иначе преломляются в личной судьбе каждого, определяя социальное жизнеощущение, социальное самочувствие людей. Процесс реформирования села, направленный на преобразование агропромышленного комплекса, изменение форм собственности, внедрение социальных стандартов обслуживания населения, строительство агрогородков, затронул практически все сферы жизнедеятельности крестьянина. В связи с этим при оценке реализации реформ на селе важно учитывать социальное самочувствие населения. Социальное самочувствие выступает интегральной характеристикой удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением и проявляется как эмоционально-оценочное отношение индивида к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе, к различным аспектам собственной жизнедеятельности, к реализации жизненных целей и перспектив. В качестве «измерителей» социального самочувствия выступают показатели, отражающие оценку респондентом различных аспектов своей жизни, его внутреннее состояние (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма), а также прогноз относительно изменения своей жизни в будущем.

Условия и образ жизни, а также характер восприятия тех или иных преобразований и социальное самочувствие населения в значительной мере обусловлены особенностями регионального развития. Различия в географических, природно-климатических, историко-культурных условиях формирования и функционирования территорий, влияние граничащих государств, специализация промышленности и сельскохозяйственного производства определяют необходимость рассмотрения социального самочувствия сельского населения в западных (Брестская, Гродненская области) и восточных (Гомельская, Могилевская, Витебская области) регионах Беларуси.

Как показывают результаты республиканского опроса сельского населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2009 году (опрошено 727 работающих жителей села, из них в восточном регионе (Гомельская, Могилевская, Витебская области) 311 человек, в западном (Брестская, Гродненская области) – 227 человек, половина респондентов (51,4%) отмечает улучшение жизни в своем селе, агрогородке, чуть более трети (34,1%) не находят никаких изменений, однако каждый десятый (11,4%) считает, что жизнь в его населенном пункте ухудшилась. Распределения оценок в западных и восточных областях Беларуси в целом повторяют сложившуюся картину, однако в восточных регионах доля тех, кто отмечает ухудшение жизни в своем населенном пункте, более чем в два раза превышает число негативных оценок в западных областях (16,1% и 7,2% соответственно). Значительно выше в восточных регионах и число тех, кто отрицательно оценивает изменения, произошедшие в собственной жизни: 17,4% в восточном регионе и 9,5% – в западном.

Важным фактором социального и психологического самочувствия является материальное положение. Более половины опрошенных оценивают материальное положение своей семьи как среднее, в большей степени такие оценки присущи жителям села западных областей (74,4% респондентов в западных и 59,2% в восточных областях). Примерно равное число сельчан в восточном регионе дали противоположные оценки своему материальному положению: 17,8% оценили его как хорошее или скорее

хорошее и 17,1% – как плохое или скорее плохое; для жителей села западных областей число положительных и отрицательных оценок составило 9,2% и 12,8% соответственно. Сельчане восточных областей в большей степени чем западных склонны отмечать ухудшение всех показателей своего материального положения: благосостояния (13,8%), доходов (17,8%) и заработной платы (19,0%), для западных регионов эти цифры составили: 5,3%, 8,1% и 9,5% соответственно.

Одним из важнейших показателей социального самочувствия населения является физическое и психологическое здоровье. Как показывают результаты опроса, жители села в восточных регионах несколько хуже оценивают состояние здоровья как собственного, так и своих односельчан. Так, при оценке здоровья односельчан доля ответов «плохое» или «скорее плохое» составила соответственно 4,4% и 9,4% для западных и восточных областей. При оценке собственного здоровья ответы респондентов оказались еще более пессимистичными. Если в западных регионах число сельчан, оценивающих свое здоровье как плохое или скорее плохое, составляет 8,4%, то в восточных областях – 16,6%. Об ухудшении здоровья за последние 5 лет свидетельствуют ответы 35,4% жителей агрогородков и сел в западных областях и 44,6% – в восточных. Такая картина во многом определяется менее благополучной экологической ситуацией в восточных областях республики, наиболее пострадавших от последствий аварии на Чернобыльской АЭС (при ответе на открытый вопрос о причинах ухудшения здоровья жителями Гомельской и Могилевской областей указывались плохая экология и радиация, для других областей такие ответы не характерны). В то же время, полученные данные позволяют судить о том, что ухудшение состояния здоровья сельчан как западных, так и восточных регионов во многом обусловлено субъективными факторами. Среди наиболее значимых причин ухудшения своего здоровья респонденты указали недостаток времени для отдыха (50,0% в западных областях и 45,4% в восточных), тяжелый труд (27,5% и 29,6%), а также отсутствие привычки следить за своим здоровьем (25,8% и 25,0%). Среди значимых причин плохого здоровья – вредные привычки: несбалансированное питание указал каждый десятый житель западных и восточных областей (12,5% и 9,7% соответственно). Курение и употребление спиртных напитков оказались более значимыми факторами ухудшения здоровья для жителей села восточных регионов. Так, курение в качестве причины ухудшения своего здоровья указали 14,3% респондентов в восточных регионах и 7,5% в западных, злоупотребление спиртным – 4,6% и 2,5%.

Среди основных причин пристрастия сельчан к крепким напиткам – отсутствие других развлечений, мест и способов проведения досуга – так считают 36,5% опрошенных в западном регионе и 40,2% в восточном. Для западного региона несколько более значимы такие факторы как распространенность питейных традиций на селе (29,7% для западных областей и 17,6% для восточных) и излишняя доступность дешевых спиртных напитков (28,8% и 22,0%), а в восточных областях респонденты чаще указывали на отсутствие заинтересованности в сельскохозяйственном труде – 34,1% (для западных – 23,4%) и отсутствие работы – 10,5% (для западных – 3,2%).

Помимо физического здоровья важным фактором социального самочувствия является состояние психоэмоциональной сферы: испытываемые страхи, тревоги, настроения и т.п. Наибольшую тревожность у жителей села как в западных, так и в восточных областях вызывают возможность снижения доходов, возможность болезни и смерти близких, а также последствия для Беларуси глобального экономического и финансового кризиса: более 70% респондентов в той или иной степени обеспокоены этими проблемами во всех регионах республики. Более чем у половины тружеников села, независимо от региона проживания, состояние психологического дискомфорта вызывают возможность неполучения или задержки зарплаты, угроза преступности, необходимость мате-

риальных затрат на образование детей. В то же время, следует отметить, что уровень тревожности у жителей села восточных регионов несколько выше, чем в западных областях. Для сельского населения восточных областей более пугающими явились такие обстоятельства как возможность потери работы (этой проблемой в той или иной мере обеспокоены 54,8% респондентов, проживающих в восточных регионах, и 46,5% жителей села западных областей), необходимость переобучения и смены профессии (25,5% и 16,9% в восточных и западных областях соответственно), а также необходимость освоения новой техники и технологий на рабочем месте (27,4% и 17,8%).

Результатирующим показателем социального самочувствия является субъективная уверенность индивида в своем будущем. Как показывают результаты исследования, более половины сельчан независимо от места проживания испытывают неопределенность относительно своего ближайшего будущего (50,0% в западных областях и 58,3% в восточных), не предвидят никаких изменений в собственной жизни 14,6% жителей села в западных областях и 19,5% в восточных. Доля оптимистов, считающих, что их жизнь улучшится через год, значительно выше в западных регионах – 33,2% (в восточных – 16,6%), а число тех, кто предполагает ухудшение своей жизни больше в восточных областях – 5,5% (в западных – 2,2%).

Проведенный сравнительный анализ выявил более низкие оценки по всем рассмотренным характеристикам социального самочувствия у работающих жителей села восточных регионов Беларуси. Они склонны ниже, чем сельское население западных областей, оценивать жизнь в своем селе и свою жизнь в целом, материальное положение и здоровье, демонстрировать более высокий уровень тревожности и давать более пессимистичные прогнозы относительно изменений своей жизни в будущем. Поскольку социальное самочувствие является индикатором успешности процесса адаптации населения к социальным изменениям, именно изучение основных его показателей служит неперенным условием корректировки процесса реформирования и принятия оптимальных управленческих решений на уровне конкретного региона. Таким образом, система научных критериев оценки темпов и хода реформ должна дополняться блоком социологических показателей, центральное место в котором занимает оценка социального самочувствия населения.

О.А. Соболевская

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В МЕМУАРАХ ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В богатой лимнологической литературе современности подчёркивается многоаспектность понятий «граница» и «пограничье». Горячо соглашаясь с мыслью Д. Гринберга [1, с. 197] об их текучести и неопределённости и чрезвычайно косвенной связи с линией, проведённой на карте, обратим особое внимание на несводимость «пограничья» к географическому или политическому восприятию. Границы существуют не только в пространстве, но и во времени, в сознании человека, внутри конкретной культуры в виде субкультур. Целью данного исследования является описание культурно-темпорального пограничья. В ходе него будут изучены способы перехода из одного «культу-

турного мира» в другой: из жёстко регламентированной, консервативной традиционной культуры евреев-литваков в мир доминирующей российской культуры. Этот путь пролегал через аккультурацию: принятие нового образа жизни, языка, одежды, образования, пересмотр места религии в картине мира. Для белорусских евреев, о которых пойдёт речь, хронологические рамки этого процесса – это вторая половина XIX – начало XX столетия.

В качестве источников выступают мемуары евреев белорусской части российской черты оседлости: П. Венгеровой и А.П. Выгодской. Наш интерес именно к женским мемуарам обусловлен редкостью этого типа источников. Исключённые из активного религиозного служения, еврейские женщины редко получали хорошее образование, а их духовная жизнь обычно сосредотачивалась вокруг педантичного исполнения религиозных постановлений, связанных с ведением хозяйства, и ежедневными молитвами. Они были склонны к рефлексии, но редко имели желание и возможность поделиться её результатами с читателем. Это повышает ценность воспоминаний Полины Венгеровой и Анны Выгодской.

Они принадлежали к разным поколениям: П. Венгерова родилась в 1833 г. и описала 30–80-е гг., А. Выгодская – в 70-х гг., она рассказала о событиях 70–90-х гг. XIX века. Авторы роднит место действия – черта еврейской оседлости и столица, судьбы обеих связаны с Бобруйском, Вильно и Санкт-Петербургом. Обе росли в глубоко патриархальных традиционных еврейских семьях, весь уклад которых был пронизан религиозным духом, а затем, кто по собственному желанию, а кто и против воли, перешли к европейскому образу жизни. Это даёт возможность полнее представить особенности духовной атмосферы в еврейском обществе второй половины XIX века, когда замкнутость его стала разрушаться, и представители этого мира столкнулись с трудностями «перехода границы».

Мемуары – особый источник, потенциал которого не до конца использован историками: их создают, чтобы оставить в памяти потомков светлый след, оправдаться перед современниками, преувеличить собственную роль в событиях, пусть *post factum*, но настоять на собственном видении истории, расквитаться с врагами. Да и пишут мемуары в основном на склоне лет, когда многих подводит память. Но в этой субъективности есть и сильная сторона: ни один другой источник не позволяет так полно представить психологию человека, мотивы поступков, духовные ценности эпохи и социальную мифологию. Без эмоциональности и субъективности воспоминаний очевидцев любой рассказ о прошлом превратится в сухую статистическую справку. Сопоставление мемуаров, верификация их другими типами источников способны исправить некоторую тенденциозность авторов.

Обе мемуаристки рассказывают о духовной атмосфере замкнутого традиционного еврейского мира, вся жизнь которого сосредоточена вокруг синагоги и Талмуда. Для старшего автора, Полины Венгеровой, воспоминания о нём овеяны ностальгией. Это своего рода золотой век, добрые старые времена, поскольку строгая регламентация межчеловеческих взаимоотношений исключала внутрисемейные конфликты, мир был понятен и предсказуем, общество сплочённо. Она с любовью описывает покой и уют, скромные удовольствия в стенах родного дома. «Люди жили спокойно, хорошо и долго, отдавали Богу Богово и брали от жизни то, что их устраивало. В формах их жизни присутствовала обрядность и глубокая символика, чего никак нельзя сказать о церемониях и нравах теперешнего общества» [2, с. 96]. С точки зрения младшей мемуаристки, повседневность маленького еврейского городка скучна, сонна и монотонна. Любая реформа встречала здесь отпор, это «стоячее болото», которому присуща «духовная нищета», – не щадила эпитетов, описывая Бобруйск 70-х гг. XIX века Анна Выгодская [3, с. 27].

При оценке перемен, произошедших в еврейской жизни в конце XIX века, П. Венгерова старается быть объективной, но в результате текст насыщается противоречиями. Она приветствует мероприятия правительства, направленные на европеизацию евреев: «Мне посчастливилось жить в период масштабных реформ Николая I, повлекших за собой духовную и даже физическую регенерацию евреев». Деятельность Александра II и вовсе приобретает библейский размах: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. Взошло золотое солнце и своими лучами пробудило все сокрытые до сих пор семена жизни (...). В эту блестящую эпоху снова пробудился и обрёл новые силы закабалённый дух евреев. Теперь еврей принимал участие в радостном оживлении великого народа, в подъёме искусств и ремёсел, в развитии наук, внося свою лепту в духовное богатство страны» [2, с. 97, 212].

Однако чаще, когда речь идёт о том, чем еврейству пришлось заплатить за аккультурацию, в словах мемуаристки слышится горькое сожаление: «Другие народы берут из современных и чуждых идей только то, что соответствует их характеру, сохраняя при этом свою идентичность. Еврейский народ почти всегда усваивает новое не иначе как ценой отречения от старого, от самого своего исконного и священного» [2, с. 246]. В этих сроках звучит голос старшего поколения, противников еврейского просвещения, Гаскалы, точка зрения, которая преобладала среди евреев-ливаков Беларуси вплоть до начала XX века.

Особенно ортодоксальными оказывались при этом именно женщины, ведь мужчины, которые начали с самообразования и изучения «чужих» языков, затем настойчиво вторглись в святая святых женского мира – семью и воспитание. Для Венгеровых это закончилось трагично: сыновья пошли дальше отца. Если он скорее внешне европеизировал домочадцев, переодев их в модные костюмы, заставив принять язык, праздники и кухню, пришедшие из мира доминирующей культуры, то они довершили дело крещением и полным отходом от еврейства. Полина Венгерова видит в своей истории отражение общественной ситуации, она подчёркивает, что постепенно её страдания переросли масштабы личной драмы: «Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил» [2, с. 287]. Зная результат невинно начавшегося процесса, она не могла не оценить мудрость старшего поколения, которое считало русские, польские и немецкие книжки «духовной контрабандой» и с позором изгоняло их из своих домов.

Мемуарная литература позволяет проследить основные способы преодоления культурных границ замкнутого мира еврейской традиции. Наиболее распространённый из них – это путь Гаскалы. Сторонники этого учения полагали, что еврейская культура должна обогатиться современными научными достижениями и встать на путь взаимовыгодного контакта с инокультурным окружением. Эта дорога пролегла через тайное изучение немецкого языка по сурово гонимым ортодоксами переводам религиозного Писания, которое было осуществлено М. Мендельсоном. За этим следовало увлечение природоведением и классической литературой и, очень часто, дорога в государственные учебные заведения. Идеалом первого поколения маскилов было сочетание общего образования и Талмуда.

Таким путём пошли дядя А. Выгодской, Григорий и Абрам Паперна. Первого из них это привело в виленское раввинское училище, где он получил современное образование. Затем последовал отъезд в польский Закрочим и заведение начальным училищем. Захолустный городок под Плоцком для мемуаристки – истинная Европа, здесь, как она выражается, в отличие от родного Бобруйска «свиньи в лужах по улицам не валяются». Да и сам дядя Грогорий – человек западный, «отличался широтой мысли, всем интересовался, воспринимал и переживал все новейшие течения времени. Был либералом, много читал, интересовался новейшей литературой, а особенно

газетой «Голос», вёл долгие беседы с другими либералами» [3, с. 44]. Редкий случай: являясь иудеем, дядя принят на равных в узкий круг местных либералов, дружил с поляками – учителем и генералом – и в 80-е гг. тайно преподавал на польском языке.

Абрам Паперна, который закончил житомирское раввинское училище, преподавал иудейскую религию в плоцкой гимназии, держал пансион для иногородних гимназистов, стал известным литературным критиком, сотрудничал с многими журналами, издавал книги. В Плоцке пользовался большим уважением интеллигенции: получал поздравления от всех школьных коллег с канун еврейских праздников, каждый новый гимназический учитель считал необходимым явиться к нему с визитом [3, с. 62].

На путь Гаскалы встали и зятья П. Венгеровой. Они выкраивали время от штудирования Талмуда для чтения Шиллера и Цшокке, прятали их за фолиантами религиозных комментариев. Будь «трефная книжонка» найдена, смутьяны остались бы без обеда. Чтобы не быть обнаруженными врасплох, они комментировали Шиллера нараспев, точно так же, как привыкли читать Талмуд. Начиная охоту за насекомыми для исследования их в соответствии с учебником биологии, эти «рыцари духа» рисковали попасть в засаду, устроенную бдительной тещей [2, с. 103–106, 166–169]. За «некошерным» чтением неизбежно следовало нарушение строгих приличий в манере одеваться или вести себя на людях, что обостряло конфликт между отцами детьми и приводило к отъезду бунтовщиков.

Воспоминания обоих авторов позволяют изучить ещё один путь перехода культурных границ – попадание в другую культурную среду. Она могла быть иноэтнической, как в случае с братом Полины Венгеровой, Эфраимом Эпштейном, который эмигрировал в Америку, стал врачом и впоследствии балансировал между христианством (вплоть до миссионерства) и иудаизмом [2, с. 174]. Аккультурирующую роль могло сыграть космополитичное общество капиталистической эпохи, которое было характерно для крупных городов с малочисленным еврейским населением. В 80–90-е гг. XIX века получило распространение «конъюнктурное отступничество» (П. Венгерова называет его нигилистическим), которое обеспечивало получение образования в гимназиях и университетах вопреки процентной норме или позволяло войти в буржуазный круг хорошо обеспеченных людей, ведущих престижный и интересный образ жизни. Параллельно культурные барьеры преодолевала молодёжь, входившая в артистическую или революционную среду.

Примеры такого перехода дают судьбы самих авторов. Когда семья переселилась в Санкт-Петербург, несмотря на сопротивление жены, Хонон Венгеров становится Афанасием, принуждает Песселе-Полину сначала к полной перемене костюма и отказу от парика, затем к ведению роскошного западного образа жизни и «журфиксам», вслед за чем приходит отказ от еврейских праздников и даже кошерной кухни. Под влиянием космополитической среды столицы муж перестаёт изучать Талмуд, но, что характерно, переехав в Минск, впадает в каббализм и после роскошного ужина в собственном доме восклицает: «Ах, шестьдесят еврейских детей сидели здесь за столом и ели трэфное!» [2, с. 294].

Анна Выгодская, закончив гимназию в Вильно, поступила на Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, что не только для еврейки, но и вообще для девушки, училась на естественном факультете, изучала химию, физиологию и математику под руководством Менделеева, Сеченова и Бородина, с удовольствием общаясь «к этой молодой, здоровой, содержательной и интересной жизни» [3, с. 127], где нет места шаббату, кошерной кухне, молитве. Анна одевается кокетливо, ходит на балы, умело вставляет французские фразы и, в духе времени, оказывает помощь студенческому подпольному кружку [2, с. 126–154].

Итак, социально-политическая и культурная жизнь евреев черты оседлости во второй половине XIX – начале XX века в том виде, в котором она предстаёт в мемуарной

литературе, представляет собой картину весьма сложной, напряжённой борьбы. Она ознаменовалась выходом из «внутреннего гетто», пересечением границ между еврейским миром и доминирующей культурой. В этом процессе особую роль сыграли женщины. Большая часть евреек оставались хранительницами устоев патриархальной среды, но среди них стала проявляться тенденция к самообразованию и аккультурации. Мемуары свидетельствуют, что некоторые смело преодолевали культурные границы, при чём для евреек это означало двойную эмансипацию – и гендерную, и этническую.

Список литературы

1. Grinberg, D. Idea pogramicza w historiografii i histiriosofii ostatniego stolecia / D. Grinberg // *Granice i pogramicza: historia codzienności i doświadczeń* / pod red. M. Lidke, J. Sadowskiej i J. Trynkowskiego. – Białystok, 1999. – S. 197–202.
2. Венгерова, П. Воспоминания бабушки: Очерки культурной истории евреев России в XIX веке / П. Венгерова. – М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим, 2003. – 350 с.
3. Выгодская, А.П. История одной жизни: воспоминания / А.П. Выгодская. – Рига: «Dzīve un Kultūra», 1938. – Ч. 1. – 233 с.

А.А. Селезнёва

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА, ВЛИЯЮЩЕГО НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Особое место в исследованиях факторов формирования и сохранения этнической идентичности занимает язык. Как знаковая система коммуникации, язык используется в устной, письменной речи, жестах и оказывает воздействие на восприятие и понимание речи, а также и на характер общения. Данные, полученные в процессе исследования факторов сохранения этнической идентичности, раскрывают роль языка как основной составляющей ее воспроизводства.

Исследования языка как фактора формирования и сохранения этнической идентичности в историческом и современном контексте носят междисциплинарный характер, рассматриваются в рамках антропологистики, культурологии, кросскультурной психологии, этносоциологии, социальной психологии, этнографии, филологии. В России и странах СНГ важности языка как фактора формирования этнической идентичности посвящены работы Б.В. Бромля, М.Н. Губогло, А.И. Донцова, Л.И. Дробижевой, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиевой и др., а также белорусских ученых И.В. Лисковец, Т.Н. Микулич, Т.А. Траханкиной и др. Зарубежные исследования представлены работами М. Биллига, Р. Бенедикт, В. Гумбольдта, Дж. Джозефа, Л. Леви-Брюля, М. Мид, Э. Сэпира, Б. Уорфа, Анн-Мари Фортъе, Э. Хобсбаума и др.

Различные группы людей, в зависимости от условий жизни, культурной и общественной среды могут иметь разные языковые системы. Часто языковые различия связаны с важными различиями в обычаях и общепринятых формах поведения в тех культурах, где эти языки развиваются. Поэтому язык выступает в роли посредника, помогая определить способы понимания некоторых сторон окружающего мира.¹⁰⁵

¹⁰⁵ Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – С. 58–64.

Согласно теории лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, существует неразрывная связь между структурой языка, с одной стороны, и характеристиками мышления и способом познания внешнего мира – с другой. Язык представляет собой средство разрешения как частных проблем общения и мышления, так и восприятия общей картины мира строится на основе языковых навыков и норм общности. «Картина мира» говорящего, по мнению Б.Уорфа, зависит от того, на каком языке говорит человек.¹⁰⁶

В условиях «культурного пограничья» человек оказывается одновременно членом и своей и чужой этнической общности. Вследствие этого этнические различия не всегда заметны на физическом уровне, в то время, как различия в языке позволяют провести некоторое разграничение. Э. Хобсбаум отмечает, что понимание языковых норм, их применение зависят от конкретных ситуаций, собеседников, целей и мотивов общения. Язык приобретает особый смысл, который проявляется, с одной стороны, в причислении себя к определенному этносу, а с другой, побуждает к отказу от своей или доминирующей этнической группы.¹⁰⁷

Родной язык выступает символом этнической группы. В исследованиях взаимосвязи этнической идентичности и уровня владения (компетентности) этническим языком отмечена динамика речевого поведения членов этнической группы. Выявлено, что компетентность в этническом и другом языках влияет на содержание и проявление этнической идентичности, способствует как внутриэтнической интеграции так и усвоению особенностей другой этнической группы, формированию бизнической идентичности^{108, 109}.

Позитивное восприятие родного языка оказывает непосредственное влияние на восприятие своей этничности и зависит от таких характеристик, как этническая ценность, элитарность (престижность), национальная самоидентификация, уровень образования, социально-демографические факторы¹¹⁰.

Этническая идентификация имеет в отличие, например, от гражданской, территориальной, политической и других идентификаций относительно устойчивый характер. Психологическая установка в восприятии себя и других представителей этноса отражена в системе авто- и гетеростереотипов. Это связано с формированием относительно устойчивых представлений и оценок об эмоциональных, коммуникативных, поведенческих особенностях этнической общности. Осознание своей этнической принадлежности варьирует от того, живет ли человек в моноэтнической или полиэтнической среде. Как правило, этнической сознание не актуализировано в моноэтнической среде, то есть в тех случаях, когда существование этнических отношений носит более или менее стабильный характер. Родным языком в этом случае считается язык этнической общности. В случаях, когда речь идет о народах и нациях, язык, как фактор, является основным условием формирования общности.

Использование языка так или иначе охватывает часть процесса идентификации и опосредует социальную ситуацию. Каждой из ситуаций общения присущ свой тип речевого и общего поведения. Язык может рассматриваться в качестве этнодифференцирующего признака в процессе взаимодействия представителей различных

¹⁰⁶ Васильев, С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности / С.А. Васильев. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 16–18.

¹⁰⁷ Хобсбаум, Эрик. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Эрик Хобсбаум. – Логос, 2005. – С. 49–53.

¹⁰⁸ Траханкина, Т.А. Языковая ситуация в современном белорусском городе (Новополоцк): опыт регионального социологического исследования: моногр. / Т.А. Траханкина. – Минск: 2004. – 244 с. – С. 220–224.

¹⁰⁹ Донцов, А.И. Язык как фактор этнической идентичности / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиева // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 75–86.

¹¹⁰ Лисковец, И.В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / И.В. Лисковец. – СПб., 2006. – С. 16–22.

этносов. В полиэтнической среде язык является важным фактором поддержания этнической идентичности и обуславливает четко выраженную идентичность со своей этнической группой. Тесное языковое взаимодействие и способы межкультурных контактов приводят к усвоению особенностей культуры других этнических групп и способствуют формированию бизтнической идентичности. «Взаимосвязь языковой компетентности, речевого поведения и этнической идентичности представляет сложное, комплексное образование в единстве когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов».¹¹¹ Позитивное отношение к своей этничности проявляется в стремлении к сохранению и развитию языка как носителя духовных и культурных ценностей.

¹¹¹ Цит. по: Лисковец, Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности: автореф. ... дис. канд. психол. наук / Ж.Т. Лисковец. – Режим доступа: http://www.childpsi.ru/upload/dissertations_/E_O_8_1995.htm.

Раздел 7. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Р.А. Смирнова

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ К РЕФОРМАМ В АГРОСФЕРЕ

По мнению ученых, социальная адаптация есть «состояние или процесс приспособления индивидуума (группы, организации, общества и т.п.) к внутренним и внешним изменениям, выраженным в перемене (модификации, изменении) как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов социальной деятельности, так и внутренней его структуры и функции» [1, с. 95]. Особенно эти изменения резко проявляются в условиях социальных, экономических и идеологических преобразований, когда люди попадают в водоворот противоречивых воздействий со стороны разных факторов, порождающих возможность адаптивного рассогласования человека и внешней среды. Сложность в взаимодействии позволяет выдвинуть гипотезу: устойчивость и стабильный характер изменений в обществе повышают вероятность адекватных и эффективных адаптаций, тогда как резкие перемены и нестабильность изменений снижают ее.

Однако, как показывают социологические данные¹¹², даже достаточно однородные адаптанты обладают разными интерпретативными возможностями, способностями и ресурсами, а также разной чувствительностью по отношению к одним и тем же реалиям (ощущение угрозы), формируя у адаптанта неодинаковые картины мира, разницу в эмоциональном состоянии и рациональной оценке.

Так в среде крестьянского сообщества определились 3 типа адаптационных стратегий: адаптации, ориентированные на развитие (35,6%), адаптации защиты (24,3%) и адаптации ухода (29,2%), однако, эти три группы не охватывают всей выборки. На наш взгляд, остальные опрошенные не вошли ни в одну группу, отличаясь смешанными, разнородными признаками. Скорее всего это люди, никаким образом не коснувшиеся изменений в АПК. Если рассматривать опрошенных по всей выборке, то в группе, ориентированной на развитие, окажется 24,6%; на защиту – 24,3%, на уход – 20,2%; остальных, не вошедших ни в одну группу – 30,8%.

Большая социально-экономическая разнородность СПК, порожденная как сложностью и неравномерностью инновационных процессов, так и различием в исходных позициях, определила размытость типов адаптационных стратегий.

Типологизация адаптационных стратегий определялась на основании показателей социального самочувствия, самооценки адаптивных ресурсов, включенности в рыночные отношения, уровня социального оптимизма; тревожности и локуса-контроля адаптантов. Представители группы респондентов, ориентированных на адаптации развития оказались не только самыми успешными, но и обладающими высоким уровнем

¹¹² Опрос проведен сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси летом 2009 г. Всего опрошено 727 работников агросферы по республиканской специализированной выборке.

нем адаптационного потенциала и ресурсов (здоровье, образование, профессия, материальная обеспеченность, хорошее социальное самочувствие, социальный оптимизм, ориентация на инновационную деятельность).

Адаптанты, ориентированные на защиту от всего нового, менее успешны, однако достаточно благополучны. Цель их жизни – сохранить то, что имеют. Адаптационный потенциал их намного ниже. Отличаются спокойным отношением к социальным инновациям, так как стараются в них не включаться.

Тип адаптаций ухода ориентирован на новое, однако характеризуется неуверенностью, тревожностью и страхами перед ним. Адаптационный потенциал и адаптационные ресурсы низки (образование, социальный статус, материальная обеспеченность, социальное самочувствие и т.п.) не позволяющие адекватно строить адаптационные стратегии. Адаптанты данного типа ориентированы на смену работы и миграцию.

Таблица 1 – Оценка адаптивных ресурсов респондентами с разными типами адаптации (в %)

Оценка ресурсов адаптации	Группа адаптации-развития	Группа адаптации-защиты	Группа адаптации-ухода
Здоровье (хорошее)	36,8	15,3	28,6
Материальное положение (хорошее)	28,5	1,7	2,0
Повысилась благосостояние	68,7	15,8	17,7
Повысился профессиональный статус, профессия	31,3	5,6	9,5
Повысилось образование	23,5	3,4	11,6
Повысились доходы	63,7	14,1	8,8
Повысилась зарплата	64,8	23,7	15,6
Повысилась должность	24,6	4,0	4,1
Улучшилось состояние здоровья	6,7	1,1	1,4
Улучшились семейные отношения	22,3	4,0	12,9
Улучшились отношения с соседями, односельчанами, коллегами	20,7	0,6	15,6

Для того чтобы выяснить факторы, способствующие или препятствующие формированию того или иного типа социальной адаптации работников агросферы, в исследовании анализировались различные средства адаптации. Несмотря на важность *институциональных средств адаптации* (конкретных организаций, объединений (например, фермеров), союзов (крестьянский), выполняющих функцию контроля, помощи и поддержки адаптанта), а также *нормативно-регулятивных* (норм культуры, традиций, обычаев, ритуалов, официальных предписаний, с помощью которых задается направление адаптивной деятельности, определяются ее границы и т.п.), главными в исследовании стали личностные средства адаптации. В частности, социально-психологические, когнитивные, статусно-ролевые, поведенческие. Если говорить о социально-психологических и когнитивных средствах адаптации, то у руководителей, специалистов и рабочих они существенно различаются, в частности в мотивации на включение в активную рыночную деятельность. Так, согласны ради повышения материального достатка на переобучение и дополнительное обучение 57,6% респондентов (среди рабочих таких всего 35,8%). Большое число специалистов (65,2%) согласны ради этого работать более интенсивно, иногда сверхурочно (рабочих – 50,6%); готовы на усиление трудовой дисциплины на СПК соответственно 68,4% и 45,6%; на увеличение личной ответственности за результаты труда 73,9% специалистов и 55,6% рабочих респондентов.

Совершенно очевидно, что *статусно-ролевые средства адаптации*, такие как социальное положение, статус деревенского жителя, должность и другие признаки «вооружают» адаптанта специфическим набором средств адаптации – доступ к социально важной информации, определенный уровень доходов, уровень образования, налаженные социальные связи, возможность быстрого переобучения или включения в новые структуры, социальные сети и многое другое. Так, например, у руководителей и специалистов выше, чем у рабочих уровень образования, шире социальные связи и доступ к важным информационным ресурсам.

То же касается *поведенческих средств адаптации*. Адаптивное поведение проявляется в приспособительной деятельности, в которой выявляется конкретная позиция человека относительно адаптации, его установка на адаптацию. Соответственно, в перечень средств адаптации на уровне поведения входят миграция, социальное подражание, социальное сравнение, обучение, непосредственное включение в новые структуры и т.п. Выше приведенные данные по мотивации руководителей и специалистов на обучение подтверждают это.

Знание системы средств адаптации сельских жителей дает возможность выявить отсутствие или недостаточное наличие свойств, условий, факторов, обстоятельств, наличие которых необходимо для осуществления адаптивного процесса (как *внутренних* – социально-психологических, физиологических и др. свойств (отсутствие бойцовских качеств, недостаток знаний, налаженных связей), так и *внешних* – отсутствие условий окружающей среды, непроработанность правовой базы, неразвитость рыночной инфраструктуры, отсутствие инвесторов, социальных гарантий и т.п.). Более того, в исследовании выявлены помехи в реализации адаптационных стратегий сельчан, т.е. то, что затрудняет, делает невозможным осуществление адаптационного процесса.

Это условия и помехи субъективного и объективного плана, которые мешают адаптанту повышать свой адаптивный потенциал. Перечень таких помех был выявлен в ответах на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, мешает Вам открыть своё дело, заняться бизнесом?». Оказалось, что по ряду позиций значительных отличий в группах нет. Субъективные помехи выразились в следующих данных: относятся настороженно ко всему новому по всем группам в среднем 31,2% респондентов; не нравятся отношения конкуренции – 5,6%; предпочитают отстаивать коллективные интересы – 14,1%; не позволяет возраст, здоровье – 26,2%; семейные обстоятельства – 2,6%. А вот объективные помехи нашли ограничение в боязни криминальной угрозы – 10,5%, коррупции – 9,5%; высоких налогов – 22,9%; отсутствия необходимой информации – 18,9% респондентов. Есть значимые различия между группами по позициям, связанным в основном с причинами институционального порядка (см. табл. 2).

Таблица 2 – Помехи для занятий бизнесом (в %)

Помехи	Адаптация развития	Адаптация защиты	Адаптация ухода
Помехи со стороны местных властей	6,7	4,0	10,9
Враждебное отношение односельчан и руководства к предпринимательству	3,4	2,0	6,8
Экономическая нестабильность в стране	27,4	21,0	37,4
Несовершенство или отсутствие необходимых законов, регулирующих развитие бизнеса	7,8	4,0	13,6
Сложность оформления предприятия, ведения документации	22,9	12,0	21,8

Согласно данным таблицы, наибольшее количество респондентов, считающих, что вышеперечисленные причины мешают им заняться бизнесом, придерживаются адаптации ухода. Вероятно в этом сказывается склонность видеть причины своей бездеятельности во внешних, якобы объективных обстоятельствах, и умалять свои личные недостатки.

Возможность выяснить, каких именно личных социально-психологических качеств не хватает адаптантам разных групп, представилась в анализе ответов на вопрос «Как Вы думаете, чего Вам не хватает для занятия предпринимательской деятельностью?». Однако, как оказалось, статистически значимых в ответах на вопрос отличий между группами нет. О том, чего не хватает респондентам для занятий бизнесом, можно говорить только в целом по группам (см. табл. 3).

Таблица 3 – Отсутствие личностных качеств для занятий бизнесом (в %)

Отсутствующие личностные качества	В целом по группам	В целом по числу опрошенных
Интерес к деньгам, желание «крутиться»	10,5	10,7
Деловая хватка	31,0	30,8
Бойцовские качества	11,3	11,5
Склонность к риску	21,5	22,5
Уверенность в своих силах	27,2	28,1
Коммуникабельность	5,0	4,7
Денежные средства и сбережения, первоначальный капитал	51,5	51,9
Знания, опыт освоения рыночных отношений	25,4	25,1
Нужное образование	19,7	21,5
Подходящая профессия	9,3	9,4
Здоровье	18,9	20,1
Поддержка со стороны семьи, помощников в семье	5,6	5,8
Связи в деловом мире	19,5	19,2
Социальные гарантии со стороны государства	16,5	16,4

Исходя из этих данных можно сделать вывод, что всем респондентам – работникам агросферы в личностном плане недостаёт деловой хватки, уверенности в своих силах, склонности к риску и знаний, опыта освоения рыночных отношений. Однако группы по адаптивным стратегиям резко отличаются по наличию ресурсов социального, материального и объективного плана. В частности, респонденты, ориентированные на развитие, отличаются по уровню материального положения, имеют более высокие доходы, зарплату, благосостояние, жилищные условия, по социальному статусу (профессиональный уровень, образование, должность) и социально-психологическому состоянию (здоровье, семейные отношения, социальные сети и т.п.). Так как эти показатели у них выше, чем у представителей других групп, то напрашивается вывод, что социальная политика, направленная на обеспечение крестьян необходимыми материальными ресурсами, и деятельность местных властей и руководства сельхозпредприятия по повышению социального статуса и улучшению социального самочувствия крестьян, способны в условиях социально-экономических реформ повысить адаптационный потенциал жителей села. Кроме того, необходимо учитывать, что только активное участие в рыночных отношениях, опыт жизни и работы в рынке, а также ин-

формационно-просветительская работа о системе рыночной инфраструктуры способны сформировать соответствующие личностные и социально-психологические качества, адекватные социальной адаптации к трансформационным процессам на селе, ориентированном на рынок. Изучение успешных индивидуальных адаптаций в условиях крупных общественных сдвигов позволяет очертить пространство факторов, обеспечивающих высокую эффективность этих приспособлений, что необходимо, например, для трансляции положительного опыта на другие субъекты.

Список литературы

1. Будон, Р. Социальные механизмы без черных ящиков / Р. Будон // Социология на пороге XXI века. – М.: Интеллект, 1998. – С. 109–110.
2. Корель, Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 256.

А.А. Первачук

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Семья как социальный институт еще в начале XX в. стала объектом научной дискуссии между сторонниками «традиционной» или «патриархальной» семьи и приверженцами «современной» семьи. Первые до крайности идеализируют патриархальную семью, а вторые – современную с ее демократичностью, свободой личности, индивидуализмом. Бесспорно, что с развитием капиталистических отношений патриархальная семья ушла в прошлое и многие ее привлекательные стороны не могут быть привнесены в семейные отношения современной семьи. В чем единодушны авторы многочисленных фамилистических концепций, так это то, что современная семья почти во всех цивилизованных странах находится в состоянии кризиса.

Еще в 1916 г. П. Сорокин в своей статье «Кризис современной семьи» дал всесторонний анализ кризисных явлений нуклеарных семей: ослабление и распад союза супругов, союза родителей и детей, а также союза родственников и свойственников. Свидетельством кризиса нуклеарной семьи Сорокин считал увеличившееся число разводов, сокращение числа браков, малодетность семей, ослабление связи родителей и детей. Позже П. Сорокин писал, что средством выхода из кризиса должна служить «моральная реконструкция» человечества, якобы наполняющая старые формы относительно «новым» содержанием.

Ускорение кризиса семьи стало итогом радикального реформирования семьи после Октябрьской революции 1917 года. Советской властью были приняты декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», «О разводе» и первый Семейный кодекс. Они провозглашали свободу брака и развода, устанавливали максимально облегченную процедуру развода, устраняли вмешательство церкви в сферу регламентации брачно-семейных отношений, уравнивали в правах брачных и внебрачных детей, отменяли институты частной собственности, наследования и усыновления и др. Издание новых законов ознаменовалось широкомасштабной дискуссией о месте и роли «семейной ячейки» в новом обществе. Практически был взят курс на ликвидацию семьи как института несовместимого с социалистическим обществом. Партийные и государственные деятели нового государства – В.И. Ле-

нин, Н.И. Бухарин, А.М. Коллонтай – провозглашали, что семья как пережиток старого буржуазного строя должна исчезнуть. Официальной идеологией семья рассматривалась как основа угнетения женщин, поэтому необходимо было разрушить устои традиционной семьи, вывести женщин за рамки домашнего хозяйства, и таким образом освободить женщину. К. Цеткин, И. Арманд, А. Коллонтай утверждали, что женщина должна в первую очередь отдавать себя государству, а не семье, детям. Они стремились лишить ее даже права воспитывать собственных детей, считая, что это должны делать государственные учреждения. А. Коллонтай утверждала, что семья перестала быть необходимой как для самих членов семьи, так и для государства, ее должна заменить большая всемирная трудовая семья. Но мировая пролетарская революция и мировое коммунистическое строительство откладывалось, и советское государство умерило разрушительное наступление на семью. Но семье пришлось выживать в тяжелейших условиях сталинских репрессий, в годы коллективизации. Страшным ударом для семьи стала война. Разрушенные семьи, вдовство, сиротство, а также миллионы женщин, лишённые возможности создать семью, рожать и воспитывать детей. Надо отметить, что формы и методы государственного воздействия на семью менялись на разных этапах социалистического строительства, но всегда государственная семейная политика скорее была направлена на борьбу со следствиями кризиса семьи, а не с его причинами.

Кризисные тенденции семьи усилились под влиянием неблагоприятных факторов конца 80-х – начала 90-х годов. Экономическая неустойчивость широких слоев населения, рост социальных болезней (туберкулез, СПИД, венерические заболевания), ухудшение медицинского обслуживания, распространение алкоголизма и наркомании, криминализация общества и многие другие последствия социально-экономического кризиса привели к резкому ухудшению демографической ситуации в Республике Беларусь. Замедление прироста населения наблюдалось на протяжении 90-х годов. Государством был принят ряд законодательных актов, направленных на обеспечение защиты прав и законных интересов семьи и отдельных ее членов. Основными направлениями государственной семейной политики Республики Беларусь являются: 1) обеспечение улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи и выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций; 2) укрепление нравственных основ семьи и повышение ее престижа в обществе. Обнадёживает то, что принятые меры дали свои результаты и в настоящее время темпы прироста населения в республике превысили смертность. Безусловно, что главной заботой государства является демографическая ситуация в стране, так как ожидаемое снижение уровня рождаемости в ближайшее время будет следствием вступления малочисленного поколения 1990-х годов рождения в активный репродуктивный возраст.

Институт семьи выполняет жизненно важные для общества функции: воспроизводство населения, социализация детей, поддержка существования членов семьи, – которые зависят от личной мотивированности миллионов людей к вступлению в брак, рождению и воспитанию детей. В настоящее время правомерно отметить ослабление ориентаций на семейные ценности и семейный образ жизни. Девальвация брачно-семейных норм и ценностей привела к распространению так называемого «гражданского» брака, который по сути является незарегистрированным сожительством, вызванным удовлетворением сексуальной потребности при нежелании создавать семью, отсутствии мотивации к рождению и воспитанию детей.

Кризисные тенденции современной семьи выражаются в:

- сокращении числа браков, ослаблении ориентации на семейные ценности и семейный образ жизни;
- увеличивающемся числе разводов и внутрисемейной конфликтности;

- малодетности семей;
- растущем количестве неполных семей;
- росте детской девиации.

Перед нашим обществом стоит очень серьезная задача приостановить кризисные тенденции современной семьи. Должны для этого объединить свои усилия: государство, общественность, средства массовой информации, писатели, воспитатели, учителя, преподаватели, служители религиозного культа, все кто работает с молодежью. Должна быть выработана действенная семейная политика, направленная не только на материальную поддержку нуждающихся семей.

Л.И. Подгайская

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНДЕРНОГО ДИСБАЛАНСА В БЕЛАРУСИ

В настоящее время в демографической ситуации в Республике Беларусь преобладают негативные тенденции. Падение рождаемости и рост смертности, начавшиеся после Чернобыльской катастрофы (1986 г.) и усугубленные экономическим кризисом 90-х гг., привели к устойчивой депопуляции населения. Однако объяснить сегодняшний демографический кризис исключительно социально-экономическими и экологическими причинами неправомерно. В значительной степени он является следствием общемировых демографических тенденций (старение населения, снижение рождаемости), а также развитием демографических процессов на территории Беларуси на протяжении многих десятилетий.

Половозрастная структура населения Республики Беларусь сильно деформирована войнами и другими социальными потрясениями. Наиболее глубокие демографические «провалы» в возрастной структуре населения республики берут свое начало в годы Второй мировой войны, когда погибла значительная часть населения в активном детородном возрасте; в условиях оккупации резко снизилась рождаемость и выросла детская смертность. В эти же годы возник глубокий гендерный дисбаланс, демографические и социальные последствия которого ощущаются до сих пор. Одной из причин падения рождаемости в начале 1990-х гг. является вступление в активный детородный возраст детей военного поколения на фоне общей тенденции к снижению рождаемости. Экологический и социально-экономический кризис тем не менее усугубил этот негативный процесс. Об этом, в частности, свидетельствуют данные социологических исследований, показывающие, что демографический потенциал белорусского общества в 1990-е гг. далеко не был реализован. Средне «желаемое» число детей в белорусской семье – 2,1 ребенка, что соответствует уровню простого воспроизводства; среднее «планируемое» – 1,7; реальное – 1,3 ребенка. Таким образом, была реализована не оптимальная, с точки зрения белорусских семей, демографическая модель, а модель, приемлемая при существующих социально-экономических и экологических условиях.

Старение населения – общемировая тенденция, являющаяся в первую очередь, следствием увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости. Если в течение последних 40 лет доля пенсионного (послетрудоспособного) возраста увеличивалась довольно равномерно, то через 5–10 лет, с выходом на пенсию наибо-

лее многочисленного в истории Беларуси поколения 1960–1975 гг. рождения, общество столкнется с огромными социальными проблемами. За 15–20 лет число пенсионеров увеличится на 50–70%, соответственно возрастет демографическая нагрузка на работающее население.

Наиболее простым и, казалось бы, очевидным решением проблемы является повышение пенсионного возраста, что соответствовало бы мировой практике. Кроме того, многие белорусские пенсионеры продолжают работать после выхода на пенсию. Однако принятие такого решения без тщательного моделирования возможных последствий может привести к результатам, противоположным ожидаемым. Здоровье нации в значительной степени подорвано последствиями Чернобыльской катастрофы и десятилетием экономических реформ, сопровождающихся крайне низким уровнем жизни, вынуждающим многих работать в двух, трех и более местах, отказываться от полноценного отдыха, плохо питаться. В таких условиях повышение пенсионного возраста, скорее всего, приведет к еще большему сокращению продолжительности жизни. Другим весьма вероятным последствием подобного решения может стать снижение рождаемости, так как государственная поддержка семей с детьми пока абсолютно недостаточна, а пожилые люди лишатся возможности помогать своим детям в воспитании внуков.

В современном белорусском обществе численный перевес женщин над мужчинами начинает сказываться после тридцати лет. К началу 1990-х гг. возрастная граница гендерного дисбаланса отодвинулась до 35 лет, но за последние годы в связи с повышением смертности среди молодых мужчин она опять снизилась.

Гендерный дисбаланс, особенно когда он затрагивает молодые поколения, приводит к тяжелым социальным последствиям: снижается рождаемость, растет число внебрачных детей, увеличивается число одиноких (не имеющих не только мужа, но и детей) женщин в пожилом возрасте. Последствия иного рода возникают как результат острой конкуренции между женщинами на «бранном рынке»: укрепляются патриархальные ценности и двойные стандарты в области сексуальных отношений; на женщин, даже если они работают, возлагаются все домашние обязанности; у мужчин укрепляется чувство превосходства и отношение к женщинам как к людям второго сорта. В результате задерживается становление реального равенства полов не только в частной, но и публичной сфере, где женщин воспринимают как работников второго сорта. В Беларуси такого рода патриархальные стереотипы широко распространены до сих пор.

Количество людей, состоящих в браке, за последние годы значительно уменьшилось. При этом увеличилось число лиц, никогда не состоявших в браке, вдовых и разведенных. Уменьшилось количество регистрируемых браков, и увеличилось число разводов.

Число лиц, никогда не состоявших в браке, и количество регистрируемых браков – весьма неустойчивые показатели, зависящие от общей демографической ситуации. Они снижаются при вступлении многочисленного поколения в возраст 15–20 лет (статистика состояния в браке ведется для лиц старше 15 лет) и возрастают при переходе этого же поколения в возраст, когда заключаются первые браки, т.е. 20–30 лет. Сейчас мы имеем именно такую ситуацию; поэтому в ближайшие 5–10 лет число заключенных браков и лиц, состоящих в браке, должно возрасти.

Беларусь принадлежит к группе стран Восточной Европы (в которую входят также Россия, Украина, Латвия, Эстония, Болгария, Чехия, Словения, Румыния) с самым низким в мире уровнем рождаемости. Коэффициент общей фертильности (число рождений на 1 женщину фертильного возраста) составляет здесь 1,1 – 1,3. Такой же низкий уровень рождаемости наблюдается еще в четырех европейских странах: Германия, Италия, Испания и Греция.

Современные параметры воспроизводства населения почти в 2 раза меньше, чем требуется для замещения поколений. В самом конце 90-х годов наметились первые позитивные сдвиги в динамике рождаемости. Так, начиная с 2003 года отмечается некоторый прирост количества родившихся. В 1997 году в Республике Беларусь родилось 89,6 тыс. детей, наименьшее количество за 90-е годы. В 2006 году родилось 96,4 тыс. человек, что на 45,8 тыс. человек меньше, чем в 1990 году.

Некоторое увеличение количества родившихся связано не столько с увеличением интенсивности рождаемости, или с увеличением числа детей в семье, а с увеличением численности женщин детородного возраста. Возраст женщин, в котором у них чаще всего появляются дети, довольно ограничен. Так, более 80% детей рождаются от матерей в возрасте до 30 лет. С конца 90-х годов начало расти число женщин в младших детородных возрастах, т.к. в эти возраста начинают вступать те, кто родился в начале 80-х, когда рождаемость резко возросла после принятия мер демографической политики. В тоже время следует отметить как положительное явление – стабилизацию и даже незначительный, но все-таки рост, начиная с 1998 года, суммарного коэффициента рождаемости в городах. В сельской местности он пока продолжает снижаться, но так незначительно, что можно считать, что он стабилизировался. Так, в 2005 году суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений в расчете на одну женщину репродуктивного возраста) составил 1,210, среди городских женщин – 1,112, среди сельских – 1,625.

С 2001 года рождаемость начала расти в возрастных группах 25–39 лет. Таким образом, увеличился средний возраст матери, при рождении первого ребенка. Данная тенденция, видимо, связана с тем, что начали рождаться дети, рождения которых были отложены на предшествующие годы. Видимо, население страны начинает адаптироваться в новых социально-экономических условиях. Данная тенденция позитивна и есть основания предполагать, что она будет продолжаться некоторое время и в ближайшем будущем.

Следующая тенденция белорусского общества состоит в значительном – абсолютном и относительном – росте числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака.

Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, с 1990 года увеличилась почти в два раза. Эта тенденция – не только результат либо «неразумного поведения молодежи», либо осознанного решения «отчаявшейся» молодой женщины родить ребенка «для себя», как принято считать, но и результат распространения фактических браков, которые не регистрируются в органах ЗАГС. В настоящее время в республике каждый пятый ребенок рождается вне зарегистрированного брака (в 2006 г. доля детей родившихся у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, составила 22,7%).

Очередное существенное снижение уровня рождаемости по структурным причинам следует ожидать во втором десятилетии XXI века, когда в детородный возраст начнут вступать родившиеся в 90-е годы. Знание этого факта дает возможность заранее разработать и принять соответствующие меры, которые могут противостоять этому снижению и в какой-то мере помочь выравниванию провалов в возрастной структуре населения, несколько сместив календарь рождений и тем самым, погасить очередную демографическую волну.

Что же касается гендерного равенства, то мировое сообщество все еще вынуждено констатировать тот факт, что ни в одном обществе женщины не располагают одинаковыми возможностями с мужчинами.

Понадобилось не одно столетие, чтобы женщина добилась юридического равенства с мужчинами. В настоящее время на уровне мирового сообщества разработан и принят целый ряд международных документов, посвященных разработке стратегии

перехода от достигнутого сегодня почти повсеместного равенства прав женщин и мужчин к равенству их возможностей. Выравнивание статусов мужчин и женщин, согласно резолюций четырех всемирных конференций по положению женщин, проходивших под эгидой ООН в Мехико, Копенгагене, Найроби, Пекине, должно стать составной частью всех социальных программ, основной задачей национальной гендерной политики.

Беларусь на международном уровне не только заявляет о поддержке решений этих форумов, но и берет на себя вполне конкретные обязательства в этой области. Оценивая результаты усилий правительства, субъектов гражданского общества по реализации политики, направленной на повышение социального статуса женщин, на обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, можно констатировать, что Республика Беларусь сделала шаг вперед в этом направлении.

В мае 2000 г. решением Совета Министров Республики Беларусь создан Национальный совет по гендерной политике. В его состав вошли представители органов законодательной и исполнительной власти, общественных объединений, ученые. За последние годы значительно усилилась роль местных исполнительных и распорядительных органов в реализации мер, направленных на повышение статуса женщины и недопущение дискриминации по признаку пола. На областном уровне разрабатываются специальные программы, направленные на решение социальных проблем женщин.

Позитивное влияние на повышение социального статуса женщин оказывало также развитие женского движения, информационного обмена и сотрудничества с зарубежными организациями. Так, в мае 2009 года белорусская делегация представительниц научной и творческой интеллигенции (в состав которой входила и автор статьи) посетила штаб-квартиру платформы «Диалог Евразия» в Стамбуле, ознакомилась с деятельностью этой общественной организации. Международная общественная организация Платформа «Диалог Евразия» была создана в 1998 году с целью восстановления и развития культурных, образовательных, гуманитарных связей между странами и народами евразийского континента по инициативе Турции. В него вошли уже многие страны мира. В 2009 году к Платформе «Диалог Евразия» присоединилась также Беларусь. Наша белорусская делегация была преимущественно женской. Поэтому один из важных вопросов, который нас интересовал, это вопрос о положении женщин в Турции. Согласно данным опроса, проведенного «Международной амнистией», крупной независимой правозащитной организацией, объединяющей свыше 2,2 млн. сторонников более чем в 150 странах мира, в 1995 году среди женщин, проживающих в столице Анкаре, 97% женщин подвергаются насилию со стороны мужей. Еще одна проблема социального положения турецкой женщины – это ограничение ее права на образование. По данным ЮНИСЕФ (Детского фонда ООН), в Турции 640 тысяч девочек не получают обязательного образования, несмотря на тот факт, что женщины по закону имеют равные права на образование. Может, поэтому нашу белорусскую делегацию, состоящую из восьми женщин, социологов, журналистов и писателей, турецкие мужчины, руководители различных рангов и бизнесмены, встречали с крайним удивлением. Только в 2003 году при поддержке ЮНИСЕФ турецкое правительство начало кампанию, направленную на привлечение всех девочек в школу. Современная Турция – это страна, где растет интерес слабого пола к этой сфере. Это мы наблюдали в университете Фатих, в котором обучается примерно 30% студенток-девушек, энергичных и уверенных в себе. Можно сказать, что европизация Турции берет начало с реформ Ататюрка, который внедрил в турецкое общество принцип разделения религии и других сфер общества. Но и по сей день идет столкновение мнений. Особенно ярко столкновение этих противоречий можно наблюдать в политике запрета на хиджаб. До сих пор в Турции существовал строжайший запрет на то, чтобы женщины с

покрытыми головами входили в высшие учебные заведения и официальные государственные учреждения. Верующие женщины, желающие получить образование, были вынуждены снимать хиджаб. Запрет действует более 80 лет. Сопrotивление мусульманского народа Турции запрету на исламский хиджаб начало проявляться в виде неоднократных акций протеста, которые подавлялись со стороны светского режима. И лишь с приходом к власти правительства Реджапа Эрдогана ситуация стала меняться. Эрдоган смотрит на этот вопрос как на вопрос свободы самовыражения. С особой гордостью администрация университета Фатих показала нам, что сейчас большинство девушек-студенток не снимают головного убора хиджаб.

Работа добровольной общественной организации «Диалог Евразия» уже дает свои результаты. Самыми значимыми из них, на наш взгляд, является выход журнала «ДА», который стал местом общения писателей, представителей всех слоев общества евразийского региона. Он издается на русском и турецком языках, и уже выходит в Беларуси. И еще важным представляется то, что Турция в одностороннем порядке начала проводить работу по изъятию из учебников по истории слов вражды в адрес русского и других народов. Ибо национальный интерес не может идти вразрез с интересом межнациональных отношений.

Таким образом, период, прошедший с момента проведения Пекинской конференции, продемонстрировал приверженность Беларуси осуществлению систематических изменений, ведущих к расширению возможностей женщин.

Список литературы

1. Мужчины и женщины Беларуси: статистический сборник. – Минск, 2007.
2. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы.

М.Ю. Сурмач*, А.В. Сурмач**

** Гродненский государственный медицинский университет,*

*** Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ ГРОДНЕНСКОГО РЕГИОНА

Молодому возрасту присущ ряд особых психологических характеристик, среди которых динамичность, эмоциональная восприимчивость, максимализм. Вероятно, именно поэтому молодёжь – носитель перемен, новизны взглядов и наиболее восприимчивая социальная группа. Она отражает сложившиеся общественные отношения и, в то же время, имеет собственное мнение относительно проблем общества, является носителем формирующегося в обществе нового ценностного сознания.

Ценности, или факторы жизненного успеха, представляют собой обобщённые цели, фундаментальные нормы. Базовые ценности индивида формируются в период первичной социализации и в дальнейшем лежат в основе социально одобряемого выбора поведения. Их «набор» остаётся стабильным, лишь его структура претерпевает изменения в отдельные, кризисные, периоды жизни: одни ценности получают

более высокий статус, другие становятся менее значимыми. Важнейшим фактором, влияющим на ценностно-нормативные взгляды, является уровень образования [8].

Ценностно-нормативные взгляды молодежи становятся доминирующими в обществе спустя 10–15 лет [2; с. 7]. Они могут служить индикатором культуры общества и эффективности государственной молодежной политики. Изучая ценностные ориентации молодежи, возможно создать теоретическую базу для прогнозирования социальных трансформаций и управления ими [1]. Потому важнейшей задачей государственной молодежной политики является формирование гражданского общества, к неотъемлемым характеристикам которого относятся чувство гражданской ответственности, цивилизованное поведение и активная гражданская позиция [5]. Гражданское общество состоит из «активных граждан, с развитым чувством социальной ответственности, внутренне независимых и интеллектуально самостоятельных, с высокой степенью правосознания и толерантности» – так называемых «современных» личностей [6, с. 78].

Одной из наиболее значимых как для индивида так и для общества ценностей является здоровье. Как указывает И.В. Журавлёва, «специфика ценности здоровья как феномена заключается в её латентном характере – большинство людей осознают ценность здоровья только тогда, когда оно находится под угрозой... Индивидуальная ценность здоровья в зависимости от... состояния индивида может быть как фундаментальной, так и инструментальной. Для здорового человека здоровье – это возможность полноценной жизни, т.е. инструментальная ценность. Для пожилого, больного... здоровье становится фундаментальной ценностью» [3, с. 57, 59].

Объектом нашего исследования выбрана учащаяся молодежь, которая представляет основную долю молодежи республики. Доступность высшего и профессионального образования обеспечивает наличие среди студенчества всех социальных категорий граждан [4, с. 41].

С целью установить особенности структуры факторов, оцениваемых учащейся молодежью как «факторы жизненного успеха», были проанализированы результаты опроса 350 студентов Учреждений образования «Гродненский государственный медицинский университет» и «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (таблица 1), а также 300 учащихся колледжей г. Гродно (опрошено по 100 учащихся в медицинском, техническом колледжах, колледже искусств, соотношение по полу 1 к 1); всего 650 человек. Опрос проведен в мае–октябре 2009 г. по программе социологического исследования «Здоровье студентов», организованного ИК «Социология здоровья и здравоохранения» РОС (руководитель – доктор социологических наук, проф. И.В. Журавлёва). Опрашиваемым было необходимо выбрать не более трёх вариантов из числа предложенных для ответа на вопрос «Как Вы считаете, что способствует достижению жизненного успеха в первую очередь?».

Таблица 1 – Выборочная совокупность студентов вузов Гродненского региона

Курс	УО «ГрГМУ», чел. ¹¹³		УО «ГрГУ» им. Я. Купалы, чел. ¹¹⁴		Оба вуза, чел.		
	м	д	м	д	м	д	всего
1-2	18	37	34	38	52	75	127
3-4	18	37	26	46	44	83	127
5-6	13	27	23	33	36	60	96
Итого	49	101	83	117	132	218	350

¹¹³ случайным образом при опросе включены несколько факультетов, например 1 – 2 курс – лечебный, 3 – 4 курс – медико-психологический, педиатрический, всего 150 студентов естественного-научного профиля;

¹¹⁴ гуманитарные и технические специальности соотносены как 1 к 1.

Анализ ответов учащейся молодёжи показал, что ведущие места в числе факторов, способствующих достижению жизненного успеха, занимают здоровье, сила характера, способности и талант (таблица 2).

Таблица 2 – Факторы, способствующие достижению жизненного успеха в первую очередь

Фактор, способствующий достижению жизненного успеха в первую очередь	Ранговое место	
	Учащиеся колледжей	Студенты университетов
Здоровье	1	1
Сила характера	2	1
Способности, талант	2	2
Удача, благоприятные обстоятельства	4	2
Образование	2	3
Материальный достаток	3	4
Поддержка близких или знакомых	4	5
Всякий успех – это дар судьбы, не зависящий от человека	5	6

Удивительным оказалось, что студенты университетов, в отличие от учащихся колледжей, большее значение придавали такому фактору, как удача, благоприятные обстоятельства (учащиеся колледжей – таким, как образование и материальный достаток). Поддержка близких и знакомых была указана учащейся молодёжью (независимо от уровня образования) как предпоследний по значимости для достижения жизненного успеха фактор. В то же время, учащиеся колледжей придавали данному фактору более весомое значение, чем студенты университетов. Минимальная часть опрошенных считали, что достижение жизненного успеха возможно только при счастливом стечении обстоятельств, не зависящем от человека.

Структура жизненных ценностей учащейся молодёжи имела некоторые гендерные различия. Влияние половой принадлежности опрашиваемых отсутствовало по таким факторам, как способности (талант), образование. Юноши несколько чаще (статистически незначимо) указывали такие факторы, как материальный достаток и удача, реже – такие, как поддержка близких и знакомых и утверждали, что «всякий успех – это дар судьбы, не зависящий от человека». Девушки значимо чаще указывали роль таких факторов, как здоровье (50,5% девушек против 44% юношей, $p = 0,02$) и сила характера (54,6% девушек и 40,9% юношей, $\chi^2 = 16,1$, $p = 0001$).

Анализ структуры факторов жизненного успеха в зависимости от профиля будущей специальности показал, что значимо чаще считают здоровье наиболее важной жизненной ценностью молодые люди, специальность которых относится к естественно-научным. Так, среди выбравших альтернативу «здоровье» максимальной оказалась доля учащихся медицинского колледжа (39%, в сравнении с техническим колледжем и колледжем искусств $\chi^2 = 5,81$, $p = 0,016$) и студентов медицинского университета (54,5%, в сравнении со студентами гуманитарного и технического профиля университета имени Янки Купалы, $\chi^2 = 16,4$, $p = 0,0001$). Учащиеся колледжа искусств и студенты технических специальностей университета имени Янки Купалы, в отличие от будущих медиков, наряду со здоровьем, не менее важное значение в достижении жизненного успеха придавали таким факторам, как сила характера и способности, талант.

По мере увеличения курса обучения структура ценностей студентов изменялась. Так, сила характера, занимая у студентов 1–2 курсов обучения лишь третье место в числе факторов, способствующих достижению жизненного успеха в первую очередь, лидирует у студентов 3–4 курсов и разделяет первое место с вместе таким фактором, как здоровье, у 5–6-курсников. В то же время, значимость такого фактора, как способности и талант, соответствующая второму месту у первокурсников, снижается до пятого места у студентов 3–4 курса, уступая силе характера. Значимость фактора образования, стабильно соответствующая третьему месту у студентов 1–2 и 3–4 курсов, к 5–6 курсу падает, уступая такому фактору, как удача. В то же время, значимость материального достатка для достижения жизненного успеха, стабильно соответствующая пятому ранговому месту у 1–2 и 3–4-курсников, у студентов 5–6 курса соответствует уже третьему ранговому месту в структуре ценностей.

Известно, что важным фактором, способствующим осуществлению поведенческих намерений, является публичное одобрение предполагаемых действий. Можно констатировать позитивный факт сформированности среде учащейся молодёжи установок на поддержку здоровья. Фактор «здоровье» занимает ведущие места в структуре факторов, в наибольшей мере способствующих достижению жизненного успеха учащейся молодёжи, независимо от пола и курса обучения. Особенно высока роль здоровья в субъективных оценках будущих медиков.

Высоко значимыми факторами для молодёжи являются также сила характера (особенно для девушек) и способности, талант. В то же время очевидно, что образование выступает лишь в качестве инструментальной ценности. Так, значение данного фактора наиболее высоко у учащихся колледжей. Его роль (а также значимость такого фактора, как способности и талант) снижается по мере увеличения курса обучения, уступая факторам «сила характера» и «материальный достаток». Минимальная часть опрошенных считают жизненный успех результатом счастливого стечения обстоятельств, не зависящего от человека.

Список литературы

1. Бедулина, Г.Ф. Социальный портрет современной белорусской молодёжи / Г.Ф. Бедулина // Кіраванне ў адукацыі. – 2008. – № 2. – С. 51–55.
2. Данилов, А.Н. Молодёжь кризисных лет: Иллюзии и новые надежды / А.Н. Данилов. – Минск: ООО «Харвест», 1999. – 320 с.
3. Журавлёва, И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. / И.В. Журавлёва; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2006. – 238 с.
4. Молодёжь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения: книга для педагогов и организаторов воспитательной работы с молодёжью / под ред. С.Д. Лаптёнка. – Минск: ИСПИ, 2004. – 294 с.
5. Шиняева, О.В. Общественное мнение как форма выражения гражданских позиций населения / О.В. Шиняева // Корпоративная культура: от теории к практике: сборник научных трудов / Ульяновский гос. техн. ун-т. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – С. 75–79.
6. Ядова, М.А. Поведенческие установки молодёжи постсоветского поколения / М.А. Ядова // СоцИс. – 2006. – № 10. – С. 78–88.
7. Inglehart, R. Changing Values, Economic Development and Political Change / R. Inglehart // International Science Journal. – 1995. – № 145.
8. Inkeles, A. Becoming modern / A. Inkeles, D.H. Smith. – Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1974. – 304 p.

І.С. Чарнякевіч

Гродзенскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, г. Гродна.

ЖЫЦЁВЫЯ ПЕРСПЕКТЫВЫ ПАЛЕСКАЙ ВЯСКОВАЙ МОЛАДЗІ ЁЎ ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

Працэсы сацыялізацыі і вызначэнне свайго месца і жыццёвых перспектыву ў любым грамадстве абумоўлены шматлікімі фактарамі, галоўнымі з якіх з'яўляюцца замацаваныя ў пэўным культурным асяроддзі ўзоры паводзін і стаўленняў, а таксама магчымасці, што вынікаюць з сацыяльнай стратыфікацыі, тыпу гаспадарання і ўзроўню развіцця гаспадаркі, а таксама сістэмы адукацыі.

Узоры паводзін, што крышталізаваліся ў рамках традыцыйнай патрыярхальнай сістэмы палескай вёскі, у міжваеннае дваццацігоддзе ўлеглі значным і відочным зменам. У папярэдні перыяд узорам паводзін была вялікасямейная арганізацыя, заснаваная на зямельнай спадчыне (бацькаўшчыне) і сумесным гаспадаранні. Імкненне да валодання зямлёй было абумоўлена прычынамі не столькі эканамічнымі, колькі імкненнем забяспечыць сабе дастойнае месца ў вясковай іерархіі. Прычым, месца асобы вызначала не індывідуальная маёмасць, а сямейны лёс. Зямля ўяўляла сабой толькі аснову, але адначасова і ўмову існавання і адшукання адпаведнага месца ў вясковай супольнасці. Ю. Абрэмбскі ў працы «Архаічнае Палессе» адзначае, што гэты «найвышэйшы ўзор палескага звычаю ў яго поўнай працягнёнасці: традыцыйная патрыярхальная вялікая сям'я», што бываў рэалізаваны толькі ў сем'ях т.зв. «багатыроў» ці своеасаблівай вясковай эліты, быў прадметам імкнення астатніх гаспадароў, тады як вяскоўцы, што не мелі зямлі (батракі) «як перыферычная частка вясковай супольнасці, адарваная ад зямлі і не належачая да яго свету – не падпарадкоўваліся грамадска-маральным нормам, прынятым у вясковым асяроддзі» [8, s. 192].

У міжваеннае дваццацігоддзе амаль знікае вялікасямейная арганізацыя як носьбіт і выразнік гэтага патрыярхалізму. Адначасова жыло яшчэ пакаленне, якое было выхавана ў гэтай сістэме. Прадстаўнікі наступных пакаленняў ужо не падзялялі перакананняў старэйшых, аднак тыя астатнія ў значнай колькасці заставаліся ўладальнікамі альбо цэлай гаспадаркі, альбо яе часткі, што ў спалучэнні з імкненнямі маладых прыводзіла да канфліктаў, але не магло стрымаць эмансипацыйных працэсаў, што знайшлі сваё выйсце ва ўзнікненні яшчэ ў папярэдні перыяд сімптомаў новых стаўленняў і жыццёвых узораў, звязаных з паўстаннем новых крыніц існавання разам з пачаткам будаўніцтва чыгункі (60–70 гг. XIX ст.), а галоўным чынам – з разпачатай актыўнай разпрацоўкай лесу, пераважна заходнеўрапескімі кампаніямі (пачынаючы прыкладна з 70-х гг. XIX ст.). Хаця такая праца, нягледзячы на пэўную сістэматычнасць, не была з'явай агульнапалескай, у матэрыялах па вёсцы Альманы мы знаходзім цікавы і ў некаторым сэнсе сімптаматычны ўрывак з аповяду аднаго зыхароў Альман: «Лучшэ всёго жыл народ до войны. Хорошо жыл народ. Всё было довольно. Даже некоторые не хотели работать. Он пойдзе заробіць – да возьме пшэнічнае мукі – голоду не было» [5, s. 18]. Гэтае «нежаданне гараваць», унікненне цяжкай і невыдайнай працы на карысць больш рацыянальнага прыкладання сваіх сіл магло прынесці куды болей значны плён, калі б магчымасці сталага зарабавання былі шырэйшыя і трывалі даўжэйшы час.

Пасля першай сусветнай вайны тэрыторыя Палесся апынулася ў выключна цяжкай сітуацыі, як эканамічнай, так і дэмаграфічнай. Увесь дабытак вясковых гаспадарак перадваеннага часу быў знішчаны падчас ваенных аперацый, а таксама праз высяленні і ўсялягага роду рэквізіцыі. Нават і пасля адбудовы гаспадарак амаль праз увесь міжваенны перыяд агульная эканамічная сітуацыя ў Палескім ваяводстве акрэслівалася ў наступных катэгорыях: «беднасць, зямельны голод, упадак земляроб-

ства, адсутнасць унутранага рынку, выкліканая недастатковым развіццём прамысловасці, аграрная перанаселенасць, нізкія цэны прадуктаў у параўнанні да цэн прамысловых тавараў» [14, с. 33; пар.: 13].

Гэта азначае, што сялянская гаспадарка і далей заставалася малапрадукцыйнай, цягаеючай да натуральнай. Так, Е. Тамашэўскі робіць выснову, што «насельніцтва Палесся ў міжваенны перыяд знаходзілася толькі на пачатковай стадыі пераходу ад гаспадаркі натуральнай да таварнай» [13, с. 96]. Для вясковай моладзі гэта азначала абмежаванасць жыццёвых перспектыв у амаль выключна рамкахі сямейнай гаспадаркі. Да таго ж, як піша Ю. Абрэмбскі, «з распадам вялікіх сямей і апорай сямейнай гаспадаркі на малой сям'і, палескае дзіця ў больш раннім, чым у даўнейшыя часы, узросце становілася вытворчым членам сям'і, работнікам, а не дзіцём» [7, с. 22]. Гэтая акалічнасць, відавочна, паўплывала на трывалася традыцыйных жыццёвых пастаў моладзі.

Аднак, паваяенная вёска неўзабаве сутыкаецца з новай праблемай, якая ў папярэдні перыяд толькі акрэслілася – з перанасяленнем вёскі, што было выклікана натуральным прыростам насельніцтва і адначасовай адсутнасцю новых крыніц утрымання. Е. Тамашэўскі ўслед за Р. Ралецкім піша, што, напрыклад, «у Чудзіне (зараз Ганцавіцкі р-н. – І. Ч.) з 1860 да 1931 года насельніцтва павялічылася ў чатыры разы, тады як колькасць ужыткавай зямлі амаль не змянілася. Паблізку не было аніякага прадпрыемства, дзе можна было б знайсці сталы занятка, пакінушы працу на зямлі. У выніку гэтага гаспадаркі вельмі хутка дзяліліся і драбнелі. На момант надзялення зямлёй тут было 40 гаспадарак, а ў 1931 годзе – ужо 248. Некаторыя сяляне былі ўладальнікамі ледзве 1/48 часткі першапачатковага надзелу, ці меней за 0,5 га. У выніку гэтага палова гаспадарак не магла даць дастатковых сродкаў для ўтрымання працуючых на іх сямей. 19 сямей зямлі не мелі ўвогуле, значная частка мела хлеб да новых збораў толькі дзякуючы шырокаму ўжыванню бульбы. Толькі ў 25% гаспадарак без цяжкасці хапала хлеба да новых збораў, але і ў іх адчуваўся недахоп у неўраджайныя гады» [13, с. 97]. Таксама В. Ліпінска адзначае, што ў Альманах (зараз Столінскі р-н) «з 32 альманскіх сямей утварылася да гэтага часу [г. зн. да 1936–1938 гг. – І. Ч.] каля 170 гаспадарак індывідуальных <...> [адначасова] прыток чужых на вёску быў адносна нязначны» [5, с. 49].

Правядзенне меліярацыі, пэўныя намаганні па правядзенню зямельнай рэформы (камасацыя), а таксама паляпшэнне камунікацыі і імкненне да да развіцця прамысловасці павінны былі вырашыць гэтыя праблемы. Аднак, па розных прычынах, галоўным чынам з-за адсутнасці інвестыцый, гэтыя пачынанні не далі вынікаў у той ступені, каб відавочна палепшыць эканамічную сітуацыю палескай вёскі і пашырыць жыццёвыя перспектывы. Становішча ўскладнялася яшчэ тым, што ў маштабах дзяржавы аграрная перанаселенасць у ваяводстве Палескім паводле статыстычных справаздач не выглядала такой страшэннай, як, напрыклад, у цэнтральных альбо паўднёвых ваяводствах. Таму тэрыторыя Палесся (ва ўсякім разе пасля правядзення меліярацыі), павінна была стаць аб'ектам наплыву асадніцтва з цэнтральных раёнаў, хаця спецыялісты невысока ацэньвалі такія магчымасці пасля забеспячэння зямлёй мясцовых сялян [11, с. 5; 3, с. 6–7].

Што да перспектыву па-за сельскай гаспадаркай, то жыхар палескай вёскі амаль не меў магчымасці знайсці працу ў прамысловасці, паколькі астатняя была развіта слаба: сярод найбуйнейшых фабрык, што існавалі на Палессі, адзначаюцца 4 фабрыкі па вырабу фанеры (тры ў Пінску і адна ў Мікашэвічах) і фабрыка запалак у Пінску [12, с. 51–54; 13, с. 53–54; 6, с. 46]. Як піша Е. Тамашэўскі, «азначаныя пяць фабрык – гэта амаль уся фабрычная прамысловаць Палескага ваяводства» [13, с. 54].

Паколькі за «ўвесь міжваенны перыяд на Палессі не лабудавана аніводнага значнага прадпрыемства» [13, с. 176], ёмістасць рынку працы была невялікай. «Калі да гэтага дадаць, што на Палессе напывалі рабочыя з цэнтральных і заходніх частак краіны, можна сцвярджаць, што магчымасці пераходу ад земляробства да працы ў горадзе для палешука не было амаль ніякай» – робіць вывад Е. Тамашэўскі [13, с. 176–177]. Падцверджанні гэтаму знаходзі і ў тагачасных выданнях. Напрыклад,

М. Марчак у сваім «Даведніку па Палессю» піша, што «на жаль, і гэтыя нешматлікія прадпрыемствы не маюць для палешукоў амаль ніякага значэння, людзі мала імі зайнтарэсаваны, бо не знаходзяць там працы, за выключэннем найніжэйшых паслуг. Большасць рабочых наймаецца з па-за Палесся» [6, с. 46]. Зразумелым падаецца тут цвёрджанне некаторых аўтараў аб тым, што прафесійныя школы не карысталіся папулярнасць сярод палескага вясковага насельніцтва [2, с. 15].

Яшчэ адным з варыянтаў выйсця з цяжкай эканамічнай сітуацыі была заробковая эміграцыя, як далёкая (галоўным чынам да ЗША, а таксама да Аргентыны і Бразіліі), так і да цэнтральных ваяводстваў Польшы [10, с. 40–41; 13, с. 109]. Першапачатковай мэтай такой эміграцыі, нават у выпадку невяртання (асабліва з краін Лацінскай Амерыкі), было імкненне зарабіць грошай для набыцця зямлі.

З-за абмежаванасці магчымасцяў самарэалізацыі па-за межамі сямейнай гаспадаркі пэўная частка вясковай моладзі звязвала свае надзеі з далучэннем да стылю жыцця, што ў вачах селяніна выступаў як спосаб усталавання сацыяльнай справядлівасці. Выступала гэта ў форме нелегальнай эміграцыі сялян на тэрыторыю Савецкай дзяржавы [13, с. 138–139; 2, с. 17; 10, с. 67].

Мала, што да жыццёвых перспектыв, давала і агульнаадукацыйная польская школа, якая, як і раней расійская, засталася інструментам дзяржаўнай экспансіі [7, с. 10]. Мэты яе ляжалі па-за патрэбамі вёскі. Метады, якімі яна карысталася, а таксама адсутнасць грамадскай перспектывы для сялянскіх дзяцей, прынамсі на Палессі, звужалі ролю школы да завочнага падарожжа вучня ў знешні свет з тым, каб потым вярнуўся гэты вучань да сямейнай гаспадаркі і забыўся амаль на ўсё, чаму навучыўся.

Таму бацькі не надта ахвотна аддавалі сваіх дзяцей у школу, паколькі не бачылі асаблівай карысці ад адукацыі ў будучым жыцці чапавека, які заставаўся працаваць на зямлі. Вось як бачыў гэтую праблему В. Астафіньскі: «не глядзячы на тое, што бацькі разумеюць неабходнасць адукацыі дзяцей, негледзячы на тое, што да школы адносяцца вельмі прыхільна, нярэдка тыя, што ўмеюць чытаць, карыстаюцца нават бібліятэкамі, а курсы для дарослых карыстаюцца вялікай папулярнасцю, акалічнасці вымушаюць да занябання школьнага абавязку. А шкада – бо матэрыял сапраўды вельмі добры, праца з гэтымі дзецьмі ўдзячная і хутка прыносіць плады» [9, с. 235]. Таксама Ю. Абрэмскі заўважае, што сяляне згаджаюцца, што «навука свет – не цьма», аднак з практычнага пункту бачання гавораць: «мне не патрэбна настаўніка, а патрэбен пастух» [7, с. 58].

Свайго роду пагадненне гэтых пастаў знаходзім у наступным выказванні жыхаркі вёскі Сяхновічы Жабінкаўскага р-ну: «вучыты было цяжко пры Польшчы, алэ мама (!) вучыла брата (!). Батько ўсэ бурчыць: от сядять пшэкають, а ты робы» [1, запісана ў 1996 г. у в. Сяхновічы Жабінкаўскага р-ну ад Дзісятк Марыі Міхайлаўны, 1928 г.н.]. У гэтым выказванні відаць яшчэ адну праблему школы на Палессі: стаўленне сялян да школы як да інстытуту чужога не толькі прафесійна, але і саслоўна (што тут неразрыўна звязана было з нацыянальным пытаннем) [падрабязней: 7].

Пошук жыццёвых перспектыв і жыццёвае самавызначэнне моладзі з'яўляліся часткай працэсаў, адным з якіх была эмансipaцыя асобы і імкненне яе да перамен. Перашкяджала гэтак многа фактараў, аднак, з матэрыялаў вынікае, што быў то перадусім не «сялянскі кансерватызм» (хаця і ён, наколькі меў месца, адыгрываў пэўную ролю), а эканамічная сітуацыя. Была яна настолькі складанай, што засланяла іншыя праблемы, што існавалі на гэтай тэрыторыі. Думаецца, што менавіта па гэтай прычыне адзін з дэлегатаў I Навуковага з'езду, прысвечанага усходнім землям (Варшава, 20–21 верасня 1936 г.), стараста з Лунінецкага павету Чэслаў Збераньскі сцвярджаў, што «няма нацыянальнага пытання на Палессі, няма рэлігійнага – толькі гаспадарчае» [4, с. 54].

Аграрная перанаселенасць і зямельны голад, што спадарожнічаў цяжкай эканамічнай сітуацыі, а таксама адсутнасць працы за межамі сельскай гаспадаркі па прычыне

слабага развіцця прамысловасці і спецыфічнай палітыкі польскай дзяржавы ў адносінах да мясцовага насельніцтва стваралі «зачараванае кола», у якім апыналася палеская вясковая моладзь, адваяваўшы сабе пэўныя правы ў справе самавызначэння, аднак, не маючы рэальнай магчымасці іх рэалізацыі па-за межамі традыцыйных узораў, выпрацаваных папярэднімі пакаленнямі, ад дыктату якіх новае так імкнулася пазбавіцца.

Спіс літаратуры

1. Матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў гістарычнага факультэта БрДУ.
2. Cichoracki, Ś. Polesie nieidylliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie poleskim w latach trzydziestych / Ś. Cichoracki. – Łomianki, 2007.
3. Grodzicki L. Struktura posiadania gruntów w województwie poleskim / L. Grodzicki. – Warszawa, 1936.
4. I Zjazd naukowy poświęcony ziemiom wschodnim w Warszawie 20 i 21 września 1936 r. Polesie (sprawozdanie i dyskusje). – Warszawa, 1938.
5. Lipińska, W. Dezorganizacja wsi poleskiej Olmany. Praca magisterska / W. Lipińska. – Uniwersytet Warszawski. – 1939; – rykanic y: Archiwum Uniwersytetu Warszawskiego, sygn.: KEM 7924.
6. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć n/Bugiem, 1935.
7. Obrębski, J. Pańska szkoła i muzyczne dzieci / J. Obrębski. – Warszawa, 1945. – машынапіс y: Archiwum Instytutu Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, sygn.: D 30.
8. Obrębski, J. Polesie archaiczne / J. Obrębski. – Warszawa, 1944. – машынапіс y: Archiwum Uniwersytetu Warszawskiego, sygn.: WH – hab. 1–2.
9. Ostafiński, W. Dziecko poleskie. w: Dziecko wsi polskiej. Próba charakterystyki / W. Ostafiński; pod red. M. Librachowej // Biblioteka dzieł pedagogicznych. Rok IX, Nr. 41, 42. / W. Ostafiński. – Warszawa, 1934. – S. 223–235.
10. Rolecki, R. Czudzin. Wieś powiatu łuninieckiego. Stosunki społeczno-gospodarcze / R. Rolecki. – Warszawa, 1934. Praca dyplomowa w: Archiwum Biblioteki SGH. Sygn.: R. 1025.
11. Staniewicz, W. Zagadnienie melioracji Polesia / W. Staniewicz. – Wilno, 1936.
12. Sznajder, M. Produkcja dykt na Polesiu. W: Polesie pod znakiem «nastawki» i dykty / M. Sznajder. – Pińsk, 1936. – S. 51– 54.
13. Tomaszewski, J. Z Dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1963.
14. Wierzbicki, M. Polacy i białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa, 2000.

I. M. Ładysz

Dolnośląska Szkoła Wyższa, Wrocław (Polska)

PRZEMIANY DEMOGRAFICZNE W DOLNOŚLĄSKIM REGIONIE PRZYGRANICZNYM

Wstęp

Jednym z najważniejszych czynników, stanowiących o wadze i tożsamości każdego regionu przygranicznego, są **ludzie** zamieszkujący dany obszar, ponieważ to oni decydują

w głównej mierze o jego przyszłości. Przez ludność rozumie się ogół mieszkańców określonego regionu i charakteryzuje się ją poprzez stan, czyli liczbę osób zamieszkujących dane terytorium w określonym momencie czasowym, strukturę, czyli podział całej ludności na grupy ze względu na określone kryteria ilościowe lub jakościowe oraz dynamikę mówiącą o zmienności w czasie liczby ludzi w czasie [1].

Za region przygraniczny, będący przedmiotem badań, zdaniem Z. Przybyły uważa się administracyjno-terytorialny układ społeczno-gospodarczy położony po jednej stronie granicy [2].

W artykule wydaje się celowe zawężenie pojęcia regionu przygranicznego w znaczeniu sensu stricto do województwa przygranicznego po stronie polskiej. W szerszym znaczeniu pojęcie to mogłoby się odnosić się do terytorialnych układów społeczno-gospodarczych położonych po jednej stronie granicy, które niekoniecznie odpowiadałyby podziałowi administracyjnemu kraju.

Celem artykułu jest ogólna charakterystyka wybranych zagadnień dotyczących przemian demograficznych zachodzących w dolnośląskim regionie przygranicznym.

Starzenie się społeczeństwa dolnośląskiego regionu przygranicznego jako problem ekonomiczny

W teorii ekonomii wielokrotnie badano związki procesów demograficznych z rozwojem gospodarczym regionów, na podstawie których stwierdzić można, że wzrost populacji ogranicza, promuje bądź nie ma wpływu na wzrost gospodarczy (wszystkie podejścia znalazły potwierdzenie w postaci dowodów założonych tez, skupiając się na rozmiarze populacji i jej wzroście). W ostatnich latach zauważono, że dużo większe znaczenie ma struktura wiekowa społeczeństwa w kwestii wpływu na wzrost gospodarczy.

Właśnie struktura wiekowa wpływa na rozwój gospodarczy regionów przygranicznych z uwagi na różnorodność potrzeb i zachowań ekonomicznych ludzi w zależności od ich wieku [3].

Według stanu w dniu 31 grudnia 2008 roku dolnośląski region przygraniczny zamieszkiwało 2877,1 tys. osób, a więc nieznacznie mniej niż w ubiegłych latach. W tym 52% ogólnej liczby ludności regionu stanowiły kobiety. Przypadało ich średnio 109 na 100 mężczyzn. Blisko 71% mieszkańców województwa to ludność zamieszkująca miasta. Największymi miastami w dolnośląskim regionie przygranicznym są: Wrocław (632,2 tys.), Wałbrzych, (122,4 tys.), Legnica (104,5 tys.), Jelenia Góra (85,4 tys.), Lubin (75,2 tys.), Głogów (68,0 tys.) i Świdnica (59,9 tys.).

Na badanym obszarze urodziło się blisko 30 tys. dzieci, a zmarło prawie 31 tys. osób. Zatem zaobserwowano ujemny przyrost naturalny – na 1000 ludności wyniósł minus 0,2 (w ubiegłym roku minus 0,8). Saldo migracji wewnętrznych i zagranicznych ludności na pobyt stały – minus 0,4 (przed rokiem minus 0,6), to znaczy, że większy był odpływ ludności z województwa dolnośląskiego, niż jej napływ.

Problem starzenia się społeczeństwa dotyczy całej Polski. Obecnie współczynnik płodności w kraju wynosi 1,39, co nie zapewnia prostej zastępowalności pokoleń, choć zaobserwowano nieznaczny wzrost w stosunku do poprzednich lat. Wynikało to głównie z faktu, że w wieku najwyższej płodności są teraz kobiety urodzone w latach wyżu demograficznego (roczniki 1979–1983, a także 1984–1988). O liczbie urodzeń decyduje liczba kobiet, ich struktura w wieku rozrodczym (15–49 lat) i ich dzietność. Ta ostatnia cecha jest uwarunkowana płodnością. Na Dolnym Śląsku, podobnie jak w całym kraju, płodność kobiet gwałtownie spada.

W dolnośląskim regionie przygranicznym zaobserwować można przeobrażenia demograficzne charakteryzujące się przesunięciem najwyższej płodności kobiet z grupy wieku 20–24 lata do grupy 25–29 lat, a także znaczący wzrost płodności w grupie wieku 30–34 lata. Najczęściej jest to efekt wyboru młodych ludzi dążących najpierw do osiągnięcia określonego poziomu wykształcenia oraz stabilizacji ekonomicznej, a następnie podjęcia decyzji o założeniu rodziny.

Największy wpływ na dzietność kobiet ma liczba zawieranych związków małżeńskich, ponieważ ponad 80% rodzi się w rodzinach tworzonych przez prawnie zawarte związki małżeńskie. W regionie dolnośląskim zaobserwowano wzrost liczby zawieranych małżeństw o 2,7% w stosunku do roku wcześniejszego. Jednakże w ostatnich latach zaobserwowano także rosnący współczynnik dzietności pozamałżeńskiej. Zwiększa się zatem liczba rodzin tworzonych przez związki partnerskie, a także rośnie liczba matek decydujących się samotnie wychowywać dziecko. Z badań rodzin wynika, że model rodziny na Dolnym Śląsku upodabnia się do wzorców zachodnioeuropejskich, stąd też nie należy się spodziewać ponownego występowania wysokiej dzietności.

Udział ludności w wieku poprodukcyjnym w regionie dolnośląskim wynosił 16%, a wieku produkcyjnym 66%. Według prognoz Głównego Urzędu Statystycznego i ONZ szacuje się, że nastąpi wzrost udziału osób starszych i spadek udziału ludzi w wieku przedprodukcyjnym i produkcyjnym. Będą to zatem niekorzystne zmiany zarówno dla regionu dolnośląskiego, jak i całego kraju. Kierunek tych zmian pokazuje wskaźnik obciążenia demograficznego, który określa liczbę osób w wieku przedprodukcyjnym i poprodukcyjnym przypadającą na 100 osób w wieku produkcyjnym. Wynosi on 52 i zgodnie z prognozami do roku 2050 będzie niezmiennie wzrastał. Jest to sytuacja niekorzystna ponieważ oznacza, że na każdą osobę w wieku produkcyjnych będzie przypadać coraz więcej osób w wieku przedprodukcyjnym i poprodukcyjnym. Wadą tego wskaźnika jest pomijanie aspektu aktywności zawodowej tych osób, więc nie pozwala powiedzieć ile osób realnie będzie miała na swoim utrzymaniu osoba pracująca. Negatywnie wygląda też sytuacja pod względem relacji liczby ludności w wieku 65 lat i więcej do liczby dzieci i młodzieży poniżej 20 lat, tzw. wskaźnik starości, ponieważ w 2008 r. zwiększył on swoją wartość do 65,9, w porównaniu z 64,9 w 2007 r. Oznacza to, że w obecnie na każde 100 osób w wieku poniżej 20 lat przypada blisko 66 osób powyżej 65 roku życia.

Wzrost liczby osób starszych w dolnośląskim regionie przygranicznym jest niekorzystną zmienną makroekonomiczną, gdyż wpływa negatywnie na sytuację ekonomiczną regionu dolnośląskiego. Powoduje bowiem spadek tempa wzrostu PKB na mieszkańca, wpływa negatywnie na udział oszczędności i inwestycji w gospodarce, na równowagę budżetową oraz pogarsza relację rachunku obrotów w stosunku do PKB.

Podsumowanie – skutki starzenia się ludności Dolnego Śląska

Znacznym problemem na Dolnym Śląsku, jak w całym kraju, jest starzenie się społeczeństwa. Przyczyną starzenia się społeczeństwa jest coraz dłuższy okres dalszego trwania życia i jednocześnie spadek płodności. Sytuacja ta wpływa na zmianę modelu: konsumpcji i produkcji, a także oszczędzania i inwestycji. W przypadku wzrostu w populacji ludzi w wieku produkcyjnym rośnie też liczba oszczędności. W województwie dolnośląskim zauważa się wzrost liczby osób w wieku poprodukcyjnym co wiąże się ze spadkiem oszczędności w gospodarce regionu. Zależność tę można wyjaśnić zgodnie z teorią konsumpcji i oszczędności opartą na cyklu życia jednostki, która mówi, że gospodarstwo domowe stara się dążyć do utrzymania jednakowego poziomu konsumpcji dóbr i usług przez całe życie. Zatem oszczędności z okresu, kiedy dana jednostka jest aktywna zawodowo mają jej zagwarantować także konsumpcje na okres poprodukcyjny. Dochody w momencie przejścia na emeryturę przestają rosnąć i utrzymują się na poziomie emerytury. Natomiast konsumpcja pozostaje jednakowa. Zatem ludzie, aby wyrównać konsumpcję, tworzą własne plany konsumpcyjne, zgodnie z którymi w okresie wysokiego dochodu (aktywności zawodowej) gromadzą oszczędności, z których finansują konsumpcje w okresie niskiego dochodu [4].

Podobnie jak w przypadku oszczędności, udział w populacji ludzi w wieku produkcyjnym jest również dodatnio skorelowany z udziałem inwestycji w PKB. Wynika to z faktu, że zmiany rozmiarów oszczędności wpływają na zmiany rozmiarów inwestycji w wyniki zmian demograficznych zachodzących w regionie dolnośląskim.

Starzenie się społeczeństwa dolnośląskiego regionu przygranicznego wpływa też na zmianę modelu wydatków budżetowych. Negatywnym skutkiem tej zmiany demograficznej jest wzrost świadczeń socjalnych i kosztów ubezpieczeń. Poza tym osoby starsze mają mniejszy wkład w życie społeczeństwa Dolnego Śląska, a zatem w rozwój gospodarczy. Można więc powiedzieć, że występująca sytuacja demograficzna wpływa nie tylko na równowagę budżetową w regionie dolnośląskim, ale też w Polsce. Budżet państwa jest bowiem w coraz większym stopniu obciążany wydatkami na systemy emerytalne oraz ochronę zdrowia.

Bibliografia

1. Procesy demograficzne w byłych województwach dolnośląskich w latach 1975–1997 / M. Cieślak (red.). – Wrocław: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego we Wrocławiu, 1999. – S. 20–23.

2. Przybyła Z. Problemy współpracy ekonomicznej regionów przygranicznych (na przykładzie euroregionu Nysa), Wyd. AE we Wrocławiu. – Wrocław, 1995 [natomiast zdaniem Z. Rykiela termin ten odnosi się do układu zlokalizowanego po obu stronach granicy]. szerzej Rykiel Z.: Region przygraniczny jako przedmiot badań geograficznych, «Przegląd Geograficzny» t. 62, z. 3–4. – Warszawa, 1990.

3. Bloom, D.E. Economic Growth and the Demographic Transition, Working Paper 8685, NBER Working Paper Series, National Bureau of Economic Research / D.E. Bloom, D. Canning, J. Sevilla. – Cambridge, 2001.

4. Begg, D. Makroekonomia / D. Begg, S. Fischer, R. Dornbusch. – Warszawa, 1996; Hall, R. Makroekonomia. Teoria, funkcjonowanie i polityka / R. Hall, J. Taylor. – Warszawa 1995. – S. 280–288.

Е.С. Бабосова

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Молодежь представляет собой важную социально-демографическую группу, находящуюся в процессе становления и развития социальной, психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособления к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям.

Молодежь представляет собой одну из наиболее перспективных групп общества. По последним данным, она составляет почти четверть населения Республики Беларусь. Являясь относительно активной социальной группой, она определяется в своих основных социальных качествах особенностями переходного состояния, в процессе которого приобретаются и закрепляются социальные статусы. Поскольку молодежь представляет собой перспективный социальный ресурс общества, своими социальными ожиданиями и практическими действиями она вносит ощутимый вклад в трансформацию современного общества. В то же время молодежь как социальная группа отличается тем, что она испытывает особые трудности во время социально-экономической, политической и культурной адаптации в современном белорусском обществе. Во многих международных документах, докладах и научных исследованиях подчеркивается, что практически во всех странах мира молодежь признается в качестве одной из самых уязвимых групп общества.

Социальная адаптация представляет собой сложный и многосторонний процесс приспособления человека или социальной группы к изменяющейся социально-экономической, социокультурной и политической среде. Целью этого процесса является обеспечение устойчивости образа жизни, а также его изменения на основе осуществления инновационных трансформаций в повседневной жизнедеятельности. **Адаптация** отражает возможности индивида выполнять определенные социальные функции: адекватно воспринимать окружающую действительность; строить систему отношений и общения с окружающими; владеть способностями к труду, включенности в общественные отношения, в организацию досуга.

Специфика социальной адаптации молодежи в современном белорусском обществе заключается в том, что молодым людям необходимо затрачивать все большее количество времени для вхождения в новую социальную среду, в результате которого создаются условия не только для осуществления их потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самого общества. Приспособление общества к интересам молодежи создает условия для более глубокой адаптации личности и ее самореализации, а адаптированность личности способствует интеграции общества, его стабильному и устойчивому развитию.

Выделяется группа факторов социальной адаптации, которые детерминируют поведение людей, в том числе и молодежи. Одним из наиболее существенных показателей, влияющих на процесс социальной адаптации молодежи, является оценка молодыми людьми своего материального положения. Социологический опрос, проведенный в 2008 году, показал, что более половины молодежи оценивает свое материальное положение как среднее, или выше среднего (59 и 9% соответственно). В четыре с половиной раза меньшее количество молодых респондентов не удовлетворены своим материальным положением (16%). Помимо выяснения самооценки своего материального положения, большой интерес представляет изучение источников доходов молодежи. Основным источником доходов для молодых людей является заработная плата (86% респондентов). На последующих местах находятся денежная помощь родственников и друзей (13%), стипендия и подработка (13 и 11% опрошенных) [1, с. 53].

Вторым по значительности адаптационным фактором, который волнует большинство молодежи, является жилищный вопрос – 59% респондентов отметили эту позицию, как тревожащую их больше всего. Большинство молодых людей в нашей стране проживают вместе с родителями и ближайшими родственниками, так как приобретение собственного жилья им не по карману. На следующем месте среди проблем тревожности молодых людей находятся уровень оплаты труда (53% респондентов), а также цены на продукты и товары первой необходимости (53% опрошенных). Так как основным источником доходов молодых людей является заработная плата или стипендия, неудовлетворенность уровнем оплаты труда и своим материальным положением заставляет молодежь задумываться о своей профессиональной деятельности, поисках более высокооплачиваемой работы или подработок. В такой непростой ситуации государственная поддержка молодых семей при решении жилищной проблемы должна стать основой стабильных условий жизни для молодой и наиболее активной части населения, что повлияет на улучшение демографической ситуации в стране и более активную включенность молодежи в обеспечение устойчивого социально-экономического развития.

Социальная адаптация молодежи тесно связана с социализацией, они взаимно обуславливают успешность, эффективность друг друга. Наиболее важную роль в адаптационных процессах выполняет политическая социализация, в процессе которой

происходит формирование политических взглядов и убеждений, идеологических предпочтений. Политическая социализация представляет собой двухсторонний процесс интериоризации (усвоения) индивидом ценностей и норм политической культуры, существующей в обществе, социальных ролей и способов включения в политические процессы с одновременной экстериоризацией (вынесением вовне) свойственных данной личности способов и особенностей политического поведения путем ее активной социальной деятельности.

Системообразующим ядром процесса политической социализации индивида является формирование политического самосознания (политического «Я» личности). Политическое «Я» личности – это сплошное социально-психологическое образование, представляющее собой непосредственно данную индивиду целостность его индивидуальной жизни, центр его сознания, переживаний и деятельности, включенных в политическую жизнь общества. В каждый конкретный момент политическое «Я», как установили выдающийся американский социолог Габриэль Алмонд и его коллеги, представляет собой многослойную комбинацию ряда различных мнений, ориентаций и установок. [2, с. 105–106] Самый глубинный уровень составляют политические идентификации и убеждения. Второй уровень составляют эмоционально насыщенные установки индивида по отношению к политической жизни. Третий уровень составляют более непосредственные суждения по текущим политическим событиям, проблемам и персоналиям.

Трехуровневый каркас политического «Я» составляет основополагающий теоретико-методологический базис для конструирования структурной модели политической социализации молодежи. При разработке такой модели необходимо учитывать, что первоначальные элементы мировоззренческого и политического образования и воспитания социализирующийся индивид усваивает в семье, а затем в школе через обучение предметам общественно-гуманитарного цикла. Синтез обучения и воспитания индивида в политических координатах идентифицируется в старших классах средней школы, в колледже и вузе, где более отчетливо проявляются уровень и специфика политического развития личности. Этот процесс продолжается в общественных организациях молодежи, в различных формах молодежного движения, в трудовом коллективе. Здесь более отчетливым становится политическое самоопределение личности, более рельефными становятся ее политические ориентации. Совокупность политического образования и воспитания, воплощенных в политическом развитии личности, в ее политическом самоопределении и ценностных ориентациях, создают в своем интегральном единстве предпосылки для формирования мотивов участия (либо неучастия) личности в политических действиях. Результирующим итогом определенного цикла политической социализации является включенность молодежи в политическую деятельность (схема).

Разумеется, все охарактеризованные компоненты процесса политической социализации молодежи базируются на политическом опыте народа и на функционирующей в стране политической системе. Все эти перечисленные компоненты должны обязательно учитываться для адекватного понимания степени включенности молодых людей в сферу политики и процесса их адаптации к социально-политическим процессам. Все изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что в процессе достижения устойчивого социально-экономического развития в Беларуси приоритетную значимость приобретает исследование адаптации молодежи к трансформациям в социально-экономической, политической и культурной сферах общества, а так же изучение мотивационной структуры вовлечения молодых людей в политическую деятельность.

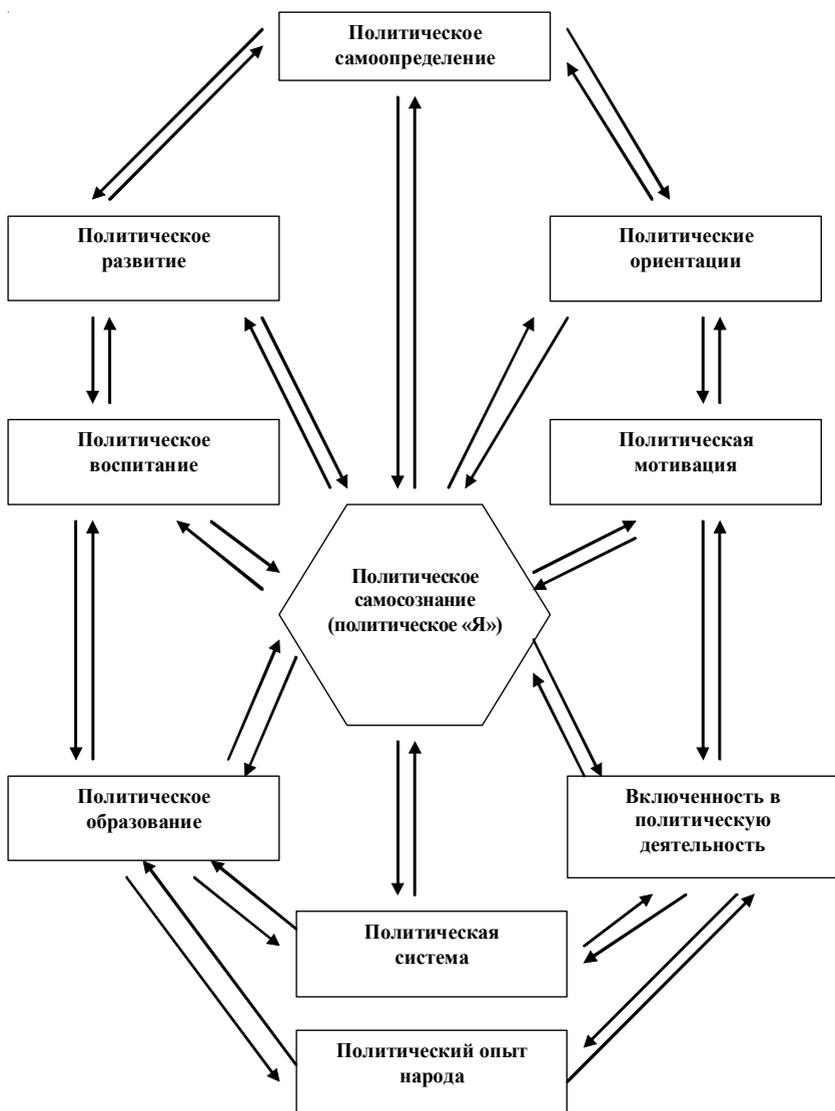

Схема – Структурная модель взаимосвязи компонентов политической социализации.

Список литературы

1. Бабосова, Е.С. Социальный институт аспирантуры и его роль в формировании мотивационных установок молодежи на науку как профессию / Е.С. Бабосова // Социология (РБ). – Минск, 2009. – № 2. – С. 51–61.
2. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд, Д. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М., 2008.

О.Г. Лукашова

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

Изучение процесса выбора профессии и социального самоопределения молодыми людьми представляет стабильный научный интерес, поскольку молодежь является важным трудовым ресурсом общества. Актуальность изучения возрастает, если выбор сферы деятельности индивидами осуществляется в период кардинальных экономических и социальных трансформаций в обществе, а также кризисных явлений в экономике страны, вызванных мировым финансово – экономическим кризисом первого десятилетия нового века. Выбор профессии является одним из ключевых жизненных моментов, во многом определяющим настоящее и будущее молодых людей. Неадекватный выбор профессии, вызванный социальными причинами, экономическими или географическими факторами, отсутствием представлений о ситуации на рынке труда, ошибочными оценками своих возможностей, дорого обходится и обществу, и индивиду. Напротив, осознание перспективности выбранной профессии, ее успешное освоение и достижение высокого уровня профессионализма предполагает в будущем обеспеченность интересной работой, ассоциируется с жизненным успехом, становится ценностью. Практика показывает, что выбор сферы деятельности является не всегда глубоко продуманным решением, принятым в соответствии с внутренними потребностями и интересами личности, а также не всегда основан на оценке реальных способностей индивида. Огромное значение на выбор профессии оказывают конкретно-историческая ситуация, потребность в специалистах в той или иной сфере народного хозяйства, масштабы безработицы, профессиональная конъюнктура на рынке труда (включая региональную специфику рынка), престижность профессии, влияние семьи и семейных профессиональных традиций, доступность определенного уровня образования (уровень индивидуальной подготовки, возможность оплатить обучение) и пр.

Материалы социологического исследования трудового самоопределения молодежи, профессиональных интересов и ценностных ориентаций, проведенного автором при поддержке БРФФИ в 2008 – 2009 годы [1], показывают, что в числе безусловных аксиологических приоритетов современной белорусской молодежи находятся такие традиционные жизненные ценности как здоровье, семья и дети, личностное общение (друзья, любимые). Но ценностное сознание современной молодежи синкретично, отражает смешение элементов различных ценностных систем. Трансформация социально-экономической системы общества, курс на рыночные преобразования, обусловили существенное возвышение значимости таких ценностей как материальное благополучие, деньги. Все более распространенными чертами, присущими современной личности, становятся прагматизм и индивидуализм, ориентация на личную выгоду, заимствованные из инокультурной среды. Такие ценности как интересная работа, карьера, уверенность в себе, свобода отражают аксиологические приоритеты

лишь части молодежи. Наиболее существенными потерями в духовно-нравственном плане можно считать перемещение на периферию ценностного поля современной молодежи таких ценностей, как Родина, доброта, мудрость, самосовершенствование, познание, творчество, общественное признание.

В общественном сознании молодежи республики резко снизился престиж социально-значимых профессий, таких как врач, педагог, ученый, инженер, агроном, ветврач, военный, а также рабочих профессий. Устойчивую позицию занимает такой стереотип, как «престиж высшего образования», который заключается в преимущественной ориентации на получение высшего уровня образования, безотносительно к конкретной профессии. Современных молодых людей более всего привлекают профессиональная деятельность бизнесмена, финансиста, юриста, чиновника, не связанные или мало связанные с реальным производством. Ярко выражена ориентация белорусской молодежи на профессии гуманитарной сферы в ущерб профессиям инженерно-технического профиля, сферы сельского хозяйства.

По данным исследования, группа профессий, занимающих наиболее высокие места в профессиональной иерархии, связана с финансово-экономической и юридической сферами деятельности, а также программированием. Основными факторами, определяющими такой выбор, является широта распространения данных профессий в различных сферах народного хозяйства и относительно высокий уровень заработной платы. Знания, приобретенные по данным профессиям, необходимы для ведения бизнеса, для работы в сфере управления, а также широко применяются в различных жизненных ситуациях. Стремление белорусской молодежи к освоению профессий юриста и экономиста поддерживали негосударственные вузы, открыв у себя подготовку по этим специальностям, а также государственные, расширив подготовку за счет средств обучающихся. В настоящее время это привело к дисбалансу спроса и предложения на рынке труда по этим группам специальностей, что предопределяет проблемы с трудоустройством для части молодых специалистов. Высокая или низкая оценка престижа той или иной профессии говорит об определенной направленности сознания молодых людей и различном отношении к тем или иным аспектам труда, о мотивирующей роли престижа профессий в процессе профессионального и жизненного самоопределения.

Полученные в ходе исследования данные показывают, что еще одной особенностью процесса трансформации в сознании белорусской молодежи, отражающем профессионально-трудоую сферу, является ослабление ориентации молодых людей на содержательные аспекты труда. Преобладающей становится ориентация на материальный фактор в труде. Так, большинство опрошенных выпускников (76,9%) наиболее важным для себя аспектом будущей работы назвали возможность зарабатывать хорошие деньги. На втором месте среди ценностей работы у будущих специалистов – стремление иметь хорошие условия труда (54,8%). На третье место выпускники ставят наличие возможности сделать профессиональную карьеру (41,7%). Достаточно высоко оцениваются молодыми респондентами и такие аспекты трудовой деятельности, как относительная независимость в работе (29,9%, четвертое место в ранге) и престижность работы (28,2%, шестое место). Содержательные аспекты работы не вошли в тройку важнейших приоритетов трудовой деятельности современной белорусской молодежи. В ранговой структуре ценностей труда они располагаются следующим образом: полное использование знаний, опыта, квалификация (28,8%, пятая позиция); работа с квалифицированными коллегами (22,1%, седьмая позиция); работа над интересными проблемами (17,6%, десятая позиция); полная реализация личных способностей (17,4%, одиннадцатая позиция).

Таким образом, в сознании молодежи материальный фактор выступает в качестве основной ценности труда. Однако наблюдаются некоторые различия в мотивации трудовой деятельности у различных образовательных групп молодежи. По убыванию ценностных приоритетов можно дать следующие краткие характеристики образовательным группам выпускников. Так, с ростом образования молодежи ориентация на материальный фактор тру-

да несколько ослабевает: ценность зарплаты и условий труда умеренно высоки. Ценности, характеризующие содержание труда, в ранговой структуре студентов вузов занимают более высокие позиции, чем в ранговых структурах учащихся средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. Для студентов более важна интересная работа, они выше ценят независимость в труде, возможность принимать самостоятельные профессиональные решения, возможность профессиональной и творческой самореализации. Немаловажное значение студенты придадут достижению высокой статусной позиции и возможности добиться уважения окружающих при помощи своей профессии.

Для учащихся средних специальных учебных заведений в трудовой сфере максимальное значение имеют хорошие, комфортные условия работы. Они более высоко, чем студенты вузов, оценивают возможность получать высокую заработную плату. Привлекательной стороной трудовой деятельности для них является и возможность выстроить профессиональную карьеру. Менее актуальными ценностями в труде для них является профессиональная реализация, престижность профессии, свобода, творчество, лидерство.

Учащиеся профессионально-технических учебных заведений придают максимальное значение уровню оплаты труда, высоко актуализируют престиж предприятия, на котором их хотелось бы работать. Они не столь требовательны к хорошим условиям работы, и не ждут, что избранная профессия им это предоставит. Значительно в меньшей степени, чем другие образовательные группы респондентов, претендуют на профессиональную самореализацию, а творчество и реализацию личных способностей относят в конец ценностного списка. Учащиеся профтехучилищ достаточно реалистичны и не наделяют избранные ими рабочие профессии свойствами, которые позволили бы им достичь высокого положения в обществе.

Основная роль в реализации курса на инновационное развитие белорусского общества отводится творческой личности, стремящейся к самореализации, способной к восприятию, освоению и продуцированию инноваций. Повышение эффективности управления инновационными процессами и таким экономическим ресурсом, как молодежная рабочая сила, требует учета приведенных выше основных профессионально-трудовых ориентаций молодежи¹¹⁵.

Л.П. Гилевская

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Социологическое сопровождение анализа сущности социального самочувствия, его индикаторов, факторов, обуславливающих жизненную удовлетворенность населения, отслеживание динамики развития социального самочувствия затрагивает весьма важные сферы человеческой жизнедеятельности в социальном контексте. Речь идет о

¹¹⁵ Исследование «Трудовое самоопределение молодежи: интересы, социально-профессиональные ориентации, стратегии трудоустройства» проведено О.Г. Лукашовой (руководитель проекта) и Е.Е. Серовой в 2008 – 2009 гг. при поддержке БРФФИ (грант Г07 – 321) среди студентов и учащихся выпускных курсов 14 учреждений образования. N = 500.

том, что подобные исследования позволяют в перспективе говорить о жизненных стратегиях личности, о причинах их выбора, о прогнозах протестного поведения, об особенностях восприятия социальных инноваций и о перспективах развития общества в целом. Социальное самочувствие, как особое социально-психологическое состояние личности, не является спонтанной характеристикой. Подобное состояние всегда взаимобусловлено внешним воздействием. Другими словами, оно детерминировано внешними по отношению к личности социальными явлениями и процессами. Социальное самочувствие – это продукт включения человека в общество, в котором он функционирует, формируется, активно преобразуется, оказывая при этом обратное влияние на протекающие в обществе процессы. Проблематика социального самочувствия обладает широким масштабом и затрагивает множество явлений социальной реальности. Так, социальное самочувствие касается, во-первых, области реализации человеческого потенциала, так как показатели жизненной удовлетворенности влияют на самореализацию индивида и успешное применение его знаний, сил, навыков в соответствующих видах деятельности; во-вторых, регулирования его поведения, так как, становясь мотивом поведения, самочувствие выражается в различных формах активности/пассивности личности, направляет ее на поиск соответствующих средств достижения желаемого, комфортного для себя состояния, насколько это возможно в конкретных условиях; в-третьих, адаптации к постоянно изменяющимся условиям, причем данная связь носит двусторонний характер, ведь самочувствие как детерминирует выбор адаптационных стратегий индивида, так и является результатом успешности протекания приспособления к новым жизненным условиям; в четвертых, физического и душевного здоровья нации, сохранение которого является важной стратегией национальной безопасности, требующей своего «вложения», например, распространение здорового образа жизни, формирование репродуктивных стратегий современной молодежи и т.д.; в-пятых, социальные инноваций, в контексте которых социальное самочувствие наиболее адекватно отражает, как зеркало, особенности, направленность протекания изменений в обществе.

Следует отметить, что свою довольно значимую лепту в формирование социального самочувствия населения Беларуси внес мировой финансово-экономический кризис, затронувший наше государство и общество. Речь идет не о кризисе в целом, а о его последствиях, таких как задержки заработной платы и социальных выплат, закрытие предприятий, сокращение и увольнение, обесценивание рублевых сбережений, рост цен на товары и услуги и пр., которые ощутили на себе многие граждане, а ведь от них зависит их жизненное благополучие и благосостояние. Да и в оценочных прогнозах общественного мнения нашел свое отражение пессимизм, который проявился в том, что, по мнению белорусского населения кризис негативно отразится как на экономическом развитии страны, так и на личном материальном положении.

Изучение социального самочувствия населения позволит выяснить, каково субъективное восприятие социально-экономической ситуации в стране и собственно благополучия в современных белорусских реалиях. Для социологического изучения социального самочувствия использовались следующие индикаторы: 1) самооценки настроения; 2) самооценки жизненной удовлетворенности; 3) самооценки эмоционального состояния (самочувствия); 4) оценки удовлетворенности положением дел в стране и регионе проживания. Рассмотрим социальное самочувствие как интегральное образование (комплексную характеристику личности), проявляющуюся как результат восприятия окружающей действительности и собственного положения в обществе; реализации жизненных целей и ценностей, отражающую также перспективы развития личности в социокультурной среде и основных общественных сфер (экономической, политической, социальной и духовной).

В целом население всех регионов демонстрирует позитивные оценки собственного настроения (таблица 1).

Таблица 1 – Самооценки настроения, в % от числа опрошенных

Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	Все население
Нет ответа	0,3	0,4	0,2	0,4	0,7	0,7	0,3	0,4
Прекрасное настроение	18,0	9,7	9,7	4,8	12,7	11,1	8,6	10,9
Нормальное, ровное состояние	42,2	44,6	37,4	35,5	37,9	44,6	42,8	40,7
Испытываю напряжение, раздражение	12,1	12,9	19,1	18,9	14,5	12,0	18,2	15,2
Испытываю страх, тоску	4,2	2,6	8,9	8,4	3,2	5,8	4,3	5,3
Затрудняюсь ответить	6,0	5,2	4,4	4,6	4,0	6,1	4,0	4,9
Изменчивое (разное)	17,2	24,6	20,4	27,4	27,0	19,7	21,7	22,5

Однако больше всего респондентов, испытывающих нормальное и ровное состояние, находится в Минской и Витебской областях (44,6%), на втором месте с небольшим отставанием Могилевская и Брестская области (42,8% и 42,2% соответственно). Среди минчан нормальным настроением обладает 37,9% опрошенных, недалеко ушло население Гомельской области, таких респондентов там 37,4%. Меньше всего опрошенных с ровным и прекрасным настроением в Гродненской области: среди всех опрошенных прекрасное настроение всего лишь у 4,8%, что в два раза меньше, чем в Витебской и Гомельской областях, в три раза, чем в Минске и Миской области. Больше всего опрошенных респондентов, которые оценили свое настроение как прекрасное, проживает в Брестской области, где почти пятая часть обладает прекрасным настроением. Так, настроение населения Гомельской, Гродненской и Могилевской областей отличается от жителей других регионов большим проявлением в настроении напряжения и раздражения, а проживающие в Гомельской и Гродненской областях испытывают страх и тоску (8,9% 8,4% соответственно). Меньше всего опасений проявляется в настроении витебчан (2,6%) и минчан (3,2%).

Индикатор самооценок жизненной удовлетворенности в целом на уровне всего опрошенного населения характеризуется высокими показателями. Что касается регионального аспекта проявления данного индикатора социального самочувствия, то большинство населения всех исследуемых регионов определяет для себя положительные оценки собственной жизненной удовлетворенности. На рисунке видно, что по данному показателю лидирует Минская, Брестская области и город Минск, т.е. больше всего «удовлетворенных» проживает именно в этих регионах (рисунок 1).

На основании проведенного математического анализа, построим иерархию областей, основанную на нисходящем принципе, а именно, первые места займут «благоприятные» области, с высоким уровнем жизненной удовлетворенности, а на последних будут находиться те, где больше всего встречается среди опрошенных неудовлетворенных собственной жизнью. Итак, по уровню жизненной удовлетворенности лидирует Брестская область, в которой больше, чем в других областях, респондентов полностью удовлетворены жизнью (18,3%), скорее удовлетворенных чуть более половины опрошенных брестчан (51,2%), и для 17,9% характерны негативные самооценки. На втором месте находится Минская область, в ней 64% удовлетворенных и 24,1% неудовлетворенных¹¹⁶. Следует за Минской областью столица, в которой 60,9% удовлетворены жизнью и 27% не удовлетворены. Могилевская и Витебская области разделили четвертое место, т.к. их объединяет практически одинаковое количество «удовлетворенных». Но неудовлетворенных все же больше на 8% в Могилевской области (31,4%) по сравнению с Витебской, в которой, кста-

¹¹⁶ Процент удовлетворенных и неудовлетворенных определяется суммированием позиций «скорее удовлетворен» и «полностью удовлетворен», а также «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен совсем» соответственно.

ти, больше, чем в других регионах «колеблющихся» по данному вопросу, т.к. 21,8% опрошенных витебчан не смогли определить, удовлетворены они жизнью или нет. Пятое место с довольно низкими показателями жизненной удовлетворенности занимает также пара регионов – Гомельская (50,3%) удовлетворенных, от которой на 0,4 % отстает Гродненская область, где 49,9% удовлетворены и 37,3% не удовлетворены собственной жизнью. Также можно выделить региональные различия в определении респондентами факторов, обуславливающих жизненную удовлетворенность. Жители всех регионов, за исключением Брестской области, оценивали то, насколько они счастливы в целом и сравнивали собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми. Жители Брестской области при оценке удовлетворенности жизнью отдали предпочтение сравнению собственного благополучия с другими людьми, а потом уже собственному ощущению счастья¹¹⁷. Третье место занял такой фактор, как оценка поставленных и достигнутых целей, что объединило жителей Брестской, Гомельской, Гродненской областей и столицы. А вот для респондентов Минской и Могилевской областей помимо счастья и уровня жизни, одним из решающих факторов оказалось семейное благополучие и личные отношения.

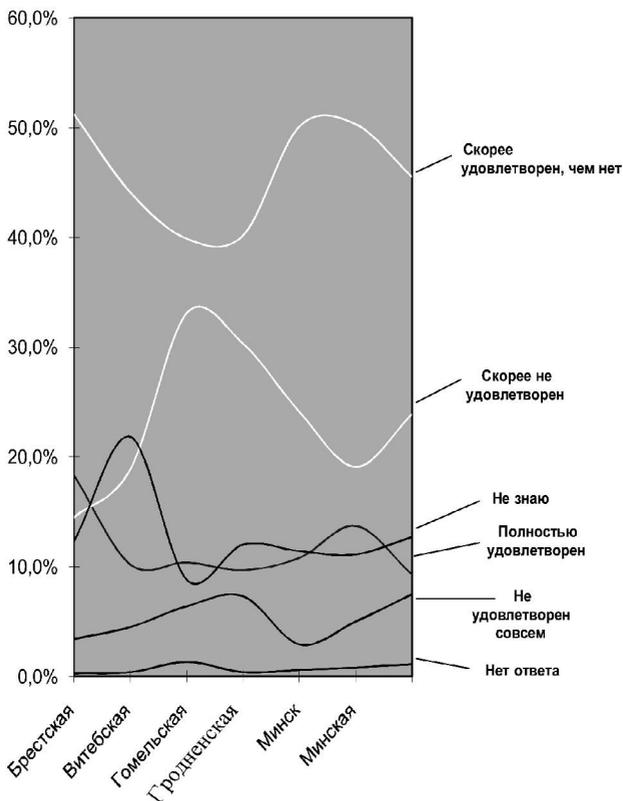

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов проживающих в разных регионах Беларуси на вопрос «Оцените, пожалуйста, в какой степени вы удовлетворены жизнью в целом?»

¹¹⁷ Респондентам предлагалось выбрать несколько альтернатив при оценке жизненной удовлетворенности.

Рейтинг областей по показателю самооценок самочувствия (эмоционального состояния) выглядит следующим образом (таблица 2).

Таблица 2 – Самооценки эмоционального состояния, самочувствия, в % от числа опрошенных

Как Вы оцениваете свое эмоциональное состояние, самочувствие в последнее время?	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	Все население
Нет ответа	0,3	0,4			0,5	0,5	0,7	0,4
Мое самочувствие хорошее	31,7	17,9	17,9	17,9	30,5	20,7	24,5	23,3
Я ощущаю себя счастливым	5,2	4,1	4,5	4,5	7,5	6,0	4,5	5,3
Я точно не могу определить свое самочувствие	18,0	34,3	11,3	18,0	12,6	13,9	17,0	17,6
Мое самочувствие удовлетворительное	32,0	29,7	43,1	38,3	33,5	40,1	32,5	35,7
Мое самочувствие плохое	5,5	7,5	15,4	15,1	6,9	10,9	13,4	10,4
Я не прислушиваюсь к своему самочувствию	7,3	6,1	7,8	6,1	8,6	8,0	7,3	7,4

Лидирующими регионами являются Брестская область и г. Минск, в которых почти треть населения по каждому региону охарактеризовало собственное самочувствие как хорошее (31,7% и 30,5% соответственно). Затем следует Могилевская область – 24,5% и Минская – 20,7%. 17,9% опрошенных жителей Витебской, Гомельской и Гродненской областей по каждому региону также определили свое самочувствие как позитивное. Больше всего счастливых проживает в г. Минске (7,5%), а меньше всего – в Витебской области (4,1%), однако среди жителей этого региона больше всех «колеблющихся», т.е. тех, кто не смог точно определить свое самочувствие, как, впрочем, и оценить уровень жизненной удовлетворенности (о чем было сказано раньше). Больше всего жителей с плохим самочувствием проживает в Гомельской, Гродненской областях, там 15,4% и 15,1%, соответственно, оценили свое эмоциональное состояние как плохое. Но в целом, мнение большинства респондентов по каждому региону по вопросу самочувствия отличается удовлетворительными самооценками.

На основании описания социального самочувствия населения регионов нашей страны сделаем выводы, что, несмотря на финансово-экономический кризис, самооценки жителей всех областей отличаются позитивными характеристиками настроения, самочувствия и жизненной удовлетворенности. Однако по индикатору настроения более положительным фоном окрашено социальное самочувствие жителей Брестской, Минской и Витебской области; по критерию жизненной удовлетворенности – население Брестской, Минской и г. Минска; по показателю самочувствия – Брестской, г. Минска, Могилевской области.

Раздел 8. ОБРАЗОВАНИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПОГРАНИЧЬЕ: МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

В.Н. Комар

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

О ВЛИЯНИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

В условиях развития приграничных контактов, которые получили мощный импульс между Республикой Беларусь и Республикой Польша в последнее время, особое значение приобретают контакты и общение между молодежью наших стран. Особую роль в связи с этим приобретает возможность получения образования в соседней стране, что позволяет наряду с получением профессиональных знаний ближе узнать своих соседей, познакомиться с их культурой, традициями, их менталитетом и достижениями.

Необходимо отметить, в Республике Польша с каждым годом продолжают улучшаться условия для обучения молодежи из Республики Беларусь. В тоже время наши белорусские вузы не так активны в продвижении и рекламировании своих образовательных услуг на приграничных территориях. Поэтому, нам кажется, настало время более активно выходить на образовательный рынок приграничья и привлекать талантливую молодежь в наши вузы. Естественно, что наряду с рекламой такого обучения необходимо решение ряда других не менее важных задач. Это прежде всего финансовые вопросы обучения (возможно, необходимо установление льгот для отдельных категорий студентов приграничья), возможность предоставления комфортабельных условий для проживания студентов, развитие возможностей преодоления языкового барьера на подготовительном этапе, до поступления в вузы Республики Беларусь (как это делает Республика Польша) и т.д. Однако, одной из самых важных задач, на наш взгляд, является достижение высоких стандартов образовательных услуг, оказываемых нашими вузами, которые должны соответствовать мировому уровню. Только качественное образование позволит привлечь нам студентов из приграничья.

Следует отметить, что в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы активно ведется работа в этом направлении. Подтверждением успешной работы коллектива университета в области качества образования является вручение 20 января этого года Гродненскому государственному университету национального и международного Сертификатов соответствия системы менеджмента качества. Признание соответствия менеджмента образования мировому уровню в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы было получено после тщательного изучения работы всего коллектива университета специальной комиссией. Данное событие должно, как нам кажется, дать мощный импульс в направлении расширения оказания образовательных услуг на приграничные территории, в частности, на территорию Республики Польша, которая является нашим ближайшим соседом. Особенно перспективным, с нашей точки зрения, является подготовка студентов с приграничных территорий по техническим специальностям. Это обусловлено традиционно высоким уровнем подготовки студентов в этих

областях в рамках системы обучения бывшего Советского Союза, которая в Республике Беларусь и, в частности, в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы, сохранила свои лучшие качества благодаря высококвалифицированным специалистам, получившим образование в лучших вузах бывшего СССР и ведущих подготовку студентов на двух технических факультетах ГрГУ им. Я. Купалы – на факультете строительства и транспорта и физико-техническом факультете. Наличие современной научно-технической, лабораторной и компьютерной базы позволяет получать образование, уровень которого соответствует международным стандартам.

Мы считаем, что при активизации усилий в направлении решения указанных выше задач может быть выявлено значительное количество желающих из приграничных территорий (в частности, из соседнего для нас Белостока Республики Польша) получить техническое образование на факультете строительства и транспорта или физико-техническом факультете Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Привлечение из приграничных территорий для обучения студентов в Гродненский государственный университет им. Я. Купалы расширит возможности молодежи из приграничья для личного общения и окажет значительное влияние на развитие социальных и культурных связей приграничья.

Н.Л. Мысливец

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

На протяжении длительного исторического периода одним из центральных звеньев любой национальной системы высшего образования является крупномасштабный многопрофильный региональный университет. Помимо решения общих задач высшего образования такие университеты выполняют ряд важнейших функций в отношении основных сфер жизнедеятельности региональных сообществ, располагают уникальным культурным потенциалом, реализуемым в воспроизводстве общественного интеллекта, профессионально-квалификационного состава населения, его основных институциональных структур в экономике, социальной, духовной и общественно-политической жизни. Новые условия существования университетов поставили перед научно-образовательным сообществом вопрос о том, можно ли сохранить прежний способ работы, основанный на государственном протекционизме и государственном финансировании высшего образования, или же следует приспособиться к новым условиям, жертвуя в какой-то степени академической свободой и включаясь в рыночную деятельность.

Любой вуз действует в конкретной системе координат и поэтому при соблюдении целей и задач общенационального масштаба должен ориентироваться на местные запросы. Гармоничное сочетание общегосударственных и местных интересов традиционно было характерной чертой вузов в регионах. Их дальнейшее развитие может быть эффективным только в системе общегосударственного образовательного пространства, при соблюдении государственных образовательных стандартов.

Социальное взаимодействие университета с региональным сообществом многопланово. Такие университеты призваны выполнять не только требования государственных образовательных стандартов подготовки специалистов различного профиля, но и принять на себя функции центра образования, науки и культуры региона. Существенное

влияние на их деятельность оказывают различные группы и организации как общегосударственного, так и регионального уровней. Развитие их потенциала и кадровых ресурсов тесно связано с потребностями региона, с необходимостью участия в разработке и реализации программ социально-экономического развития региона.

Региональные университеты имеют достаточно сложную содержательную и организационную структуры, обеспечивающие преемственность, непрерывность и многоуровневость профессионального образования. В отличие от классических, региональные университеты обязаны обеспечивать не только фундаментальную научную подготовку, но и освоение выпускниками компетенций, позволяющих им успешно осуществлять профессиональную деятельность в различных сферах.

На университеты государством возлагается социальная ответственность за свой регион и стимулируется активное взаимодействие с местными властями, общественными организациями и промышленностью. Возможности университета по развитию региона рассматриваются в следующих направлениях:

1. Вклад университета как крупного работодателя в региональное развитие.
2. Технологическое развитие промышленности и сельского хозяйства региона посредством трансфера технологий (консультационная деятельность, технопарки и др.).
3. Профессиональное образование и переподготовка, повышение квалификации и т.п.

Давление на университет со стороны рынка и властных структур приводит к тому, что они перестают быть особыми и, как было ранее, достаточно автономными социальными институтами, на них все более распространяются те же правила игры, которые существуют для производственных и коммерческих предприятий. Высшая школа постепенно превращается в полноправного субъекта рыночных отношений. Этот процесс стимулирует трансформацию ее структуры, изменение функций, обретение новых источников финансирования, разработку новых методов обучения и контроля знаний.

Глобальные изменения общества и экономики привели к необходимости разработки более эффективных методов организации и управления вузами, действующими в рыночных условиях, к внедрению такого стиля управления, который обеспечивает гибкость и стратегическое взаимодействие с внешней средой. К числу важнейших задач, над решением которых должен постоянно работать современный университет, следует отнести создание новых исследовательских методов и изучение новых областей знания или новых проблем в уже известных областях, развитие инновационных методов обучения и модификацию содержания обучения путем отражения в нем новейших достижений науки и практики, внедрение знаний в практику с помощью различных видов взаимодействия с внешней средой.

Современный успешно развивающийся региональный университет представляет собой структуру, интегрированную в экономику региона по таким направлениям деятельности, как подготовка кадров под заказ, проведение прикладных исследований, освоение инновационных, востребованных технологий. Важнейшим фактором инновационного развития страны становится стратегическое партнерство университетов с крупными предприятиями. Примерами такого сотрудничества служит создание совместных научно-исследовательских лабораторий, открытие филиалов кафедр на предприятиях, что позволяет существенно повысить степень интеграции учебной, научной и производственной сфер.

Для высшей школы традиционным является выделение кафедрального, факультетского и вузовского уровней управления. В современном многопрофильном региональном университете выделяется дополнительный уровень – уровень института как промежуточного звена между факультетским и университетским, что вызвано несколькими причинами. Во-первых, при множестве специальностей неоднородном их

составе целесообразна их группировка по направлениям и по отраслям для оптимизации организационных форм проведения учебного процесса и экономии ресурсов. Во-вторых, внешние взаимодействия в вопросах подготовки кадров осуществляются по отраслевому принципу. В-третьих, научные сообщества формируются по отраслям знаний, в рамках которых происходит общение ученых, выработка решений относительно направлений дальнейших исследований и их финансирования. В-четвертых, факультеты и их подразделения локализуются и обретают обособленное пространство и ресурсы.

Общая социальная эффективность регионального университета во многом обусловлена складывающимися механизмами и условиями его взаимодействия с основными элементами регионального сообщества. Достижение эффективной координации и оптимизации взаимодействий возможно на основе социологического анализа предпосылок, опыта, факторов и форм взаимодействия, вскрытия социальных противоречий, осложняющих миссию регионального университета и его успешное развитие.

Список литературы

1. Макаркин, Н.П. Инновационная образовательная деятельность в университетском комплексе / Н.П. Макаркин [и др.] // Университетское управление. – 2005. – № 4(37). – С. 103–107.
2. Громыко, Ю.В. Региональный университет как субъект стратегий развития: регионотформирование, научно-техническая, кадровая и инновационная политика, идентичность / Ю.В. Громыко // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 2(31). – С. 43–49.
3. Грудзинский, А.О. Университет как предпринимательская организация / А.О. Грудзинский // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 23–27.

В.В. Анохина

Белорусский государственный университет, г. Минск

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ситуация инновационных преобразований, в которых сегодня находится система социализации промышленно развитых стран, определяет напряженный поиск новых конструктивных форм ее модернизации с учетом развития мировых образовательных практик и требований информационной эпохи. В этом контексте актуальность обращения к экологической составляющей современного образования определяется тем, что именно в ней рельефно обнаруживают себя интегративные тенденции научно-образовательной деятельности, а также новые аспекты связи между когнитивными, ценностными и практическими компонентами социализации личности.

Ключевой идеей автора является тезис о том, что особую роль в пропорциональном развитии этих компонентов может играть устойчивый трансграничный туризм, который, в отличие от многих других видов польско-белорусского сотрудничества, может легко развиваться без существенных инвестиций и выравнивания уровня социально-экономического развития приграничных территорий. Являясь особой социаль-

ной технологией, он обладает колоссальным, еще не до конца раскрытым культурно-образовательным потенциалом.

Устойчивый туризм представляет собой такую разновидность экологического туризма, которая может рассматриваться как стратегия охраны окружающей среды, соответствующая принципам устойчивого развития. Согласно отчету комиссии Брундтланд («Наше общее будущее» 1987), устойчивым можно считать «развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не подвергая опасности удовлетворение потребностей будущих поколений» [2, с. 43]. Международное общество экотуризма в 1990 г. сформулировало краткое определение экологического туризма: «это ответственное путешествие на природные территории, которое охраняет окружающую среду и повышает благосостояние местных людей» [1, с. 8]. На рубеже тысячелетий Марта Ханей предложила расширить принятое в 1996 г. Всемирным союзом охраны природы (IUCN) определение: «Экотуризм – это путешествие на хрупкие, нетронутые и обычно охраняемые природные территории, которые борются за то, чтобы воздействие было слабым и обычно небольшого масштаба. Это помогает в обучении путешественника, в предоставлении финансовых средств для охраны природы; в получении непосредственных выгод для экономического развития и политических полномочий местных общин; и стимулировании уважения к различным культурам и правам человека» [1, с. 8]. Международная организация охраны окружающей среды (Nature Conservancy) разработала концептуальную платформу экотуризма, согласно которой он представляет собой особый тип туристической деятельности, основанный на устойчивом управлении охраняемыми природными территориями. В результате, экологический туризм стал рассматриваться как идеальный компонент стратегии устойчивого развития, когда природные и культурные ресурсы можно использовать для привлечения туристов без причинения вреда естественным экосистемам. Так постепенно сложилось понимание устойчивого туризма как важного инструмента для управления охраняемыми природными территориями, которое должно осуществляться гибкими средствами. Инициативы устойчивого туризма должны соответствовать ряду требований, в том числе имеющих научно-образовательное значение, а именно: иметь низкое воздействие на природные ресурсы; привлекать инвесторов и акционеров (индивидуальных лиц, общины, экотуристов, туроператоров и правительственные учреждения) к планированию, разработке, внедрению и мониторингу стадий; уважать местную культуру и обычаи; создавать устойчивый и справедливый доход для местных общин и для как можно большего количества акционеров, включая частных туроператоров; создавать доход для охраны природы; обучать всех акционеров их роли в охране природы [1, с. 8]. Устойчивость экологического туризма может быть достигнута за счет гармоничного сочетания следующих трех составляющих: 1) устойчивое социально-экономическое развитие территории; 2) повышение уровня экологического образования и культуры всех участников туристической деятельности; 3) охрана природного и культурного наследия.

В этом контексте устойчивый туризм может быть понят как перспективная платформа для развития трансграничного сотрудничества в сфере экологического образования, создающая необходимые условия для интеграции разнообразных способов и технологий формирования современной экологической культуры. Она способна объединить усилия двух стран в таких важных направлениях, как: экологическое воспитание и образование; междисциплинарные научные исследования; природоохранная деятельность; культурные и спортивно-оздоровительные мероприятия; гражданские инициативы и общественные движения, направленные на повышение качества жизни и защиту окружающей среды.

Образовательный потенциал устойчивого туризма обусловлен не случайным совпадением ключевых принципов, на которых базируются сегодня и технологии тури-

стической деятельности на природоохранных территориях, и новые практики экологического образования. Эти императивы устойчивости, сформулированные ЮНЕСКО в качестве четырех образовательных принципов будущего, звучат следующим образом: учиться жить вместе; учиться познавать; учиться делать; учиться быть [4, с. 279–283]. Они как нельзя лучше отражают суть тех задач, которые стоят перед европейскими институтами образования.

Во-первых, это формирование социальной солидарности, социального доверия и открытой, этически выверенной коммуникации между людьми, принадлежащими к разным культурам, этносам, цивилизациям, политическим и религиозным институтам. Научиться жить вместе, поддерживая мир, достигая взаимопонимания и консенсуса по ключевым вопросам социального развития – стратегическая гуманитарная задача эпохи глобальных коммуникаций.

Во-вторых, это формирование особого креативного мышления, нацеленного на эффективный поиск решения проблем, постоянно возникающих в динамичных условиях современной жизни. Не случайно в докладе Комиссии ЮНЕСКО «Образование: сокровище» отмечалось, что особенностью современного этапа в развитии мирового опыта образования является ведущая роль умственной деятельности, необходимость перехода к когнитивному обществу [3, с. 72]. Принцип «учиться познавать» становится символом инновационной модели образования, которая призвана формировать у человека способность продуцировать и воспринимать различного рода нововведения.

В-третьих, это формирование у молодого поколения способности пользоваться полученными теоретическими знаниями в практической деятельности, адаптируя их к конкретным требованиям ситуации.

В-четвертых, формирование умения жить в обществе, вступая в различные формы взаимодействия, коммуникации с другими людьми и сохраняя собственную идентичность. Экзистенциальный аспект образования имеет прямой экологический и социальный смысл, поскольку социальное здоровье общества, а, следовательно, качество жизни, повышение которого есть приоритет современной цивилизации, немислимы без здоровья индивидов, которое, согласно известному определению ВОЗ, есть состояние физического, психического и социального благополучия. Человек, способный собирать воедино все свои социальные роли, воспринимать свою жизнь как историческую целостность, обладающий пониманием того, кто он есть, где находится и куда идет, человек, который выработал доверие к другим людям, обществу в целом, обладающий самостоятельностью, предприимчивостью, умелостью, успешно обретает свою социальную, культурную, этническую идентичность и становится способным эффективно решать возникающие перед ним проблемы.

Таким образом, структура требований, предъявляемых к практике устойчивого туризма, может рассматриваться как эффективная модель интеграции четырех важнейших компонентов экологического образования – (1) научные знания, (2) практическая деятельность, (3) творчество, (4) духовно-нравственное развитие личности. Другими словами, речь идет об интеграции научных знаний в области экологии с опытом осуществления конкретных видов природоохранной деятельности, опытом творчества, призванного обеспечить готовность личности к поиску новых, нестандартных решений, и эмоциональным опытом общения людей с природой и друг другом, опытом нравственного отношения к различным фрагментам окружающего нас природного и социокультурного мира. Принципы экологического образования могут быть эффективно реализованы в практике устойчивого туризма, что дает право оценивать его как перспективную образовательную технологию, объединяющую усилия соседних стран.

Список литературы

1. Problems of Environment and Natural Resources. Review information / Ed.-in-Ch.: Yu.M. Arskij; Russian Acad. of Sciences, VINITI. – Moscow, 2008. – № 5.
2. WCED, 1987.
3. Бордашевский, А. Интеллект или креативность? / А. Бордашевский // Народное образование. – 2002. – № 7.
4. Васильева, В.Н. Формирование экологического мышления в процессе образования / В.Н. Васильева // Инновации и образование: сб. – Вып. 29. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.

М.Я. Колоцей, Н.Л. Улейчик

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 90-е гг. XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Становление Республики Беларусь как суверенного государства в 1990-е годы, масштабность задач социально-экономического развития и национально-государственного строительства выдвинули на первый план необходимость создания национальной системы образования, которая является одним из гарантов социальной стабильности, основой экономического развития общества, источником интеллектуального и духовно-нравственного потенциала нации. Национальная государственная политика РБ в области образования отражает процесс национально-культурного развития не только белорусского народа, но и других этносов, проживающих в республике.

Исследовательский интерес к проблеме национального образования национальных меньшинств, как принципиально новой в современной отечественной историографии, связан с созданием суверенного государства Республики Беларусь и развитием титульной нации – с одной стороны, и национальных общностей, представленных на территории государства, имеющих давнюю историко-культурную традицию на белорусской земле, с другой.

В этом плане несомненный интерес представляет развитие национального образования национальных меньшинств пограничного Гродненского региона, имеющего свои специфические черты, продиктованные как особенностями исторического развития края, так и своеобразием современного этнического состава населения. Если в среднем по Беларуси, по данным переписи населения 1999 года, доля белорусов составляет около 80%, то в Гродненской области – 62,3%. В то же время доля других этносов значительно выше: 24,8% жителей области отнесли себя к полякам, 10,1% – к русским, 1,8% – к украинцам, по 0,2% – к татарам и литовцам, 0,1% – к евреям. Таким образом, 37,7% населения, т.е. каждый третий житель нашего региона является представителем «нетитульной» нации. Что касается районов, то наибольший удельный вес поляков (83%) отмечается в Вороновском районе, русских (17,8%) – в г. Гродно, украинцев (2,8%) – в г. Слониме [1].

Со второй половины 1980-х годов языковая проблема в Беларуси перестала быть только культурно-этнической. Вопрос о языке все более увязывался с проблемами

национально-государственного развития Беларуси, приобретал политическую окраску. Это связывалось с осознанием того, что изучение родного языка является важнейшим фактором самоидентификации нации, сохранения ее истории, культуры, традиций. В июле 1989 г. при Верховном Совете БССР была создана комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям с целью подготовки предложений о законодательном урегулировании статуса белорусского, русского и других языков, которыми пользуется население республики.

Закон «О языках в Белорусской ССР» (26 января 1990 г.) провозгласил белорусский язык государственным языком республики. В то же время в законе отмечалось, что, обеспечивая всестороннее развитие и функционирование белорусского языка во всех сферах общественной жизни, государство заботится о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население Белоруссии [2]. В сентябре 1990 г. Верховным Советом БССР была утверждена Государственная программа развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР. Программа была призвана содействовать возрождению и развитию языка и культуры не только белорусского народа, но и свободного и равного употребления родных языков гражданами других национальностей, проживающих в республике.

Не менее важным в формировании государственной политики в области национального образования явилось принятие закона «О культуре БССР» 4 июня 1991 г. В ст. 10 отмечалось, что лицам любой национальности и этнической группы, проживающим на территории БССР, гарантируется право на развитие культуры и языка, на создание национальной школы и т.д. [3].

29 октября 1991 г. был принят Закон «Об образовании в Республике Беларусь», определивший основные принципы государственной политики в области образования. В законе указывалось, что «право граждан на образование обеспечивается созданием условий для получения общего и профессионального образования с учетом национальных традиций, индивидуальных потребностей и способностей...» [4].

11 ноября 1992 г. был принят Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», который создал правовую основу в сфере межнациональных отношений. Гражданам Республики Беларусь, относящим себя к национальным меньшинствам, гарантировалось: право на получение помощи со стороны государства в деле развития национальных культур и образования; право на изучение и пользование родным языком; право на печать и распространение информации на родном языке; право на установление культурных связей с соотечественниками за пределами РБ; право на исповедание любой религии, совершение национальных и ритуальных обрядов на родном языке; право на сохранение своих национальных традиций, развитие профессионального и самодеятельного искусства; право на создание своих национально-культурных обществ (объединений) и т.д. [5].

Основные направления национально-культурного возрождения законодательно закрепила Конституция Республики Беларусь (март 1994 г.), в соответствии с которой государство обеспечивает свободное развитие культур всех национальных меньшинств, которые проживают в республике. Статья 50 гарантирует свободу выбора языка и обучения [6].

Таким образом, к середине 1990-х годов была создана законодательная база возрождения белорусского языка, языков национальных меньшинств и формирования государственной политики Республики Беларусь в области национального образования.

Постановление Министерства образования и науки РБ «Об удовлетворении образовательных потребностей национальных меньшинств в Республике Беларусь» 1 марта 1995 г. определило конкретные шаги в развитии национального образования: «считать наиболее целесообразным, с учетом желания родителей, осуществлять обучение детей в национальной школе на языке национального меньшинства при даль-

нейшем получении образования в базовой белорусскоязычной школе с обучением на языке национального меньшинства следующих предметов: родной язык и литература, история и география страны, к которой этнически принадлежит меньшинство, предметы эстетического цикла для использования их в научно-воспитательном процессе детских дошкольных и общеобразовательных школ» [7].

В соответствии с постановлением Главное управление общего среднего образования приступило к проведению комплексных научно-исследовательских работ по удовлетворению образовательных и культурных запросов национальных меньшинств. Национальный институт образования начал разработку программ факультативов, кружков, курсов по выбору по изучаемым предметам. Министерство образования и науки РБ изучало потребности в педагогических кадрах, учебно-методической литературы для общеобразовательных школ (классов) с обучением на национальных языках, а также для школ, в которых организовано изучение этих языков.

В начале 2000-х годов во многие законодательные акты были внесены изменения и дополнения. В 2002 г. была принята новая редакция Закона РБ «Об образовании в Республике Беларусь». В ст.5 было определено, что на основании заявлений законных представителей детей и по решению местных исполнительных и распорядительных органов могут создаваться группы в дошкольных учреждениях и классы в общеобразовательных учреждениях, в которых обучение и воспитание полностью или частично осуществляется на языке национальных меньшинств или изучается язык национальных меньшинств [8]. В 2004 г. были внесены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь». В ст.5 Закона были уточнены права граждан, относящих себя к национальным меньшинствам: право пользоваться родным языком, право выбора языка общения, право на свободу выбора языка воспитания и обучения; право на учреждение средств массовой информации, издательскую деятельность, на получение, хранение и распространение информации на родном языке; право на сохранение своей своего историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культуры, в том числе профессионального и самостоятельного искусства [9]. В новой редакции Закона «О культуре в Республике Беларусь» от 18 мая 2004 г. указывалось, что граждане, принадлежащие к любой национальной общности и проживающие в Республике Беларусь, имеют право сохранять и развивать свою национальную культуру, воспитывать детей в национальных культурных традициях, пользоваться национальным языком, создавать общественные объединения, которые осуществляют культурную деятельность (ст. 19) [10].

При этом государственные гарантии не являются единственным условием для развития национального образования. Исходным пунктом развития национального образования является определение потребности со стороны диаспоры, затем – согласование интересов диаспоры и государственных структур, наличие законодательно-правовой базы и государственных гарантий, а также, что весьма важно, помощь исторической родины диаспоры. Только при соблюдении этого триединого условия возможно развитие национального образования национальных меньшинств.

Соблюдение этих условий позволило возродить национальное образование польского и литовского этнических меньшинств в рамках государственных образовательных учреждений. В процессе возрождения и развития национального образования определились его формы: факультатив и кружки, язык как предмет, все предметы на национальном языке. Кроме того, язык активно изучается в дошкольных, внешкольных учреждениях, при общественных объединениях национальных меньшинств. Если в 1990-е годы предпочтение отдавалось изучению языка как предмета и изучению всех предметов на национальном языке, то в 2000-е годы предпочтение отдается факультативным занятиям в школе и внешкольным учреждениям. Они дают знание язы-

ка, имеющее практическую направленность, без оценивания и каких-либо обязательств. Языковая подготовка, несомненно, является основной. Но не менее важно изучение истории, литературы, культуры, традиций народа. В этом отношении гораздо эффективнее учебно-воспитательный процесс в рамках общеобразовательной школы с национальным языком обучения и деятельность общественных объединений национальных меньшинств [11]. При выборе форм национального образования представители диаспоры должны руководствоваться, прежде всего, пониманием того, что язык является хранителем нации, в нем сконцентрированы совокупное мировоззрение, содержание духовности народа, достоинства его культуры.

Список литературы

1. Итоги переписи населения Республики Беларусь. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков // Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2001. – 452 с.
2. Закон Белорусской Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі «Аб мовах у Беларускай ССР» ад 26 студзеня 1990 года.
3. Закон Белорусской Советской Социалистической Республики «О культуре БССР» от 4 июня 1991 года // Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1991. – №20.
4. Закон Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь» от 29 октября 1991 года. // Народная газета. – 1991. – 26 лістапада.
5. Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» от 11 ноября 1992 года.
6. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994.
7. Пастанаўленне «Аб задавальненні адукацыйных запятаў нацыянальных меньшасцей у Рэспубліцы Беларусь» (ад 1 сакавіка 1995 года) // Зборнік нарматыўных актаў Міністэрства адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь. – Мінск, 1995. – № 5.
8. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 19 марта 2002 г., № 95-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 37. – 2/844.
9. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., №261-3 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 4. – 2/1010.
10. Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Закон Рэспублікі Беларусь «Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь», 18 мая 2004 г., № 282-3 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 87. – 2/1031.
11. Колоцей, М.Я. Развитие национального образования этнических меньшинств на Гродненщине в 1990 – начале 2000-х годов / М.Я. Колоцей, Н.Л. Улейчик // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2010. – № 1. – С.58–64.

Е.М. Тищенко, Е.С. Лесько

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно

СТУДЕНТЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СЕСТРИНСКОЕ ДЕЛО» О РАБОТЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Въезд специалистов для работы за границу – социальная проблема, особенно актуальная в условиях обеспечения демографической безопасности. Возникает воп-

рос, с чем же связано такое желание. С этой целью было проведено анкетирование студентов медико-диагностического факультета, обучающихся по специальности «сестринское дело». В опросе приняли участие 120 человек. Преобладали студентки (84%), нежели студенты, что обусловлено гендерной диспропорцией обучаемых по данной специальности. Средний возраст опрошенных составил 20–24 года.

Большая часть респондентов до поступления в университет проживала в городе (97%). Значительная часть (86%) до поступления в университет занималась той или иной трудовой деятельностью. Около 74% сегодняшних студентов работали в должности медсестры, четвертая часть занимала должности фельдшера-акушера, фельдшера-лаборанта, некоторые испытывали себя в качестве массажиста, фармацевта.

Каждый второй респондент хотел бы продолжить обучение за рубежом, причем половина из них выбрали сферу медицинской деятельности. Столько же опрошенных указали на желание остаться работать за границей. Причем 68% выбрали в качестве сферы деятельности медицину и 40% из них изъявили желание реализовать себя за границей в качестве организатора здравоохранения. Почти 14% мечтают работать в должности медицинской сестры, а некоторые смогли бы работать и в других сферах деятельности (торговля, социальная сфера, искусство).

Несомненно представляет интерес, что же привлекает студентов в работе за границей. Большую часть интересует заработная плата (74%). В качестве привлекающих факторов также названы престижность и высокий уровень медицины. Большинство респондентов считают престижным работать за границей (73%), но, тем не менее, решительно настроены на выезд за границу только четвертая часть, а ответ «скорее да, чем нет» отметили 45% опрошенных. Основной причиной, которая мешает уехать работать за границу, является неизвестность (38%), примерно четвертую часть удерживает семья и учеба, 17% респондентов не хватает материальных средств.

Студенты считают, что для того, что бы уехать работать за границу, нужно получить хорошее образование, выучить язык, накопить денежных средств. Мы выяснили, что иностранными языками в совершенстве владеют только 6% опрошенных, остальные знают иностранный язык только на бытовом уровне. Студенты владеют в основном английским (44%) и немецким (32%) языками. Опрошенные называли следующие страны выезда: Германия (24%), Англия (12%), США (6%). Единицы отмечают другие страны, такие, как Испания, Греция, Дания, Египет; 8% не определились, в какой стране им хотелось бы работать.

Около 57% студентов считают, что работа за границей безопасна в том случае, если есть поддержка государства, но, тем не менее, 65% студентам мало известно о безопасности при выезде работать за границу и им хотелось бы знать по данному вопросу больше.

Десятая часть опрошенных студентов настроена уехать работать за границу навсегда, половина респондентов отметили ответ «как получится». Четвертая часть указала, что хотела бы создать за рубежом семью. Однако, 40% категорически против создания семьи за границей. Интересно, что желание и нежелание респондентов стать гражданами страны выезда примерно одинаково (по 44% и 46% соответственно). Вместе с тем, 10% респондентов сомневаются в том, что им необходимо получать гражданство чужой страны. Следует подчеркнуть также, что при достойной заработной плате, хороших условиях труда, престижности девять из десяти опрошенных с удовольствием остались бы работать в своей стране.

Таким образом, большая половина опрошенных студентов находится в состоянии неопределенности в отношении выезда работать за границу. Роль государства в поддержке молодых специалистов в работе в своей стране остаётся высоко значимой.

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г.Гродна

АБ АСАБЛІВАСЦЯХ ІНАВАЦЫЙНАЙ АДУКАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРЫ ў ПАМЕЖНЫМ РЕГІЁНЕ

Тэма інавацыйных адукацыйных тэхналогій і магчымасцяў іх выкарыстання мае сэнна значнае распаўсюджанне ў навуковым асяроддзі.

Аднак пакуль што менш увагі навукоўцаў прыцягвае абмеркаванне перспектывы ўтварэння сваеасаблівай адзінай адукацыйнай прасторы на падставе гэтых тэхналогій і, як след, новых сацыяльных дэялягядаў.

Неабходна прывесці некалькі першапачатковых заўваг па тэме разважанняў, якія дазваляць яе значна актуалізаваць і канкрэтызаваць у адносінах да рэчаіснасці на беларуска-польскім памежжы.

Пад адукацыйнай прасторай у кантэксце памежжа намі разумеецца агульнае поле ўзаемадзеяння інстытутаў адукацыі (перш за ўсе – вышэйшых навучальных устаноў – ВНУ) г. Гродна (у прыватнасці, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы) і г. Беластока (універсітэт г. Беластока) на сучасным этапе па пытаннях здзяйснення вышэйшай адукацыі і прадастаўлення адукацыйных паслуг іх спажыўцам па абодва бакі мяжы.

У адукацыйную прастору неабходна аднесці таксама і навуковую дзейнасць ВНУ, у той часцы, якая адносіцца да навуковых даследаванняў у гэтых межах.

І апошня з заўваг. Выступленне мае характар абмеркавання прапановы да ўзаемадзеяння ў найбліжэйшай перспектыве, накіраваных на практычнае выкарыстанне гэтымі ўстановамі адукацыі.

Як нам уяўляецца, існуюць агульныя падставы, адзіная сацыякультурная платформа для ўзнікнення такой адукацыйнай прасторы паміж вышэйшымі навучальнымі ўстановамі. Сярод іх:

- існаванне шмат агульнага ў гісторыка-культурных сувязях: даўнія гістарычныя скрыжаванні, веданне і карыстанне блізкароднаснымі мовамі, агульныя народныя традыцыі, імкненні да паразумення і г.д.;

- тэндэнцыі развіцця вышэйшай адукацыі ў Еўропе пад уплывам Балонскіх пагадненняў, рэфармаванне сістэмы ВНУ на іх аснове;

- аб'ектыўныя патрабаванні часу: патрабаванні гаспадаркі, гандлёва-эканамічных зносінаў, імкненні сацыяльнага асяроддзя, збліжэнне духоўных працэсаў на памежжы;

- сусветныя глабалізацыйныя працэсы ў жыццядзейнасці народаў, у прыватнасці, у культуры і адукацыі, становячыя аспекты якіх дапамагаюць ўзаемадзейнічаць навучальным установам, спрыяюць рэалізацыі магчымасцяў выкарыстаць інфармацыйныя тэхналогіі ў навучальным працэсе.

І напрыканцы, але не ў апошнюю чаргу, – разнастайныя шматгадовыя навуковыя, акадэмічныя і асабістыя кантакты паміж навукоўцамі, выкладчыкамі, супрацоўнікамі нашых ВНУ, грунтоўнасць і каштоўнасць якіх нельга пераацаніць у дадзеным выпадку.

Усё гатае і іншае дазваляе нам разважаць аб існаванні ўстойлівых тэндэнцый да збліжэння навукова-акадэмічных інтарэсаў вышэйшых навучальных устаноў па абодва бакі мяжы, да ўзаемадзеяння ў агульнай адукацыйнай прасторы.

Якія ж відавочныя і бліжэйшыя да сумеснага выканання формы і прынцыпы акадэмічнай і навуковай працы ў інавацыйнай адукацыйнай прасторы магчыма вылучыць?

а. Захады па адзінству планіруючай і арганізацыйна-метадычнай дакументацыі ў той ступені, якая дазваляе выкарыстаць навучальныя планы па спецыяльнасцях для ўзаемнай падрыхтоўкі студэнтаў 1-й і 2-й ступеняў адукацыі па абодва бакі мяжы.

б. Пашырэнне акадэмічных свабод у ВНУ, што дазволіць, у прыватнасці, прапа-ноўваць да чытання курсы і факультатывы, спецкурсы і спецсемінары, якія запатраба-ваны на рэгіянальным узроўні, на памежжы. Адзіная адукацыйная прастора ў гэтым выпадку атрымае новы імпульс для абмена выкладчыкамі і студэнтамі (чытанне лек-цый, правядзенне студэнцкіх практык, стажыроўкі і г.д.). У Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Я. Купалы існуе спецыяльная праграма супрацоўніцтва с ВНУ «За-рошаны прафесар», якая дазваляе здзейсніць такія павышэнні.

в. Сярод інавацыйных тэхналогій, якія утвараюць адзіную адукацыйную прасто-ру, значную цікавасць і, як паказваюць апошнія сацыялагічныя даследаванні ў ГрГУ ім.Я. Купалы, запатрабаванасць уяўляюць дыстанцыйныя формы навучання [1]. На-запашаны вопыт дыстанцыйнай навучальнай дзейнасці ў ГрГУ ім. Я. Купалы можа стаць цікавым для распрацоўкі сумеснай дыстанцыйна-завочнай платфармы наву-чання студэнтаў памежных ВНУ. У прыватнасці, такую перспектыву прапануецца аб-меркаваць на факультэтах гісторыі і сацыялогіі (назвы супадаюць) Гродзенскага дзяр-жаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы і ўніверсітэта г. Беластока.

г. Вынікаючым з вышэй адзначанага дзеяннем з'яўляецца выкарыстанне ў на-вучальным працэсе памежных ВНУ сучасных інфармацыйна-камп'ютарных тэхна-логій. Напрыклад, прыцягальнай для выкладчыкаў і студэнтаў павінна быць магчы-масць карыстання электроннымі бібліятэкамі нашых ВНУ, сумеснае стварэнне элект-ронных падручнікаў, on-line зносіны і Internet-тэхналогіі ў навучальным працэсе і г.д.

Наватарскім нам уяўляецца сучасны падыход з боку ўладарніцкіх структур, шы-рокай грамадскасці па абодва бакі мяжы да справы будаўніцтва супольнай памежнай прасторы. У ёй акадэмічная прасатора з'яўляецца складовай часткай будаўніцтва, у тым ліку гэта тычыцца акадэмічнага ўзаемадзеяння нашых ВНУ. Падрыхтоўка і пра-вядзенне навуковых форумаў, двухбаковыя акадэмічныя кантакты, сумесныя навуко-выя даследаванні ілюструюць інавацыйныя падыходы да зместу працы. Яны выяўля-юцца ў новых канцэпцыях узваемаадносін, перспектывах развіцця супрацоўніцтва.

Аднак, трэба мець на ўвазе некалькі момантаў, выключна важных у разуменні гэтых перспектыв.

Па-першае, агульная адукацыйная прастора не выключае, а нават, патрабуе вялі-кай аўтаномнасці і самастойнасці ВНУ, карыстання ўласнымі каштоўнасцямі і ўзорамі жыццядзейнасці, пры якіх агульнасць акадэмічных інтарэсаў, намаганні супрацоўніцтва павінны быць толькі сегментам, складовай часткай павышэння якасці і канкурэнтаздоль-насці вышэйшай адукацыі па абодва бакі мяжы. У гэтым сэнсе размова не ідзе аб аб'яд-нанні сістэм навучання ці распрацоўцы новай мадэлі вышэйшай адукацыі.

Па-другое, сацыяльныя трансфармацыйныя працэсы апошніх гадоў паказва-юць існаванне небяспекі выхаду любых агульнакарысных намаганняў у сферу так зва-ных ірацыянальных паняццяў. І, як прадэманстравала нам гісторыя XX стагоддзя, такім захадам не зможна процістаяць грамадскасць, якую паспеюць развесці па розныя бакі дзяржаўных інтарэсаў.

Аднак, найбольш значнай высновай з працэсу стварэння інавацыйнай адука-цыйнай прасторы на памежжы з'яўляецца разуменне памежжа як прасторы сяброў-ства, дабразычлівасці і жыццёвага плённага супрацоўніцтва, што зробіць архаізмам паняцце мяжы як размежавання, падзелу і пераўтварыць яго ў паняцце мяжы як аб'яднання і блізкароднасці, зробіць актуальнай ідэю супольнасці народаў увагулле. Тым больш гэта важна, што ў супольныя адукацыйныя працэсы ўключана студэнцкая мо-ладзь, за якой замацавана задача праектавання архітэктуры будучыні.

Докладны механізм функцыявання гэтай адукацыйнай прасторы патрабуе спецыяльнага аналізу, які выходзіць за магчымасці дадзенага выступлення. Але безупрэчна тое, што ў такіх зменах павінны быць зацікаўлены кіраўнікі і супрацоўнікі навучальных ўстановаў (між іншых – менеджеры сістэмы павышэння якасці адукацыі), прафесарска-выкладчыцкі склад (найперш – аспіранты і дактаранты), студэнты і магістранты (і асабліва студэнты завочнай формы навучання), іншыя спажывальнікі паслуг вышэйшай адукацыі, працаўладальнікі, дзяржаўныя структуры.

Спіс літаратуры

1. Глина, В.Н. Учебный эксперимент как метод изучения вопросов внедрения информационно-компьютерных технологий в вузе / В.Н. Глина // Культура, наука, образование в современном мире : материалы IV Междунар. науч. конф. / Л.Л. Мельникова [и др.]. – Гродно, ГГАУ, 2009. – С. 445–450.

И.Ф. Богданова

Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск

ЭЛЕКТРОННЫЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Лавинообразное нарастание научных информационных потоков, развитие технологий накопления и передачи информации сформировали потребность ученого в использовании знания коллег, в обсуждении результатов своего труда. За период с 1665 г., когда французской академией наук был выпущен первый научный журнал, по 1730 г. появились 330 новых периодических изданий. Все они, помимо оригинальных работ, печатали аннотации книг и рефераты научных статей, в особенности иноязычных [1].

В настоящее время научные журналы являются одним из основных способов научных коммуникаций и служат основным средством для ученых при опубликовании результатов собственных исследований и ознакомлении с результатами работы коллег.

Перенос деятельности ученых и научных организаций в онлайн-среду в конце XX века привел к появлению электронных научных журналов.

Первыми электронными научными журналами считаются «Mental Workload» и «Computer Human Factors». Первый появился в США в рамках экспериментального проекта 1970-х гг. «Электронная система информационного обмена», второй – в Великобритании в рамках проекта «Развитие электронных сетей» [2, с. 3].

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века появились первые онлайн-коллекции научных журналов (Mercury Electronic Library, 1987–93 гг., CORE, 1991–1995 гг.), что было вызвано снятием технических барьеров реализации этих проектов, быстрым распространением телекоммуникационных технологий, снижением стоимости онлайн-хранения [4].

До середины 90-х гг. рост электронных публикаций был чрезвычайно медленным. В 1991 г. в «Указателе электронных журналов, бюллетеней и университетских электронных дискуссионных групп» (США) числилось всего семь электронных научных журналов. Однако в 1990-х гг. ситуация резко изменилась. К середине 90-х годов большинство мировых издательств для расширения или хотя бы поддержания своего бизнеса встали перед необходимостью рассматривать электронную информацию как перспективный быстрорастущий рынок, в связи с чем большинство крупных научных

издательств быстро перешло к электронным версиям своих изданий [4]. К концу этого десятилетия тот же указатель включал уже 3915 названий электронных журналов [3].

Электронная периодика и электронные информационные коммуникации имеют целый ряд преимуществ. Найти с их помощью нужную информацию гораздо легче, не нужно беспокоиться и по поводу отсутствия какого-нибудь номера журнала в библиотеке. Частота прочтения научных работ, опубликованных как в традиционной (бумажной), так и в электронных формах, существенно выше, чем традиционных публикаций. Кроме того, статьи, доступные в Интернете, по наблюдениям ученых, оказывают более заметное воздействие на последующие исследования. В среднем электронные статьи цитируются в 4,5 раза чаще печатных статей, и это соотношение быстро возрастает [5, с. 6].

Электронная форма публикаций, по мнению специалистов, почти идеальна для материалов, имеющих первичный или узкопокальный характер, могущих представлять значительный интерес для специалистов, которые отечественные традиционные научные журналы, тем не менее, предпочитают не публиковать, так как они занимают много дорогого журнального пространства. Однако в электронной форме такая публикация (в форме краткого научного сообщения, с цветными иллюстрациями различного характера) вполне оправдана. В целом же такие публикации решают, причём во многом значительно более эффективно, нежели публикации «бумажная» основную задачу научной публикации – ознакомление научного сообщества с результатами исследований или научными гипотезами [7].

В случае электронной публикации любой документ может быть также дополнен комментариями читателей, адрес электронной почты позволяет вступить в контакт с автором.

Оперативность публикаций, важная почти во всех сферах научных исследований, также относится к неоспоримым достоинствам электронных журналов. Интернет изменил и ускорил подготовку опубликования. Связь между автором, редактором и издателем поддерживается по электронной почте. Процесс публикации ускоряется на 10–15 % у обычных журналов, и на 50–70 % у электронных журналов. При отсутствии предварительного рецензирования экономия времени может достигать 99% (3 дня подготовки вместо 128–308) [2].

В конечном счете, электронные коммуникации ускоряют распространение научной информации и тем самым повышают производительность научного труда.

Все перечисленные выше особенности информации в электронной форме способствуют все более широкому ее распространению. Однако существует ряд экономических препятствий. Это касается электронных журналов, осуществляющих рецензирование и редактирование, на которые расходуются основные средства и в обычном, и в электронном журнале; но в последнем – нужны дополнительные расходы на специальную технику и на форматирование рукописи для электронной публикации.

Еще одна проблема связана с тем, что в случае издания электронных научных журналов могут пострадать издатели бумажных научных журналов.

Главное возражение против признания электронных публикаций научными – это опасение получить низкокачественные публикации, поскольку система предварительного рецензирования в Интернете пока еще не получила широкого распространения [5].

Этот вопрос нельзя считать окончательно решённым, но прецедентов, по мнению специалистов, много [7]. Представляется, что научное сообщество движется в нужном направлении.

Таким образом, несмотря на разнообразные проблемы, совершенно очевидно, что в эпоху бурного развития информационных технологий, электронные научные журналы являются ещё одним важным и полезным инструментом научных коммуникаций.

Список литературы

1. Булдина, Г.И. Основные направления информационно-библиографического анализа документного потока, являющегося результатом деятельности диссертационного совета / Г.И. Булдина [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://libconfs.narod.ru/2001/1s/s1_p6.html. – Дата доступа: 10.02.2010.
2. Цапенко, И.П. Электронная эпоха науки / И.П. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 8. – С. 19–32.
3. Линден, И.Л. Формирование коллекций электронных документов в библиотеках мира: ключевые проблемы и современные тенденции / И.Л. Линден, Ф.Ч. Линден // Научные и технические библиотеки. – 2007. – № 11. – С. 5–19.
4. Булычева, О.С. Информационные ресурсы и пользователи Научной электронной библиотеки / О.С. Булычева, В.Д. Новиков // Российский научный электронный журнал «Электронные библиотеки» [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.elbib.ru/index.php? page=elbib/rus/journal/2002/part1/BN>. – Дата доступа: 10.02.2010.
5. IT and S&E science and engineering indicators. – 2002. Chap. 8. – P. 23–29.
6. Полянин, А.Д. Электронные публикации и основные физико-математические ресурсы Интернета / А.Д. Полянин, А.И. Журов [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/PolyaninZhurov2007.htm>. – Дата доступа: 10.02.2010.
7. Баландин, С.А. Электронные публикации и их библиографическое описание (на примере ботанических электронных информационных ресурсов) / С.А. Баландин, И.М. Калиниченко // Журнал общей биологии. – 2001. – Том. 62. – № 3. – С. 263–269.

В.Р. Шухатович

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОТНОШЕНИЯ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ»: СБЛИЖЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Отношения «врач-пациент» образуют важнейшую содержательную микросистему в системе социальных отношений «медицина-общество», имеют институциональный характер, что обусловлено фундаментальной потребностью общества в поддержке здоровья человека и защите от болезней, рисков и угроз.

Существует две основные группы подходов к анализу отношений «врач-пациент». Первая объединяет подходы, разработанные в медицине, вторая – в социально-гуманитарных науках, в частности, социологии.

Развитие современных медицинских подходов происходит в направлении моделей социального партнерства и более гуманного отношения к пациенту. Так, известный американский клиницист Джордж Энджел выдвинул холистическую биосоциальную модель, альтернативную общепринятому биомедицинскому подходу, безраздельно господствовавшему в индустриальных обществах с середины XX столетия. Автор модели в медицине полагал, что врач только тогда сумеет правильно понять причину страданий больного, предложить адекватное лечение и завоевать доверие пациента, если будет учитывать биологические, психологические и социальные аспекты болезни [1]. Эта модель оформилась в тот период, когда в науке на смену узкоспециализированным методам стали приходиться междисциплинарные, контекстуальные, системные подходы. Энджел пропагандировал свои идеи не только как научную гипотезу, но

и как основополагающую идеологию, с помощью которой он пытался противодействовать дегуманизации медицины и бесправности больного.

Во-первых, Энджел подверг критике дуализм биомедицинской модели с ее разделением тела и сознания. В рамках данной концепции тело по умолчанию считается более «реальным», а значит, больше заслуживает внимания клинициста-исследователя. В результате болезнь и личность воспринимаются изолированно, внимание врача фокусируется на болезни, а личность исключается из поля зрения.

Во-вторых, критика Энджела была направлена против материалистического и редукционистского по преимуществу стиля медицинского мышления, в рамках которого все, что не могло быть объективно подтверждено и объяснено на уровне клеточных либо молекулярных процессов, игнорировалось или отбрасывалось.

В-третьих, Энджел доказывал, что «человеческое измерение» врачебной деятельности, т.е. позиции врача и пациента, должны стать полноправными объектами научного исследования.

Методологическую позицию Энджела разделяют известные американские клиницисты, в частности, такие как Epstein R. M., Entralgo P. L. Ее осуждению посвящен ряд статей во влиятельных научных медицинских журналах, а его идеи имеют широкую поддержку среди той части медиков, которые стремятся сделать сострадание и эмпатию частью медицинской практики. Эту позицию разделяют сторонники партнерского подхода в медицине, ориентированного на пациента и ставящего во главу угла взаимоотношения врача и больного. В рамках этого подхода установление правильного биомедицинского диагноза – это лишь часть задачи, возложенной на врача; необходимо, чтобы болезнь и здоровье интерпретировались с учетом точки зрения больного, чтобы тот имел возможность высказать, что его беспокоит и чего он ожидает от медиков. Партнерский подход в медицине воплощает в себе движение к равноправным отношениям врача и пациента, таким, при которых врач сознательно и осторожно пользуется своими правами.

Характеризуя социологический подход, необходимо признать, что социология как гуманитарная наука испытала на себе влияние естественнонаучных представлений о причинах возникновения болезней и роли больного в отношениях «врач-пациент».

Так, на протяжении нескольких десятилетий в социологии господствовала разработанная Т. Парсонсом модель отношений «врач-пациент», легитимирующая власть врача. Парсонс рассматривает болезнь как явление дисфункциональное для общества и характеризует пациента как девианта. Он разработал идеальные роли врача и пациента. Согласно исходной модели Парсонса, каждая из ролей должна была включать в себя 4 компонента.

Пациент обязан: 1) мотивировать свое состояние как больного; 2) искать компетентную (медицинскую) помощь; 3) доверять врачу; 4) освобождаться от выполнения своих обычных обязанностей и ответственности за свое здоровье.

Профессиональная роль врача заключается в том, чтобы: 1) действовать во благо пациента, а не в целях корысти; 2) руководствоваться правилами профессионального поведения, а не личными отношениями или групповой принадлежностью; 3) максимально использовать свои профессиональные знания для того, чтобы контролировать заболевание; 4) быть объективным и эмоционально нейтральным.

Парсонс отмечал асимметрию в отношениях «врач-пациент» и акцентировал свое внимание на том, что, несмотря на связанность общей целью – восстановлением здоровья пациента, их обязанности и привилегии резко разграничиваются [2, с. 3]. В своих работах он также всегда подчеркивал тот факт, что в реальной жизни поведение врач не всегда соответствует предписанной роли.

Следует отметить, что взгляды самого Парсонса на эту модель эволюционировали. В более поздних работах он пересмотрел свою модель и выдвинул более прогрессивный вариант, который назвал моделью «коллегиальной ассоциации», а еще позднее –

моделью «демократической ассоциации». Так, выступая на международной конференции «Отношения врач-пациент в меняющейся картине здоровья» (1976) и рассматривая современное состояние вопроса, Парсонс проанализировал три модели ОВП (отношений «врач-пациент»): модели «рынка», «бюрократии» и «демократической ассоциации».

В моделях «рынка» больной понимается как потребитель, покупатель, а врач – как продавец медицинских услуг. Основа их взаимосвязи, в основном, экономическая. Парсонс считает, что хотя в последнее время имеет место некоторое возрождение этой модели, в целом, она является неприемлемой и уходящей в прошлое.

Модель «бюрократии», где анализируются, главным образом, административные функции медицинских организаций была выдвинута на основании того, что отношения врач-пациент в настоящее время чаще всего происходят в клиниках. По мнению Парсонса, эта модель, как и модель рынка, игнорирует самые существенные компоненты взаимосвязей в ОВП и абсолютизирует бюрократическую компоненту, которая необходимо присутствует в госпиталях и клиниках как административных организациях, но не исчерпывает их функций.

Ядром модели «демократической ассоциации» является принцип равенства врача и пациента. Ценность этой модели в подчеркивании прав пациента, соблюдение которых минимизирует присущую им асимметрию, а недостаток – в игнорировании объективного неравенства, основанного на профессиональной компетенции врача и некомпетентности пациента в вопросах лечения болезни.

Анализ публикаций по данной проблематике позволяет выявить эволюцию и постепенное сближение медицинского и социологического подходов. Современные медицинские модели отличаются стремлением к междисциплинарному рассмотрению факторов и системному видению пациента, учитывают психологические и социальные аспекты болезни. Социологические модели развиваются в направлении защиты прав и «оправдания» пациентов и учитывают влияние факторов макропорядка.

Список литературы

1. Боррел-Каррио, Ф. Биопсихосоциальная модель 25 лет спустя / Ф. Боррел-Каррио, Л. Сачмен, Роналд М. Эпстайн // Отечественные записки. – 2006. – № 2.
2. Parsons, T. Illness and the role of the physician / T. Parsons // Personality in Nature. Society and Culture. – N.Y., 1948. – P. 609–617.
3. Parsons, T. Social Structure and dynamic process: The case of medical practice / T. Parsons // Social System. – N.Y., 1951.

Т.М. Прудко

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СТРАН ПОГРАНИЧЬЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

Поскольку свободное время дано студентам не только для удовлетворения разнообразных культурных, образовательных, физических и социальных потребностей, но и на восстановление духовных и физических сил, поглощаемых учебным временем, на самореализацию индивидуального творческого потенциала, становится яс-

ным, что все меньше времени у них останется для духовно-нравственного ориентирования, познавательного развития, эмоционально-эстетического насыщения.

Общий теоретический анализ психолого-педагогических источников свидетельствует, что проведению культурного досуга учащаяся молодежь уделяет 1 час в день, в то время как на пассивные формы досуга тратится 2–3 часа ежедневно [1]. Основными причинами пассивной позиции молодежи являются:

- ограниченность структуры досуговой деятельности в регионах по сравнению с центром;

- ограниченность выбора предлагаемых дел в условиях пограничных регионов;
- отсутствие необходимых материальных средств на пользование культурной сферой (концерты, театры, выставки, секции, студии, кинотеатры и т.д.) досуга;

- неразвитость у студентов мотивационной потребности в целенаправленном проведении своего досуга;

- отсутствие устойчивого интереса к тому или иному виду досуговой деятельности;

- отсутствие современных социологических исследований, выявляющих причины нежелания определенной части студентов культурно проводить свой досуг [2]. Хотя культурный потенциал в обществе может быть высоким: в достаточном количестве каналы его распространения, но это не означает, что инкультурация членов общества соответствует транзитивности. Насколько учтены сегодня, отвечают ли образовательные программы требованиям адаптации молодежи к профессиональной деятельности и обыденной жизни, помогает ли членам общества ориентироваться в изменчивой социокультурной реальности, обеспечивают ли учреждения культуры условия для освоения и понимания ценностей «высокой» культуры? Типичными стали для информационно-пропагандистской компании такие явления как:

- широкая пропаганда и повсеместное насаждение западной массовой культуры, восхваление западного, прежде всего американского образа жизни;

- безудержная эксплуатация с помощью кино и ТВ сексуально-эротических отношений;

- игнорирование национального образа мышления, быта, стереотипов поведения;
- дегероизация истории;

- противопоставление поколений, объявление и муссирование о зря прожитой жизни, отданной защите и созиданию родины, бессмысленности этой борьбы.

- романтизация и героизация современного бандитизма, наркомафии, популяризация тюремной, лагерной культуры, типа свободного поведения, образа жизни;

- оскуднение языка средств массовой информации. Не всегда СМИ ориентированы на решение задач по эстетическому, культурному, духовному воспитанию.

Поскольку деятельность личности в свободное время является значимой частью общей жизнедеятельности человека, свободное время становится ареной проявления социальной, творческой активности, сферой, предопределяющей успешность последующего утверждения студента в различных видах деятельности. Однако, заложенный в свободном времени воспитательный потенциал, не реализуется автоматически. Далеко не всегда молодежь ответственно может подходить к выбору конструктивных способов самовыражения, самопрезентировать себя в роли социально активных субъектов.

Основной культурно-духовного компонента всего пространства региона все увереннее становится вуз. Сегодня ученые убеждены, что надо переходить от «человека образованного» к «человеку культуры». И начинать это нужно с молодежи, имеющей сравнительно высокий уровень социальной зрелости, т.е. студенческой. И приобщение студенчества к национальным истокам, к сокровищам культуры соседей происходит в основном не в учебное, а в свободное от учебы время. Оно осуществляется в

большей степени самостоятельно, опираясь на уровень образованности, естественного желания, и индивидуального запроса. В связи с этим педагогическое руководство свободным временем молодежи во многом предопределяет оказание помощи в создании специальных условий для реализации себя как творческих личностей. При этом необходимо решить ряд противоречий:

- между природной активностью молодежи, их потребностью в реализации индивидуальных потенциалов в различных видах досуговой деятельности и личностной ориентацией на пассивные формы проведения досуга;
- между потребностью самореализации себя в роли самостоятельных социальных субъектов и наличием существенных трудностей в освоении этой роли;
- между огромным воспитательным потенциалом свободного времени и отсутствием умений рационального его проведения.

Педагогический процесс в сфере досуга представляет собой целенаправленную организацию досуговой деятельности, планомерный перевод ее на более высокий уровень. Организация свободного времени – это предложение определенных, вполне конкретных занятий, способствующих отдыху человека, развитию его как личности:

- убеждение в полезности и целесообразности именно этих занятий для отдельных групп студенческой молодежи;
- создание общественного мнения, направленного против тех занятий и видов деятельности, которые мешают культурному отдыху человека, развитию его как личности;
- укрепление общественного контроля за использованием свободного времени [3].

Специфика социокультурного пространства территории, на которой проживают жители Гродненского региона, заключается в его способности формировать особые, специфические типы поведения, особую общность людей, объединенных чувством общей принадлежности к данной «территории». В последнее время проведена серия исследований по изучению этого пространства различного уровня, его возможностей и потенциала, а также взаимосвязи и интеграции образовательного пространства с культурным, социальным, экономическим и другими факторами и условиями [4].

Гродненский регион рассматривается как пограничный в территориальном (белорусско-польско-литовское государственное пограничье), этнокультурном (соседство в определенном культурном пространстве, сосуществование и исторически сложившийся контакт нескольких этносов) и геополитическом (цивилизационное размежевание Восток-Запад) отношениях. Гродненский регион достаточно уникален в историческом отношении. Он принадлежит к числу тех мест, где берет свое начало восточно-европейский цивилизационный процесс, и его «стаж», как утверждают ученые измеряется по меньшей мере тысячелетием. Не случайно именно принеманский край стал одной из колыбелей белорусской государственности и культуры (г. Новогрудок). С другой стороны Гродненский регион является последовательно включенным в различные культурно-политические организации (Киевская Русь – Великое Княжество Литовское – Речь Посполитая – Российская империя – Польша – СССР – Республика Беларусь), что откладывало отпечаток на динамику политических границ и структуру населения и предопределило плюралистичность его культурных традиций. Сам город Гродно на протяжении столетий в каждом из этих преобразований был центром политической жизни (великокняжеская и королевская резиденция, место проведения сеймов) или, по крайней мере, имело достаточно высокий административный статус, что также играло немаловажную роль в его развитии [5]. Поскольку исторически Гродненский регион тяготел к тому, чтобы играть роль одного из культурно-политических центров Восточной Европы здесь сохранились памятники отечественной истории и культуры: древнейшие белорусские города, храмы, замки и крепости, центры художественной жизни. С Гродненщиной связано творчество видных деятелей белорусской, польской, еврейской культуры.

Этническая культура польско-белорусско-литовского пограничья демонстрирует две тенденции: здесь сохраняются и воспроизводятся сложившиеся на протяжении достаточно длительного исторического периода основные типы межэтнического сосуществования между белорусами, поляками, литовцами, украинцами, евреями, русскими, а сами эти этносы определяют структуру региона.

Учитывая вышесказанное, одной из центральных задач педагогов является приобщение молодых поколений пограничья к национальным и межнациональным культурам, развитие у них национального и интернационального сознания и формирование готовности к жизни в поликультурном мире; приобретение личностью знаний, умений и навыков, способствующих развитию межкультурных отношений с представителями других стран и взаимообогащению как собственной культуры, так и культуры того сообщества и стран пограничья, к которому он принадлежит [6]; распространение разнообразных видов деятельности и стимулирования по организации свободного времени студенческой молодежи на социокультурном пространстве стран пограничья. Так, решая информационные потребности, получаемые во время досуга, уместно организовать обмен источниками: книгами, журналами; участие в межрегиональных телепередачах, проведение агитпоходов, юбилейных вечеров, выпусков тематических изданий, дискуссионных трибун, информ-коктейлей, викторин и т.д. Развлекательные потребности молодежи удовлетворяются в организации культурно-массовых мероприятий, например по модели телевизионных игр «Что? Где? Когда?», «Один против всех», «Брейн-ринг», фестивалей межнациональных культур, концертов молодежных коллективов, хит-шоу, юморин и т.д. Общение со сверстниками пограничья может осуществляться с помощью выездных школ молодежного актива; творческих, интеллектуальных, культурных дуэлей; встреч клубов по интересам, любителей истории, языка; огоньки, знакомства и т.д. Организация занятий физкультурой, спортом, туризмом будет более успешной в привлекательных формах: «битвы» городов, игры-путешествия, оздоровительные лагеря, соревнования, малые олимпиады и спортландии. Социальные задачи досуга выразятся в деятельности общественных, религиозных организаций. Работа по благоустройству территорий, исторических и памятных мест, уход за памятниками, вахты памяти, движения в защиту «Забота», «Доверие», «Дети Гиппократ», акции милосердия, студенческие строительные и волонтерские отряды и т.д. – наиболее знакомые формы организации совместной деятельности. Плодотворно смогут решаться и образовательные задачи во время досуга: приобретение новых знаний за счет совместных заседаний научных кружков, конференций, семинаров, стажировки, съезды, самостоятельной учебной деятельности, обмен студенческими коллективами, участие в совместной работе научных обществ, проектов, защита идей, программ, Круглые столы по актуальным проблемам науки, обмен опытом, знаниями, мастер-классы, мозговые штурмы, олимпиады, школы профессионального мастерства.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- изучение возможности социокультурного пространства стран пограничья в реализации культурного досуга и межпограничных контактов молодежи;
- изучение культурных различий и схожестей в системе взаимодействия этносов;
- изучение содержания, структуры, свободного времени студенческой молодежи;
- изучение рационально-деятельностного, познавательно-потребительского, пассивно-созерцательного и нерационального уровней свободного времени студенческой молодежи;
- изучение материальных условий и возможности для проведения культурного досуга молодежи пограничья;
- построение рациональной системы досуговой деятельности молодежи пограничья;

- определение путей повышения эффективности использования свободного времени молодежи для культурного развития;
- организация сотрудничества с общественными и государственными органами в планировании, организации проведения культурных контактов молодежи;
- создание эффективных педагогических технологий и разработок по использованию социальнокультурного пространства пограничья в организации свободного времени молодежи.

Список литературы

1. Слинкин, С.В. Педагогический вуз в социокультурном пространстве региона / С.В. Слинкин, З.И. Колычева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – № 2. – С. 102.
2. Воднева, А.К. Деликвентные факторы проведения свободного времени городскими школьниками: социальный аспект / А.К. Воднева, Т.А. Богуш // Веснік Гродзенскага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2003. – № 2. – С. 40–41.
3. Смирнов, В.А. Молодежь в социокультурном пространстве провинциального города. / В.А. Смирнов // Вопросы культурологии. – 2008. – № 9. – С. 52–53.
4. Орлова, Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности / Э.А. Орлова // Личность. Культура. Общество. Вып. 3 (37). – М., 2007. – С. 96.
5. Беспамятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспамятных; науч. ред. проф. М.А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 8–81.
6. Калачева, И.И. Толерантность – характеристика поликультурной грамотности будущего специалиста / И.И. Колачева // Молодежь и поликультурное образование в высшей школе Беларуси. – Минск: ТЕСЕЙ, 2003. – С. 106.

Б.А. Железко, Г.Н. Подгорная

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ЕВРОПЕЙСКАЯ КРЕДИТНО-ТРАНСФЕРТНАЯ СИСТЕМА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Повышение международной, в том числе пограничной, конкурентоспособности образовательных услуг отечественных вузов является объективной необходимостью, поскольку может обеспечить скорейшее преобразование высокого интеллектуального потенциала сферы высшего образования в реальный экспортный потенциал. Одним из условий такого преобразования является обеспечение реализации единой международной процедуры измерения и сравнения результатов обучения студентов, их академической успеваемости [1]. При этом за основу берется Европейская кредитно-трансфертная система (ECTS).

В докладе анализируются результаты реализации в странах СНГ Болонского процесса по созданию единого европейского образовательного пространства на примере внедрения рейтинговых систем оценки знаний, умений и навыков студентов. При этом анализируется опыт вузов Украины, России и Беларуси.

В **Украине** (например, в Киевском национальном торгово-экономическом университете) реализована модель организации учебного процесса, основанная на объе-

динении модульных технологий обучения и зачетных кредитов (кредитно-модульная система организации учебного процесса) [2]. Для реализации в высших учебных заведениях Украины кредитно-модульной системы организации учебного процесса необходимо было в течение нескольких лет подготовить следующие элементы ECTS: 1) полный информационный пакет – сведения про университет, названия направлений, специальностей, специализаций, содержания модулей с обозначением обязательных факультативных курсов, методики и технологии преподавания, зачетные кредиты, формы и условия проведения контрольных знаний, система оценивания качества знаний; 2) договор на обучение между студентом и руководством вуза – направление обучения, научно-квалификационный уровень, порядок расчетов; 3) академическую справку оценивания полученных знаний – свидетельство достижений студента в системе кредитов, по шкале национального уровня и по системе ECTS.

В **российских** вузах реализовано внедрение балльно-рейтинговой системы в университетское образование. Этим обеспечивается переход от коллективной к индивидуальной форме обучения и студент становится непосредственным участником организации своей образовательной деятельности, которая оценивается подсчетом баллов, «заработанных» в течение семестра. При этом предусматривается три уровня контроля успеваемости. Академический рейтинг студента – уровень успешности студента в освоении образовательных дисциплин в сравнении с другими студентами. Определяется количество набранных баллов за определенный промежуток времени (например, семестр), в соответствии с максимальным количеством баллов по этой дисциплине, утвержденным учебным планом. Рубежная аттестация – контроль успеваемости студента, проводимый, как правило, 1 раз в середине семестра. Может быть проведена в двух вариантах: (1) преподаватель подсчитывает общее количество баллов за отчетный период; (2) студент набирает очередное количество баллов, выполняя проверочную работу (включена в технологическую карту), в форме, определяемой преподавателем. Итоговая аттестация – контроль успеваемости, в результате которого набирается очередное количество баллов, осуществляется один раз в конце семестра в форме, определяемой преподавателем.

Например, в Поморском государственном университете имени М.В. Ломоносова трудоемкость учебной работы во всех учебных планах устанавливается в зачетных единицах (1 зачетная единица, как правило, равна 36 академическим часам) [3]. По степени обязательности и последовательности усвоения содержания образования рабочей план должен включать три группы дисциплин: (а) группа дисциплин, изучаемых обязательно и строго последовательно во времени; (б) группа дисциплин, изучаемых обязательно, но, возможно, не последовательно; (в) дисциплины, которые студент изучает по своему выбору. Индивидуальный учебный план формируется по установленной форме на каждый учебный год лично студентом, при необходимости с помощью академического консультанта.

Организация рейтинговой системы оценивания в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) проходит по следующей системе [4].

Итоговая рейтинговая оценка учебной деятельности студента выражается в процентах и показывает степень освоения им учебного материала, предусмотренного рабочей программой учебной дисциплины. Рейтинговая оценка может быть определена по одной, нескольким, всем дисциплинам учебного семестра и по итогам выполнения образовательной программы.

Компьютерное сопровождение рейтингового контроля осуществляется с помощью информационно-аналитической системы WEBRATE ДВГУ, которая является собственной разработкой ДВГУ и удостоена золотой медали Выставки достижений Дальневосточного Федерального округа.

При применении моделей рейтингового оценивания используется понятие «идеальный студент». Сравнивая успеваемость реальных студентов с учебными «достижениями» введенного эталона, можно оценить степень усвоения студентами содержания учебной дисциплины.

Вид контроля учебной деятельности студентов определяется преподавателем в зависимости от формы занятий, предусмотренных рабочим учебным планом.

Оценка учебной деятельности производится преподавателем одновременно для всех студентов по выбранным формам контроля на каждом занятии или так часто, как этого требует специфика дисциплины и вид занятия, но не реже 4 раз за учебный семестр: для лабораторных занятий – на каждом занятии или по мере завершения лабораторной работы и сдачи отчета; для практических (семинарских) занятий – по мере изучения темы, блока тем или раздела (модуля); для лекций – по мере завершения изучения модуля.

Преподаватель проводит текущее оценивание учебных достижений студентов по дисциплине, в соответствии с графиком контрольных мероприятий в рейтинг-плане. Эта информация регулярно вносится в систему WEBRATE ДВГУ, которая автоматически осуществляет перевод текущих оценок в рейтинговые баллы.

В Республике Беларусь (например, в Белорусском государственном экономическом университете) внедряется рейтинговая система оценки знаний, умений и навыков студентов [5]. Система включает подсчет и учет баллов, полученных студентами в течение семестра на практических, лабораторных и семинарских занятиях, оценку по индивидуальной (письменной контрольной) работе и экзаменационную оценку. Система предполагает постоянный контроль знаний, умений и навыков студентов, который осуществляется преподавателями не реже трех-четырёх раз в семестр после изучения отдельных тем и разделов курса с обязательной оценкой. Содержание и форма контроля знаний определяются по каждой дисциплине в рабочей программе, обсуждаются и утверждаются на кафедре и доводятся до сведения студентов на первом занятии по данной дисциплине. Текущая оценка знаний учитывается при определении итоговой (выставляемой на экзамене) оценки. Удельный вес отдельных видов текущего контроля устанавливается кафедрой с учетом специфики предмета и должен составлять не менее 20%.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что хотя европейская кредитно-трансфертная система разработана для обеспечения мобильности студентов, упрощения понимания и сравнения учебных программ и учебных достижений студентов, ее внедрения на постсоветском образовательном пространстве происходит поэтапно и сопряжено с необходимостью гармонизации законодательной базы и преодоления инерции мышления как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Тем не менее, она является реально действующим фактором повышения международной конкурентоспособности образовательных услуг отечественных вузов.

Список литературы

1. Мижевич, О.М. Европейское сотрудничество в области высшего образования: опыт и перспективы / О.М. Мижевич // Инновационные технологии в бизнес-образовании: сборник научных статей Международного весеннего форума: в 2 ч. / редкол.: С.Н. Лебедева, Л.В. Мисникова, Г.С. Митюрин. – Гомель: Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2008. – Ч. 2. – С. 169–174.

2. Сучасні освітні технології у вищій школі: матеріали міжнар. наук.-метод. конф. (Київ, 1–2 листопада 2007 року) : тези доповідей: у 2 ч. Ч. 2 / відп. ред. А.А. Мазаракі. – К.: Київ. нац. торг. екон. ун-т, 2007. – 259 с.

3. О реализации принципов Болонской декларации в Поморском университете [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: www.pomorsu.ru/_doc/quality/normativ/26_02_04.pdf – Дата доступа: 14.01.2009.

4. Козлов, В.А. Результаты внедрения рейтинговой системы оценки знаний в учебный процесс / В.А. Козлов, А.В. Голенков, Г.Д. Аникин // Известия Российской академии образования. – 2002. – № 1. – С. 85–89.

5. Положение о рейтинговой системе оценки знаний, умений и навыков студентов в УО «Белорусский государственный экономический университет» (БГЭУ) [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bseu.by/russian/student/rejting.htm>. – Дата доступа: 15.02.2009.

С.Н. Кройтор

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В настоящее время наблюдается тенденция к росту взаимозависимости экономик разных стран, многие исследователи говорят о едином экономическом пространстве. Это влечет за собой формирование единых мировых экономических рынков. Современному специалисту приходится соответствовать не только требованиям отечественного рынка труда, но также быть конкурентоспособным и мобильным в условиях глобальных экономических рынков. Это вызывает ряд изменений в образовании.

Во-первых, они связаны с актуальностью **создания единого образовательного пространства**, в первую очередь, в сфере профессионального образования, которое бы обеспечило соответствие национальных образовательных систем требованиям глобального рынка. Это выражается в унификации образовательных систем отдельных стран, в частности, в приведении в соответствие учебных программ, создании единой системы оценки знаний учащихся, упрощении процедуры поступления в зарубежные вузы и механизмов студенческого обмена, создании возможностей для прохождения отдельных учебных курсов и производственной практики на зарубежных предприятиях и др. Одним из наиболее заметных шагов на пути к формированию единого образовательного пространства является введение Болонской системы в ряде стран мира. Использование этой системы основано на Болонской декларации, подписанной в 1999 году министрами 29 стран. В декларации обоснована необходимость создания единого европейского пространства в сфере высшего образования, которое содействовало бы мобильности и занятости граждан, культурному обмену, а также развитию отдельных стран и укреплению межстранового сотрудничества в сфере образования и занятости. В декларации подчеркивается роль университетов в развитии европейской культуры, укреплении интеллектуального, культурного, социального, научно-исследовательского потенциала, создании базы «европейских знаний». Содержательная часть документа сводится в основном к содействию доступу иностранных граждан в национальные учебные заведения и признанию их дипломов. Самые известные из проектов в сфере высшего образования – Erasmus (ЕС), Erasmus Mundus (сотрудничество с третьими странами), Леонардо да Винчи (для профессионального обучения), Tempus.

Унификация образовательных систем также проявляется в возникновении и распространении инновационных форм организации образовательного процесса. Это

касается не только оснащенности обучающей среды новым оборудованием, но, прежде всего, организационных и коммуникационных форм реализации образовательного процесса, оценки успеваемости учащихся и т.д. Это получило свое выражение в серии инновационных преобразований в системе отечественного, в том числе высшего, образования: введение системы двухступенчатого высшего образования; введение 10-балльной шкалы оценки успеваемости учащихся; введение тестовой системы контроля знаний; использование рейтинговой системы в ряде высших учебных заведений; использование в экспериментальной практике ряда вузов дисциплинарно-модульной системы организации познавательной деятельности и т.д.

Во-вторых, специфика развития современного образования определяется возросшими **требованиями к его качеству**. Для контроля качества разработаны международные образовательные стандарты, к которым, прежде всего, относятся системы менеджмента качества, используемые для оценки деятельности учебных заведений, в том числе и тех, которые готовят специалистов высшей квалификации. На данный момент около тысячи вузов по всему миру успешно прошли сертификацию на соответствие требованиям международных стандартов серии ISO 9001:2001. В частности, в России сертификацию уже прошло около 100 высших учебных заведений, в Казахстане – свыше 40 из 50 имеющихся. Что касается нашей страны, то принято решение о переходе к 2010 году всех 54 высших учебных заведений (независимо от формы собственности) на новые стандарты качества [1].

В-третьих, в связи с чрезвычайно быстрым устареванием технологий и обновлением знания возникает необходимость налаживания четкой **взаимосвязи между наукой, образованием и производством**. Только при условии согласованного функционирования этих трех подструктур, реализующих последовательные стадии выработки нового знания, его трансляции будущим специалистам и использования его в производственных процессах, возможно эффективное развитие современной экономики и общества в целом. В этой связи сегодня чрезвычайно актуальной является проблема стимулирования инновационной активности студентов, вовлечения их в процесс продуцирования нового знания.

В-четвертых, во всем мире изменяются **требования к подготовке специалистов**. Кроме владения необходимым объемом знаний и навыков, от них также требуется мобильность и ответственность, гибкость и готовность к изменениям, способность к самостоятельному поиску нужной информации, прогнозированию ситуативных изменений и самостоятельному принятию решений и т.д. Современная система образования должна способствовать актуализации и развитию именно этих качеств у будущих работников различных отраслей народного хозяйства. Акцент сегодня перемещается на активные способы поиска и освоения учебного материала учащимися, его критическое восприятие, направленность учебного процесса на выработку способности учащихся к решению практических задач, а также на развитие творческой мотивации и заинтересованности. Образование должно также способствовать освоению учащимися правил коммуникации в информационной среде. Это касается не только умения обращаться с техникой, но и владения морально-этическими нормами работы с информацией: поскольку информация с распространением глобальной сети стала более доступна, растет риск злоупотребления ею. Растет потребность в языковой компетенции работников – в условиях, когда межрегиональные и межстрановые экономические связи усиливаются, создается все больше совместных предприятий, на производствах используется импортное оборудование, владение иностранными языками становится чрезвычайно востребованным и зачастую неотъемлемым элементом профессиональной культуры.

В-шестых, в современных условиях, очевидна потребность в реализации **концепции непрерывного образования и образования взрослых**. Содержание необходимых для профессиональной деятельности сведений сегодня не является посто-

янным. Во-первых, набор требуемых обществу профессий и специальностей сегодня меняется чрезвычайно быстро, т.е. конъюнктура рынка труда крайне непостоянна. Во-вторых, даже в рамках одной и той же специальности постоянно изменяется структура требований в отношении того, какими знаниями, навыками и умениями должен владеть представитель данной профессии. В-третьих, особенности современного производства порождают распространение нетрадиционных и, возможно, пока непривычных для людей форм занятости. Например, в последнее время получают довольно широкое распространение временные трудовые коллективы, создание которых связано с необходимостью решения какой-либо задачи (производственной, научной и т.д.). Для этого на период, необходимый для выполнения заказа, нанимают группу специалистов, которая распускается после того, как поставленная цель достигнута. Все эти обстоятельства приводят к снижению стабильности положения отдельного человека на рынке труда, поскольку способствуют возрастанию угрозы потери занятости. В этой связи сегодня чрезвычайно важно воспитать специалиста, готового учиться и перестраиваться в течение всей жизни, воспринимающего знание не как некий окончательный результат, а как процесс, который не должен прерываться и завершаться.

В рамках данной публикации проведен обзор наиболее важных, на наш взгляд, направлений трансформационных процессов, протекающих в современном образовании. Разумеется, приведенный перечень не является исчерпывающим и будет продолжен в следующих работах.

Список литературы

1. Радьков, А. Экономика образования – стратегия будущего / А. Радьков // БелТа [Электронный ресурс]. – Минск, 2008. – Режим доступа: <http://news.belta.by/ru/actual/interview?id=318867>. – Дата доступа: 17.07.2009.

2. Макарова, М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом: стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе / М.Н. Макарова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 168 с.

3. Éducation pour tous. L'exigence de qualité // Rapport mondial de suivi sur l'EPT. – Éditions UNESCO. – 2005. – 461 p.

А.Г. Злотников

*Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации, г. Гомель*

ПОГРАНИЧЬЕ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Социология с момента своего возникновения провозглашала и до сих пор заявляет о своей системности. Отметим, что с момента зарождения социологии для нее было характерно представление как системной науки. Об этом заявляли и О. Конт, и Г. Спенсер, и П. Сорокин. Да и большинство современных теоретических концепций утверждает о системности своих знаний. Но эта системность ими признается как аксиома, как теоретико-методологический подход, якобы, не требующий доказательств. Не только в социологии, но и в других науках эта «системность», «комплексность» по-прежнему считается аксиомой и в результате этого становится расхожей фразой.

Часто эта «системность» рассматривается как введение в поле зрения анализа новых или иных дополняющих составляющих, имеющих место в реальных процессах. Или представляют собой эклектическое сочетание различных подходов, однако, не

дающих логического обоснования попадающих в поле зрения анализа явлений, хотя, конечно, и такой анализ также представляет некую системность.

Обоснование системности знания любой науки требует выявления логики взаимодействия составляющих элементов этой науки. В социологии этот системный подход требует учета, во-первых, специфики социологической науки, и, во-вторых, сущности социальных процессов и явлений, т.е. самой природы изучаемых явлений. Нами системность социологического знания представлена двумя структурно-логическими схемами, которые мы назвали «социомурлатами». Одна из них представляет структурно-логическую характеристику системности объекта социологии. Вторая дает структурно-логическую характеристику системности уровней социологического знания.

Первый вопрос, который возникает в отношении понятия «социомурлат», – это, что из себя представляет термин «мурлат». В словаре В. Даля мурлат означает «продольный обруч поверх каменной стены, на которой кладутся концами балки». Белорусские плотники, собирающиеся деревянные срубы, мурлатом называют последний венец сруба, который скреплял деревянный сруб, и на который также, и в далевской трактовке, концами ложились поперечные балки. У Даля также есть слово «муровать», т.е. класть каменные кирпичи на связке. Есть у него и слово «лата» – это жердина или решетница на кровлю. В белорусских словарях есть понятие «мур» и производные от него: мур – каменная (кирпичная) стена; кладка, каменное здание; мураванка – каменное строение; мураванне – кладка; мураваны – каменный, кирпичный; мураваць – класть, строить (из камня, кирпича). Есть и понятие «лата» – обрешетина, слега.

Таким образом, мурлат рассматривается как венец сооружения (в данном случае науки), скрепляющим его и делающим его целостным, стройным, нерушимым, единым. И представленные ниже социомурлаты (социологические мурлаты) в этом плане позволяют выявить логическую структурность, как объекта социологии и уровня социологического знания, так и рассмотрение социологии как науки, изучающей поведение людей и возникающие на этой основе социальные отношения, социальные механизмы, тенденции и закономерности функционирования и развития общества, как целостного социального организма, а также взаимодействие составляющих его социальных структур (социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей) разного типа, уровня и сложности,

На рисунке 1 отражены основные объекты социологии: общество, личность, социальные сферы, социальные институты, социальные общности и взаимодействие. Конечно, каждая схема огрубляет, упрощает богатые взаимосвязи, но одновременно и дает наглядное изображение того, что в указанном взаимодействии наблюдаются различные формы воздействий. Во-первых, это влияние социальных сфер на общество в целом, и их взаимодействие между собой – экономической, политической, духовной и повседневной-бытовой сфер. Во-вторых, это влияние каждой из социальных сфер на функционирование социальных институтов и социальных общностей, а также на личностный уровень. В-третьих, эта структурно-логическая схема выявляет и обратное воздействие на социальные сферы социальных институтов, социальных общностей, на деятельность личности.

Если такие объекты социологии как общество, личность, социальные институты, социальные общности и взаимодействие уже давно получили право гражданства, то социальные сферы только входят в круг исследовательских социологических проблем. Но при этом чаще всего под социальной сферой признается ее бытовой характер, а в экономике – производственная сфера. В социологическом плане социальная сфера представляет совокупность отношений между людьми, возникающими в процессе общественной жизни, основанных на различии видов деятельности.

Рисунок 1 – Структурно-логическая характеристика системности объекта социологии (социумрат № 1)

В такой трактовке социальная сфера включает: а) экономическую, б) политическую, в) духовную и в) повседневную сферу. Т.е. экономическая сфера – это совокупность социальных отношений, возникающих в процессе производства, обмена, распределения и потребления. Политическая сфера как разновидность социальной сферы также представляет совокупность социальных отношений, отражающих взаимодействие индивидов, социальных групп, обладающих различными властными полномочиями. Духовная сфера характеризуется совокупностью социальных отношений социальных субъектов, возникающих из их различных или одинаковых ценностей и интересов. И, наконец, повседневная сфера включает социальные отношения, возникающие по поводу удовлетворения их повседневных потребностей и повседневного взаимодействия. Таким образом, это означает, что каждая из этих сфер – и экономическая, и политическая, и духовная и повседневная сфера прежде всего характеризуется наличием социальных отношений, что делает эти сферы социальными.

В социальные институты наряду с традиционными в социологическом плане производственными (экономическими), государственными, институтами семьи и брака, а также институтами образования мы включаем и менталитет. Социальные общности представлены: классовыми и стратификационными общностями, а также профес-

сионально-квалификационными, этническими, конфессиональными, демографическими, территориальными и отраслевыми общностями.

И главный объект социологии – многообразное взаимодействие личности, общества, социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей порождает многообразные социальные процессы и социальные явления. С позиций конференции «Народы, культуры и социальные процессы на пограничье» важными являются территориальные общности. В свою очередь, среди территориальных общностей, влияющих (и серьезно влияющих) на характер взаимодействий можно выделить: социальные общности городского и сельского типа (в свою очередь, среди городских территориальных общностей выделяются крупные, большие, средние и малые городские поселения, а среди сельских мы выделяем пригородные села, агрогородки; их также можно рассматривать и по роли того или иного городского поселения в территориальной организации – столица, областной центр, город областного подчинения, город в качестве районного центра, поселок городского типа в качестве районного центра, просто поселок городского типа); по уровню их социально-экономического развития; восточные и западные территории, южные и северные; в гористой и болотистой местности, степных и жарких условиях, умеренном или холодном климате, на побережье моря или реки; приграничные или центральные; население, проживающее в экологически депрессивных регионах (в Беларуси – существенно значимыми являются социальные общности, проживающие на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС). И т.д. и т.п. Таким образом, пограничье, являющееся объектом конференции, представляет особую социальную общность, являющуюся и объектом социологического анализа.

С позиций основной проблемы конференции – пограничья, как особой социальной общности, имеется комплекс взаимодействий: с социальными сферами, с социальными институтами и другими социальными общностями. Кроме того комплексность или системность социологического видения пограничья означает и исследование комплекса взаимодействий: социальных сфер между собой; социальных институтов между собой; социальных общностей между собой. Но кроме этих видов взаимодействий имеется и взаимодействие между собой социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей, а также взаимодействие: личности, общества, социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей между собой; деятельности личностей во взаимосвязях с обществом, деятельности личности во взаимосвязях с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями; социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей – с обществом в целом, как в глобальном (историческом – не только в современном, но и прошлом), так и его национальном масштабах.

Этот позволяет обосновать второй социумрат, характеризующий системность уровня социологического знания. Он, во-первых, реально представляет и отображает господствовавшие в течение полувека трехуровневые модели социологического знания, предложенные Р. Мертоном. Во-вторых, отвечая современному видению проблемного поля социологической науки, он дает возможность выделения и большего их количества, в частности, видимые грани социумрата № 2 – общую социологическую теорию, частные, или специальные теории, прикладную социологию, и, как результат их взаимодействия – эмпирические исследования. Не вдаваясь во многие сложные их сочетания, отметим, что представленные в первой схеме объекты и взаимосвязи определяют и логику выделения конкретных отраслевых и специфических социологических теорий. Каждой социальной сфере, социальному институту и социальной общности соответствуют частные, или специальные социологические теории, а некоторым им – даже несколько теорий «среднего» уровня. Мы взяли в кавычки средний уровень, как дань социологической традиции, потому что термин «средний» предполагает, что есть еще и высший и низший уровни. На самом деле считать один уровень «высшим», другой – «низшим», значит принижать какой-либо аспект социологического знания или считать его недостойным научного статуса. И это существенное различие в нашем и мертоновском понимании структуры социологической науки.

Рисунок 2 – Структурно-логическая характеристика системности уровней социологического знания (социомурлат № 2)

Именно, характеристика в первом социомурлате такого объекта социологии как социальные общности, включающем и пограничье, а также объектно-предметная логика выделения конкретных отраслевых и специфических социологических теорий позволяет объективно выделить и социологию пограничья. Она представляет специфическую систему социокультурных отношений, возникающих во взаимодействии социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей приграничных регионов.

И.А. Андрос

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специфику развития многих ведущих держав мира, таких как Англии, США, Японии, уже длительный период находящихся на высоком уровне экономического развития, определяют факторы, берущие начало из «духовной жизни народа», то есть менталитета. Хотя эти страны характеризуются диаметрально противоположными элементами духовной жизни, они сумели органично вписаться в экономическое устройство мирового сообщества, используя и преобразуя особенности характера своих предпринимателей – главных «тягачей» прогрессивных рыночных реформ – в национальное экономическое благо. Тем самым, в контексте социологического анализа, предприниматель, как некий индивид с характерными ему чертами, являет собой воплощение культурных закономерностей функционирования и развития общества. Формирование новой экономической системы в Беларуси осуществляется на основе умеренно-радикального подхода: выбраны эволюционные методы реформирования с активным участием государства в формировании рыночной инфраструктуры, поддерж-

ке им важных отраслей народного хозяйства посредством прямого субсидирования и налогового стимулирования. Да, жизнь общества является естественным и объективно закономерным процессом, но, согласно О. Контю, человеческое общество – это прежде всего общность духа. «Идеи управляют и переворачивают мир <...> весь социальный механизм покоится в конце концов на мнениях» [1, с. 19].

Наиболее полно «идейную» сторону развития рыночных отношений раскрыл немецкий социолог М. Вебер. Путем изучения конкретной эмпирической информации, он показал, что капитализм имеет определенные элементы культуры. Нормативная сторона характерного капиталистического поведения у М. Вебера связана с наследием аскетического протестантизма. Невозможность отдыха, лихорадочная интенсивность исполнения трудового долга за счет отказа от обыкновенных земных радостей – характерная черта протестантской морали, которую Вебер называл *мирским аскетизмом*.

Исследуя социокультурные предпосылки возникновения и развития предпринимательской активности в Беларуси, отметим, что во времена религиозных противоречий природная веротерпимость белорусов допускала существование нескольких религиозных направлений (православие, католицизм, униатство и др.) на территории страны, которые оставили след в материальной, духовно-нравственной и мировоззренческой культуре народа. Реформационное движение способствовало росту национального самосознания белорусов, однако оно не имело твердого теологического основания. Возникший в результате Реформации протестантизм, обеспечивавший психологическую мотивировку, адекватную духу капитализма, затронул лишь высшие слои населения Беларуси. В итоге в XVII–XVIII веках (в период вхождения Беларуси в состав Речи Посполитой) высший слой использовал польский язык и развивал свою культуру путем восприятия общеевропейских духовных ценностей на базе белорусской ментальности. Одновременно в среднем и нижнем слоях формировалась разнородная народная культура, стержень которой составляли белорусский язык, фольклор, ремесло.

Со временем постоянно изменяющееся политическое положение привело к тому, что выбор религии белорусами осуществлялся не по идейным или экономическим, а политическим мотивам. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) большинство белорусской территории было включено в состав Российской империи, вследствие чего в 1840 г. название «Белоруссия» в очередной раз было заменено на «Северо-западный край». Тем не менее, включение Беларуси в состав Российской империи содействовало созданию более благоприятных условий для формирования капиталистических отношений (экономический простор России был шире, чем у Речи Посполитой) и возникновению нового сословия шляхты – помещиков-предпринимателей. Так как в самой России новые рыночные отношения начали формироваться позже, чем на Западе, экономика Беларуси не смогла достигнуть общеевропейского уровня. Учитывая объективный ход развития капитализма, российские власти путем отмены крепостного права и Столыпинской реформой в 1906 г. вынуждены были ликвидировать пережитки крепостничества в крестьянском надельном землевладении, сохранив помещичье.

Однако белорусам исторически была присуща тяга к самостоятельности и автономности. Белорусское население расселялось небольшими общностями (хуторская система ведения хозяйства). Виленская, Гродненская и Минская губернии в статистических сводках России относились к группе губерний, в которых преобладала капиталистическая система хозяйствования. Община получила распространение лишь в Витебской и Могилевской губерниях, но без переделов и уравнительного принципа [2, с. 188]. К 1916 г. в Могилевской и Витебской губерниях из общины вышло и получило земельные участки в личную собственность 63,0% всех крестьян-общинников. Группа зажиточных крестьян в начале XX века составляла 8-10% всех крестьянских хозяйств, средние крестьяне – около 32%, беднота – 60% [3, с. 175].

После Первой мировой войны (1914–1918) и Октябрьской революции (1917), на одной части территории Беларуси началось строительство нового социалистического строя, то есть общинная психология получила дальнейшее развитие, а другая часть отошла к польскому государству, в котором развивались капиталистические отношения. После краха Российской империи Беларусь была подвержена переделу согласно Рижскому договору 1921 г., в результате которого к польскому государству отошла западная территория Беларуси площадью более 100 тыс. кв. км и населением свыше 4 млн человек. Таким образом, территория Беларуси оказалась поделенной на три части: западная отошла к Польше, восточная осталась в составе РСФСР и 6 поватов (районов) Минской губернии в центральной части Беларуси составили территорию БССР. В 1921–1939 гг., находясь в составе буржуазной Польши, западные области Беларуси прошли «вторую школу капитализма». Аграрные реформы, проводимые в 1919–1925 гг., были направлены на усиление капиталистических отношений на селе и оплачивались крестьянством, что привело к обнищанию западно-белорусских крестьян. Если в 1921 году бедняки составляли 62%, середняки – 30%, кулаки – 8%, то к середине 30-х гг. соответственно 78–80%, 15–17% и 5% [3, с. 311]. Неравномерное развитие отраслей промышленности определили Западную Беларусь как аграрно-сырьевой придаток Польши. Позднее, в 1939 и 1946 годах, значительная часть этнической Беларуси соединилась со своей западной частью.

В годы «военного коммунизма» (20-е гг. XX в.) насильственная коллективизация и проводимое в СССР раскулачивание привели к полному уничтожению частной собственности и усилению власти государства. Хотя у индивидуального производства был непродолжительный ренессанс – нэп, представлявший собой временный и условный компромисс между неконкурентоспособным государственным сектором и сохранившимися формами традиционного единичного производства. Однако идеологическая политика обострения классовой борьбы и последовавший массовый политический террор привели к подавлению самостоятельного индивидуального хозяйства. Советская власть сделала упор в трудовой мотивации не на частный интерес, а на революционный энтузиазм и коллективность устремлений. Тоталитарный и пришедший ему на смену в 50-е гг. авторитарный политический режимы целенаправленно насаждали неприязнь к индивидуальному интересу, который отождествлялся с бездуховностью и стяжательством. Практика советского периода хозяйствования показала, что независимый личный интерес принимал искаженные формы и замыкался в сфере знакомств и связей. Деятельность в рамках последних регулировалась неформальными нормами, не поощряемыми обществом и предполагающими санкции. Настоящая же предпринимательская деятельность предлагает относительно замкнутую систему ценностных ориентиров, таких, как независимость, самореализация, стремление к хозяйственной инициативе, осуществляемой в целях своего материального благосостояния.

Оптимистически прогнозировалось, что социокультурная переориентация современных белорусов (т.е. усвоение новых типов экономического поведения, соответствующих рыночной экономике и экономической культуре), займет 10–15 лет, но как показывает исторический опыт зарубежных стран, в ценностной культуре западного общества предпринимательский дух до сих пор не одержал полной и окончательной победы. Только благодаря настойчивым пропагандистским акциям, организованным государством, идет устойчивая защита и происходит некое оберегание капиталистического духа с целью постоянного поддержания конкурентоспособности рыночной экономики для дальнейшего интенсивного экономического развития.

Особенностью развития предпринимательства в Беларуси стало его жесткое подчинение государственному управлению, благодаря чему базинициативность (распространенная в советское время черта характера) перебазицировалась в сознание ны-

нешних предпринимателей. Это не способствует самостоятельности субъектов малого бизнеса и их самоосознанию как движущей силы экономики [4]. Так, согласно статданным 2001 г., в Беларуси в сфере малого бизнеса работали 7,6% от всех занятых в экономике, а объем произведенной продукции МП составил 6,5% от всего объема ВВП, что говорило о высоких потенциальных возможностях предпринимательства уже в переходный период экономики (называемый М. Вебером этапом «архаического капитализма»). Однако в 2008 г. численность работников частного сектора экономики увеличилась лишь до 12,4%, а объем произведенных работ и услуг – до 9,3% от общего ВВП [5]. В настоящее время представляется актуальным вести активную пропаганду положительных характеристик предпринимательской деятельности с учетом мировой практики поддержки развития малого бизнеса.

Список литературы

1. Конт, О. Курс позитивной философии / О. Конт // Родоначальники позитивизма. – Вып. 4. – СПб., 1912.
2. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Избранные сочинения: в 10 т. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 2. – 643 с.
3. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэб. дапам. / В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч, Г.П. Бушчык [і інш.]; пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – 3-е выд., дап. і перапрац. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1999. – 454 с.
4. Андрос, И.А. Социокультурные факторы формирования предпринимательства в экономике Республики Беларусь (на примере Брестской области): дис. ... канд. социол. наук : 22.00.03 / И.А. Андрос. – Минск, 2003. – 192 л.
5. Сайт национального статистического комитета РБ [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main.php>. – Дата доступа: 10.02.2010.

Раздел 9. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Д.А. Хаматов

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ВОЛНОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ АЛВИНА ТОФФЛЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня современный мир находится в условиях грандиозных перемен, которые затрагивают все сферы жизни общества, от социально-политических, до культурно-экономических составляющих.

Повсеместное внедрение высоких технологий оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Изменяется не только природа труда, многократно возрастает его производительность. Трансформация происходит во всем строе культуры и современной цивилизации. Технологические достижения оказывают влияние на социальную структуру общества, приводя в действие процесс становления нового цивилизационного уклада, в котором изменяется содержание власти и капитала, возникает новое понимание сферы труда, управления и досуга.

Алвин Тоффлер, как один из виднейших футурологов нашего времени в своих работах смог отразить те процессы, которые происходят в обществе сегодня, и показать, какими последствиями обернутся эти трансформации для всего социального организма.

А. Тоффлер строит выводы в русле новейшей американской социологии. Подобно Бжезинскому, Беллу и целому ряду видных футурологов, Тоффлер в своей «практопии» указывает на развитие современных технологий и их роль в преобразении социальных процессов. Отличительной же особенностью его работ является их фактологичность и обоснованность каждого суждения (от мнения философов и поступков политиков до статистики социальных процессов).

Философы истории, как правило, всегда пытаются выделить в летописи человеческого рода различные этапы, которые последовательно сменяют друг друга. Всякая трансформация исторического процесса, всякое движение вперед или назад, есть дело человека и без него не обходится [1, с. 12].

Человек всегда являлся единственным творцом своей истории, поэтому значение исторической закономерности заключается в том, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо него [2, с. 21].

Формула революционных преобразований К. Маркса: революции – это локомотивы истории, надолго закрепились в умах людей, но реальность показала, что обещанная на словах реализация величайших ценностей, на деле, как правило, оказывается безосновательной [3, с. 86].

В своё время Питирим Сорокин утверждал, что революции не социализируют, а биологизируют людей. Ухудшают экономическое положение рабочего класса и сокращают большинство базовых свобод [4, с. 24].

Всякая революционная цель достигается диспропорционально великой ценой. Большинство реально прогрессивных процессов явилось результатом развития знания, солидарности, кооперации, а не ненависти и борьбы, которые всегда сопутствуют революции.

Существует объективная причинно-следственная связь возникновения революций. Общество, пришедшее к «эволюционной стагнации», постепенно реформируясь, неожиданно проходит через взрыв. Каждое стабильное общество, являя собой результат многочисленных экспериментов многих поколений в поиске оптимально-приемлемой социальной модели.

По мнению А. Тоффлера, исторические сдвиги, происходящие в обществе, захватывающие все стороны жизни людей, тем не менее во многом не носят революционный характер. Так как не происходит смены политического режима, лишь технологические изменения, которые медленно вызревая, впоследствии порождают глубокие потрясения.

Скорейшее осознание человечеством потребности в переходе к новой волне будет сопровождаться меньшей вероятностью возникновения насилия и диктата.

Историческое позиционирование «тоффлеровских волн» на шкале времени порождает вопрос о том, почему именно сегодня мы вступаем в «информационное общество» а не 200 лет назад? При ответе на этот вопрос, большинство исследователей сегодня, ссылаются на стремительное нарастание тенденции к многообразию, как в экономике, так и во всей социальной жизни.

Возникновение новых социально недифференцированных классов, так называемых «Информационных сообществ» [6, с. 31] как результата смены стадий общественного развития, появление информационного сектора в экономике, преобладание информации и знания над капиталом и трудом, всё вышеупомянутое является частью концепции «информационного общества», разновидности теории постиндустриализма, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл и А. Тоффлер.

Говоря о работах А. Тоффлера, следует сказать, что начиная с «Шока будущего» и продолжая «Революционным богатством» автор придерживается своей «теории волн», развитие которой получилось в работе «Третья волна». По мнению А. Тоффлера, все события человеческой истории можно условно разделить на три «волны».

Первая волна, которую автор называет «сельскохозяйственной цивилизацией» «прокатилась» от Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима, возникали и приходили в упадок цивилизации, в которых, несмотря на внешние различия, были фундаментальные общие черты. Земля являлась основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики, господствовало простое разделение труда и существовало несколько четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы или крепостные, в свою очередь, власть была жестко авторитарной, где социальное происхождение человека определяло его место в жизни, экономика носила децентрализованный характер, где каждая община производила большую часть необходимого [5, с. 21].

С изобретением в Англии Джэймсом Уаттом первого парового двигателя произошел взрыв, в результате которого разрушались древние общества и рождалась совершенно новая цивилизация. Этим взрывом была промышленная революция. Вторая волна трансформировала институты прошлого и изменила образ жизни миллионов людей, и к середине XX века с угасанием волн первой волны на земле воцарилась «индустриальная цивилизация» [5, с. 73].

Но примерно с середины 50-х годов, как отмечает А. Тоффлер, промышленность стала приобретать новые черты. Во множестве отраслей производства росло разнообразие типов техники, образцов производимых товаров, видов предоставляемых услуг. Специализация труда становилась более дробной. Расширялись организационные формы управления. Рос объем публикаций, в результате, по мнению А. Тоффлера, все это привело к чрезвычайной дробности показателей, что и обусловило появление информатики.

Это, в свою очередь, явилось предпосылкой возникновения новой третьей по счету «волны», которая несла в себе новые институты, отношения и ценности [5, с. 127].

Сегодня, в XXI веке, мир находится «на гребне» Третьей волны. Обретает свои черты общество, экономическим костяком которого становится электроника и ЭВМ, космическое производство, использование глубин океана и биоиндустрия. Общество, в котором знание и информация изменяют содержание власти и капитала, возникнет общество «равных», где не будет ограничения по критерию возможностей, так как знание в отличие от денег, доступно всем в равной мере. Это и есть «Третья волна», которая уже сегодня знаменует своим существованием начало новой эры.

Анализируя различные стороны общественной жизни, А. Тоффлер берет за доминанту преобразования в «техносфере» [5, с. 203]. Он говорит о последствиях информатизации общества для разных регионов, стран и народов. Что движение и производство информации, а также неограниченный доступ к её использованию для нужд научно-технологического и социального прогресса, будут возможны лишь для демократических обществ, в которых признают свободу и права человека, где созданы условия для социальной и экономической инициативы. Это, в свою очередь, указывает на процесс становления нового типа общества, в котором каждому человеку предоставляется свободный выбор при равных возможностях.

Список литературы

1. Основания новой науки об общей природе наций. – Л.: ГИХЛ, 1940 (переизд.: Москва; Киев: REFL-book; ИСА, 1994).
2. Суінджвуд, Э. Сціслая гісторыя сацыялагічнай думкі / Э. Суінджвуд. – Мінск: Тэхналогія, 1999.
3. Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К.Маркс // Т. 7.
4. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. Материалы к международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. – СПб., 1999.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004.
6. Masuda, Y. The information society as post-industrial society / Y. Masuda // World Future Society, 1980.

В.В. Зданович

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ПОГРАНИЧЬЕ

Логика исследования любой проблемы предполагает в качестве первого шага определение основных понятий, выявление их содержания и категориального статуса. Исходным понятием, которое в социологических исследованиях пограничья, с которым связана вся исследовательская стратегия, является понятие пограничья.

Обыденное сознание склонно отождествлять понятие пограничья, как правило, с территорией, непосредственно примыкающей к государственной границе страны. Однако данный термин из повседневного лексикона переходит в разряд научных категорий и приобретает специфическое содержание, статус и место в категориальном

строе науки. Ситуация, при которой одна и та же лексическая единица, продолжая выражать нечто привычное и обыденное, и, одновременно, становится научной категорией, может породить определенные сложности и недоразумения при ее использовании в исследовательских целях. Чтобы это не произошло с категорией пограничья, предстоит установить ее содержание именно как научного понятия.

Термин «пограничье» произведен от существительного «граница». Словарь русского языка определяет границу либо как «линию раздела между территориями, рубеж», либо «предел, допустимую норму» чего-либо, указывая на переносный характер второго значения [1, с. 139].

Слово имеет богатый синонимический ряд: рубеж, предел (линия, разделяющая территории соседних государств); грань, черта, межа (то, что служит разграничению в различных сферах человеческой деятельности, чувств, представлений и т. п.); предел, мера, грань (крайняя степень проявления чего-либо) [2, с. 139].

В польском языке, помимо общеславянского («пограничье»), распространён термин «kresy». В специальной социологической литературе употребляется понятие «roganicze», тогда как термин «kresy» применим к окраинным, пограничным, периферийным областям и имеет «некатегориальный» статус. Термин «граница» в белорусском языке, если иметь в виду историко-культурный контекст ее значений, в большей мере относилась к разделяющей линии, тогда как «мяжа», являясь его синонимом – к пограничному (разделительному) пространству.

Краткий терминологический обзор, связанный с лексемой «граница», показывает следующее. Этот термин употребляется: а) для обозначения территориально-разделительной линии; б) имеет предельно широкое значение как любой разделяющий рубеж.

Логика дальнейшего вхождения в проблематику пограничья предполагает переход от семантики термина к анализу его категориального содержания. В основу классификации значений могут быть положены, по крайней мере, три основания.

Первое: граница в широком философском смысле.

Второе: граница в социокультурном понимании как рубеж культурного пространства – разделительный рубеж сосуществующих и взаимодействующих в социокультурном пространстве различных групп. Понятие социокультурного пространства употребляется в тех его значениях, которые выявились в гуманитарном дискурсе последних лет (жизненное пространство, геополитическое, цивилизационное, пространство культуры, в том числе духовное, национальное, языковое, ментальное, информационное, образовательное, виртуальное, поэтическое, каноническое, а также криминальное пространство, пространство хаоса и т. д.) [2, с. 168].

Третье: граница как политико-административная категория. Данный аспект понятия имеет «линетарный» (границы «прочерчены»), функциональный (граница-«стена», граница-«фильтр», граница-«мост») и территориально-политические (границы юрисдикции, суверенитета, территориально-политические) характер.

Эти аспекты между собой связаны, сохраняя свою специфику. Выявление этой специфики позволяет получить более точное понимание того, что такое пограничье, каковы области применения данного понятия.

Важным в нашем случае представляется рассмотреть термин «повседневность». Повседневность – целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Как специфическая область социальной реальности выступает в качестве объекта ряда наук и междисциплинарных исследований (история, социальная и культурная антропология, социология) [3, с.318–319].

В современной весьма обширной исследовательской литературе, посвященной проблеме повседневности, последняя предстает как антитеза нерелексивного – рефлексивному, обыденного – неожиданному, стабильного – непредсказуемому, будничного – праздничному, рутинного – приключенческому, бытового – высокого, внеличностного – личностно-вовлеченному, профанного – сокральному и т. п.

Учитывая аспекты этой категории, необходимо отметить, что: а) в социологическом аспекте она представляет собой «фундаментальную реальность, в которой пребывает большинство людей. Сознание этого мира характеризуется отношением, при котором мир воспринимается как естественный, неизменный и предзаданный» [3, с. 219]; при этом «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира», а члены общества «считают мир повседневной жизни само собой разумеющуюся реальностью»; б) в культурологическом отношении повседневное поведение как «обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как естественное, единственно возможное, нормальное» (в противоположность ритуальному, культовому, внепрактическому и т. п.).

Повседневность – человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот.

Таким образом, построив в качестве основы социологического исследования повседневности категориальный ряд, появляется возможность выстроить «систему координат» повседневности пограничья. Эти координаты повседневного бытия не измеряются в физических, географических или иных «естественных» способах репрезентации повседневности. Мир повседневности, есть мир, который приобретает соответствующие способы конституирования пограничной реальности, векторами которой оказываются социокультурная интерпретация присутствия человека во этом своеобразном мире.

Список литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 900 с.
2. Словарь синонимов: справочное пособие/ ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1977. – 648 с.
3. Современная западная философия: словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: ТОН. Остожье, 1998. – С. 318–319.

А.В. Мисюкевич

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРАТСТВ И СЕСТРИЧЕСТВ ГРОДНЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (1994–2009)

В настоящее время к Гродненской православной епархии относятся 5 братства и 3 сестричества, а именно: «Братство во имя Святого равноапостольного князя Влади-

мира Гродненской епархии Белорусской Православной Церкви»; «Братство во имя св. мч. младенца Гавриила Белостоцкого, при Свято-Казанской церкви» (д. Поречье, Гродненского района); «Свято-Борисо-Глебское братство Гродненской епархии Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата)»; «Свято-Софийское молодежное братство при Свято-Покровском кафедральном соборе»; «Братство во имя св. апостолов Петра и Павла, при Свято-Петро-Павловской общине» (г. Волковыск); «Православное сестричества во имя святой праведной девы Иулиании Ольшанской, при Свято-Покровском кафедральном соборе» (г. Гродно); «Православное сестричества во имя свв. мчцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, при церкви в честь Собора Всех Белорусских Святых» (г. Гродно); «Православное сестричества во имя св. мч. Трифона, при Свято-Ильинской церкви» (г. Мосты) [23].

Братство во имя святого равноапостольного князя Владимира имеет Устав и государственную регистрацию. Свято-Борисо-Глебское братство – Устав и государственную регистрацию. Свято-Софийское молодежное братство – имеет только внутреннее Положение. Братство во имя св.мч. младенца Гавриила Белостоцкого – имеет Устав и внутреннее Положение. Братство во имя св. апостолов Петра и Павла г. Волковыск – имеет только Положение. Православное сестричества во имя святой праведной девы Иулиании Ольшанской – имеет Устав, не зарегистрированный в официальном порядке. Православное сестричества во имя свв. мчцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии – Устав. Православное сестричества во имя св. мч. Трифона – Устав.

Православные братства и сестричества создаются гражданами, достигшими 18 лет, православного исповедания с целью оказания организованной помощи Приходу по поддержанию в надлежащем состоянии здания храма и иных церковных объектов, осуществления благотворительной деятельности, религиозно-нравственного просвещения и воспитания, иной деятельности по распространению и исповеданию православной христианской веры. Целью православных братств и сестричеств Гродненской епархии является исполнение долга благотворительности и милосердия, служение и помощь нуждающимся, детям-сиротам и оставшимся без попечения родителей, больным и престарелым, религиозное образование, воспитание нравственности и благочестия, развитие полезного отдыха, забота о здоровье и благоприятных отношениях в семье.

Органами управления братств или сестричеств являются: общее собрание, Совет братства или сестричества, настоятель Прихода и по его благословлению Духовник братства (сестричества), председатель братства (сестричества) и Ревизионная комиссия.

Все православные братства и сестричества Гродненской епархии осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством Республики Беларусь, Каноническим Уставом Русской Православной Церкви, Уставом Белорусской Православной Церкви, Уставом Гродненской епархии Белорусской Православной Церкви, постановлениями Синода Белорусской Православной Церкви, Указами и распоряжениями Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси и Епархиального архиерея.

Канонический Устав Русской Православной Церкви принят на Юбилейном Архиерейском Соборе (Москва, 13–16 августа 2000 года), с внесёнными в него поправками Архиерейским Собором (Москва, 24–29 июня 2008 г.) [2]. С момента принятия настоящего Устава утрачивает силу Устав об управлении Русской Православной Церкви, принятый Поместным Собором 8 июня 1988 года (с дополнениями, внесенными Архиерейским Собором 1990 года и Архиерейским Собором 1994 года). Канонический Устав Русской Православной Церкви состоит из 18 глав.

Устав Белорусской Православной Церкви состоит из 5 глав: 1. Общие положения; 2. Цели и формы деятельности; 3. Структура и органы управления; 4. Имущество и средства; 5. Заключительные Положения [22].

Основным нормативным документом регулирующим религиозные организации является Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. № 137-З [1]. Анализируя данный закон следует отметить, что с его помощью регулируются правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также определяет правовые основы создания и деятельности религиозных организаций исходя из: права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии; равенства религий перед законом; признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа.

Необходимо отметить, что принятый Закон Республики Беларусь «О свободе совести слова и религиозных организациях» не ограничивает права верующих и позволяет в равных условиях развиваться всем конфессиям. Но государство в своем сотрудничестве имеет право выбора и отдает приоритет тем конфессиям, которые внесли наибольший вклад в становление и развитие духовных, культурных и государственных традиций республики.

Сотрудничество государства и церкви является широкой международной практикой. Государство заинтересовано в постоянных партнерских отношениях с Белорусской Православной Церковью. К примеру: 12 июня 2003 года было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [20], что полностью соответствует Конституции Республики Беларусь и ее законодательству. Также существуют и другие соглашения между Белорусской Православной Церковью и другими социальными институтами:

1. Соглашение между Комитетом исполнения наказаний МВД Республики Беларусь и Белорусским Экзархом – август 1999 г. [15].

2. Соглашение о сотрудничестве между пограничными войсками Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью – 18 января 2003 г. [19].

3. Соглашение о сотрудничестве между национальной государственной телерадиокомпанией Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью – 6 сентября 2004 г. [18].

4. Соглашение о сотрудничестве между Государственным комитетом по авиации Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью [16].

Приоритетными направлениями сотрудничества являются совместное развитие общественной нравственности, воспитание, образование, культурная и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия нашего государства.

В апреле 2004 года был завершён процесс подписания 14 программ сотрудничества между Белорусским экзархатом и заинтересованными министерствами и ведомствами, которые касаются разных сфер деятельности, а именно:

1. Программа сотрудничества Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.) [8].

2. Программа сотрудничества между Белорусской Православной Церковью и Миноблсполкомом [4].

3. Программа сотрудничества Мингорисполкома и Белорусской Православной Церкви [6].

4. Программа сотрудничества Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви по вопросам преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (26 апреля 2006 г.) [3].

5. Программа сотрудничества Национальной академии наук Беларуси и Белорусской Православной Церкви (22 марта 2004 г.) [14].

6. Программа сотрудничества Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.) [12].

7. Программа сотрудничества Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви по вопросам охраны окружающей среды и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.) [11].

8. Программа сотрудничества Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (23 марта 2004 г.) [10].

9. Программа сотрудничества Министерство информации Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (31 марта 2004 г.) [13].

10. Программа сотрудничества Министерства культуры Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви в области культуры и творческой деятельности, охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия (22 марта 2004 г.) [9].

11. Программа сотрудничества Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (11 марта 2004 г.) [7].

12. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2004–2006 гг. [5].

13. Соглашение о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви [21].

14. Соглашение о сотрудничестве между Министерством спорта и туризма Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви [17].

Таким образом, государственно-церковные отношения в стране строятся на принципах уважительного отношения к чувствам верующих и неукоснительного соблюдения законодательства о религии и церкви.

Список литературы

1. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. № 137-3.

2. Канонический Устав Русской Православной Церкви (Москва, 24–29 июня 2008 г.).

3. Программа сотрудничества Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви по вопросам преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (26 апреля 2006 г.).

4. Программа сотрудничества между Белорусской Православной Церковью и Миноблисполкомом.

5. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2004–2006 гг.

6. Программа сотрудничества Мингорисполкома и Белорусской Православной Церкви.

7. Программа сотрудничества Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (11 марта 2004 г.).

8. Программа сотрудничества Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.).

9. Программа сотрудничества Министерства культуры Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви в области культуры и творческой деятельности, охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия (22 марта 2004 г.).

10. Программа сотрудничества Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (23 марта 2004 г.).

11. Программа сотрудничества Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви по вопросам охраны окружающей среды и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.).
12. Программа сотрудничества Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (26 марта 2004 г.).
13. Программа сотрудничества Министерства информации Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви (31 марта 2004 г.).
14. Программа сотрудничества Национальной академии наук Беларуси и Белорусской Православной Церкви (22 марта 2004 г.).
15. Соглашение между Комитетом исполнения наказаний МВД Республики Беларусь и Белорусским Экзархом – август 1999 г.
16. Соглашение о сотрудничестве между Государственным комитетом по авиации Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью.
17. Соглашение о сотрудничестве между Министерством спорта и туризма Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви.
18. Соглашение о сотрудничестве между национальной государственной теле-радиокомпанией Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью – 6 сентября 2004 г.
19. Соглашение о сотрудничестве между пограничными войсками Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью – 18 января 2003 г.
20. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью – 12 июня 2003 года.
21. Соглашение о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви.
22. Устав Белорусской Православной Церкви Белорусского Экзархата.
23. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: www.orthos.org. – Дата доступа: 20.10.2009 г.

В.Г. Кузьмицкая

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

«ГЕНДЕР»: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Термин «гендер» обычно использовался в лингвистике английского языка применительно к категории рода. Однако в конце 60-х гг. XX в. он вводится в научный дискурс как социокультурная категория для анализа социальных отношений и противопоставляется полу как биологической детерминанте. В русский язык этот термин приходит во второй половине 80-х гг. XX в.

Смысл этого заимствования заключался в том, чтобы подчеркнуть, что «различия между полами в области разделения труда, ролей в семье, сегрегация социального пространства по признаку пола и др. столь же условны, сколь условен род существительных» [2, с. 180]. Термин «гендер» был призван исключить «биологический и психический детерминизм, утверждавший неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал» [3], утвердить положение о том, что гендерная иерар-

хия, гендерный статус, модели гендерного поведения не предопределены природой, а формируются и предписываются той социокультурной средой, в которой живет человек. Поведение мужчин и женщин и их отношения не есть продукт законов природы, но продукт культурно-исторического развития общества.

В статье «Терминологические вопросы в гендерных исследованиях» Е.И. Трофимова приводит признанное международным феминистским сообществом определение гендера, понятия, которое «используется для обозначения всех тех социальных и культурных норм, правил и ролей, приписываемых людям обществом в зависимости от их биологического пола» [7, с. 180]. Причем некоторые исследователи делают уточнение, что гендер есть продукт «особого социального делания», который является и результатом и процессом одновременно [8, с. 125].

Н.И. Абубикирова дает следующее определение гендера: «гендер – социальное отношение; не биологический пол, а представление (репрезентация) каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений» [8, с. 124].

Т. Дашкова пишет о ряде критических замечаний, высказанных к понятию «гендер». Во-первых, гендер как средство академизации феминизма теоретически неадекватно и политически аморфно. Оно снижает нон-конформистский пафос феминизма. Во-вторых, утверждение термина «гендер» может считаться симптомом «экспансии англо-американской традиции гендерных исследований, неадекватной опыту других культурных традиций. Термин также критиковался за дематериализацию пола, за отрицание активности субъекта и недостаточную «конструктивность» [1].

Активно обсуждался и вопрос целесообразности заимствования «западной методологии». Однако, как справедливо заметила Н. Блохина, внимание надо обращать не на то, откуда пришел термин, а на то, как его грамотно использовать [10, с. 196].

О.А. Воронина в статье «Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе» говорит об истории употребления термина «гендер». К одной из первых работ, где было четко проговорено различие между «полом» и «гендером» автор называет работу Г. Рабин, где она пишет о пологендерной системе как наборе соглашений. Далее упоминается работа Р. Унгер «О редифиниции понятий пол и гендер», где было предложено использовать термин «sex» говоря исключительно о биологических характеристиках человека, а «гендер» при обсуждении социальных, психических и прочих аспектов, относящихся к нормам, стереотипам, ролям и т.д. В книге А. Рич «Материнство как опыт и институт» гендер определяется как своеобразная система, взаимосвязанная с другими властными (стратификационными) категориями [9, с. 11–12].

О.А. Воронина выделяет три основные теории гендера: 1) теорию социального конструирования гендера, 2) гендер как стратификационную категорию, 3) гендер как культурную метафору 4) ложную теорию гендера.

В рамках первого подхода гендер выступает в качестве организованной модели социальных отношений между мужчиной и женщиной, создаваемой основными общественными институтами. В рамках второго подхода гендер выступает стратификационной категорией, иерархизирующей социальные отношения и роли между мужчинами и женщинами (также как раса, класс и возраст). В рамках третьего подхода рассматриваются символические, культурные аспекты гендера, где мужское и женское существуют как элементы культурно-символических рядов. Что касается ложной теории, то здесь гендер ложно воспринимается как социополовая роль, а женщины и мужчины разносятся по разным социополовым категориям. [9, с. 12–13].

Категория «гендер» междисциплинарна по своей сути и имеет огромный «интегративный потенциал» [5]. Она связана со всеми сферами жизни, которые так или иначе «накладываются на факт принадлежности человека к биологическому полу» [3].

Поэтому гендерные исследования тесно связаны с такими областями знания как психология, культурология, лингвистика и др.

Когда термин пришел в историю, он, таким образом, открыл новые возможности для междисциплинарного исторического анализа. Дж. Скотт в своей ставшей классической статье «Гендер – полезная категория исторического анализа» предложила использовать этот термин в качестве специфической категории исторического анализа, и начать смотреть на историю человечества не дихотомически, как это было ранее, а через призму обоих полов. Исследовательница рассматривает «гендер» как составной элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, как первичное средство означивания отношений власти. Выделяя четыре взаимодействующих элемента гендера (культурно доступные символы, нормативные концепции которые их интерпретируют, социальные институты и организации и субъективную идентичность). Автор видит задачу историка в анализе взаимоотношений между ними. Подобная схема дает много преимуществ историческому исследованию: 1) она может применяться для анализа любого социального процесса, 2) она дает возможность глубокого комплексного анализа [6].

Как отмечает Т. Дашкова, благодаря появлению возможности нового взгляда на проблемы пола, стало реальным решение проблем, с которыми столкнулись женские исследования («Гендерная оптика», в призме которой оказались не только женщины, но и соотношения полов, оказалась более продуктивной в плане фиксации различий в опыте обоих полов, и изучения механизмов их воспроизводства в социально-исторической специфике [1].

Уже в 80-х понятие гендера как социокультурной конструкции пола занимает центральное место в исторической науке запада, становится ключевым в исторических исследованиях [3]. Гендерные историки начинают искать ответы на вопросы о способе конструирования гендера во времени, о том, как гендерная концепция влияет на организацию социальной жизни в разные эпохи, о распределении власти, о взаимодействии дискурсов [4].

Таким образом, термин «гендер», введенный в научный дискурс как социокультурная категория для анализа социальных отношений, открыл новые возможности многосторонних междисциплинарных исследований во всех областях знаний.

Список литературы

1. Дашкова, Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию / Т. Дашкова // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Т. Дашкова; под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 203–245.
2. Барчунова, Т.В. «Эгоистический гендер» или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях / Т.В. Барчунова // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 180–192.
3. Шутова, О.М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии / О.М. Шутова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/sbornik/vozmoj/3.htm>.
4. Пинчукова, И.В. Гендерный подход в исторической науке / И.В. Пинчукова // Известия АлтГУ. – № 4–2 (56) 2007. – С. 117–120.
5. Репина, Л.П. История Западной Европы: гендерный аспект (методические материалы к спецкурсу) / Л.П. Репина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldhist.ru/teaching/special/courses/social/Repina1.doc>.
6. Денищик, А. Гендерная история: предмет и методология / А. Денищик // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://takaya.by/texts/essay/gend_hist.

7. Трофимова, Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях / Е.И. Трофимова // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 6. – С. 178–188.
8. Абубикирова, Н.И. Что такое «гендер»? / Н.И. Абубикирова // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6. – С. 123–125.
9. Воронина, О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О.А. Воронина // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 9–20.
10. «Doing gender» на русском поле: круглый стол // *Гендерные исследования*. – 2005. – № 13. – С. 190–217.

С.Н. Щербинин

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОГРАНИЧЬЯ

Идентичность является значимым феноменом человеческой культуры. В условиях пограничья этот вопрос становится особенно актуальным, потому, что пограничье в силу различных аспектов обладает особой структурой и специфическим характером культурного взаимодействия [2, с. 237]. Поэтому при изучении идентичности, в том числе и национальной, в этом случае необходимо отталкиваться от целого комплекса методологических подходов и чётко понимать, что включает в себя здесь это понятие, с содержательной точки зрения.

Идентичность – это не просто «тождественность», а определённое понятие гуманитарного знания, которое выражает устойчивость осознания своего Я (рефлексивного и нерефлексивного, что отличает это понятие от самосознания). При этом идентичность следует рассматривать как объективную так и субъективную категории. В первом случае необходимо понимать характеристики, объективно присущие индивиду как представителю определённой общности, хотя сам индивид может не идентифицировать себя с ней. Во втором случае оно включает те характеристики, с которыми индивид себя идентифицирует и считает своими [1, с.41]. Особенно это касается национальной идентичности предполагающей представление об определённых нациях.

Национальная идентичность, как процесс принятия исторического опыта нации, предполагает определение национальной принадлежности. Здесь речь идет о макроуровне, о соотношении с некоторой общностью, которая не ограничивается пределами личного общения, а выходит за его пределы.

Само понятие национальной принадлежности многозначно. В массовом сознании не существует единого всеми одинаково разделяемого представления о своей нации и тем более единого понимания того, что именно означает принадлежность к данной национальной общности. Восприятие своей нации не только не однозначно. Оно заведомо плюралистично. Разумеется, степень однородности в понимании национальной принадлежности сама по себе есть величина переменная. Она во многом зависит от меры противопоставления этой нации другим национальным общностям, от взгляда сверху вниз или снизу вверх, от остроты внутренних проблем [2, с. 274]. Поскольку в само понятие «нации» и, соответственно, «национального» может закладываться различный смысл, то и конечный результат может носить двойственный характер.

Идентичность является результатом самоопределения и зависит от взаимодействия между «нами» и «другими» [1, с. 66]. Огромное значение здесь занимает то, как индивида или группу воспринимают «другие».

Таким образом, в основе идентичности лежат определённые группы процессов. Первая группа процессов связана с осознанием индивидом своего «Я» («Мы»), а также своего отличия от «других». Эти процессы проходят на бытовом уровне, где чаще всего подсознательно человек осознаёт своё отличие (в результате сравнения). Следующая группа процессов связана с внешней дефиницией (как нас воспринимают «другие»), восприятие «Мы» осуществляется через осознание чужих культурных стереотипов, ценностей, поведения, речи, текстов). Здесь наиболее важным компонентом является язык другого, то есть та форма коммуникативного взаимодействия, которая распространена между членами иного этноса. На третьем уровне идентификационные процессы являются предметом теоретической категоризации [1, с. 43]. Чаще всего исследователи утверждают, что этот процесс связан с использованием законов и государственных признаков (национальность как принадлежность к определённому государству). Однако он скорее связан с использованием человеком накопленных знаний, опыта и использованием конкретных категорий для сравнения и определения своей позиции.

Рассмотрение вопроса об национальной идентичности предполагает рассмотрение культурных границ. Ведь именно в условиях пограничья, в результате взаимодействия с другими культурами, люди начинают искать основы собственной культуры, становясь к ней более чувственными. В результате чего реальные границы заменяются символическими. Связь же этнических рубежей с культурными весьма неоднозначна, ведь этническую группу определяют именно этнические границы, а не культурное содержание, которое они в себе заключают. Культурные черты той либо иной группы могут варьироваться, но это никак не отразится на осознании ими «своего» или «чужого».

Однако следует чётко различать процессы идентификации в регионе пограничья от локальной идентичности, которая определяется характером территории расселения (специфическим климатом, хозяйственной деятельностью) [5, с. 6]. Локальная идентичность не охватывает все аспекты национальной идентичности и не имеет такой многоуровневой структуры.

Если исходить из того, что этничность – это форма социальной организации культурных различий, то центральным различителем является этническая граница, а не сама по себе содержащаяся в пределах границ культура. А для изучения нашего региона важно следующее: первичную значимость имеют те культурные характеристики, которые используются для маркировки различий этносов и групповых границ, а не представления специалистов о том, что традиционно, свойственно той или иной культуре. В поиске таких культурных характеристик, которым придается социально значимый разграничительный смысл (которые и лежат в основе идентичности индивида), ключевая роль принадлежит этнической элите.

Сама этническая граница, выступая идентификационной линией между «Мы» и «Они», приобретает многоуровневый, иерархический характер. С одной стороны пограничная идентичность в силу переходного характера самого пограничного ареала характеризуется как неопределённая, неоднозначная, плюралистическая, что значительно усложняет понимание данного вопроса [1, с. 66]. Однако не стоит забывать, что граница предполагает не только разделение, поиск отличия, но и наличие общего, схожих черт и характеристик [1, с. 70]. Граница способствует формированию и более четкому осмыслению национальной идентичности разделяемых ею народов.

Однако нельзя рассматривать этническую границу как определённую черту, ведь специфика региона пограничья в том, что эта граница смазана и не имеет чёткого очертания [3, с. 181].

Сегодня исследователи выделяют ряд критериев, которые ложатся в основу разграничения «Мы» и «Они». Среди них можно выделить: особенности языка общения, религиозная принадлежность, связь с обычаями и традициями, гражданская принадлежность к государству, общее историческое прошлое, исторические корни, культурное воспитание и многое другое. Нельзя сказать, что какой либо из них является определяющим и занимает приоритетное место. В различных ситуациях, в разных временных рамках доминируют различные критерии, однако они не статичны, поэтому при изучении данного вопроса нельзя отталкиваться только от одной характеристики. Кроме того некоторые из критериев постепенно модернизируются. Например, язык общения очень часто можно характеризовать термином «локальность», ведь он редко является определяющим признаком в идентичности. Специфика региона пограничья приводит к стиранию чёткой языковой границы. В результате тесного взаимодействия культур язык из категории символов переходит на бытовой уровень и перестаёт быть барьером во взаимодействии этносов. Такая языковая ситуация способствует культурной интеграции и углублению культурных границ.

Однако, как показывают последние исследования, факторы национальной идентичности у жителей белорусско-польско-литовского пограничья имеют стабильный характер, указывающий на отсутствие их явной динамики [5, с. 128].

Национальная идентичность занимает доминирующие позиции в системе ценностных ориентаций, однако её влияние на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, фактов социального поведения не является приоритетным и проявляется только на поверхностном (вербальном) уровне.

В условиях пограничья выделять какой либо признак в качестве доминирующего, в процессе идентичности, не представляется целесообразным, не смотря на определённую статичность их роли.

Национальная идентичность является сложным многоуровневым процессом, со своей структурой, разные элементы которой проявляются на различных уровнях межличностных отношений.

В силу тесного взаимодействия культур, углубления процессов интеграции, чёткое очертание этнической границы отсутствует, её рассмотрение, как определённой черты, в условиях пограничья теряет всякий смысл.

Национальная идентичность конструируется на целостной оценке отношений как к своей самоидентификации, так и в отношении к другим этносам. Жители региона пограничья, которые находятся на стыке разных культур, удерживают в своём сознании значительно большее количество идеальных моделей, которые заполняют не только повседневный мир, но и сферы конечных значений, что приводит к возможности большего количества вариантов применения идеальных моделей.

Список литературы

1. Беспамятных, Н.Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / Н.Н. Беспамятных. – Минск: РИВШ, 2009. – 244 с.
2. Беспамятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспамятных. – Минск: РИВШ, 2007. – 404 с.
3. Памежыкі Беларусі ў міждысцыплінарнай перспектыве / пад рэд. Е. Смульковай, А. Энгелькінг. – Варшава, 2007. – 511 с.
4. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 8–9 дек. 2005 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.), Н.Н. Беспамятных, С.В. Донских. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 479 с.
5. Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.1, Гродно, 15–16 дек. 2001 г. / под ред. проф. У.Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 246 с.

А.В. Беняш

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ BORDER STUDIES

В исследования пограничья, или, пользуясь англоязычным соответствием «border studies», можно выделить несколько смысловых составляющих. Изначально «border studies» понималось как исследовательское направление на стыке исследований культуры, этноса, культурной антропологии, исследований идентичности и др. Однако, в настоящее время отмечается ещё большее расширение междисциплинарного поля за счёт включения экономических, правовых и иных проблем и, соответственно подключение методологий данных дисциплин. Например, содержание курса Массачусетского государственного университета по курсу «Border studies» показывает, что в качестве предмета выступает рассмотрение литературного наследия с Викторианской эпохи сквозь призму осмысления авторами ксенофобии, утопии, идеологии. В качестве методологической базы студентам предлагается «сравнительная критическая теория»¹¹⁸. Что же выступает «границей»? Границы две: временная, из эпохи модерны в постмодерность, а также географическая – Европа-США.

В качестве другого примера выступает Центр межграницных исследований (Centre for Cross Border Studies), расположенный в г. Дублине. Тематика исследований данного центра сконцентрирована на изучении прикладных вопросов взаимоотношения регионов как по границе Северная Ирландия – Великобритания, так и в рамках стран ЕС. В частности, изучаются вопросы юридического статуса иммигрантов, трудовой мобильности, информационного обмена и др.¹¹⁸.

Можно отметить, что достаточно широкое внимание проблеме пограничья уделяется в Европейском гуманитарном университете. В частности, с 2001 года издаётся специализированный журнал «Перекрёстки». Остановимся на темах, поднимаемых в журнале, методологических пассажах и лексике авторов, публикуемых в издании¹²⁰.

Александр Филатов в статье «Беларусь как пограничье: несколько замечаний о судьбе исследовательского направления»¹²¹ видит в исследованиях пограничья: 1) поиск идентичности для Беларуси, в условиях постколониализма и 2) научно-исследовательский способ описания региона. Филатов, ссылаясь на Бугрову, отмечает, что проблема поиска идентичности лежит в проблеме ускоренной модернизации Беларуси. Беларусь, обретя стабильные границы к середине XX века, из отсталого региона превратилась в регион стратегически важный, «привязанный» к общесоюзному центру и нацеленный на конфронтацию с Западом. Именно проблема консолидации «расколотой идентичности» выступает ключевой в теме «пограничья». «В ее основе лежит стремление осознать себя не как часть чего-то иного, а как некую самодостаточную целостность, признать свою инаковость по отношению к другим»¹²².

¹¹⁷ <https://www.msu.edu/~smichael/brief.html>.

¹¹⁸ <http://www.crossborder.ie/pubs/publications.php>.

¹¹⁹ В таком ключе можно говорить, поскольку редакция журнала дистанцировалась от поддержки авторов и заявляет беспристрастность.

¹²⁰ № 3-4, 2007.

¹²¹ Стр.10.

Филатов отмечает, что толчком к исследованию «пограничья» послужило исследование белорусского мышления В. Абушенко и И. Бобкова. Введение в обход «раздвоенности» было использовано из сравнения ситуации Беларуси с государствами Латинской Америки¹²². Рассмотрение Беларуси сквозь призму креольства даёт достаточно ясное решение – «изжитие изнутри», без ориентации на внешние доминанты. Особенность позиции Бобкова состоит в предложении выхода за рамки логики постколониализма (поскольку выход неминуемо ведёт к созданию новой утопии), а предложение рассмотрения пространства Беларусь по оси Юг – Север и создании «цивилизации Мекжморья» (Идея средней Европы).

Кроме того, можно выделить и иные направления исследований:

- формирование этнической идентичности (Стефаненко Т.Г., Романова О.Л., 1994; Стефаненко Т.Г., 1988, 1999; Баклушинский С.А., Орлова Н.Г., 1998; Левкович В.П., Кузмикайте Л.Д., 1992).

- трансформация этнической идентичности (Лебедева Н.М., 1995, 1997; Мулдашева А.Б. 1991; Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н., 1993; Стефаненко Т.С., 1999; Науменко Л.И., 1997; 2005; Павленко В.Н., 1999, 2005 (Украина); Губогло М.Н., 1999; Лебедева Н.М., Татарко А.Н., 2004; Бухарева С.Л. 2005).

- взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (Лебедева Н.М., 2002; Козлова М.А., 2004; Лебедева Н.М., Татарко А.Н., 2005; Гаюрова Ю.А., 2002).

- влияние инокультурной среды на этническую идентичность (Хрусталёва Н.С., 1996; Смолина Т.Л., 2006; Гусева О.Ю., 2004; Иванова Н.Л., Мнацаканян И.А., 2006)

В.Н. Бутько

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Для исторической науки на современном этапе характерны поиски новых универсальных методов исследования. Не удивительно, что многие историографические тексты пестрят такими словосочетаниями, как «новая историческая наука», «новая культурная», «новая социальная», «новая интеллектуальная» и т.д. истории. Они привлекают читателя надеждой на более современные профессиональные знания, продуцируемые конкретным сообществом историков. Однако наряду с этим не стоит забывать и о прошлых достижениях в методологии истории, т.к. процесс появления «нового», и, следовательно, переосмысления «старого» – одна из основных парадигм развития современного научного сообщества, что отметила Ребекка Спэнг: «Клиометрия пришла и ушла; новая социальная история стала «старой шляпой» (old hat); тотальная история (total history) уступила место микроистории (micro history)» [1, с. 119].

Все это можно связать с тем, что постмодерн заменил существовавшие ранее представления о едином историческом пространстве, да и картина мира стала необычайно разнообразной. Еще К. Ясперс замечал, что история не завершена и таит в себе бесконечные возможности, и новые факты открывают в прошлом «не замеченную нами раньше

¹²²Ряд понятий, активно использовавшихся в публицистике, не нашли места в научном дискурсе, в частности «креол», «креольство». «Тутэйшыя», «тутэйшасць» напротив, остались возможно из-за активного использования в литературе и этнологии.

истину» [2, с. 276]. События и детали, прежде рассматриваемые как несущественные, обретают первостепенное значение и наоборот – ранее значимые уходят в тень.

Субъективное восприятие исторических событий постепенно также становится предметом изучения для историка, как и собственно события прошлого. Неоднозначность его понимания открывает возможности для творческого поиска и заставляет исследователей искать свою нишу в новой историографической культуре. В связи с этим новые исследовательские практики – реальность современной исторической науки.

Одним из таких новых направлений и является устная история (Oral History), которая напрямую связана с субъективным восприятием исторических событий. В своем развитии она прошла долгий и тернистый путь. Запись воспоминаний практиковалась исследователями давно, но они обычно использовались только как дополнительные, второстепенные источники, а со второй половины XIX в. устные свидетельства и вовсе потеряли свои позиции. Ведущей тенденцией в рамках процесса профессионализации истории стала документальная традиция, которая наиболее ярко отражается в формуле «нет документов – нет истории». Однако сегодня устная история стала самостоятельным и оригинальным методом исторического исследования, который получил признание во всем мире.

Стоит отметить, что устная история довольно долго добивалась своего признания. Появившись в США в 40-х гг. XX в., окончательно институционализировалась лишь в 90-х гг., когда определение устной истории появилось в «Новом сокращенном оксфордском словаре английского языка» в виде следующей формулировки: «это записанная на магнитофон историческая информация, полученная из личных знаний говорящего; ее использование или интерпретация является предметом научного исследования» [3, с. 11]. Данное определение с теми или иными дополнениями принято повсеместно. Устная история широко применяется историками Великобритании, Италии и ряда других европейских стран, а также историками США и Канады. На просторах бывшего Советского Союза центры устной истории появляются спорадически и работают, как правило, в рамках грантовых проектов. Как результат, практически отсутствуют исторические исследования, в которых наряду с другими применялись бы и устные источники.

На мой взгляд, медленное усвоение новых методов исторического исследования отечественными историками отрицательно сказывается на общем уровне развития науки. Современная профессиональная историография предлагает разнообразие методологических подходов к изучению истории. Как мне кажется, среди многообразия методов устная история должна занять не последнее место. «Классик» устной истории Пол Томпсон отмечал, что она «не может быть полноправным «разделом» в рамках исторической науки – это методика, которую можно использовать в любой ее отрасли» [4, с. 89]. Кроме того, другой основоположник устной истории, итальянский ученый Алессандро Портелли писал: «Историческое исследование, использующее устные источники, всегда остается незаконченным в силу самой природы источников, а историческое исследование, которое не включает в себя устные источники (для тех периодов, для которых они существуют), неполно по определению» [5, с. 48].

Инструментарий устной истории позволит, на мой взгляд, значительно расширить диапазон возможных исследовательских задач, особенно в рамках разработки проблем локальной истории. Устные свидетельства изначально субъективны. В этом состоит их особенность и главное достоинство, открывающие возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявить особенности менталитета. Другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками и делопроизводителями, пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий, поэтому неудивительно, что

суд истории чаще всего выносит решения в пользу сильных мира сего. Устная история, напротив, создает условия для куда более справедливого суда: можно вызвать свидетелей из низших классов, из числа обездоленных или побежденных. Она позволяет более реалистично и объективно воссоздавать прошлое, подвергать сомнению «официальную версию», тем самым оказывая действенное влияние на социальные цели исторической науки в целом. Только устные источники позволяют увидеть на сцене истории «маленького» человека, взгляды и ценности которого раньше были лишены права существования «историей сверху» [6, с. 115].

Данные возможности устной истории особенно актуально для исторической науки в странах бывшего Советского Союза, где история была полностью лишена такого необходимого условия развития, как свобода исследований. Она стала послушной служанкой единственно верной идеологии. Официальная историческая память стала настоящей «фабрикой лжи», а большая часть историков фактически партийными пропагандистами. Людям навязывалась такая история, которую никогда не переживали их предки. Некоторые исторические эпизоды переписывались по несколько раз в зависимости от политической или идеологической ситуации. В таких условиях индивидуальная память становилась почти единственным путём к исторической правде.

Устная история расширяет круг исторических источников, превращая устный рассказ в исторический документ. Это не значит, что можно отказаться от традиционных материалов. Бельгийский антрополог-африканист Ян Вансин, автор книги «Устная традиция», отмечал, что «устные свидетельства служат для проверки других источников, как и те в свою очередь исправляют их самих». Кроме того, воспоминания являются репрезентацией образов прошлого, выступающих в контексте важных элементов социального, политического, этнического, конфессионального сознания и самоидентификации человека [7, с. 68].

В заключение можно сказать, что история приобретает новое измерение, как только в качестве «сырья» начинает использоваться жизненный опыт самых разных людей. С помощью устной истории можно изменить сам фокус исторической науки, инициировать новые направления исследований; она способна сломать барьеры между учителями и учениками, между поколениями, между образовательными учреждениями и внешним миром, а при фиксации исторического знания – будь то книги, музеи, радиопередачи или фильмы – вернуть людям, девавшим и переживавшим историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос. Кроме того, интервью – иногда просто хорошие истории. Их специфичность, глубокая персонификация и эмоциональная насыщенность делают их легкими для чтения. Аккуратно отредактированные, с сохраненными индивидуальными речевыми особенностями информанта, они помогают воспринять опыт поколения или социальной группы через личный опыт человека.

Список литературы

1. Spang, Rebecca L. Paradigms and Paranoia: How Modern is the French Revolution / Rebecca L. Spang // *The American Historical Review*. – 2003. – Vol. 108. – No 1. – P. 119.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
3. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 368 с.
4. Там же. – С. 89.
5. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // *Хрестоматия по устной истории*. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 32–51.
6. Prins, G. Oral History / G. Prins // *New Perspectives on Historical Writing*. – Cambridge, 1992. – P. 114–139.

7. Вансина, Я. Устная традиция как история (главы из книги) / Я. Вансина // Хрестоматия по устной истории. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 66–109.

М.И. Мартинович

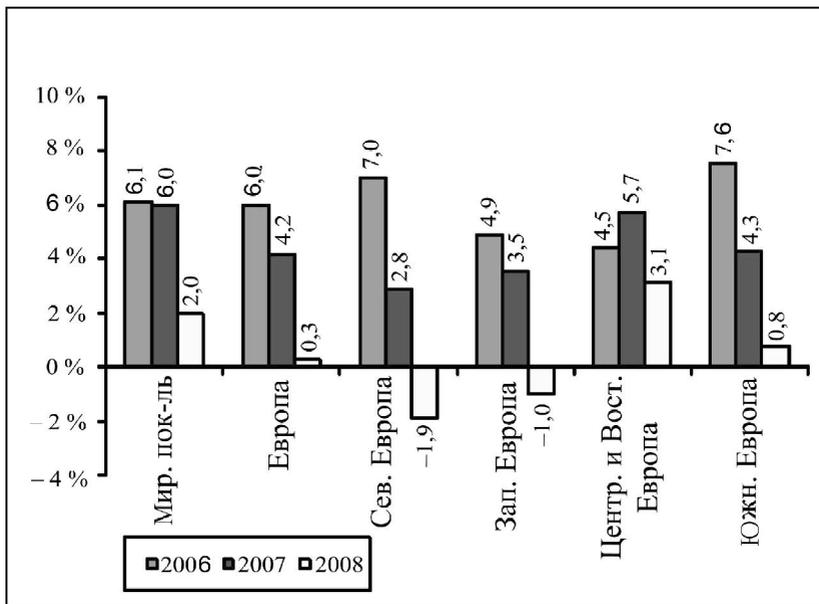
*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ПОГРАНИЧЬЕ КАК ФАКТОР ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ОПЫТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В последние десятилетия трансграничное сотрудничество стало одним из ключевых механизмов ведения внешней политики государства в Европе. Потенциал развития пограничных регионов очень высок. Находясь на стыке современных государственных границ, благодаря своим историческим судьбам, они наиболее гибки к экономической и культурной интеграции. Несмотря на то, что границы по своей сути препятствуют человеческому взаимодействию, европейский опыт показывает, что в последнее время они же становятся связующим звеном соседствующих стран и народов. Одним из факторов развития международного туризма в приграничных районах выступает известный в экономике эффект «ценовой дискриминации», когда за один и тот же товар в разных местах предлагают разную цену. Так, жители приграничных районов Австрии, где цены на товары и услуги значительно выше, чем в соседней Словакии, часто совершают шоп-туры в Братиславу.

И все же является ли пограничье непосредственным фактором установления контактов между людьми и соответственно развитию туризма в подобных районах? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к опыту некоторых стран Центральной и Восточной Европы, которые, благодаря активному трансграничному сотрудничеству, добились успеха не только в области туризма. Интерес к данным странам обусловлен некоторыми причинами. Прежде всего, это наличие общности исторического развития. Можно сказать, что Центральная и Восточная Европа – это государственно-политическое единство двух крупных аутентичных центральноевропейских держав – монархии Габсбургов и Речи Посполитой. В дальнейшем, как отмечает Н.Н. Беспамятных, образование национальных государств в Центральной и Восточной Европе происходило, как правило, на этнической основе, в результате «конституирования» этносов в нации [1, с. 55]. Пограничье представляет собой совместное существование нескольких наций или этносов на одной территории, поэтому развитие туризма на данной территории должно проходить с учетом всех особенностей культур, представленных в данном регионе. Исходя из этого, этнический фактор имеет прямое отношение к установлению и формированию человеческих контактов на пограничье, а соответственно формированию двустороннего интереса к культурно-историческому наследию. Так, положительное восприятие в культурных стереотипах венграми, чехами, словаками, поляками друг друга, готовность сообща решать общие проблемы способствовало формированию единой политики развития туризма в данном регионе Центральной и Восточной Европы. Вступление данных стран в ЕС позволило им активно реализовать программу добрососедства, разработать туристический продукт и продвигать его на мировой рынок туризма под девизом «Европейский квартет – Одна мелодия». Со-

знание подобного турпродукта повлияло на значительный прирост количества туристов в данный регион Европы [2] (см. рис.).

Источник: Собственная разработка на основе данных Всемирной организации по туризму, статистический ежегодник, 2008 г.

Рисунок – Прирост количества въездных туристов по регионам Европы (2006-2008 гг.)

Рост привлекательности региона ЦВЕ достигается также путем проведения политики «регионостроительства», которая начала проводиться еще до вступления стран в ЕС, а также политики добрососедства со странами, не являющимися членами ЕС. Благодаря этому усиливается приток туристов в Восточную Европу (Украина занимает 7-е место по количеству прибытий и 2-е место по приросту после Турции).[3] Несмотря на положительные тенденции развития туристических потоков в Восточную Европу, Республика Беларусь показывает отрицательную динамику развития: в 2007 г. страну посетили чуть более 105 тысяч иностранных туристов, а в 2008 г. – только 92 тысячи, что на 12% меньше [4].

Наряду с историческим и этническим факторами следует отметить геополитическое положение Центральной и Восточной Европы и его влияние на развитие туризма. Это своего рода граница между Западом и Востоком, Европейским союзом и Россией. Страны Центральной Европы (Польша, Литва) крайне заинтересованы сотрудничеством с Беларусью и Украиной, которые являются своего рода «мостом» на Восток. Так, геополитическое положение Польши, Литвы и Беларуси создает огромный потенциал развития белорусско-польско-литовского пограничья. Польша и Литва сегодня являются основными партнерами Республики Беларусь на западном направлении, а также ближайшими странами-соседками, членами ЕС. Польша считает международное трансграничное сотрудничество важным элементом интеграционных процессов в Европе, высоко

оценивая его влияние на экономическое, общественное и культурное развитие регионов, уделяет большое внимание развитию дружеских и партнерских отношений со своими соседями. Видя перспективу развития страны в тесном сотрудничестве со странами Запада, польское руководство уже в период с 1990 по 2000 гг. стало активно проводить политику создания еврорегионов в приграничных областях страны. Первые еврорегионы были созданы между приграничными районами Польши и Германии, Польши и Чехии. По всему приграничному периметру Польши действует 15 еврорегионов, притом 95% из них приходится на западные приграничные районы [5, с. 66].

Общность истории, судьбы народов, живущих в данных странах, отсутствие языкового барьера и общие социально-экономические проблемы вызвали необходимость установления более тесных контактов между народами пограничья и развития собственных программ трансграничного сотрудничества, разработанные в строгом соответствии с четырьмя общими целями стратегии ЕС в области трансграничного сотрудничества. Особое внимание в программах уделяется проблемам повышения привлекательности приграничной территории и развития туризма, что должно способствовать формированию позитивного имиджа региона:

1. Программа «Польша – Беларусь – Украина». Приоритет 1. Повышение привлекательности приграничной территории (поддержка инициатив, направленных на улучшение условий развития предпринимательства, туризма и транспортных систем).

2. Программа «Латвия – Литва – Беларусь»: Приоритет 1. Содействие устойчивому экономическому и социальному развитию (стимулирование сотрудничества предприятий для повышения конкурентоспособности региона, совместное планирование, каналы связи, транспорт, сопутствующая инфраструктура и сфера услуг, трансграничный туризм, продвижение культурного и исторического наследия).

3. Программа «Регион Балтийского моря»: Приоритет 4. Привлекательные и конкурентные города и регионы (повышение их конкурентоспособности в масштабах Европы на основе стратегий устойчивого развития)[6].

Как видим, все три доступные для Беларуси программы трансграничного сотрудничества на 2007–2013 гг. предполагают содействие развитию туризма. Следует отметить, что, несмотря на продолжительную историю реализации программ трансграничного сотрудничества ЕС, в Беларуси, по сравнению с Украиной и Россией степень вовлеченности нашей республики можно оценить как достаточно скромную. Так, по итогам завершившейся Программы добрососедства (ПД) «Регион Балтийского моря» число проектов с российскими партнерами составило 78 (всего приняли участие 217 организаций из РФ). В то же время число проектов, реализованных с участием белорусов, составило 13 (всего приняли участие 25 отечественных партнеров, в том числе 16 из Минска и Минской области). В рамках ПД «Польша – Беларусь – Украина» было выполнено 11 проектов с участием украинских организаций, 6 проектов – белорусских и 2 трехсторонних проекта (всего приняли участие 36 организаций из Украины и 16 из Беларуси) [7]. Приведенная статистика свидетельствует, что в процессе реализации Программ добрососедства активность белорусской стороны была значительно ниже, чем российской и украинской, но в то же время существуют определенные резервы для активизации ее участия в программах трансграничного сотрудничества.

Причинами слабой активности в области трансграничного сотрудничества видятся, прежде всего, отсутствие соответствующих структур на всех уровнях управления и организаций (в том числе региональных туристских организаций, союзов и т.п.), координирующих взаимодействие пограничных регионов, отсутствие надлежащей реализации региональной политики белорусского государства, пассивность органов местных властей, малая осведомленность и информированность организаций и населения в целом о возможностях участия в подобных программах и т.д.

Приоритетное значение для белорусского туризма имеет развитие туристского продукта регионов с наибольшим потенциалом туристских ресурсов, в число которых входит и Гродненский регион. Гродненский регион представляет собой белорусско-польско-литовское пограничье, территорию, имеющую историческую и культурную общность. Специализация данных регионов на производстве туристского продукта, ориентированного на агро- и экотуризм, этнический, деловой и познавательный туризм, обеспечение его эффективного формирования, продвижения и реализации будет способствовать решению ряда важнейших на сегодняшний день региональных задач, таких как: создание рабочих мест, инвестиции, решение социальных проблем, повышение доходов регионального бюджета, стимулирование развития отраслевой экономики (сельского хозяйства, транспорта, связи, экономически отсталых районов и т.д.).

В связи с этим, актуальным является исследование культуры пограничного региона, традиций народов и презентация туристских ресурсов в виде готового туристского продукта. Изучение опыта стран Центральной и Восточной Европы и участие Беларуси в политике еврорегионов позволит преодолеть замкнутость регионов на основе расширения межрегиональных связей, разнообразить конкретные подходы к решению региональных проблем, повысить уровень финансовой самостоятельности регионов с учетом их специфики и региональных особенностей.

Список литературы

1. Беспамятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспамятных. – Минск. – РИВШ, 2007. – 404 с.
2. European Quartet – One Melody // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.european-quartet.com.html. – Дата доступа: 25.01.2010 г.
3. Статистический ежегодник Всемирной организации по туризму, 2008 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unwto.org.html. – Дата доступа: 20.01.2010 г.
4. Министерство статистики РБ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/tourism/tables.php>. – Дата доступа: 15.01.2010 г.
5. Гайдужекович, Л.М. Международный туризм в системе взаимодействия стран Центральной и Восточной Европы в конце XX – начале XXI века / Л.М. Гайдужекович. – Минск: Четыре четверти, 2007. – 300 с.
6. Programy wspolpracy transgranicznej // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.interreg.gov.pl – Дата доступа: 15.01.2010 г.
7. Программы трансграничного сотрудничества Евросоюза // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innosfera.org/node/390>. – Дата доступа: 20.01.2010 г.

А.А. Шнипко

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Необходимым условием интеграции в социум является выбор профессии, позволяющий в дальнейшем заниматься трудовой деятельностью, удовлетворяющей

потребности индивида и общества. Однако социализация молодежи в настоящее время является нелегким процессом и протекает под влиянием различных факторов: политических перемен в стране, изменений ценностно-нормативной системы, усиления дифференциации общества. Переход к рыночным отношениям сильно отразился на молодежи. Была изменена сложившаяся ранее система социализации молодого поколения, что привело к необходимости самостоятельно приспосабливаться к новым условиям вхождения в общество.

Молодежь является особой группой, воспроизводящей в своих функциях и социальной роли единство позитивного опыта и негативных тенденций в общественном развитии. С одной стороны, она в большей мере ориентирована на социальный прогресс, с другой, адаптируясь к условиям рынка, жесткого социального, профессионального и интеллектуального отбора, наиболее остро чувствует все издержки трансформации общественных отношений.

В настоящее время вопрос организации единой системы профессиональной ориентации как в Республике Беларусь, так и в Республике Польша остается нерешенным, хотя происходят изменения в сложившихся ранее системах профориентационного воздействия обеих стран. Проводимые в современных условиях мероприятия не способствуют в полной мере достижению главной цели – выбору профессии, соответствующей индивидуальным особенностям, жизненному пути индивида и потребностям общества в кадрах.

Проанализировав развитие системы профессиональной ориентации молодежи в белорусско-польском пограничье, мы пришли к следующим выводам.

Методологический подход к осуществлению работы по профессиональному просвещению в рамках деятельности системы профессиональной ориентации молодежи Гродненского региона, во-первых, определяет область концентрации усилий в осуществлении профинформационной работы с учащимися и выпускниками общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений; во-вторых, позволяет эффективно и своевременно проводить информационно-разъяснительную работу с целью формирования информационной компетентности участников образовательного процесса; в-третьих, создает условия для системного планирования работы по профориентационному направлению в течение календарного года; в-четвертых, выступает гарантом равных возможностей среди городских и сельских выпускников в получении полной и достоверной информации по широкому кругу вопросов обучения и получения профессионального образования. Многолетний опыт работы Гродненского региона в деле формирования контингента студентов, по нашему мнению, может быть успешно применен и использован в образовательной системе Восточной Польши.

В западных странах (Республика Польша), где профконсультанты имеются в каждом учебном заведении, в Республике Беларусь содействие молодежи в профессиональном выборе оказывают: классный руководитель, педагог-психолог, педагог-организатор, социальный педагог. Как правило, данная категория работников сферы образования не в полной мере владеет актуальной информацией о ситуации на рынке труда, о приоритетных отраслях экономики и особенностях исторического, культурного, социально-экономического развития страны и отдельных ее областей, городов, районов, агрогородков, о современных специальностях и разнообразных учебных заведениях, о содержании профессионального образования и т.д. Профинформирование в рамках специальностей осуществляется, исходя из личного опыта педагогов и имеющих в наличии информационных рассылок вузов и факультетов.

В настоящее время должностные обязанности специалистов, осуществляющих профориентационные мероприятия, не отражают того комплекса задач, которые необходимо решать в процессе профориентации. Профориентационные задачи данны

ми специалистами решаются эпизодически, путем выполнения отдельных, несистемных мероприятий.

Требования к знаниям основ профориентации с целью проведения профконсультаций (как одного элемента профориентационной деятельности) предъявляются только к педагогу-психологу.

В Республике Беларусь, в отличие от Республики Польша, не ведется подготовка специализированных кадров по профориентации, у которых профориентационная деятельность являлась бы основной. Работа профориентолога основана на оказании специализированной помощи молодежи и взрослому населению (безработным и желающим трудоустроиться) в выборе профессии, школы, направления обучения, получения или изменения места работы.

Проблемы связанные с трудовой деятельностью человека оказались настолько сложными, что требуют больших усилий в их разрешении. Профориентолог предоставляет необходимую информацию и консультирует как индивидуально, так и в группах. Кроме того, в его обязанности входит: накопление, анализ информации о профессиях, путях получения трудовой квалификации, потребностях рынка труда. Должность профориентолога требует владения информацией о школах, учреждениях образования, информации о профессиях, анализ информации на местном рынке труда и другие информационные материалы. В процессе консультирования профориентолог использует компьютерные программы и аудио – визуальную аппаратуру (телевизор, видеомагнитофон и т. д.), показывая клиентам фильмы и материалы о профессиях, школах и возможностях поиска работы.

Изучение образовательных стандартов Республики Беларусь показало, что осуществление деятельности по профориентации и профотбору предусмотрено при подготовке специалистов с квалификацией «Педагог-психолог», «Социальный педагог», также как и в квалификационной характеристике педагога-психолога. Причем, профотбор рассматривается как самостоятельная единица, а не как одно из направлений профориентации, что доказывает отсутствие единой теоретической профориентационной основы даже в системе подготовки кадров. Кроме того, в типовых учебных планах по специальностям отсутствуют дисциплины по профориентологии, а также не предусмотрена практика по профориентационной деятельности.

А.А. Носова

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЕМА РЕПАТРИАНТОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР

В ходе наступления Красная Армия освободила летом 1944 года Советскую Белоруссию и, завершив весной 1945 года разгром гитлеровской Германии, освободила сотни тысяч советских людей, открыла им возможность возвращения из Германии на Родину.

Основные потоки репатрируемых советских граждан планировалось направлять через специальные пункты, которые располагались по западной границе СССР: в Белорусской ССР в Брестской и Гродненской областях.

Для приема и дальнейшего направления в пункты постоянного местожительства возвращавшихся из Германии советских граждан, следовавших одиночным по-

рядком, в Гродненском, Волковысском и Брестском районах были организованы пограничные приемные пункты в Гродненском районе – в поселках Беяны и Кузница, Волковысском районе – в поселке Бобровники и на Брестском направлении – на юго-западной окраине города Бреста, по Московско-Варшавскому шоссе [1, с. 231–232].

Ещё до заключения международных соглашений об обязательной репатриации ЦК КП(б)Б и СНК БССР в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 6457сс от 24 августа 1944 года и приказом НКВД СССР от 28 августа 1944 года были организованы проверочно-фильтрационные пункты (далее ПФП) НКВД. Они предназначались для приема, проверки бывших военнослужащих Красной Армии и гражданского населения, угнанного в годы оккупации и оказавшегося за пограничной линией между СССР и Польшей [2, л. 22].

В сентябре 1944 года ПФП начали прием первых репатриантов. Всего вдоль границы СССР действовало 15 пунктов: в УССР, Молдавской ССР и БССР [3, с. 6]. В БССР – в городах Брест, Высоко-Литовск, Пружаны, Гродно и Волковыск.

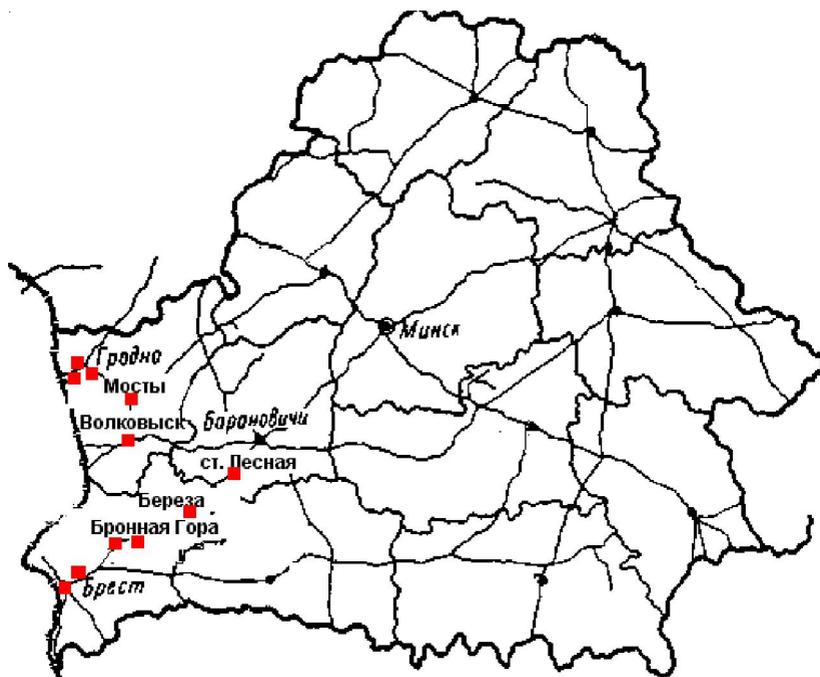

Рисунок – Расположение ПФП на территории БССР

Высоколитовский пункт (современный г. Высокое, Каменецкий район Брестской области [4, с. 373–374]) располагался в бывшем имении Большие Зводы Лютяжского с/с, Высоковского района Брестской области. Для Пружанского ПФП были выделены 7 каменных зданий, которые были оборудованы и приспособлены для приема людей [5, л. 18]. Под Волковысский ПФП был приспособлен лагерь военнопленных со всем его оборудованием. На пункте была своя кухня, столовая, имелись также санчасть,

изолятор, баня и дезкамера [5, л. 21]. Для ПФП в г. Гродно было выделено несколько каменных зданий. Одно трехэтажное здание располагалось по улице Мещанской на берегу р. Неман. Штаб Управления ПФП располагался по улице Коминтерна, 43. Помещение по улице Мостовой было занято Гарнизоном охраны [5, л. 16].

На ПФП репатриантов передавали пограничные войска, войсковые части, сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД [6, с. 97]. При пунктах имелось оперучетное отделение, в которое поступали списки на репатриантов. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрения» направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД (с февраля 1945 года ПФЛ НКВД), а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа [7, с. 6].

За период с 12 сентября 1944 года по 20 января 1946 года (по Волковысскому ПФП данные за период с 12.09.44 г. по 31.12.45 г.; по Брестскому – с 1.12.45 г. по 20.01.46 г.) через ПФП БССР прошло 369 295 человек. Из них 347 233 отправлено к прежнему месту жительства. В РВК – 11 449 репатрированных граждан, в спецлагеря – 752 человека, арестовано – 60 [8, л. 68].

Кроме того, в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны от 16 июня 1945 года, а также совместным Постановлением СНК и ЦК КП(б)Б от 23 июня 1945 года «О мероприятиях по организации встречи, сопровождения и трудоустройства репатрируемых советских граждан», на узловых железнодорожных станциях были организованы сборно-пересыльные пункты для репатриантов, следовавших из Германии походным порядком [1, с. 190]. Они также располагались вдоль западной границы СССР. Всего было создано 35 пунктов Народного Комиссариата Обороны. 11 из них действовали на территории БССР в ведении Белорусского военного округа: в Гродненской (гг. Гродно – 3, Мосты – 1, Волковыск – 1), Брестской (в Бресте – 2, Березе – 2, Бронной Горе – 1) и Барановичской (на станции Лесная – 1) областях [1, с. 7].

Расположение СПП на территории БССР

Основной задачей, стоящей перед СПП, была организация проверки и учета репатрированных советских граждан.

Репатрианты, прошедшие проверку и направленные по месту жительства в БССР, поступали на областные приемно-распределительные пункты (далее ПРП). ПРП, а на узловых станциях – Орша и Луинец продовольственные пункты создавались исполкомами областных Советов депутатов трудящихся в соответствии с Постановлением СНК СССР от 6 января 1945 года № 30-12 [9, л. 2] и СНК БССР от 15 января 1945 года.

Всего на территории республики было создано и действовало 12 ПРП (по одной в каждой области) в том числе Брестский (в городе Брест) и Гродненский (в городе Гродно) [8, л. 34].

Организация и деятельность проверочно-фильтрационных, сборно-пересыльных и приемно-распределительных пунктов помимо проверки репатрированных граждан, значительно облегчала задачу возвращения лиц на централизованное продовольственное снабжение. Предварительная изоляция репатриантов была необходима в связи с распространением в их среде различных инфекционных заболеваний, с ними также проводилась большая идеологическая работа. Вместе с тем, в разрушенных послевоенных городах БССР невозможно было создать хорошие условия, пусть и временного пребывания. Не хватало материальных, средств, квалифицированных медицинских и других работников.

Большие трудности в организации приема и распределения репатриантов состояли в том, что через приграничные районы Брестской и Гродненской областей шли огромные потоки возвращавшихся на родину советских граждан. Помимо оставшихся в этих областях репатриантов, сотни тысяч следовали через ПФП и СПП транзитом на территорию других республик Советского Союза.

Список литературы

1. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 1. Репатриация (1944–1951).
2. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 3. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б Белоруссии 3.07.44-2.01.45 гг.
3. Ващук, А.С. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР 1945–1950 гг. / А.С. Ващук, Л.А. Крушанова // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 5–13.
4. Барысавец, А.С. Высокае / А.С.Барысавец, В.А. Міронаў // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1994. – Т. 2. Беліцк – Гімн. – С. 373–374.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 1. Постановления Брестского и Гродненского обкомов, Волковыского и Пружанского райисполкомов об организации ПФП и сведения о состоянии пунктов 3.08–9.12.1944 г.
6. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и Новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 91–112.
7. Земсков, В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С. 3–13.
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 20. Отчет о работе отдела репатриации за 1945 г., донесения о количестве граждан, возвратившихся на родину и статистические сведения о количестве граждан, насильственно угнанных в Германию.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 36. Отчетные доклады о репатриации 3.01–17.08.47 г.

М.О. Швец

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Динамичная конкуренция, насыщенность рынков, глобальный характер предложения повышают роль научных, инновационных, технологических факторов, которые составляют определяющий компонент экономического развития региона. Региональная инновационная система предопределяет конкурентоспособность региона, под которой понимается эффективно действующая, стабильно развивающаяся территориальная система, где наилучшим образом организована работа всех звеньев, структур и подразделений.

Основополагающими факторами инновационного развития региона являются уровень и динамика инвестиционной активности субъектов хозяйствования, в том числе, в рамках трансграничного сотрудничества.

Ключевой задачей в стимулировании инвестиционной активности на региональном уровне является привлечение иностранных инвестиций, результирующим эффектом которого является создание иностранных и совместных предприятий.

Применительно к условиям Гродненского региона в основе формируемой региональной системы приема капитала, прежде всего для создания совместных и иностранных предприятий, должны соблюдаться следующие принципы:

- применение по отношению к иностранным инвесторам основных принципов национального режима инвестирования;
- рациональное сочетание централизованных и рыночных методов регулирования иностранных инвестиций с усилением акцента на последние;
- формирование стабильной и прозрачной правовой базы и эффективно действующей инфраструктуры иностранного инвестирования;
- учет и соблюдение принципов национальной безопасности и общенациональных приоритетов в процессе привлечения иностранного капитала [1, с. 36].

Региональная система приема иностранного капитала должна включать четко определенную систему приоритетов, что позволит оперативно формировать экономические связи, создавать конкурентную среду, обеспечивать свободу экономической деятельности и развития совместных и иностранных предприятий, более активно привлекать иностранные инвестиции.

Уровень привлеченных прямых иностранных инвестиций в регионе следует рассматривать как показатель, характеризующий потенциал региональной экономики в поддержании темпов роста и конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Решение проблемы привлечения прямых иностранных инвестиций должно стать приоритетной задачей региональной экономической политики. Приток прямых иностранных инвестиций мог бы смягчить финансовые проблемы, способствовать передаче технологий и обеспечить доступ отечественной продукции на новые рынки. Крайне необходима более активная политика привлечения прямых иностранных инвестиций, в том числе, за счет лучшего использования потенциала свободной экономической зоны «Гродноинвест».

СЭЗ «Гродноинвест» образована в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2002 года № 208 «О создании свободной экономической зоны «Гродноинвест» с целью привлечения национальных и иностранных инвестиций для создания и развития ориентированных на экспорт производств, основанных на новых и высоких технологиях, обеспечения благоприятных условий для структурной перестройки национальной экономики, эффективного использования имеющихся производственных площадей.

СЭЗ «Гродноинвест» представляет собой три сектора, разделенных на участки общей площадью 377 га в г. Гродно и Гродненском районе. В настоящее время СЭЗ «Гродноинвест» насчитывает 29 резидентов, которыми освоено производство строительных материалов, продукции легкой, пищевой, химической и нефтехимической промышленности, продукции машиностроения и металлообработки, а также деятельность по оказанию транспортных услуг. Администрация СЭЗ «Гродноинвест» располагает свободными производственными площадями, которые могут быть сданы в аренду или проданы инвесторам, и земельными участками для нового строительства.

СЭЗ «Гродноинвест» можно рассматривать не только как инструмент региональной политики в рамках Гродненской области, но и как инструмент более высокого уровня интеграции – в рамках функционирования еврорегиона «Неман», созданного на приграничных территориях трех государств – Беларуси, Польши и Литвы.

Еврорегион «Неман» создан и функционирует с целью развития сотрудничества между приграничными территориями по стратегическим направлениям экономического, социального, экологического и культурного сотрудничества.

В настоящий момент в еврорегион «Неман» входят: Гродненская область (Республика Беларусь), гмины Подлясского воеводства (Республика Польша), районы Алитусского, Мариампольского, Вильнюсского уездов (Литовская Республика), Черняховский, Нестеровский, Гусевский, Краснознаменский, Озерский районы Калининградской области (Российская Федерация).

В рамках трансграничного сотрудничества за счет средств Европейской Комиссии за период с 01.11.1998 по 01.12.2008 гг. на территории Гродненской области были реализованы:

- 2 экологических проекта международной программы «ТАСИС»: «Региональное развитие и охрана природы в еврорегионе «Неман» и «Снижение сельскохозяйственного и промышленного загрязнения рек: улучшение качества поверхностных вод в бассейне реки Неман Гродненской области» (объем осуществленных инвестиций – 365, 7 тыс. евро);

- сельскохозяйственный демонстрационный проект, в рамках которого проведена эколого-экономическая оценка деятельности и переоборудование СКП «Нива» Гродненского района (объем осуществленных инвестиций по проекту – 79,9 тыс. евро);

- аналитические исследования бассейна реки «Свислочь» с созданием базы данных по источникам экологического загрязнения (объем осуществленных инвестиций по проекту – 5,0 тыс. евро);

- промышленный демонстрационный проект, направленный на приобретение очистного оборудования для гальваностоков РУП «Гродторгмаш» (объем осуществленных инвестиций по проекту – 113,9 тыс. евро);

- проект лабораторного и офисного переоснащения для комитета природных ресурсов и охраны окружающей среды Гродненского облисполкома (объем осуществленных инвестиций по проекту – 80,6 тыс. евро) [3, с. 26].

Таким образом, совместная работа с участием Республики Беларусь, в частности, Гродненского региона, по подготовке и осуществлению проектов в рамках указанного еврорегиона при поддержке ЕС в ближайшем будущем станет важной опорой инвестиционного сотрудничества при решении вопросов торгово-экономического и социально-культурного развития приграничных регионов. Помимо привлечения иностранного капитала и улучшения инвестиционного климата, посредством функционирования СЭЗ «Гродноинвест» и еврорегиона «Неман» на территории Гродненского региона будут достигнуты следующие цели:

- экономические (рост деловой активности, использование преимуществ международного разделения труда, рост валютных поступлений);

- научно-технические (привлечение передовых технологий, ускорение внедренческих процессов, повышение эффективности использования мощностей, конверсия производства);

- социальные (насыщение внутреннего рынка, повышение занятости населения, уровня организации производства и управления, ускорение развития региона).

Список литературы

1. Болдак, А.К. Развитие совместных предприятий в регионе (на примере Гродненской области): монография / А.К. Болдак. – Гродно: ГрГУ, 2002.

2. Давыденко, Л.Н. Знание как стратегический ресурс в развитии фирм / Л.Д. Давыденко, П.А. Максимчук // Беларусь на пути к рынку: экономико-правовые проблемы: сборник научных трудов. – Гомель, 2005.

3. Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Гродненской области. Аналитическое обозрение. Главное управление Национального банка РБ по Гродненской области, 2008.

4. Статистический ежегодник Гродненской области. – Гродно: Областное статистическое управление, 2008.

ВЫХОДЦЫ ИЗ БЕЛАРУСИ В ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ

Современный мир характеризуется тенденциями глобализации. Всё больше людей меняют место жительства и перемещаются в другие регионы. Растёт обмен между культурами и цивилизациями, для нас становится более известной и интересной деятельность людей, которые проявили себя в далёких странах, в иных условиях.

Для современной науки и исследователей истории характерен интерес к выдающимся личностям, внесшим свой вклад в науку, культуру, политику. Исключением не является и деятельность известных уроженцев Беларуси. Многие представители земли белорусской волею судеб оказались за её пределами. Не только необходимо отметить выдающихся выходцев из Беларуси, которые сыграли немаловажную роль в политической жизни Израиля, но и были удостоены почётной Нобелевской премии мира. К ним относятся: видный политический и государственный деятель Израиля – Шимон Перес и премьер-министр государства Израиль Менахем Бегин.

Менахем Бегин и Шимон Перес получили в Беларуси первоначальное образование и прошли путь личностного становления. Оба стали успешными политическими деятелями Израиля, получили мировую известность.

Жизненный путь Шимона Переса (настоящее имя и фамилия – Семён Перский) начался 16 августа 1923 года. Он родился в местечке Вишнево Воложинского уезда Новогрудского воеводства (сегодня – деревня Вишнево Воложинского района Минской области), которое по Рижскому мирному договору 1921 года отошло к Польше. В то время в нём проживало около двухсот еврейских семей [2, с. 5].

Жизнь в тогдашней Польше не удовлетворяла многих евреев местечка Вишнево. Они ждали благоприятного случая для эмиграции в Палестину. Именно такой случай представился отцу Семёна в 1931 году. Весной 1934 года мать вместе с Семёном и его младшим братом Гершоном приехали в Эрец-Исраэль (еврейскую часть Палестины). Здесь Семён Перский стал Шимоном Пересом [1, с. 87].

Карьера Шимона Переса развивалась довольно стремительно. Он стал политическим и государственным деятелем Израиля, сыгравшим значительную роль в становлении этого государства. Шимон Перес постоянно занимал высокие правительственные посты, что позволяло ему постоянно быть в курсе событий, отслеживать ситуацию, принимать важные решения для жизни Израиля.

Сначала Шимона Переса считали «ястребом», так как он занимал непримиримую позицию в отношении Палестины, поддерживал строительство первых еврейских поселений в 1970-е годы. Впоследствии он показал себя «голубем» мира, сыграв ведущую роль в заключении Ословских соглашений 1993 года с Ясиром Арафатом, тогда как премьер-министр Ицхак Рабин был настроен очень скептически [1, с. 93].

Являясь министром иностранных дел в правительстве И. Рабина (1992 – 1995 гг.), Шимон Перес стал одним из авторов мирных арабо-израильских соглашений первой половины 1990-х годов. Проводившиеся в Осло в течение ряда месяцев закулисные переговоры между представителями Израиля и ООП привели к подписанию Декларации принципов, в общих чертах формулирующей основы палестинского самоуправления на Западном берегу и в секторе Газы. Именно Шимон Перес считается

одним из «архитекторов» договоров «Осло А» (1993 г.) и «Осло Б» (1995 г.) между Израилем и ООП, а также мирного договора между Израилем и Иорданией. Самая важная Декларация была подписана в 1993 году в Вашингтоне Израилем и ООП как фактическим представителем палестинского народа [1, с. 93].

Премьер-министр И. Рабин (уроженец белорусского местечка Ружаны Пружанского района) и министр иностранных дел Израиля Ш. Перес, а также председатель ООП Я. Арафат в 1994 году были удостоены Нобелевской премии мира.

Политическая деятельность Шимона Переса была направлена на развитие мирных отношений с другими государствами на протяжении его нахождения у власти. Именно за его умение решать проблемные ситуации мирным путём Шимон Перес получил не только Нобелевскую премию мира, но в первую очередь доверие и любовь своего народа.

Вторая ключевая фигура израильской политики родом из Беларуси, удостоившаяся Нобелевской премии мира – премьер-министра Израиля Менахем Бегин. В отношении оценки его деятельности многие историки и политики до сих пор занимают неоднозначную позицию.

Премьер-министр государства Израиль Менахем Бегин родился в 1913 году в древнем белорусском городе Бресте. Здесь жила и воспитывала своих детей семья Бегиных. Однако события Второй мировой войны не обошли стороной семью М. Бегина. После нападения Германии на СССР Менахем Бегин и тысячи других польских военнопленных в конце 1941 года были освобождены с намерением создать из них новую польскую армию под командованием генерала Андерса. Именно в рядах армии Андерса М. Бегин в начале 1942 года прибыл в Палестину.

Менахем Бегин на протяжении 30 лет являлся депутатом кнессета – израильского парламента. В 1977 году 64-летний Менахем Бегин стал шестым премьер-министром Израиля. Заняв жёсткую линию, он возобновил налёты на палестинские позиции в Ливане и стал активно насаждать израильские поселения на Западном берегу реки Иордан [1, с. 66].

Мнения историков и политологов по поводу методов и стиля руководства М. Бегина весьма разнятся. Однако необходимо отметить, что во взглядах и стремлениях М. Бегина происходили эволюционные преобразования, что положительно сказалось на его политической репутации.

Именно М. Бегин публично пригласил президента Египта Анвара Садата посетить Израиль, что стало событием большой исторической важности. В ноябре 1977 года весь мир с изумлением наблюдал за встречей обоих деятелей в Иерусалиме. В ходе последовавших за этим интенсивных переговоров Бегин нанёс Садату ответный визит. Многомесячные переговоры завершились двумя Кэмп-Дэвидскими соглашениями об основах мира на Ближнем Востоке и заключением мирного договора между Египтом и Израилем [1, с. 67].

Согласно условиям договора, Израиль поэтапно отводил свои войска с Синайского полуострова, и между двумя странами впервые устанавливались нормальные отношения, включая торговлю, туризм и дипломатическое представительство. В ознаменование совместных заслуг в деле достижения мира на Ближнем Востоке Менахем Бегин и Анвар Садат были удостоены Нобелевской премии мира 1978 года.

Таким образом, Нобелевская премия мира, вручённая Менахему Бегину и Шимону Пересу, является общенародным признанием заслуг этих выдающихся людей на пути создания мира для всего человечества.

Уроженцы Беларуси внесли огромный вклад в становление и развитие государства Израиль. Менахем Бегин и Шимон Перес стали достойными представителями выходцев из Беларуси и дальновидными политическими деятелями Израиля.

Список литературы

1. Иоффе, Э.Г. Нобелевские лауреаты с белорусскими корнями / Э.Г. Иоффе, Ж. Э. Мазец. – Минск: Беларусь, 2008. – 159 с.: ил.
2. Загорская, М. Тот самый Перес, что из-под Воложина / М. Загорская // Имя. – 1998. 23 января. – С. 5.

А.В. Севенко

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы г. Гродно*

ФАМИЛИИ ПОНЕМАНЯ: ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ ДУЧЕК

Многие считают необычной для нашего края фамилию Дучек. Она наверное, более характерна для южных или западных славян. Как пример можно вспомнить подпоручика Дучека из книги Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Тем не менее, представители этой фамилии уже несколько столетий проживают в Гродненском и Мостовском районах Гродненской области. Фамилия впервые упоминается в инвентаре Гродненской экономики ревизии 1680 года как Дучка. Так, в селе Хомичи Лунненского ключа (в 5 километрах к западу от местечка Лунно) проживал Матвей (в оригинале на польском языке – Maciś) Дучка [1]. Возможно, его отец, судя по фамилии (в родительном падеже), был именно Дучек, который родился около 1650 г. Хотя, скорее всего, фамилия произошла как прозвище от старославянского слова «дучка», что значит лунка, ямка, углубление. Носители такой фамилии есть во всех славянских странах и даже в Германии.

С XVIII до конца XX века представители фамилии Дучек жили в деревне Ковшово Скидельской волости Гродненского уезда (ныне Мостовский район), что в 10 километрах к северу от деревни Хомичи, на другой (правой) стороне реки Неман. К слову сказать, в соседнем с деревней Ковшово населенном пункте Мазаново, начиная с XVII века, было много жителей с похожей по звучанию фамилией Бычек, а в деревне Комотово и других проживали жители с фамилией Волчек, в деревнях Огородники и Брошковцы – Дорошек, Мельничек. Их потомки – представители фамилий Бычек, Волчек, Дучек, Мельничек – и ныне проживают на Гродненщине. Напрашивается вывод о том, что эти фамилии характерны для Гродненского Понеманья и, скорее всего, являются местными по происхождению.

Тем не менее, местные жители в обиходе произносили эти фамилии на свой привычный лад. Например, уроженка села Ковшово Севенко (Дашкевич) София Степановна сообщает, что братьев Иосифа Дучека и Максима Дучека называли Иосиф Дучков и Максим Дучков [2].

История сохранила многие имена представителей фамилии конца XVIII века. Так, в деревне Ковшово в 1792 году проживали в одном доме Николай (Миколай) Дучек вместе со своей матерью, женой и годовалым сыном Адамом, братьями Данилой (Даниэлем) 26 лет, Леоном 25 лет; в другом доме Федор Дучек с семьей, включавшей мать, жену, брата Иеронима (21 год), сестру Татьяну (16 лет), брата Микиту 3 лет, дочь Магду 3 лет, сына Алексея (1 год); еще в одном доме Якуб Дучек с семьей, включавшей жену и сдольника Федора Шагуна (25 лет); и еще в одном хозяйстве – Павел Дучек с женой, сыном Лукьяном (1 год) и дочерью Анной (3 года) [3]. Таким образом, в Ковшово в 1792 году проживало 20 (!) представителей фамилии Дучек в 4 отдельных хозяйствах, что говорит о том, что жили они здесь уже не один год, а, как минимум, несколько поколений – с первой половины XVIII века.

Жители деревни Ковшово издревле были королевскими крестьянами, жившими на земле Гродненской королевской экономии. В самом конце XVIII века, после третьего раздела Речи Посполитой и присоединения Гродненщины к Российской империи, ковшовцы стали крепостными русского дворянина Ермолова, фаворита Екатерины II, которая подарила ему деревни Ковшово, Суховляны и Хвойняны. Позже Ермоловы продали эти деревни дворянам Каховским. В 1860-е годы, в результате крестьянской реформы, проведенной в царствование российского императора Александра II, местные жители стали свободными крестьянами, которые трудились на своей или арендованной земле.

Как видно из исторических документов, в последней трети XIX века представители фамилии Дучек продолжали жить в деревне Ковшово. Так, в декабре 1877 года крестьянин Михаил Осипович Шагун подал в Гродненское губернское присутствие прошение, в котором утверждал, что его бывший помещик Александр Николаевич Каховский согласно партикулярной сделки от 13 октября 1868 года, собственноручно им подписанной, «отдал ему в обеспечение взятых у него 150 руб. половину пустоши с лугами без огорода, оставшейся после крестьянина Дмитрия Дучка более 6 десятин земли и обязался при продаже имения совершить формальную купчую крепость, но лет пять тому скоростижно помер, а имение Ковшово продано было судебным приставом Гродненской соединенной палаты Григорию Мозолевскому» [4]. Как видно из документа, крестьянин Дмитрий Дучек, по-видимому, умер в середине 1860-х годов, а его землю помещик продал Михаилу Шагуну. Тем не менее, род Дучеков не пресекался, в деревне жило еще несколько семей этой фамилии. Так, в 1901 году в Ковшово проживал крестьянин Семен Андреевич Дучек (в дееспособном возрасте, упоминается в архивном документе от 15 июня 1901 года в связи с исполнением роли впопеемника на крестинах (крестного отца) Петра Алексеевича Лысевича, родившегося 12 июня 1901 года в д. Ковшово) [5].

Один из представителей фамилии Дучек в межвоенное время, когда Гродненщина входила в состав Польши, был солтысом (представителем польской администрации) в Ковшово. Он был женат на Евгении Мозолевской – старшей дочери (от второго брака) владельца имения и фольварка Ковшово Ивана Григорьевича Мозолевского (отца известной актрисы и театрального режиссера, основательницы Театра юного зрителя в Минске Любви Мозолевской), имел много земли, которую сдавал в аренду местным жителям. Так, дед Севенко (Дашкевич) Софьи Степановны (родилась в 1925 году в деревне Ковшово) арендовал у Дучека землю. После воссоединения Западной Белоруссии с БССР в сентябре 1939 г. солтыс Дучек сбежал от советской власти, скрывался и трагически погиб в деревне Саволевка, как говорили местные жители [2].

На кладбище в деревне Ковшово сохранилось множество надгробий представителей фамилии Дучек (эпитафии даются в хронологическом порядке):

«Дучек Даниил Алексеевич. Ум. 1918 г. (Память от зятя и дочери)».

«Дучек Матрена Кузьминична. Ум. 5.3.48»

«Дучек Федора Емельяновна. 1883 – 1965».

«Дучек Анастасия Степановна. Р. 10.08.1892. Ум. 25.05.1972».

«Дучек Николай Иосифович. 28.1.1913 – 20.2.1996».

«Дучек Прасковья Дмитриевна. 1.12.1919 – 20.3.1994».

«Дучек Елена Николаевна. 5.1.1922 – 30.11.1999».

«Дучек Сергей Максимович. 10.10.1926 – 17.03.2004».

«Дучек Алексей Максимович. 25.5.1931 – 9.8.1991».

Также в деревне Ковшово на монументе павшим в годы Великой Отечественной войны землякам, установленном в середине 1960-х годов недалеко от кладбища, на памятной доске среди других указана фамилия «Дучек В.И.». Это дань памяти земляков уроженцу деревни Ковшово Дучеку Виктору Иосифовичу (род. в 1915 г.) – фронто-

вику, прошедшему через всю войну, вернувшемуся на родину после Победы и вскоре, в 1946 году, умершему от последствий старых ран (по версии книги «Память: Историко-документальная хроника Мостовского района» Дучек Виктор Иосифович погиб в марте 1945 г.) [6].

Сын Николая Иосифовича Дучека, похороненного на кладбище в деревне Ковшово, Виктор Николаевич Дучек, сейчас работает в СПК «Коптевка» главным экономистом. Он родился и вырос в Ковшово. Его отец был крестьянином, а затем колхозником в этой деревне. Кстати, когда Виктор Николаевич ездил в Чехию, ему говорили, что у него чешская фамилия, но, как видим, ошибались. Эта фамилия гродненская, или, вернее сказать, понеманская. Себенко (Дашкевич) Софья Степановна вспоминает, что в 1939 году его отца Николая Иосифовича призвали на 40-дневные сборы в польскую армию. В это время фашистская Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. Родственники и односельчане переживали за Николая Дучека, боялись, что он мог погибнуть на фронте. «Очень хороший был человек и все его жалели». Тем не менее он вернулся и долгие годы еще прожил со своими односельчанами [2].

Ныне потомки фамилии Дучек проживают и работают в деревне Ковшово Мостовского района Гродненской области, в деревне Коптевка Гродненского района, в самом городе Гродно, и, по всей видимости, в городе Скиделе Гродненского района. Им есть чем гордиться. Их род, насчитывающий 350 лет и, в принципе, сравнимый по древности со многими дворянскими – древний род людей труда, крестьян, работавших на земле Понеманья и защищавших свой край от иноземных захватчиков. Он прошел сквозь множество войн и испытаний, выжил, преумножился и сохранил свою уникальную фамилию. Фамилия Дучек ныне является живым памятником древнебелорусской самобытной культуры Понеманья.

Список литературы

1. Инвентарь Гродненской экономии ревизии 1680 г. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 110. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 51.
2. Воспоминания Софьи Степановны Себенко (Дашкевич). Из личного архива автора.
3. Инвентарь Гродненской экономии, книга 2-я, 1792 г. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 11. – Оп. 1. – Д. 1397. – Л. 330.
4. НИАБ в Гродно. – Фонд 10. – Оп. 1. – Л. 1992.
5. НИАБ в Гродно. – Фонд 561. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 289.
6. Память: Историко-документальная хроника Мостовского района. – Минск: КП «Полиграфоформление», 2002. – С. 334.

Н.С. Рысюкевич

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛИДЕРОВ В СПОРТЕ И ПОЛИТИКЕ

Выбор Республикой Беларусь собственного пути социально-экономического и политического развития ставит перед белорусским обществом сложнейшие задачи, которые решаются не всегда эффективно. Падают объемы промышленного производства, происходит девальвация культурных ценностей. Много проблем и в белорусском

спорте. Спорт в наши дни перестал играть роль просто зрелища и превратился в реальную силу, влияющую на жизнь общества, менталитет не только отдельных личностей, но и целых государств. Его общественные функции необычайно многочисленны и разнообразны. Данное обстоятельство делает изучение проблем спорта чрезвычайно важными. В свое время белорусский гимнаст Виталий Щерба, который на Олимпийских играх в Барселоне стал шестикратным Олимпийским чемпионом, сделал для признания молодого независимого государства больше, чем все Министерство иностранных дел. Однако в последнее время поражений значительно больше, чем побед. Сборная Республики Беларусь по футболу не попала на чемпионат мира в ЮАР. Полностью провалила выступления на Олимпийских играх в Ванкувере сборная команда по хоккею. Легкоатлеты, когда-то бывшие вторыми в мире, на последнем мировом первенстве не завоевали ни одной медали. Гандболисты проиграли даже сборной команде Кипра. Чтобы подобного не происходило, белорусскому обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые личности, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в любой ситуации, прогнозировать их последствия, люди, способные к тесному и эффективному сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладающие развитым чувством ответственности за порученное дело и судьбу страны. Необходимыми предпосылками формирования таких людей могут стать **теоретико-методологические инновационные модели лидерства**, технологии и механизмы оценки и повышения уровня профессиональной компетентности членов и руководителей трудовых коллективов, спортивных команд и политических структур.

Сопоставив результаты теоретического анализа и социологических исследований, проводимых долгие годы под руководством известного белорусского социолога, профессора И.В. Котлярова, собственных наблюдений за деятельностью тренеров и спортсменов с выявленными с помощью фокус-групп и экспертных оценок характеристиками и параметрами идеальных спортивных и политических субъектов, мы утвердились в реальности и необходимости создания комплекса **идеальных моделей** спортивных и молодежных лидеров [1; 2; 3].

Существует несколько подходов к проблеме формирования моделей современных лидеров. По моему мнению, структура модели современного лидера в спорте и общественной жизни может включать **мотивацию** как направленность деятельности; **личностные качества** (способности, характер и его черты, психические процессы и состояния и т.д.), его **интегральные характеристики** (самосознание, индивидуальный стиль, креативность как творческий потенциал и т.д.) и **терминальные ценности** (здоровье, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь и т.д.), определяющие неповторимость и уникальность лидера.

Анализ многочисленных теоретических источников и результатов социологических исследований показывает, что отдельные личностные качества, терминальные и инструментальные ценности спортивных и молодежных лидеров совпадают, однако их качественные и количественные параметры и характеристики существенно отличаются. Многие их реально формировать, на многие целенаправленно воздействовать. Как результат, объекты целенаправленного воздействия могут переходить из одного качественного состояния в другое, подниматься по иерархической лестнице.

На основании данного подхода можно создать модели субъектов общественных отношений в сфере спорта и политики. Причем в данном случае я рассматриваю, прежде всего, командные виды спорта (футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, гандбол и т.д.). Для формирования лидеров в индивидуальных видах спорта необходима совершенно другая методика и технология, которая предполагает формирование, прежде всего, личностных физических и психологических качеств и свойств.

I модель – «**Лидер для себя**» – это спортсмен, который хочет и способен повысить свои личные спортивные достижения и развивает для этого определенные личностные качества. Лидером для себя может быть любой член спортивной команды, стремящийся достигнуть существенных результатов в спортивной деятельности.

Как показывают социологические исследования, проведенные под руководством профессора И.В. Котлярова, «Лидеру для себя» присущи следующие личностные, профессиональные или деловые и организаторские группы качеств.

Интеллектуальные качества	Психологические качества характера личности	Личностные (деловые) качества
Логика	Уверенность в себе	Активность
Рассудительность	Дружба	Выносливость
Проницательность	Независимость	Скорость
Оригинальность	Уважение	Сила
Знание дела	Честность	Инициативность
Умение быть надежным	Работоспособность	Ловкость
	Настойчивость и упорство	Быстрота
	Самоуверенность	Умение менять себя

Следует особо отметить, что для лидеров для себя особо важную роль играют (личностные, деловые) умения – сильнее и точнее ударить по воротам, обыграть соперника, дать точный пас, на протяжении всей игры поддерживать высокий темп и т.д. Именно формированию подобных личностных качеств особое внимание уделяется при работе со спортивными командами. Формированию интеллектуальных и психологических качеств уделяется значительно меньше времени и внимания [1, с. 2].

Как показывают социологические исследования, «лидеру для себя» присущи следующие терминальные и инструментальные ценности.

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Самореализация	Самоконтроль
Интересная работа	Исполнительность
Здоровье	Аккуратность
Общественное признание	Воспитанность
Наличие хороших и верных друзей	Независимость
Любовь	Жизнерадостность, чувство юмора
Развлечения	Образованность

Целенаправленная деятельность по формированию определенных личностных качеств лидеров для себя позволяет на определенном этапе перейти от одного качественного состояния к другому и стать спортивным лидером.

II модель – «**Спортивный лидер**» – социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам, авторитету и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса, оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность спортивного коллектива, пользуется активной поддержкой его членов, признается ими в качестве ведущего и при помощи различных мотивационных и психологических факторов способен повести команду за собой в наиболее сложных спортивных и жизненных ситуациях. Это человек, который благодаря своим личным достоинствам становится настоящим вожаком спортивной команды. Он характеризуется определенной системностью, единством и устойчивостью личностных качеств. Позиция, статус и социальные функции, ценностные ориентации, динамика отношений, мотивация поведения – эти качества и установки спортивного лидера характеризуют его спортивную деятельность и мировоззрение, мотивацию и обществен-

ное поведение, социальную направленность и основные тенденции развития. Таким образом, спортивный лидер, принимая на себя определенные функции в конкретной ситуации и конкретной спортивной команде, выходит на первые роли. Остальные члены спортивной команды принимают лидерство, т.е. строят с лидером такие взаимоотношения, которые предполагают, что он будет впереди, а они будут следовать за ним, верят ему и будут подчиняться в сложных ситуациях. Как показывают наши исследования, спортивным лидерам присущи следующие личностные, профессиональные или деловые и организаторские качества [1, с. 2].

Интеллектуальные (умственные) способности	Черты характера личности (психологические, эмоциональные)	Приобретенные и развитые (личностные деловые) умения
Ум и логика	Высокая эмоциональная устойчивость	Активность
Рассудительность	Уверенность в себе	Инициативность
Проницательность	Инициативность	Организаторские навыки
Оригинальность	Созидательность и творчество	Умение заручаться поддержкой
Такт и дипломатичность	Общительность	Умение кооперироваться
Концептуальность	Независимость	Умение завоевывать популярность и престиж
Образованность	Личностная целостность	Умение брать на себя ответственность
Знание дела	Смелость	Умение убеждать
Речевая развитость	Самоуверенность	Умение менять себя
Любознательство и познавательность	Амбициозность	Умение организовывать
Умение быть надежным	Самостоятельность	Умение разбираться в людях
	Настойчивость и упорство	

Как показывают социологические исследования, спортивному лидеру присущи следующие терминальные и инструментальные ценности [1; 2].

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Самореализация	Амбициозность
Интересная работа	Воспитанность
Здоровье	Аккуратность
Общественное признание	Самоконтроль
Наличие хороших и верных друзей	Независимость
Любовь	Жизнерадостность, чувство юмора
Развлечения	Исполнительность

Спортивный лидер, у которого на первый план выходят терминальные ценности, интеллектуальные (умственные) способности и психологические, эмоциональные черты характера чаще всего становится эмоциональным лидером. **Эмоциональный лидер** – это патриот; человек, который доверяет товарищам по команде; с чувством юмора; общительный; способен своими нестандартными действиями зажечь команду; живой; чуткий; корректный; справедливый.

Спортивный лидер, у которого на первом плане выносятся инструментальные ценности и деловые черты характера чаще всего становится инструментальным лидером. **Инструментальный лидер** – техничный; смелый в игре; тактически сильный; дисциплинированный; активный; инициативный; уверенный в своих силах; хладнокровный; эффективный в игре; играет на команду; волевой; способен в тяжелую минуту взять игру на себя. Деятельность **инструментального или делового** лидера направ-

лена преимущественно на решение поставленной перед спортивной командой задачи, **экспрессивного или эмоционального** лидера – ориентирована преимущественно на совершенствовании межличностных отношений.

Именно формированию данных личностных качеств особое внимание уделяется при формировании спортивных лидеров. Целенаправленное формирование, прежде всего, интеллектуальных качеств и терминальных ценностей и дальнейшее развитие личностных психологических и деловых качеств, присущих спортивному лидеру, позволяет социальному субъекту выйти на новый уровень – молодежного лидера.

III модель – «**молодежный лидер**» – человек, который является лидером не только в команде, но и в общественной жизни, обладает личностными качествами, которые дают ему возможность активно заниматься общественными делами, быть первым в общественной жизни. Молодежный лидер обладает эффективным мотивационным механизмом, демонстрирует более высокий, чем другие члены общественной структуры, уровень активности и влияния на достижения поставленной цели. Как показывают результаты социологических исследований, молодежным лидерам присущи следующие личностные качества: **интеллектуальные способности** – ум и логика, рассудительность, проницательность, оригинальность, образованность, знание дела; **психологические черты** – амбициозность и инициативность независимость и самоуверенность, настойчивость и упорство, потребность в достижениях и т.д.; **личностные, деловые умения** – активность, инициативность, организаторские навыки, умение заручаться поддержкой, умение завоевывать популярность и престиж, умение брать на себя ответственность и т.д. Многие данные качества присущи лидерам для себя и спортивным лидерам, формировались на том уровне, но в данном случае они измеряются более высокими качественными параметрами.

Список литературы

1. Котляров, И.В. Кто такой спортивный лидер, или мог ли Остап Бендер быть капитаном минского «Динамо»? / И.В. Котляров, Н.С. Рысюкевич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2008. – № 2. – С. 169–188.
2. Котляров, И.В. Формирование лидерских качеств как целенаправленный и управляемый процесс // И.В. Котляров, Н.С. Рысюкевич // Адукацыя і выхаванне. – 2007. – № 9. – С. 3–7.
3. Кривцун-Левшина, Л.Н. Социология физической культуры и спорта / Л.Н. Кривцун-Левшина, И.В.Котляров. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. – 269 с.

В.Э. Смирнов

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК АНТИТЕЗА ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

В противовес западному гражданскому обществу применительно к постсоветским странам (России, Беларуси, Украины и др.) имеет смысл говорить о гражданственности. Несмотря на определенную схожесть терминов, основные принципы гражданственности скорее противоположны идее гражданского общества.

Если гражданское общество мы понимаем как формы и способы конкуренции частных интересов в сфере политического, то гражданственность это сложное понятие, тре-

бующее своей экспликацией. Сам термин «гражданственность» в русском языке заимствован (Citizenship, Staatsbewußtsein), но, как и многие иные общественно значимые понятия, получил в контексте отечественной культуры особый, специфический смысл.

На Западе понятие «гражданственность» обычно связано с гражданством, с чертами и качествами «доброго» члена гражданской общины. Дж. Мердок [1] акцентирует свое внимание на «культурной привычке» и факторах, управляющих процессом ее формирования. Культурные привычки и традиция, принятые в определенном социальном контексте, создают условия доверия, сотрудничества, взаимодействия. Они и характеризуют собой гражданственность индивидуума, выступающую важнейшим фактором в процессе межличностных отношений. А. Смит [2] в качестве нравственной основы «цивилизованного общества» принимает «естественную симпатию», которая, впрочем, естественна только в «цивилизованном обществе». Как подчеркивает Сильвер, рассуждая о социологии А. Смита: «Возникающий в следствии сложного функционирования механизмов взаимодействия и рефлексии контроль за поведением друг друга является одновременно и источником морального поведения и его прототипом. Симпатия придает умеренность идеям и манерам и обуславливает развитие в высшей степени демократического чувства братства» [3].

Вот это последнее он и соотносит с гражданственностью. Л. Уайт рассматривает гражданственность в контексте своей концепции «символатов», т.е. символизированных межличностных отношений, которые и являются культурой.

Как бы там ни было, несмотря на видимую оригинальность различных подходов, понятие гражданственности в рамках западной культуры в конечном счете можно свести к определению Э. Гидденса, определившего свойства гражданственности как «совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов, «закрепленных» во времени и пространстве» [4, с. 371], и как институционализированных социальных ролей. Критерием гражданственности является способность индивида к выполнению социальных ролей в соответствии с установленной социетальной моделью, объективированной как декларируемые и желаемые характеристики индивида. Гражданство, есть присущее гражданину умение выполнять свою роль в гражданской общине, пользоваться правами и свободами гражданина и с чувством гражданской солидарности выполнять гражданские обязанности, добронравно относиться к согражданам, и уважать их права и свободы. Гражданственность, это, конечно, идеал, но идеал достаточно приземленный, и этим идеалом является добропорядочный бюргер или «потребитель» современности.

Существенно иные черты понятия гражданственности приобрело на отечественной почве. С самого своего появления в XIX веке гражданственность понималась через призму высоких нравственно-этических черт личности. Гражданственность в России далека от обыденности, это не повседневное состояние, и проявление гражданственности обычно требует «гражданского мужества». Человек с высоким чувством гражданственности ориентирован не на частный интерес, это ни в коем случае не добропорядочный бюргер, а тот, кто отдает все силы служению на благо народа и страны. Гражданственность требует принимать на себя ответственность за все окружающие человека беды и несправедливости. Как сформулировал А.Н. Аринин, «гражданственность, – это узы морально-духовной солидарности по ответственности за продолжение рода и российской цивилизации, если хотите, – за весь мир, всю природу и все человечество» [3]. Формулировка, конечно, далеко не научная, но вполне адекватно демонстрирующая ту специфику, которую приобрело понятие гражданственности в рамках отечественной культуры.

Наш интерес к понятию и явлению «гражданственности» связан со спецификой отечественной власти, во-первых, как иерархической, а, во-вторых, как власти, исторически основанной на обязанностях, а не правах.

Сегодня, как правило, власть противопоставляют обществу, народу, говорят об их взаимоотношении. В этом контексте находит свое место и «гражданское общество», понимаемое как самоорганизовавшееся в определенные структуры общество, противостоящее власти. Надо заметить, что подобный дискурс безусловно понимает власть как нечто отдельное от народной массы, противостоящее ему и осуществляющее функцию власти как некий особый субъект.

Можно признать, что подобная позиция имеет своим теоретическим основанием концепцию рациональной бюрократии Макса Вебера, а практически, – опыт западноевропейской цивилизации начиная от Нового времени и по сей день. В эпоху, называемую Новым временем, в странах Запада появляется профессиональная бюрократия, которая занимается исключительно тем, что осуществляет управление. Конечно, ошибкой было бы сводить всю политическую власть к власти бюрократии, однако именно ее рост, расширение компетенций и т.д. сделали бюрократическую власть чрезвычайно важной составляющей политической власти, и во многом определили понимание политической власти как автономного в определенной мере субъекта, противостоящего народу. Автономность подобной власти заключается в том, что существует отдельная, особая властная иерархия, главным образом основанная на бюрократической вертикали, и она не совпадает с общественной иерархией, или правильно сказать, пирамидой.

Однако, по нашему мнению, было бы ошибкой полагать, что отношения власти и подчинения останавливаются на уровне государственной власти. Сами по себе гражданские ассоциации и иные элементы гражданского общества, зачастую в гораздо более непосредственном виде осуществляют отношения власти и подчинения, и тем самым осуществляют функцию управления.

Нужно заметить, что подобный способ властвования вовсе не является исключительным изобретением Запада. И римская империя, особенно на поздней стадии своего развития, и императорский Китай отличались подобным, бюрократическим способом организации управления. Однако, не стоит забывать, что подобный способ организации власти лишь одна из возможных форм. В средние века на Западе, в России, вплоть до середины XIX века, существовала система власти, которая существенно отличалась от «бюрократической». Суть ее заключалась в том, что она не являлась автономной по отношению к обществу, к народной массе, а в полной мере совпадала с иерархией в обществе.

Феодализм – наиболее чистая форма подобного типа организации власти. Специфика его в том, что определенное место в общественной иерархии, в отношении собственности и т.д. означало и определяло соответствующее место в иерархии властного управления. Поскольку тот или иной феодал владел определенными землями, занимал определенное место в сеньориально-вассальных отношениях, постольку он и получал определенное место во властной иерархии. Впрочем, можно сказать и наоборот, в том смысле, что место во властной иерархии определяло его право на земельное владение. Власть, имущественное господство и социальное положение обуславливали друг друга и были неразрывны.

Тот факт, что феодальная иерархия в странах классического европейского феодализма ограничивалась благородным сословием, ниже которого находилась масса населения, лишенная и собственности (основной собственности феодального общества – земли) и власти, определял противостояние классов, а не народа как такового и власти.

В еще более законченном виде подобная система властвования встречается в России в московскую эпоху, когда иерархия власти вовсе не ограничивалась благородным сословием, а распространялась на все общество. Причинами тому были как определенный тип отношений, называемый «служилым характером» московского госу-

дарства, так и тем, что благородное сословие еще не отделилось резко от народной массы, регулярно рекрутировалось из нее, да и сама народная масса, или «черный люд» по терминологии того времени, была организована на «служилых» основаниях и тем самым включалась во властную иерархию, распространяемую сверху до низу.

Служилая система в своей основе имела не права тех или иных социальных групп, а их обязанности, их ответственность. Определенные обязанности и ответственность по необходимости обеспечивались соответствующими ресурсами, что и определяло место во властной иерархии, как и определяло власть в России сверху донизу.

Как следствие, разговор о противостоянии общества и власти, о способах самоорганизации общества в этом противостоянии вообще теряет всякий смысл, ибо власти в обществе, автономной от общества, попросту не существует.

Однако изменения в русском общественном устройстве начиная с XIX века потребовали и у нас создания слоя профессиональной бюрократии, хотя бюрократия в России никогда не достигала численности, подобной бюрократиям западных стран, и не становилась достаточно автономной. Таким образом, бюрократическая вертикаль всегда в значительной части совпадала с общественной пирамидой.

Нужно заметить, что система рациональной бюрократии, охватывающей все общество сверху донизу, собирающаяся до самых мельчайших его частиц, слишком тяжела, слишком дорого Левиафан обходится любому обществу. Если таким, бюрократическим способом вполне можно осуществлять управление в центральных зонах социального управления, то общественной периферией, системой периферических отношений в обществе, бюрократия адекватно управлять не в состоянии. Таким образом, проблема периферического управления встает перед любым обществом, вышедшем на стадию бюрократической автономии власти. Как это видно на примере современной России, отсутствие систем власти, систем управления в тех или иных периферийных сферах общественной жизни, приводит к параличу общества, разрушает его управляемость, нарушает социальный порядок, несмотря ни на какую твердость бюрократической «вертикали». Любое общество исторически дает свое разрешение вышеописанной проблемы. Западное общество организует такие периферийные отношения управления, власти и подчинения в виде гражданского общества, где система работает за счет постоянной конкуренции (борьбы и сотрудничества) властных звеньев за сферы компетенции, что идеологически выражается в борьбе (сдерживании) элементов «гражданского общества» с центральной властью и между собой. (Хотелось бы заметить, что экспоненциальный рост бюрократии в западных странах говорит о кризисе гражданского общества, а не о его расцвете).

Отечественная же цивилизация дает иной ответ, такой как «гражданственность». Как и служилая/тягловая система организации русского общества на заре его истории, гражданственность прямо связана не с правами, а с обязанностью и ответственностью. Гражданственность, по нашему мнению, это способность личности, вне зависимости от своего социального положения, взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния. Принятие на себя ответственности и соответственных обязанностей, означает приятие на себя власти в указанной сфере. Именно благодаря гражданственности в «хорошем обществе» русской цивилизации, организуется вся система периферического управления, аналогичная «гражданскому обществу» Запада.

Впрочем, конечно, для организации «хорошего общества» недостаточно гражданственности со стороны людей. Необходима еще способность государства этой гражданственностью воспользоваться, т.е. своевременно наделять ресурсами, и что наиболее важно, легитимностью того, кто принял на себя ответственность и соответственные обязанности в проблемной ситуации.

В отечественном обществе легитимность идет не снизу вверх, а сверху вниз. Как следствие, любая гражданственность может выглядеть самозванчеством без наделения легитимностью со стороны высшей власти. В то же время отказ от наделения легитимностью со стороны власти в глазах народа выглядит несправедливостью, если действия лица, взявшего на себя ответственность, очевидно, направлены на благо людей и страны.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

1. Перед обществом, в котором появляется автономная властная иерархия в виде рациональной бюрократии, возникает проблема периферического управления и в разных обществах она решается по-разному. Если на Западе проблема решается посредством «гражданского общества», реализующего отношения управления, в рамках российской цивилизации проблема разрешается за счет «гражданственности».

2. Для реализации гражданственности требуется не только ее воспитание у граждан, но и активное встречное движение со стороны власти.

Список литературы

1. Мердок, Дж. Анталогия исследований культуры / Дж. Мердок. – СПб., Ун-т, 2006.
2. Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997.
3. Капустина, З.Я. Гражданственность как явление культуры / З.Я. Капустина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru.pdf>.
4. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005.

О.В. Мороз

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно*

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ВУЗА

Среди особенностей нового тысячелетия можно отметить осознание значимости образования и образованности, что оказывает влияние и на устойчивое развитие общества, и на преодоление проблем, с которыми оно сталкивается, и на возможность дать ответ на вызовы информационного общества. Все более очевидным становится тот факт, что только профессионалы могут обеспечить выживание общества, возврат к национально-культурным традициям и полноценным контактам с другими странами и народами.

Образование в современном мире в значительной мере становится основой социально-экономического прогресса. Эксперты утверждают, что уже сегодня различия между развитыми и развивающимися государствами только на одну треть обусловлены различием в экономике, а на две трети – различием в уровне и качестве образования. Именно поэтому в Республике Беларусь образованию уделяется самое пристальное внимание. Современная система образования развивается в условиях глобализации, которая охватывает все области образовательных услуг, вовлекая при этом в процессы взаимодействия национальные системы и институты. Современный мир очень динамичен: новые информационные технологии, доступность и широкие возможности всемирной сети, возрастающее значение образования, все это вызывает изменения и в системе образования. Оно приобретает действительно инновационный

характер: изменяются не только средства, формы, технологии, но также процессы и структуры. Понимание важности образования на современном этапе позволяет определять основные направления образовательных процессов отдельных регионов и мирового образовательного пространства в целом.

Образование представляет собой процесс изменения и воспитания человека, придания ему новых качеств и свойств, которых не было ранее. Основной задачей высшего образования было и остается формирование специалистов, не только способных разрабатывать и использовать методы и средства труда в определенных областях деятельности, но и людей, умеющих действовать и применять полученные знания в новых условиях – условиях конкурентной рыночной экономики. Конкурентоспособность человека на рынке труда определяется отношением его качества и стоимости (потребляемыми ресурсами).

Качество специалиста связано с его свойствами, относящимися к способности удовлетворять имеющиеся или предполагаемые потребности социально-экономической системы. Законы конкуренции требуют высокой адаптивности к требованиям рынка и непрерывного совершенствования человека во всех областях деятельности в разрезе идей и принципов всеобщего качества. Именно таких специалистов призван готовить вуз.

В XXI веке системе образования необходимо соответствовать не только требованиям государственных образовательных стандартов, но и социальным потребностям и ожиданиям потребителей услуг, основные из которых представлены ниже. Данные особенности отражаются, в первую очередь в социальных аспектах качества образования.

Потребители	Основные потребности и ожидания
Внутренние потребители	
Абитуриенты, студенты и их семьи	Знания, навыки, возможность достижения личных и профессиональных целей, удовольствие от обучения, дополнительные услуги, своевременная реакция на возникающие вопросы
Персонал вуза	Достойная заработная плата, профессиональный рост, удовлетворение от работы и интерес к ней, обеспеченность необходимыми ресурсами всех рабочих процессов
Руководство факультетов, кафедр	Ясное, четкое руководство, непрерывное улучшение качества работы, обмен информацией, кооперация и взаимодействие
Администрация вуза	Соответствие качества образовательных услуг и научно-исследовательской деятельности установленным критериям, нормам и стандартам.
Внешние потребители	
Работодатели	Компетентные, работоспособные, адаптированные работники необходимых специальностей
Государство и общество в целом	Компетентные, социально-адаптированные работники и политически активные граждане, лидеры и руководители
Министерство образования	Соответствие предоставляемых образовательных услуг установленным требованиям, критериям и стандартам
Выпускники вузов	Гордость за свой вуз, возможность продолжить образование или найти хорошую работу

У каждого потребителя услуг высшей школы свои взгляды на ценность выпускников вуза и свои требования к допустимым затратам на выпуск этой «продукции». В эпоху глобализации потребителем образования становится все общество в целом. Стоит отметить, что возросшее многообразие студенческой аудитории требует от преподавателей навыков межкультурного общения, специфических методик и техник преподавания. Иностранные студенты обеспечивают существенный прирост бюджета, помогают обмену технологиями и знаниями. Студенты получают так же опыт меж-

культурных коммуникаций, который является также одной из необходимых компетенций специалиста.

Существующие социально-экономические условия ориентируют учреждения образования на рынок труда, что в свою очередь приводит к коренным изменениям самого университетского образования, добавляя в него рыночные элементы и отношения.

Система образования сегодня должна не только отвечать всем вызовам современности, к которым можно отнести: экологические угрозы, низкий уровень нравственности, повышенный стрессовый уровень людей и др., но во многом даже опережать их. Современное образование это не только сфера человеческой жизнедеятельности, но и определенный, достаточно активный способ развития. Инновации и образование создают уникальный социальный механизм формирования самого ресурса развития. В первую очередь речь идет о средстве или способе развития образования.

Белорусская модель развития высшего образования не остается в стороне от глобальных мировых тенденций. Переход на двухуровневую модель и сопутствующие процессы позволяют сохранять университеты как центры формирования личности и обеспечения духовного уровня развития социума.

Инновации в системе образования, связанные с социальными ценностями и ожиданиями личности, обусловлены потребностью в социальном комфорте, который является оптимальным в условиях, обеспечивающих безопасность личности.

Решение, в том числе, социальных вопросов качества образования может способствовать воспитанию высокоинтеллектуальной и самосовершенствующейся личности с достаточным уровнем социальной ответственности. Для этого целесообразно уделять внимание инновациям как существенному элементу развития системы высшего образования.

Инновации состоят в том, что в систему управления качеством высшего образования включаются факторы, обеспечивающие безопасность личности в различных аспектах, учет которых позволит сделать высшее образование более комфортным для всестороннего гармоничного развития. В системе образования в современном мире присутствует разное рода противоречия и в первую очередь противоречия между потребностью студентов и преподавателей в условиях образовательного процесса и недостаточным уровнем качества этих условий; запросами современного общества в специалистах, способных оптимально адаптироваться в социуме и недостаточной эффективностью процесса социализации студентов. Данные аспекты в большинстве характеризуют проблему, заключающуюся в раскрытии существующих противоречий между объективной потребностью в разработке и реализации инноваций в системе управления качеством высшего образования и недостаточным объемом научных знаний о технологиях, способствующих эффективному управлению качеством высшего образования. Необходимо отметить, что образование и инновация сами по себе давно и успешно выступают в качестве предмета социально-философского и социологического, экономического исследования.

Философы и педагоги разрабатывали подходы к совершенствованию общества путем развития системы образования. Я.А. Коменский в своих трудах постоянно обращался к причинам пороков человеческого общества и путям их устранения, главным из которых он считал правильно организованное воспитание. Достаточно ценна педагогическая идея, высказанная Ж.-Ж. Руссо о важности условий образовательного процесса. Социальный комфорт процессов обучения и воспитания – это необходимое условие для совершенствования личности. Разработка и реализация социальных инноваций в системе управления качеством образования в высших учебных заведениях будет способствовать достижению такого идеала путем постоянного совершенствования условий для духовного, социального, физического развития личности. Сама проблема создания

эффективных условий для процессов обучения и воспитания, отвечающих требованиям современной личности требует дальнейшего теоретического осмысления.

Управление качеством образования связано с созданием условий для духовно-нравственного совершенствования личности. Данную проблематику рассматривают Л.А. Байкова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина, Е.Н. Шиянов, Т.Л. Шишова, А.Б. Рогозянский и др. Сегодня важно исследовать проблему качества образования с точки зрения учета принципов гуманизации процессов обучения и воспитания. Эти вопросы отражены в трудах Л.А. Ширяева, А.Б. Курлова, В.Н. Стегний и др. Социологические проблемы образования находятся в поле внимания А.И. Осипова, В.В. Тумалева, Н.Д. Сорокиной, С.Т. Шацкого, Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчевой, В.В. Серикова, Г.Е. Зборовского, Е.А. Щуклиной и др. Если говорить о инновационной деятельности, ее то различные направления исследуют Г.Д. Никредин, Г.Т. Галиев, Н.И. Бушин, Р.Р. Кабилов, С.И. Кубицкий, В.Д. Голиков, В.А. Швандар, В.Я. Горфинкель и др. Учеными, представляющими различные отрасли научного знания, создана солидная теоретико-эмпирическая база для разработки вопросов, связанных с инновациями в образовании.

Современному вузу необходимо выстраивать свою образовательную концепцию таким образом, чтобы создавать условия для становления и развития личности, способной разрешать проблемы различного уровня, стремящейся в своей жизнедеятельности ответственно подходить к решению вопросов.

Согласно теории функционализма (Э. Дюркгейм, Г. Спенсер), образование можно рассматривать, не как процесс, а как систему, имеющую иерархическую структурность взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет свою функцию. Система образования может более эффективно решать такие проблемы личности, как: проблема гармонизации развития; профилактика асоциального поведения личности; проблема воспитания ответственности и т.д. Представители субъективного направления в социологии (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков и др.) рассматривали личность как основную единицу общества, как критически мыслящего, творческого человека, деятельность которого способствует развитию общества.

Образование в сегодняшнем понимании это чаще всего подсистема общества, создающая условия для всестороннего гармоничного развития личности; социальный институт, деятельность которого направлена на содействие личности овладению системой компетентностей. Сам термин «качество образования» означает способность системы образования отвечать потребности личности в овладении системой компетентностей и социальному заказу общества и государства. Качество образовательной системы означает в первую очередь качество ее целей и норм, условий, самого образовательного процесса, конечных результатов.

Управлять качеством образования, означает осуществлять организационное, направленное на достижение оптимальных результатов воздействие на процессы обучения и воспитания, способствующее всестороннему гармоничному развитию личности. Само же развитие системы управления качеством высшего образования с помощью усовершенствования условий процесса обучения и воспитания личности, можно рассматривать как инновационный процесс.

Такие особенности инновационной деятельности, как высокий экономический потенциал, уникальность инноваций, высокая степень риска, вызывают необходимость всестороннего ее изучения, для этого анализируется механизм управления инновациями: осуществляется прогнозирование социальных инноваций в вузе, представляющее собой нахождение наиболее вероятных и перспективных путей повышения качества образования. Также реализуется планирование социальных инноваций, предполагающее соблюдение ряда принципов (приоритетность, непрерывность инноваций, комплексность планирования).

Для конкретизации развития вуза анализируется внешняя среда, в том числе непосредственные контактные аудитории (потребители, как научной продукции, так и образовательных услуг); посредники (финансовые, торговые, маркетинговые, государственные образовательные структуры, конкурирующие вузы); опосредованные контактные аудитории (средства массовой информации, общества потребителей). Анализ внутренней среды вуза включает инновационный потенциал; научно-образовательную деятельность; уровень профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава; организационную структуру; культуру и образа вуза. Такой анализ дает представление о внутренних источниках и возможностях инновационного развития вуза, о характере и степени риска инновационной деятельности. Затем осуществляется идентификация потребности в социальной инновации, означающая определение социальной инновации и правильную формулировку, которая позволяет выработать комплекс мер, повышающих эффективность функционирования вуза при удовлетворении потребности в инновации. Для этого проводятся социологические исследования, способствующие выявлению ценностей, потребностей и ожиданий студентов. Исследуются также некоторые противоречия, связанные с качеством образования, а именно: противоречия между ожиданиями потребителей образовательных услуг и представлениями руководства; противоречия между представлениями руководства и требованиями к качеству образования; противоречия между требованиями к качеству образования и качеством образовательного процесса; противоречия между качеством образования в вузе и внешними коммуникациями; противоречия между восприятием образовательного процесса и ожиданиями относительно качества процессов обучения и воспитания.

Важно также определить критерии выбора альтернатив инноваций. Для усовершенствования условий образовательного процесса ориентируются на компетентностный подход и следующие компетентности: компетентность здоровьесбережения; компетентность ценностно-смысловой ориентации в мире; компетентность интеграции; компетентность гражданственности; компетентность самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития; компетентность социального взаимодействия; компетентность в общении; компетентность познавательной деятельности; компетентность предметной деятельности; компетентность информационных технологий.

Личность студента анализируется в качестве объекта и субъекта социальных отношений, возникающих в образовательном процессе. Наиболее важные компоненты процессов обучения и воспитания детерминируют специфические социальные условия жизнедеятельности студентов. Личность воспринимает только те стороны социальной жизни в вузе, которые отвечают ее социальным потребностям. В ходе осуществления инновационных технологий в задачу менеджеров по качеству образования входит также контроль над исполнением управленческих решений.

Для постоянного усовершенствования системы управления качеством высшего образования, важно изучать проблематику спроса и предложения на рынке образовательных услуг по таким направлениям, как: доля рынка, занимаемого вузом и его конкурентоспособность; разнообразие и качество образовательных услуг; рыночная демографическая статистика; эффективность исследований и инновации в вузе; социально-психологическая поддержка абитуриентов, студентов и выпускников вуза; реклама и информирование общественности об образовательных услугах вуза; прибыльность.

Управление качеством образования в вузе строится на следующих принципах: слежения, предугадывания новых потребностей, новизны. Анализ информации, связанной с потребителями образовательных услуг, в первую очередь студентами, способствует эффективной управленческой деятельности по таким направлениям, как изучение образовательного рынка (мирового, национального, регионального); организация рекламной-информационной работы с потенциальными студентами; определение ожиданий и удовлетворенности студентов качеством образования.

Образовательный процесс в вузе должен быть построен на фундаменте идей устойчивого развития общества. Управление качеством инновационного образования соответствует основным функциям менеджмента: прогнозированию, планированию, организации, мотивации, учету, контролю, анализу, оценке и координации.

Производительность образовательной деятельности высшего учебного заведения – показатель изменения качественного образовательного уровня у выпускников по сравнению с уровнем только поступивших в вуз. Производительность деятельности высшего учебного заведения складывается из эффективности и результативности. Результативность можно измерить методом сравнения намеченных целей и реального достижения оных. В целом, деятельность вуза можно назвать эффективной, если: количество и качество используемых ресурсов (материально-технических и временных) оправдывает вложенные средства и дает «образовательный продукт» высокого качества. Если достигнуто оптимальное сочетание таких процессов, как обучение, воспитание, социально-психологическая поддержка студентов, оздоровление студентов, профилактика различных заболеваний и др. Инновационное развитие вуза должно осуществляться в соответствии с международными стандартами качества ИСО серии 9000:2000, в основу которых положены принципы управления качеством: ориентация на потребителя, лидерство, вовлечение персонала, процессный подход, системный подход, непрерывное улучшение, подход к принятию решений на основе фактов.

Создавая условия для образовательного процесса, важно помочь гармоничному развитию личности на трех уровнях: духовном, психологическом, физиологическом. В целом, гармоничное всестороннее развитие личности – показатель социального здоровья, позволяющий человеку успешно самосовершенствоваться. Построение модели вуза с образовательной концепцией, способствующей укреплению здоровья студентов и преподавателей, осуществляется на основе научно-обоснованных принципов не нанесения вреда, приоритета действенной заботы о здоровье студентов и преподавателей, системного подхода к здоровью, комплексного подхода к организации здоровья сберегающих образовательных технологий.

При внедрении инноваций можно анализировать такие показатели развития вуза, как: рост количества филиалов, повышение качества образования; повышение качества трудовой жизни работников вуза (в первую очередь профессорско–преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала); прибыльность; увеличение доли на региональном рынке образовательных услуг; использование передовых технологий в области исследований и обеспечение качества образования; эффективное прогнозирование и понимание «завтрашних» проблем; разработка технологий для удовлетворения образовательных потребностей студентов; высококвалифицированный и мотивированный преподавательский состав; позитивная рабочая среда; установление стандартов качества образования и ряд других.

Таким образом, можно говорить о том, что управление качеством образования является эффективным в рамках концепции стратегического управления. Инновационное развитие вуза должно осуществляться в соответствии с международными стандартами качества ИСО серии 9000:2000.

Теоретическая значимость заключается в приросте социологического знания в области исследования качества социально-комфортного высшего образования; исследовании системы компетентностей личности, которые отражают требования социально-комфортного образования; разработке методики социально-комфортного образования; разработке методики социологического исследования социальных инноваций в системе управления качеством высшего образования; анализе особенностей реализации социальных инноваций в системе управления качеством высшего образования. Полученные теоретические положения создают предпосылки для проведения даль-

нейших научных разработок по таким проблемам, как: повышение качества образования в высшем учебном заведении; создание новых форм повышения конкурентоспособности вузов и др.

Список литературы

1. Алексеенко, В. Социально-философский смысл категории «система управления качеством образовательной деятельности вузов» / В. Алексеенко // Власть. – 2008. – № 8. – С. 53–56.
2. Белова, С. Н. Управление качеством образовательного процесса в вузе на основе мониторинга удовлетворенности потребителей образовательными услугами / С.Н. Белова // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2008. – № 1. – С. 22–29.
3. Веденяпин, И. Э. Оценка качества образования: мировой и отечественный опыт / И.Э. Веденяпин, Н.В. Курагина // Инновационные образовательные технологии. – 2007. – № 2. – С. 58–68.
4. Ветрова, А. А. Рейтинговая методика в основе мониторинга и управления качеством образования / А.А. Ветрова, Р.В. Музыченко // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 7. – С. 8–10.
5. Герасимов Г.И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы / Г.И. Герасимов, Л.В. Илюхина. – Ростов н/Д: НМД «Логос», 1999. – 136 с.
6. Жук, А. И. Управление качеством образования в университетах / А.И. Жук // Высшая школа. – 2003. – № 2. – С. 21–26.
7. Клокова О.С. Система негосударственного высшего образования в условиях модернизации образования в России: материалы российской научно-практической конференции (январь – май 2003 г.). – Уфа: Восточный университет, 2004. – С. 190–192.
8. Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом: материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2008. – 316 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	3
Бабосов Е.М. Создание новой архитектуры мироустройства на путях преодоления глобального кризиса	3
Котляров И. В. Республика Беларусь в зеркале социологии (социокультурные и политические аспекты)	7
Беспамятных Н.Н. «Пограничные исследования»: генезис, эволюция, перспективы	12
Камунтавічус Р. Памежжы Еўропы: Жмудзь вачыма заходнееўрапейскіх падарожнікаў XVI – XVII стст.	15
Мірановіч Я. Грамадскі і сацыяльны фактары ў працэсе фарміравання тоеснасці праваслаўнага насельніцтва Беластоцчыны	23
Кононов И.Ф. Восточная граница Украины: практики власти и жизненный мир	27
Соколова Г.Н. Рынки труда регионов Республики Беларусь: анализ занятости и безработицы	34
Раздел 1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	46
Бусько И.В. Телесное и духовное в современном информационном пространстве	46
Данилова Е.А. Современная молодежь Республики Беларусь в аксиологическом измерении	48
Лукьянова Л.И. Социокультурные детерминанты проектирования профессиональной стратегии студентами медицинского вуза	50
Карпинский В.В. Социально-философские аспекты понимания финансово-экономического кризиса	53
Подгайская Л.И. Платформа «диалог Евразия»	55
Кривощёкий Г.М. Приоритеты социокультурного развития в условиях трансформации белорусского общества	59
Кобяк О.В. Социологический анализ экономической культуры сельских жителей (на примере Минской области)	63
Козловская Н.В. Междисциплинарный синтез в современном социогуманитарном знании	66
Хузеева Т.В. Гражданское общество в социологическом осмыслении	70
Ображей О.Н., Подвальская В.С. Тенденции изменения самосохранительного поведения населения в современном мире	73
Комарова И.К. Социальные доминанты в условиях глобализации	76
Рыбчак С.В. Ценностные ориентации и социально-психологическое самочувствие личности в условиях трансформирующегося общества	78
Тарасов В.С. Динамика социально-экономической ситуации Беларуси в условиях глобального кризиса	80
Мельник Н.Н. Национальная идея как социокультурный базис объединения нации	83
Раздел 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ	86
Котляров И.В. Национальная социология перед глобальным вызовом: концептуальные аспекты	86
Смолиц А.И. «Культурная конфигурация» как аналитический инструмент исследования пограничья	88
Бреская О.Ю., Бреский О.В. Концептуализация пограничья в социальных исследованиях	92

Можейко М.А. Креативный потенциал культурного пространства пограничья	94
Ватыль В.Н. Политическое пространство региона: структурно-функциональный подход	98
Донских С.В. Пограничье как проблема современной белорусской науки ..	102
Цыбульская Н.В. Границы и пограничье в современных социокультурных исследованиях	105
Ładysz J. Stan i dynamika spójności terytorialnej obszarów transgranicznych – zarys problematyki	107
Мазько Э.А. Даследаванне этнаканфесійных праблем у памежжы і выкарыстанне яго матэрыялаў у навучальным працэсе	110
Кушнир А.И. Об этнической принадлежности населения белорусского понеманья по материалам «каменных могильников»	116
Пыско А.І. Мясцовае дзяржаўнае кіраванне ў Вялікім княстве Літоўскім	119
Kamuntavičienė V. Życie na pograniczu: katolickie parafie dekanatu olwickiego według aktów wizytacji 1668 roku	122
Худяков А.В. Становление и развитие многопартийности в странах Балтии (конец XIX – первая треть XX века)	126
Савков А.А. История «Литвы», «Белоруссии» и «Западной Руси» в составе ВКЛ в концепции Н.А. Рожкова	129
Гарматны В.П. Сельская гаспадарка палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. ...	133
Матус І. Sprawa deklaracji duchownych unickich o gotowości przejścia na prawosławie na konfesyjnoetnicznych pograniczu w latach 1836–1839 w obwodzie Białostockim	136
Раздел 3. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	
Зеленков А.И. Идея устойчивого развития и перспективы польско-белорусского сотрудничества в сфере экотуризма	144
Карев Д.В. Информационно-ресурсный потенциал историко-культурного наследия белорусско-литовско-польского пограничья как фактор развития историко-культурного туризма в субрегионе (проблемы изучения и использования)	146
Рапецкая С.И. Особенности воспроизводства рабочей силы в пограничном регионе	150
Таранова Е.В. Социальное неравенство в Беларуси: региональный аспект ...	153
Кавецкий С.Т. Некоторые тенденции развития «челночного движения» в формировании социально-стратификационной структуры белорусского общества	155
Пыльский В.В. Рейдерство: региональный аспект	159
Печерский В.В. Юридическая помощь субъектам иностранных государств на пограничье	161
Рындова О.Н. Формирование логистической системы в Республике Беларусь	164
Хомич Н.В. Перспективы паломнического туризма на Гродненщине	166
Цюхай М.В. Потенциальная текучесть кадров в проектных организациях строительной отрасли Беларуси как индикатор уровня трудовой адаптации ИТР (на примере г. Гродно)	171
Бурминский Д.А. Социальные аспекты в формировании культуры пожаробезопасности населения Гомельского региона на анализе социально-экономической характеристики и показателей различных видов опасности	174
Юргель Н.В. Проблемы формирования организационной культуры на предприятиях Гродненской области (на примере ОАО «БелКард»)	177
Концеал Е.В. Сегментация рынка медицинских услуг в Гродненской области	180

Палховская Е.Б. Опыт эмпирической типологизации экономического поведения занятого населения Беларуси	182
Ипатова О.В. Экономическое сотрудничество приграничных регионов Европейского Союза	185
Сечко Н.Н. Занятость населения в регионах Беларуси	188
Байдачная А.В. Венчурные фонды в системе общественных отношений (социокультурные аспекты)	192
Раздел 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ	195
Боярчук Т.Н. Конструирование этноконфессиональной толерантности в условиях пограничья	195
Бородич А.А. Сохранение национальной идентичности в условиях унификации культуры	198
Харитонов И.Н. Проявление процессов мировой глобализации в Беларуси и их влияние на национальную идентичность	203
Бубнов П.В. Церковь без границ: проект создания «Православного Ватикана» и его последствия для межконфессиональных отношений в СССР (1943–1948)	205
Кириенко В.В. Этноконфессиональные процессы в белорусском пограничье как фактор формирования менталитета белорусов	211
Ганчар А.И. Отождествление католицизма и «польскости» в Беларуси во второй половине XIX века	214
Гурский В.Е., Янушевич И.И. Влияние изменения государственной границы на развитие конфессиональной ситуации в Беларуси (1917–1941) ...	217
Карева А.Д. Белорусская национальная идентичность в западноевропейском культурном контексте (белорусская диаспора и проблемы белорусской культуры в Великобритании во второй половине XX в.)	220
Токць С.М. Этнаканфесійнае памежжа ў святле мікрагістарычнага аналізу (метадычныя пытанні вывучэння Берштаўскай пушчы)	223
Соркіна І.У. Мясцічкі Беларусі як феномен этнаканфесійнага і культурнага памежжа (на прыкладзе Капыля)	229
Балич Н.Л. Теоретические аспекты социологического исследования религиозной идентификации	235
Лашук И.В. Участие белорусских поляков в деятельности национально-культурных центров и общественных объединений	237
Леверовская Я.В. Факторы формирования этнического самосознания поляков Беларуси	240
Науменко Л.И. Этнические автостереотипы в содержании белорусской идентичности	243
Раздел 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ ПОГРАНИЧЬЯ ..	
Рабцевич В.В. Малые и средние города как фактор развития белорусско-польского пограничья	246
Русакова В.Л. Особенности формирования повседневной еврейской культуры в местечках в условиях пограничья	249
Koralewski J. Polsko-niemiecka współpraca transgraniczna w latach 90-tych XX wieku na przykładzie euroregionu Pro-Viadrina	251
Дорошевич Э.К. Диалог культур и тезаурусный анализ проблем пограничья	255
Проценко О.Э. Польская книга на белорусском пограничье в XIX в.	256
Богущ Т.А. Социокультурная адаптация армянской диаспоры на пограничье	260

Брусевіч А.А. Іншаземцы вачамі беларусаў: фальклорныя вобразы і іх рамантычная інтэрпрэтацыя	264
Лебецкий В.С. Музыкальная жизнь Гродненщины XIX века в социально-историческом аспекте	267
Раздел 6. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОГРАНИЧЬЕ	272
Рычкова Л.В. Моўныя стэрэатыпы як адлюстраванне сацыяльных працэсаў на памежжы	272
Воінава А.М., Палуян А.М. Найменні посуду ў гаворках гомельскага памежжа	274
Вярбіцкая В.І. Увасабленне традыцый рускай і ўкраінскай літаратуры ў творчасці Якуба Коласа	277
Станкевіч А.А. Каляндарна-абрадавая лексіка на тэрыторыі беларуска-рускага памежжа: святы зімовага цыклу	279
Новак В.С. Асаблівасці абрадавага фальклору бранска-гомельска-чарнігаўскага памежжа	282
Lojko M.O. Socially oriented perspectives on ESP	285
Мазько Г.Ч. Лацінская мова як чынік міжкультурнай камунікацыі на беларускіх землях у XVI – XVII стагоддзях	286
Кузьменко Т.В. Социальное самочувствие жителей села западных и восточных регионов Беларуси	291
Соболевская О.А. Проблема преодоления культурных границ в мемуарах еврейских женщин второй половины XIX века	293
Селезнёва А.А. Проблема языка как фактора, влияющего на этническую идентичность	297
Раздел 7. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ	300
Смирнова Р.А. Факторы, способствующие адаптации сельских жителей к реформам в агросфере	300
Первачук А.А. Тенденции развития современной семьи	304
Подгайская Л.И. Социальные последствия гендерного дисбаланса в Беларуси	306
Сурмач М.Ю., Сурмач А.В. Факторы жизненного успеха учащейся молодежи Гродненского региона	310
Чарнякевіч І.С. Жыццёвыя перспектывы палескай вясковай моладзі ў II Рэчы Паспалітай	314
Ładysz I.M. Przemiany demograficzne w dolnośląskim regionie przygranicznym ..	317
Бабосова Е.С. Специфика адаптации молодежи к социально-политическим процессам как фактор устойчивого развития белорусского общества	320
Лукашова О.Г. Аксиологические приоритеты современной молодежи в профессионально-трудовой сфере	324
Гилевская Л.П. Региональные особенности социального самочувствия населения Беларуси	326
Раздел 8. ОБРАЗОВАНИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПОГРАНИЧЬЕ: МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ	331
Комар В.Н. О влиянии образования на развитие социальных и культурных связей приграничья	331
Мысливец Н.Л. Региональный университет: традиции и новации	332
Анохина В.В. Приоритеты экологического образования в контексте польско-белорусского трансграничного сотрудничества	334

Колоцей М.Я., Улейчик Н.Л. Государственная политика Республики Беларусь в области национального образования национальных меньшинств в 90-е гг. XX – начале XXI вв.	337
Тищенко Е.М., Лесько Е.С. Студенты специальности «Сестринское дело» о работе за границей	340
Гліна В.М. Аб асабліваасцях інавацыйнай адукацыйнай прасторы ў памежным рэгіёне	342
Богданова И.Ф. Электронные научные журналы в системе современных научных коммуникаций	344
Шухатович В.Р. Отношения «врач-пациент»: сближение медицинского и социологического подходов	346
Прудко Т.М. Взаимодействие студенческой молодежи стран пограничья в решении проблемы свободного времени	348
Железко Б.А., Подгорная Г.Н. Европейская кредитно-трансфертная система как фактор повышения пограничной конкурентоспособности образовательных услуг	352
Кройтор С.Н. Трансформация образовательных практик в современном мире	355
Злотников А.Г. Пограничье в системе социологического знания	357
Андрос И.А. Социокультурные предпосылки становления предпринимательства в Беларуси: историко-социологический анализ	361
Раздел 9. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	365
Хаматов Д.А. Волновая концепция Алвина Тоффлера в условиях современного общества	365
Зданович В.В. К вопросу о категориальном аппарате исследований повседневности на пограничье	367
Мисюкевич А.В. Нормативная база деятельности братств и сестричеств Гродненской православной епархии (1994 – 2009)	369
Кузьмицкая В.Г. «Гендер»: к вопросу о терминологии	373
Щербинин С.Н. Национальная идентичность жителей пограничья	376
Беняш А.В. Тематика исследований в рамках Border Studies	379
Бутько В.Н. Новые подходы к изучению локальной истории	380
Мартинovich М.И. Пограничье как фактор трансграничного сотрудничества в сфере туризма: опыт стран Центральной и Восточной Европы	383
Шнипко А.А. Формирование системы профессиональной ориентации молодежи в белорусско-польском пограничье	386
Носова А.А. Организация приема репатриантов в приграничных областях БССР	388
Швец М.О. Трансграничное сотрудничество как фактор инновационного развития региона	391
Рышкевич О.И. Выходцы из Беларуси в истории Израиля	394
Себенко А.В. Фамилии понемонья: история фамилии Дучек	396
Рысюкевич Н.С. Социологические модели лидеров в спорте и политике ...	398
Смирнов В.Э. Гражданственность как антитеза гражданскому обществу	402
Мороз О.В. Инновационная деятельность в системе управления качеством вуза	406

Научное издание

НАРОДЫ, КУЛЬТУРЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ

Материалы международной научно-практической конференции

22 - 23 февраля 2010 г., Гродно

Техническое редактирование: *М.В. Вахмянина*

Компьютерная верстка: *О.М. Нестерчук*

Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*

Подписано в печать 22.12.2010. Формат 60 x 84/16.

Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Ариал.

Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 150 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

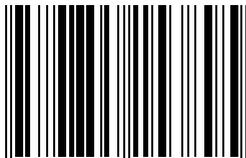
«Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.

ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.

Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-389-5

9 789855 153895 >